

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

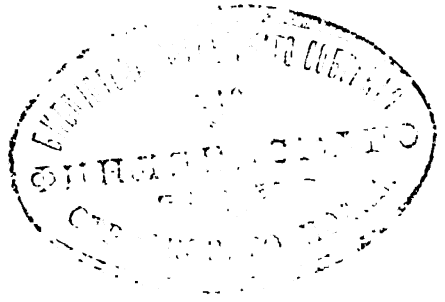
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Доволено цензурою. Кієвъ. 28-го Іюня 1888 года.

PG 3948

K87

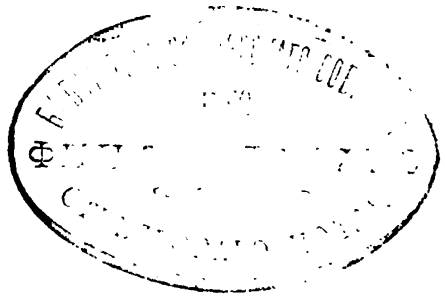
1887

v. 4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
I. Ганнуся	1.
II. Знахарь	59.
III. Ложныя понятія	87.
IV. Украинскіе дипломаты	145.
V. Ярмарка	263.
VI. Добрый панъ	347.
VII. Основаніе Харькова	369.
VIII. Малороссійская быль	421.
<hr/>	
IX. О слободскихъ полкахъ	439.
X. Украинцы	457.
XI. Городъ Харьковъ	467.
XII. Исторія театра въ Харьковѣ	497.

І.

ГАННУСЯ.

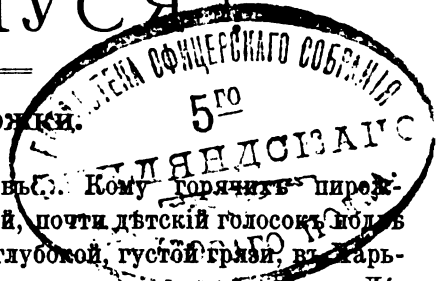
Любови Яковлевнѣ Кашинцовой

ПОСВЯЩАЕТЪ

Основьяненко.

ГАННУСЯ*

Пирожки.

«Пирожковъ, пирожко-о-вьс... Кому горячить пирожко-о-овъ?... раздавался тоненькій, почти дѣтскій голосокъ подъ моей брички, которая увязла въ глубокой, густой грязи, въ Харьковѣ, близъ Круглаго трактира, лишь только перешагали мы Лѣпанскій мостъ отъ Холодной Горы.

Положеніе мое было незавидное! Лошади, нетолько не могли дотащить меня до гостинницы, но ниже сдвинуть съ мѣста. Ити пѣшкомъ небыло никакой возможности, потому что грязь, безъ преувеличенія сказать, была по колѣна. Это случилось въ октябрѣ мѣсяцѣ; погода стояла сырая и холодная. Я отправилъ своего человѣка съ ямщикомъ на почтовый дворъ, требовать по подорожной свѣжихъ лошадей до первой станціи, а самъ остался въ бричкѣ, какъ въ заперти. Окружающіе предметы немогли привлечь моего вниманія: день былъ неторговый, и по этой улицѣ, одной изъ грязнѣйшихъ и самой шумной въ Харьковѣ по причинѣ торговъ, бывающихъ здѣсь четыре раза въ недѣлю, непроходило тогда ни одного человѣка. Простыя, неопрятныя торговки сидѣли въ своихъ высокихъ и обширныхъ лавкахъ, извѣстныхъ тогда подъ именемъ Леванидовскихъ, выстроенныхъ въ 1796 году бывшимъ генералъ-губернаторомъ Леванидовымъ. Тамъ, кучами, безъ всякаго порядка, навалентъ былъ лукъ, лёнъ, сало, мѣлъ, вохра; въ кадкахъ стояло постное масло, дѣготъ; сверху висѣли нитки, стручья краснаго перцу, крашенная шерсть... и т. п. Съ досады и скуки, голодный и перезябшій, я нехотѣлъ ничего видѣть, укутался въ своей шинели и задумался о предметѣ своего путешествія. Тоненькій голосокъ, которымъ вызывались охотники до горячихъ пирожковъ, невывелъ бы меня изъ

*) „Ганнуся“. Разсказъ Грицька Основьяненка. Харьковъ. Въ Университетской типогр. 1889. (261 in 16°). Помѣтка цензора: Сиб. Мая 3-го, 1888 г.

задумчивости, если бы я въ тоже время не услышалъ пронзительнаго крика торговки изъ сосѣдней лавки: «Гялю! Гялю!... панночко!... Чы ты глухѣ?... кѣ сюда пыриживь!...»

Тоненькій голосокъ подлѣ моей брички отвѣчалъ тихо, какъ бы нехотя: «Та заразь; бачъ, якъ кално» (видишь, какъ грязно).

— Та що-жъ тамъ! нероскыснешь! Уже и видно дворянку, бойтця нижкы закалаты (замарать).

Панночка... дворянка... что это такое? подумаль я, и любопытство заставило меня выглянуть изъ брички...

Я увидѣлъ дѣвочку лѣтъ двѣнадцати съ большими голубыми глазами, бѣленькую, румяненъкую, однимъ словомъ прекрасную, но въ затасканомъ длинномъ шушунѣ, подпоясанную грязнымъ-прегрязнымъ полотенцемъ, или какъ здѣсь называютъ рушникомъ. Маленькая ея головка повязана обрывкомъ затасканнаго полковаго платка, отъ давности потерявшаго свой цвѣтъ, изъ-подъ котораго висѣла длинная русая коса съ алою, новою лентой, вплетенной на концѣ. Въ большихъ, конечно отцовскихъ сапогахъ, увязая въ грязи, и съ большимъ усилиемъ вытаскивая изъ ней не ноги, а точно сапоги съ ногами, переходила она улицу къ кликавшей ее торговкѣ. Она несла большой горшокъ, покрытый какою-то ветошкой, которая вѣрно года два мокла въ салѣ и маслѣ.

Перетацась съ большимъ трудомъ чрезъ улицу и продавъ сколько-то изъ своего товара, дѣвочка опять пустилась къ моей бричкѣ и, утопая почти въ грязи, все припѣвала: «пирожко-6-овъ, пирожковъ!» какъ будто желая именно меня прельстить своими лакомствами.

Слышавъ, какъ ее кликали дворянкою и панночкою, не въ насмѣшку, потому что она за то несердилась, я вздумаль разспросить ее, чтó это значитъ?

«Сейчасъ я куплю у тебя пирожковъ, подожди только моего человѣка, у котораго спрятаны деньги», сказалъ я высунувшись изъ своей брички, когда она подошла ко мнѣ близко. «А какъ тебя зовуть, дѣвочка?»

«Ганнусею» отвѣчала она уныло, самымъ простымъ малороссійскимъ нарѣчьемъ, приставивъ свой тяжелый горшокъ на колесо и обдувая маленькіе свои пальчики, окостенѣвшіе отъ холоду.

— Отецъ и мать у тебя есть?

«Нѣту, только тетушка».

— Родная?

«А кто ее знаетъ, какая она? родная или неродная, а только тетушка».

— Давно ты у ней живешь?

«А тѣжъ! я у нее всегда живу, отъ-роду».

— Видно съ тѣхъ поръ, какъ мать твоя умерла?

«Нѣтъ, матушка моя не умерла, а, говорятъ, бросила меня».

— Кто-жъ была твоя матушка?

«А кто ее знаетъ? говорятъ, что благородная».

— И тетушка твоя благородная?

«Ужъ благородная!» сказала дѣвочка съ усмѣшкой и готова была расхохотаться. «Чучукалка благородная? Вотъ тебѣ разъ! развѣ вы ее никогда невидали?»

— Нѣтъ, невидаль и незнаю. Гдѣ она живетъ?

«За Нетечею».

— Въ своемъ домѣ?

«Да какой у нее домъ? хата, да и та чужая».

— Застану ли я ее дома? спросилъ я, рѣшившись отыскать ее, пока будутъ вытаскивать мою бричку, и узнать отъ ней о походеженіяхъ таинственной дѣвочки, которая возбудила мое любопытство.

«Застанете. Да зачѣмъ вы хотите ѣхать къ ней? У ней нѣтъ уже пирожковъ, а теперь она печетъ булки на-вечеръ. А пирожковъ возьмите у меня».

— Возьму, моя милая, непременно возьму, вотъ только воротится мой человѣкъ. Скажи же ты мнѣ: хорошо ли тебѣ жить у тетушки?

«А тѣжъ! Къ утру напекаетъ она пирожковъ, а къ вечеру булокъ и посылаетъ меня продавать. Коли продамъ все, такъ она меня накормитъ, а коли нѣтъ, такъ недастъ ничего, да еще и побьетъ...» сказала дѣвочка жалкимъ голосомъ и тяжело вздохнула.

Я продолжалъ ее разспрашивать и узналъ, что тетка ее живетъ въ бѣдности; Ганнусю держать только потому, что нѣкуда сбыть ее; бранить ее за то, что надо кормить, обу-

вать и одѣвать ее; бранить ее отца и мать за то, что бросили и неотыскиваютъ ее; а лишь только подростеть по болѣе, хочеть пустить ее на всѣ четыре стороны съ какими-то бумагами, что бы по нихъ она отыскала родителей своихъ.

Наконецъ мой человѣкъ воротился съ ямщикомъ и лошадьми. Я вынулъ серебряный рубль и хотѣлъ дать Ганнусѣ.

«От-такъ пакъ! У меня и сдачи нѣтъ на него. Всего товару было на сорокъ алтынъ съ золотымъ (1 руб. 40 коп.)» сказала мнѣ Ганнуся, непринимая отъ меня денегъ.

— За пирожки тебѣ особо человѣкъ заплатитъ, а это тебѣ... на башмаки... на платье... и на что захочешъ.

«Ненужно!» сказала она съ родомъ равнодушія, мило кивнувъ головкою и сдѣлавъ розовыми губками презрительную мину.

Пока человѣкъ забиралъ у нее оставшіеся пирожки и рассчитывался, я послалъ стараго извозчика за дрожками, которыя онъ мнѣ скоро и привелъ.

«Ну, поѣдемъ - же къ тетускѣ» сказалъ я Ганнусѣ, пересаживаясь на дрожки.

— «От-се-ще!» почти закричала дѣвочка: «какъ мнѣ можно съ господами ѣздить на дрожкахъ! А что люди скажутъ?»

Мнѣ пріятно было видѣть ея осторожность.

«Поѣдемъ, милая!» сказалъ я. «Ты укажешь мнѣ, гдѣ она живетъ».

— «Найдете и сами», продолжала она въ томъ-же тонѣ, тщательно завертывая полученные деньги въ трапицу.

Мадамъ Чучукалка.

«Куда прикажете, баринъ, ѣхать?» спросилъ меня извозчикъ, коего лошади съ сильнымъ напряженіемъ протянули дрожки уже на довольное разстояніе и мы находились при раздѣленіи дороги въ пять улицъ.— «За Нетечу», сказалъ я и снова погрузился въ размышленія о участи бѣдной Ганнуси.

«Ну, вотъ и Нетеча», сказалъ извозчикъ, переѣхавъ рѣку въ глубокой бродъ. «А теперь въ чей домъ?» ...Качи... чаки... кучи... ну, что дѣлать? я совсѣмъ забылъ, какъ ея фамилія! «Да что она, ваше благородіе, мадамъ что ли?»

— А кто ее знает! сказалъ я съ досадою и тѣмъ же напѣвомъ, какъ мнѣ отвѣчала Ганнуся сими же словами. Мадамъ ли она, мамзель ли, а только помню, что она печеть пирожки.

«Такъ бы мнѣ и говорили! теперь знаю. Ну, други! потяните еще немного. Мадамъ!...» продолжалъ смѣясь извозчикъ твердить, «хороша мадамъ!... Вотъ что ни лучшая булочница на весь Харьковъ», сказалъ онъ, остановившись у воротъ одного обывательскаго двора. «Да что Харьковъ! наврядъ ли и во всемъ свѣтѣ есть другая, какъ наша Піючка; ужъ какія скусныя булки печеть...»

Вошедъ въ первую комнату, я спросилъ хозяйку, не от нея ли ходить по городу дѣвочка и продаетъ пирожки?

Надобно было видѣть, какъ обидѣлась моимъ вопросомъ почтенная старушка! «Благодарю Бога, я еще недошла до такой крайности, чтобъ торговать пирожками! Я веду торгъ одними булками, и мои булки—на весь городъ, на всю губернію. Кто не знаетъ Піючкиныхъ булокъ?...» и прочее въ этомъ тонѣ продолжала, что я на силу могъ остановить похвальное ея слово своимъ булкамъ. Когда же спросилъ, не знаетъ ли же она, гдѣ живетъ тутъ же ея подруга, или товарищца, пекущая пирожки? она съ нѣкоторою гордостью сказавъ мнѣ: «намъ неслѣдъ того знать», съ презрѣніемъ отвернулась и ушла въ другую комнату, захлопнувъ за собою дверь.

Нѣчего было дѣлать; долженъ былъ въ чужомъ городѣ отыскивать незнакомую женщину, коей прозвище позабылъ. Наконецъ, послѣ безпрестанной ѣзды взздъ и впередъ, мы отыскали прозвище мадамъ Чучукалки, какъ ее величалъ извозчикъ, а потомъ и самое мѣстопробываніе ея.

«Здѣсь ли живетъ булочница Чучукалка?» спросилъ я, вошедъ изъ большихъ сѣней въ избу на лѣво. Хозяинъ, сидѣвшій за столомъ и клавшій что-то изъ тетради на щотахъ, положивъ палецъ на тетрадь, приподнялъ голову и, неотвѣчая, разсматривалъ меня.

«Извини меня, любезный, что я тебѣ помѣшаю...»

— «Ничего, ничего, это ничего», сказалъ онъ, вставая и и прибирая въ сторону свои занятія. «Скуки ради кладу дѣ-що на щотахъ. Присядьте, пожалуйста», примолвилъ онъ, указывая на чистую лавку, съ коей спѣшилъ снять свой жупанъ, сброшенный имъ видно по возвращеніи домой.

«Ты конечно грамотный?»

— «Только полуграмотный: читать и писать незнаю, но въ разсужденіи коммерціи нашей обязанъ былъ выучиться цифири и класть на щотахъ».

«А какого рода коммерція?»

— «Коммерція наша, государь мой!» продолжалъ онъ съ важностію, — «поставка полупубковъ для промышляющихъ симъ продуктомъ. Теперъ навѣдывался къ рабочимъ да, скуки ради, сталъ класть по тетради, взятой мною у пріятеля изъ питейной конторы. А вашей милости чего угодно?»

«Не здѣсь ли живетъ булочница Чучулка?»

— «Она, ваше благородіе, въ разсужденіи коммерціи, здѣся живетъ, но не скажу вамъ, дома ли она, по той причинѣ, что сейчасъ самъ вернулся. «Присинько!» сказалъ онъ обращаясь къ свѣтелкѣ, «чы незнаешъ, душко, дома наша постоянныця?»

«Вистымо, что дома», отвѣчалъ женскій пріятный голосокъ.

— Неотлучалась ли куда въ разсужденіи коммерціи своей? Пойдите-бо, посмотрите».

«Та дома, дома! я сейчасъ видѣла ее», отвѣчалъ другой голосъ, женскій же, но погрубѣе.

«Такъ пожалуйста, ваше благородіе, а можетъ... извините... и по болѣе... пожалуйста за мною въ противную хату», сказалъ болтливый хозяинъ, отворилъ въ сѣняхъ двери въ другую избу и кликнулъ: «Уліаные! вотъ, его благородіе васъ спрашиваетъ!» и уполъ, захлопнувъ за мною дверь.

Изба булочницы завалена была кадками, лопатами, ситами, рѣшетами: пройти почти было невозможно, и я на каждыхъ трехъ шагахъ останавливался, чтобы перелѣзть чрезъ скамейки, кадочки и т. под. инструменты. Наконецъ, добрался до хозяйки, мѣсившей тѣсто и не обратившей вниманія ни на провозвѣщеніе хозяина, ни даже на самое мое благородіе, предъ нее представшее.

Съ большою досадою отвѣчала она на первые мною ей сдѣланные вопросы; но когда увидѣла, что я такъ сильно интересуюсь Ганнусею, съ нетерпѣніемъ почти закричала: «а вы хотите взять ее? Вѣрно мать прислала? Сдѣлайте милость, хоть сейчасъ возьмите отъ меня эту дармоѣдку!...» и

со всею подробностію начала она рассказывать, сколько она издерживаетъ на нее, съ какимъ трудомъ сама едва кормится, и что Ганнуся еще неможегъ отработывать издерживаемыхъ на нее денегъ.... Я съ трудомъ унялъ ее и, то ласками, то просьбами, то поселеніемъ въ ней надежды получить вознагражденіе за всѣ ея издержки, отвлекъ ее отъ квашни и уговорилъ рассказать мнѣ всѣ любопытныя для меня подробности, касающіяся къ Ганнусѣ.

М а т ь.

Черниговской губерніи въ селѣ Барыловкѣ, лѣтъ десять тому назадъ, во дворъ къ старухѣ, Чучукалкиной «дядинѣ въ третьихъ» (женѣ внучатнаго дяди) взѣхалъ рыдванъ, на почтовыхъ коняхъ, «съ дзвоныкомъ». Изъ него вышла барыня, молодая и прекрасная, но худая и прехудая, вся въ черномъ, а за нею служанка съ маленькимъ дитятею на рукахъ. Барыня милостиво разговаривала съ хозяйкою, поминутно ласкала свою дочечку, милую, какъ ангелъ Божій, и часто, задумавшись, горько надъ нею плакала. На другой день, вмѣсто того, чтобъ ѣхать дальше, барыня осталась у старухи, разспрашивала объ ея жизни, занятіяхъ, знакомствахъ. Цѣлый вечеръ она ласкала малютку больше прежняго, а ночь всю проплакала, несомкнувъ глазъ ни на минуту. Поутру же она стала усиленно просить старуху оставить дѣвочку у себя и содержать ее втайнѣ. Она говорила, что ѣдетъ теперь къ мужу, который находится «въ войскѣ» и неможегъ взять ее съ собою; а она воротится чрезъ мѣсяць, а можегъ и скорѣе, и щедро наградить за ея услугу. Старуха согласилась, а барыня отдала ей запечатанный пакетъ съ бумагами, строго-на-строго запретивъ, никому непоказывать и недавать его до тѣхъ поръ, пока она сама, или кто нибудь отъ ней не пріѣдетъ за дитятей, и не выдастъ старухѣ обѣщаннаго награжденія.

Послѣ того она подарила старухѣ сто рублей, отсчитала еще сто рублей на расходы, оставила кучу бѣлья, и расцѣловавъ свою дочь, омочивъ ее горячими слезами, уѣхала.

Старуха чрезъ недѣлю занемогла отчаянно, призвала къ себѣ Чучукалку, которая тогда еще жила въ томъ же селѣ съ мужемъ, и отдала ей, на случай своей смерти, дѣвочку,

которую у ней никто не видалъ и, вручая ей пакетъ и деньги, изъ которыхъ почти еще ничего не было истрачено, и разсказавъ въ подробности все препорученное ей доброю барынею, взяла съ нея клятву—старуха была совѣстная и богобоязливая—ни въ какомъ случаѣ неоставлять дитяти.

Чучукалка рада была такой выгодной воспитанницѣ, равно какъ и мужъ, вскорѣ прїѣхавшій съ ярмарки, куда возилъ онъ свиты на продажу.

Они жили доселѣ очень бѣдно, потому что сельское начальство ненадѣляло Чучукала общественною землею, по причинѣ его бѣдности, и онъ питался только своимъ бѣднымъ рукоделомъ. Теперь, получивъ двѣсти рублей, онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе и переѣхать на житье въ какой-либо городъ, гдѣ бы онъ съ большею выгодною могъ заниматься. Передавъ ночью и скрытно въ другое селеніе, къ знакомой, дитя, изъ опасенія, чтобы начальство по немъ недобралоса и къ деньгамъ, начали они собираться къ переселенію, послѣ кончины теткиной. Получивъ дозволеніе и должныя бумаги, выѣхали они изъ Барыловки мѣсяца черезъ два послѣ оставленія дитяти доброю барынею, и во все это время не было отъ нея ни слуху, ни вѣсточки, и никто не являлся взять или провѣдать несчастную малютку, почему Чучукалы и взяли ее съ собою, назвавъ ее уже своею дочерью.

Переѣзжая изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, Чучукало не находилъ въ нихъ своихъ выгодъ; можетъ-таки, по словамъ жены, и мастеръ «плохенькій» былъ. Какъ вотъ прослышалъ онъ про Харьковъ, что какихъ-то тамъ мастерствъ нѣтъ и что всѣ видимо разживаются; по этой молвѣ переселился онъ и переписался навсегда въ Харьковъ. Первые годы все шло хорошо, даже до того, что имѣли собственный свой дворъ и работниковъ; но потомъ годъ отъ году хуже и хуже. Онъ наконецъ проторговался, запилъ и умеръ; жена, продавъ купленный дворъ, пошла жить въ «сусиды», нанимать крартуру и промыслять единственнымъ своимъ искусствомъ—печь пироги и булки. Между тѣмъ паночка Ганюта, которую они вездѣ, и въ Харьковѣ, выдавали за свою дочь и назвали уже Ганнусею, подросла, и содержать ее, въ новыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, вдовѣ стало очень трудно. Что дѣлать было съ нею? Объявить предъ началь-

ствомъ истину Чучукалка побоялась, чтобы небыло ей бѣды за такъ долгую утайку. Называть по прежнему дочерью? Но мать дочери никогда неотыщетъ и дѣвочка на всегда останется у ней на шеѣ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Чучукалка рѣшилась попросить совѣта у самаго грамотнаго и потому всезнающаго человѣка, у приходского дьячка, который всегда навѣщалъ ее при выгрузкѣ горячихъ пирожковъ изъ печи. Сей всезнающій мужъ, прочитавъ съ большимъ трудомъ надпись на пакетѣ и непонявъ ее нисколько, послѣ долгаго размышленія, сказалъ: «Воистину, тайна сія велика и глубока, о Іудіаные! не гайтеся убо съ имѣющеюся у васъ юнотою и возвѣстите во всеуслышаніе Харьковскія палестины, что сія Анна не дочь вапа, но благородное исчадіе; тогда при возрастѣ ея и чаемой лѣпотѣ, если бы и обрѣлася мати ея, сыщется кто-либо, можетъ быть и изъ учениковъ риторики, и пойметъ ее себѣ въ жену. Но како сыщеть мати ея здѣсь, оставивши въ Барыловкѣ, что есть отъ Харькова, яко востокъ отъ запада? Запечатлѣнную же хартію блюдите, яко зѣницу ока, и неповѣдите, а еже до кому живущихъ на землѣ, до дне и часа, онде не явится мати или отъ матери кто, или строгая полиція привдеветъ васъ къ отвѣту за утайку благороднаго ѣмене; а до того никому не повѣдайте, и во оное время получите маду вѣзю и тогда же забудьте и меня грѣшнаго».

Чучукалка послѣдовала во всемъ совѣту умнаго дьячка, рассказала свою тайну двумъ-тремъ кумамъ и начала посылать Ганнусю съ пирожками и булками на рынокъ, гдѣ ее всегда величали, большею частію въ насмѣшку, панночкою и дворянкою.

«Если бы нашлась теперь ее мати», сказала въ заключеніе булочница, была бы довольна мною: Ганнуся жила у меня недаромъ; она умѣетъ очень порядочно прѣсть, сошьетъ кое-что немудреное и около хлѣба начинаетъ смыслить: дровъ и воды принесетъ, квашню обмоетъ чисто, соль истолчетъ. Всему этому сама я выучила еѣ кровавыми моими трудами; а черезъ годъ, черезъ два, она можетъ, пожалуй, наняться въ работницы, даже рублей за шесть въ годъ. Нето, какъ войдетъ въ разумъ и силу, выучу еѣ печь булки, какъ сама знаю, и сладѣны, и бублики на одѣвъ съ макомъ; а

съ такимъ ученіемъ и мать спасибо скажетъ; а не найдется, то ее возьметъ, нетолько дьячокъ, но и поповичъ, съ охотою. Этотъ народъ любитъ мягкія булочки и горячіе пирожки».

П а к е т ъ .

Съ большимъ вниманіемъ выслушавъ весь рассказъ Чу-чукалки, я началъ допытываться, цѣль ли у ней пакетъ? Она увѣрила меня, что онъ у ней въ большой сохранности, но мнѣ показать его нерѣшалась ниже за предлагаемыя ей деньги.

Мнѣ очень понравилась твердость ея и успокоила меня; но все таки мнѣ очень хотѣлось видѣть этотъ таинственный пакетъ и прочесть надпись на немъ, неоткрывшую ничего дьячку, но для меня могущую, можетъ быть, подать какую-нибудь полезную мысль. Послѣ долгихъ убѣжденій, просьбъ и увѣреній, что я, только лишь прочту, тотчасъ могу отыскать мать, привезу ее, она избавитъ ее отъ тягости содержать Ганнусю и щедро наградитъ ее, — въ силу могъ уговорить ее, и она со дна сундука вынула изъ десяти тряпицъ пакетъ, запечатанный чернымъ сургучомъ съ буквами на печати: С. Р.

Вотъ что прочолъ я на оборотѣ, написанное женскимъ почеркомъ:

«Несчастливая мать, горестными обстоятельствами вынужденная на неимовѣрное пожертвованіе поручить состраданію сей простой, сердобольной женщины единственную свою, гонимую сильною надъ нею властью, дочь свою, умоляетъ всѣхъ, кому бы ни достался въ руки сей пакетъ, неоткрывать его; равно недѣлать никакихъ разысканій и нестараться о доставленіи малютки къ ней, если кто изъ знающихъ ее, узнаетъ эту тайну. Придетъ время, гонители дочери моей смягчатся и — мать вездѣ найдетъ дитя свое. С. Р.».

Въ ту минуту, какъ я дочитывалъ надпись, вошла Ганнуся, почти вся окостенѣвшая отъ холода, и взглянувъ на меня мелькомъ, бросилась къ печкѣ отогрѣвать замерзшія свои руки. Я заплакалъ, взглянувъ на нее. Мать ея представлялась моему воображенію. Несчастливая! она, кажется, надѣялась скоро пріѣхать за своимъ дитятею. Что она чувствуетъ, видя, какъ годы проходятъ, обстоятельства не улучшаются, гонители не смягчаются, и она не можетъ дать воли сердцу сво-

ему, неможесть на крыльяхъ любви прилетѣть и исхитить дочь изъ крайности, въ которую рѣшилась повергнуть ее сама, предохраняя отъ бѣльшаго несчастія. И если наконецъ судьба будетъ благопріятствовать ей? Въ какомъ положеніи застанеть она малютку свою? Между грубыми людьми, терпя нужду, имѣя безпрестанно предъ глазами примѣры всякаго разврата, въ рублищѣ, подъ тяжолыми трудами проводить она лучшіе годы жизни своей, когда всякое впечатлѣніе драгоцѣнно и имѣеть вліяніе на будущую судьбу. Съ сладостнымъ ли чувствомъ будетъ мать слушать ея ласковыя, но съ принужденіемъ и застѣнчивостію произносимыя слова: «Мамо!... ты моя маты!» И будетъ ли она совершенно увѣрена, что это дочь ея? Чего непридумаетъ она, въ сердечной тоскѣ, ложнаго и истиннаго? Впрочемъ, какъ можесть найти она Ганнусю? О Чучукалкѣ, принявшей малютку послѣ старухиной смерти, о переселеніи въ Харьковъ, она неимѣеть никакого понятія.... Я уже наложилъ было руку на таинственный пакетъ, чтобы разорвать его именно съ тѣмъ, чтобы узнать, кто эта несчастная мать, броситься къ ней, извѣстить о теперешней участи дочери ея и мѣстопробываніи, и спросить ее: ежели гонители несмягчились, можесть ли уже она дать волю чувствамъ своимъ и прижать отринутую дочь къ сердцу своему...; но бросившіяся слова этой несчастной матери, кои она писала, конечно, съ горькими слезами, что она умоляетъ неразыскивать о ней и нестараться о доставленіи къ ней дочери ея, меня остановили. Мать вездѣ найдетъ свое дитя, думала она; но та ли же она мать для Ганнуса теперь, какъ была она въ то время, когда писала эти строки?... Можесть быть другія дѣти, коихъ она некраснѣя можесть называть дѣтьми своими, прижать къ своему сердцу, изгладили изъ сердца ея бѣдную, гонимую, скрываемую отъ всѣхъ Ганнусю!... Мнѣ стало очень жаль эту бѣдную сиротку, незнающую, непредполагающую ничего и съ спокойнымъ равнодушіемъ грызущую ломоть сухого хлѣба, сунутый ей Чучукалкою, конечно въ благодарность, что она распродала весь вручонный ей товаръ.

«Ганнуся!» сказалъ я дѣвочкѣ, «поди сюда».

Несовѣмъ еще отогрѣвшись, она положила свой сухарь на печкѣ, отерлась рукою, подошла ко мнѣ и смотрѣла на меня съ любопытствомъ.

«Это письмо твоей матери! Это она своею рукою писала».

Она схватила пакетъ, начала разсматривать.... Я видѣлъ по лицу ея, какое сладостное, новое, доселѣ неизвѣстное чувство обладаетъ ею...

«Поцѣлуй его, милая, и....»

Неуспѣлъ я кончить, какъ она начала цѣловать написанныя слова и громко зарыдала.

«Молись Богу», сказала я. «Можетъ быть ты скоро увидишь мать свою; я постараюсь отыскать ее.... А ты, Ульяна, неоставляй этой несчастной сироты. Береги бумаги, какъ глаза. Сбережешь господское дитя, Богъ тебя неоставитъ, а мать наградитъ щедро. Пока, вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей....»

— «Скоро ли же вы привезете ко мнѣ мою матушку?» спросила Ганнуся, утирая слезы и ласкаясь ко мнѣ, какъ къ родному.... Я понималъ, что чувствовало ее маленькое сердечко, начинавшее биться новымъ образомъ въ первый разъ.

«Скоро, скоро!» Я поцѣловалъ несчастную дѣвочку и взявъ обѣщаніе съ Чучукалки непосылать болѣе Ганнусю съ товаромъ на базаръ, а нанять для этого работницу, спѣшилъ оставить ихъ избу, грустный и задумчивый...

«Что дѣлать теперь?...» размышлялъ я, тащась по грязи дрожками до станціоннаго дому. Я рѣшился недоводить узнаннаго мною до свѣдѣнія дворянскаго предводителя, ни другого мѣстнаго начальства, опасаясь тѣмъ сдѣлать что-либо непріятное матери Ганнусиной. Отдать Ганнусю въ учебное заведеніе я тогда немогъ, бывъ обязанъ по службѣ спѣшить къ своему мѣсту, слѣдовательно немогъ и дня пробить въ Харьковѣ; знакомыхъ же у меня вовсе тамъ небыло.

Лошади для меня на почтовомъ дворѣ уже были готовы, и я отправился въ свой путь, занятый Ганнусею съ пирожками, Чучукалкою съ ея рассказами и пакетомъ неизвѣстной матери, безъ сомнѣнія, оплакивающей дитя свое. Зная, что чрезъ шесть недѣль я обязанъ буду пріѣхать и прожить въ Харьковѣ нѣсколько времени, я отложилъ до того времени позаботиться о устроеніи участи такъ много интересующей меня малютки....

Но человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ!...

К і е в ъ .

Вмѣсто назначенія въ Одессу, я получилъ предписаніе, изъ Москвы ѣхать въ Финляндію. Я все еще полагалъ, что дѣла свои окончу тамъ скоро, но, питая себя всякій мѣсяць такою надеждою, пробылъ тамъ болѣе четырехъ лѣтъ. Мучительное время по многимъ собственнымъ моимъ обстоятельствомъ.... Много страдалъ я и объ участи Ганнуси. Что съ нею дѣлается? Что можетъ сдѣлаться?... Нашла ли уже мать ее?... Какою ее нашла?... Радуется ли своею возвращенною дочерью?

Писать въ Харьковъ, поручить ее попеченію кого-либо, я немогъ, потому что неимѣлъ тамъ знакомыхъ. При поѣздкахъ товарищей по службѣ, когда кому изъ нихъ дорога лежала чрезъ Харьковъ, я всегда дѣлалъ порученія отыскать Чучукалку тамъ-то и тамъ, узнать о Ганнусѣ, извѣстить меня и т. п.; но, спасибо, никто изъ нихъ неисполнялъ моихъ порученій: то за поспѣшностію забылъ, то времени неимѣлъ, то искалъ, да неотыскалъ, то съ ума вонъ фамилія мадамъ Чучуки, или какъ бишь ее величаютъ.

Наконецъ изъ Финляндіи я былъ командированъ въ Кіевъ, куда ѣдучи, я все таки немогъ быть въ Харьковѣ и долженъ былъ судьбу несчастной сироты предоставить милосердому Промыслу, пока до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Въ Кіевѣ, какъ и въ Финляндіи, при всякомъ собраніи общества я не пропускалъ случая исторію мою съ Ганнусею пересказывать, съ тѣмъ намѣреніемъ, что это необыкновенное происшествіе, въ пересказахъ, не дойдетъ ли когда-нибудь къ матери Ганнусиной и послужитъ ей къ отысканію потерянной дочери.

Вечеромъ, у генерала П. случилось мнѣ пересказывать Харьковское мое происшествіе, умалчивая, какъ и всегда, о таинственномъ пакетѣ. Всѣ слушали меня съ большимъ участіемъ, желали улучшенія судьбы несчастной сиротки, и.... тѣмъ дѣло кончилось, какъ и обыкновенно. Въ продолженіе вечера, когда прочіе гости заняты были музыкою, картами и т. п., и я сидѣлъ отдѣльно отъ всѣхъ, непринимая ни въ чемъ участія, ко мнѣ подходитъ дама вся въ черномъ, которую я замѣтилъ еще и прежде по ея печальному лицу и по нежеланію уча-

ствовать въ общемъ веселіи, господствовавшемъ въ тотъ вечеръ у почтеннаго хозяина.

Подошедъ ко мнѣ, она, съ видимымъ замѣшательствомъ, но съ какою-то таинственностію, сказала мнѣ: «Извините великодушно просьбу незнакомой для васъ женщины: одолжите меня, пожаловавъ ко мнѣ завтра неранѣе шести часовъ вечера. Квартира моя на Печерскомъ, въ домѣ Б.». Сказавъ сіи слова съ такою скоростью, что я едва могъ разслушать, незнакомка, въ явномъ смущеніи, пройдясь нѣсколько разъ, незамѣченная хозяевами, скрылась.

Что это значить? подумаль я. Кто она и чего отъ меня хочеть? На первый свой вопросъ я могъ бы тотъ же часъ получить разрѣшеніе отъ хозяевъ дома, но я нехотѣлъ разспрашивать, зная, что одинъ вопросъ, хотя бы и пустой, повлечетъ за собою объясненія, догадки, разсужденія и т. п. При томъ же сама незнакомка могла бы сказать мнѣ о себѣ, но, конечно, она это должна скрывать отъ меня.... Какъ бы ни было, надобно терпѣливо ожидать свиданія.

Но съ слѣдующаго утра я терялъ всякое терпѣніе. Пошоль нарочно мимо назначеннаго дома и увидѣвъ, что всѣ окна въ немъ заперты, зашоль подъ предлогомъ найма; но мнѣ отказали, что въ немъ квартируетъ пріѣхавшая откуда-то какая-то барыня и что теперь ее нѣтъ дома: поѣхала съ какими-то господами куда-то и только къ вечеру будетъ. Ясно довольно.

Наконецъ ожидаемые мною шесть часовъ наступили; являюсь. Дама меня встрѣчаетъ и, недавъ мнѣ времени сказать обыкновенное привѣтствіе, начинаетъ говорить первая: «Позвольте.... мнѣ прямо приступить къ дѣлу, отъ котораго зависитъ мое.... Вы говорили вчера объ одной бѣдной дѣвочкѣ, которую видѣли въ Харьковѣ.... не знаете ли о ней еще чего подробнѣе?... Сдѣлайте милость, расскажите мнѣ о ней все, все...»

Надежда блеснула мнѣ, и я тотчасъ началъ всѣ подробности моего знакомства съ Ганнусею.

Незнакомка слухала меня съ живѣйшимъ участіемъ и видимою нетерпѣливостію, но лишь только сказалъ я о надписи на пакетѣ, какъ она заплакала, зарыдала и вышедъ изъ себя, закричала: «Она!... она!... дочь моя, пятнадцать лѣтъ я оплакиваю ее...»

— Какъ, сударыня, неужели?...

«Она, дочь моя!...» кричала она. «Вы ангель благо-вѣстителъ, сказавшій мнѣ чрезъ пятнадцать лѣтъ, первое о ней извѣстiе и что она еще жива.... Но....» вдругъ воскликнула несчастная ломая руки, «вы уже болѣе четырехъ лѣтъ, какъ не видали ее!... Боже мой! Что съ нею сдѣлалось? Жива ли она?... я ѣду... сейчасъ, сію минуту поѣдемте со мной, благодѣтель мой!» кричала она, обратясь ко мнѣ, и въ безпамятствѣ обнимала меня. «Вы видѣли ее, вы знаете ея воспитательницу.... Она вамъ только повѣритъ, безъ васъ неотдастъ мнѣ дочери моей.... Поѣдемте, проводите меня къ моей Анюточкѣ; падаю къ ногамъ вашимъ...» и съ сими словами, она въ самомъ дѣлѣ бросилась къ ногамъ моимъ, схватила руки мои и готова была цѣловать ихъ.

— Я радъ.... готовъ.... всею душою желалъ бы исполнить желаніе ваше, но вамъ извѣстна обязанность службы; мой генераль....

«Я сейчасъ ѣду къ нему, я вымолю вамъ позволеніе проводить меня до Харькова.... Кто вашъ генераль?»

Я назвалъ его.

«Это дядя мой!» воскликнула она въ восхищеніи. «Онъ откажетъ мнѣ ни въ чемъ. Поѣдемте къ нему вмѣстѣ....»

Пока закладывали лошадей, несчастная мать была въ ужасномъ волненіи: то спрашивала меня о малѣйшихъ обстоятельствахъ, относящихся до ея дочери, то радовалась скорому свиданію; рассчитывала, въ который именно день она увидитъ дочь свою; то плакала, представляя себѣ въ какой нуждѣ найдетъ её....

Карета была готова. «Сдѣлайте милость, спѣшите въ слѣдъ за мною,» сказала она и велѣла скакать къ дядѣ.

Я однакожь неторопился, чтобъ дать имъ время объясниться между собою, чтобъ непомѣшать, въ случаѣ какого-либо необходимаго признанія. Когда вошелъ къ генералу, племянница была въ его объятіяхъ. Почтенный старикъ былъ растроганъ. «Я долженъ откомандировать васъ въ Харьковъ» сказалъ онъ мнѣ голосомъ начальника, увидѣвъ меня. «Мнѣ нужно кончить одно важное дѣло съ тамошнимъ губернато-

ромъ, а здѣшнія порученія вы можете отложить до возвращенія.» Потомъ, оставивъ тонъ службы, онъ просилъ меня повторить все, касающееся къ Ганнусу, чтобы, говорилъ онъ, повѣривъ все, необмануться въ надеждѣ. Выслушавъ все и потребовавъ на нѣкоторыя обстоятельства поясненій, онъ просилъ меня убѣдительно вспомоствовать его племянницѣ въ отысканіи въ чужомъ городѣ дочери. Отъѣздъ назначалъ онъ на другой день.

«Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка! Ночь—цѣлый вѣкъ! А между тѣмъ, моя Анюта ходитъ босикомъ, въ лохмотьяхъ, въ грязи.... Можетъ быть.... Нѣтъ! отправьте насъ сейчасъ. Пошлите сейчасъ за дорожною.... Христа ради!.... Христа ради!.... Я умру съ тоски!...»

— Но ты должна собраться: взять съ собою платья, вещи, денегъ.... Тебѣ тамъ надо быть у губернатора.... и мало ли встрѣтятся какія обстоятельства! Я долженъ также писать къ губернатору, просить его содѣйствія, дать инструкцію своему спутнику.

На силу мы уговорили ее дожидаться утра и потомъ, отправивъ домой приготовляться къ отъѣзду, условились въ распоряженіяхъ на всѣ возможные случаи.

Съ разсвѣтомъ явился я къ моей спутницѣ, которая меня уже ожидала одѣтая и совершенно готовая.

Мы отправились, и не ѣхали, а скакали, сколько позволяла дурная ноябрьская дорога. Въ Полтавѣ сломалось колесо у ея кареты: остановка; она настаивала ѣхать въ моей бричкѣ, и я съ трудомъ отговорилъ ее отъ того. Надобно было остановиться на цѣлый день, и я, чтобы сколько нибудь занять и успокоить волнуемое сердце несчастной матери, нетерпѣніе которой возрасло до высочайшей степени, упросилъ ее рассказать мнѣ свои приключенія, потому что мнѣ нужно было знать ихъ для предстоящихъ дѣйствій въ пользу ея дочери. «По крайней мѣрѣ объясните мнѣ только то, что мнѣ можно знать,» прибавилъ я.

— Вамъ должно знать всё, единственный мой благодѣтель! сказала она, всё, даже всѣ проступки мои.

Вотъ что она пересказала мнѣ.

М-ше Л а м б о .

«Я была одна у моихъ родителей. Состояніе ихъ было весьма значительное. Когда мнѣ исполнилось 14 лѣтъ, тогда только приступили къ моему воспитанію и предположили, «ни-чего нежалѣя», доставить мнѣ образованіе самое блестящее, для чего необходимымъ признали учить меня по-французски и музыкѣ. Само по себѣ разумѣется, что надобно было имѣть гувернантку, или, какъ говорятъ, мадамъ. Я и теперь помню содержаніе записки данной отцемъ моимъ; кому?... Имѣнія родителей моихъ были степныя и земли у нихъ нанимались подъ гурты скотины. При ежегодномъ возобновленіи условій на наемъ степи, отецъ мой выговаривалъ сверхъ всего, чтобы гуртовщикъ привезъ бы изъ Москвы разныхъ вещей и товаровъ для дому. Вотъ, заботясь обо мнѣ, отецъ мой давая гуртовщику порученія привезти ему: «баракану для обивки мебели, неразворенной горчицы, сафьяновъ разноцвѣтныхъ, пуховую, круглую шляпу, модную и» — въ заключеніе прибавилъ — «прискать, гдѣ слѣдуетъ, мадамъ или мамзель, иностранку, французенку, чтобы могла учить дитя всему, чему сама знаетъ, чтобы по-россійски неразумѣла ни слова и неговорила вовсе. Искать изъ новопріѣзжихъ: тѣ, небывъ еще въ домахъ, нетакъ дорого запрашиваютъ; торговаться крѣпко, а коли на клавикордахъ смыслить, накинуть хоть до 50 р.; чай, кофе, столъ и выѣздъ съ господами, а служанка будетъ; при чемъ, для барыни, также прискать красивую москву.»

«Вотъ по этой-то запискѣ гуртовщикъ и прискалъ для меня воспитательницу, французенку двадцати пяти лѣтъ, Madame Lambeau; она выдавала себя вдовою. Легкомысленнѣе, суетнѣе и.... развратнѣе, едвали можно было найти. Изъ первыхъ наставленій ея было то, что она, посмѣявшись надъ обыкновеніемъ молиться послѣ стола и благодарить родителей, запретила мнѣ это дѣлать, говоря: «ужь всего ближе, благодарить повара; онъ заботился готовить для васъ обѣдъ; такъ не лучше ли итти ему кланяться и ручку цѣловать? Фи! comme c'est russe!» Балую меня, исполняя мои прихоти, ненаказывая за проступки, позволяя мнѣ ничего недѣлать, она приобрѣла мою довѣренность и любовь съ первыхъ дней вступленія своего въ домъ нашъ. Она легко успѣла внушить мнѣ правила пріятныя.... обольстительныя для неопыт-

ной дѣвочки. Въ часы, назначенные для ученія, она читала мнѣ французскіе романы съ своими примѣчаніями и извѣсняла непонятное для меня; пѣла со мною французскіе романсы, содержаніе которыхъ и теперь вспоминая, краснѣю; учила меня передъ зеркаломъ выражать благосклонность, неудовольствіе, насмѣшку, одобреніе и т. п. Въ часы отдыха я передразнивала, по ея одобренію, сосѣдей, гостей и даже родителей, чтобы доставлять удовольствіе м. Ламбо, которая умирала со смѣха, и особливо, ежели мы въ присутствіи родителей моихъ говорили по-французски о странностяхъ ихъ, насмѣхались надъ ними, а тѣ, непонимая ничего изъ нашихъ рѣчей, восхищались, что дочь ихъ такъ безостановочно и долго говоритъ по-французски. Во время вечернихъ прогулокъ и послѣ ужина, когда мы были въ постеляхъ, она рассказывала мнѣ... свои любовныя похожденія. Вотъ какъ шло мое воспитаніе!»

«На шестнадцатомъ году я лишилась матери. По совѣту м. Ламбо, отецъ мой, повинующійся ей во всемъ въ отношеніи ко мнѣ, переѣхалъ въ Кіевъ и началъ жить открыто. Являсь въ общество, я, какъ вы и отгадаете, скоро перестала быть въ немъ уважаема. Слѣдуя во всемъ наставленіямъ м. Ламбо, я была противъ подругъ своихъ горда, тщеслаивалась своими нарядами и вещами, коими батюшка, по любви своей ко мнѣ и по состоянію своему, щедро меня надѣлялъ; почитала себя, по увѣренію моей воспитательницы, великою красавицею, ловкою, умною и отличною предъ всѣми дѣвицею. Сверстницы удалялись нетолько знакомства со мною, но и несмотрѣли на меня; я была къ такому ихъ пренебреженію весьма равнодушна; меня восхищало общество молодыхъ мужчинъ, толпою окружающихъ меня. Вспоминая послѣ обращеніе ихъ со мною, я узнала, что оно было дерзкое, вольное, насмѣшливое; но тогда я всѣ вещи понимала по желанію м. Ламбо. Всѣ они мнѣ казались умными, вѣжливыми и—влюбленными въ меня, дорожащіе каждымъ словомъ моимъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали родителю моему предложенія на счетъ мой; отецъ предоставлялъ выборъ собственной волѣ моей; я за cadaго изъ нихъ готова была выйти, но и въ этомъ обстоятельствѣ слово, взглядъ м. Ламбо, были для меня закономъ. Одному я грубила, надъ другимъ насмѣхалась, удивляясь дерзости иному помыслившему, что я могу унизиться,

выйдя за него, и такъ отдѣлывала я жениховъ своихъ, кои непереставали искать руки моеи, не какъ достойной дѣвицы, но какъ единственной наслѣдницы богатаго имѣнiя. По вѣтренности и легкомыслию моему, меня тѣшило такое множество искателей, и я съ нетерпѣнiемъ ожидала, за кого моя добрая, несравненная м. Ламбо велить выйти; но она молчала и дѣлала свои планы. На требованiя же батюшки избрать наконецъ жениха, потому что время проходить, она всегда отвѣчала, что непредставился достойный для м-ше Cateau, и батюшка наконецъ рѣшительно объявилъ, что даетъ намъ сроку до двадцатилѣтняго моего возраста, а потомъ самъ представить мнѣ жениха и потребуеть моего повиновенiя.

Мадамъ Ламбо и въ семь случаѣ, какъ и всегда, слушала терпѣливо слова отца моего, потомъ отойдя отъ него, качала головою, и съ презрительною улыбкою проговорила: «*Nous venons, nous venons, qui prendra le dessus.*»

Гусарскiй майоръ.

«Въ числѣ окружающихъ меня мужчинъ, или, какъ я называла ихъ, обожателей, я замѣтила явившагося вновь гусарскаго майора. Наружность его, ловкость и мундиръ, при прелестныхъ усикахъ, мнѣ чрезвычайно нравились; но, къ досадѣ моеи, онъ менѣе всѣхъ увивался около меня, а все его вниманiе обращено было къ м. Ламбо. Далѣе и далѣе я замѣчала большую между ними короткость и, наконецъ, подсмотрѣла у ней тщательно скрываемыя отъ меня, вновь появившiяся золотыя и другiя цѣнныя вещицы.»

«Посмѣявшись надъ нею—и не безъ досады—что мнѣ известно волокитство (къ стыду моему, я понимала это слово), за нею майора, я крайне удивилась и много обрадовалась, когда она должна была—такъ она говорила—наконецъ, прежде времени открыть тайну. Г-нъ Резе, лифляндецъ, хорошей фамили, богатъ, теперь майоръ, будетъ полковникъ, а вслѣдъ затѣмъ и генераль. Красота моя и прочiя достоинства плѣнили его до безумiя; онъ тотчасъ застрѣлится, если я небуду его любить и несоглашусь выйти за него. Черезъ нее онъ старался узнать о моемъ ангельскомъ нравѣ, небесной добротѣ и неизяснимой кротости, и узнавъ все къ выгoдѣ моеи, осы-

паль ее маленькими подарочками, которыхъ она было никакъ не хотѣла принять, но онъ выплакалъ у нея эту милость. Въ заключеніе она сказала, что въ сегодняшнемъ собраніи, въ мазуркѣ, онъ непременно со мной объяснится...

«Что же мнѣ тогда дѣлать?» спросила я, внутренно восхищаясь, что наконецъ у меня будетъ женихъ и коего я могу любить прямо.

М. Ламбо совѣтовала и наставляла меня, при первомъ его словѣ, пожать ему руку слегка, покраснѣть, потупить глаза въ землю и съ замѣшательствомъ сказать: «Вы предупредили желаніе сердца моего....» Но мнѣ стыдно рассказывать вамъ, о всѣхъ тѣхъ неприличностяхъ, кои я, по руководству м. Ламбо, въ тотъ вечеръ дѣлала съ г. Резе, дѣйствительно открывшимся мнѣ въ любви своей. Мы удалились отъ всѣхъ, забыли все приличіе, сидѣли себѣ только втроемъ, строили планы, дѣлали предположенія; но вспомнивъ про отца моего и что легко случиться можетъ, что онъ несогласится на бракъ нашъ, какъ добрая м. Ламбо разсѣяла всѣ наши опасенія обѣщаніемъ, даже и противъ воли его, соединить насъ. Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что мы положили, чтобы Резе завтра утромъ пріѣхалъ къ отцу моему и, хотя для виду. просилъ бы у него руки моей. Каковъ будетъ отвѣтъ, мы увидимъ и сообразно тому будемъ дѣйствовать.»

«Цѣлую ночь я немогла уснуть отъ восхищенія, что наконецъ я буду замужемъ.»

«Утромъ, войдя съ м. Ламбо къ отцу моему, мы застали его собирающагося выѣхать. Онъ, едва давъ мнѣ руку поцѣловать, на м. Ламбо взглянулъ угрюмо и сказалъ мнѣ: «пора выпутать тебя изъ этихъ тряпокъ, въ кои, по несчастью, я завернулъ тебя. Такъ ли, Ламбо? или русская тряпка?» Моя воспитательница вспыхнувъ отъ досады, хотѣла было отвѣчать, но батюшка прикрикнулъ на нее: «Молчать! я возвратяся раздѣлаюся съ тобою!» ушолъ къ каретѣ.

Мы остались однѣ въ недоумѣніи, какъ лежавшее на столѣ распечатанное письмо, въ коемъ часто упоминалось имя м. Ламбо, обратило на себя наше вниманіе. Она приказала мнѣ прочесть его и перевести.

«Письмо было отъ моей тетушки къ отцу моему. Она писала, что вчера, прїѣхавъ въ Кіевъ, поражена была разсказами о моемъ поведеніи въ обществѣ. Изложено было все въ подробности и м. Ламбо выставлена была въ настоящемъ своемъ видѣ, и что во вчерашнемъ собраніи всѣ были огорчены неприличнымъ моимъ, въ такомъ обществѣ, обращеніемъ съ однимъ офицеромъ и проч. и проч., и въ заключеніе просила, чтобы спасти меня, такъ негодную французенку прогнать.... Тутъ было рукою батюшки, конечно въ первую минуту негодованія, приписано: «прогнать, сей же день прогнать!...» Вотъ что мы прочли!»

Оскорбительныя на счетъ ея выраженія тетушки и рѣшеніе отца моего вывели её изъ себя. «Этотъ невѣжа узнаеть, кричала она, кто я и что могу съ нимъ сдѣлать!» и проч. и проч.

«Въ сильномъ гнѣвѣ придумывала она, какихъ бы оскорбительныхъ словъ наговорить отцу моему, какъ онъ и возвратился, также въ ужасномъ гнѣвѣ.... Несчастное стеченіе обстоятельствъ!.. Надобно вамъ знать, что батюшка утромъ спѣшилъ на аукціонъ, гдѣ продавалось какое-то отличное, между охотниками извѣстное ружье. Его вмѣстѣ съ батюшкою торговаль одинъ офицеръ и, объявивъ большую цѣну, удержаль ружье за собою. Батюшка, въ досадѣ, упустивъ такъ дорогую для охотника вещь, сказалъ что-то непріятное для офицера; тотъ возразилъ; батюшка незамолчалъ и, наконецъ, офицеръ, сказавъ какую-то большую грубость батюшкѣ, вышелъ оттуда, а батюшка, и возвратяся къ намъ, все продолжалъ кричать: «Я докажу, что я дворянинъ, что умѣю чувствовать обиду и могу управиться съ молокососомъ....» Въ эту минуту входитъ майоръ Резе, котораго я, среди сихъ безпокойствъ и смятеній, съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидала и желала, чтобы онъ отложилъ свое посѣщеніе до другого времени. При входѣ, Резе увидѣвъ отца моего, смѣшался чрезвычайно, задрожаль.... а батюшка внѣ себя отъ гнѣва, закричалъ на него страшнымъ голосомъ: «Вонъ, подлець, изъ моего дома.... Люди! въ шею этого наглеца!...» но Резе уже небыло; при первомъ словѣ отца моего, онъ уже скрылся. Офицеръ, перекупившій ружье и нагрубившій на аукціонѣ отцу моему, былъ Резе.»

М щ е н і е.

«Отецъ мой, по уходѣ Резе, разсказалъ намъ свою съ нимъ ссору и продолжалъ поносить его ужасно.... какъ м. Ламбо, желая истребить въ немъ предубѣжденіе противъ Резе, начала хвалить его и описывать ту внимательность, которую онъ оказалъ дочери его во вчерашнемъ собраніи, и что, принявъ во уваженіе цѣль и намѣреніе его, должно было принять вѣжливо и попросить извиненія за неумышленную обиду. Тутъ отецъ мой, вспомнивъ о тетушкиномъ письмѣ и узнавъ, что оскорбившій его офицеръ— тотъ же самый, который обращеніемъ своимъ съ его дочерью привлекъ въ собраніи всеобщее замѣчаніе, совершенно вышелъ изъ себя, закричалъ: «Какъ! чтобы я унизился предъ этимъ подлецомъ? Чтобы я сталъ просить у него извиненія? Какъ смѣешь ты мнѣ совѣтовать это? самъ чортъ, нетолько французская ветوشка, которая....»

«Я никогда не видала отца моего въ такомъ изступленіи, въ такомъ страшномъ гнѣвѣ, и со страху убѣжала къ себѣ въ комнату, неслышавъ, что уже потомъ говорилъ ей отецъ мой. Черезъ полъ часа явилась и м. Ламбо, пылающая гнѣвомъ, неистовая, и тотчасъ начала выбирать свои вещи изъ комодовъ и сундуковъ, осыпая отца моего всѣми возможными ругательствами и проклятіями. Я узнала, что послѣ моего ухода отецъ мой высказалъ ей все то, о чемъ писала тетушка, упрекалъ ее за развращеніе меня и, неслушая отвѣтовъ, возраженій и оправданій Ламбо, приказалъ слугамъ, чтобы чрезъ два часа неосталось нитки ея въ домѣ».

«М. Ламбо, утѣшая меня горько плачущую, увѣряла меня, что она опять скоро соединится со мною, что для этого нужно намъ сколь можно чаще списываться, чтобы я письма мои пересылала чрезъ служанку мою въ модный магазинъ и исполняла бы во всей точности все то, о чемъ она будетъ писать ко мнѣ.... Вопедшіе слуги недали намъ болѣе говорить; по приказанію барина, взявъ ее подъ руки, вывели ее изъ комнаты и за нею понесли ея вещи.... Я была безъ памяти, расставаясь съ своимъ другомъ, благодѣтельницею!..»

«Отъ огорченія и досады на родителя моего за его несправедливость, какъ я тогда полагала, къ этой безпримѣрной

женщинѣ, я цѣлый день невыходила изъ своей комнаты. Къ умноженію моей горести, отецъ мой вечеромъ ввелъ ко мнѣ тетушку мою и объявилъ, что отнынѣ она занимаетъ мѣсто моей матери и что я должна во всемъ слѣдовать ея совѣтамъ и *исполнять ея приказанія*, прибавилъ онъ; я только плакала. Тетушка моя была женщина стариннаго вѣку, нелюбящая ничего новаго; читала мнѣ съ утра до вечера прескучную мораль, совсѣмъ отличную отъ прекрасныхъ правилъ несравненной м. Ламбо».

«Я вовсе невнимала тетушкинымъ проповѣдямъ и старалась казаться подъ нихъ засыпающею. Отецъ мой, видя меня всегда грустною и печальною, былъ со мною очень ласковъ и нѣженъ. Онъ всегда любилъ меня много! Я... ужасно!... я тяготилась его ласками и отвѣчала на нихъ съ замѣтною досадою. Одну отраду находила я въ перепискѣ съ м. Ламбо, которая меня ежедневно увѣряла, что скоро-скоро мы соединимся и будемъ неразлучны».

«Въ одно утро я получила отъ нея записку, коею она настоятельно требовала, чтобы я тотъ день, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, послѣ обѣда пріѣхала въ модный магазинъ, гдѣ увижусь съ нею и обо всемъ переговорю. Восхищенная близкимъ счастьемъ — такъ думала я — увидѣться съ несравненною воспитательницею, я рѣшилась быть къ отцу ласковѣе и, когда тетушка, по обычаю, уснула послѣ обѣда, я легко упросила его отпустить меня проѣздить по городу въ сопровожденіи служанки, повѣренной въ нашихъ тайнахъ».

«Велика была радость моя съ м. Ламбо, но когда я хотѣла говорить съ нею и разспросить о майорѣ Резе, (которымъ я занималась довольно, но не скажу, чтобы любила, а скорбѣла, что потеряла надежду быть за нимъ; думала о немъ, какъ о миломъ мужчинѣ, какъ внушила мнѣ м. Ламбо); и такъ вмѣсто ожидаемыхъ разсказовъ, она начала торопливо одѣвать меня въ бѣлое нарядное платье, убрала, при помощи содержательницы магазина, тщательно голову мою цвѣтами и другими украшеніями, все сказывая, что мы ѣдемъ въ одно интересное собраніе. Въ самомъ дѣлѣ, она была нарядна. Когда я была совсѣмъ пышно убрана, мы пошли къ каретѣ. Карета была чужая, и на разспросы мои путеводительница отвѣчала мнѣ, что вскорѣ все узнаю. Не успѣли посадить меня

въ карету, какъ мигомъ захлопнули за мною дверки и по-скакали во всю прыть. Я оглянулась за м. Ламбо, которая стояла распротерши руки и кричала.... оглянувшись, я увидѣла себя въ каретѣ вдвоемъ съ Резе. Я начала просить его, чтобы приказаль остановитья и взять м. Ламбо, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что куда мы ѣдемъ, тамъ она ненужна. «Куда же мы ѣдемъ и зачѣмъ?» спрашивала я съ большимъ безпокойствомъ. — Вы скоро всё узнаете, — поминутно твердилъ онъ и упрашивалъ быть покойною».

«Въ самомъ дѣлѣ, я скоро всё узнала! Насъ привезли въ какую-то деревню и прямо къ церкви. Я немогла отъ безпокойства ити и меня ввели въ церковь наполненную офицерами и дамами.... Я была какъ въ туманѣ и непонимала, что со мною дѣлають?... Съ ужасомъ вскричала я, увидѣвъ, что меня вѣнчаютъ съ Резе. Я была внѣ себя и рѣшилась кричать громко, чтобы остановились.... что я нехочу!... Но священникъ невнималъ, а ко мнѣ подошла какая-то дама и убѣждала меня покориться судьбѣ моей; что, начавъ священнодѣйствіе, нельзя его прервать; что я буду очень счастлива съ такимъ мужемъ.... и много такого, чего однакожь я неслучала, а, видя себя совершенно безсильною противъ притѣсненія и беззащитною, начала горько плакать! Отецъ мой, огорченный мною до такой степени, представился мнѣ живо.... Я вообразила горестъ его, лилась я такимъ образомъ.... гнѣвъ его и.... я дрожала какъ преступница!... Обрядъ кончился, и я очнулася женою человѣка, котораго вовсе не знала, не знала даже имени его!...»

«Злобная французенка отомстила отцу моему за полученные отъ него оскорбленія, выдавъ меня за человѣка жестоко имъ ненавидимаго. Она лишила его утѣшенія и радостей на весь вѣкъ! Ужасное мщеніе!...»

Перемѣна.

«Отъ вѣнца мужъ мой повезъ меня далѣе. Черезъ три дня приѣхали мы въ ту деревню, гдѣ онъ квартировалъ».

«Повѣрите ли вы, повѣритъ ли кто-либо, что я имя мужа моего узнала только въ продолженіе дороги, прислушиваясь, какъ называетъ его деньщикъ. Я не любила его и ужасалась,

находя въ себѣ чувство похожее на ненависть къ нему. Если бы возможно было на вѣкъ освободиться отъ него, я бы неколеблясь скрылась отъ него.

«Квартира, въ которую онъ привезъ меня, поразила меня. Въ ней небыло ничего, чтобы показывало, что мой Александръ живетъ, если уже и не богато, но, по крайней мѣрѣ, не нуждается въ необходимомъ. Видя мое изумленіе, тутъ онъ мнѣ открылся во всемъ: что онъ сынъ мастерового изъ Лифляндіи и неимѣетъ совершенно ничего, живетъ однимъ жалованьемъ. Узнавъ въ Кіевѣ, что я невѣста съ богатымъ приданымъ, рѣшился, во что бы ни стало, женясь на мнѣ, составить свое счастье. Видя, что одна м. Ламбо можетъ ему способствовать, онъ, подкупивъ ее, привлекъ на свою сторону. Можетъ быть, все бы кончилось хорошо, еслибы не гибельный случай на аукціонѣ. Онъ никакъ не предполагалъ, что это мой отецъ и наговорилъ ему ужасныхъ грубостей. Хотѣлъ уже отказаться отъ своего намѣренія, но выгнанная изъ нашего дома м. Ламбо, отыскала его, обнадежила его въ успѣхъ и увѣрила, что отецъ, любя меня горячо, посердится да и проститъ. Въ эту надежду онъ еще занялъ у своихъ офицеровъ денегъ и, обнадеживъ м. Ламбо, что возьметъ и ее съ собою и щедро наградитъ, успѣлъ въ своемъ намѣреніи; но нерѣшился брать м. Ламбо съ собою, зная ее уже совершенно, и потому, что она была бы намъ въ тягость. Положеніе мужа моего было самое затруднительное: неимѣя совершенно ничего, онъ вошелъ въ долги, обязанъ былъ содержать жену, для чего нужно было входить въ новые долги и неимѣть надежды, чтобы отецъ мой, по крайней мѣрѣ, помогъ мнѣ въ содержаніи».

«Первымъ дѣйствіемъ нашимъ было писать къ отцу самыя убѣдительныя письма и молить его о прощеніи. Я изливала предъ нимъ всю душу свою, созналась во всѣхъ винахъ своихъ предъ нимъ, лгала, что я счастлива, и убѣдительно умоляла его упредить мое счастье, возвративъ мнѣ любовь свою и простивъ моего мужа за неумышленные оскорбленія и за бракъ со мною безъ воли его, чему причиною была сильная его любовь ко мнѣ. И тутъ я лгала безсовѣстно: я невидѣла сильной любви ко мнѣ мужа моего и будущность ужасала меня!»

«На письма наши мы неимѣли никакого отвѣта. Служанка моя, по привязанности ко мнѣ и бывъ гонима отцомъ моимъ за участіе въ побѣгѣ моемъ, ушла и явилась къ намъ. Она пересказала, что отецъ мой все еще гнѣвенъ на меня, иначе неназываетъ меня, какъ *проклятая* дочь! Гнѣвъ его усилился еще болѣе, когда по уходѣ моемъ м. Ламбо язвительнымъ письмомъ увѣдомила батюшку, что его дочь вышла замужъ за офицера, его обидѣвшаго, что этотъ бракъ произведенъ посредствомъ ея интригъ, за которыя будто-бы мужъ мой обѣщаль уплатить ей десять тысячъ рублей; но какъ у него денегъ нѣтъ и онъ самый бѣднѣйшій человѣкъ, то и требовала отъ отца моего уплаты этой суммы... и т. под. Злая, ужасная женщина! Оскорбляя отца моего, усугубляла бѣдствія наши!»

«Мы неимѣли надежды, по крайней мѣрѣ, скоро умиловать отца моего, а между тѣмъ терпѣли большую крайность. Собственно у меня небыло самаго необходимаго, кромѣ подвѣчнаго платья. Способовъ къ жизни никакихъ, потому что жалованье мужа удерживали офицеры ссудившіе его деньгами для женитьбы. Мужъ мой долженъ былъ продавать изъ своихъ вещей, впрочемъ также нужныхъ, и тѣмъ пріодѣлывать меня и содержать насъ».

«Мой Александръ съ первыхъ дней жизни нашей обратилъ вниманіе на испорченную нравственность мою чрезъ ужасную м. Ламбо. Приучилъ меня читать книги по своему выбору, говорилъ со мною. Къ счастью моему, священникъ той деревни, гдѣ мы квартировали, былъ отлично образованъ; жена его — изъ бѣдныхъ дворянокъ, воспитанная и обученная многому въ вельможескомъ домѣ; вотъ мои собесѣдники, съ которыми мужъ мой съ самаго начала сблизилъ меня. Посредствомъ ихъ и нѣжной заботливости Александра я увидѣла мое прежнее легкомысліе и съ ужасомъ постигла могущія быть послѣдствія; совѣсть меня мучила.... признаюсь вамъ, тогда только научилась я молиться Богу!... Коротко скажу вамъ, что я совершенно исправилась, любила уже мужа моего за доставленное мнѣ благодѣяніе перемѣною моею и за личныя достоинства: онъ былъ благородный, довольно образованный, добрый, хотя и вспыльчивый человѣкъ; съ восхищеніемъ замѣчала я, что мужъ мой началъ любить меня дѣйствительно. Хотя и

въ большой крайности, но мы жили пріятно, и только родительскаго прощенія, а съ нимъ и способовъ къ пристойному содержанию, неоставало намъ для совершеннаго счастья нашего».

«Несмотря, впрочемъ, на гнѣвъ отца моего, мы писали часто къ нему, но письма наши оставались безъ всякаго отвѣта. Я сдѣлалась беременною и во имя малютки, имѣющаго явиться въ свѣтъ, снова умоляла его о прощеніи; онъ былъ непреклоненъ. Стѣсняемый недостатками во всемъ, видя приближеніе разрѣшенія моего, Александръ въ пылу своей горячности, безъ вѣдома моего написалъ къ отцу моему и видно сильно укорялъ его за жестокость, потому что въ отвѣтъ получили мы отъ доставляющаго наши письма къ нему, что гнѣвъ его еще сильнѣе воспламенился. Наконецъ, я родила дочь, эту несчастную Анюточку, которую мы теперь отыскиваемъ. Я писала къ батюшкѣ, умоляла его о благословеніи и принятіи въ свою любовь, хотя сей, ни въ чемъ предъ нимъ невиновной малютки... и мы получили въ отвѣтъ собственной руки его записку:

«Какъ проклята мать, такъ проклиная и исчадіе гнусныхъ для меня людей».

«Скорбь моя была невыразима и тѣмъ болѣе я страдала, что видѣла себя достойно гонимою!... Хотя и приходило мнѣ въ мысль къ оправданію моему, что я не бѣжала изъ дому, но насильно похищена.... но все прежнее обращеніе съ отцомъ и покойною матерью.... Справедливо я была угнетаема.

«Но еще не получила я полнаго наказанія за проступки моей молодости!...»

17-е Марта.

«Мужъ мой получилъ эскадронъ. Обстоятельства начали улучшаться. Въ одинъ день мужъ мой возвратился въ большой разстройкѣ и къ успокоенію моему говорилъ, что съ однимъ офицеромъ произошла ссора. Вслѣдъ затѣмъ пришолъ къ намъ и тотъ самый офицеръ и немедленно съ Александромъ удалились въ особую комнату. Я опасалась, чтобы неприступили они къ дуэлю, но слушая спокойный и повидимому хладнокровный разговоръ, необращала болѣе вниманія. Слышала только, что офицеръ выходя отъ мужа сказалъ: «И такъ—

17-е Марта, 6 часовъ вечера? Это вѣрно?» — Вѣрно! — отвѣчалъ мужъ мой глухимъ голосомъ и оставался долго въ той комнатѣ одинъ».

«Я ужаснулась, увидѣвъ его блѣднаго, измученнаго, какъ послѣ долговременной болѣзни, страдающаго.... Я бросилась къ нему, расспрашивала его, умоляла открыть мнѣ терзавшее его.... Онъ былъ непостижимъ.... то былъ холоденъ, равнодушенъ ко всѣмъ ласкамъ моимъ.... то вдругъ, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто ужаснувшись какой-то мысли, сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ.... рыдалъ, цѣловалъ меня, руки мои!...»

«Я очень поняла, что у нихъ назначенъ былъ 17 Марта дуэль, умоляла мужа моего оставить это ужасное намѣреніе.... бросилась къ ногамъ его, плакала, убѣждала.... И онъ торжественно поклялся мнѣ, что «ни въ тотъ день и никогда не будетъ съ нимъ выходить ни на какой поединокъ.....» Казалось мнѣ, что онъ сдѣлался покойнѣе и весь вечеръ не переставалъ увѣрять меня, что, прекративъ извиненіями ссору свою съ офицеромъ, онъ оставался одинъ и, обращая взоръ на настоящее и будущее наше, допустилъ чорнымъ мыслямъ овладѣть собою. Я слѣпо во всемъ ему повѣрила и была покойна, непримѣчая вокругъ меня происходящаго. И въ самомъ дѣлѣ, когда на другой день ссорившійся офицеръ пришелъ вмѣстѣ съ прочими къ намъ и обращался съ мужемъ моимъ по-прежнему, ласково, то я и забыла всѣ свои опасенія».

«Но чудное поведеніе мужа моего возобновило наконецъ всѣ мои страхи: онъ безпрестанно занимался писаніемъ, щотами, продавалъ тихонько отъ меня всѣ свои вещи до послѣдняго, и денегъ, какъ обыкновенно, неотдавалъ мнѣ, а хранилъ у себя. Мы уже были не въ прежнихъ тяжкихъ обстоятельствахъ на счетъ содержанія нашего, и я не достигала причины, на что ему нужны деньги до того, чтобы продать всѣ мундиры, вещи, конскую сбрую...? спросить же я боялась. Наканунѣ рокового 17 числа продалъ офицеру свою верховую лошадь съ условіемъ получить ее «завтра ввечеру.»

«Обращеніе его со мною было также непонятно для меня. Очень замѣтно было, что онъ силится казаться покойнымъ и даже веселымъ, и почти таковымъ былъ со мною; но лишь только оставался одинъ, мрачная грусть овладѣвала имъ,

видно было, что онъ страдалъ, жестоко страдалъ!... Анюточку нашу онъ вовсе неласкалъ при мнѣ, но безъ меня и, какъ мнѣ послѣ сказали, ночью, когда я безопасно засыпала, онъ всегда сидѣлъ надъ нею спящею, смотрѣлъ на нее, ласкалъ, плакалъ!...»

«Я уже и забыла о 17-мъ числѣ. Въ этотъ день, послѣ занятій по службѣ, онъ, какъ это иногда случалось, сказалъ, что обѣдаетъ въ ближней деревнѣ у сосѣда, и скоро туда поѣхалъ. Возвратился къ 5-ти часамъ и, казалось мнѣ, пріѣхалъ покойнѣе обыкновеннаго. Скоро за нимъ приполъ офицеръ, ссорившійся съ нимъ, и первое слово его было: «сегодня, кажется, 17-е марта?»—Помню! отвѣчала мужъ мой глухимъ, необыкновеннымъ голосомъ. Я вся вздрогнула при этихъ словахъ, и какой-то неизъяснимый страхъ овладѣлъ мною; но, видя ихъ спокойно разговаривающихъ о постороннемъ, я не знала что подумать?»

Приготовляя тутъ же чай для нихъ, я не помнила себя.... руки мои тряслись.... я все роняла изъ рукъ.... Чтобы скрыть состояніе свое отъ мужа, я несмотрѣла на него.... Вдругъ офицеръ, вынувъ часы, спокойно сказалъ: «Ба! безъ двухъ минутъ шесть часовъ!» Какъ электрическій ударъ, эти слова потрясли меня.... я вспомнила сказанныя за двѣ недѣли имъ слова: «17-го марта, въ 6 часовъ», и видъ моего Александра поразилъ меня!... Блѣдный, дрожащій, сказавъ только: «помню, и сейчасъ....» всталъ съ своего мѣста, взглянулъ на меня.... и что я увидѣла во взорѣ его!... колеблющимися шагами пошелъ въ свою комнату....»

«Непомня себя совершенно, я опрокидываю столъ, бывшій предо мною, роняю все, бѣгу за нимъ и, еще недобѣжавъ до комнаты, гдѣ онъ былъ, слышу пистолетный выстрѣлъ.... добѣгаю до дверей, съ необыкновенною силою отворяю ихъ и вижу.... мой Александръ плаваетъ въ крови.... голова его раздроблена!... Не знаю, существовала ли я?... Меня поразили слова, которыя кто-то произнесъ тутъ же: «сдержалъ слово!...» Потомъ какой-то шумъ разныхъ голосовъ.... чувствую, что меня повлекли.... и болѣе ничего не знаю!...

«Я очнулась послѣ двѣнадцати дней!... Перенесла жестокую болѣзнь, и сохранять жизнь свою рѣшилась, когда со-

вершено пришедъ въ себя разсудила, какая судьба постигнетъ мою Анюточку, если и я умру?..»

Другъ нашъ священникъ и добрая жена его неоставляли меня въ болѣзни и сохранили мнѣ Анюточку. Вручили мнѣ, послѣ предвареній, послѣднее письмо моего Александра ко мнѣ, гдѣ онъ коротко написалъ, что будтобы видя отца моего, питающаго противъ него непримиримый гнѣвъ, рѣшился прекратить жизнь свою, надѣясь, что меня одну, безъ него, отецъ скорѣе приметъ въ любовь свою и неотринетъ нашей сиротки. Деньги, собранныя имъ за свои вещи, онъ поручилъ священнику вручить мнѣ въ свое время....

Офицеры, по выздоровленіи моемъ, посѣщали меня и, любя моего Александра, принимали во мнѣ искреннее участіе. Они рассказали мнѣ, что въ тотъ же роковой день офицеръ, ссорившійся съ моимъ мужемъ, былъ всѣми ими вызванъ на дуэль, что на первомъ онъ былъ раненъ въ грудь жестоко, пожелалъ стрѣляться съ другимъ и былъ раненъ также жестоко и, страдавъ ужасно, съ проклятіями и богохульствомъ изрыгнувъ душу свою по совершеніи погребенія надъ моимъ Александромъ.

О т е ц ъ .

«Оправившись совершенно, я должна была извѣстить о горестной участи моей батюшку и я написала такъ:

«Маіоръ Резе, мучимый раскаяніемъ за причиненныя огорченія отцу жены своей и угнетаемый продолжающимся гнѣвомъ его, впалъ въ меланхолію и въ припадкѣ ея лишилъ себя жизни. Несчастливая жена его, у ногъ отца, справедливо гнѣвающагося на нее, несмѣя просить о прощеніи, умоляетъ его неотринуть малютки ея, горькой сироты, принять еѣ въ любовь и дать ей пристанище. Сама же мать, какъ виновная дочь, несмѣетъ предстать предъ гнѣвающагося родителя, но смѣетъ просить назначенія, что ей дѣлать съ собою.»

И вотъ какой отвѣтъ я получила:

«Собака собака смерть. Пріѣзжай ко мнѣ. Запрещаю тебѣ говорить, даже вспоминать, что ты была за этимъ мужемъ, извергомъ, самоубійцею, проклятымъ мною въ семь и въ будущемъ вѣкѣ. Забудь, что ты съ нимъ странствовала.

Его отродье брось въ лѣсу, въ степи, въ рѣку, убей, чтобы я невидалъ его; или самъ убью, удушю, растерзаю его. Я нехочу, чтобы оно существовало и напоминало о.... Вотъ средство приобрести мою любовь и благословеніе!...»

«Это письмо надписано было на мое родовое имя. Несмотря на жестокое содержаніе его, я поспѣшила собраться въ путь. Мой несравненный Александръ и въ послѣдніе дни жизни своей позаботился о средствахъ къ пути моему. Деньги, имъ собранныя, теперь пригодились мнѣ на дорогу. Онъ предъ несчастною кончиною своею очистилъ всѣ свои дѣла и бумаги, и на немъ небыло никакого начота; мнѣ дозволили взять деньщиковъ до мѣста. И такъ я съ Анюточкою и служанкою, вѣрною моею, пустилась покойно въ путь. Хотя я очень хорошо знала крутой нравъ отца моего, но все еще надѣялась своими слезами, молитвами, раскаяніемъ смягчить его. Анюточка же, двухлѣтнее, была необыкновенно милое и привлекательное дитя, и потому я надѣялась, что при первомъ на нее взглядѣ отецъ мой забудетъ ненависть къ отцу ея и станетъ любить ее.

«Но чѣмъ болѣе приближалась я къ деревнѣ отца моего, тѣмъ болѣе страхъ мой увеличивался и я теряла надежду на нѣжность отца моего. Въ большомъ страхѣ даже за жизнь Анюточки, я изобрѣтала всѣ средства къ спасенію ея и наконецъ остановилась на легчайшемъ для моего сердца. Въ семидесяти верстахъ отъ дому отца, въ деревнѣ, случай привелъ меня остановиться у старухи скромной, совѣстной, честной и богобоязливой. Ей-то ввѣрила я свою драгоценность, мою Анюточку, и вручила ей въ запечатанномъ пакетѣ свидѣтельства о рожденіи и смерти отца ея. Я надѣялась скоро умилоствитъ отца и тотчасъ самой пріѣхать за нею, а если бы гнѣвъ родительскій продолжался, то вѣрная служанка моя, при помощи другихъ батюшкиныхъ людей, коихъ я надѣялась привлечь на мою сторону, доставляла бы мнѣ часто вѣрныя извѣстія о состояніи моей Анюточки, а между тѣмъ смягчился бы родитель мой. Облобызавъ и обливъ горькими слезами мою сиротку, пустилась я въ путь....»

«Ахъ, въ какомъ положеніи нашла я батюшку!... Въмѣсто здороваго, бодрого крѣпкаго мужчины, цвѣтущаго совершеннымъ здоровьемъ, я увидѣла вышедшаго ко мнѣ на встрѣчу

старичка, слабого, худого, скорбнаго, изнеможеннаго.... Я была поражена и немогла тронуться съ мѣста. Онъ, съ нѣкоторымъ упрекомъ, сказалъ мнѣ: «Это ты меня такъ перемѣнила!» Я не выдержала.... упала къ ногамъ его, стелая. «Полно!» сказалъ онъ мнѣ, удушая свои слёзы, «всё забыто и съ этихъ поръ—ни слова о прошедшемъ. Сядь подлѣ меня.» Онъ самъ помогалъ мнѣ встать и посадилъ подлѣ себя, держа меня за руку и отвѣчая на мои ласки. «Подайте барышнѣ чаю!» поспѣшилъ онъ выговорить, какъ будто предугадывая, что я готовилась уже упасть къ ногамъ его и просить за мою милую Анюточку.... Ахъ, эти слова показали мнѣ, что онъ намѣренъ твердо держать свое слово. Я вздрогнула и замолчала, видя въ немъ иногда возраждающуюся суровость».

«Я была съ нимъ цѣлый вечеръ. Онъ одинъ говорилъ, и все о постороннихъ для меня вещахъ и происшествiяхъ, съ нимъ случившихся безъ меня; но ни однимъ словомъ не упомянулъ о моей отлучкѣ отъ него или тому подобномъ. Я ожидала съ нетерпѣнiемъ времени, когда пойду къ себѣ. чтобы поручить служанкѣ моей чуть свѣтъ отправиться къ Анюточкѣ и привезти самыя вѣрныя извѣстiя; но какою горестью была я поражена, когда явилась ко мнѣ для услугъ женщина и рассказала мнѣ, что немедленно по прiѣздѣ моемъ, по приказу отца моего прежде отданному, служанка моя отправлена въ дальнѣйшую деревню нашу, а деньщики тогда же, при бумагѣ и съ даннымъ имъ награжденiемъ, представлены въ губернiю къ военному начальству.... Какую жестокою ночь провела я!...»

«На другой день, женщина объявила мнѣ волю отца, чтобы я отнюдь не носила чернаго платья.... Я надѣла бѣлое и была очень печальна. Батюшка засталъ меня въ слезахъ. «Что значать эти слезы?» сказалъ онъ съ суровостию: «У тебя нѣтъ никого, ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ, о комъ бы тебѣ можно плакать. Я одинъ у тебя; и чтобы я невидѣлъ тебя, нетолько плачущую, но ниже печальною.»

«Видя слабое здоровье его, я боялась раздражать его и повиновалась ему во всемъ. Равнодушно слышала, когда люди, и даже мнѣ въ глаза, называли меня, по его приказанiю и съ его примѣра, барышнею. Когда мнѣ дѣлалось необыкновенно грустно, я уходила отъ всѣхъ и молилась за мою

мою Анюту...., неимѣя возможности ничего сдѣлать для нея больше; плакала много-много.... и должна была являться къ отцу моему съ спокойнымъ лицомъ.»

«Наконецъ, неимѣя возможности переносить моего положенія и оставаться такъ долго въ неизвѣстности на счетъ моей Анюточки, я рѣшилась подкупить человѣка, съѣздить въ деревню и узнать о ней; но онъ тутъ же сказалъ мнѣ, что имъ всеѣмъ строжайше запрещено исполнять такого рода мои приказанія и даже наблюдать, не будетъ ли со стороны какихъ подсылокъ.»

«Мы такъ и дѣлаемъ, барышня, чтобъ никто неподалѣ вѣсти о вашей дочери, заключилъ онъ свое объясненіе.»

«Кровью облилось мое сердце слушая его!... и послѣ того, я не смѣла уже относиться ни къ кому изъ нихъ.»

«Такимъ образомъ, страдая и скрывая свои страданія, прожила я шесть мѣсяцевъ горькихъ, тяжело-мучительныхъ. Осыпаемая впрочемъ ласками отца моего и видимо имъ любимая по прежнему, ни одной минуты однакожь не видала я въ немъ намѣренія примириться съ тѣнью моего мужа и снять проклятіе съ невинной внуки своей.

Нѣтъ ее!

«Отецъ мой, изнуренный горестями, мною ему причиненными, впалъ, наконецъ, въ тяжкую болѣзнь. Къ безотрадному моему состоянію присоединилась еще мысль, что я поведеніемъ своимъ сократила дни жизни родителя моего.... О, каково мнѣ было переносить все это!... Одна мысль, что я нужна для Анюточки, поддерживала меня и давала мнѣ силы исполнять долгъ мой, находясь при болѣзненномъ одрѣ отца моего ночь и день. Моя нѣжная заботливость трогала его, и онъ благодарилъ меня усердно.

Между тѣмъ медики уже отчаявались въ его жизни.... Сколько разъ я хотѣла пасть предъ нимъ и вымолить прощеніе несчастному моему Александру и благословеніе все еще гонимой Анюточкѣ, и позволеніе взять ее къ себѣ и представить ему; но каждый разъ слова замирали на устахъ моихъ и я отъ нерѣшимости моей приходила въ отчаяніе.»

*

«Въ одинъ день онъ долго и внимательно смотрѣлъ на меня и потомъ вдругъ спросилъ: «Жива ли дочь твоя?» Боже мой, что я почувствовала!... Какая радость овладѣла мною!... Я задрожала, едва могла выговорить: «жива, но....» какъ зарыдала горько и бросилась цѣловать ноги его!... «Далеко ли отсюда?»—Въ семидесяти... верстахъ;... батюшка!... «Чего же ты плачешь? Пошли за нею и ты завтра ее увидишь; и я хочу ее видѣть и благословить, какъ дочь любезной моей дочери. Посылай поскорѣе.»

«Внѣ себя отъ радости я немогла ничего говорить, какъ только продолжала цѣловать руки и ноги его, и вскрикивала: «батюшка!... батюшка!... дочь моя!...»

«Онъ еще напоминалъ, чтобы я скорѣе успокоила, представивъ ему милую малютку, и я поспѣшила тотъ же часъ распорядиться, выбрала надежныхъ людей и двухъ женщинъ для сбереженія ея, кое-какъ устроила платица для милой моей Анюточки, чтобы не въ лохмотьяхъ ее представить отцу моему. Отправивъ карету, я приказала, чтобы скорѣе доведена была малютка, разставить подставныхъ лошадей, дать провожатыхъ на худыхъ деревенскихъ переправахъ... и разсчитывала часы, когда я увижу ее.»

«Батюшка одобрялъ всѣ мои распоряженія и безпрестанно говорилъ, разспрашивая о ней и изъясняя нетерпѣнне видѣть ее; разспрашивалъ и о жизни моей съ Александромъ, но примѣтно ослабѣвалъ; а вечеромъ ему сдѣлалось хуже. Утромъ въ полной памяти, но въ слабости великой, исповѣдавшись и приобщившись, просилъ у меня прощенія въ своей жестокости, благословилъ меня, Анюточку мою, сѣтуя что невидитъ при себѣ въ это время, молился и за Александра и.... тихо скончался на рукахъ моихъ....

«Хотя совершенно была я прощена отцемъ моимъ и клятва его снята со всѣхъ насъ, но правосудный Богъ послалъ мнѣ наказаніе, равное винѣ моей: виновная дочь недостойна быть матерью!

«Скорбя о кончинѣ отца моего и распоряжаясь погребеніемъ его, я забыла время, въ которое должно бы ожидать моей Анюточки. Въ самое время погребенія батюшки воротились посланные люди съ горестнымъ, страшнымъ для меня извѣстіемъ, что та самая старуха, которой я поручила Анюту,

умерла около шести мѣсяцевъ, что домъ ея достался племяннику, который, равно какъ и сосѣди, и самъ священникъ, засвидѣтельствовали, что у покойной никто не видалъ никакой дѣвочки.... Въ одинъ день я лишилась всего для меня драгоценнаго и осталась одинокою въ мѣрѣ!...

«Я неумѣю вамъ изъяснить, что я чувствовала, и не постигаю, какъ перенесла горе!... Немного укрѣпясь, я приказала везти себя въ Барыловку и, несмотря на мои розыски, старанія, угрозы, обѣщанія, ничего болѣе неоткрыла, какъ то, что никто не видалъ никакого дитяти у такой-то женщины. Даже самъ священникъ, ненаходя по запискамъ своимъ, чтобы около того времени умерла въ его приходѣ какая дѣвочка, не зналъ что и подумать».

«Употребивъ всё къ узнанію о судьбѣ моей дочери и не успѣвъ ни въ чемъ, я оплакала ее и тутъ же—горькое свое одиночество, поселилась въ моемъ уединеніи, проводя время въ слезахъ и молитвахъ. Узнавъ о прїѣздѣ дяди моего, вашего начальника, въ Кіевъ, я поспѣшила туда прїѣхать, и самъ Богъ конечно, умилосердясь надъ моими горестями, послалъ мнѣ въ васъ ангела утѣшителя!... Я увижу опять дочь мою, мою любезную Анюточку, залогъ любви моего незабвеннаго Александра, прижму ее къ своему сердцу и, примиренная съ своею совѣстью, забуду пятнадцатилѣтнія страданія!...»

И н ѣ т ь е е .

Такъ предавалась радости нѣжная мать. Я не смѣлъ и не хотѣлъ смущать ея сердца пагубными предчувствіями, сомнѣніями, которыя начали беспокоить меня по мѣрѣ приближенія нашего къ Харькову. Слишкомъ четыре года прошло, какъ я видѣлъ Ганнусю: мало ли что могло случиться съ нею въ такое продолжительное время! Она могла умереть, переселиться въ другое мѣсто.... Ну, если Чучукалка, или другая женщина, занявшая ея мѣсто, напрасно дожидаясь меня, выдала ее за какого-нибудь дьячка или ремесленника? Быть можетъ, съ нею случилось еще что-нибудь хуже!... Признаюсь, я вздрогнулъ невольно, и неменьше злополучной матери (которой, къ счастью, ни одной изъ сихъ черныхъ мыслей непри-

ходило въ голову), желалъ поскорѣе пріѣхать въ Харьковъ и узнать судьбу ея дочери.

Предчувствія мои оправдались!...

Въ Харьковъ мы пріѣхали за-полночь; нельзя было отыскивать Ганнуса. Но лишь стало разсвѣтать, какъ петерпѣливая мать велѣла разбудить меня, стала убѣдительно просить, чтобы я тотчасъ ѣхалъ за ея дочерью; отдавала мнѣ салопъ, платки, теплыя ботинки, чтобы одѣтъ, укутать ее; поручала мнѣ бережно везти ее, непростудить; торопила людей, чтобы скорѣе готовили чай, кофе, чтобы все было вкусное и горячее, согрѣтъ барышню, ея безцѣнную Анюточку; приказывала бѣжать за портными, швеями, чтобы тотчасъ пріодѣтъ и нарядить ее прилично: но видя, что ни я неѣду, потому что было еще такъ рано, что и извозчика для меня нельзя было найти, и что и люди, по той же причинѣ, ни за что непринимаются, начала плакать отъ нетерпѣнія.... Наконецъ, дождалась, что я поѣхалъ.

Съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ я калиткою во дворъ къ Чучукалкѣ, который помнилъ очень твердо, отворилъ двери въ хату и—каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто корытъ, кадокъ, квашень, я увидѣлъ человѣкъ восемь работниковъ, которые шли свиты изъ сѣраго сукна... Я остановился, какъ одеревенѣлый, посреди хаты, съ открытымъ ртомъ, немогши произнести ни слова.

Работники оглянулись и, неслыша никакого вопроса, оставили меня безъ вниманія и продолжали свою работу. Опомнившись, я спросилъ ихъ: «Гдѣ же Чучукалка? Булочница, которая жила здѣсь?» прибавилъ я, видя ихъ молчаніе.

«Нескажемю; пытайте хазяина», лѣниво отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Я бросился къ хозяину, котораго встрѣтилъ въ сѣняхъ. На вопросъ мой о Чучукалкѣ, онъ долго воспоминалъ: «Яка-се?... яка-се?... Эге, ге, ге, ге!» вскричалъ онъ, наконецъ: «Это булочница. Охъ, ваше благородіе, а можетъ и ваше высокоблагородіе, невзыщите, пожалуйста: я немогу сказать вамъ, гдѣ она нынѣ пребываетъ, потому что она года четыре, а чуть ли и не болѣе, вышла отъ меня, въ разсужденіи коммерціи, по причинѣ той, что составлялось веселіе (свадьба) моей Присиньки, то мнѣ для такого случая понадобилась противная хата».

— Но куда она переѣхала? прервалъ я его съ нетерпѣніемъ.

«Дай Богъ память?» сказалъ онъ, приставивъ палецъ ко лбу: «давно дѣялось». Потомъ вдругъ началъ: «Безошибочно, государь мой, доложу, что она перешла на Гончаровку, но къ кому именно, сего вамъ не скажу, по той причинѣ, что я, въ разсужденіи коммерціи своей, въ той сторонѣ небываю и мало изъ тамошнихъ жителей кого знаю».

Кивнувъ головою многорѣчивому коммерсанту, я бросился назадъ къ своему извозчику и велѣлъ везти себя на Гончаровку. Дорога была мимо нашей квартиры. Предугадывая, что г-жа Резе, увидя меня ѣдущаго безъ дочери, испугается, я побываль у нея, объяснилъ, что Чучукалка перемѣнила квартиру, и заклиналъ, чтобы она нетревожилась напрасно, если мое отсутствіе замедлится.

Извозчикъ привезъ меня въ предмѣстіе, остановился и сказалъ: «Вотъ и Гончаровка; куда прикажете подѣхать». — Вези меня къ здѣшной булочницѣ. «Эхъ баринъ булочницы-то лучшія за Нетечью; мы проѣхали мимо». — Неможесть быть; ты вѣрно незнаешь. «Вота! я незнаю! Да есть ли городъ такой знатной господинъ, кого бы я не зналъ, не то что булочницу! Свеземъ, куда угодно; къ совѣтнику ли какому, секретарю, профестору, священнику; только скажите какая его фамилія, а то....» — Вези меня къ здѣшнему священнику. «Къ которому? Ихъ здѣсь два». — Къ которому ближе. И извозчикъ привезъ меня къ священнику.

Извиняясь о своемъ посѣщеніи, я поспѣшилъ спросить его о жительствѣ въ его приходѣ Чучукалки? Услышавъ ея имя, онъ долго припоминалъ, и наконецъ сказалъ, что женщина, такъ называвшаяся, кажется, умерла въ его приходѣ. «Ахъ Боже мой!» вскричалъ я, немогиши удержать своего горестнаго удивленія. — Но позвольте, сударь, быть можетъ, я тревожу васъ напрасно; мы лучше справимся по метрическимъ книгамъ. Пономарь принесъ ихъ, и священникъ, роясь въ книгахъ, чрезъ полъ часа, мучительнаго для меня, прочолъ: «вдова Іуліана Чучукалка, во дворѣ обывателя Симеона Солодченка, помре декабря 7-го....» — Это было назадъ тому около четырехъ лѣтъ, сказалъ священникъ, отдавая книгу пономарю. «Незнаете ли вы чего-нибудь о ея приѣмной дочери?» спро-

силъ я.—Ничего незнаю, припомню только, что эта женщина умерла въ крайней бѣдности и похоронена на счетъ своего хозяина. Человѣкъ отмѣнно добрый: распросите лучше его. Онъ живеть.... но я лучше расскажу вашему извозчику. И привѣтливый священникъ вышелъ со мною на улицу, разтолковалъ извозчику, куда везти меня, и пожелалъ мнѣ успѣха въ моемъ исканіи.

Скоро нашель я Солодченка. Онъ сказалъ мнѣ, что Чучулка точно перешла къ нему съ тремя работницами, въ числѣ которыхъ была «невелике дивчѣ», сходная съ моимъ описаніемъ, по имени, кажется, Ганнуся. Булочница занималась сперва своимъ промысломъ, а «черезъ годъ мѣста занедужала», такъ что должна была оставить свой промыселъ и распустить своихъ работницъ одну за другою; но гдѣ они нашли себѣ пристанище, объ этомъ онъ незнаеть. «Неможешь ли ты, по крайней мѣрѣ, догадаться, кто взялъ къ себѣ Ганнусю? Такая молоденькая дѣвочка немогла сама себѣ приискать мѣста». На вопросъ мой, онъ долго думавши, наконецъ, отвѣчалъ: «Ежели взяла ее, такъ вѣрно Сюсюрчиха, она покойницѣ была большая пріятелька и лукавствомъ своимъ много выманила у нея передъ смертью добра. По крайней мѣрѣ, она должна знать, куда дѣбалась Ганнуся». — Кто эта Сюсюрчиха, и гдѣ она живеть? «Живеть она верстахъ въ пятнадцати отсюда, въ Безлюдовкѣ; старуха хитрая, и худая слава идетъ про нее», примолвилъ онъ въ полголоса, оглядываясь, какъ будто изъ опасенія, что Сюсюрчиха изъ-за пятнадцати верстъ его подслушаетъ. «Не я говорю, а другіе, что она вѣдьма.... Цуръ ей, пекъ отъ насъ! ко мнѣ пристала было за «спадками» послѣ покойницы; перешарила, пересмотрѣла, да и бросила ругаясь». — А развѣ что-нибудь осталось послѣ Чучукалки? спросилъ я, вспомня о интересномъ пакетѣ. «Дрянь какая-то; брѣдко и смотрѣть». — Покажи мнѣ, сдѣлай милость. «Да на что вамъ? А, впрочемъ, пожалуйста». Добрый мѣщанинъ полѣзъ на чердакъ и стащилъ мнѣ полуразвалившійся сундукъ безъ крыши, съ обломками ведеръ, лопатокъ, прорванными рѣшетами, обрывками ряденъ.

Онъ началъ все выкидывать по моей усиленной просьбѣ, приговаривая: «Эка дрянь!... вотъ и еще.... и это неуцѣлѣло бы, коли-бъ я неказалъ хлопцамъ стаскать на горище. Все остались однѣ ганчирки». — Пожалуста, мой другъ, переберемъ

и ганчирки, просилъ я его, надѣясь все еще найти пакетъ г-жи Резе. Онъ началъ разбирать всѣ доскутки и наконецъ вынулъ что-то завернутое въ тряпкѣ.... Я удерживалъ свою радость, боясь подать подозрѣніе.... Точно!... Солодченко снялъ послѣднюю обертку и, увидѣвъ пакетъ, сказалъ: «Чтобы это такое? Не сонъ ли Богородицы» *). Я взявъ у него изъ рукъ, радуясь его догадкѣ и читая надпись, сказалъ: «Точно такъ, а на что онъ пригоденъ?» — Какже? отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ, и развѣ вы не знаете, что тотъ будетъ на вѣкъ благополученъ, у кого есть сонъ Богородицы: и домъ его не сгоритъ, и всяка болѣзнь отбѣжитъ, и злой человекъ не прикоснется и печаль невозобладаетъ. Спасибо нашему дьячку: онъ списалъ мнѣ за улей пчель и за пять локоть полотна.— «Такъ, стало быть, этотъ ненуженъ тебѣ? Уступи его мнѣ, я заплачу тебѣ что хочешь....»

— И, помилуйте, возьмите его дурно (даромъ, безъ всего). У меня есть; торговать такою святынею негодится. Если бы я былъ письменный, — продолжалъ онъ съ умиленіемъ, — то я все списывалъ бы его да раздавалъ православнымъ, чтобъ никто на семъ свѣтѣ небѣдствовалъ.

Съ радостью взявъ драгоценныя для меня бумаги и отъ чистаго сердца поблагодаривъ добраго мѣщанина, я поѣхалъ къ г-жѣ Резе, увѣрилъ ее, что наполь слѣды Чучукалки; совѣтовалъ терпѣливо ожидать окончанія моихъ поисковъ, которые могутъ продолжаться долго, потому что Ганнуся, по обычаю здѣшнихъ жителей, быть можетъ, съ перемѣною мѣста, перемѣнила и имя свое. Потомъ отправился я къ губернатору, объяснилъ ему все дѣло, рассказалъ ему, какъ хочу дѣйствовать и, поручивъ г-жу Резе его покровительству, поѣхалъ въ Безлюдовку.

*) Сонъ Богородицы, яко бы видѣнный на горѣ Елеонской, — глупое и безтолковое сочиненіе. Въ заключеніи сказано: кто будетъ его имѣть въ домѣ, будетъ всегда здоровъ, счастливъ и прочее; воръ того дома необокрадетъ, огонь, вода и прочія бѣды не прикоснутся, и много подобнаго вздору. Дьячки поддерживаютъ это суевѣріе, пишутъ „таковыя книжицы“ и получаютъ за то изрядный доходъ. У насъ каждый зажиточный хозяинъ ничего не пожалѣетъ, чтобы приобрести Сонъ, и хранить его непременно въ сундукѣ, чтобы туда стекались деньги.

Прим. астора.

Колдунья.

Въ шалостливое время, время молодости, я имѣлъ много случаевъ узнать вблизи всѣ продѣлки, всѣ фокусы - покусы здѣшнихъ проказницъ, подающихъ о себѣ подозрѣніе, что она колдунья, или, по здѣшнему, вѣдьма. Такою она показывается предъ простаками, но лишь замѣтить, что кого одурить не-можетъ и что тотъ хитрѣе ея, такъ тутъ уже ни за что въ свѣтѣ неупросишь и некупишь, что бы она поворожила, повѣдьмила: и «забѣжитца, и заприсягнѣтца», что она ничего не знаетъ и неумѣетъ, и что это ея ворогѣ такую славу про нее распустили. Вотъ почему я и нерѣшился явиться предъ всевѣдущею Сюсюрчихою въ настоящемъ своемъ видѣ; она меня тогда, признавъ за пана, «излякалась» бы и ничего бы мнѣ неоткрыла, скрывъ и самую Ганнусю, смекнувъ тотчасъ, что я пріѣхалъ за нею.

Для этого я принарядился полупанкомъ, нѣчто отставшее отъ мужика въ одеждѣ и недопешшее до панскаго сертука и круглой шляпы. Имѣя отъ губернатора открытое предписаніе къ сельскимъ начальствамъ во всякомъ мѣстѣ и случаѣ исполнять всѣ требованія мои, я скромную мою подводку при вѣздѣ въ селеніе отпустилъ впередъ, приказавъ ожидать меня у волостного правленія.

Пѣшкомъ, около вечера вошоль я въ Безлюдовку и началъ спрашивать о жительствѣ Сюсюрчихи. Иные, вмѣсто всякаго отвѣта, плюнувъ, отходили отъ меня; другіе, крестясь, вскрикивали: «цурь їй, некъ одъ насъ!» Хороша слава, подумалъ я; и у такого изверга наша Ганнуся! Наконецъ, нашла добрая душа и указала мнѣ дворъ ея, въ самомъ концѣ селенія; ворота были заплетены хворостомъ, а входъ оставался чрезъ узкую калитку, запертую изнутри. Я долго стучался. Наконецъ, отворила мнѣ ее старуха дѣтъ шестидесяти, съ лицомъ изсохшимъ, исковерканнымъ ужасными морщинами, криворотая, въ засаленномъ тулупѣ; клоки сѣдыхъ волосъ торчали у нея кое гдѣ изъ подъ грязнаго холстиннаго «очипка». Большими сѣрыми, пронзительными и, теперь еще мошеническими глазами взглянула она на меня быстро. Я заикаясь спросилъ: «Чы дома паниматка?»

— А на-що вамъ вона? проворчала старуха хриплымъ, переходившимъ изъ баса въ фистулу голосомъ, продолжая внимательно осматривать меня съ головы до ногъ.

«Я припольш поговорить съ нею о своей нуждѣ», отвѣчалъ я съ низкимъ поклономъ, стараясь выказать узелъ съ гостинцами, держимый мною подъ шинелью.

Жилистыми руками она схватила меня и почти втащила во дворъ, заперла калитку и повела за собою.

Мы вошли въ довольно просторную избу, въ коей непримѣтно было довольства, неопрятную и затканную большими паутинами. Въ переднемъ углу небыло образа, какъ бы должно было, и я поостерегся креститься вошедши. Вынувъ изъ своего узла штофъ водки, бѣлый хлѣбъ и рубль денегъ мѣдью, я положилъ все на столъ, непокрытый ни чѣмъ, противъ обыкновенія, грязный, на коемъ нележалъ даже и хлѣбъ, означающій готовность хозяина всякаго пришедшаго угостить хлѣбомъ-солью.

Старуха, окинувъ взглядомъ деньги, сложенные мною четвертными кучками, сказала: «тутъ цѣтъ, а мыни щобъ бувъ не-чить; або прибавъ, або озьмы усѣ назадъ». Я съ низкимъ поклономъ доложилъ до нечету. Потомъ она изъ угла достала какую-то странной фигуры чарку, влила въ нее мною принесенной водки и, шепча какія-то слова, выплеснула черезъ голову къ дверямъ; потомъ, разогнувъ ножъ, висѣвшій у нее на поясѣ, отрѣзала кусочекъ моего хлѣба и бросила подъ лавку, на покутъ, почетный уголь. Кончивъ такое таинственное жертвоприношеніе, она велѣла мнѣ сѣсть на лавку почти у самыхъ дверей, стала противъ меня и, устремивъ на меня свой вѣдѣмскій, испытующій взоръ, который я едва могъ перенести, спросила: «А видкиля вы, сыночку? А ну-те кажить, кажить?»

— Изъ Харькова, бабусю! ты вѣрно это знаешь?

«Вже я бъ-то незнала. Та я усѣ знаю; знаю уси ваши дѣмки и гадкы и за чымъ вы такъ здалеку прыйшлы. А скажить мыни, за чымъ вы прыйшлы? Чи по правди вы скажете?»

— Я несмѣю говорить, кто-то есть въ избѣ у тебя.

«Та нема никого. Отъ, свого недѣжного старого видезла сѣгодня до знахуркы: своего мужыка намъ неможно личты; такъ я соби и восталась сама».

— Но у тебя есть дѣти, внуки или какіе приемыши. Войдутъ и помѣшаютъ. Кликни ихъ сюда и дай имъ дѣло на долго.

«Та въ мене никогисинько нема, кажу вамъ; никто не-прійде. Говорить, смѣлово говорить, батечку».

Услышавъ ее увѣренія, что при ней никого нѣтъ, я смутился; но вспомнилъ, что эти колдуньи всегда скрываютъ своихъ домашнихъ, которые, бывъ скрыты, помогаютъ отправлять ворожбу и обманывать легковѣрныхъ. При призваніи нечистаго духа, вдругъ въ углѣ или на печкѣ поднимается шелестъ, мурныканье, а иногда и отвѣты издаются на вопросъ вѣдьмы. Я этого ожидалъ надъ собою и потому рѣшился вызвать ее на полное чародѣйство, чтобы подмѣтить, nebudeť ли кто при ея ворожбѣ играть роль нечистаго духа; тогда броситься туда и, что еслибы?—открыть Ганнусю!...

— Нѣтъ мнѣ счастья въ женщинахъ, сказала ѣ жалобнымъ голосомъ. Никто нехочетъ за меня ити: къ кому ни присватаюсь, всѣ и руками и ногами отъ меня. На семнадцати дѣвкахъ и на тринадцати вловицахъ сватался, вездѣ гарбузы поднесли. Нельзя ли какъ помочь мнѣ бабушка? поворожи-тка?

«От-такъ, сыночку! ты усю щырую правду сказавъ. Я се и напередъ знала. О! я усе знаю. Бачъ, тебе остужено; ще якъ ты бувъ молодой, такъ за тебе дви дивкы посва-рылыся, та тебе и остудылы; та мы знімемо остуду, тилкы теперь неможно, свята пятинка зайшла; нехай завтра у вѣчери».

Я—кланяться, упрашивать, умаливать, что мнѣ время дорого, нужно жениться поскорѣе; положилъ передъ нею два цѣлковыхъ, красненькую обѣщаль и—твердость ея поколебалась.

«Ничого робыты зъ тобою, сыночку! ходимъ у мій кутокъ» сказала она, прибравъ деньги; достала стклянку, и наливъ изъ ней въ прежнюю чарку какой-то смѣси темно-буро-зеленаго цвѣта, поднесла мнѣ: «выпый, сыночку, страха рады, щобъ небаявся, колы що побачышь, або почувешъ. Та пый некрестячыся, гляды!»

Очень понимая, что это настойка изъ дурмана, которою обыкновенно колдуньи опаиваютъ ворожущихся у нихъ, дабы

ихъ удобнѣе было обморочить и увѣрить, что происходило во время ихъ одурѣнія, я, взявъ чарку, сдѣлалъ видъ, будто выпилъ, а между тѣмъ искусно вылилъ въ рукавъ и продолжалъ морщиться. Колдунья зажгла ночникъ и привела меня въ темную коморку, заваленную разными дрянными вещами. Въ углу сдѣлана была маленькая глиняная печурка, въ коей вѣдьма раздула уголье и начала варить какое-то снадобье въ маленькомъ горшечкѣ, шепча безпрестанно себѣ подъ носъ.

Когда варево начало кипѣть, колдунья начала во всѣ стороны метаться и что-то бормотать. Потомъ, оборотясь ко мнѣ, спросила: «Чы небудешъ боятысь, якъ я стану перекидыця (превращаться) у усякую звирыку и птыцю?»

Неподумавши, я отвѣчалъ, что ничего небоюсь. Колдунья моя опѣшѣла, увидѣвъ, что неможетъ меня одурить; съ изумленіемъ смотрѣла на меня и вѣрно удивилась, что ея настойка дурману на меня неподѣйствовала и, наконецъ, сказавъ: «воно и безъ перекиданья кыпыть», продолжала хлопотать около горшечка.

Крѣпко жалѣлъ я на себя, что помѣшалъ ей вполнѣ сыграть свою комедію, посредствомъ коей, быть можетъ, открылось бы что нибудь относящееся къ Ганнусѣ; но дѣлать было нѣчего.

Колдунья насыпала разныхъ порошковъ и начала мѣсить лепешку на взварѣ, уже совсѣмъ вскипѣвшемъ. Подсушивъ ее на огнѣ, она взяла ночникъ и повела меня въ хату. Тамъ, выпивъ моей водки, какъ она сказала «по трудахъ», дала мнѣ лепѣшку и сказала: «кому тилкы дасы сѣго кѣржыка зѣйсты, такъ усяка за тебе пѣде; та нетѣ, що хтѣ, та й самого справныка дочка почепытыця тоби на шыю и буде просыты: озмы мене, голубчыку, та й озмы.»

Я кланялся ей безпрестанно и между тѣмъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Незнавъ до сихъ поръ ничего, я началъ просить: «Правду тебѣ, бабѹсю, сказать, я боюсь, чтобы неопибиться; ну, коли навяжется какой ворогъ на шею, что и несбуду ее? Я бы женился и на простой—я и самъ не какой великій панъ, а такъ себѣ—да лишь бы была добрая. Нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ какой гарной дивчины или хоть и вдовицы молодой, красивой, да здоровой?

Высватай за меня, вотъ тебѣ тутъ же сторублевую бумажку дамъ, а послѣ и еще.»

— Охъ, моя голѣвонька бидная! ворчала старуха. Кто жѣ тебе знавъ? Колюбъ по-переду сказавъ?»

«А у тебя развѣ была такая дѣвушка?» спросилъ я, вздрогнувъ отъ ожиданія, что еще услышу.

— Була, та ще панянка, сырточка; я зъ Харькова привезла. Та що то за красыва була!...

«Куда же ты дѣвала ее?» спросилъ я, едва удерживаясь.

— У добри руки продала. Эге! вона, бачъ, полюбылась пану, що....

«Какъ продала?» вскричалъ я, задыхаясь отъ гнѣва и бросаюся на старую вѣдму. «Сказывай сейчасъ всю правду, не то, я задушу тебя....» Я былъ внѣ себя!...

— Та що се ты рѣбышь? запицала старуха, душимая мною. Отъ скажу слово, та дмухну на тебе, такъ заразъ собакою станешъ....

Я душилъ ее, колотилъ и непременно убилъ бы—въ такомъ былъ изступленіи—если бы невспомнилъ, что нужно узнать мнѣ всѣ подробности. Подъ ударами моими, она разсказала мнѣ, клянясь въ справедливости, что Ганнуся жила у нея вмѣсто дочери, что она хотѣла передать ей всѣ свои знанія; что однажды, когда Ганнуся шла за водою, сосѣдній помѣщикъ, проѣзжая, увидѣлъ ее, и она ему понравилась. «Винъ заразъ до мене» продолжала старуха: «и наобещавъ мыни и грошей багато, и усякого хлиба, щобъ я Ганнусю та видпустылабъ до нѣго, а винъ їи виддасть за першого свого лакгея. Я заразъ догадалась, що-се воно ё, та й подумала: «отъ сыроті ще щастья буде» и зторжылась зъ нимъ. Винъ обещався заразъ у недилю прислати за нею. Я, щобъ вона, часомъ, не дрочылась, розказала їй усе; такъ, батечку мій! и у голѣсь, и у слѣзы! нехочу, нехочу; свить за очыма пиду; а нехочу. Я такы за се и побыла їи....

Тутъ я ударилъ проклятую вѣдму и чуть невыбилъ у ней послѣдняго зуба, и она насилу могла продолжать:

— У саму недилю, якъ треба щобъ за нею люды приихалы, кынулась я у ранци,—нема моеи Ганнуси! Де то вже нешукала я їи! Нема, та й нема! А тутъ и люды прыбыгли

за нею, повозкою; я їмъ усе и розказала и нарёила їхъ, щобъ пошукать їи у лиску, побыла села: нїгде билшь їи дитысь. Воны заразъ и побиглы, и мабуть, що й знайшлы їи, бо вже до мене неверталысь ажъ и досе....»

Я высочилъ опретью изъ адекаго жилища ужасной вѣдьмы.

Оомкина жена.

Немогу изъяснить, что я чувствовалъ, узнавъ отъ проклятой старухи эти ужасныя подробности.... Лихорадка была меня.... и я почти въ безпамятствѣ бродилъ по селенію.... Такъ! участь Ганнуси рѣшена безвозвратно!... она погибла!... но какъ объявить объ ней несчастной ея матери, которая, при всей горячности къ дочери, рѣшительно должна отказаться отъ нея.... несчастная!...

Въ продолженіе мучительной ночи я придумывалъ, что мнѣ дѣлать? Ъхать къ помѣщику, упрекать его, ссориться съ нимъ, требовать дочь къ матери.... но она жена, мужъ ея неотпустить.... и жена камердинера развратнаго барина!... Боже, Боже мой!... Что мнѣ дѣлать?... Несчастливая Ганнуся.

Рано утромъ, показавъ свои бумаги, потребовалъ я отъ сельскаго начальства лошадей въ деревню помѣщика, погубившаго Ганнусю, не для того, чтобы требовать ее: этого невозможно было сдѣлать; но по крайней мѣрѣ видѣть ее, увѣриться въ ея погибели и — поплакать вмѣстѣ съ нею, если неистреблены въ ней чувства совершенно.

Волостной писарь явился ко мнѣ съ предложеніемъ предосторожностей: «Ихъ благородіе хотя и не въ отдаленности жительствоуютъ и ваше благородіе скоро туда изволите доѣхать, но какъ ихъ благородіе изволятъ рано съ утра ежедневно напиваться пьяны со своею прислугою и во оное время изволятъ грубіанить и досаждаютъ всѣмъ прїѣзжающимъ къ ихъ благородію, хотя бы и по казенымъ дѣламъ; то неблагоугодно ли будетъ вашему благородію отправиться къ ихъ благородію попозднѣе къ вечеру, ибо ихъ благородіе вторично напиваться изволятъ неежедневно, то, статья можетъ, что ваше благородіе изволите обрѣсти ихъ благородіе въ трезвости и поговорить о дѣлѣ.»

Какая мнѣ нужда до ихъ благородія, хоть бы онъ и замертво былъ пьянъ; я ѣду увидѣть ее и увѣриться въ ея погибели! такъ думалъ я поспѣвая къ своей цѣли. Съ горестнымъ чувствомъ приближался я къ деревнѣ, и, какъ прежде я пламенно желалъ отыскать Ганнусю, такъ теперь, при мысли, что найду ее замужемъ за слугою, фавориткою барина, обезчещенною, развращенною, погибшею навсегда!...

Наружность моя, принятая еще въ Харьковѣ, дала мнѣ поводъ, необращая ничего вниманія, остановиться въ шинкѣ. Съ пьянствующимъ тамъ лакеемъ я свелъ знакомство и узналъ отъ него, что господа поѣхали въ гости къ сосѣдямъ. Попотчивавъ его и ведя осторожно разспросы, услышалъ, что баринъ ихъ человекъ старый, но развратный, живетъ съ женою нехорошо, людямъ велитъ жениться на комъ самъ знаетъ, вотъ какъ и Фомкѣ велѣлъ жениться на Харьковской!...

«На Харьковской? Не Ганнусей ли зовутъ?» спросилъ я торопливо.

— Тшъ! какъ ты смѣешь такъ называть ихъ?—сказалъ онъ шопотомъ: они уже теперь Анна Савишна.

«Нельзя ли мнѣ повидаться съ нею?»

— Повидаться? пожалуй! Она у насъ неспѣсива, хотя и великая персона. Да что она, родня тебѣ, что ли?

«Какъ же, братъ, троюродная племянница моему внучатому крестнику.»

— Хе, хе, хе, хе! Знаемъ, знаемъ; понимаемъ всё. Мужа ея также нѣтъ дома.... а такимъ гостямъ, для ради стараго знакомства, она рада будетъ.

Я поднесъ своему знакомцу еще чарки двѣ водки и мы пошли. Меня бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Наступаетъ рѣшительная минута.... Все выскажу ей и убѣгу отъ нее навсегда.

Входимъ въ комнату, очень хорошо прибранную.... О, что я чувствовалъ, осматривая всё!... Она сидитъ къ намъ спиною.... и нарядъ ея доказывалъ мнѣ ея безчестіе!...

«Ганнуся!» едва я могъ выговорить.

— Что? сказала она и оборотилася ко мнѣ....

«Это.... это не она!» вскричалъ я задыхаясь, отъ полноты восторга и изумленія.

— Что вамъ надобно тутъ?

«Ничего.... я думалъ....» и необъясняя болѣе ничего, въ неописанной радости, выбѣжалъ отъ нея.

— Дуракъ.... нахалъ... пьяный! визжала красавица пискливымъ голосомъ въ слѣдъ мнѣ, но я не обращалъ ни на что вниманія и, какъ мальчишкѣ, вырвавшійся изъ школы отъ предстоявшаго ему наказанія, бѣжалъ легко, быстро, весело къ шинку и приказалъ впрягать лошадей.

Пьяножка-лакей неоставлялъ меня къ счастью моему.

«Что, братъ? несолоно похлебаль у трожородной племянницы?» спросилъ онъ меня, глупо подсмѣивая.

— Нѣтъ, это не та.

«Такъ и тебѣ не та, какъ и нашему барину?»

— Какъ, что такое? расскажи пожалуста!—и поставилъ передъ нимъ водки, горя нетерпѣніемъ, что я услышу отъ него.

«А вотъ что, любезный другъ! Баринъ приторговаль въ Безлюдовкѣ, вонъ тамъ, у какой-то старухи красотку и послалъ насъ за нею; вотъ мы и поѣхали; пріѣхали, анъ тпру! нѣту ее и слѣдъ простылъ. Мы и поѣхали назадъ, то-есть примѣромъ сказать, обратно; а тутъ дѣвки рвутъ травы, да все Харьковскія, бойкія, да красивыя—жѣры нѣтъ! Вотъ мы къ нимъ, а онѣ къ намъ. По слову-по другому, мы и рассказали свою бѣду, и боимся безъ добычи возвращаться. А одна изъ нихъ, вотъ эта, ни съ пустаго слова: «Я съ вами поѣду.» Мы просить; а она спрашивать, какъ и что и почему? да скокъ въ повозку; мы и привезли. Баринъ сперва осерчалъ, говорить: «не та!» Сѣ, да то, да прочее... а послѣ говорить: «ладно! наша. Женись, Фомка!» Вотъ Фомка и женился....»

Сколько было у меня денегъ въ карманѣ, я всѣ бросилъ предъ него и поспѣшилъ выѣхать обратно въ Харьковъ.

Коцарка.

Но что сдѣлалось съ Ганнусею? Гдѣ нашла она себѣ пристанище? Избавясь отъ одной бѣды, не попала ли въ другую? Какъ найти ее теперь безъ всякихъ слѣдовъ.... Безъ

образованія, безъ вѣры, гонимая, притѣсняемая, не рѣшилась ли она на какую крайность?... Такъ я размышлялъ, поспѣшая, незнаю самъ чего, въ Харьковѣ.

Г-жу Резе нашелъ я измученную ожиданіемъ и хотя выдумывалъ ей разныя басни, чтобы сколько-нибудь ее успокоить, но все было тщетно: она невѣрила никакимъ моимъ предположеніямъ и догадкамъ; необольщалась никакою надеждою, чтобы когда-нибудь отыскать дочь свою; тосковала, плакала безпрестанно до того, что слегла въ постель.

Я безпрестанно шатался по всему городу; заглядывалъ во всѣ харчевни, шинки, пекарни; вглядывался во всѣ лица. вслушивался во всѣ рѣчи, выпрашивалъ, вывѣдывалъ—не было никакого успѣха.

Не одинъ я искалъ безъ всякихъ слѣдовъ скрывшейся Ганнуси; губернаторъ, по просьбѣ моей, поручилъ полицейскому надежному чиновнику, который обыскалъ всѣ дворы, перешарилъ въ нихъ, какъ говорятъ, всѣ углы, и все ничего: небыло никакого даже подозрѣнія, чтобы гдѣ была Ганнуся.

Время проходило. Приближалась въ Харьковѣ знаменитая Крещенская ярмарка. Г-жа Резе горевала жестоко, но должна была ѣхать обратно въ Кіевъ, по призыву дяди и по встрѣтившимся крайнимъ надобностямъ по имѣнію. Мы уже о Ганнуcѣ не заводили и рѣчи, венадѣясь ее когда-нибудь отыскать.... Горестное было положеніе матери.

Нѣчего дѣлать! назначили день выѣзда. Я располагалъ, для генерала и знакомыхъ, купить нѣсколько копей: такъ называются ковры здѣсь дѣлаемые и отличающіеся своими яркими, нелиняющими цвѣтами и фантастическими, пріятными для глазъ узорами. Эти коцы, закупаются здѣсь большимъ количествомъ и развозятся въ разныя мѣста Имперіи.

Разсматривая и выбирая коцы, любовался веселостью и шутками между собою рѣзвыхъ миловидныхъ коцарокъ, дѣвокъ, работающихъ эти коцы и имѣющихъ отъ хозяекъ порученіе, продавать ихъ. Всѣ эти коцѣрки были изъ Гончаровки, предмѣстія города за Лопанью, славящагося красавицами и многими романическими произшествіями¹⁾.

¹⁾ По службѣ, я провелъ свою молодость въ Харьковѣ.

Между многими живыми, игривыми коцарками замѣчаю одну, въ тулупчикѣ, крытомъ нанкой и опушонномъ заячьимъ мѣхомъ; подпоясанная бумажнымъ цвѣтнымъ платкомъ, повязанная другимъ такимъ же, сидѣла за кучами своего товару и не обращала, кажется, никакого вниманія на все происходящее около нея.

«Покажи, мнѣ, дѣвушка свои коцы», сказалъ я, подойдя къ ней....

Она встала, обернулась ко мнѣ.... Боже мой! Это Ганнуся!...

Поспѣшно подошелъ я къ ней, и въ полголоса, чтобы не обратить вниманія подругъ ея, спросилъ ее: «Ганнуся! ты ли это?»

Дѣвушка посмотрѣла на меня нѣсколько времени почти равнодушно, потомъ начала всматриваться и какъ будто припоминать.

«Ганнуся, помнишь-ли, когда ты была у Чучукажки», сказалъ я: «и я тебѣ обѣщаль матушку твою привезти? помнишь?»

Дѣвушка покраснѣла, потупила прелестные голубые свои глазки и, щипля рукавъ своего тулупа, промолвила тихо: «а тожъ!»

Обрадованный своею находкою, я захотѣлъ испытать сердце ея и, помолчавъ немного, сказалъ: «Я обѣщаль тебѣ матушку привезти».

«Обѣщали!» сказала она съ упрекомъ: «а дежъ вона?» и съ симъ словомъ слезки заструились изъ глазъ ея.

«Скоро ты увидишь ее». Я нехотѣлъ ничего открывать ей, боясь ея чувствительности, такъ видимо мною замѣченной, и не сказалъ ничего. «Теперь скажи мнѣ, гдѣ ты живешь и у кого?»

— У Запорѣжчихи, близъ Дмитра, сказала она, все плача болѣе.

Я полетѣлъ стрѣлою къ Дмитріевской церкви и хотя ѣхаль мимо нашей квартиры, но не зашелъ къ г-жѣ Резе.... Что-то еще мнѣ скажетъ Запорожчиха?...

«Есть ли у тебя работница, сиротка, по имени Ганнуся?» спросилъ я нетерпѣливо у Запорожчихи, вошедъ къ ней въ избу.—Ганнуся? спросила она также вдругъ, но спохва-

*

тась и какъ будто испугавшись, повторила: Ганнуся? Ни, такой нема,—сказала и потушила глаза въ землю, устыдясь, что говоритъ неправду.

«Ахъ, какъ тебѣ не стыдно!» сказалъ я съ притворнымъ неудовольстоіемъ, замѣтивъ съ перваго слова, что имѣю дѣло съ честною женщиною. «Ты съ виду такая добрая, а неговоришь правды. Вѣдь есть у тебя Ганнуся?»

— А на-що вамъ знаты, добродію?

Я очень обрадовался такому привѣтливому слову, которое у нихъ означаетъ уваженіе и довѣренность и дается не всякому пану. Тотчасъ убѣдилъ Запорожчику, что желаю добра Ганнусѣ; рассказалъ ей въ короткихъ словахъ, какъ узналъ я эту сиротку назадъ тому пять лѣтъ и какъ наполь ея мать, которая нарочно за нею пріѣхала въ Харьковъ, не находила до сихъ поръ и теперъ сохнетъ по ней съ печали. Я просилъ ее ѣхать вмѣстѣ со мною за Ганнусею и потомъ втроемъ къ намъ въ домъ, чтобы наконецъ обрадовать безутѣшную. Запорожчиха, искренно любившая, какъ видно, Ганнуся, сама обрадовалась; но предложила мнѣ другой планъ, и я согласился. Между тѣмъ, желая узнать отъ доброй женщины нѣкоторыя подробности, для меня любопытныя и нужныя, я началъ спрашивать:

«Отъ чего нехотѣла съ начала признаться мнѣ, что Ганнуся у тебя? Отъ кого ты прятала ее?»

— Одъ лыхыхъ людей! Отъ зѣ-мисяць вже ё, якъ їи усюды черезъ полицію обыскували, по усѣму городу, и я передавала їи до прыятелькы у Основу. Сѣго дня тилкы у перше послала їи на базарь, усе такы боячысь трохы.

«Кто же ея злодѣй?»

— А хто ёго зна? Видьма Сюскюрчиха, зѣ Безлюдивкы, продала було їи у добри руки....

«Какъ же она попала къ тебѣ?»

— Богъ сыроту спасъ, а мене добромъ надилывъ. Мои работницы пишлы по лугамъ збираты травы, намъ пригодні, щобъ красыты пряжу на кѣци. Якъ тутъ їмъ заразъ на зустрічъ повозка зѣ пьяными. Мои дивчата изъ страху розбиглысь було, а ти давай їхъ розпытуваты, чы не выдалы такой и такой дивчонкы? А дали стали пидмовлять охотны-

цю зъ собою. Одна — безстыдныця! я завсегда казала, що зъ неи nebude пуття — и согласылась зъ ными їхаты. Отъ їи подхватывлы, та на повозку, и поминай якъ звалы. Дивчата розказовалы, що усе чуте було, якъ вона реготалась, тфу! — Туды їй и дорога. Отъ и пишы далшь; ажъ бачуть, ховаетьця у кущахъ дивча; розпыталы, ажъ то вона, сердешна, ховалась видъ тыхъ людей; за нею воны и биглы. Отъ вона и стала просыты довесты їи до Харькова. Я якъ пороздывылась та розпыталась зъ нею, та вже и непустыла їи видъ себе.

«А довольна ты ею?»

— Кымъ? Ганнусею? Господы мылосердный! Та се сокровыще благыхъ, а не дивка. Слухьяна, роботяща, моторна, ни зъ кымъ ни залаетьця, ни засварытьця. А щобъ колы зъ дивчатами пишла на вулицю, якъ прочіи? ну, ну! такивська! їй и некажы обь симъ. Тилкы у неи и прогулки, що по недиленькамъ и празныкамъ до ранней у соборъ, або у манастыр; на Спаса у Куряжъ, на Вознесеные у Хорошевъ, на Ивана у Основу. А щобъ колы купыла платочокъ який модный, або скиндячку? вона и байдуже! те и каже: на лышню, копіечку я свичечку поставлю, або старцю подамъ. Я сырота, може, якому и родычу подамъ. А яке розумне? Що то, якъ бы їи вывчыть пысьма, такъ бы, думаю, була-бъ розумниша якого прыказного. Вже и женыхъ знаходывся; такъ хтожь? башмашныкъ зъ Москаливкы. Чы можно-жь, щобъ я оддала їи за башмашныка? їй буты за иконопысцемъ. Благочестыва душа, благочестыво и жыты буде. Та вона — такы и зареклась замижь їты. Колы, каже, матушка неотыщеться, пиду у черныци.

Усладясь такими и зимъ подобными пересказами Запорожчихи и условясь съ нею обстоятельно, когда и какъ ей пріѣхать на нашу квартиру, я съ спокойнымъ уже духомъ поѣхалъ домой.

Провожая меня за ворота, добрая Запорожчиха еще говорила: «я такы Ганнусю прыберу гарненко, щобъ нестыдно було явытыся передъ благородну матушку. Прощайте, добродію! Нехай вамъ Богъ помага на усе добре».

М а т ь и д о ч ь .

Приѣхавъ въ квартиру, я засталъ г-жу Резе довольно, по своимъ обстоятельствамъ, покойную, но немогъ владѣть собою и она тотчасъ замѣтила душевное мое волненіе. Я сказалъ, что можетъ быть неудачи въ исполненіи препорученій генерала беспокоятъ меня. «Вотъ и теперь, примолвилъ я, нужно купить для генерала ковровъ, а я неберусь выбрать на его вкусъ. Я заказалъ мастерицѣ принести сюда нѣсколько изъ лучшихъ; потрудитесь выбрать по вкусу его».

Г-жа Резе согласилась.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я развязки.... считалъ минуты и поминутно глядѣлъ въ окно.... какъ вотъ: такъ ожидаемая Запорожчиха медленнымъ старушечьимъ шагомъ подходитъ къ нашему дому.... за нею дѣвушка везетъ на салазкахъ нѣсколько коцевъ.... Нѣсколько минутъ, и эта дѣвушка-работница вступить въ права повелѣвать другими, и сотни работниковъ, какъ она въ сіе мгновеніе, будутъ ожидать ея повелѣній!... Каждый шагъ ея, ведетъ ее къ новому состоянію.... къ счастью ли? къ спокойствію ли?... кто знаетъ будущее?...

Среди душевнаго волненія, я не пропустилъ замѣтить заботливости доброй Запорожчихи представить матери дочь въ приличномъ видѣ: она одѣла ее въ свожъ праздничную заячью шубу, покрытую синею китайкою; въ ней Ганнуся увязла и, хотя подпоясана была длиннымъ, шитымъ рушникомъ, но съ трудомъ могла шевелиться и передвигать ноги за длиннотою и полнотою шубы; на головѣ былъ — верхъ наряда — новый, шелковый, алый платокъ, манерно навязанный.

Приказавъ слугамъ внести ковры наверхъ, я вышелъ въ другую комнату, чтобы подсматривать, что будетъ происходить между этими занимательными лицами, незнающими еще другъ друга.

Вошла Запорожчиха въ сопровожденіи своей работницы и я увидѣлъ, какъ г-жа Резе быстро взглянула на послѣднюю и краска вступила ей въ лицо....

Запорожчиха, по обычаю, помолясь Богу, поклонилась г-жѣ Резе, почтительно начала развертывать свои коды, сказавъ съ умысломъ громко и внятно: «Ганнуся! помогай мнѣ!» Г-жа Резе вздрогнула при этомъ имени, сцѣпила руки и про-

говорила: «Боже мой!...» Ганнуся же въ свою очередь, лишь вошла еще въ комнату, какъ съ большимъ замѣшательствомъ начала смотрѣть на г-жу Резе, неслыхала словъ хозяйки..., съ прелестныхъ глазокъ ея, покатались слезы.... Г-жа Резе вскочила съ своего мѣста, хотѣла ити, трепетала.... и стояла съ поднятыми руками.... Запорожчиха, наклонясь къ своимъ коцамъ, утирала слезы.... Въ это мгновеніе я вхожу.... Ганнуся, увидя меня, вскричала: «и сей панъ тутъ!» и зарыдавъ громко, едва выговорила: «матушка....» какъ я подвелъ ее къ матери, едва выговоривъ: «она!...»

Мать въ изступленіи, непонимая, на землѣ ли она еще или въ самомъ раю, поверглась предъ образомъ на колѣна, поднявъ держимую на рукахъ дочь свою къ образу, и едва за слезами можетъ выговорить: «Господи!... снято проклятіе!... батюшка!... Александръ...»

Запорожчиха кладетъ земные поклоны.... Я

П и р о ж к и.

По службѣ моей я находился долго въ Финляндіи и получалъ часто отъ г-жи Резе письма, въ коихъ она съ восторгомъ хвалилась о быстрыхъ успѣхахъ, какъ въ образованіи, такъ и въ необходимыхъ для нея наукахъ; и отъ самой Анны Александровны Резе, получилъ я прेमилое письмо, писанное твердымъ, красивымъ почеркомъ, за подписомъ: «Ганнуся». Пост-скриптомъ было нѣсколько строчекъ по-французски, также правильно и красиво написанныхъ. Тщеславіе, извинительное матери въ такихъ обстоятельствахъ!...

Переписка наша прерывалась и дѣлалась рѣдкою.... Въ одно время получилъ я отъ г-жи Резе письмо изъ Харькова. Она писала все о дочери и немогла нахвалиться ея любовью и нѣжностью къ себѣ.... «Вообразите, писала она, какъ судьба или благой промыселъ устроилъ съ нею: въ томъ самомъ городѣ, гдѣ моя Анюта, по грязнымъ улицамъ ходила въ лохмотьяхъ, босикомъ и продавала пирожки, теперь она черезъ пять лѣтъ по тѣмъ же улицамъ въ пышномъ, *собственномъ* экипажѣ, въ жемчугахъ и брильянтахъ, одѣтая съ большимъ вкусомъ, ѣдетъ на званные пиры; въ томъ городѣ, гдѣ она на улицахъ жалобно выкрикивала: «пирожковъ горячихъ, пи-

рожковъ!» теперь она въ томъ же городѣ, въ лучшихъ обществахъ поетъ французскіе романсы и русскія пѣсни, и всѣ хвалятъ ее, а я.... ненаслушаюсь! Танцуетъ отлично; не какъ мать сужу, но вижу, что мужчины недаютъ ей отдыху.... Одного только только я и всѣ гувернантки немогли въ нее исправить: когда она въ замѣшательствѣ, то отвѣчаетъ непременно склонивъ голову къ лѣвому плечу и правою рукою щиплетъ лѣвый рукавъ. Привычка или манера, заимствованная ею у здѣшнихъ простыхъ дѣвокъ, между коими она выросла. Я же какъ будто слышу, что она, по прежнему, приговариваетъ: «а тожъ!» Говорятъ, что это дѣлаетъ она съ большою прелестью и всѣ любятъ; но я всегда за нея краснѣю. Не отъ того ли, что знаю въ какомъ кругу она это заняла?...

Изъ Финляндіи перешелъ я въ Сибирь; странствовалъ тамъ вездѣ; а за неимѣніемъ постоянного пребыванія переписка моя съ г-жею Резе совершенно прекратилась. Наконецъ время отъ времени милая моя Ганнуся, съ своими странными приключеніями оставаясь въ моемъ воспоминаніи, болѣе и болѣе въ немъ изглаживалась.

Время идетъ. Я устарѣлъ и вышелъ въ отставку. Я полетѣлъ въ Малороссію, горя желаніемъ увидѣть мѣста моей родины, вспомнить о золотыхъ давнопрошедшихъ дняхъ моей юности и предъ кончиною отдохнуть отъ тревоги житейской. Чѣмъ болѣе приближался я къ своей деревнѣ, тѣмъ нетерпѣніе мое увеличивалось.

На предпоследней станціи смотритель говоритъ мнѣ, что лошадей вовсе нѣтъ и неближе вечера будутъ. Мнѣ было досадно; я было надѣялся къ вечеру поклониться домашнимъ пенатамъ. «Нельзя ли какъ достать лошадей?» приступилъ я къ нему. — Нельзя никакъ, развѣ генерала попросите. «Какого?» — Здѣшняго помѣщика, въ отставкѣ живущаго. Съ его позволенія можно у крестьянъ найти.

Я написалъ къ генералу письмо и, вмѣсто отвѣта, получилъ приглашеніе посѣтить его. Досадно, но дѣлать нѣчего. Учтивость и остатокъ еще воинской подчиненности, заставили меня ити къ нему. Отправляюсь. Хозяинъ принимаетъ меня съ большимъ вниманіемъ, даетъ приказаніе приготовить лошадей, проситъ меня остаться обѣдать; я отказываюсь. изви-

няюсь поспѣшностью; онъ просить садиться и.... начинаетъ отъ Адама! Переговариваемъ о происшествіяхъ въ службѣ, о Сибири и Богъ знаетъ о чемъ; я досажаю на задержку, нѣсколько разъ хватаюсь за фуражку, чтобы бѣжать отъ него; онъ съ новыми разспросами.... Мученіе да и полно!... Наконецъ говоримъ почти уже ни се, ни то, какъ вдругъ за дверью задрезжалъ дѣтскій голосокъ: «пирожковъ, горячихъ пирожковъ!...» я остолбенѣлъ! И тутъ же дверь отворилась, прелестное лѣтъ пяти дитя, въ малороссійскомъ нарядномъ уборѣ несетъ на тарелкѣ ко мнѣ пирожки и лепечетъ: «Возьми, панъ, у меня пирожковъ, какъ ты бралъ въ Харьковѣ у Ганнуса....»

Я смотрю въ оба глаза. Гдѣ я? Что это такое?...

Выбѣгаетъ прелестная женщина, бросается обнимать меня.... кричитъ: «панъ, мой милый панъ! Все чрезъ васъ....» и слезы не даютъ ей говорить....

Это она, Ганнуся, Анна Александровна! это ея мужъ, ея дѣти.... и наконецъ вышла къ намъ и г-жа Резе.... радость, упоеніе, разспросы, рассказы....

Я пріѣхалъ въ свой домъ уже на четвертый день....

Живу подлѣ нихъ, моихъ друзей, выдаюсь съ ними часто и свою, одинокую, жизнь оканчиваю съ удовольствіемъ, наслаждаясь ихъ счастьемъ. Часто приглашаютъ меня запискою отъ *Ганнуса*, покушать *пирожковъ, горячихъ пирожковъ*.

II.
ЗНАХАРЬ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

А. И. Башуцкому.

ЗНАХАРЬ ¹⁾.

Великое дѣло знахарь! Почетнѣе его нѣтъ не только въ томъ селеніи, гдѣ онъ живетъ, но и въ цѣломъ околоткѣ. Что вашъ атаманъ; что вашъ голова! Да чего? самъ пань-писарь волостной, передъ которымъ и голова, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, за три шага торопится снимать шапку, упреждая его поклономъ и накрывая голову гораздо послѣ него, когда пань писарь едва только приподыметъ свою шапку да поскорѣе и надѣнетъ снова,—такъ вотъ, и эта важная персона, пань-писарь, говорю я, передъ знахаремъ—ничто!

Посмотрите только, когда знахарь выйдетъ изъ дому, что за важными его занятіями случается очень рѣдко, посмотрите, когда онъ покажется на улицѣ, что тутъ происходитъ? Кто бы ни шолъ, хоть за самымъ необходимымъ дѣломъ, завидѣвъ дядюшку Радивоновича, какъ бы далеко онъ ни былъ, даже въ трѣсучій морозъ, хлопчикъ ли то, или лысый старикъ, всѣ спѣшатъ снять шапку, заранѣе сходятъ съ дорожки, по которой идетъ знахарь, быстро смотрятъ на его приближеніе и, когда онъ съ ними поровняется, отвѣшиваютъ ему поклонъ, какого ужé невозможно ниже, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ къ себѣ вниманія. Вотъ въ концѣ улицы сидятъ молодіцы кучами, собравшіяся работать вмѣстѣ, чтобъ дѣло шло «скорѣе»; чего онѣ ненанесли съ собою? Тутъ и гребни для пряденія, и витупки ²⁾ для мотанія нитокъ, и скроенныя рубахи, и пальцы ручныя, въ которыхъ впялено полотно и ужé начаты красными нитками вышиваемыя хустки или рукава къ рубашкѣ.... все повынесено молодіцами, за-

¹⁾ Альманахъ „Наши, списанные съ натуры Русскими“. Спб. 1841.

²⁾ Мотупки.

сѣвшими въ кружки; передъ каждою ея работа, и онѣ работаютъ, думаете вы?... Куда! Нѣкогда! Мотря Сюсюрчиха рассказывала преудивительную исторію, какъ она вчера вечеромъ доила корову, да немогла отыскать глѣчика ¹⁾, чтобъ вылить въ него молоко.... Видите, какое приключеніе!! Всѣ разомъ опустили работы изъ рукъ, положили веретена, пороняли иглы... и еще непришли въ себя отъ удивленія, какъ вдругъ Гричиха ²⁾, та, что живетъ подлѣ «попова колодезя», началъ рассказывать пренеобыкновенное обстоятельство прошедшаго мѣсяца, какъ она искала по всей хатѣ ключа отъ скрыни ³⁾, а ключъ очутился у нея же, у пояса подлѣ калитки ⁴⁾!!— Гричиха рассказываетъ это происшествіе въ тридцать седьмой разъ, но она такая мастерица рассказывать, что всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ слушаютъ ее, забывъ о работахъ. Такъ у нихъ все идетъ, какъ вотъ Явдоха Шпѣнчиха (взятая изъ господскаго села, въ молодости служившая при барышняхъ и даже ѣдившая съ ними въ городъ, гдѣ видѣла какъ собаки танцуютъ подъ скрипку), только было начала рассказывать что-то интересенькое, анъ всѣ молодичицы, разомъ откинувши работы, вскочили, вытянулись въ струнку, сложили руки да съ почтеніемъ и глядятъ впередъ.... Чего-жь бы это? —Чего?! Завидѣли знахаря, который медленно идетъ вдоль улицы; невозможно же противъ него быть необычайною ⁵⁾, надобно честь отдать, низенько поклониться. Несдѣлай-ка этого, кто хочешь, какъ бы ни былъ онъ старъ или малъ, увѣрю васъ, даромъ не пройдетъ. Старикъ еще недойдетъ до дому, а ужъ непременно либо споткнется, либо палку изъ рукъ выронить, либо закашляется сильно. На молодого-же или нападуть собаки, такъ что едва отобьешься отъ нихъ, либо повстрѣчается товаришь да и заведетъ его совсѣмъ нетуда, куда онъ пошь, либо, пожалуй, не застанетъ того, къ кому спѣшилъ.

Женщина, неотдавшая почтенія знахарю, неменѣе потерпитъ: того и смотри, при шитьѣ сломается игла, или мужъ безъ причины будетъ сердиться, или дѣтей нескоро забавляетъ. Будь же то дѣвка, увѣрю васъ, любимую ленту изъ косы потеряетъ, ошибется въ узорѣ при вышиваніи хустки

¹⁾ Кувшинъ. ²⁾ Жена Григорья. ³⁾ Сундукъ. ⁴⁾ Сумка, кошелекъ. ⁵⁾ Неучтивое.

будущему жениху, или что-нибудь другое неприятное случится... Да-таки всякій, ктобъ ни былъ, непременно почувствуетъ на себѣ гнѣвъ знахаря за непочтеніе; если не въ то же время, такъ на другой, на третій день; бѣда придетъ, пожалуй, и черезъ мѣсяць, а все же придетъ, такъ уже неминетъ! Ого! Великій человѣкъ знахарь! Опасно прогнѣвать его!

За-то, какое утѣшеніе, когда знахарь къ кому внимателенъ! Если на поклонѣ при встрѣчѣ онъ приподнялъ шапку (что весьма рѣдко), да взглянулъ пріятно, или еще потѣшилъ ласковымъ словомъ, тогда такой счастливецъ «ни чѣмъ не уважаетъ» и хотя бы два десятскіе пришли вести его въ волостное правленіе, не боится уже онъ ничего, въ совершенной увѣренности, что знахарь къ нему милостивъ и силою своею не допуститъ изобидѣть его. Хозяйка, услышавъ отъ «дядюшки Радивоновича» ласковое слово, спокойна: борщъ у нея сварится отлично, нарядеть она въ тотъ день много и дѣти будутъ крѣпко спать всю ночь. Если же дѣвка удостоена такой чести, то она въ полномъ восторгѣ, и каждый вечеръ уже выглядываетъ старость ¹⁾ отъ подмѣченнаго ею парубка ²⁾.

Такъ-то, знахарь можетъ однимъ словомъ осчастливить всякого человѣка! Великое-же это слово! За-то ужъ неразговорится онъ много, а развѣ только чуть-чуть что выговорить, да и то сквозь зубы; а подите же вы съ нимъ, какую силу имѣетъ и ничтожное слово его! Разберите сами: иному скажетъ онъ: «А! что? да?» Тотъ и непойметъ, къ чему оно сказано, да ужъ послѣ и озирается. Или скажетъ: «Идешь?» Тутъ двойко: когда ласково, то все будетъ хорошо; когда жъ съ насмѣшкою или съ сердцемъ, то хоть и неходи: увѣряю, nebudeтъ успѣха. Попробуйте, когда невѣрите.

Знахарь вполне понимаетъ свою силу, потому-то и размѣряетъ, на кого какъ взглянуть, кому что и какъ сказать. Онъ рѣдко выходитъ изъ дому, но уже несдѣлаетъ и шага неравсчитаннаго, непридуманнаго прежде. Вотъ идетъ онъ, идетъ, и хоть вовсе не по дорогѣ, а пошолъ же мимо волостного правленія. Тамъ собирается громада ³⁾ потолковать о какомъ-то общественномъ дѣлѣ, съ которымъ нужно спѣшить: завтра думать будетъ поздно. Собралось уже большое число хозяевъ и стариковъ, голосъ которыхъ уважается гро-

¹⁾ Сватовъ. ²⁾ Паря. ³⁾ Мирская сходка.

мадою; неподшло еще нѣсколькихъ для полнаго числа; толкуютъ хорошо; почти положили на мѣрѣ. Ужъ пань-писарь, въ ожиданіи прихода прочихъ, готовится писать приговоръ, какъ вдругъ проходитъ мимо «дядюшка Радивоновичъ» и не къ волости же идетъ онъ, а проходитъ только мимо; сталъ напротивъ, посмотрѣлъ на собирающуюся громаду, подумалъ, покачалъ головою.... отворотился.... да и пошолъ себѣ своею дорогою.

«Бросайте дѣло!» вскрикнули всѣ спешіеся на порадѣ ¹⁾, кинувшись къ своимъ палочкамъ; надѣли шапки и пустились расходиться. Сколько ни удерживай ихъ голова или хоть самъ пань-писарь, никто неостанется; всѣ говорятъ въ одинъ голосъ: «небудеть ладу съ нашей рады; развѣ невидѣли, какъ дядюшка Радивоновичъ закачалъ головою? Жди добра! Да хоть до ночи толкуйте, ничего небудеть! Недаромъ же онъ покачалъ....»

Разойдутся всѣ, несмотря ни на какую надобность, ни на какія требованія своего начальства. Чтожъ? такъ и вышло, какъ предсказалъ знахарь: покачалъ головою, дѣло-то и не сдѣлано! Вся волость твердитъ объ этомъ и удивляется силѣ знахаря!

Въ другомъ случаѣ, когда, напр., нужно прибавить пану-писарю жалованья, придать работниковъ, земли нарѣзать и т. п., бываетъ иначе. Видятъ пана-писаря, вечеромъ пробирающагося глухими переулками; подъ полою свиты несетъ онъ что-то, да замѣтно, что и за пазухою есть кое-что, и въ обоихъ кишеньяхъ ²⁾ не пусто. Повстрѣчается ли съ нимъ кто, и, какъ должно, снявъ шапочку, низенько поклонится и звичайно ³⁾ спросить: «А куда васъ, пань-писарь, такъ нерано Богъ несетъ?» Тотъ, едва дотрогиваясь рукою до своей высокой смушковой ⁴⁾ шапки, отвѣчаетъ ему сухо и съ досадою: «маю ⁵⁾ дѣло до человекѣка. Знай себя, Климъ, неразспрашивай чего тебѣ ненужно». Этотъ съ облизнемъ ⁶⁾ себѣ пошолъ, а пань-писарь прокрадывается къ самому знахарю и отъ него, уже позднеенько, возвращается домой, мурныча подъ носъ что-то въ родѣ пѣсеньки. Въ карманахъ его и запазухою и подъ полою ужѣ пусто....

¹⁾ Совѣтъ. ²⁾ Въ карманахъ. ³⁾ Учтиво. ⁴⁾ Бараньей. ⁵⁾ Имѣю. ⁶⁾ Со стыдомъ.

Вотъ и сходитя громада. Всѣ почотные старики и настоящіе хозяева уже собрались, несмѣли уклониться: послано отъ волостного правленія объявить всѣмъ, что есть дѣло важное, что неотмѣнно нужны на порадѣ сами хозяева, чтобъ молодыхъ невысылали на громаду, а сами бы приходили. Какъ тутъ послушаться? Пособрались, усѣлись; голова, прокашлявшись и посматривая на пана-писаря, начинаетъ предлагать громадѣ «о необыкновенныхъ трудахъ пана-писаря, какъ-дѣ онъ, не забываясь вовсе о своемъ хозяйствѣ, не собираетъ для себя ничего, а все время посвящаетъ на благо общее; ночь и день пишетъ бумаги, и начальство всѣ его бумаги похваляетъ, и наша волость идетъ въ отличныхъ». За такіе полезные труды пана-писаря, когда онъ самъ о себѣ не радѣетъ, надо поблагодарить его всѣмъ обществомъ. Тутъ предлагается мѣра награды: собрать по чомъ съ души, и поднести пану-писарю, или отдать ему во владѣніе такую-то земельку, или что-либо тому подобное.

Панъ писарь стоитъ въ сторонкѣ. Услышавъ такое предложеніе головы, онъ съ изумленіемъ на него смотритъ... Когда же дойдетъ дѣло до вознагражденія, махнувъ рукою, онъ съ неудовольствіемъ и гнѣвомъ отворачивается; на глазахъ громады чешетъ съ явнымъ негодованіемъ свой чубъ, и какъ будто говоритъ: «Какой вадоръ несетъ голова! Къ чему это! Стоило-ли беспокоить добрыхъ людей и собирать громаду!»

На предложеніе головы самые почтенные изъ стариковъ отвѣчаютъ съ великимъ уваженіемъ, что имъ всѣмъ извѣстны труды пана-писаря, извѣстны его недостатки (это разумѣется о жизненныхъ потребностяхъ), и что нужно бы ему пособить; но времена не тѣ... неурожай хлѣба....

«Падежъ скота....» подватываетъ другой, объясняя бѣдственные послѣдствія.

«Увеличеніе числа неимущихъ, повинности за которыхъ легли на обществѣ....» прибавляетъ третій.

«Стѣсненіе отъ проходящихъ командъ.... починки дорогъ.... возка суда....» говорятъ другіе. Тутъ посыплются всеобщія возраженія, ведущія къ тому, что не то время, чтобы думать о награжденіяхъ.

Голова замѣтно смущонъ подобнымъ противорѣчіемъ; панъ-писарь, на противъ того, внѣ себѣ отъ удовольствія! Движе-

ніемъ рукъ, мотаніемъ головы, онъ, кажется, поддерживаетъ каждое мнѣніе, опровергающее предложеніе; еслибъ непротивно было было приличію, онъ вѣрно добавилъ бы многое къ доводамъ стариковъ. Онъ ужé не можетъ выдержать и говорить въ полъ-голоса, стоящимъ сблизі: «Богъ, знаетъ что это вздумалось пану-головѣ Уласовичу хлопотать обо мнѣ! я послѣдняго готовъ рѣшиться ¹⁾ скорѣе, нежели съ міру, съ добрыхъ людей, взять хоть нитку». Такъ онъ говоритъ, съ глубокимъ чувствомъ, а самъ поминутно скоса поглядываетъ въ окошко....

Разсужденія идутъ къ концу, головѣ неостается ничего болѣе прибавить; но вотъ въ углу отъ дверей отшатнулся народъ.—говорящіе примолкли. «Что тамъ? кто тамъ?» спрашиваетъ встревоженный голова, воображая, не набѣжалъ ли становой. «Кто жъ тамъ?» повторяетъ онъ, присматриваясь въ уголь.

«Дядюшка Радивоновичъ пожаловаль!» шепнули въ толпѣ, съ почтеніемъ произнося это имя.

Голова, неоставляя своего мѣста, привсталъ, кланаясь дядюшкѣ Радивоновичу и, прося его пожаловать на почетъ, въ высшее мѣсто, ссадилъ находившихся возлѣ, знаками повелѣвъ другимъ разступиться передъ важнымъ посѣтителемъ. Народъ посторонился. Знахаря почти ведутъ подъ руки; проходя, онъ посматриваетъ на всѣ стороны, ни на комъ неостанавливая вниманія; на иного однако же взглянетъ привѣтливо, иному даже улыбнется! Дойдя до головы, знахарь поклонился съ уваженіемъ, но отказался сѣсть подлѣ него, а началъ осматривать всѣхъ ближайшихъ, которые почтительно встали; тутъ выбралъ онъ какого-то изъ старичковъ, извѣстнаго по простотѣ, но кроткаго со всѣми и добраго къ бѣднымъ, и, отведя стоявшихъ возлѣ, занялъ мѣсто старика, усадивъ его близехонько къ себѣ, съ приговоркою: «съ тобою мнѣ хорошо!» Съ завистью глядя на старика и тутъ же перетолковывая слова дядюшки Радивоновича, всѣ говорили шопотомъ: «незнаемъ, кому-то изъ нихъ лучше! посмотрите, какъ этому старичку ни отсюда, ни оттуда пошлется счастье!»

И точно не прошло же ему даромъ такое отличіе: черезъ двѣ недѣли купилъ онъ корову, и что-то дешево, а она возьми да и роди ему черезъ полгода отличнаго теленка! Такъ вотъ

¹⁾ Лишиться.

что значить вниманіе такого человѣка, какъ дядюшка Радивоновичъ!

Пожалуйте-же, что дѣлается на громадѣ?—Все замолкло. Дядюшка Радивоновичъ сидитъ себѣ, наклонивъ голову, и палочкою своею чертитъ что-то по землѣ. Замѣчающіе каждое движеніе его стараются истолковать, что онъ это и «на чью голову» чертитъ?

При всеобщемъ молчаніи, знахарь вдругъ поднимаетъ голову и спрашиваетъ: «А что пань-голова! о чемъ вы радитесь?» Голова объясняетъ о сдѣланномъ громадѣ предложеніи.

«Ну-те! ну-те! толкуйте; а я послушаю умныхъ рѣчей!» сказалъ знахарь и наклонилъ опять голову; между-тѣмъ улыбка его изъ-подъ густыхъ рыжеватыхъ усовъ выражала: «увидимъ, что скажутъ!»

— А вотъ, люди говорятъ.... говори-ка Оома, что ты говорилъ...—сказалъ голова, обратясь къ бѣлородому старику, первому начавшему возраженія.

«Да я говорю...» началъ было Оома твердымъ голосомъ; но тутъ взглянулъ на него знахарь такимъ окомъ, что Оомѣ всю спину морозомъ обдало. «Да вотъ и люди говорятъ.... говорите-же, дядькѣ!...» уже едва произнесъ Оома, и вдругъ замолкъ, съ трепетомъ въ сердцѣ, желая угадать, что заболитъ у него, когда такъ взглянулъ дядюшка Радивоновичъ? А уже даромъ такой взглядъ не пройдетъ?

Прочіе дядьки молчали. Знахарь-же, посматривая на всѣхъ, какъ будто требовалъ, чтобъ каждый высказалъ свое мнѣніе.

«Да мы.... мы говоримъ то.... мы....» слышалось было съ разныхъ сторонъ; но каждый изъ начинавшихъ встрѣчалъ взоръ знахаря и, теряя послѣдующія слова, умолкалъ.

Выждавъ вѣсколько и неслыша ничего, знахарь съ неудовольствіемъ всталъ, и съ выраженіемъ упрека началъ такъ: «Мы то! мы то! Великое свѣтило, что нашъ ктиторъ Данило! Охъ, охъ, охъ!» Тутъ, облокотясь на свою палку, онъ продолжалъ съ одушевленіемъ: «примѣромъ сказать, хлѣбъ у насъ худо родился, а сѣна и того меньше; пусть будетъ у меня бѣдная парка воловъ, кормить нечѣмъ, зимою пропадетъ. Жена пристала: продай, да продай! За тѣ деньги хлѣба накупимъ, пропитаемся. Я и такъ, но дождался молодого мѣсяца, по-

*

смотрѣль на зори ¹⁾): невыходить продавать. Непродаль, а давай волами работать. Нѣтъ воламъ отдыха; безпрестанная работа, да безпрестанный же и заработокъ. Деньги водятся безперерывно. Съѣли волы сѣно и солому, кормить опять нѣчьмъ, такъ вотъ тутъ бы и продать ихъ? Нѣтъ! За выработанные ими деньги накупишь я имъ опять корму; они ѣдятъ мои деньги, однако зарабатываютъ ихъ снова. Хотя я и потратился, да будетъ же мнѣ и польза! Вотъ, такъ-то, добрые люди, разсуждайте обо всемъ. Сказано: отъ человѣка до скота, а вы гадайте себѣ, что надобно отъ скота и до человѣка! Разсужайте, что я сказалъ вамъ!» Тутъ онъ замолкъ и приклонилъ опять голову.

«Э! э! такъ вотъ на что дядюшка Радивоновичъ свелъ!» послышалось въ толпѣ. «А что? вѣдь правда, правда! Хотя и потратимся мы чѣмъ пану-писарю, такъ онъ же намъ и отслужить! Правда!»

— Дозвольте мнѣ слово сказать, — началъ было одинъ мужичокъ, среднихъ лѣтъ, но уже видѣвшій свѣтъ, ходившій по дорогамъ, бывшій въ Херсони и даже въ Одессѣ. Приготовлялся онъ сказать что-то многое, да знахарь остановилъ его, махнувъ рукою и молвилъ: «Знаю все, что ты, Васильевичъ, сказать хочешь; видѣль я твою думку еще прежде тебя; а посмотри-ко лучше, что скажетъ твой конь?....» Тутъ онъ опять замолкъ.

Услышавъ такія таинственныя слова, и отъ кого же? Васильевичъ даже поблѣднѣлъ! Подобная рѣчь отъ дядюшки Радивоновича, знахаря, извѣстнаго во всемъ околоткѣ, знахаря, который никогда не сказаль слова по-пустому, чтобъ не сбылось оно когда-нибудь неотмѣнно, хоть бы черезъ десять лѣтъ, — такая рѣчь была ужась! Тѣмъ болѣе, что Васильевичъ купилъ лошадь, по виду добрую, заплатилъ за нее пятьдесятъ рублей, а какъ привелъ домой, то и нашель, что лошадь-то больна; давненько лѣчить онъ ее, но стыда ради не хвалится никому о своей ошибкѣ. А дядюшка Радивоновичъ ужъ и знаетъ!... Да какъ и не знать ему чего? Притомъ же сказаль онъ такъ загадочно, что Васильевичъ боится, чтобъ слова его не предвѣщали погибели лошади. «Сгинь ихъ голова!» подумаль онъ: «велико дѣло обложить по малости для пана-писаря?»

¹⁾ Звѣзды.

А прогнѣвлю знахаря—бѣда!» Такъ подумавъ, онъ покачалъ головою и примолкъ.

Заставивъ молчать всѣхъ, знахарь окинулъ громаду окомъ, и произнесъ: «что же? кончайте дѣло, я отъ міра неотстану. Положите что пану-писарю или нѣтъ, напишите и меня. А чтобъ неходили за мною, такъ вотъ мой карбованецъ», тутъ онъ положилъ на столъ серебряный рубль, прибавивъ: «прощайте, панове-громада! я бы побылъ на радѣ, да нѣкогда, надобно ѣхать на хуторъ къ Дмитрію Петровичу: барыня его крѣпко больна, лѣкаря городскіе испортили ее своими лѣками ¹⁾, трудно теперь поправить, хоть бы и мнѣ!»

Вся куча проводила его; преспокойно пошолъ онъ домой, а старики принялись снова трактовать о рѣшенномъ уже дѣлѣ. Тутъ они нашли, что дядюшка Радивоновичъ все правду говорилъ, и удивлялись, какъ эта правда никому, кромѣ его, въ голову непришла; а потому, подавъ руки подписать за нихъ приговоръ «о награжденіи пана-писаря», затѣмъ разошлись спокойно. Изъ возвращающихся были и такіе, которые не говорили, а думали себѣ, и то оглядываясь, чтобы кто неподслушалъ ихъ мыслей: «Жаль денегъ для ненасытнаго пана-писаря, а что будешь дѣлать? Дядюшка Радивоновичъ пожелалъ такъ. Можно бы и несогласиться, но жена и дѣти дороже; наплеть на нихъ бѣду, что тогда дѣлать?»

Такъ-то много значить въ цѣлой волости одинъ знахарь! А каждая изъ нихъ, во всѣхъ нашихъ губерніяхъ, имѣетъ своего, состязающагося въ славѣ съ другими, живущими въ около-лежащихъ селеніяхъ. Народъ такъ привыкъ вѣрить, что непременно въ кучѣ ихъ есть одинъ «знающій слово», могущій наслатъ бѣду, отвратить успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ, помѣшати свадьбѣ, испортить скотину или напустить болѣзнь на семью, на село; народъ такъ привыкъ, говорю я, что если нѣтъ охотника на такую славу, то придадутъ ее кому-нибудь противъ воли; неотбожится, неотмолится челоуѣкъ, что онъ ничего не знаетъ! «Какъ-то не знаетъ?» разсуждаютъ они: «повѣрь ему! А отчего же онъ ходитъ повѣсивъ голову? Отчего рѣдко взглянетъ на кого, а если и взглянетъ, такъ неспроста? Вонъ, встрѣтилъ Марка, да и спросилъ его только: «А куда ты? домой? Поспѣшай, поспѣшай!» Марко пришелъ домой: глядь,

¹⁾ Лѣкарствами.

у него даль Богъ родины!! Какъ же бы онъ это сказалъ, не-
знавши ничего?! Нѣтъ, знаетъ, непременно знаетъ!» Вотъ отъ
молвы и пошолъ человѣкъ быть знахаремъ; всѣ пустились
къ нему; всѣ ищутъ чрезъ него счастья или просятъ избавить
отъ бѣды.

Смѣтливому и расчетливому человѣку немного стоитъ
сдѣлать тутъ свою славу. Ненужны ему ни опытъ, ни ученіе,
ни сверхъестественныя дѣйствія; все при маленькой хитрости
прійдетъ само собою.

Вотъ, напримѣръ, нашъ, котораго всѣ жители, господа
и простые, знаютъ подъ именемъ дядюшки Радивоновича, смо-
лода вовсе необѣщаль, чтобы изъ него вышелъ знахарь. Былъ
онъ весельчакъ, краснобай, на свадьбахъ первый танцюра,
на сходьбищахъ неумолкаемый джмутъ. Послушайте же, какой
случай нарекъ его знахаремъ. О, случай! случай да умѣнье...
великое дѣло.

Дядюшка Радивоновичъ былъ еще парубкомъ и звался
просто Данило. Въ одну ночь, нагулявшись на вечерницахъ,
въ веселомъ расположеніи духа возвращался онъ домой съ то-
варищами. Проходя мимо хаты Кирика, старика безсмейнаго,
болѣвшаго уже пятая недѣля, видитъ онъ въ окнѣ большой
свѣтъ. Оставя товарищей, Данило подошелъ къ окну, и что
же?... Кирикъ успокоился; лежитъ на лавкѣ, покрытъ церков-
нымъ покровомъ; надъ нимъ ярко горитъ ставникъ ¹⁾; въ углу
же, свернувшись, двѣ старушки спятъ крѣпкимъ сномъ. Вздумалось Данилу попроказничать. Съ однимъ товарищемъ входитъ
тихо въ незапертую дверь избы, съ осторожностью, безъ шума,
чтобъ не разбудить старухъ; шалуны снимаютъ мертвеца съ мѣ-
ста, ставятъ его у дверей, подперши чѣмъ-попало, и даютъ
ему въ руки длинную кочергу. Устроивъ все, молодцы тихо-
молкомъ выходятъ изъ избы. Тутъ Данило, подойдя къ окну,
крѣпко стучитъ и кричитъ во весь голосъ:

«Добрый день!»

— А кто тамъ? хрипливо спрашиваетъ одна изъ ста-
рухъ, пробудясь.

«Свой», отвѣчаетъ Данило. «У васъ свѣтится, дозвольте
попросить огня, запалить люльку» ²⁾.

¹⁾ Большая свѣча изъ церкви. ²⁾ Закурить трубку.

— А вотъ встану, погоди немного, — поворачиваясь и покашливая, бормочетъ старуха.... и вдругъ вскрикаетъ не своимъ голосомъ: Охъ, лихо! Явдоха, Явдоха!!...

Явдоха просыпается и, зѣвая, спрашиваетъ: «А чего ты, Домаха!»

— Смотри!... Кирикъ!... едва можетъ выговорить Домаха.

Явдоха взглянула на лавку, Кирика нѣтъ тамъ; Кирикъ съ кочергою гуляетъ по хатѣ и остановился у дверей.... Дрожа всѣмъ тѣломъ, бросились старухи на печь; кричать, визжать; отъ страха духъ имъ захватываетъ.

«Ой, лишенько!... пропали мы съ душами!... Кто въ Бога вѣруеть, помогите! ратуйте! ратуйте!...»

Давъ имъ накричаться, Данило опять стучить въ окно, и, перекричавъ старухъ, спрашиваетъ, что случилось?

«Глянь..... глянь на дверь!.... Охъ, лишечко наше!...» вопили онѣ.

Данило заглянулъ въ окно и, замѣтивъ, что старухи наблюдаютъ за нимъ изъ-за печи, значительно покачалъ головою: «Что ты это, дядя, дѣлаешь?» сказалъ онъ: «шалишь, какъ мальчикъ какой! Кстати ли тебѣ такъ пугать добрыхъ своихъ сосѣдокъ! Небойтѣсь, тетушки; я сейчасъ все исправлю». Съ этими словами вошелъ онъ въ избу, осторожно проходя близъ покойника, чтобъ не повалить его.

Увидѣвъ, что Данило безбѣдно прошелъ мимо страшнаго мертвеца, старушки пріободрились, вылѣзли изъ-за печи и начали просить Данила: «что хочешь возьми, только освободи отсюда наши души. А когда знаешь въ чемъ силу, угомони его, чтобъ лежалъ смирно!... Мы такъ перелякались ¹⁾, что чуть живы; выпусти, покуда еще духъ въ насъ есть».

— Небойтѣсь, тетушки, вовсе ничего небудетъ, — успокоивалъ ихъ Данило, засучивая рукава и приготавливаясь къ какому-то дѣйствию. Старухи, ободрясь, рѣшились не уходить, чтобъ видѣть, что произойдетъ. Обратясь къ мертвецу, Данило началъ говорить какъ будто живому: «Стыдно, дядя, такъ проказить. Полно, иди ложись на мѣсто.... Подай сюда кочергу.... видишь! еще недаешь!... О, да ты, братъ, меня незнаешь!... Мараба! Тараба! Параба!» Съ этимъ словомъ онъ выхватилъ кочергу,

¹⁾ Перепугались.

откинулъ подпорки, схватилъ на руки валящагося мертвеца и закричалъ: «А! ты еще и бороться со мною вздумалъ! Такъ нѣтъ, дядя, не на того попалъ! Туруру! буруру! марару!!» — и, крѣпко обלאпивъ тѣло, Данило дотащилъ его до лавки, положилъ и, приводя все въ прежнее положеніе, приговаривалъ: «Не по своей силѣ ты вздумалъ, дядя, спорить со мною! Силенъ и ты, правда, а что? кто кого поборолъ? Тото же; смотри у меня! Приказываю тебѣ отнынѣ и до вѣка лежать смирно, не пугать добрыхъ людей; не то—я близко! Не бойтесь теперь тетушки, ужъ онъ вамъ ничего несдѣлаеть».

Старушки неохотно, однако же, отпускали Данила, но прoderжали его, пока разсвѣло и пришли прочіе сосѣди.

Еще утромъ по всей слободѣ пошла страшная вѣсть, что когда надъ умершимъ Кирикомъ ночью сидѣли сосѣдки, Домаха и Явдоха, онъ, въ глазахъ ихъ, вдругъ всталъ, схватилъ кочергу, и принялся колотить ихъ, приговаривая: зачѣмъ въ молодости непошла ни одна за него! Навѣрное онъ перебилъ бы ихъ на смерть, если-бъ неявился, — кто его знаетъ какъ и откуда, — Данило; бросившись на мертвеца, онъ началъ бороться съ нимъ. Страшно было смотрѣть на нихъ: то Данило одолѣеть, то мертвецъ свалить Данилу.... Наконецъ, Данило невыдержалъ, сказалъ какія-то ужасныя слова.... Хата потряслась, мертвецъ грянулся о полъ, Данило же внезапно неавѣстно, какъ и куда дѣвался, а старухи, напуганныя порядкомъ, положили покойника и всю ночь сидѣли надъ нимъ, безпрестанно говоря, какъ будто съ присутствующимъ Даниломъ, чтобъ мертвецъ боялся и болѣе не вставалъ.

Незнаю навѣрное, случилось ли это такъ, какъ рассказываютъ старухи, или какъ я рассказываю; кто-нибудь изъ насъ, конечно, жоть; вѣрно однако же то, что про Данила пошла молва, будто онъ кое-что знаетъ и чуть ли не съ тѣхъ поръ, какъ, помните, проходилъ какой-то москаль и ночевалъ у Данила; вѣрно онъ научилъ его всему.

Зналъ Данило объ этой молвѣ, но ему мало ея. У него была дядина въ третьихъ ¹⁾, промышляла она печеніемъ бубликовъ да какъ-то неудачно сбывала свой товаръ. Напротивъ того, Скиданка, другая торговка этимъ лакомствомъ, не-

¹⁾ Внучатнаго дяди жена.

успѣвала напекать, такъ у нея разхватывали, почти изъ печи покупали.

Вотъ однажды, уже къ вечеру, Данило, подойдя къ кучѣ разговаривающихъ женщинъ, подсѣлъ къ нимъ съ бубликами въ рукѣ. Замолкли что-то женщины, а Данило, дожда пред- послѣдній бубликъ, началъ похвалять: «что за мудрые ¹⁾ бублики печеть эта Скиданка! на удивленіе! Ёшь, неотѣшься отъ нихъ! Одинъ только остался, спрячу, послѣ ужина полакомлюсь!»

Вынувъ изъ-за пазухи платокъ, Данило завернулъ въ него бубликъ и положилъ опять за пазуху. Долго говорили о томъ, о семъ, и нечувствительно рѣчь пала опять на преотмѣнные бублики.... «посмотрите, тетушка, что за тѣсто! разломишь такъ глядѣтъ завидно!» Съ этимъ словомъ вынимаетъ Данило изъ-за пазухи платокъ, разворачиваетъ.... вмѣсто бублика.... страшно сказать.... змѣя! Ей Богу, змѣя!... живехонькая, свернулась также бубликомъ, а сама движется и головку выставляетъ. Какъ увидѣли это всѣ сидѣвшіе, такъ и ахнули! отъ ужаса немогли слова вымолвить. Данило же, покачавъ головою, сказалъ: «Ну, Скиданка! хорошими бубликами ты меня бы накормила! Куда тебѣ справиться со мною!»

Съ тѣхъ поръ кончилась мода на Скиданкины бублики. Никто непокупаетъ ни одного. Помилуйте, какъ покупать? Съѣшь бубликъ, анъ это не бубликъ, а живая змѣя! О Данилѣ же еще большая пошла слава, и нетолько по своей слободѣ, но и въ сосѣднихъ начали знать его, потому что Скиданка, потерявшая здѣсь кредитъ, должна была перебраться въ другую слободу, гдѣ, желая опорочить Данила, рассказала, что онъ ея бубликъ превратилъ въ змѣю, непонимая, что тѣмъ сама еще больше прославляетъ знаніе его. Дошло до того, что нѣкоторые знахари изъ другихъ селеній пріѣзжали учиться у молодого Данила. Они сами знали все, но отъ змѣи не знали слова. Онъ научилъ ихъ какимъ-то таинственнымъ словамъ и наставилъ, какъ при этомъ должно взять змѣю за шиворотъ.... Но этотъ важный секретъ.... не скажу вамъ.

«Теперь видимое дѣло, что нашъ Данило знаетъ кое-что», говорили старики бесѣдуя между собою. «Посмотрите, парень еще молодой: что ему? двадцать годовъ съ небольшимъ; а

¹⁾ Вкусные.

глядите, какъ подпоясывается? Отъ молодыхъ отсталъ и все придерживается старичковъ, все подражаетъ имъ; ходить важно, неочень-то по сторонамъ зѣваетъ, съ кѣмъ встрѣтится—неразговорится, а все свое думаетъ».

«Что сталося съ нашимъ Даниломъ?» толкуютъ парубки, «отсталъ вовсе отъ насъ; никогда невыйдетъ поучить насъ новой пѣсни или игру затѣять. Чего онъ ходитъ, какъ будто потерялъ что? Да какъ же ему и быть иначе? пустился въ знахари. Самъ объѣзжаетъ ихъ по сосѣдству, и всѣ къ нему пріѣзжаютъ. Такъ ходитъ, такъ смотритъ, какъ совершенный знахарь. Да и родился на то. Чего ужъ онъ незнаетъ?... Змѣй въ руки беретъ!... приполъ на наши вечерницы, сидитъ себѣ и—ничего; вдругъ сказалъ: «а что, хотите, я вамъ накличу змѣй полную хату?» Мы какъ услышали, такъ и разбѣжались всѣ, кто куда! Невесело было бы сидѣть между змѣями!.. Родится же такой умный человѣкъ, что все и отъ всего знаетъ!»

«Хорошо я сдѣлала» говорила Варька своимъ подругамъ дѣвкамъ, «что непосылала къ Данилу, чтобъ сваталъ меня. Какъ видно, такъ онъ совсѣмъ знахаремъ сталъ. Вчера мой батько съ нимъ что-то поспорилъ, приходитъ домой, а мать и жалуется, что корова перестала молоко давать. Данило все это надѣлалъ, уже нѣкому больше; у насъ въ слободѣ никого такого нѣтъ. Хороша бы я была, еслибы за него вышла! Онъ бы и мною ворожилъ, да чего? нескрылась бы отъ него ни въ чемъ-таки.... ни въ чемъ».

Съ ужасомъ выбѣжала Мелашка Потаниха къ прочимъ хозяйкамъ, сидѣвшимъ въ рабочій день на улицѣ съ руками въ рукахъ; отъ страха она едва могла говорить. «Знаете-ли сосѣдушки-голубушки, что случилось со мною? Мужъ мой въ полѣ; быкъ у насъ захворалъ, такъ мой Потапъ выпросилъ у Герасима, того самаго, что помните, купилъ объ Алексѣевской ярмаркѣ у Дериполы, кажется, за сорокъ ровно, не то съ рублемъ,—вотъ ужъ этого немогу вамъ сказать; ну и нужды нѣтъ.... такъ вотъ мужъ мой въ полѣ, а у него уже такая натура: пока не кончитъ, неброситъ дѣла, я къ нему примѣнилась и знаю. Одинъ разъ, вотъ-то смѣхъ былъ! починаетъ онъ сапогъ, вечеромъ, при свѣчкѣ, а это было противъ четверга.... какое?... противъ четверга я платьѣ бучу,

а тутъ, помню, шила рубаху, не мужу, а просила меня кума изъ Колодижнаго хутора; знаете—отдавала дочь замужъ, такъ я и помогала ей обшить дѣвку.... О, да и дѣвка-то важная была.... Ну-те, такъ я, зная мужнину натуру, что онъ, кончивши работы, неворотится домой, къ вечеру стала было варить ему кое-что. Какъ вдругъ вошелъ Данило, а онъ у насъ рѣдко бываетъ. Тетушка, говорить, нѣтъ ли у тебя новаго горшочка, въ которомъ бы ничто съ роду неварилось? Я, слышавъ, что про него люди говорятъ, что онъ знахарь, такъ испугалась, что опустила руки, да и говорю: «есть».— А пожалуйте мнѣ. Я и подала. А онъ, вотъ ей Богу правда, вынулъ изъ кармана какія-то травы, положилъ въ горшочекъ, налилъ водою, принесенною съ собою въ бутылкѣ, поставилъ на огонь, да самъ и началъ шептать что-то такое страшное, что я ничего и не разобрала. Стою себѣ ни жива, ни мертва. Простудивъ отваренную траву, Данило влилъ воду въ бутылку, а траву завернулъ въ бумагу и пошолъ, да крѣпко наказывалъ, чтобъ я никому не рассказывала. Это, сказалъ онъ на помощь людямъ, такъ негодится всякому знать. Я ему пообещалась, что никому не скажу; пожалуйста сосѣдушки, не говорите и вы, чтобъ онъ не наслалъ мнѣ какого худа....»

Такъ кончила Потапиха двухчасовой свой рассказъ, со многими отступленіями, которыя я рѣшился не включать въ это сокращеніе.

«Можно ли, чтобы мы кому сказали?» заговорили всѣ сосѣдки вдругъ, «развѣ ты насъ не знаешь? мужикамъ¹⁾ своимъ не скажемъ». «Я только и скажу», сказала одна, «своей сосѣдкѣ; у ея кума дитя больное, такъ пусть сходить къ Данилу. Когда варилъ зелье какое, то вѣрно ужъ это лѣкарство». «Надо и мнѣ сходить къ своей дядинѣ, у нея сынъ чахнетъ».—И мнѣ... и мнѣ.... И вотъ, всѣ, обѣщавшія хранить въ тайнѣ пересказанное имъ, пошли разносить по всей слободѣ и пересказывать, также за тайну, всѣмъ роднымъ и знакомымъ.

Кандидатъ въ знахари ловко все разсчиталъ и мѣтко совершилъ выборъ повѣреннаго своей тайны. Предвидя послѣдствія, онъ тотчасъ приготовился, зная, какъ нетерпѣливо любопытство.

¹⁾ Мужьямъ.

Только лишь настало утро, у него собралось нѣсколько женщинъ съ ребятами грудными и едва ползающими, съ дѣтьми малыыми и большими; мужчины, женщины и старухи пришли и стояли около хаты, во дворѣ и около двора; всѣ хотѣли войти, но никто не смѣлъ первый помѣшпать важнымъ занятіямъ Данила. Стоявшіе близъ оконъ и дверей видѣли и слышали хозяина дома, замѣчали, что онъ знаетъ о приходѣ ихъ, но, не получая дозволенія войти, нерѣшались даже просить о томъ. Нескоро ужѣ самые нетерпѣливые и отважные, пробравшись сквозь толпу, осмѣлились проникнуть въ хату. Войдя, по обычаю помолились, привѣтствовали хозяина; но онъ, стоя у стола, неглядѣлъ на нихъ. Столъ былъ уставленъ разными горшочками, стеклянками, и заваленъ пучками разныхъ травъ; Данило смѣшивалъ жидкости въ горшочкахъ по выбору и сливалъ въ стеклянки разныхъ видовъ и мѣръ; травы же собиралъ изъ разныхъ пучковъ по-нѣсколько, сворачивалъ вмѣстѣ и откладывалъ по сторонамъ. Все это дѣлалъ онъ съ большимъ вниманіемъ, неглядя на пришедшихъ и нашептывая что-то.... Предстоящіе не смѣли шевельнуться и съ благоговѣніемъ смотрѣли на важныя дѣйствія. Вотъ онъ кончилъ, окинулъ глазами присутствовавшихъ, и какъ будто тутъ впервые замѣтилъ ихъ.... «Что вы скажете, люди добрые? Зачѣмъ пришли?» спросилъ онъ ихъ, убирая въ сторону все приготовленное.

— «А вотъ пришли мы», начали говорить не смѣло и все по частямъ, какъ въ старину наши бояре правили посольскія рѣчи, «слышали, что помогаешь въ нуждѣ.... вчера варилъ зелья.... помоги и намъ....»

«Что за народъ такой!» восклицаетъ Данило, будто про себя, ударивъ руками о полы, и сядя на лавку, въ концѣ стола. «Вчера такъ пришлось, нѣгдѣ было больше, какъ у Потапихи сварить кое-что, а она и распроповѣдывала по всей слободѣ! О женскій язычокъ! Я, люди добрые, такой же грѣшный, какъ и вы. Учиться нигдѣ неучился, да этому и неучатся. Это неестъ какая наука, какъ сапоги пошить или свиту скроить. То лѣкаря одураютъ народъ, что они обучены лѣчить другихъ; неправда! Этому научиться невозможно, а дается оно человѣку особенно. Кое-что зналъ, то и приготовилъ. Самъ хотѣлъ ити къ тѣмъ, кому нужно и кому посѣбить, а

вы всё пришли ко мнѣ. У меня помощь отъ болѣзней есть, а отъ смерти никто неизбавитъ».

Пока онъ это говорилъ, въ хату набилось много народа, особливо женщинъ съ дѣтьми на рукахъ; къ одной изъ близстоявшихъ Данило тутъ-же обратился, и, увидѣвъ на рукахъ ея двухлѣтняго мальчика, больного, высохшаго, сказалъ: «Вотъ какъ, и ты принесла своего! Кто ему поможетъ? Неси, давай ему ѣсть, чего пожелаетъ: пусть наѣдается». Женщина, залившись слезами, вышла отъ знахаря. Всѣмъ всрѣчающимся она говорила, рыдая, что Микитка невыдужаетъ¹⁾, знахарь сказалъ, что онъ умретъ, и велѣлъ кормить передъ смертью всѣмъ, что онъ только пожелаетъ.

Къ другимъ Данило былъ милостивѣе. Только взглянетъ на иного ребенка, тотчасъ и узнаетъ, отчего онъ боленъ; но прямо не скажетъ, а все намекомъ: «Все зависть!» съ упрекомъ говоритъ онъ. «Чего тутъ завидовать на чужое дитя? Кому какое Богъ счастье въ чемъ послалъ: кому въ худобѣ²⁾, а кому въ дѣтяхъ; такъ надобно ли волю давать глазамъ! Охъ глаза, глаза!» Да тутъ и дастъ какой воды, или травы, или порошка, и наставить какъ принимать.

Иного дитяти хоть неподноси: нехочетъ и смотрѣть на него. Бѣдная мать оплачетъ его заранѣе; когда уже знахарь и невзглянулъ, а только рукой махнулъ и отворотился, видимое дѣло, что ребенокъ умретъ. — А вотъ онъ выходился. Чтожь? «знахарь отгадалъ», говоритъ мать, «недалъ лѣкарства, рукой махнулъ; значило, что онъ и безъ лѣкарства выздоровѣетъ. Экой знающій нашъ Данило!»

Кромѣ приносимыхъ и приводимыхъ дѣтей, были и взрослые: молодой парень жаловался, что одна женщина, злая на него, что онъ несваталъ ея дочери, поднесла ему что-то въ водкѣ; онъ выпилъ и чувствуетъ, что у него въ животѣ развелись змѣи, сосутъ сердце, онъ видимо сохнетъ. — Дано лѣкарство. Дано и всѣмъ жаловавшимся на болѣзни насланья и происшедшія отъ подобныхъ же причинъ. Однимъ розданы засушенные корешки, другимъ засушенные головки, кости лягушекъ, ящерицъ и пр. съ наставленіемъ носить на шеѣ «тридцать» дней, чтобы отошла насылка и впредь неприставала.

¹⁾ Не выздоровѣетъ. ²⁾ Въ нмуществѣ.

Приходили и старухи, едва державшіяся на ногахъ. Всѣ жаловались, что отъ лихихъ людей нѣтъ имъ житья; одной сосѣдка похвалялась: будешь-де ты меня помнить! Съ тѣхъ поръ ее задушаетъ кашель. Другая жаловалась, что Кондратъ, старый мельникъ, посмотрѣлъ на нее такъ пристально, что у нея ноги подкосились, и что съ тѣхъ поръ съ трудомъ можетъ она пройти по хатѣ. И всѣ онѣ жаловались на болѣзни, на недуги, насланные отъ злыхъ людей, никто на старость. Знахарь надѣлялъ снадобьями, и обѣщаль, но всегда такъ запутанно, что нельзя было рѣшительно угадать, предсказывалъ ли онъ выздоровленіе или смерть. Въ первомъ случаѣ дивились его искусству, во второмъ, его предвидѣнію! «Сказаль-же», говорили люди, «когда будешь пить лѣкарство, все пройдетъ скоро; такъ и вышло, третьяго дня непережила: скоро прошло все; удивительно какъ знаетъ!»

Въ деревняхъ и сосѣдъ неприходить къ сосѣду съ пустыми руками, всегда приносить хлѣбъ, паляничку и т. п. Какъ же къ знахарю, прося у него помощи, прійти безъ всего или принести что неважное? Неможно никакъ. Вотъ каждый изъ приходящихъ, по мѣрѣ надобности и достатка, везетъ и несетъ, кто разной муки, кто водки штофъ, кто денегъ; и каждый, участвуя въ приношеніи, въ прибавокъ неназываетъ уже знахаря просто Даниломъ, а величаетъ какъ и другихъ, почетныхъ въ слободѣ людей, по отчеству; вотъ и пошолъ онъ «Радивоновичемъ». Придавъ-же себѣ наружность поважнѣе, отростивъ бороду, началъ подпоясываться хорошимъ поясомъ, пошире складывая его и, выступая по улицѣ важно, онъ при какомъ-то случаѣ вдругъ сказаль пришедшимъ къ нему за помощью:

«Дивился я, что въ сосѣдней волости молодого человѣка кличуть всѣ: дядюшка Семеновичъ; незналъ тому причины, да ужъ мнѣ другіе рассказали. Онъ, говорятъ, хотя и молодъ человѣкъ, но много намъ добра дѣлаетъ. Отводитъ несчастія, избавляетъ отъ всякихъ болѣзней. Ну, когда заслужилъ, такъ правильна такая честь. Буду и я трудиться, чтобъ хотя на старости дожить до почтенія?» Въ тотъ же день Данило имѣлъ удовольствіе слышать, что всѣ величали его. дядюшкою Радивоновичемъ. Съ тѣхъ поръ кто бы ни проѣзжалъ черезъ слободу, слыша, что называютъ дядюшку Радивоновича, тотчасъ догадывался, что онъ знахарь и самъ отдавалъ ему почетъ.

Съ открытія практики знахарь убѣдился, что онъ обезпеченъ въ своемъ содержаніи. Данило оставилъ заботу о хозяйствѣ, отцовскій скоть распродалъ; паціенты его и имѣвшіе въ немъ надобность, обрабатывали землю, весь доходъ самымъ честнымъ образомъ сдавали ему, несмѣя обмѣрить, обвѣсить или обсчитать его въ бездѣлицѣ. Возьми что-нибудь изъ принадлежащаго дядюшкѣ Радивоновичу, такъ тебя схватить за животь, такъ что и жизни нерадѣ будешь; приплатишься еще ему же за лѣченіе втрое, нежели что взялъ, а хвороба ¹⁾ въ барышахъ. Дядюшка Радивоновичъ, продавъ выгодно отцовскій дворъ, купилъ пригодный для себя домъ въ концѣ села, особнякъ, надъ озеркомъ, а тутъ же и лѣсокъ близко.... такъ что, кто ни взглянетъ, тотчасъ отгадаетъ, что тамъ непростой живетъ. Данило смѣло могъ незапирать въ своей хатѣ дверей, потому что самый злой человѣкъ побоялся бы сдѣлать ему какое лихо, чтобъ неслучилось и съ нимъ бѣды, какъ когда-то, давно, пострадалъ одинъ простякъ, хотѣвшій обокрасть знахаря.

Онъ свободно вошелъ въ хату къ нему, открылъ незамкнутый сундукъ, набралъ пропасть денегъ, куда только могъ у себя насовалъ ихъ.... а знахарь спитъ себѣ крѣпко и неслышитъ. Но только лишь воръ хотѣлъ ити, какъ вдругъ, гдѣ ни возмись, явился страшныйцапъ ²⁾, и сталъ въ дверяхъ. Глаза сверкають, изо-рта искры сыплются!... Воръ ни съ мѣста и простоялъ такъ до разсвѣта. Знахарь проснулся, посмѣялся надъ нимъ, велѣлъ ему положить деньги назадъ, откуда взялъ, и отпустилъ его.... Что-же? тотъ человѣкъ пошелъ, да тогда же и одурѣлъ ³⁾. Немогъ ничего больше выговорить какъ только: «цапъ, цапъ!!...» Чего бы ни просилъ: хлѣба или воды, что бы ни вздумалъ рассказать, все твердить: «цапъ, цапъ!!»

Такъ, когда уже встарину такъ было, и вѣрные люди рассказываютъ, что это именно правда, то кто же пустится на явную бѣду? Никто и на волосъ не возьметъ изъ принадлежащаго знахарю; хоть бы онъ что потерялъ, если кому случится найти, тотъ приходи хоть въ полночь, отдай самъ, а то чтобъ послѣ не раскаяваться.

А было бы чѣмъ поживиться у дядюшки Радивоновича, какъ и у всякаго знахаря. Еще въ первые дни, когда народъ

¹⁾ Болѣзнь. ²⁾ Козель. ³⁾ Съ ума сошелъ.

пустился къ нему за помощью, проѣзжавшій чрезъ слободу человѣкъ, удивясь такому сходьбищу, полюбобытствовать узнать о причинѣ, и тутъ-то услышалъ, какія чудеса дѣлаеть новый знахарь, какъ онъ всѣмъ справедливо предсказываетъ болѣзни, вылѣчиваетъ самыхъ отчаянныхъ, почти мертвыхъ воскрешаетъ! Этотъ человѣкъ поѣхалъ далѣе, возьми да и расскажи по сосѣднимъ слободамъ.... Батюшки мои! такъ и пустился къ нему народъ со всѣхъ мѣстъ! Хотя есть вездѣ свои знахари, столь же сильные, столь же знающіе, что въ нихъ? Всѣ бросились къ новому.... Около двора дядюшки Радивоновича невозможно проѣхать за телѣгами, на которыхъ привезены больные, ну право, верстъ изъ-за пятидесяти! Онъ зналъ, что оставляютъ своихъ знахарей и идутъ къ нему; такъ чтобы несориться съ ними, иному больному, неочень страждущему, скажетъ: «Знаешь, сынокъ, что? у меня на рукахъ много больныхъ важными болѣзнями, дай Богъ мнѣ совладать съ ними, а твоя—пустая, съ нею и вашего села знахарь справится; ступай къ нему, а намъ немѣшай».

Иного пріѣзжаго больного ужъ онъ разсматриваетъ-разсматриваетъ, думаетъ-думаетъ; нѣсколько вечеровъ шепчетъ надъ нимъ, одуваетъ, потомъ и скажетъ на отрѣзъ: «Что-же? всякому человѣку дано въ мѣру. Иному мало, мнѣ больше, а есть такіе, что еще и больше моего получили. Я немогу съ твоею болѣзнию справиться; поѣзжай въ такую-то слободу, явись къ такому-то знахарю и скажи прямо, что я тебя прислалъ. Это только по его силѣ».

Такъ любилъ онъ правду и неотнималъ чужого.

Натурально, что между проѣзжающими были и господскіе крестьяне; получилъ ли кто изъ нихъ пользу, или по предсказанію знахаря умиралъ, это немогло недойти до свѣдѣнія помѣщиковъ.

«Нѣтъ моей ногѣ легче!» говорилъ Герасимъ Николаевичъ, помѣщикъ, живущій въ тридцати верстахъ отъ дядюшки Радивоновича. «Непридумаю, что и дѣлать? Не послать-ли, Мавра Осиповна, въ городъ за лѣкаремъ?»

— «Съ-чего тебѣ такая глупая мысль пришла?» отвѣчаетъ Мавра Осиповна любезному супругу: «неужели не знаешь, что лѣкаря всѣхъ моряютъ? Вотъ послушай-ко, что рассказываетъ наша ключница про знахаря въ такомъ-то селеніи,

такъ это прелесть! Всѣхъ вылѣчиваетъ, кого можно, а не то— прямо скажетъ, что умереть: такъ и случится. Лучше бы къ нему поѣхалъ».

Герасима Николаевича поспѣшно уложили въ бричку и отвезли къ дядюшкѣ Радивоновичу; тотъ посмотрѣлъ больную ногу (кожа была ссаднена), присыпалъ чѣмъ-то, пошепталъ двѣ зори, далъ воды пить по три вечера, и отпустилъ пациента. Приѣхалъ Герасимъ Николаевичъ, самъ выскочилъ изъ брички, взошелъ на крыльцо, предсталъ предъ Маврою Осиповною, топнулъ бывшею больною ногой, и пошелъ себѣ ходить! Увидѣвъ мужа съ здоровою ногой, Мавра Осиповна такъ разинула ротъ отъ удивленія, что немогла его закрыть въ теченіе двухъ часовъ, пока Герасимъ Николаевичъ рассказывалъ всѣ чудесныя исцѣленія, произведенныя удивительнымъ знахаремъ.

«Жестокѣ страждущему больному», говорилъ онъ, «становится легче нетолько отъ лѣкарства, но когда этотъ чудный человѣкъ лишь пошепчетъ надъ нимъ, ощупаетъ, обдуетъ или хотя даже взглянетъ! Я спрашивалъ его, откуда онъ почерпнулъ такую премудрость, или кто научилъ его? Божится, что никто неучилъ его ничему, а что все это пришло ему черезъ сонъ, въ молодыхъ лѣтахъ, и онъ тотчасъ могъ уже повелѣвать мертвецами, которые встаютъ изъ гробовъ! Змѣй превращаетъ въ разные виды.... и все такое!... Это удивительный человѣкъ! это *филомелъ*! Достойно о немъ въ газетахъ напечатать! Самъ говоритъ, что ему обѣщано черезъ пять лѣтъ, чрезъ сонъ же, научить еще бѣльшимъ мудростямъ. Увидимъ тогда.... но и теперь это просто чудо!

Герасимъ Николаевичъ приказалъ запрячь бричку и пустился объѣзжать помѣщиковъ, рассказывая объ открытомъ имъ филемелѣ, о необыкновенномъ исцѣленіи своей ноги и о всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ собственными его глазами.

Помѣщики, выслушавъ Герасима Николаевича, въ свою очередь приказали запрягать брички и пустились къ дядюшкѣ Радивоновичу: кто за совѣтомъ, кто прося приѣхать къ нему въ домъ посмотрѣть больного въ семействѣ. Знахарь невдругъ рѣшался въ отъѣздъ, устраивалъ больныхъ около находящихся, и, подшутивъ надъ помѣщиками, вѣрующими докторамъ, ко-

торые учатся у таких же людей, пускался въ путь. Онъ осматривалъ хворыхъ, давалъ свои лѣкарства, шопотомъ прогонялъ болѣзнь, а если, среди его увѣреній и обнадеживаній въ скоромъ выздоровленіи, больному дѣлалось хуже или онъ умиралъ, знахарь нетерялся, въ оправданіе свое онъ говорилъ: «не такъ онъ былъ боленъ, чтобы ему выздороветь; я это видѣлъ, но тѣшилъ васъ только». Иногда же онъ складывалъ на докторовъ, прежде лѣчившихъ больного: «въ немъ нѣтъ никакой болѣзни», говорилъ онъ, «осталось только лѣчение этихъ обманщиковъ; что можетъ его истребить?» Въ иномъ случаѣ онъ говорилъ: «дѣлать нѣчего; попробую послѣднее, дамъ эту воду; когда неумретъ къ вечеру, то выздоровѣетъ». И всегда отгадывалъ; больной нерѣдко до сутокъ умиралъ отъ чудесной воды, и слава объ знахарѣ распространялась все больше и больше. Не обращали вниманія на то, что больной умиралъ, но удивлялись, что предсказаніе знахаря сбылось вѣрно и почти часъ-въ-часъ.

Кромѣ того, что нашъ знахарь въ большой вездѣ славѣ, въ почетѣ отъ всѣхъ, не только сельское начальство, всѣ помѣщики уважаютъ его. Нѣтъ ему отъ нихъ другого названія, какъ дядюшка. Возять его въ бричкахъ, а случается и въ коляскѣ четвернею; не одинъ уже разъ привозили его въ городъ отшоптывать у судейши рожу, то есть, на лицѣ рожу. Да чего? и самъ откупщикъ придите поклонимся къ знахарю, когда за ужиномъ бывало плотно поѣлъ, да къ утру чуть не умеръ. Бѣда, если-бы, словно на крылахъ вѣтренныхъ, на перемѣнныхъ пожарныхъ лошадяхъ непримчали нашего знахаря. Тотъ только осмотрѣлъ, тотчасъ чѣмъ зналъ, тѣмъ и помогъ съ разу.

Кромѣ славы и чести, что за богатство у знахаря! Сколько у него денегъ! сколько платья и всего прочаго! Всѣ дарятъ его, никто не пожалѣветъ послѣдняго, помощи только.... Онъ помогаетъ или отгадываетъ, а они его обдариваютъ. Да, богатства много у знахаря, но съ кѣмъ же раздѣлить его? Одинъ онъ, одинешенекъ; и присмотрѣть за домомъ, и знать, что въ домѣ, нѣкому. Нельзя было знахарю открыть такое дѣло; дана ему сила большая, а какъ съ нею жениться въ молодыхъ лѣтахъ? Женясь до тридцати лѣтъ, пришлось бы ему бросить свое призваніе, а можетъ быть и сама сила оста-

вила бы его. Продолжай же онъ свое дѣло, какая дѣвка рѣшится за него ити, зная что онъ есть непростой? Довольно подумать, что онъ все будетъ знать за женою.... самыя думки женины будутъ ему извѣстны; ну, а какъ она такой же человѣкъ.... да въ случаѣ чего.... пожалуй!... а онъ все знаетъ, хоть и не скажетъ ему никто...! Нѣтъ, бѣда! Нехочу, не пойду за него! Такъ думала всякая дѣвка, когда онъ былъ еще молодъ.

Теперь, какъ ему перевалилось за тридцать лѣтъ, то и вовсе нельзя уже ожидать, чтобы которая-нибудь за него рѣшилась ити. Но дядюшка Радивоновичъ нетерялъ надежды. Между занятіями своими, проходя по улицамъ и наблюдая, подмѣтилъ одну дѣвку перешедшую за двадцать лѣтъ; въ крестьянскомъ быту она уже засидѣвшаяся, чарочкою обнесенная. Дѣвка была чернявая, полная, здоровая, веселая и проворная, но къ работѣ она была неохотна. Все бы ей пересмѣхать другихъ, примѣчать за всѣми, осуждать, кто на глаза попадетъ; а какъ она была на рѣчи бойкая, то никто и недумай ее переговорить. Потому-то женихи браковали ее, и она не обращала уже ихъ вниманія на себя. Но собственно знахарю такая жена—кладъ: гдѣ онъ съ своимъ знаніемъ, тутъ она будетъ съ своимъ языкомъ. Онъ осматриваетъ больного, а она уже у сосѣдокъ, и распросила да развѣдала о немъ подробно. Къ знахарю пришли просить помощи въ отысканіи лошади, а жена успѣла узнать, когда лошадь пропала, какой она шерсти.... Да такъ и во всемъ; половина дѣла за нею. Такая жена—двойная помощь знахарю.

Дядюшка Радивоновичъ, высмотрѣвъ хорошенько эту дѣвку и увѣрившись во всѣхъ ея нужныхъ ему качествахъ, искалъ случая поговорить съ нею, чтобъ условиться. Вотъ, въ одинъ вечеръ возвращаясь отъ пана-писаря, гдѣ былъ на угощеніи, поворотилъ онъ въ переулокъ; на встрѣчу ему Одарка, съ которою онъ такъ давно желалъ говорить.

Безъ дальнихъ предвареній, онъ взялъ ее за руку и, положивъ ей свою руку на плечо, глядя, сколько могъ умильно, началъ съ ласкою дѣлать ей предложеніе и объяснилъ прямо, чего онъ требуетъ отъ жены своей, предоставляя ей за то пользоваться богатствомъ безотчетно. Одарка, потерявшая всякую надежду слышать отъ кого что-либо подобное, чрезвы-

*

чайно обрадовалась, что обратила на себя вниманіе такого человѣка, и въ мигъ сообразила выгоды отъ этого замужества, не боясь притомъ всезнанія знахарева, которое понимала очень хорошо. Выслушавъ все, безъ застѣнчивости, смѣло смотря ему въ глаза, она согласилась на предложеніе, и тутъ же отъ полноты чувствъ, предложила нѣкоторыя улучшенія въ обращеніи его съ приходящими къ нему за помощью.

Устроивъ и расположивъ все по желанію, любовники разошлись.... Вотъ черезъ нѣсколько дней разнеслась молва, что дядюшка Радивоновичъ, ввѣлъ за себя Одарку Танцуривну, и что свадьба была самая тихая, скромная, безъ всякихъ порядковъ ¹⁾; никто не удивлялся такому браку, никто не завидовалъ ни мужу, ни женѣ.... Но между тѣмъ эту Одарку начали почитать во всей слободѣ, и уже не иначе зовутъ ее, какъ тетюшка Одарія; а кто большую имѣетъ надобность въ дядюшкѣ Радивоновичу, тотъ и жену его возвеличить и почитать: Климовна Одарія! Супруги зажили себѣ отлично. Каждый изъ нихъ исправлялъ свое дѣло, какъ должно. Черезъ проворство и смѣтливость жены слава мужа увеличивалась еще болѣе. Все знаетъ онъ, можетъ сказать, у кого изъ живущихъ въ слободѣ съ чѣмъ варится въ тотъ день борщъ, за что поссорились такіе-то, и все подобное. Часто въ пропажѣ вовсе и не думаютъ на кого, а знахарь прямо откроетъ, что тотъ-то укралъ; такъ на повѣрку и выйдетъ. Все это поразвѣдаетъ бойкая жена его; наконецъ и о ней такая прошла слава, что она чуть-ли не столько же знаетъ во всемъ силы, какъ и мужъ ея.

Въ такомъ-то отъ всѣхъ уваженіи, довольствѣ, семейномъ согласіи, а главное, въ такой независимости знахарь спокойно доживаетъ вѣкъ. Нѣтъ для него непредвидѣнныхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ; онъ упрочилъ будущее, все расчолъ, удалилъ отъ себя всякія возможныя непріятности; онъ сила и сила важная! Не боясь никого и ничего, онъ можетъ своимъ словомъ, даже взоромъ, пугать и беспокоить, кого ему нужно.... чего же болѣе для счастья человѣка? Такъ доживаетъ свой вѣкъ знахарь, и оставляетъ мѣсто другому, равно смѣтливому и знающему.... людскую натуру.

¹⁾ Безъ особенныхъ церемоній.

Вотъ вѣрное изображеніе сельскаго знахаря, лица во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго вниманія. Замѣчаютъ, будто бы знахари изводятся, будто ихъ менѣе нынѣ въ селахъ; не-ошибка ли въ выраженіи? Не переводятся ли они? Не увеличивается ли число ихъ внѣ селъ? Конечно, знахари высшаго разряда и въ высшемъ положеніи, въ частностяхъ дѣйствій — не то, что эти... большому кораблю большое и плаванье; но въ основахъ натуры своей?... Сравните и судите.

III.

ЛОЖНЫЯ ПОНЯТІЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Натальѣ Григорьевнѣ Принцѣ.

ЛОЖНЫЯ ПОНЯТІЯ *).

I.

Для чего люди всѣмъ жертвуютъ, чтобы только показаться знатнѣе другихъ и богаче, нежели они въ самомъ дѣлѣ? Какая имъ выгода, какая польза отъ того? Не большею ли частію убыткомъ и даже разореніемъ оканчивается такое ихъ стараніе? И потомъ, въ награду, насмѣшки отъ другихъ, кромѣ уже разстройства состоянію, потеря спокойствія и вѣчное раскаяніе!.. Ежедневно видимыя нами образцы насъ не удерживаютъ; смѣемся надъ другими, а сами, презирая благо-разумные совѣты, идемъ по слѣдамъ заблуждающихся. Живя роскошнѣе, нежели позволяеть достатокъ, выказывая себя знатнѣе происхожденія своего, надѣются пріобрѣсти почтеніе, уваженіе, удивленіе; но выходитъ напротивъ. Въ этой части разсказа нашего мы приведемъ примѣръ изъ низшаго сословія (въ высшемъ, образованномъ кругу такая слабость рѣже), какъ человѣкъ, при всѣхъ способахъ, при всемъ удобствѣ быть въ своемъ обществѣ первымъ и уважаемымъ, пренебрегши его, поступилъ въ высшее, долженъ былъ вести родъ жизни ему несвойственный и неизвѣстный, упалъ, разстроилъ навсегда благосостояніе свое и лишилъ спокойствія себя и семейство свое.

Пантелеймонъ Стовбырь получилъ отъ отца значительное, по званію своему казеннаго обывателя, состояніе: довольно число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, сверхъ того вѣтряную мельницу, дающую порядочный доходъ, нѣсколько паръ воловъ, на которыхъ работники привозили ему изъ Дона рыбу, изъ Крыму соль и поставляли въ Херсонъ разныя тяжести, а въ Одессу пшеницу. Пчелиная пасѣка при-

*) Современникъ, 1840. Т. XIX.

носила ему большую пользу. Дворъ у него былъ обширный, весь застроенный разными необходимыми въ его хозяйствѣ строениями. Изба, какъ у зажиточнаго обывателя, была съ двумя трубами; большая хата съ комнатою, черезъ сѣни противная хата, сѣни съ присѣнками, навѣсомъ надъ крылечкомъ; при дворѣ огородъ, колодязь и небольшой садикъ съ вишневыми, грушевыми и яблоневыми деревьями. Все это было за городомъ, нѣсколько удалено отъ крайнихъ улицъ города, и было какъ-бы особымъ хуторомъ, такъ-что и при большомъ постоѣ въ городѣ, къ Стовбырю, за отдаленностью, никто не приходилъ назначать квартиры, да и самые постояльцы, по той же причинѣ, отказывались отъ предложенія стоять у него. При нарядѣ на общественныя работы ни одинъ десятскій не заходилъ къ Стовбырю съ назначеніемъ, потому единственно, что онъ жилъ внѣ улицъ городскихъ, слѣдовательно, внѣ городского завѣдыванія. Такимъ образомъ старый Стовбырь жилъ, какъ у насъ говорится, «словно у Бога за дверью».

При такихъ выгодахъ немудрено, если онъ умножалъ свои доходы; а живя просто, скромно, по приличію, присматривая за всѣмъ и вездѣ самъ, работая своими руками, чтобы не издерживать денегъ на наемщика, не только не издерживалъ получаемыхъ доходовъ, но накопилъ денегъ довольное, по своему состоянію, количество. При немъ, сынъ его Пантелеймонъ былъ скромнень, помогаль отцу въ присмотрѣ и работахъ, и никакъ не противился его распоряженіямъ. Отецъ, женивъ его, вскорѣ умеръ.

Почему бы Пантелеймону не продолжать такъ же жить, какъ и отецъ! Нѣтъ! Онъ, какъ свойственно человѣку съ слабымъ разсудкомъ, принялся порочить занятія отцовскія и осуждать его пристрастіе къ неусыпному за всѣмъ присмотру. Онъ рѣшилъ, что ему съ такими доходами, съ такимъ во всемъ достаткомъ, низко самому наблюдать за всѣмъ, а потому нанялъ прикащика и предоставилъ все въ его неограниченное распоряженіе; самъ же приготовлялся только принимать готовые доходы. Мечтая же о своемъ богатствѣ, почиталъ себя выше всѣхъ и поспѣшилъ отдѣлиться отъ своего сословія. Первое, онъ перерядился изъ свиты сѣраго уразовскаго сукна въ синій жупанъ; для простыхъ дней имѣлъ одинъ, а для праздниковъ другой, еще лучшаго сукна. Пояса

были у него дорогіе, шапки нарядныя. Жену также приодѣлъ въ богатые кунтуши, люстриновыя юбки (корсеты), полковыя запаски (передники), парчовые очипки, газетовыя кораблики; накопилъ ей дорогихъ наместъ (коралловъ), янтарей, дука-товъ, и такъ вырядившись съ женою, оба ничего больше не дѣлали, какъ сидѣли сложа руки, принимали, что хотѣлъ прикащикъ взнести имъ изъ доходовъ по хозяйству, были довольны и, неходя въ дальнѣйшій расчетъ и оставляя все безъ наблюденія, почитали себя несмѣтно богатыми и рассчитывали, что имъ съ избыткомъ всего станеть на всю жезнь.

При такомъ достаткѣ, по понятію Стовбыря, ему неприятно было отцовское, родовое прозваніе «Стовбырь»; ему стыдно было слышать его; оно нешло къ его наружному виду и къ убранству жены его. Придумавши, какъ переимѣнить себѣ прозваніе, онъ началъ хлопотать у волостного писаря, чтобы въ спискахъ его писали уже не просто «Стовбыремъ», а «Стовбыревскимъ». Это казалось ему важнѣе и дѣлало его въ глазахъ другихъ болѣе уважительнымъ. Писарь—какъ писарь: взялъ съ него деньги, въ спискахъ оставилъ по-прежнему, а ему далъ какую-то безъ подписи бумагу, что онъ есть «именно прирожденный Стовбыревскій». Почитать такую бездѣлицу важнымъ дѣломъ свойственно только человѣку изъ простаго сословія; въ высшемъ кругу переимѣны фамилій или придачи звучныхъ окончаній «овъ» «скій» не бываетъ... они нестыдятся родовымъ прозваніемъ.

Досадно было Пантелеймону, что когда онъ идетъ по улицѣ—а для показа своего новаго убранства, онъ безъ всякой надобности часто ходилъ по городскимъ улицамъ—никто, нетолько не хотѣлъ вставать предъ нимъ изъ почтенія, но даже и не кланялся ему. Если же когда, проходя въ толпѣ и тѣснотѣ между народомъ, кто потѣснялъ его, то онъ отталкивая говорилъ: «что ты, мужикъ, толкаешься? Разсмотрѣлъ бы прежде, кто идетъ!»

Случалось, что сосѣди, по надобностямъ, приходили къ нему и безъ дальнихъ справокъ прямо шли въ хату, гдѣ онъ находился, спрашивали у него топора, лопаты, или чего подобнаго; тутъ онъ всегда съ суровостью отвѣчалъ: «какъ же ты смѣешь за такую бездѣлицею прямо лѣзть ко мнѣ на глаза? Ты бы спросилъ у моего прикащика. А то и просунулся разомъ ко мнѣ, какъ будто ровня? То-то ужъ и видно мужика!»

Не самъ ли онъ большій мужикъ, глупецъ: незаслуживъ уваженія, требуетъ его отъ другихъ!

Сосѣди, по обыкновенію и по привычкѣ, называли его полуименемъ: «Талемонъ». Тутъ онъ сердился и ворчалъ на нихъ: «Кто это Та-ле-монъ? У меня, кажется, есть настоящее имя «Пантелеймонъ»; да, неполѣнясь, могъ бы прибавить «Степановичъ».

— Не много ли для тебя за одинъ разъ будетъ? говорилъ смѣясь сосѣдъ.

«Ну, когда трудно выговорить, такъ назвалъ бы «дядюшкой» что ли?»

— Куда ты въ дяди годишься? Недавно усы показались, а о бородѣ и слуховъ нѣтъ, а онъ вздумалъ дядею быть!

«Отвяжись же отъ меня, мужикъ! Ты забываешься, думаешь, что я тебѣ ровня?» скажетъ съ сердцемъ Пантелеймонъ и, вздёрнувъ свою сѣрыхъ овчинъ съ краснымъ, суконнымъ верхомъ шапку на бекрень, отворотится отъ него, подойдетъ къ другой кучѣ, гдѣ товарищи его по дѣтству, зная его мужицкое, глупое чванство, на-смѣхъ начнутъ отзываться къ нему: «Здорово, Панько!» «Здравствуй, Пантюха!» Тутъ онъ выйдетъ изъ себя, закричитъ имъ: «Эки мужики! Не видите ли, кто я? Я вамъ не ровня!» и уйдетъ отъ нихъ домой.

Совершенно глупое желаніе: безъ достоинствъ ожидать отличія и сердиться, что другіе понимаютъ его нетакъ, какъ какъ онъ себя.

Такія непріятныя встрѣчи начали случаться часто, до того, что Пантелеймону невозможно было выйти на улицу. Лишь только явится гдѣ или въ свое общество придетъ, какъ уже и слышитъ: «Вотъ Панько... вотъ Пантюха!... Онъ возмечталъ о себѣ Богъ знаетъ что и съ нами незнается, называя насъ мужиками; самъ же кто?»

Увидѣвъ Пантелеймонъ, что неможетъ вытребовать къ себѣ, уваженія, не заставитъ противъ воли почитать себя, онъ прибѣгнулъ къ богатству своему.

«А что думаешь, Петровна?» сказалъ онъ однажды женѣ, которую иначе не называлъ, какъ по отчеству. «Что намъ среди этихъ мужиковъ дѣлать? Никто не знаетъ намъ дѣны, никто не уважаетъ. И — то-то мужики! — еще насмѣхаются надъ

нами, что мы держимъ себя прилично въ отношеніи къ нимъ. Они нестоятъ насъ, недостойны, чтобы мы были съ ними. Чтожь? Мы столько имѣемъ, что можемъ подняться выше. Къ чему этотъ хуторъ, въ которомъ мы «киснемъ», окруженные этими грубіянами? Хочу переписаться въ мѣщане: хуторъ и все имущество продамъ, куплю домъ въ самомъ городѣ, сведу знакомство съ лучшими людьми, стоящими насъ, и начнемъ жить, какъ прилично нашему достатку и понятію нашему о самихъ себѣ. Увидимъ, если и тамъ люди глупы и небудутъ знать намъ цѣны, то я—была-небыла—пролѣзу и въ купечество; тогда-то тѣ, которые неумѣли уважать меня, станутъ издали кланяться и заискивать слова, взгляда моего! Я зазвалъ бы и теперь гостей, такъ все же такое мужичество, что стыдно съ ними и слово промолвить; всё либо отцовскіе родственники, либо пріятели его, покойника, смѣшного старика! Ставши же мѣщаниномъ и живя въ хорошихъ «горницахъ», я буду жить такъ, что неоткажется зайти ко мнѣ на чашку чаю и самъ частный, нетолько уже квартальный; да и приказные, даже изъ губернскаго правленія и другихъ палатъ, поищутъ моего знакомства. Вотъ люди! истинно по мнѣ: нестыдно будетъ съ ними водиться. Какъ ты думаешь, Петровна?»

Кулина Петровна, достойная сожительница Пантелеймона Степановича Стовбыревскаго, при первомъ предложеніи мужа, пустилась въ расчоты и соображенія о собственныхъ выгодахъ, а потому мало слушала, что пріятнаго находилъ Степановичъ въ перемѣнѣ званія; она заботилась о себѣ, и вмѣсто отвѣта, сходнаго съ рѣчью мужа и котораго онъ ожидалъ, она поспѣшила спросить его:

«Скажи же мнѣ, Степановичъ, на милость: когда я стану мѣщанкою, то неужели и тогда буду ходить въ этихъ лохмотьяхъ, какъ и послѣдняя мужичка?»

«Эхъ, Петровна-Петровна! что ты называешь лохмотьями? На тебѣ Англійской каламенки спидница (юпка), люстриновый корсетъ, газетовый очипокъ; сколько разковъ (нитокъ) наместа и янтарей съ дукатами чистаго золота и серебряными крестами на шеѣ у тебя! Все твое убранство, что только теперь на тебѣ, продавши, вырученными деньгами два-три семейства бѣдныхъ можно бы устроить на всю жизнь; а ты

думаешь, что равняешься съ послѣднею мужичкою!» Такъ бы слѣдовало отвѣчать мужу ея; но вмѣсто того онъ сказалъ ей:

«Какъ это возможно, чтобы я оставилъ тебя въ такомъ простомъ видѣ? Ты тогда будешь имѣть все лучшее и дороже, нежели это....»

— Не о томъ рѣчь, Степановичъ! Оно само по себѣ извѣстно, что я буду имѣть лучшее, нежели эта дрянь; но я непременно должна буду, какъ и всѣ мѣщанки, перерядиться въ круглыя платья, ситцевыя, холстинковыя, а подчасъ и гарнитуровыя. Платки должны быть у меня палевыя, кашемировыя; голову повяжу платками гарнитуровыми, золотомъ и битью шитыми....

«Само по себѣ такъ слѣдуетъ, Петровна! И прошу, и приказываю: не забывай, какого ты мужа жена, а по мужу какого ты стала высокаго роду....»

— О! этого никогда не забуду. Когда же вступишь въ купечество, тогда я уже должна буду ходить въ капотахъ; справляю себѣ салопъ теплый на лисьемъ мѣху, а для лѣта на ватѣ....

«Стыдись: будучи купчихою и моею женою, ходить въ салопѣ, какъ будто секретарша какая! Ты должна тогда справить себѣ мантонъ такой, какъ я видѣлъ на женѣ нашего.... то есть, купческаго головы».

Странное дѣло, что въ нижнихъ сословіяхъ даже и женщины стремятся казаться выше своего состоянія и, первое дѣло, невходя ни во что, несоображая своихъ желаній съ способами и обстоятельствами мужа, невникая въ цѣль и намѣренія его, стараются только заpastися уборами и нарядами, чтобы казаться важнѣе, знатнѣе и богаче, нежели онѣ въ самомъ дѣлѣ. Имъ нужды нѣтъ, какъ это накладно будетъ для мужнина кармана, но лишь бы было; лишь бы она могла перецеголять сосѣдку или родственницу свою. Необразованность, низкое чувство—хотя бы разорить мужа, но удовлетворить желанію своему! Глупое понятіе, будто наружное убранство придастъ ей цѣны въ глазахъ другихъ! Такъ немыслятъ и непоступаютъ въ высшихъ кругахъ....

Слушая требованія мужа, Кулина Петровна призадумалась и въ мысляхъ добиралась, что это за вещь такая «ман-

тонь»? Она, бывая иногда отъ любопытства для разспытанія на рынкѣ, не видала его въ продажѣ и неслыкала рѣчей о немъ. Между тѣмъ дражайшій супругъ ея продолжалъ:

«Теперь-то, Петровна, какъ мы уже почти мѣщане и то до случая, такъ уже непригоже тебѣ говорить мнѣ «ты», а должно «вы». Такъ я буду обращаться съ тобою. У насъ въ мѣщанствѣ такъ водится. Когда же вступимъ въ купечество, тогда уже ты.... то есть вы, будете называть меня «душа моя; а я васъ—мой другъ».

— Воля ваша, Степановичъ, я непрочъ, а что-то не приходится. Вы мой мужъ, такъ бы должно быть и мой другъ, а я, какъ есть ваша жена, такъ должна быть и ваша душа: а то какъ будто все на изнанку.

«Конечно, Петровна, вы резонно говорите; но начиная отъ мѣщанства, чѣмъ выше идти, то все больше и больше безпорядковъ, до того, что въ дворянствѣ такъ все перепутано, перемѣшано, перепорчено, что и толку не найдешь».

Пантелеймонъ Степановичъ поспѣшилъ приступить къ дѣлу. Объявилъ о продажѣ своего имѣнія со всею принадлежностью; явились покупщики. На предложенную ему низкую, половинную цѣну, онъ несогласался, торговался, объяснялъ выгоды имѣнія; но одинъ изъ покупщиковъ, коротко знавшій характеръ его, надавъ больше другихъ, сказалъ: «Ахъ, торгуется, какъ послѣдній мужикъ!» и это подѣйствовало на Пантелеймона: онъ незахотѣлъ и въ этомъ случаѣ равняться съ мужикомъ, и тутъ же ударилъ по-рукамъ за цѣну весьма низкую противъ достоинства и выгодъ имѣнія.

Получа деньги и присоединивъ ихъ къ оставшимся послѣ отца, онъ увидѣлъ себя съ весьма значительнымъ капиталомъ для мѣщанина. При записаніи себя въ новое званіе, крѣпко наблюдалъ, чтобы онъ показанъ былъ не по прежнему глупому прозванію «Стовбырь», а ужъ поважнѣе «Стовбыревскій». «Одно мнѣ только тяжело, что моя жена «Кулина!» Это самое простое, самое мужицкое имя! Когда ее въ нашей мѣщанской компаніи назовутъ по имени, я всегда буду краснѣть. Но дѣлать нѣчего, перемѣнить невозможно!»

Ставъ уже мѣщаниномъ, онъ потребовалъ, чтобы его Кулина Петровна принарядилась въ круглое платье, какъ слѣдуетъ мѣщанкѣ, и самъ, сбросивъ мужицкую свиту, пере-

одѣлся въ черкеску, принялся заботиться о новомъ приличномъ ему жилищѣ.

Онъ пріискалъ купить дворъ въ лучшемъ мѣстѣ города. Домикъ былъ по его вкусу, о пяти, какъ онъ называлъ, «горницахъ». Внутреннее убранство отвѣчало наружности дома. Надъ крыльцомъ о пяти ступеняхъ были «присѣнки», или навѣсъ, поддерживаемый двумя столбиками, съ вырѣзанными кружками, городками и т. п., и выкрашенными зеленою краскою. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ вмѣсто полу кирпичемъ, было три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ среднюю комнату, скромно называемую «залка», 8 и 6 арш. мѣры. Въ этой залкѣ было двое оконъ съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами; въ послѣдствіи, за разбитіемъ нѣкоторыхъ, замѣняла ихъ исписанная бумага, приносимая знакомыми хозяину приказными, отрывающими ее отъ черновыхъ протоколовъ и проч. Въ обоихъ углахъ этой залки были привѣшены св. иконы въ окладахъ, кіотцахъ и безъ всякихъ украшеній, все работъ различныхъ художниковъ Борисовской *) и Суздальской школъ. Всѣ иконы убраны были разнаго рода бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами, а висящія тутъ же лампы затепливались съ вечера въ субботу или подъ большой праздникъ. Въ простѣнкѣ между окнами сіяло зеркало, небольшое, но составленное изъ двухъ стеколъ—въ одномъ недоставало угла. Рама зеркала была краснаго дерева, извѣстной старинной формы, съ двуглавымъ наверху орломъ, рѣзнымъ, съ облинялою позолотою. Отъ орла, до самаго конца зеркала, на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Полотенце это служило для вытиранія рукъ каждому, имѣющему въ томъ надобность, и перемѣнялось, по обычаю, только въ субботу. Подъ зеркаломъ висѣла небольшая картинка въ черной рамкѣ, представляющая «Шарлоту на гробницѣ Вертера», и, какъ съ давнихъ временъ на картинѣ оставалась только одна часть стекла, покрывающая гробницу злополучнаго Вертера, а прелестная Шарлота оставалась безъ защиты, то мухи, пыль, сырость

*) Курской губерніи въ селѣ Борисовкѣ графа Шереметева много иконостасовъ-самоучекъ, не получившихъ дальнихъ наставленій въ живописи. Они пишутъ иконы для иконостасовъ и для заказывающихъ частно.

и проч. и проч. до того ее залѣпили, что невозможно было и замѣтить красоты нѣжной страдальцы.

Около зеркала съ обѣихъ сторонъ повѣшены были двѣ картины различныхъ мѣръ и оправъ. Одна представляла Кульнева, съ большимъ брюхомъ, ужасно широкимъ лицомъ и огромными усами. Пантелей разсматривающимъ этотъ портретъ изъяснялъ: «Когда и на картинѣ такъ срашенъ, каково же было неприятелю смотрѣть на него живаго?» Другая картина того же мастерства представляла «миръ съ Европою». Пантелей и ее неоставлялъ безъ изъясненій: «Этотъ куншттикъ, говорилъ онъ, представляетъ, какъ миръ сошелся съ Европою и, за руки взявшись, ходили по разнымъ государствамъ. «Должно быть, не въ нашей землѣ это случилось, а либо у Нѣмца, либо у Француза. У насъ такого случая небывало». Подъ зеркаломъ, въ простѣнкѣ, стоялъ большой столъ, покрытый скатертью.

На другихъ стѣнахъ, между дверью и печкою, сложенною изъ разныхъ изразцовъ, развѣшаны были картины въ родѣ, вкусѣ и видѣ описанныхъ выше, на прим., портретъ Кутузова, который изображенъ *сирашинъ* Кульнева; подлѣ него картина прибытія Наполеона на островъ св. Елены. Наполеонъ, по тогдашнему обыкновению, представленъ въ карикатурномъ видѣ, смотрящій въ зрительную трубу на дѣлаемую ему встрѣчу. Пантелей и этого обстоятельства неоставлялъ безъ замѣчанія. «Даже невѣроятно, говорилъ онъ, чтобы такой человѣкъ, низенькій, пузатый, съ кривыми ножками, осмѣлился воеваться съ такимъ огромнымъ и страшнымъ, каковъ есть нашъ Кутузовъ! Однако же онъ его въ хорошее мѣсто загналъ: и на картинѣ страшно; каково же тамъ?» Подлѣ Наполеона висѣла картина «библейская», какъ объяснялъ хозяинъ, представляющая Павла и Виргинію на дождѣ; а хозяинъ говорилъ, что это Лотъ съ женою, бѣгущіе изъ Содома.

На противоположной стѣнѣ портретъ графа Орлова-Денисова, одинаковой работы съ преждеописанными; картины: бѣгство въ Египетъ, блудный сынъ, изгоняемый красавицами, страшный судъ съ подробнымъ изображеніемъ всѣхъ мученій грѣшниковъ и грѣшницъ, въ особенности—румянившихся, танцовавшихъ, катавшихся и проч. Было и еще нѣсколько подобныхъ картинъ.

Отъ входа въ правомъ углу—стѣнные часы съ кукушкою, и тутъ же столъ для складки шубъ, шинелей, плащей и проч. приходящихъ къ хозяину; а на лѣво шкафъ со стеклами, за коими красовались серебряныя старинной работы чарки различныхъ мѣръ и фигуръ; два хрустальные карафина также различныхъ мѣръ; фаянсовыя тарелки съ кунштিকাдами и цвѣтами. Шесть столовыхъ и одна чайная серебряныхъ ложекъ и такое же цѣдилко поставлены были стоймя, чтобы посѣтителѣ могли видѣть красу ихъ и достоинство.

Изъ «залки» дверь направо вела въ небольшую комнату, называемую «гостиненькою». Тамъ, между такими же окнами, какъ и въ залкѣ, въ простѣнкѣ было зеркало подъ-пару описанному. На главной стѣнѣ красовалась картина, представляющая «послѣдній день Помпея», сработанная въ Москвѣ по наслышкѣ о картинѣ Брюлова. Хозяинъ немогъ равнодушно глядѣть на нее и, объясняя любопытствующимъ, говорилъ: «этотъ кунштъ, государь мой, представляетъ, какъ одинъ городъ — благодареніе Богу, не въ нашей землѣ! — засыпало весь золою, въ родѣ того, какъ когда-то, въ древности, пострадали наши города Содомъ и Гоморъ. Охъ, Боже мой! подумаешь, какое множество пеплу на небесахъ, что можетъ засыпать цѣлые города!» По сторонамъ этой изящной картины висѣли «аллегорическія»: «такъ на свѣтѣ все превратно», «таковъ нынѣ свѣтъ», колесо фортуны съ летящимъ внизъ Наполеономъ, вѣсы міра и т. под. Подъ картинами стояла деревянная софа, безъ всякихъ подушекъ, но покрытая ковромъ; стулья такіе же были здѣсь, какъ и въ залкѣ. Дверь налѣво изъ залки вела въ опочивальню хозяевъ, коей все пространство занимала большая печь съ лежанкою и двойная кровать, навьюченная огромными перинами, покрытыми ситцевымъ стеганымъ одѣяломъ, и по шести, для каждой персоны, изголовными подушками, пирамидально, одна другой меньше, къверху сложенными. Изъ спальни выходъ «въ кухоньку», а изъ нея въ сѣни. На правой же сторонѣ дверь въ сѣняхъ вела въ особый «упокой», предназначенный для гостя или постоя.

Вотъ домъ съ убранствомъ новаго мѣщанина.

На дворѣ было строеніе, необходимое въ хозяйствѣ, и кромѣ того былъ особый флигель для найму.

Новый мѣщанинъ, Пантелей Степановичъ Стовбырь, не тужилъ, что недоставало ему сада и огорода, и съ чванствомъ

говорилъ: «мы уже изъ этого вышли, чтобы намъ заниматься мужичьимъ промысломъ: Мой огородъ на базарѣ. Пошлю съ серебряною лопаткою — нароютъ мнѣ всякихъ кореньевъ и нарвутъ плодовъ. А серебра нестанемъ занимать у другихъ. При томъ же и для здоровья моей Кулины Петровны вредно заниматься мужичьимъ хозяйствомъ.

Устроивъ свое жилище, онъ принялся за хозяйство. Какъ мѣщанину быть безъ промыслу? Онъ отложилъ «капиталь», по его разумѣнію значительный, двѣ тысячи; нанялъ лавочку, накупилъ товару: сальныхъ свѣчъ, мыла, сянго купоросу, шпилекъ, булавокъ, крючковъ, тесемокъ, запонокъ и т. под., договорилъ прикащика, сидѣльца и мальчика къ той же лавкѣ. Намѣреніе его было, попривыкнувшу къ торговлѣ и умноживши ею капиталъ, записаться въ купцы и тогда недумать уже ни о чемъ. Выше купческаго званія онъ немогъ ничего вообразить для себя. О томъ одномъ мечталъ, и въ разговорахъ, будто ошибкою, проговаривался: мы купцы, по нашему купческому обычаю и проч. Слыша, что многіе изъ его собратій въ разговорѣ имѣютъ привычку приговаривать къ дѣлу и недѣлу какое-нибудь избранное ими слово, напр. стало-быть, выходить, будучи и проч., онъ, думавши долго, избралъ себѣ въ приговорку слово «онамедни», слышанное имъ въ разговорѣ русскихъ купцовъ. Непонимая его значенія, онъ почоль его за коренное русское и заранѣе восхищался, что его будутъ почитать чистымъ великороссіяниномъ. Страсть симъ тщеславиться свойственна людямъ его званія и происхожденія.

Теперь новому мѣщанину надобно познакомиться съ именитыми въ его обществѣ особами и сыскать благорасположеніе нужныхъ ему людей изъ должностныхъ лицъ. Для этого, разсудилъ онъ, всего лучше сдѣлать пирушку и еще цѣлодневную. Но прежде всего обошолъ самъ лучшей кругъ, или аристократію своего общества, а Кулину Петровну послалъ знакомиться съ женами ихъ и при томъ наказывалъ: «займитесь вы, Петровна, онамедни, съ женскимъ поломъ и присмотритесь хорошенько, какъ у нихъ въ чомъ поводится въ разсужденіи угощенія. Надобно все устроить прилично званію и достатку нашему. И еще прошу васъ, чтобы и кофей былъ для гостей. Вы видно, моя Петровна, онамедни, и незнаете, что означаетъ «кофей», что, вытараща глаза, слушаете?»

*

— Отъ-роду въ первое отъ васъ, Степановичъ, слышу такое имя, сказала новая мѣщанка. Что оно: изъ дичины что, или такъ-себѣ?

«О-охъ, Петровна! Мнѣ бѣда съ вами! Вы, онамедни, неможете скоро привыкнутьъ къ порядочному обхожденію. Это напитокъ такъ зовется; безъ него невозможно гостей принять. Подите же и у знающихъ разспросите, какъ его, онамедни, «готуютъ» и справляйтесь во всемъ, чтобы у васъ, онамедни, былъ порядокъ».

Всѣмъ распорядивши, Пантелей Степановичъ пригласилъ именитыхъ особъ, какъ то: квартальнаго, гласнаго мѣщанскаго и секретаря градской думы; приглашены были, кромѣ мѣщанъ, вступившіе въ купцы и занимающіеся «коммерціею» на рынокѣ по продажѣ свить, сапогъ, шапокъ и полушубковъ и другого подобнаго товару. Всѣ они были приглашены съ супругами къ обѣду и на цѣлый день. Нѣкоторые изъ женъ, коихъ мужья подходили къ купечеству, нежелали участвовать въ этомъ празднествѣ, почитая неприличнымъ быть на пиру у человѣка неоднаго съ ними званія.

Въ назначенный день гости собралися, «водковали», т. е. выпили по нѣскольку чарокъ водки, съ приличными при каждой приговорками. Закусили, чѣмъ Богъ послалъ, и непосредственно за тѣмъ сѣли обѣдать. Столъ былъ уже на купеческій ладъ: сколько достало серебряныхъ ложекъ, ихъ положили почетнѣйшимъ гостямъ, а прочіе кушали деревянными; вилки же и ножи были у каждого, выпрошенные парами у сосѣдей. Самыя блюда были не мѣщанскія: обваренной курицы къ лимонному соку вовсе небыло, а была на холодное ветчина съ хрѣномъ. Даже былъ и соусъ: цыплята въ сметанѣ съ грибами, зовомыми у нихъ «шампіоны», и, верхъ угощенія, яблочный пирогъ, для нѣкоторыхъ изъ гостей неизвѣстный даже по виду.

Надобно признаться, что на семь обѣдъ обошлось безъ непріятныхъ приключеній. Отъ непривычки обращаться съ вилками, выскакивали изъ-подъ нихъ куски мяса и вскакивали на кашемировой платокъ, или брызги соуса летѣли на платье изъ англійской холстинки сосѣдокъ. Слѣдовательно — вытиранія, извиненія, неудовольствія, упреки. Секретарь думы не пропускалъ казіи поострить надъ такими неловкостями и къ рѣчи рассказы-

валъ, какъ онъ уважаемъ всѣми чиновниками и что на-дняхъ обѣдалъ у совѣтника казенной палаты, гдѣ случилось ему кушать спаржу. «Спаржа, настоящая спаржа, и въ такое раннее время, весною, когда еще трава недавно зазеленѣла. Откуда взялъ онъ эту спаржу, я рѣшительно немогу вамъ доложить», заключилъ секретарь разсказъ свой.

«Когда хотите знать, такъ онъ получилъ ее изъ ада», сказалъ утвердительно одинъ изъ гостей, сидящихъ въ низшемъ концѣ стола.

— Какъ изъ ада? воскликнули гости, а нѣкоторые и перекрестились.

«Такъ изъ ада, что точно изъ ада», продолжалъ докащикъ. «Вамъ извѣстно, государь мой любезный, что, по нѣкоторымъ отношеніямъ, одинъ изъ нечистыхъ духовъ, по имени «анджерей», силою своею производитъ все небывалое, какъ-то рѣдку, по нѣкоторымъ отношеніямъ, выпускаетъ въ февралѣ, огурцы въ мартѣ, спаржу, вишни и даже дыни въ маѣ. Можетъ ли это мудрость человѣческая произвести безъ помощи нечистой силы? Никогда. Это все проклятый «анджерей» производитъ! Наше мѣсто свято! Вамъ бы, государь мой любезный, по нѣкоторымъ отношеніямъ, неслѣдовало и касаться такого производства спаржи, нетолько глотать ее».

Жена секретаря, слушая такую назидательную рѣчь, съ ужасомъ смотрѣла на супруга своего, попавшаго въ когти проклятаго «анджерей» и придумывала средства, какъ-бы избавить мужа своего отъ такого оскверненія.

Между тѣмъ секретарю поднесли яблочный пирогъ, и онъ хотя обѣдывалъ у чиновниковъ, но незная, какъ приняться за блюдо, ковырялъ его вилкою, и какъ все было неудачно, то и послышался на женскомъ углу тихій полусмѣхъ. Это его сконфузило, но ненадолго; онъ, чтобъ отвратить отъ себя насмѣшки, самъ же началъ смѣяться и примолвилъ: «бываетъ и на старуху проруха!» Кушая же съ аппетитомъ пирогъ, придумалъ острогу, чтобы истребить впечатлѣніе, произведенное его неловкостью. «Отмѣнная пища, сказалъ онъ, такъ-что разстаться съ нею нехочется. Но покормилъ бы этимъ пирогомъ цѣлый день нашихъ косарей, молотильщиковъ, дроворубовъ и другихъ: чтобы они сказали?»

«Банмó!» вскрикнулъ квартальный, и громкій смѣхъ его повторенъ всею компаніею.

Пообѣдавъ, какъ они изъяснили, знатненько, гости встали и чинно поблагодарили «за хлѣбъ и соль».

Хозяева, съ своей стороны, по обязанности сказали: «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Непрогнѣвайтесь, дорогіе гости, что васъ голодомъ проморили».

Гости возразили: «гнѣваться за то, что насъ обкормили?»

По окончаніи сихъ форменныхъ, обыкновенныхъ рѣчей, гости прошены въ «гостиненькую», гдѣ имъ предсталъ столъ, уставленный разными «заѣдками». Медовыя варенья: вишни, сливное павидло и бузинный цвѣтъ, были положены на чайныхъ блюдахъ и къ нимъ чайная серебряная ложечка, одна для всѣхъ гостей и для всѣхъ вареній. При томъ были моченыя яблоки, орѣхи, изюмъ, миндаль, винныя ягоды и черносливъ, все на тарелкахъ. Началось подчиваніе. Барыни церемонились, отказывались; хозяйка упрашивала, чтобы онѣ «нежеманились» и кушали бы какъ дома; все это для васъ-де куплено и намъ его опосля некуда дѣвать. Жена гласнаго, Агаѣя Васильевна, бой-баба, приглашаемая всегда распорядить пирами свадебными, и именинными, и похоронными, принялась грызть орѣхи. Смѣтливый хозяинъ вынесъ досточку и молотокъ, что бы ей удобно было разбивать ихъ; по она отказалась по той причинѣ, что грызеть ихъ для мужа, и онъ, кромѣ разгрызенныхъ ею, другихъ нестанеть кушать.

Такъ именующія себя «барыни» пустились въ разговоры; и какъ были изъ круга низкаго, необразованнаго, то и принялись злословить, клеветать и сплетничать на отсутствующихъ знакомыхъ и даже родныхъ. Въ ихъ сословіи это любимое занятіе. Мужчины же занялись разсужденіями о разныхъ предметахъ: квартальный разсказывалъ анекдоты, случившіеся сего утра въ полиціи между просителями; секретарь думы съ гласнымъ отъ мѣщанства разсуждалъ о причинѣ, почему полиціймейстеръ соглашался на высокія цѣны, выпрашиваемыя подрядчиками за фуражъ для пожарныхъ лошадей, кои впрочемъ дѣла своего не знаютъ, а только развозятъ по городу жирную полиціймейстершу. Купечествующій народъ разглагольствовалъ «о коммерціи»: нѣкоторые изъ нихъ недоумѣвали, отъ чего поднялась цѣна на деготь, и они немогутъ уже такъ скоро сбывать этотъ товаръ за дороговизною. «Вѣдь, я думаю, деготь свой товаръ, или привозной изъ-за границы?» спрашивалъ

одинъ; прочіе немогли рѣшить. Всеобщее же вниманіе обратилось на разсказъ купца о вновь входящихъ въ моду «севериновыхъ свѣчахъ», которыя-де подорвутъ всю коммерцію обыкновенными сальными свѣчами, и мы, по милости этой новой моды, должны весь нашъ товаръ совершенно прекратить, и коммерція ими лопнетъ.

Пантелей Степановичъ подходилъ къ каждой группѣ, недослушивая до конца, соглашался; а гдѣ требовало приличіе, тамъ пожималъ плечами и восклицалъ: «Дивныя вещи! въ старину такъ небывало!» Наконецъ, взглянувъ на супругу свою, сказалъ: «А что же, Кулина Петровна? время ужъ. Прикажите поднести намъ по чашкѣ кофею».

И заботливая Кулина Петровна пошла въ кухню и выслала работницу съ огромнымъ подносомъ, уставленнымъ чашками различныхъ видовъ, цвѣтовъ и мѣръ. Войдя въ комнату, работница поклонилась и начала подносить. Гости разобрали чашки; одинъ только торгующій пряниками отказывался, говоря, что онъ изъ горячихъ напитковъ пьетъ одинъ чай, а кофею неупотребляетъ. Сколько работница ни кланялась передъ нимъ, сколько ни упрашивала: «пожалуйста бо... покушайте!» онъ былъ неумолимъ и заключилъ увѣреніемъ, что оно ему противно и его натурѣ вредно.

Странное дѣло! Каждый изъ гостей, отвѣдавъ изъ чашки, морщился и отдавалъ ее назадъ. Невозможно было проглотить этого кофе. Проворная на все Агаея Васильевна открыла, что хозяйка, по неумѣнію своему обращаться съ кофеемъ, предъ подачею, взболтала его весь, въ чайникъ, чтобы каждому гостю досталось кофе, а не одна жижица; какъ же небыло хорошихъ сливокъ, такъ она впустила въ молоко масла, и какъ оно было соленое, то и невозможно было никакъ проглотить этой бурды.

Другая на мѣстѣ Кулины Петровны горѣла бы отъ стыда послѣ такой неудачи блеснуть угощеніемъ; но она, несвышавшая еще съ обычаями людей, въ кругъ которыхъ недавно вступила, неожидая насмѣшекъ за свое незнаніе, равнодушно вошла къ гостямъ и сама со всѣмъ чистосердечіемъ разсказывала въ подробности свои ошибки въ приготовленіи кофе и сливокъ. Матерія богатая для пересмѣшницъ! Если бы онѣ были изъ высшего круга, конечно извинили бы невольное

незнаніе подруги своей въ новомъ для нея дѣлѣ и еще съ удовольствіемъ бы слушали ея наивныя извиненія; но какъ онѣ были необразованы, то, по глупости своей, непереставали исподтишка насмѣхаться надъ нею и разспросами, будто искренними, болѣе выставляли простоту ея. Чудные нравы и свойства только простому классу женщинъ!

Секретарь думы вдругъ провозгласилъ: «А что же? зачѣмъ терять золотое время? Не составимъ ли вистика? Когда я обѣдалъ у г. совѣтника казенной палаты и тамъ собрались всё пріятель, такъ мы и до обѣда, и послѣ обѣда играли. Артамонъ Семеновичъ (это былъ квартальный), играете?»

— Почему же? непрочъ, но съ уговоромъ играть недалѣе зори. Тамъ служба спросить меня», отвѣчалъ квартальный, поглядывая на свою трехугольную шляпу и шпагу, стоящую въ углу.

«Вотъ два есть, хлопоталь секретарь. Марко Демьянычъ! Играете?»

— А на чемъ? спросилъ Марко Демьянычъ, купецъ 3 гильдіи, торгующій свитами и прочимъ суконнымъ убранствомъ, сидѣвшій до того въ углу и предававшійся сладкой дремотѣ.

«Не на чемъ, а играть въ карты, въ вистъ. Играете ли?»

— Игрывали кода-то, выходить, по одному случаю. Но играть могу, а, выходить, счету незнаю».

«Мы сосчитаемъ, проигрывай только побольше. Четвертый кто? Харитонъ Ивановичъ! угодно?»

— Чтобы въ карты? воскликнулъ съ ужасомъ Харитонъ Ивановичъ, торгующій сапожнымъ товаромъ, разсматривавшій въ эту минуту картину «послѣдній день Помпея». И сохрани меня Богъ взять ихъ въ руки! Вотъ мое наслажденіе!» и снова погрузился въ разсматриваніе красокъ картины.

«Какъ же быть, кто четвертый? хлопоталь секретарь. А! вотъ Кондратъ Наумовичъ. Играй».

Кондратъ Наумовичъ былъ прямишникъ; отговорился незнаніемъ мастей въ картахъ.

«Что же, вы для себя ищете забавки, а о нашемъ удовольствіи и неподумаете?» отозвалась Агаѣя Васильевна. «Развѣ мы не люди. Не-что, думаете, играть неумѣемъ?»

Обрадованный секретарь наговорилъ тысячи извиненій, присоединилъ кучу просьбъ украсить ихъ вистъ своимъ сотовариществомъ и въ заключеніе засыпалъ остротами на счетъ того, что онъ вытащилъ изъ кармановъ Агаѣи Васильевны все, что тамъ ни есть. «Пантелей Степановичъ! прибавилъ онъ, составьте же намъ вистикъ?»

«Что бы что?» сказалъ хозяинъ съ недоумѣніемъ: «признаться, въ домѣ... неимѣю... ни кусочка...»

— Эхъ, какой! Дай намъ столъ и карты; вотъ и все тутъ.

«Столовъ пожалуй хотъ и два, а картъ, признаться, недержу. Неимѣю, онамедни, дѣтей, такъ нѣ къ чему имѣть игрушки, сказалъ хозяинъ и вздохнулъ о своемъ безчадствѣ.

«Чего тутъ толковать? кричалъ распоряжающій секретарь. Пошлите ко мнѣ за картами»

Принесли отъ секретаря карты, избитыя, замасленные, но и то только 36 картъ: двоекъ не находилось, и тройка бубновая была съ надписью: «это король бубень».

Какъ быть безъ двоекъ? Агаѣя Васильевна и тутъ помогла горю. «Пошлите ко мнѣ на-домъ; я колодою гадаю, а двойки отдала дѣтямъ. Пусть пришлютъ».

Принесли двойки, составили безъ дальняго разсмотрѣнія колоду, поставили деревянный столъ, припасли кусокъ мѣлу и начали играть. Секретарь думы игралъ съ Агаѣею Васильевною «партификсъ». При окончаніи каждой игры взявшіе леве сосчитаютъ и смѣшаютъ. Противная сторона неповѣряетъ своихъ взятокъ. Такъ секретарь выигралъ партію, и уже доигрывается роберъ, какъ вдругъ ни одна сторона не взяла леве, у каждой по шести взятокъ! Удивленіе, недоумѣніе! принялись повѣрять, считать карты, и наконецъ открылось, что недостаетъ четырехъ картъ, а они такъ играли, несмотря на увѣреніе секретаря, что онъ въ игрѣ твердо помнитъ счетъ каждой масти.

Добыли и недостающія карты; начали снова игру. Сколько остротъ сыпалось съ обѣихъ сторонъ! Напримѣръ, квартальный иначе не называлъ пиковога короля, какъ полицейскій секретарь, который ему солонъ былъ. Другая сторона также неумолкала. «Отвѣчаете ли вы мнѣ, Агаѣя Васильевна?» спрашивалъ ее партнеръ съ нѣжностью. «Ахъ, батюшка, что

вы? У меня мужъ есть«. Это означало, что у нея нѣтъ фигуры и она неможетъ отвѣчать. Общій хохоть собесѣдниковъ отдалъ справедливую дань замысловатости Агаѣи Васильевны.

Въ другомъ случаѣ квартальный спросилъ своего партнера: «мы въ окрахъ; выйдемъ ли?»

«Чтобъ-то какъ?» спросилъ недоумѣвающій партнеръ.

— Ну, есть ли фигуры козырные?

«Ёсть».

— Ну, такъ покажите же.

И товарищъ открылъ короля и валета.

«А третья?» спросилъ квартальный.

— Нѣту-те.

«Ну, такъ мы невышли. А вы въ фигуры негодитесь». Общій хохоть.

Вистъ продолжался долго. Людямъ, непонимающимъ цѣли, для чего они живутъ, немогущимъ заняться разсужденіями о полезныхъ предметахъ, или проводить время въ пріятныхъ разговорахъ, однимъ словомъ, людямъ съ ограниченными понятіями, сродными низкому ихъ происхожденію, извинительно занятіе картами. Чѣмъ имъ, кромѣ картъ, заняться? Они ни къ чему неспособны.

По окончаніи игры и расчота, даже до тридцати копѣекъ простиравшагося, гости начали-было «подниматься», чтобы уйти; но радушный хозяинъ удержалъ, непустилъ ихъ, прося остаться «на чашку чаю» и убѣждалъ тѣмъ, что еще пожалуютъ прошенные на-вечеръ гости—и они остались.

Въ самомъ дѣлѣ скоро начали прибывать еще новые гости. Неговоря уже объ «особахъ» мѣщанскаго званія, пріятеляхъ, или нужныхъ людяхъ Степановичу, пожаловало нѣсколько изъ купеческаго сословія, и даже самъ частный и наконецъ стряпчій удостоили своимъ посѣщеніемъ, и всѣ съ супругами.

Вечернее угощеніе началось чаемъ, выносимымъ изъ кухонки на прежнемъ подносѣ, тою же работницею и съ тѣми же поклонами. Между тѣми же чашками явилась новая декорация, серебряная ложечка, взятая съ варенья. Гость, взявъ чашку съ чаемъ, мѣшалъ тою ложечкою и оставлялъ ее со-сѣду для той же надобности. Послѣ первыхъ чашекъ вынесли

по другой. Острякъ, секретарь думы, не пропустилъ случая сказать «банмо», какъ выражался кварталный. Когда поднесли къ секретарю, онъ оттолкнулъ рукою поднось и произнесъ рѣшительно: «непью!»

Работница принялась кланяться и упрашивать: «пожалуйте бо!... покорно прошу!...»

«Непью!» кричалъ секретарь: «хозяинъ звалъ меня только на чашку чаю, слѣдовательно на одну; а это уже другая».

— Это уже не вода, донесъ подошедшій хозяинъ.

Секретарь взялъ чашку, хлебнулъ и сказалъ: «А! это дѣло другое; порядокъ».

Въ самомъ дѣлѣ это было другое дѣло: тотъ же чай, но съ изобильнымъ прибавленіемъ французской водки.

«Что за бестія, нашъ Дмитрій Павловичъ! сказалъ стряпчій на секретаря: изо всего умѣеть вывернуться. И самъ слово сдержалъ: большое одной чашки чаю непьеть, и хозяина необидѣлъ. Я говорю, что онъ смѣлая бестія!»

Подали по другой, по третьей и далѣе по четвертой. Секретарь призадумался и спросилъ: «г. стряпчій! три члена нужно для полного присутствія; что дѣлать, кода явится четвертый?»

«Стало быть, онъ сверхкомплектный, заштатный? рѣшилъ стряпчій, а все заштатное должно уничтожать». И они принялись уничтожать подносимыя имъ чашки.

Среди всеобщаго хохота отъ подобныхъ «банмо» хозяинъ подсѣлъ къ своимъ собратіямъ, трактующимъ о коммерціи по предмету поставки жизненныхъ припасовъ на тюремный замокъ, и, прервавъ разговоръ ихъ, началъ хвалиться, какъ онъ умно сдѣлалъ, что бросилъ это глупое мужицкое общество, а переписался въ мѣщанское. «Тутъ только, слушая такія умныя рѣчи, онамедни, по неволѣ и самъ поумнѣешь».

Барыни этого общества, по обычаю, были въ ситцевыхъ капотахъ, стеганыхъ на ватѣ. Прибывшія же на вечеръ, изъ этикета, не снимали своихъ лисьихъ шубъ. Послѣ первыхъ двухъ чашекъ чаю онѣ начали помахиваться кончиками своихъ платковъ; при девятыихъ начали ихъ уже оборачивать и отпрашиваться, при чемъ одной изъ нихъ удалось также сказать «банмо». «Ужъ когда же принуждаете, Петровна, пить

чай, такъ прикажите подать вѣники. Я такъ воспотѣла, благодаря вашему усердію, какъ будто на верхнемъ полку въ банѣ». Но радушная Кулина Петровна не давала имъ никакой пощады и, вмѣстѣ съ работницею усугубляя просьбы, продолжала заливать еще, когда перешло за двѣнадцать. Далѣе оказано было ею снисхожденіе: давши гостямъ небольшой отдыхъ, приступила съ новыми убѣжденіями. Стоило ей сказать одно слово: «развѣ вы, Кондратьевна, непривычны къ чаю?» тогда Кондратьевна готова была тянуть и до двадцати, лишь бы увѣрить хозяйку и почтенное общество, что она «въ чаѣ почасту упражняется, и достатокъ позволяетъ употреблять ей такой напитокъ».

Сидѣли, говорили, осуждали другихъ, хвалили себя; вистъ еще составился. Все шло, какъ прилично только обществу низкаго класса людей. Наконецъ надобно было «и честь знать». Гости начали подниматься и, соблюдая всѣ церемоніи въ прощаніи и прожаніи, разошлись.

Возвращаясь по домамъ, каждая партія гостей, пока доходили до своихъ домовъ, не оставили безъ того, чтобы не осмѣять и непересмѣять радушно угостившихъ ихъ хозяевъ. Все было нетакъ, все неприлично, все нехорошо! Незабыто было кофе, молоко, уборъ хозяйкинъ, убранство дома, чванство мужа и жены, желаніе выказать свой достатокъ, все, было осмѣяно за хлѣбъ, за соль, какъ свойственно людямъ низкихъ чувствъ!

Задавать подобныя пирушки очень нравилось Пантелею Степановичу и Кулинѣ Петровнѣ. А отъ того онъ былъ уважаемъ отъ своего общества. Квартальный, приходя къ нему по должности, никогда не требовалъ, а просилъ объ исполненіи предписаній полиціи. Кулина Петровна, послѣ повторенныхъ неоднократно угощеній, имѣла уже многихъ знакомыхъ, истинно усердныхъ ей—въ глаза, и имѣла удовольствіе, сходясь съ ними на рынокъ, куда она, для разсѣянія, подчасъ выходила, или въ другомъ мѣстѣ, слышать разныя новости, пересужать знакомыхъ и заводить сплетни, въ чомъ и не отставала отъ другихъ. Однимъ словомъ, Стовыревскій и супруга его узнали новую жизнь; «новый свѣтъ имъ открылся» говорили они.

Радость и счастье ихъ удвоились. У нихъ родилась дочь. Пантелей желалъ имѣть лучше дочь, нежели сына. «Что сынъ?

говорилъ онъ, при ожиданіи умноженія рода своего, «унаслѣдуетъ, онамедни, отцовское званіе и далѣе непойдетъ. А дочь, при своей красотѣ, можетъ, онамедни, понравиться какому приказному; а если еще дворянину, помѣщику?... Будутъ, онамедни, свои слободы, свои подданные!... У! Господи! И такая особа, онамедни, будетъ меня взывать батюшкою... Станетъ цаловать мою руку!... Вотъ до какой чести дожилъ!... Такъ вотъ и разница между сыномъ и дочерью! Онамедни, дочь всегда важнѣе».

Какова же была его досада, когда, при нареченіи имени новорожденной, ее назвали «Домною». Пантелей Степановичъ вышелъ изъ себя. «Что это, насмѣшка что ли?» кричалъ онъ. Это у мужика бываетъ дочь До-ма-ха. Я уже вышелъ изъ того. Поди, проси, кланяйся, убѣждай, чтобы назвали ее благороднымъ именемъ, а мужицкаго нехочу».

И желаніе богатаго мѣщанина было уважено. Новорожденную переименовали «Настасією». «Ну, вотъ это такъ», сказалъ онъ успокоясь и началъ къ каждому слову приговаривать свое онамедни. «Это имя благородное «Настуся». И у нашего, или бишь у купеческаго головы дочь Настасія. Что бы я дѣлалъ съ Домахою? Я и съ Кулиною Петровною не знаю куда, онамедни, дѣваться. Жена бы и сюда и туда, такъ что же, онамедни? Кулина! Пойди ты съ нею! А перекрестить невозможно».

И какія крестины затѣялъ Пантелей Степановичъ! И кого-то онъ уже не позвалъ! Даже самъ секретарь... да какой? —уѣзднаго суда! былъ съ супругою, кромѣ прочихъ другихъ. Радость родителя была неописанна. Почти цѣлую недѣлю продолжались угощенія; и хотя сама Агаѣя Васильевна распорядилась всѣмъ, но все-таки осуждали и Пантелея Степановича, и Кулину Петровну: «За чѣмъ? для кого? на что? хотять насъ удивить? Мы и не на такихъ праздникахъ бывали! И смѣшны они, и жалки, что безъ нужды тратятся». Такъ говорили званые сегодня, возвращаясь отъ Пантелея Степановича, а завтра опять собирались у него. Извинить ихъ можно; они мѣщане, неимѣютъ понятія о благородныхъ чувствахъ.

Для новорожденной приискана была кормилица и наряджена, какъ видѣлъ Пантелей Степановичъ у первостатейныхъ великороссійскихъ купцовъ, въ кокошникъ и сарафанъ, хотя

она была самая коренная малороссiянка. Нянкѣ и кормилицѣ приказано было малютку величать не иначе, какъ барыня, Настасья... въ отчествѣ родитель мѣшался и не зналъ, какъ на купеческiй манеръ зовется: Пантелеевна или Пантелеймоновна? Нерѣшивъ ничего, предоставилъ имъ на волю называть по отчеству, какъ придется. Мы же, для краткости, будемъ ее называть, какъ и родители звали, Настуся и больше ничего.

И такъ Настуся росла и была дѣвочка миленькая, какъ ни портили ея здоровье родители, начиная ея съ утра до вечера разными жирными кушаньями, разными грубыми лакомствами, но она росла и была здоровенькая. Какъ ни нѣжили, какъ ни баловали ее, но она была смирна, кротка и послушна.

Располагая выдать ее, по крайней мѣрѣ, за помѣщика съ сотнями душъ, надобно было и воспитать ее прилично будущему состоянію. Пантелей Степановичъ пріискалъ одну вдову, попадью, которая обучала русской грамотѣ входящихъ къ ней дѣвочекъ разныхъ сословій; туда опредѣлили онъ и свою Настусю и условился, чтобы она обучилась читать церковное и гражданское прямо по верхамъ, подписывать свое имя и знать цифиру. «Вотъ что ей нужно, говорилъ онъ, а больше къ чему? Съ такою наукою она будетъ вездѣ годиться!»

И Настуся училась хорошо, исправно посѣщала свою «инспекторшу», выучивала уроки, и до году во всякой книгѣ могла читать все, хоть съ начала, хоть съ конца. На пятнадцатомъ году возраста кончила она ученіе грамотѣ, и заботливые родители приступили къ дальнѣйшему образованію ея.

Нѣсколько семействъ мѣщанскихъ и мѣлкаго купечества, имѣя подрастающихъ дочерей, собирались съ ними поочередно къ одному изъ нихъ. Туда приходили и «панычи», сыновья знакомыхъ родителей, бывалые въ обществахъ, видѣвшіе свѣтъ и знавшіе всѣ танцы; приводили съ собою договореннаго «скрипача» и обучали барышень «танчить» всякимъ танцамъ, какъ кадрили, такъ и всякимъ вальцамъ. Тутъ - то и Настуся усовершенствовала свое воспитаніе и, какъ была стройна, хорошо сложена и ловка, то въ танцахъ и отличалась передъ подругами; въ обхожденіи же съ панычами была скромна и вела себя пристойно и благоразумно; и вообще была тиха, вѣжлива; говорила и отвѣчала скромно, умно, прилично воз-

расту своему и состоянію. Личикомъ была хорошенькая; и хотя вовсе незанималась нарядами, но родители ея, желая, чтобы какой дворянинъ обратилъ на нее вниманіе и женился бы на ней, не щадили ничего, чтобы нарядить ее, сколько можно, по своему понятію, щеголеватѣе. Чтобы показывать ее, для этого мать безпрестанно изыскивала случаи выводить ее съ собою, то въ гости, то на ярмарку, то на гулянья. Для такихъ случаевъ Настусю наряжали въ пышное манто, впрочемъ прикрывающее платье самое простенькое, приношенное, шляпку, коленкоровый зонтикъ въ руки т. под. Неодинъ разъ мать имѣла удовольствіе слышать, что какой-нибудь офицеръ, на гуляньѣ или въ лавкѣ, заглянувъ подъ шляпку дочери ея, приговаривалъ: «какая хорошенькая!» Знакомыя же и подруги, какъ были изъ низшаго сословія, слѣдовательно были завистливы, посматривая на Настусю, ~~вертались~~ на себя болѣе вниманія, нежели онъ, говорили между ~~собою~~ ^{собою} чему бы такъ наряжаться? Прилично ли мѣщанской дочери раз-
 няться съ нами, купеческими

Развѣ Настуся дочь все еще мѣщанина? Неужели отецъ ея не вписался въ купечество, какъ всегда хотѣлъ того? Это и есть, что, къ крайнему своему прискорбію, ~~оставался~~ ^{оставался} мѣщаниномъ. Отъ чего же? «Не вывезло, она малюсенькая, какъ онъ самъ говорилъ.»

Вступивши въ мѣщанское сословіе, онъ завелъ торгъ мѣлочнымъ товаромъ; но, пренебрегая самъ быть въ лавкѣ, занималъ прикащика, сидѣльца и мальчика, ожидая, что капиталъ его умножится, торговля расширится, тогда онъ вступить въ купцы, въ любую гильдію. А между тѣмъ, отъ спѣси, чванства и лѣни, трехъ добродѣтелей, неразлучно живущихъ у людей, подобныхъ Пантелею, вовсе не обращалъ никакого вниманія на ходъ своей торговли: прикащика не считалъ, бывъ доволенъ умѣреннымъ доходомъ, вносимымъ имъ, и ввѣрилъ ему большія суммы. Когда же полагалъ, что уже довольно расторговался и смѣло можетъ вступить въ купечество, захотѣлъ повѣрить свой капиталъ и съ горестью увидѣлъ, что вмѣсто прибыли по торговлѣ много задолжалъ, прикащикъ безъ расчоту скрылся; тогда нѣчего было дѣлать: уплативъ долги и прекративъ торговлю по мѣщанству, сидѣть сложа руки до случая, котораго впрочемъ долго было ожидать! По-

купка дома, обзаведеніе на мѣщанскую статью, убыточная торговля, желаніе блеснуть достаткомъ въ убранствѣ жены и чистыхъ угощеніяхъ почетныхъ особъ, какъ видѣли выше; наконецъ подроставшая дочь, требующая на свои наряды значительныхъ издержекъ, все это до того истощило состояніе Пантелея Степановича, что онъ едва и по мѣщанству держался, бывъ обремененъ долгами.

Сколько-нибудь поддерживала его отдача въ наемъ флигеля на годъ и, по временамъ, при ярмаркахъ, сараевъ, кладовыхъ и т. под. во дворѣ. Но и тутъ бѣда! Настусѣ уже шестнадцатый годъ, а квартиранты во флигель все панычи, да еще на хозяйскомъ столѣ. Они уже чаще съ нею заговариваютъ, уже и хлѣбными шариками за обѣдомъ на нее кидаютъ. Непроходитъ обѣда, чтобы какой панычъ, нацарапавши вилкою на оловянной тарелкѣ, кто его знаетъ, что, неподдавалъ Настусѣ прочесть. Она прочтетъ, покраснѣетъ и не знаетъ, куда съ голубыми глазками своими дѣваться! Отецъ видитъ это, задумывается, не можетъ понять, чтобы это означало? А между-тѣмъ ему непріятно.

Нетолько отецъ, мать, но видятъ и посторонніе, что на каждомъ, называемомъ ими, балѣ, у когонибудь у сосѣдей, или, по очереди, и у Пантелея Степановича, квартирующие у него панычи недопускаютъ никого танцовать съ Настусею, «поднимая» ее сами попеременно. Многіе, бывающіе на этихъ балахъ, отличные молодые люди, служащіе въ губернскомъ правленіи и палатахъ, желали бы имѣть счастье вступить въ танецъ съ Анастасіей Пантелеймоновной, но за квартирантами ея не успѣваютъ—такъ громко жалуются прочіе кавалеры, и объясняютъ, что, признательно сказать, ни одна изъ барышень нашихъ нетанцуетъ такъ понятно и въ ногу, хоть какую угодно мазурку, кадрили; и никто невальцируетъ такъ отчетно, какъ она, Анастасья Пантелеймоновна. Это прелесть!

Это же говорятъ и молодые «кавалеры», а отецъ и мать Настусины напрасно ждутъ, чтобы кто-нибудь изъ этихъ отличныхъ молодыхъ людей, пойдя съ Настусею въ танецъ, влюбился въ нее, и, быть можетъ, выгодно было бы за него отдать, потому что между ними есть и изъ настоящихъ дворянъ, съ душами за родителями, и могущіе дослужиться и

до засѣдателя, когда еще невыше. А квартиранты наши что?...
Ничего; и nebude съ нихъ ничего!

Что же говорить сосѣдки и что заключаютъ онѣ изъ такого обращенія паньчей съ Настусею, такъ уши вянуть! Часточка только ихъ заключеній дошла до Пантелея Степановича, и онъ, сообразя то, что самъ замѣтилъ и что слышалъ, недоумѣвалъ, какъ ему поступить въ такомъ критическомъ обстоятельствѣ. Отказать безъ явной причины отъ квартиры, нехотѣлъ, потому-что боялся потерять значительный доходъ отъ найма флигеля и боялся, чтобы паньчи, «осерцавъ на него», несплели еще чего-нибудь на Настусю, и на хозяйевъ, а черезъ то никто бы и не нанялъ у него флигеля, что было бы ему очень чувствительно.

Среди такого его недоумѣнія случай поблагопріятствовалъ ему устроить все къ выгодѣ и спокойствію его.

У него была сестра, Прися, выданная еще отцомъ въ замужество за бойкаго парня, малороссійскаго козака изъ-за Хоролы. За отдаленностью брать и сестра почти никогда не общались другъ другу свѣдѣній о себѣ. Черезъ бывающихъ изъ того края Пантелей слышалъ, что Прися его очень разбогатѣла; болѣе онъ ни о ней, ни о семействѣ ея ничего не зналъ, какъ вдругъ получилъ отъ своего зятя письмо, коимъ онъ его извѣщалъ, что «счастье во всемъ ему благопріятствовало: онъ отыскалъ древнее свое, пропадавшее дворянство, а потому имѣлъ право владѣть слободами, коихъ по достатку своему и накупилъ съ душами, такъ-что до трех-сотъ, и онъ состоитъ съ хорошимъ достаткомъ и немаловажнымъ семействомъ, изъ котораго старшій «Омея» съ неограниченнымъ разумомъ и многими способностями. Пріятели и учителя, и наипаче самъ Омея, отдыха не дають и настаиваютъ, чтобы его учить всему въ высшемъ училищѣ. Того ради, продолжаетъ пишущій отъ имени Пантелеева зятя, какъ и должно быть, неграмотнаго, того ради я, зять вашъ, и сестра Прися, а по закону нынѣ жена моя, Ефросинья Степановна, рѣшились на то и просимъ васъ принять его, какъ сродника, къ себѣ въ домъ и содержать, какъ прилично благородному его званію. Почему онъ въ-слѣдъ за симъ и послѣдуетъ» и проч.

Надобно было видѣть радость Пантелея Степановича, не тому, что сестра его здорова и счастлива, но что она дво-

рянка, имѣеть свои слободы, и сынъ ея, родной племянникъ его, будетъ въ глазахъ всѣхъ знакомыхъ обучаться съ другими дворянскими сыновьями! Онъ немедленно приступилъ къ дѣйствию: пригласилъ къ себѣ панычей, квартирантовъ своихъ, и сказалъ: «Я получилъ, онамедни, сейчасъ письмо отъ родной сестры моей, которая за-мужемъ за дворяниномъ, помѣщикомъ трех-сотъ душъ, тамъ, еще за Хороломъ, чтобы, онамедни, принять сына ея, стало-быть родного моего племянника, къ себѣ въ домъ. Онъ, какъ дворянинъ, то есть, мой родной племянникъ, такъ, онамедни, будетъ учиться съ такими же дворянскими панычами. Такъ хоча, онамедни, мнѣ и жаль васъ, хорошихъ квартирантовъ, отпускать, но перемѣнить нельзя. Сами знаете, что, онамедни, кровь не вода».

Хотѣли - нехотѣли панычи, прискакали другую квартиру, простились съ хозяевами и съ Настусею, просили ее помнить ихъ и забывать... Настуся молча откланивалась, и больше ничего. Панычи съ тѣмъ и разстались.

Худо-бъ приходило Пантелею Степановичу безъ квартирантовъ: онъ не зналъ бы, чѣмъ себя и поддерживать предъ почтенными особами, съ которыми уже свелъ тѣсную дружбу и долженъ былъ частенько угощать ихъ и безо зву; худо бы ему приходило, если бы любезный зять неприказалъ дополнить своего письма, что «благородная амбиція нашъ, какъ природнаго дворянина, не позволяетъ намъ, чтобы нашъ Омеля жилъ у васъ изъ милости; того ради онъ доставитъ вамъ деньги за квартиру, по чомъ съ людей брали, а также и на содержаніе, въ коемъ прощу несккупиться и помнить, какой онъ крови, а притомъ и нѣжное дитя... и проч.».

Это поддержало Пантелея Степановича. Безъ сего дохода ему приходилось уже продать домъ и, возвратясь въ обывательское званіе, переселиться опять въ подгородную слободу, уплата долги пожитками.

«Самъ я виновать!» иногда только, а вовсе не всегда такъ разсуждалъ Пантелей Степановичъ. «Зачѣмъ погнался за пышностью? Зачѣмъ присталъ къ знати и искалъ знакомства съ ними? Неубыло бы меня, если бы я навсегда оставался Талемономъ Стовыремъ! Между обывателями я былъ бы всегда первый; а теперь, хотя и мѣщанинъ, но буду послѣдній между ними. По дѣломъ мнѣ!»

И какъ хорошо, что судьба всегда наказываетъ людей, по ограниченному разсудку и по низости чувствъ желающихъ отдалиться отъ своего круга, презирающихъ въ немъ числящихся и незнающихъ предѣловъ чванству своему и гордости! Какъ прилично они наказываются! У нихъ отнимаются способы продолжать глупости, тѣшасія ихъ и смѣшасія другихъ!... Какъ жаль, что люди изъ сословія выше мѣщанскаго, слѣдовательно незараженные этою глупостью и смѣшнымъ порокомъ, незаглядываютъ въ низшій кругъ: они бы нашли много, чему посмѣяться между собою...

Довольно о нихъ.

II.

Кто не одаренъ здравымъ умомъ, тотъ, и набравши въ голову чужихъ свѣдѣній, вреденъ себѣ, даже опасенъ обществу и челоуѣчеству. Почерпнутыми имъ знаніями, которымъ ежеминутно готовъ дать неправильное и опасное примѣненіе, онъ прикрываетъ кривизну своихъ мнѣній. Его терпятъ, даже ослѣпляются имъ въ обществѣ, когда слѣдовало бы удалиться отъ него, какъ отъ злого безумнаго.

Пріѣхалъ Омеля. Его приняли со всеѣмъ радушіемъ, заботились о всеѣхъ выгодахъ его въ помѣщеніи. Его непоразило, что такъ близкіе родные были простые люди и по наружности, и по обращенію; онъ на это смотрѣлъ безъ вниманія. За ласки и участіе благодарилъ. Спѣша устроить себя, рѣдко бывалъ дома и вскорѣ выхлопоталъ себѣ опредѣленіе въ училище. Продолжая свои занятія, Пантелей Степановичъ и Кулина Петровна только и видали его, что за обѣдомъ, и то молчаливаго.

Когда же онъ перерядился въ сертукъ, недостигающій до колѣнъ ровно на полъ-аршина, устроилъ свою голову, или бишь волосы, по модѣ, заложилъ руки въ извѣстные карманы, закурилъ неугасаемую сигару, взложилъ на носъ бронзовые очки съ простыми стеклами и въ нихъ началъ глядѣть на все его окружающее, тутъ сталъ рѣже обѣдать дома, ссылаясь передъ хозяевами «на свои занятія», которыя не позволяли ему приходить домой даже и за-полночь; началъ собирать товарищей иногда къ себѣ во флигель, и посреди табач-

*

наго дыма, стука стакановъ, звуковъ гитары и пѣнья воде-вильныхъ куплетовъ, метанія въ обѣ стороны картъ, началъ трактовать съ ними о разныхъ предметахъ, особенно занимающихъ ихъ: тогда перемѣнилось и обращеніе его съ родными; тогда они услышали отъ него то, чего имъ и на мысль непріходило!

Началъ тѣмъ, что попросилъ дядюшку и тетюшку, какъ ихъ называлъ до того, невеличать его по отчеству, Омелянъ Григорьевичъ, какъ они это при случаѣ дѣлали. «Это нынче непріято» говорили онъ.

«Помилуйте вы меня!» говорилъ удивленный дядя: «называть васъ при людяхъ просто Омелею какъ-то нейдетъ: вы уже взрослые, а къ тому же вы такого роду, по батюшкѣ, онамедни, дворянинъ...»

— Эхъ старикъ! къ чему это? я человѣкъ: это главное; а синяго ли, краснаго ли ффрака породы, до этого нѣтъ дѣла. Имя мое нужно только въ юридическихъ актахъ, пока они еще существуютъ, а съ людьми довольно одного имени, если необходимо различіе. И для того прошу тебя, старикъ, и тебя, добрая старушка, не иначе называть меня, какъ однимъ именемъ всегда и вездѣ, и не этимъ варварскимъ, неизвѣсто съ какого языка взятымъ, Омелею, а, примѣняясь къ моей наружности и сообразно вѣку, зовите меня «Эмилемъ»; равно и ты, кузина, должна носить имя «Нины», прибавилъ онъ, обращаясь къ Настусѣ.

«Помилуйте... какъ по-вашему... Омилъ, что-ли? У нея есть крещеное имя; перемѣнять, онамедни, непріходится...»

— Смѣшной старикъ! восклицалъ благоразумный юноша. Вотъ и у меня двѣ родныя сестры, Марьяна и Лукерья; такъ неужели мнѣ давать поводъ смѣяться надъ собою, такъ ихъ называя? Нѣтъ, я назвалъ ихъ приличнѣе «Амалия и Леонора», о чемъ уже и писалъ къ нимъ.

«Непрогнѣвайтесь, а это, онамедни, мнѣ чудно! Къ чему перемѣнять имя, данное священникомъ, по правиламъ...»

— Эка, старый хлопотунъ! Да развѣ я немогу быть умнѣе твоего попа? немогу выдумать имени пріятнѣе для слуха, звучнѣе, нѣжнѣе? Впрочемъ, смѣшной старикъ! мнѣ мало нужды, какъ ты, слѣдуя предрасудкамъ, будешь называть ее, а она для меня «Нина».

«По крайней мѣрѣ, при людяхъ, онамедни, негодилось бы называть ее не ея именемъ, по моему разсужденію...»

— Какъ, старикъ? и ты принимаешься разсуждать?» вскрикнулъ образованный юноша, захохотавъ во все горло.

Пантелей Степановичъ обидѣлся уже не на-шутку. «Какъ хотите, любезный племянникъ, съ собою, такъ и поступайте, сказалъ онъ наконецъ; а только я вамъ скажу, что неприлично вамъ называть меня «старикъ!» Я вамъ дядя родной, единоутробной братъ вашей матери. Хотѣ бы сказали «дядюшка», когда нехотите прибавить «любезный дядюшка». Да и «ты» говорить мнѣ, или теткѣ вашей, по мнѣ, вамъ неидеть. Я старѣе васъ, а потому, онамедни, заслуживаю имѣть почтеніе...»

«Какъ ты смѣшаешь, старикъ, съ своими предрасудками! Требуешь почтенія за то, что прожилъ долго! Отъ тебя ли это? и подвижъ ли это какой? Вздоръ. Случай, одинъ случай. Ты болѣе меня прожилъ, слѣдовательно болѣе меня съѣлъ, болѣе выпилъ, прополъ болѣе, нежели я; и за то оказывать тебѣ предпочтеніе? Стыдись».

«Положимъ и ничего, что я, онамедни, старъ; но я вашъ родственникъ, дядя вамъ, моя кровь въ васъ...»

— Ахъ, если бъ я могъ тебѣ растолковать, или если бы ты былъ удобенъ понять, какъ мы разумѣемъ родство, кровныя связи!... Но я очень знаю, что вліяніе вѣка также дѣйствуетъ и на тебя; лишь грубая оболочка, которою подернуто твое понятіе, мѣшаетъ дать тебѣ отчетъ самому себѣ. Я увѣренъ, что бываютъ случаи, когда разсудокъ твой прозираетъ сквозь облакающій тебя туманъ, и ты, подобно какъ и мы, осмѣливаешь эти предрасудки, занесенные тобою изъ вашего грубаго въ нашъ здравомыслящій вѣкъ, вѣкъ дающій всему должную цѣну и понимающій вещи въ настоящемъ видѣ. Конечно, тебѣ странно видѣть, что, по-вашему, юноша, дитя, судить справедливѣе, видить вещи яснѣе, нежели всѣ вмѣстѣ умники вашего вѣка; но это отъ того, что вы жили въ вѣкъ матеріальный, или съ своими понятіями, наравнѣ какъ и вашъ домашній скотъ; полагали, что человѣкъ долженъ только ѣсть, спать и болѣе ничего; вы только о томъ и думали, исполняли принятыя вами правила и умножали себѣ подобныхъ также безъ размышленія, какъ ваши лошади, коровы, овцы;

размышлять же, входить въ изслѣдованія, постигать цѣль, для коей мы живемъ и должны жить, вамъ это и въ голову не приходило, да и куда вамъ постигнуть?... Необходимо было преобразование, и для того явилось новое поколѣніе, поколѣніе именно наше, съ нашими чистыми понятіями, здравыми идеями, точными сужденіями, предусмотрительностью, благо-разумною предприимчивостью. Мы, слѣдуя призванію, начинаемъ говорить, открываемъ вамъ глаза; но по слѣпотѣ, обладающей вами, свѣтъ тяжолъ для васъ! Неспособность ваша внимать намъ, лѣнь обсуживать предложенія наши по-неволѣ заставляеть васъ утверждать, что мы проповѣдуемъ нелѣпость, что предлагать совѣты принадлежить только вамъ, жившимъ нѣсколько дней болѣе, нежели мы; а мы, юноши, дѣти, не смотря на очистившійся разумъ нашъ, разумъ, который съ начала былъ затемненъ, спалъ, оставался въ совершенномъ бездѣйствіи, разумъ, показавшій намъ настоящую цѣль чело-вѣка и ведущій насъ къ ней, мы должны заглушать все въ себѣ, ити по слѣдамъ вашимъ и дѣлать тѣ же дураче-ства, что и вы. Ахъ, старикъ - старикъ! если бы вы, т. е. ваше старое, матеріальное, флегматическое... ну непрогнѣвайся за правду... глупое поколѣніе поручило все намъ, нынѣ еще стѣсненнымъ вами умамъ, умамъ здравымъ, новымъ, силь-нымъ, и дало волю неограниченную дѣйствовать безотчетно, исправить все, что вы напортили и даже разстроили; вы бы увидѣли, какъ бы пошло все хорошо!... насталь бы истинно золотой вѣкъ!...

Много подобнаго объяснять нашъ Эмиль своему дядѣ и при всякомъ случаѣ заводилъ рѣчь объ одномъ и томъ же. Пантелей Степановичъ, слушая его внимательно и вздвигвая плечами, проговаривалъ: «Кто его знаетъ? Можетъ быть, вы что ни есть и благоразумное говорите, только, онамедни, очень непонятно. А можетъ статья, и лучше бы пошло. А то та-кая на все дороговизна! Приступу нѣтъ. Наша коммерція почти упадаетъ. Станетъ, что и лучше бы пошло, какъ бы учре-дили... незнаю, о чемъ вы толкуете».

Несмотря и на такіе отвѣты старика, занесшаго въ нашъ вѣкъ предрасудки прежняго, глупаго вѣка, Эмиль неумол-калъ, и гдѣ бы то ни случилось, за обѣдомъ ли, или въ се-мейномъ съ ними кругу, когда онъ, утомленный дѣятельностію,

спускxодилъ туда для развлеченія, онъ неумолкаемо извѣснхл открытыя и вновь открываемыя новымъ поколеніемъ истины. Пантелей Степановичъ слушалъ его, выступалъ съ противорѣчіями или соглашался на то, какъ сказано, а большею частью молчалъ отъ удивленія къ премудрости любезнаго племянника или отъ непонятія умныхъ рѣчей его; при такомъ случаѣ онъ поднималъ плеча вверхъ и покручивалъ свои толстыя съ просѣдью усы. Кулина Петровна также слушала рассказы племянника, сложивъ руки, вертѣла толстенными своими пальчиками, чему она пріучилась съ самаго вступленія въ мѣщанскій кругъ; но какъ усердно ни вертѣла, а на пятнадцатомъ оборотѣ пальчики ея спутывались, къ нимъ приклонялась и самая голова... она исправно задремливала при сладкихъ рѣчахъ своего племянника Омели, какъ она называла его. Внимательнѣе всѣхъ слушала его Нина, и хотя также непонимала его рѣчей, коихъ и никто немогъ бы изъяснить, но все-таки слушала, устремивъ на него свои большіе голубые глаза, сложивъ бѣленькія маленькія ручки, также какъ и маменька, но нешевелила ими, даже удерживалась, чтобы недышать, боясь проронить и одно слово новаго проповѣдника. При всякомъ его отдыхѣ, при всякой остановкѣ она думала: «какой умный мой Эмиль!»

Огорченія, что Эмиль иначе не называлъ дядю, какъ старикъ, смѣшной, жалкій старикъ, а тетку въ глаза величалъ «доброю старушкою», Пантелей Степановичъ оставлялъ дома; передъ знакомыми же и знающими для него людьми онъ всегда выискивалъ случай похвалиться, что «племянникъ его, сынъ родной сестры, Приси Степановны, дворянинъ, помѣщикъ, за батюшкою коего триста душъ подданныхъ, еще за Хороломъ, опредѣлившійся въ здѣшнее училище вмѣстѣ съ такими же дворянскими сыновьями, до того умень, что когда станетъ говорить, такъ нѣтъ такого человѣка въ свѣтѣ, который бы его понялъ совершенно. Ей, истинно! Конечно, прибавлялъ онъ, я человѣкъ малоучоный; я только и дошолъ, что до половины часослова, такъ я и немогу сговорить съ нимъ; но желалъ бы спустить его съ какимъ-нибудь изъ нашихъ комедіантовъ, что, нарядясь королями да рыцарями, полчаса, храбро, неотдыхая, говорятъ какія-то рѣчи и притомъ толкаютъ себя въ грудь кулаками, что и глядѣтъ страшно; такъ

съ такими бы его спустить и ожидать, кто бы кого изъ нихъ переговорилъ? То ужъ бойкая голова у моего Омиля!»

Пріятели Пантелея Степановича, слыша такія похвалы молодому челоуѣку, спѣшили собираться къ нему подъ предлогомъ видѣть необыкновенное чудо, а главное быть употчи-ванными радушнымъ хозяиномъ. Среди разговоровъ и разсужденій о разныхъ предметахъ, гдѣ Эмиль ораторствовалъ и изъ всѣхъ силъ доказывалъ, что всему худому, всему злу, котораго кромѣ его никто невидитъ, виновно прежнее поколѣніе (межъ тѣмъ чашки, прежде съ водою, а потомъ и съ прибавленіемъ, безпрестанно подносились вѣжливою работницею), гости немогли нахвалиться, какъ пріятно проводятся ими вечера у Пантелея Степановича въ бесѣдѣ съ мудрымъ его племянникомъ Эмилемъ.

Въ одной бесѣдѣ секретарь думы, чтобы продлить разговоръ и такъ воспользоваться еще лишнею чашкою, спросилъ Эмиля: «окончивъ ученіе, куда располагаете вступить въ службу?»

— А на что и для чего это? желалъ бы я знать» спросилъ Эмиль, остановясь посреди комнаты и завернувъ полы короткаго своего сертука, вложилъ руки по принадлежности.

«Для полученія отличій, а чрезъ то и выгоднаго мѣста», отвѣчалъ секретарь. «Я нахожу, что, съ вашими способностями, вы бы легко могли дослужиться до самаго выгоднаго мѣста, до секретаря губернскаго правленія. Тогда были бы себѣ и другимъ полезны».

— Почему же я долженъ непременно служить?»

«Потому, что вы русскій, вы дворянинъ».

— Прежде нежели я русскій и, какъ вы для какого-то отличія называете, дворянинъ, я—челоуѣкъ, братъ людямъ. Принадлежа къ новому поколѣнію, я вижу ясно гибель братьевъ моихъ, всего челоуѣчества. Чувствуя въ себѣ призваніе къ истребленію всего вреднаго, я приготавливаю къ этому великому служенію. Теперъ обдумываю планъ, потомъ примусь излагать его и, наконецъ, начну дѣйствовать. Поймутъ ли меня, послѣдуютъ ли за мною, это мнѣ ненужно. Я скажу все, я вразумлю всѣхъ, одинъ произведу этотъ великій переворотъ и скроюсь въ неизвѣстности. Къ чему мнѣ слава, къ чему благодарность въ потомствѣ? Проживъ столько лѣтъ на свѣтѣ

(ему было тогда 18 лѣтъ), я узналъ коротко людей, постигнуть цѣль ихъ, испыталъ неблагодарность ихъ; жизнь моя отравлена воспоминаніями былого: но я иду своею дорогою, я постигаю свое призваніе; въ будущности мерцаетъ мнѣ звѣздочка, но такъ темно, неразгаданно!...

И гости слушали его, развѣся уши. Возвращаясь по домамъ, неумодкали хвалить его. Секретарь приговаривалъ: «Да, вотъ что я вамъ скажу: какой необыкновенный даръ слова, какое увлекательное краснорѣчіе! Конечно, матерія высокая, невсе поймешь, но слушаешь его съ наслажденіемъ.

По любви своей къ человѣчеству, Эмиль обратилъ вниманіе на Нину, которой необразованность въ отвлеченныхъ предметахъ огорчала его. Для достиженія цѣли своей, онъ началъ чаще быть съ нею, говорилъ съ нею о многомъ, читалъ ей книги, т. е. избранные имъ романы, переводилъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ французскихъ въ его вкусъ, объяснялъ неясность, темноту, въ нихъ заключающуюся; нарочно отыскивалъ мѣста, гдѣ осмѣивался порокъ, славилась добродѣтель; опровергалъ и порицалъ такія мысли автора; порицалъ старинныя предразсудки, почитавшіе порокомъ то, что нынѣ, по зрѣломъ обсужденіи настоящаго, здравомыслящаго поколѣнія, нашли и признали верхомъ торжества надъ слабостями человѣческими. «И точно, такъ говорилъ онъ, взглянувъ поверхностно, похищеніе собственности, неумѣренное удовлетвореніе страстей для слабыхъ умовъ покажется порокомъ, зломъ, требующимъ преслѣдованія, искорененія; но взгляни, милая Нина, на послѣдствія: богатство въ рукахъ моихъ приноситъ человѣчеству больше пользы, нежели въ тѣхъ, изъ которыхъ я его исторгнулъ; женщина, томившаяся въ тягостныхъ ей узакъ супружества, съ помощію моею разорвала ихъ. Умники спѣшатъ кричать: зло, развратъ! «Неправда» отвѣчаетъ она, замирая въ объятіяхъ моихъ отъ блаженства любви: «я счастлива! никто, и весь міръ не можетъ доставить мнѣ подобной минуты!» Дѣвица, которой прелести увядаютъ подъ игомъ власти родительской, запрещающей ей мыслить о неизъяснимомъ блаженствѣ взаимной любви, томится безъ этого глупаго, осмѣиваемаго уже всѣми варварскаго церемоніала, брака. Она человѣкъ, она должна жить, она слѣдуетъ велѣнію благодѣтельной природы, избираетъ юношу, коего душа создана вмѣстѣ съ ея душою; чувства, мысли, желанія ихъ одинаковы; они должны жить

одинъ для другого, должны составить одно существо.... но тутъ являются люди, нѣсколькими годами старше ихъ и потому принявшіе на себя власть тѣснить ихъ, эти, такъ называемые по предразсудкамъ, родители.... они разлучаютъ любящихся—хорошо бы, если бы по расчёту богатства: извинительно желать для ближняго независимости отъ обстоятельствъ; но тутъ является самая странная, нелѣпая, уродливая причина къ разлученію любящихся, причина, достойная людей, запятнавшихъ челоѳчество: близкое родство! Ахъ, какъ жалки, какъ нелѣпы люди! Не самое ли священное, таинственное родство, на вѣкъ соединившее души, эта любовь! Это такое родство, котораго нетолько никакая челоѳческая сила, мудрость, но ниже власть природы неможетъ разорвать. натура можетъ произвести любовь, но истребить ее, разрушить—неимѣетъ къ тому силъ и воли».

Настуся, превращенная въ Нину, должна была все это слушать! Мало того: она должна была выслушивать объясненія на нѣкоторыя темныя, непонимаемыя ею мѣста во французскихъ книгахъ, которыя онъ ей переводилъ; должна была повторять сказанное ей и, когда скромность и стыдъ запрещали ей даже глядѣть на него, нетолько повторять ужасныя правила, имъ преподаваемыя, онъ и тутъ нападалъ на нее, укорялъ ее за рабство предразсудкамъ и всею силою старался убѣдить ее въ томъ, что въ искренней бесѣдѣ, въ дружескихъ излияніяхъ чувствъ и мыслей нѣтъ запрещенныхъ выраженій, и каждое слово должно быть передано въ настоящемъ смыслѣ.

Настуся, отъ неопытности признавъ Эмиля за необыкновенно умнаго и здраво во всемъ разсуждающаго, и эти новыя для нея правила и понятія признавала отчасти справедливыми; съ нѣкоторыми она несоглашалась, не достигала сама отъ чего. Ясно видѣла ложное понятіе Эмиля, хотѣла бы отвлечь его, изъяснить, въ чомъ онъ ошибается; но она только мыслию постигала, изъяснить же и доказать ему немогла и нерѣшалась, а потому молчала при немъ. Злодѣй же, полагая, что убѣдилъ ее, принялся ити далѣе.

Въ присутствіи Настуси онъ сталъ мраченъ, задумчивъ, унылъ; иногда при мрачномъ молчаніи показывалась у него на глазахъ слеза, иногда онъ, схвативъ себя за голову, вскрывалъ и шоль, невидя куда. Нина принимала въ положеніи его искреннее участіе: спрашивала, не боленъ ли онъ, не полу-

чилъ ли какихъ извѣстій отъ родныхъ, не случилось ли съ нимъ чего непріятнаго въ училищѣ между товарищами?

«Нѣтъ, Нина!» наконецъ проговорилъ онъ мрачнымъ, удушаемымъ, гробовымъ голосомъ, «если бы и постигло меня что подобное, оно нетронуло бы меня нисколько. Что родные? люди, слѣдовательно смертны, и я былъ бы глупецъ, если бы смерть всѣхъ ихъ вмѣстѣ тронула меня. Я выше предрасудковъ. Несправедливость отъ начальства училищнаго, невниманіе товарищей также для меня ничто. Но я вижу, что я осужденъ влечить скорбную жизнь, ити терновымъ путемъ въ неизвѣстности, пока достигну предѣла, никому неизвѣстнаго, темнаго, неяснаго, пока достигну гроба, за которымъ, говорятъ, есть какая-то вѣчность!...»

И Нина начала страдать вмѣстѣ съ Эмилемъ. Просила, убѣждала, молила, заклинала раздѣлить съ нею скорбь.... Эмилъ поколебался, и въ одинъ вечеръ, убѣждаемый Ниною, послѣ долгаго молчанія, вскрикнулъ: «такъ ты узнаешь все, узнаешь, хотя бы меня удалила, прогнала отъ себя, возненавидѣла бы меня!... Но нѣтъ... несравненная Нина!... ты невозненавидишь меня!... И тутъ, взявъ ее за руку, прочолъ ей весь курсъ начала, усиленія и достиженія страсти его до высшей степени. Тутъ былъ и идеаль, тайная скорбь, невыносимая грусть, неизвѣстныя желанія, влеченія куда-то.... Сколько разъ одна печальная луна была свидѣтельницею его невыносимаго состоянія души!... Обладаемый лютѣйшимъ отчаяніемъ, сколько разъ онъ покушался прекратить несчастное свое существованіе!... Сколько разъ онъ всходилъ на скалу и готовъ былъ броситься въ бездну!... Но тутъ являлся ему его идеаль, взглядывалъ на него и говорилъ ему: «живи для меня!» и скрывался.... Этотъ идеаль встрѣтилъ онъ, разумѣется, въ Нинѣ.... Описывалъ, какъ онъ увидѣлъ ее, что чувствовалъ, какъ страдалъ; говорилъ и то и се, и ни се и ни то.... Наконецъ, кончилъ обыкновеннымъ возгласомъ: «обожаю тебя, Нина!»

Нина молчала и непонимала, что это и для чего?

Кончивъ первое дѣйствіе своей роли, Эмилъ, переведа духъ, началъ описывать счастье, блаженство, восторгъ взаимной любви. Наконецъ приступилъ разбирать чувства ея къ нему. Перебралъ, пересмотрѣлъ все до послѣдняго и, примѣняясь ко всѣмъ ея поступкамъ, обращенію съ нимъ, мечтамъ безъ него,

даже молчанію съ нимъ, всему этому далъ самое выгодное заключеніе и, увѣривъ положительно, что она его любитъ тою же сильною любовію, какъ и онъ ее, требовалъ настоятельно сознанія.

Бѣдная Настуся, слыша, что все то, что она про брата думала, какъ внимательно, а иногда и безъ вниманія слушала, рассказы его, какъ жалѣла о грусти его, слыша, что все это означаетъ пламенную, страстную любовь, созналась безъ дальняго замѣшательства, что она любитъ его.

Произнесены страшныя клятвы о вѣчной, неизмѣнной любви. Поцалуи запечатлѣлъ все, и продолженіе назначено впредь.

Настуся ничего непонимала изъ такой любви. Она, учаемая природою, постигала, что есть другая цѣль любви, совсѣмъ отличная отъ той, въ которую вовлекъ ее Эмиль. Она сознавалась себѣ, что любитъ его и жалѣетъ о немъ, когда онъ говоритъ, что онъ несчастенъ; готова на всѣ жертвованія, лишь бы усладить ему путь жизни. Онъ со слезами на глазахъ говоритъ, что одна его отрада—она, что онъ съ нею забываетъ всѣ скорби; и она нехочетъ, боится оставить его, и всегда съ нимъ. Онъ говоритъ, что поцалуи ея вливаютъ ему новую жизнь, сообщаютъ ему невыразимое блаженство; и она цалуетъ его безъ всякаго сочувствія. День ото дня эти поцалуи, дѣлающіеся страстнѣе, эти объятія жарче, пламеннѣе, уже тяготятъ ее. Непостигая, что есть цѣломудріе, она боится уклониться отъ него. Безъ Эмиля она нескучаетъ, неждетъ его возвращенія, неспѣшитъ встрѣтить его; но лишь онъ остается одинъ, она спѣшитъ къ нему, предохраняя его отъ скуки; расточаетъ ему ласки, чтобы доставить ему, какъ онъ говоритъ, пріятнѣйшія минуты въ жизни. Она нелюбитъ его тою пламенною, страстною любовію, забывающею все и всѣхъ для любимаго, съ которымъ одна бесѣда, только одно глядѣнье на него, доставляетъ невыразимое блаженство,—любовію, содрогающеюся отъ мысли, что кто-либо другой похищаетъ отъ нея ласки его; нѣтъ, она не такъ любитъ его: она обрадовалась бы, если бы онъ полюбилъ другую; поскучала бы, если бы онъ уѣхалъ; нежелала и даже поплакала бы, если бы онъ заболѣлъ. И такъ эта любовь была не больше, какъ любовь сестры къ брату. Въ немъ же она видѣла совсѣмъ другое: при лас-

какъ ея глаза его пылали, онъ дрожалъ, судорожно сжималъ ее въ объятіяхъ и удушливо произносилъ: «я немогу жить безъ тебя!» И она, не достигая силы страсти его, дивилась такому иступленію, и только.

«Какой будетъ конецъ нашей любви?» спросила она однажды, утомленная ласками его.

— Нина! мы должны соединиться; иначе я немогу жить!

«Господи сохрани васъ отъ такой мысли! Я вамъ сестра, двоюродная сестра!»

— Ты ангель, посланный небомъ для моего блаженства! Безъ тебя жизнь мнѣ — адъ! И потому, двоюродная ли ты мнѣ, родная ли сестра, чтобы ни было, но ты должна соединиться со мною, усладить горестную жизнь мою!

«Что за мысль ужасная! Вспомните законъ».

Тутъ послѣдовала выходка противъ закона, противъ всего священнаго. Все осмѣяно: и законъ, и людскія понятія, все вздоръ, предраасудокъ, суевѣрство, глупость. Настуся плакала, слушая его, и мысленно просила Бога простить его за богохульство, истребить въ немъ такія мысли и показать ему прямой путь.

«Нина! если ты думаешь, что старики твои несогласятся на бракъ нашъ, если ты полагаешь, что для нашего соединенія непременно нуженъ принятый вами церемоніаль, то убѣжимъ отсюда, убѣжимъ на край вселенной! Свѣтъ великъ; въ числѣ людей найдемъ сострадательнаго духовнаго, который совершитъ обрядъ къ успокоенію твоей совѣсти. Рѣшись. Что ты потеряешь? Ласки этихъ грубыхъ стариковъ, которыхъ ты, сама незнаешь за что, почти боготворишь? но ты найдешь ласки мужа, любовника, который тебя неоставитъ никогда».

Настуся отвергла всѣ его предложенія, несклонилась ни на какія убѣжденія, не жалилась на его слезы и испросила у него именемъ любви, чтобы онъ впередъ и не вспоминалъ объ этомъ ужасномъ предпріятіи. Она начала избѣгать особыхъ свиданій съ нимъ.

До открытія Эмилемъ любви Настуся безъ всякихъ опасеній приходила къ нему во флигель, бесѣдовала съ нимъ; и узнавъ о любви его, также свободно бывала у него, слушала, ласкала его и принимала отъ него ласки: но послѣ предло-

женія о побѣгѣ она почувствовала въ душѣ своей, что ей уже неприлично посѣщать его, и иначе съ нимъ невидѣлась, какъ въ домѣ. Онъ упрекалъ ее, выговаривалъ, убѣждалъ имѣть къ нему довѣренность и наконецъ успѣлъ опять въ томъ, что она приходила къ нему, взявъ отъ него слово неговорить ей больше о любви.

Въ одно изъ такихъ выпрошенныхъ свиданій, удаливъ возможность уйти ей отъ него, онъ приступилъ опять съ своимъ требованіемъ, чтобы бѣжать; но когда Настуся снова отвергла его предложеніе, тутъ Эмиль распространился въ убѣжденіяхъ и краснорѣчиво силился доказать ей, что бракъ есть ничто, произвольно людьми установленный церемоніаль, предразсудкомъ подкрѣпляемый, и что въ свободной независимости, только по однимъ чувствамъ, союзъ крѣпче, нѣжнѣе, продолжительнѣе. На возраженія Настуси онъ отвѣчалъ ласками, становился рѣшительнѣе, дерзостнѣе, расточалъ просьбы, клялся въ вѣчномъ союзѣ, умолялъ о сокрытіи отъ людей и родителей навсегда ихъ тайны и, видя слезы и непреклонность Настуси, онъ выпелъ изъ себя... дошолъ до послѣдней дерзости... Но Ангель-хранитель спасъ Настую: она опомнилась въ домѣ...

Послѣ этого Эмиль былъ мраченъ, суровъ даже противъ Настуси, неговорилъ ничего, оставилъ любимую мысль перемѣнить, исправить безпорядки въ свѣтѣ; онъ молчалъ, уединялся, иногда невыходилъ цѣлый день изъ флигеля своего.

Настуся, невинная Настуся, видя его страданія, давно простила его. Она пошла бы утѣшать и ласкать его, зная изъ его словъ, что въ томъ все блаженство его; но воспоминаніе бывшей сцены удерживало ее. Она молча грустила о состояніи брата своего.

Слѣдующее происшествіе заняло почти всѣхъ жителей города. Товарищъ Эмиля, также какой-нибудь Поль или Эрастъ, влюбился въ замужнюю женщину, мать семейства, до него счастливую любовью мужа и ласками дѣтей. Его ученіе подѣйствовало на слабую женщину. Немогши достигнуть счастья *здѣсь*, онъ уговорилъ ее найти счастье и вознагражденіе любви своей *тамъ*. Въ условленный день она, нарядясь получше, въ небытность мужа распорядила въ домѣ, устроила малютокъ-дѣтей, и сказавъ, что идетъ въ гости, скрылась. Черезъ два

дня найдены за городомъ два трупа застрѣлившихся. Это были наши любовники. При немъ лежало письмо, объясняющее намѣреніе ихъ найти свое счастье *тамъ*; что они счастливы, что недолжно ихъ оплакивать и проч. глупости. Должно полагать, что они не вмѣстѣ стрѣлялись и что онъ убилъ прежде ее, а потомъ уже застрѣлилъ себя, потому что она лежала въ изысканномъ положеніи, съ спокойнымъ и улыбающимся лицомъ, подлѣ нея лежалъ пистолетъ. Онъ же, какъ видно, что невдругъ застрѣлилъ себя, то и страдалъ долго, что замѣтно было по искаженному лицу его, судорожно сведеннымъ ногамъ и рукамъ; пистолетъ оставался въ окостенѣвшей рукѣ его, и онъ отползъ на довольное разстояніе отъ несчастной подруги своей.

Когда пересказали это происшествіе въ бесѣдѣ у Пантелея Степановича и съ какимъ поруганіемъ предали ихъ землѣ, какъ обыкновенно самоубійцъ; то Эмиль, воспоминаясь какимъ-то жаромъ и вскочивъ, вскричалъ: «о люди, люди! вы небыли достойны имѣть ихъ между собою! Если бы я былъ богатъ и властителемъ, я изумилъ бы свѣтъ пышностью ихъ погребенія и великолѣпіемъ памятника, коего они такъ достойны!... Но памятникъ имъ въ сердцахъ друзей и понимающихъ ихъ. Да, они одни велики. Прочіе, слѣдующіе за ними, только подражатели ихъ!

Послѣ этого Эмиль сдѣлался еще мрачнѣе, смотрѣлъ на все дико, и уже рѣшительно удалялся отъ людей. У себя во флигелѣ, откуда почти рѣдко выходилъ, онъ читалъ, писалъ немного, большею частью лежалъ въ постелѣ, погружаясь въ размышленія. Хозяева не знали, что дѣлать съ нимъ.

Настуся, забывъ все, навѣстила его, какъ больного брата. Послѣ обыкновенныхъ распросовъ, глаза его воспалились, краска показалась въ щекахъ и онъ спросилъ ее: «Нина! любишь ли ты меня?»

— Къ чему опять этотъ вопросъ? Ты знаешь, что я люблю тебя.

«Мы не можемъ быть счастливы въ этомъ гнусномъ мірѣ. Зачѣмъ же намъ влачить эту мучительную жизнь? Оставимъ ее!»

— Что ты это говоришь, Эмиль? одумайся! вскричала она съ ужасомъ, сдѣлавъ руки и отступя отъ него.

«Нина! Я все обдумалъ. Намъ должно умереть. Если ты вѣруешь въ безсмертіе, ты должна первая рѣшиться на мое предложеніе и, если вѣрованіе твое справедливо, мы много выиграемъ; если же и ошибаешься, мы ничего не теряемъ. Нина, другъ мой! умремъ, но вмѣстѣ. Неужели тебѣ незавидна участь этихъ счастливицевъ, съ такимъ величіемъ духа оставившихъ этотъ ничтожный свѣтъ съ его мнѣніями?...

Много подобныхъ глупостей говорилъ онъ и все доказывалъ бѣдной Настусѣ, что она непременно должна умереть вмѣстѣ съ нимъ. Она плакала, уговаривала его, заклинала оставить эту адскую мысль, грозила объявить о томъ отцу и уже собиралась уйти отъ него, какъ онъ удержавъ ее, началъ ходить по комнатѣ, размышлялъ, потомъ сказалъ ей спокойнымъ голосомъ: «Я еще нерѣшился. Нина! Поскромничай и неговори никому. Завтра, въ двѣнадцать часовъ, прійди ко мнѣ и ты услышишь мое рѣшеніе. Впрочемъ размысли, обожаемая Нина! Какое блаженство въ одинъ мигъ угаснуть намъ вмѣстѣ, какъ двѣ свѣчи, исчезнуть, небыть! всѣ эти горести, всѣ страданія уничтожены: мы—ничто. Но если твое вѣрованіе справедливо и если есть другая жизнь, тамъ конечно лучше этой несносной, мѣлочной, грязной... и мы вмѣстѣ явимся въ эту новую прекрасную жизнь, явимся, посмѣваясь надъ всѣми скорбями, угнетавшими насъ. Размысли, Ниночка, и принеси завтра рѣшеніе; я тебѣ скажу свое».

Настуся трепеща успѣшила оставить его. Она боялась самой себя, боялась открыть отцу о изступленіи Эмиля и не сказала. Сама же неуспынно наблюдала за каждымъ его движеніемъ. Видѣла, какъ онъ, скоро послѣ свиданія съ нею, вышелъ со двора... Она была въ большемъ безпокойствѣ, пока онъ не возвратился уже вечеромъ. Онъ съ спокойнымъ духомъ чѣмъ-то занимался, послѣ того писалъ и запечатывалъ нѣсколько свертковъ; поздно ночью погасилъ свѣчу.

Тогда только Настуся перестала наблюдать за нимъ, глядя изъ своего окна во флигель къ нему. Она немного успокоилась, молилась за него и уснула.

Утромъ онъ неприходилъ къ роднымъ, и видно было, что ходилъ по комнатѣ съ спокойнымъ лицомъ. Настуся занималась чѣмъ-то у матери по хозяйству, но услыша, что кукушка прокуковала двѣнадцать, успѣшила къ Эмилю во флигель, оставя свое занятіе.

Онъ былъ покоенъ, встрѣтилъ ее съ улыбкою и спросилъ: «надумалась ли, Ниночка? Не умирать ли пришла вмѣстѣ со мною?»

Нина начала - было свои увѣщанія, придуманныя ею къ убѣжденію его, чтобы оставилъ такое ужасное намѣреніе, и, какъ дома работала, а потомъ спѣшила къ нему, то и говорила запыхаясь.

Полно, Ниночка! сказалъ онъ. Я это все шутилъ. Ты устала, жарко; нехочешь ли прохладиться? Вотъ у меня лимонадъ. Выкушай».

— Ахъ, какой ты добрый, Эмиль! сказала она съ радостью. Дай же прежде напиться; въ горлѣ очень засохло. Напьюсь, и тогда накажу тебя поцалуемъ, что ты такъ меня напугалъ.

Эмиль открылъ полотенце, подъ которымъ стояли два стакана съ питьемъ; подаль одинъ Настусъ, другой самъ взялъ, чокнулся, и сказавъ «до свиданія», выпилъ его разомъ...

Первые глотки, при жаждѣ, Настуся проглотила безъ вниманія и не почувствовала отвратительнаго вкуса; но далѣе нетакъ поспѣшно пила, разбирая, лимонадъ ли это. Эмиль выпилъ свой стаканъ и, полагая, что и Настуся уже кончила, вскричалъ дикимъ голосомъ:

«Побѣда!... мы приняли ядъ... и умремъ вмѣстѣ!...»

Страшно закричала Настуся, бросила недопитый стаканъ, внѣ себя выбѣжала изъ комнаты Эмиля и продолжала кричать: «спасите!... я выпила ядъ... спасите меня!...»

Отецъ и мать ея, услышавъ крикъ, выбѣжали и увидѣли Настусю блѣдную, трепещущую, въ ужасѣ бросившуюся къ нимъ и продолжающую кричать: «я погибла!... я выпила ядъ!... Маточка родненькая... таточка!... спасите бѣдную дочь вашу!...»

Если бы одни родители Настуси слышали ея вопли и стонъ, то конечно она и умерла бы на рукахъ у нихъ, а они все не придумали бы, что должно дѣлать. Мать держала ее обнявши и, обливая горькими слезами, приговаривала: «что намъ дѣлать съ тобою, бѣдное дитя наше? ты погибаешь?... что намъ дѣлать?» А отецъ, ходя около нихъ, ломаетъ руки

и въ безпамятствѣ ничего неговорить болѣе, какъ только:
«Настуся... Настуся... дитя мое... дочка милая!...»

Но кромѣ ихъ, совершенно потерявшихся, къ счастью ихъ и Настуси, кухарка, услышавъ шумъ, выбѣжала, и поняла, что случилось. Немедленно послала она въ часть объявить и требовать пособія; сама же, сколько понимала, начала помогать страдалицѣ. Хотя Настуся выпила только половину стакана, но извѣстность, что она приняла ядъ, ускорила дѣйствіе его. Медикъ, въ-пору явившійся, употребилъ всѣ средства, неимѣя дальней увѣренности, чтобы возможно было спасти ее. Надобно было помогать и Эмилю (пусть уже остается Эмилемъ, когда самъ того хотѣлъ), въ которомъ ядъ началъ дѣйствовать со всею силою, и онъ страдалъ жестоко! Медикъ бросился къ нему, но взглянувъ, сказалъ, что съ нимъ не остается ничего дѣлать. Однако жъ онъ предписалъ цырульнику оказывать ему кое-какое пособіе, а самъ пошелъ къ Настусѣ. Средства его, при небольшомъ количествѣ яда, принятаго несчастною, наконецъ оказали благотѣльное свое пособіе: больная начала страдать меньше, и медикъ, предписавъ продолжать начатое имъ, пошелъ съ полицейскимъ офицеромъ къ страдающему Эмилю, для собранія необходимыхъ свѣдѣній.

«Ну, братъ» сказалъ медикъ больному, «приготовляйся въ путь, самимъ тобою избранный. Ты черезъ край хлебнулъ запрещеннаго, и такъ сильнаго, что тебя на семь свѣтѣ удержать никто неможетъ. Такъ уже отложи все въ сторону, а расскажи-ка намъ, какъ это случилось? Неимѣешь ли на кого подозрѣнія?»

— Прежде всего скажите мнѣ, кончились ли страданія Ниночкины? со стономъ спросилъ больной.

«Она уже безопасна, сказалъ медикъ, полагая его тѣмъ успокоить. Она останется жива, перенесетъ».

— О горе мнѣ! завопилъ страждущій и сильнѣе метался во всѣ стороны. Я недостигъ своей цѣли! Я желалъ наслаждаться блаженствомъ умереть вмѣстѣ съ нею!...

«Какъ это случилось и для чего?» спрашивалъ полицейскій офицеръ, поспѣвая записывать всѣ слова больного.

Сильныя страданія препятствовали Эмилю говорить; судороги во всемъ тѣлѣ связывали даже языкъ его; но онъ,

съ большимъ усиліемъ, произносилъ отрывисто: Я любилъ Нину нѣжною... почтительною любовію... неистовое пламя горѣло во мнѣ... обольщеніе и насиліе мнѣ неудалось... Мысль, чтобы она недосталась другому... внушила мнѣ средство... уморить ее и себя... Къ чему мнѣ эта... глупая жизнь?... скорѣе угаснуть!... Никто неучаствовалъ... Я самъ составилъ... она не знала... О, зачѣмъ и она не...

«Эка, молодець! сказалъ медикъ; обратись къ религіи, еще успѣешь. Отраднѣ вступишь въ вѣчность».

— Отрада... вѣчность... жалкіе предрассудки!... промычалъ больной, и вдругъ лице его подернулось блѣдностію, выступилъ предсмертный потъ, и онъ почти вскричалъ ужаснымъ голосомъ: «но... страшно... страшно!» Потомъ дикій его взоръ остановился на одномъ мѣстѣ; онъ сильно встрепенулся весь и чуть несбросился съ постели; судороги свели ему руки и ноги ужасно. Онъ силился говорить, кричать, и только издавалъ глухой стонъ. Наконецъ, скрежеща зубами, произнесъ: «Я и вамъ невѣрилъ... куда?» Потомъ точно какъ заревѣлъ: «О горе!» и съ страшнымъ стономъ, ужаснымъ крикомъ испустилъ духъ...

Медикъ, внимательно наблюдавшій все, увидя, что онъ умеръ, сказалъ: «дураку туда и дорога! Подлинно смерть грѣшника люта! Жаль, что онъ умиралъ не въ обществѣ своихъ товарищей; пусть бы другіе увидѣли, къ чему приводятъ насъ *ложныя понятія!*...»

Страшно было смотрѣть на искаженное смертными мученіями лице Эмиля! Волосы на головѣ его стояли дыбомъ; глаза выкатившіеся всѣ наружу; искривленный, раззинутый ротъ, полный запекшейся пѣны; почернѣвшій языкъ; руки и ноги сведенныя судоргами до того, что никакъ не могли исправить ихъ. Весь трупъ представлялъ нѣчто страшное, скандное, отвратительно-ужасное! Полиція запретила отдавать ему, какъ самоубійцѣ и отвергнувшему утѣшеніе религіи, приличное погребеніе. Съ поруганіемъ вывезенъ былъ трупъ его и зарытъ въ дикомъ мѣстѣ.

Стеченіе народа во дворѣ Пантелея, сумятица отъ распоряженій полиціи немогли укрыться отъ Настуси. Страданія ея прекратились; ядъ былъ совершенно истребленъ; но отъ

*

всего претерпѣннаго ею она была въ сильномъ разслабленіи. Медикъ наполь неопаснѣмъ открытъ ей о смерти Эмиля. Она желала проститься съ нимъ, но ее отклонили. Когда же вывозили трупъ его и она услышала шумъ, тутъ настоятельно просила хотя къ окошку подвести ее. Неожидая никакихъ послѣдствій, согласились на ея желаніе...

Трупъ лежалъ на телѣгѣ покрытый. Она смотрѣла равнодушно, обратилась къ образу, молилась о чемъ-то и потомъ съ большимъ умиленіемъ произнесла: «Владычица! помоги!... Намѣреніе мое неизмѣнно». Надобно было случиться, что въ самое это время вѣтромъ сорвало покрывку съ трупа, и Настуся увидѣла его ужасающее безобразіе... Она вскричала, начала метаться, боялась всего окружающаго ее, старалась прятаться, говорила что-то невнятно, и лишь положили ее въ постель, какъ у нея открылась горячка съ сильнымъ бредомъ... Ей казался Эмиль въ своемъ страшно-безобразномъ видѣ, подающій ей ядъ, влекущій ее за собою, клянущій ее, зачѣмъ она осталась... Такъ она страдала девять дней.

Молодость и лѣкарское стараніе скоро истребили въ ней болѣзнь; но прежняя свѣжесть лица, живость глазъ, ея веселость, игривость исчезли невозвратно. Главнѣйшимъ ее занятіемъ была уединенная, продолжительная молитва. Она сдѣлалась молчалива, уныла; невыходила никуда изъ дому, не смотря на убѣжденія родителей; съ подругами разорвала всѣ связи, и цѣлый день просиживала одна, задумчива, а часто видали ее плачущую.

«Настуся, милая дочь моя!» говорила мать, приголубливая ее, «неужели ты убиваешься объ этомъ злодѣѣ, который лишилъ-было тебя жизни? Неужели ты жалѣешь о томъ, кто нанесъ тебѣ безславіе на цѣлый вѣкъ?»

— Маточка моя! Я жалѣю о немъ какъ, о погубившемъ себя навѣки своими мыслями и дѣлами. Никогда не потужу о немъ, не потому, что онъ погубилъ-бы мою душу, но потому-что, имѣвши умъ, нехотѣлъ знать Бога и его милосердія.

«Отъ чего же ты всегда такая унылая, невеселая, какъ будто потеряла свое счастье?»

— И точно счастье мое на вѣкъ потеряно! Могу ли быть веселою, или хотя покойною, зная, что чрезъ меня погибъ

братъ мой вѣчно? Хотя и противъ воли, но я была причиною его несчастія. Тяжкій грѣхъ его падаетъ и на мою душу. Маточка моя родненькая! Дайте мнѣ способъ облегчить мою душу. Дозвольте мнѣ прожить въ монастырѣ, принести покаяніе. Мнѣ легче будетъ. Я возвращусь къ вамъ, можетъ быть, гораздо веселѣе.

Мать нерѣшила просьбы дочери безъ воли отца. Пантелея Степановича дѣла день ото дня все шли хуже и хуже. Какъ онъ, для поддержанія мнѣнія о достаткѣ своемъ, всегда жилъ безрасчетно и все издерживался на угощеніе именитыхъ особъ (такъ онъ называлъ стряпчаго, квартальнаго и д. п.), а при томъ потерялъ много отъ неудачной торговли; то уже неимѣлъ ничего и долженъ былъ занимать. Дворъ былъ заложенъ, деньги пропиты на чаю и кофе, проѣдены на яблочныхъ пирогахъ, изношены на шитыхъ битью платкахъ Кулины Петровны и «мантонѣ» Настусиномъ. Заплатить было нѣчѣмъ; онъ близокъ былъ лишиться двора; а чтобы купить лачужку и кое-какъ доживать вѣку, должно было продать свои и Кулины Петровны лучшія платья и вздѣть прежнія, мужицкія, свиты мужицкія! Каково это было переносить Цантелею Степановичу Стовбыревскому!

У него оставалась одна надежда на миловидность дочери. «Пассаждъ» ея, какъ онъ называлъ, съ Омилемъ, конечно, разсѣялъ про нее нѣсколько невыгодныхъ слуховъ; но они со временемъ пройдутъ и все-таки можетъ сыскаться женихъ по его желанію. «На ея замужство вся моя надежда, говорилъ онъ; лишь бы стихли людскіе пересуды объ этомъ «пассаждѣ», а далѣе пойдетъ все хорошо. Тогда, при помощи богатаго зятя, я могъ бы еще исправиться и получить желаемое. Но пока это будетъ, а я теперь же долженъ лишиться почитай всего имущества! Недолженъ тронуть ничего Настусиного; мы хотя будемъ и бѣдно одѣты, но она пусть закрашиваетъ все и бросается женихамъ. Какъ бы только скрыть отъ нея наше положеніе; а то она ничего не пожалѣетъ, чтобы насъ успокоить».

И какъ къ стати, къ такому его размышленію, Кулина Петровна передала ему на разрѣшеніе желаніе дочери пожить въ монастырѣ нѣсколько времени!

«Отпустимъ ее, Петровна! проговорилъ Пантелей, и пусть она возьметъ съ собою все свое имущество, чтобы оно не попало описи съ прочими вещами за наши долги».

Все шло по общему желанію. Настуся желала взять все свое съ собою, но не смѣла просить, а они сами предложили ей это, чтобы не попало описи и продажѣ. Ее снарядили скоро и проводили въ монастырь, испрашивая у игуменья позволенія прожить дочери подѣ ея начальствомъ, сколько она пожелаетъ.

Проводивъ дочь въ монастырь, Пантелей Степановичъ принялся устраивать свои дѣла. Домъ по закладной отдалъ, вещи представилъ къ описи, ихъ продали, и едва-едва достало на уплату всѣхъ долговъ; а чтобы купить для себя избушку и доживать въ ней вѣка, объ этомъ и думать невозможно было. Они нашли пристанище въ подгородной слободѣ у одного обывателя, съ которымъ прежде Пантелей Степановичъ и говорить не хотѣлъ и не иначе величалъ его какъ «мужикъ». Тутъ поселился Пантелей съ женою, и они оба, за квартиру и харчъ, должны были работать, какъ и простые наемщики, не слышать величанья себѣ по отчеству, но принимать приказанія и упреки: «Сходи, Панько, туда и туда! Зачѣмъ ты, Талемонъ, несдѣлалъ того? Зачѣмъ ты, Кулина, не хочешь доить коровъ? Эка дармоѣдка». Каково было имъ все это слышать? имъ, которыхъ стряпчій, квартальный и другія именитыя особы въ глаза называли любезными пріятелями и честью увѣряли, что все готовы для нихъ сдѣлать и всѣмъ пожертвовать, какъ для друзей своихъ; а теперь эти друзья именитыхъ особъ въ такомъ униженіи и на черной работѣ!

Правда, что эти искренніе друзья Пантелея, когда узнали о худомъ положеніи дѣлъ его, перестали вовсе бывать у него и при встрѣчѣ на улицѣ отворачивались, какъ отъ незнакомыхъ; но Пантелей никогда не переставалъ хвалиться, что онъ былъ съ ними пріятель и имѣлъ счастье угощать ихъ у себя частенько. Надобно же отдать справедливость прежнимъ сотоварищамъ Пантелея по мужицкому званію: они уже не насмѣхались надъ нимъ, будто не видали его униженія и жалѣли, что «ему такъ не посчастливилось».

Наконецъ для Пантелея проглянулъ лучъ надежды къ улучшенію его положенія. Теперешняго его хозяина сынъ ви-

даль Настусю, когда она сіяла въ блескѣ богатства и знатности. Тогда онъ только могъ смотрѣть на нее издали, подумать же о сближеніи съ нею, это была бы дерзкая мысль. Теперь же, когда перемѣнились обстоятельства и Настуся стала ниже его, тутъ онъ, по прежней памяти, рѣшился облагодѣтельствовать бѣдную дѣвушку и за ея красоту даже взять за себя. Онъ открылся о своемъ желаніи отцу Настуси и просилъ ее привезти изъ монастыря съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье сыграть свадьбу. Ему же, какъ тестю богатаго мужика, обѣщаны выгоды, значительныя по тогдашнему его положенію.

Ты ли это, Пантелей Степановичъ Стовбыревскій, чванливый и величавшійся своимъ родомъ и достаткомъ, предполагавшій, кромѣ уже прочаго, выдать свою Настусю, барышню, не иначе, какъ за помѣщика, у котораго были бы свои слободы, теперь, выслушавъ отъ простаго мужика предложеніе «составить счастье бѣдной Насти, взять ее за себя и облагодѣтельствовать ее и родителей на-вѣкъ», ты ли поклонился ему почти до земли, благодаря за его милости и вниманіе и собираясь тотчасъ же ѣхать въ монастырь и привезти дочь свою, чтобы неупустить своего и ея счастья? Вспомни висѣвшую у тебя въ гостиненькой картину, на которой беспорядочно сложенные буквы составляли: «такъ на свѣтѣ все превратно!» вспомни и другую, на коей изображенъ Наполеонъ, падающій съ колеса фортуны! И ты теперь также упалъ! Ты достойно наказанъ за *ложное понятіе*, въ чемъ заключается счастье! Слѣзши въ монастырь: успокоитъ ли тебя дочь твоя?

Игуменья приняла Пантелея (небудемъ уже величать его по отчеству, чтобы неказалось насмѣшкою надъ его униженіемъ) ласково. Хвалила скромность и послушаніе Анастасіи; говорила, что она у нихъ такъ тиха и незлобна, какъ трехлѣтнее дитя; любима всѣми сестрами....

Пантелей, чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли, благодарилъ игуменью за милости и вниманіе къ дочери и въ заключеніе просилъ отпустить ее съ нимъ по случаю предстоящей ей судьбы».

«Незнаю, согласится ли Анастасія выйти изъ обителя нашей», сказала игуменья. «Я должна вамъ, родителямъ, объ-

явить, что она желаетъ навсегда посвятить жизнь свою Богу, вступивъ въ монашество.

Такое извѣстіе поразило Пантелея. Всѣ надежды его на улучшеніе участи совершенно уничтожатся. Выдавъ Настусю за хозяйскаго сына, еще онъ могъ ожидать и почтенія и уваженія; избавился бы отъ несноснаго для его слуха имени «Панька», и подь-часъ могъ бы слышать прельщающее его «Степановичъ», а можетъ быть, по времени, уговорилъ бы зятя вписаться въ мѣщане. Теперь же, видя все это разрушающимъ, онъ убѣдительно просилъ игуменью отклонить дочь его отъ такого намѣренія.

«Обязанность званія моего и любовь къ Анастасіи», говорила игуменья, «требуютъ отъ меня, чтобы я всѣми мѣрами отклоняла ее отъ такого намѣренія. Но, сынъ мой, рассуди здраво. Она невольнымъ образомъ впала въ тяжкое преступленіе, была орудіемъ гибели души ближняго. Ея разумъ и совѣсть представляють ей это преступленіе ежечасно. Она уже никогда и ни въ какомъ состояніи неможетъ быть покойна. Никакія утѣшенія религіи неуспокоиваютъ ее, тѣмъ болѣе, что она, при прахѣ злополучнаго, дала клятву Богу и Матери Его оставить міръ, и въ уединеніи, въ удаленіи отъ всего свѣтскаго, оплакивать свою слабость. Впрочемъ, несмотря на всю видимую мною твердость ея, рѣшимость и упованіе на подкрѣпленіе отъ Бога, она молода, имѣетъ нѣжное сердце, жалѣетъ о васъ, родителяхъ своихъ. Богъ не требуетъ, а мы не можемъ принять принужденной жертвы, и потому должно употребить всѣ просьбы, убѣжденія, чтобы отклонить ее отъ намѣренія ея. Начнемъ, призвавъ помощь Божию, сей же часъ».

Настуся была призвана къ игуменьѣ. Обрадовалась свиданію съ отцемъ; съ участіемъ, но безъ скорби, выслушала перемѣну въ положеніи родителей и незахотѣла слушать о предлагаемомъ ей бракѣ или о возвращеніи въ свѣтъ. «Судьба моя рѣшена!» говорила она съ твердостью. «И чрезъ самую долгодѣтельную жизнь, ежечасно молясь и каюсь, я немогу стереть крови брата, падшей на душу мою. Никакая любовь, никакой блескъ, пышность, богатство, спокойство, ничто неусладитъ горести моей. Гдѣ бы я ни была, я вѣчная страдальца. Въ одномъ Богѣ, предъ которымъ, по данной мною клятвѣ, всегда буду молиться и проливать слезы, мое утѣшеніе, моя

отрада. Таточка! незаграждайте мнѣ пути къ вѣчному блаженству, которое могу обрѣсти покаяніемъ. Мать моя! веди меня къ нему!» и при сихъ словахъ поклонилась отцу и игуменю, по правиламъ монастырскимъ, до земли.

Ни просьбы отца, усиливаемыя горькими слезами, ни убѣжденія игуменю, объяснявшей притомъ неимовѣрную трудность, въ ея лѣта, провести жизнь въ монашествѣ, ничто непоколебало твердости Настусиной. Она выслушивала все, плакала съ отцемъ и продолжала говорить: «На мнѣ страшный грѣхъ! Я была поводомъ самоубійства ближняго. Дозвольте мнѣ облегчать его!»

На перемѣну состоянія отцовскаго она говорила: «Вы таточка, имѣли ложное понятіе о счастіи, которое было Богъ вамъ послалъ. Вы искали его въ роскоши, наслажденіи, суетномъ употребленіи благъ, данныхъ вамъ. Слѣдовало ихъ точно раздѣлить съ ближними, но съ какими? съ неимущими, съ безкровными. Вы въ этомъ презрѣли заповѣдь Божию; богатство у васъ отнято; гнѣвъ Божій лежитъ на васъ и за легкомысліе дочери вашей. Нераздражайте Его болѣе, несѣтуйте, несите крестъ свой терпѣливо, равнодушно снесите бѣдность и униженіе, наконецъ пожертвуйте Ему самою большею драгоценностію, единственною дочерью своею, принесите ее въ жертву Ему, и милость Божія осѣнитъ васъ, вы предвкусите спокойную радость еще въ жизни здѣшней».

Много было испытаній Настусѣ къ отклоненію отъ намѣренія ея. Почти ежедневно отецъ или мать являлися къ Настусѣ съ новыми просьбами, съ новыми убѣжденіями и всегда съ тѣми же слезами. Женихъ присылалъ ей значительные подарки, обѣщанія устроить, обогатить отца ея. «Но купимъ ли мы на все это вѣчное блаженство, котораго лишитъ такъ видимо насъ Богъ грозить, показавъ надъ нами гнѣвъ свой?» такъ всегда возражала она.

Игуменья сама и чрезъ другихъ монахинь дѣлала все, что могла и должна была дѣлать, для испытанія твердости Настуси въ намѣреніи. Неоднократно, послѣ многихъ увѣщаній, испытаній въ кротости, смиреніи и послушаніи, игуменья объявляла: на завтрашній день постричь Настусю. Она принимала это назначеніе съ радостью, съ умиленіемъ, съ надеж-

дою получить облегченіе горести своей; но когда, по приготовленіи всего къ совершенію обряда, объявляемо было, что постриженіе откладывается, тутъ Настуся плакала, сѣтовала, и скорбь ея возобновлялась съ прежнею силою.

Наконецъ, когда все предписанное правилами время послушанія протекло, твердость ея непоколебалась, просьбы и слезы родителей неподѣйствовали на нее, тогда уже назначенъ рѣшительный день къ постриженію.

Весь городъ, узнавъ о имѣющемъ быть постриженіи Настуси, столь извѣстной всѣмъ по происшествіямъ съ Эмилемъ, подвинулся и множество народа наполнило монастырь, чтобы видѣть, если не самое постриженіе въ церкви, то хотя торжественный ходъ молодой дѣвицы, побѣждающей всѣ слабости міра. Утромъ прибылъ архимандритъ, назначенный начальствомъ принять обѣты посвящающей себя Богу и ввести ее въ ограду избранныхъ. Торжественный звонъ колокола возвѣстилъ о началѣ праздника церкви, приѣмлющей въ объятія свои возвратившуюся заблудшую овцу. Отецъ и мать Настусины, послѣдніе дни бывшіе неисходно въ монастырѣ и умолявшіе дочь отложить намѣреніе, въ это утро, по постановленію, немогли видѣть дочери, приносившей предъ духовникомъ исповѣданіе во всѣхъ своихъ грѣхахъ, тяготящихъ совѣсть ея. Исповѣданіе это, какъ бы предсмертное, требовало объясненія всѣхъ поступковъ жизни, и потому необходимо было время для приведенія всего на память. Потому приготовляющаяся должна была пребыть въ молитвѣ для испрошенія помощи свыше въ прохожденіи труднаго пути.

Игуменья пригласила къ себѣ отца и мать постригающейся и съ ними проводила время въ назидательной бесѣдѣ, убѣждала ихъ нескорбѣть, но съ чистымъ сердцемъ принести Богу въ жертву кровь свою, избранную Имъ въ служеніе Себѣ. Нерѣдко среди бесѣды, при удобномъ случаѣ, она съ ними падала предъ образомъ и молила, если жертва ея пріятна благости Господней, принять ее, утвердить въ прохожденіи пути сего, укрѣпить слабую и отвратить всѣ искушенія и соблазны, родителямъ же ниспослать спокойство, отраду и надежду, что жертва, ими приносимая, будетъ благовоительно принята и они получатъ награду въ сей и въ будущей жизни.

Время начать дѣйствіе прервало ихъ бесѣду.

Игуменья провела родителей въ другую церковь, гдѣ не было никакого служенія и гдѣ одна постригающаяся бесѣдовала съ Богомъ. Отецъ и мать увидѣли дочь свою въ отличномъ отъ прежняго видѣ. Безъ всякихъ украшеній свѣтскихъ, вчера еще по распоряженію игуменьи на ней бывшихъ, она была въ одной власяницѣ; свѣтлые и какъ шолкъ гладкіе волосы ея распущены были по ея плечамъ. Она предъ образомъ Богоматери стояла на колѣняхъ, руки крестообразно сложивъ на груди. Глаза, глаза, исполненные божественнаго огня, радостнаго ожиданія, упованія, вѣры, обращены были къ лику «Радости всѣхъ скорбящихъ». Отъ душевнаго волненія, ожиданія, румянецъ игралъ на бѣлыхъ щекахъ ея. Невыразимо была она прелестна.... но все вмѣстѣ въ ней показывало уже не земное, но предуготованное для жизни съ небожителями....

На шумъ въ церкви при входѣ родителей ея и игуменьи она обратилась и съ улыбкою сказала къ родителямъ: «еще мы видимся!»

Игуменья сказала ей, что, какъ она уже все исполнила предписанное правилами въ отношеніи приготовленія души своей, то эти послѣднія минуты пребыванія ея въ мірѣ она можетъ употребить на принесеніе послѣдняго долга родителямъ: благодарности за всю любовь къ ней.... «Но если ты въ эти минуты почувствуешь какое потрясеніе въ душѣ, хотя легкое колебаніе въ исполненіи намѣренія, нескрой его, объяви: мы отложимъ дѣйствіе подъ благовидною причиною и послѣ разберемъ состояніе души твоей». Такъ сказала игуменья и, сотворивъ молитву у святыхъ вратъ, обратилась къ приготовленной и сказала: «Я иду, дочь моя, во храмъ къ началу служенія и приду вскорѣ за тобою, чтобы тамъ принять тебя въ число сестеръ моихъ». Родителямъ же сказала: «Эти минуты сама церковь предоставляетъ вамъ. Имѣете полное право дѣйствовать по чувствамъ вашимъ, не боясь преступленій. Богъ не требуетъ принужденной жертвы».

По уходѣ игуменьи родители дѣйствительно, какъ прежде наставила ихъ игуменья, приступили къ дочери съ самыми сильными убѣжденіями. Тутъ было употреблено все: просьбы, слезы, ласки, увѣщанія, представленіе ихъ старости и безпомощнаго состоянія. Обѣщали ей неупоминать болѣе ни о какомъ замужествѣ, предоставляя жить по волѣ, но только

съ ними; по смерти же ихъ она могла исполнить свой обѣтъ. Все осталось тщетно. Приступающая къ постриженію говорила мало, возражала въ короткихъ словахъ, на кои родители ея неимѣли что отвѣчать и снова прибѣгали къ слезамъ.

Унылый звонъ колоколовъ возвѣстилъ начало печальнаго, умилительнаго шествія. Услышавъ его, приготовленная отошла съ родителями въ сторону и неусиливалась исторгнуться изъ объятій ихъ, въ которыхъ они держали ее, омывая горькими слезами, какъ предъ вѣчною разлукою.

Игуменья вступила въ церковь, предшествуемая двадцатью духовными своими сестрами; всѣ были въ черныхъ мантияхъ, неся въ рукахъ большія зажженные свѣчи. Всѣ хранили глубокое молчаніе.

По произнесеніи тайной молитвы, игуменья подошла къ приготовленной, по положенію еще сдѣлала къ ней увѣщаніе и предоставляла ей на волю постриженіе отложить, необинуясь и не боясь нареканія свѣта и преслѣдованія церкви. Съ тою же твердостью и благоговѣніемъ отвѣчала она.

Тогда игуменья сказала: «И такъ, дочь моя, ты принесла сего утра покаяніе и исповѣданіе во всѣхъ своихъ малѣйшихъ грѣхахъ. Душа твоя нынѣ чиста, ясна и непорочна. Таковую я принимаю тебя изъ міра, изъ объятій даровавшихъ тебѣ жизнь. Ты оставляешь ихъ навсегда, и церковь вручаетъ нынѣ тебя моей любви и попеченію. Я воспріимная мать твоя. Подъ симъ священнымъ покровомъ (указавъ на мантию свою) я веду тебя къ престолу Божию, гдѣ ты отъ служителя Его пріймешь одѣяніе, имѣющее неумолчно вѣщать тебѣ, что ты разлучена навѣкъ съ міромъ. Соблуди обѣтъ свято и нелиши меня небесной радости при всеобщемъ воздаяніи, явися туда такою же чистою и непорочною, какъ я сію минуту принимаю тебя. А вы, родители, введите ее сами подъ мантию мою въ доказательство согласія вашего на принесеніе ея въ жертву Богу».

Тутъ насталь жестокій часъ испытанія для родителей! Отречься отъ дочери, лишиться ее навсегда, разорвать всѣ связи съ нею!... Они еще крѣпче обняли ее, какъ бы нежелая вовсе отпустить ее, никогда неразлучиться съ нею, судорожно сжимали ее въ объятіяхъ, обливали ее слезами, немогли говорить отъ горести.... Игуменья и сестры плакали!...

Наконецъ отецъ, побѣдивъ чувства свои, преодолѣвъ скорбь свою, устремивъ глаза на небо, оторвалъ ее отъ матери, съ страшнымъ усиленіемъ, подвелъ подъ мантию игуменъи, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и, павъ на колѣни, воскликнулъ: «Господи! твоя отъ твоихъ!... прими нашу жертву!»

Унылый, согласный, трогательный, раздирающій душу хоръ воспѣлъ стихъ изъ обращенія блуднаго сына, повергающаго себя въ объятія отца милосердаго, чадолюбиваго!... И ходъ начался.

Предшествовали хоругви, знаменія побѣды благодати надъ страстями міра. За ними—примиритель Бога съ человѣкомъ животворящій крестъ съ изображеніемъ поруганнаго и уязвленнаго за грѣхи наши; далѣе лики святыхъ, въ сію торжественную минуту, по слову Господа, радующихся на небеси о грѣшникѣхъ, кающемся на земли; потомъ умиленно слѣдующія инокини, готовящіяся принять отъ престола Божія новую сестру, сослужебницу въ великомъ дѣлѣ, терпѣливую сотрудницу въ пренесеніи всѣхъ могущихъ послѣдовать искушеній и напастей. Возженныя свѣчи въ рукахъ ихъ знаменовали ихъ внутренній пламень благочестія и упованія на воздаяніе. За ними шла съ торжествующимъ взоромъ игуменъя, укрывшая подъ мантию своею агнца, исхищеннаго ею изъ члукостей сатаны и міра. Самая жертва какъ будто была осѣнена какимъ-то свѣтомъ.... Голубые глаза ея уже не обращались ни на какой предметъ; они устремлены были къ небу, радости и надежды исполненные. Она шла бодрственно, какъ будто попирая стопами всѣ ничтожныя для нея прелести міра; съ каждымъ шагомъ, удаляющимъ ее отъ него и приближающимъ къ желаемой цѣли, лице ея болѣе и болѣе оживлялось радостью. Ея непоражали звуки колоколовъ, издаваемые какъ при погребеніи: она слышала въ нихъ торжество свое, что умираетъ для свѣта и оживаетъ для Господа. Она невидитъ слезъ, проливаемыхъ всѣмъ народомъ, съ умиленіемъ смотрящимъ на это торжественное шествіе и оплакивающимъ видимую красоту жертвы, готовой сокрыть себя навсегда въ мрачныхъ стѣнахъ монастыря; она невидитъ сего; она созерцаетъ мысленно святыхъ ангеловъ, готовыхъ поддерживать ее во всякомъ подвигѣ. Къ ней недоходятъ вопли и стоны родителей ея, еще при жизни ея уже осиротѣвшихъ.... Она идетъ твердо и бодрственно.

Бывъ приведена во храмъ, она пала предъ святыми вратами въ прахъ, распростерши руки крестообразно, готовая не только презрѣть міръ со всѣми сладостями его, но и душу свою положить за Испытателя, принимающаго ее въ число избранныхъ....

Началось дѣйствіе.

Благочестивый служитель Божій, маститый старецъ, повѣдалъ ей торжественнымъ голосомъ, что ангелы божіи и всѣ святые невидимо присутствуютъ здѣсь, примутъ клятвы ея въ отреченіи отъ міра, вознесутъ ихъ къ престолу Божію и, если она малѣйшаго изъ нихъ неисполнить, они будутъ свидѣльствовать на нее при второмъ и страшномъ пришествіи. И потому, если она ненадѣется на силы свои, можетъ возвратиться въ міръ безъ всякой укоризны отъ церкви. Принявъ отъ нея твердое желаніе вступить въ монашество, служитель Божій вопрошалъ ее, отрекается ли она отъ міра и всего, что въ мірѣ есть улаждающаго: гордости, богатства, тщеславія; сохранить ли навсегда чистоту души, тѣла и самыхъ помысленій; сохранить ли смиреніе, кротость, терпѣніе, послушаніе, нищету; готова ли на всякую скорбь, утѣсненіе и безвинное гоненіе? Подтвердивъ твердымъ, торжественнымъ голосомъ, что она исполнить все сіе, заключила потомъ клятвою сохранить обѣщаніе свое. Тогда онъ провозгласилъ къ ней роковое слово:

«Подай мнѣ ножницы».

Она протянула руку взять ихъ, тутъ же положенныя на блюдо. Игуменья удержала ее и тихо сказала: «Я замѣняю тебѣ родителей твоихъ; я воспріемная мать твоя, напоминаю тебѣ: обдумай!»

Постригающаяся взяла твердою рукою и поднесла ихъ архимандриту. Онъ положилъ ихъ опять на блюдо и помолчавъ сказалъ опять:

«Подай мнѣ ножницы».

Игуменья повторила свое увѣщаніе, и постригающаяся опять спѣшила подать ихъ.

Архимандритъ опять положилъ и, подождавъ еще долѣе, сказалъ въ третій разъ:

«Подай мнѣ ножницы».

Тутъ игуменья сказала только: «взгляни въ послѣдній разъ на родителей своихъ; еще ли нетронешься?»

Она взглянула.... Мать лежала безъ чувствъ на рукахъ другой женщины.... Отецъ, блѣдный, помертвѣлый, стоялъ на колѣняхъ, тряся, простиралъ къ ней руки, какъ бы умоляя ее.... Она взглянула на нихъ, на небо.... и съ необычайною твердостью взяла ножницы, подала ихъ безтрепетно архимандриту.

Волосы, украшавшіе доселѣ земную красоту, пали къ ногамъ ея.... черная мантия сокрыла навсегда отъ свѣта Анастасію и, подъ ея покровомъ, въ сонмъ инокинь вступила новая сестра «Агаѳоклея».

IV.

УКРАИНСКІЕ ДИПЛОМАТЫ.

Петру Васильевичу Зворыкіну.

УКРАИНСКІЕ ДИПЛОМАТЫ *).

Сколько могу припомнить, 21-е число Іюня мѣсяца не-
ознаменовано никакимъ событіемъ ни въ древней, ни въ новой,
ни во всеобщей, ни въ русской исторіяхъ, въ полѣ листа и
и въ осьмушку печатанныхъ. Тысяча восемьсотъ тридцать
второму году предназначено было поставить сей день въ число
достопамятныхъ. Въ теченіе сего навсегда замѣтнаго дня,
въ 20-й минутѣ двѣнадцатаго часа до полудня, при ясномъ,
безоблачномъ небѣ, при +20° Р., дворовые гуси Никифора
Омельяновича Трунѣевича, не бывъ никѣмъ водимы, на-
ставляемы, научаемы, подгоняемы и побуждаемы, сами собою,
добровольно и самоуправно, всего счетомъ 13 гусей сѣрыхъ
и бѣлыхъ, обоихъ половъ и различнаго возраста, перешли
съ полей владѣльца своего и взошли на землю, принадлежа-
щую Кирилу Петровичу Шпаку, засѣянную собственнымъ его
овсомъ. Если бы только взошли, походили, погуляли и воз-
вратились на земли господина своего, то оно бы ничего: ни-
ниги бы не узналъ, не произошло бы ничего важнаго, и день
сей, подобно-какъ и нѣкоторые другіе, остался бы надолго
незамѣченнымъ во всѣхъ исторіяхъ; но судьба хотѣла иначе.

Извѣстно, что гуси тварь глупая, непонимающая вовсе
ничего, а потому незнающая и о неприкосновенности къ чу-
жому достоянію; о страстяхъ же человѣческихъ гуси ни отъ
кого не слышали и понятія неимѣютъ. И потому сіи тринад-
цать гусей, взойдя на земли Кирила Петровича Шпака и
увидя на нивѣ зеленѣющую траву еще растущаго овса, при-
нялись самоуправно выщипывать ее, не по выбору, а всплошь.
На бѣду сихъ гусей, шоль въ то время дворовый человѣкъ
Кирила Петровича Шпака чрезъ поля господина своего, уви-

*) Современникъ, 1840. Т. XVIII.

дѣль проступки ихъ, выгнать изъ нивы и погнать прямо на барскій дворъ все-таки своего господина. Кириль Петровичъ узналъ, въ чемъ дѣло, и какъ былъ темперамента холерическаго, въ чемъ увѣрился, отыскавъ по Брюсову календарю планету, подъ коей родился, то, неразмышляя долго и несообразивъ послѣдствій, приказалъ тѣхъ гусей побить... да, именно тринадцать гусей, принадлежащихъ не ему, а Никифору Омеляновичу Тпрунькевичу. Бѣдные гуси! Памятно имъ будетъ 21-е Іюня... Но и Кириль Петровичъ Шпакъ по-вѣкъ не забудетъ его!... А именно, вотъ какія послѣдствія произошли.

На другой день достопамятнаго 21-го числа, узнавъ о пришествіи съ гусями, Никифоръ Омеляновичъ Тпрунькевичъ приказалъ купить три листа гербовой бумаги 50-ти копѣчнаго достоинства, написалъ ужасно пространную просьбу, въ коей подробно изложилъ, что близкій его сосѣдь по имѣнію, Кириль Петровичъ Шпакъ, утѣсняетъ его Тпрунькевича, яко мѣлкопомѣстнаго, и дѣлаетъ ему разныя неслышанныя обиды ежегодно, ежемѣсячно, ежедневно и ежечасно, и наконецъ описано самоуправное взятіе съ полей его, Тпрунькевича же, тринадцати гусей и безжалостное побитіе ихъ. Тутъ въ подробности изочтенъ весь могущій быть приплодъ отъ сихъ тринадцати гусей, польза отъ мяса, потроховъ, перья и пуху съ нихъ, и обстоятельно выведена сумма въ сложности десятилѣтняго дохода съ процентами, и въ таковой суммѣ подано исквое прошеніе.

Кириль Петровичъ неплопаль. Онъ былъ въ этой части опытенъ. Купилъ шесть листовъ бумаги такого же достоинства и написалъ прошеніе еще ужаснѣе, нежели Тпрунькевичево. Тутъ изложены были всѣ дерзости Никифора Омеляновича противъ него, Кирила Петровича, личныя неуваженія, насилія по имѣнію, съ давнихъ временъ имъ производимыя безнаказанно, и что, между прочихъ притѣсненій сего владѣльца и подвластныхъ ему, даже самые гуси его рѣшились нанести и нанесли ему обиду, выбивъ у него овса десять десятинъ; доходъ съ нихъ вычисленъ аккуратно и приведенъ въ сложность за десять лѣтъ также съ «проценты». Сумма иску вышла гораздо значительнѣе, нежели у Никифора Омеляновича Тпрунькевича.

Само по себѣ разумѣется, что дѣло возгорѣлось сильно. Пошли слѣдствія, свидѣтельствованія, справки, обыски; кромѣ

того, что не одинъ разъ каждый изъ спорящихся обязанъ былъ на свой счетъ поднимать судъ, призывать понятыхъ и угощать всѣхъ ихъ, но и писаніе прошеній и отзывовъ чрезвычайно умножилось, и уже спорящимся надоѣло тягаться. И какъ ненадоѣсть, когда еще съ начала дѣла до 1837 года неприведено было въ ясность, что потеряла одна сторона чрезъ потравку овса въ полѣ отъ 13-ти гусей, а другая отъ потери сихъ самихъ гусей! Вотъ, какъ обоемъ надоѣло писать и отписываться, зазывать судъ и понятыхъ и угощать ихъ, то уже обѣ стороны начали поговаривать о «примириі» между собою. Какъ вдругъ, неизвѣстно только котораго числа 1837 года, въ день неблагоприятный для Кирила Петровича Шпака, явился къ Никифору Омеляновичу Тпрунькевичу человекъ съ предложеніемъ написать новое прошеніе и быть по тому дѣлу повѣреннымъ. Онъ увѣрялъ при томъ, будто бы Кириль Петровичъ отъ того прошенія такъ струсить, что поспѣшить миромъ прекратить дѣло, заплатя искомую сумму «со всѣми проторы и убытки, проѣсти и волокиты».

Восхищенный Никифоръ Омеляновичъ ухватился за советъ благодѣтельнаго повѣреннаго, заключилъ съ нимъ условіе, по коему обязался платить условленную сумму, до окончанія дѣла содержать его на своемъ столѣ, возить въ своемъ экипажѣ, выдавать особо на расходы по дѣлу, и сверхъ того снабжать «отсылною провизіею» семейство повѣреннаго. Прошеніе было изготовлено, подписано и подано... И что же узналъ Кириль Петровичъ Шпакъ? Во-первыхъ, въ томъ прошеніи именуютъ его по прежнему, противъ чего онъ уже возражалъ неоднократно, не Кириломъ, какъ слѣдуетъ, а Кирилою, въ явную насмѣшку; а во-вторыхъ добавлено, что «Кирила Петровичъ взвелъ сіе дѣло на Тпрунькевича отъ праздної жизни, подобно-какъ дѣлали предки его и самъ родоначальникъ ихъ, занимавшійся однимъ ловленіемъ шпакѡвъ, т. е. скворцовъ; отъ каковаго занятія дано имъ и прованіе, а частію и потому, что оный Шпакъ одаренъ глупостію, подобно твари, птицѣ шпаку, отъ чего онъ и есть естественный шпакъ.

Это взорвало до крайности Кирила Петровича. Оставляя читать газеты, онъ «благимъ матомъ» пустился въ самый Черниговъ; хотя потратилъ много денегъ, но досталъ изъ Малороссійскаго архива всѣ выписки и доказательства, кто именно

были Шпаки, чѣмъ отличались предъ ясновельможными гетьманами, и по какому случаю дана имъ сія фамилія и гербъ, въ которомъ ясно изображенъ «спѣвающій шпакъ» т. е. скворецъ поющій, имѣющій разинутый ротъ. Приобрѣтя таковыя драгоценности, онъ нашолъ еще и кладъ: приговорилъ повѣреннаго, имѣющаго даръ писать прошенія нечерня, на-бѣло прямо, и могущаго расподить дѣло на нѣсколько отраслей и вести процессъ хоть пятьдесятъ лѣтъ. Знаменитый адвокатъ былъ Хвостикъ-Джмунтовскій.

Этотъ благодатный повѣренный принялся за дѣло. Опровергнувъ всю клевету Тпрунькевича на Шпака чисто, ясно и аргументально, онъ началъ выводить производство фамиліи Тпрунькевичей; и какъ первоначальный въ ней слогъ есть «тпру», то и полагалъ онъ, что родоначальникъ его происхожденіемъ своимъ обязанъ коню, на коего кричать «тпру», или «уповательно» родоначальникъ былъ цыганъ, коноводъ и проч. и проч. и такого написалъ въ томъ прошеніи, что Никифоръ Омеляновичъ чуть нелопнулъ съ досады, перечитывая это прошеніе. Въ заключеніе Кирилъ Петровичъ, или его повѣренный, просилъ суда о личной ему и всему роду обидѣ и удовлетвореніи его, за каждаго обруганнаго предка, безчестьемъ противу ранга каждаго, коимъ онъ приложилъ и именной списокъ съ показаніемъ службы и должностей ихъ.

Вотъ тутъ-то закипѣло дѣло! Слѣдствіе объ овсѣ и гусахъ, яко о тваряхъ неразумныхъ, оставлено впредъ до разсмотрѣнія, а приступлено къ спору двухъ умныхъ существъ, претерпѣвшихъ одно отъ другого тяжкую обиду укореніемъ знатности рода. Пошли писать; пишутъ и по нынѣ, и будутъ писать еще долго, долго, пока спорящіе непомиратся; но врядъ ли послѣдуетъ между ними когда-либо миръ, потому-что особенный случай воспрепятствовалъ тому.

Разказъ да послужить вмѣсто предисловія, потому-что мы уже не обратимся къ процессу Шпака съ Тпрунькевичемъ, но обстоятельство это довести до свѣдѣнія мы обязаны были, какъ видно будетъ изъ послѣдствій.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Кирилъ Петровичъ Шпакъ въ молодости своей служилъ немного въ военной службѣ и еще менѣе того въ гражданской по выборамъ. Изъ первой онъ долженъ былъ поспѣшить

выйти по причинѣ разнесшихся слуховъ объ открывающейся войнѣ съ турками; а вступивъ изъ кандидатовъ въ засѣдатели верхняго земскаго суда, располагалъ продолжать службу со всѣмъ рвеніемъ — должность пришлась по немъ — но послѣ двухмѣсячной службы его судъ сей былъ уничтоженъ, и онъ возвратился въ деревню.

Родители его померли, и онъ былъ полновластный помѣщикъ 357 душъ со всѣми угодьями. Онъ успѣшилъ исполнить обязанности дворянина: женился на дочери помѣщика значительнаго, устроилъ порядокъ по хозяйству, нанималъ управляющаго за значительную сумму, и самъ иногда, при свободномъ времени, входилъ въ положеніе дѣла по экономіи. Иногда, въ свободное время. Точно, ему рѣдко выходилъ досугъ. Онъ очень любилъ заниматься политикою, и для удовлетворенія своей страсти онъ платилъ архивариусу своего уѣзднаго суда, чтобы тотъ, по прошествіи года, доставлялъ ему всѣ сполна NN Московскихъ вѣдомостей истекшаго года. Привозъ сихъ «политическихъ матеріаловъ», какъ называлъ вѣдомости Кириль Петровичъ, отрывалъ его отъ всѣхъ занятій; онъ уединялся въ свой «кабинетъ» — такъ онъ называлъ свою особую комнату, гдѣ на столѣ, кромѣ чернильницы, песочницы, счетовъ и при столѣ стула, небыло ничего болѣе. Тутъ онъ прежде всего принимался складывать вѣдомости по страницамъ, для чего много нужно было времени, потому что въ уѣздномъ судѣ читали ли газеты, или нѣтъ, но онѣ перемѣшаны были порядочно. Приведя все это въ порядокъ, Кириль Петровичъ самъ шивалъ каждый N., боясь поручить это дѣло кому неграмотному; тотъ бы опять перемѣшалъ листы и доставилъ бы ему новый трудъ и заботу.

Уладивъ такимъ образомъ, тутъ уже онъ принимался за чтеніе. Чтеніе же у него происходило не обыкновеннымъ, но собственно имъ придуманнымъ порядкомъ. Во-первыхъ онъ «отчитывалъ», какъ онъ говорилъ, всѣ внутреннія извѣстія и узаконенія, со всѣми происшествіями, по Россіи бывшими. Окончивъ извѣстія въ 104-мъ N, онъ съ самодовольствомъ поглядывалъ на жену свою и говорилъ ей: «Ужъ теперъ, Фенна Степановна, я все знаю, маточка, что въ прошлый годъ въ Россіи сдѣлалось».

— Вамъ ли незнать, душечка? отвѣтствовала Фенна Степановна. Вы знаете что и за Россією дѣлается.

«О, нѣтъ еще; а вотъ къ концу года буду знать все, только немѣшайте мнѣ, маточка!»

И тутъ онъ удалялся въ свой «кабинетъ» и принимался отчитывать все происходившее въ Испаніи. Онъ былъ ревностный защитникъ правъ малолѣтней королевы, а Донъ Карлоса со всѣми карлистами немогъ терпѣть и бѣсился при удачѣ ихъ. Внимательно проходя отъ N до N дѣла испанскія, какъ онъ былъ однажды взбѣшонъ на редакцію вѣдомостей, и вотъ за что: начиталъ онъ въ статьѣ объ Испаніи, что христіносы разбили карлистовъ знатно; онъ торжествовалъ и веселился — какъ, отчитывая Францію, нашолъ, что то извѣстіе о разбитіи карлистовъ было ложное... Ужъ досталось же всѣмъ: и издателямъ, и сообщившимъ эту статью въ Парижъ... «И зачѣмъ въ Парижъ? почему они прямо у себя ненапечатали?» кричалъ онъ въ сильномъ гнѣвѣ.

«Нетревожьтесь же такъ, Кириль Петровичъ!» уговаривала его Фенна Степановна. «Эти газетчики иновѣрцы, бусурманы, въ постъ ѣдятъ скоромное; такъ ихъ и попеченіе въ томъ, чтобъ православныхъ тревожить, вотъ какъ и васъ теперь взбѣсили. Плюньте, душечка, на нихъ».

Отчитавши всѣ статьи объ Испаніи, онъ принимался за Францію, по его примѣчанію, больше всѣхъ способствующую христіносамъ; потомъ отчитывалъ прочія государства и заключалъ Англію, нелюбимую имъ за подвозъ оружія карлистамъ. За политикою слѣдовало отчитываніе объявленій казенныхъ и потомъ частныхъ, все-же попорядку. Когда начиналъ о продажѣ имѣній, то прочитывалъ всѣ объявленія сего рода до конца, и потомъ о продажѣ книгъ, забѣжавшихъ собакахъ и проч. и проч., все же подъ одинъ разборъ.

Въ субботу нарушалось его чтеніе въ «кабинетѣ». По заведенному Фенною Степановною порядку, въ этотъ день должны быть перемыты всѣ полы въ домѣ. Какъ же они съ первыхъ дней супружества дали другъ другу слово заниматься особыми частями хозяйства и въ чужія распоряженія невмѣшиваться и непрепятствовать, потому Кириль Петровичъ съ утра каждой субботы, схватя свои вѣдомости, уходилъ, при благопріятной погодѣ — въ садъ, а въ противномъ случаѣ къ столярамъ, въ рабочую, гдѣ при стукѣ долотъ и молотковъ радовался пораженію карлистовъ.

Невыгодны были для него подобныя переселенія. Въ «кабинетѣ» онъ запираля двери на крючокъ и непускаля къ себѣ Фенны Степановны ни за что, пока неокончить статьи. Въ садъ же и столярную она входила свободно, и безъ дальнихъ приготовленій прерывала мужнино чтеніе. Впрочемъ причины, по коимъ она приходила къ нему, были, по ея мнѣнію, довольно важныя и нетерпящія отлагательства какъ на прим. слѣдующая.

Въ одну изъ субботъ, Кирилъ Петровичъ, проснувшись ранѣе обыкновеннаго и ожидая нашествія поломоекъ съ ведрами и судками, схвативъ Московскія вѣдомости, въ халатѣ, туфляхъ и колпакѣ, вышелъ въ садъ и расположился на скамейкѣ, подъ развѣсистую яблоню. Неожиданно попалась ему статья, извѣщающая о сильномъ пораженіи карлистовъ. Съ наслажденіемъ перечитывалъ онъ статью въ третій разъ и затверживалъ о числѣ убитыхъ, чтобы подробно пересказать сосѣдямъ при случаѣ, какъ вдругъ приходитъ къ нему Фенна Степановна...

Онъ ее замѣтилъ еще издали и уже тревожился заранѣе, что будетъ прерванъ и въ интересномъ мѣстѣ... Она подходитъ и, не обращая вниманія на суровость, видимую уже на лицѣ его, приблизясь къ нему, говоритъ:

«Вотъ куда они забрались! Я васъ, душечка, по всему дому искала».

Кир. Петр., приставивъ палецъ къ газетамъ, продолжая читать «потеря Карлистовъ простиралась...» но видя, что жена подошла къ нему и остановилась, слѣдовательно неотойдетъ безъ ответа, Гдѣ же мнѣ въ домѣ усидѣть, когда всѣ полы моютъ?

Фенна Ст. Помилуйте вы меня, гдѣ же моютъ? Проплали каналы долго и только теперь еще готовятъ.

Кир. Петр. Ну ужъ вышелъ, такъ вышелъ, назадъ не пойду. Да что вамъ, маточка, тамъ надо?

Фенна Ст. Дѣло есть, душечка, поговорить.

Кир. Петр. У васъ всегда найдется тутъ дѣло, когда я займусь чѣмъ. Дайте жъ мнѣ, маточка, вотъ немного времени: завязалось сраженіе и, кажется, будетъ кровопролитное. Дочитаю, займуся съ вами.

Фенна Ст. Да ну-те же полно! Ужъ какъ примутся сражаться, такъ ничѣмъ и заняться нехотятъ. Вспомнили бѣ и свои лѣта: куда уже вамъ думать о кровопротитіи?

Кир. Петр. Охъ, какія вы докучливыя! Ну-те уже говорите, что вамъ надобно, да и оставьте меня.

Фенна Ст., вынимая изъ кармана пузырекъ. А вотъ, душечка, что. Нехотите ли принять лѣкарства?

Кир. Петр. Помилуйте меня, маточка! Я совсѣмъ здоровъ; на что мнѣ лѣкарство и какое оно?

Фенна Ст. Такъ чтоже, что здоровы? Станете еще здоровѣе; лишнее здоровье никогда немѣшаетъ. А это лѣкарство отъ колики. Нате-ка выкушайте.

Кир. Петр. Да меня нигдѣ неколетъ., и тутъ, придя въ холерическое состояніе, отодвинулъ отъ себя газеты и началъ говорить съ жаромъ. Помилуйте меня, Фенна Степановна! это разореніе съ вами! Что вамъ вздумалось здороваго человѣка лѣчить?

Фенна Ст. Я вовсе не лѣчу, а хочу усилить еще больше здоровье ваше. Видите что: прибирая у себя въ шкафѣ, смотрю, баночка съ лѣкарствомъ. Помните ли, душечка, прошлаго года зимою, я поѣла на ночь буженины съ чеснокомъ, и меня схватила колика—чуть души Богу неотдала; спасибо, Иванъ Ѡмичъ тогда прописалъ мнѣ это лѣкарство...

Кир. Петр. Такъ тоже у васъ колика была, а не у меня. Вы же, маточка, тогда буженины на ночь накушались, а я вчера почитай и неужиналъ. Оно же прошлогоднее, никакого дѣйствія непроизведетъ. Лучше вылейте его.

Фенна Ст. Помилуйте вы меня, Кирилъ Петровичъ! я вамъ ненаудивляюся. Человѣкъ вы съ такимъ умомъ, а какія нелѣпости представляете. Вылить! Какъ-таки вылить, когда вещь стѣитъ рубль двадцать копѣекъ?

Кир. Петр. съ жаромъ. Помилуйте же и вы меня, Фенна Степановна! Я тутъ и въ толкъ ничего невозьму: у человѣка все благополучно и нигдѣ неколетъ, такъ пей прошлогоднее лѣкарство, чтобъ деньги непропали! И съ чѣмъ его принимать, съ чаемъ или съ виномъ?

Фенна Ст. И сама незнаю, что-то забыла, а ерлычокъ оторвался. И того непомню, внутрь ли его принимать, или

снаружи мазать? Ей Богу, непомню, хоть сей часъ убейте меня, непомню! *Ласкаясь къ нему.* Да нужды нѣтъ, душечка, тутъ его немного, всего одинъ приѣмъ; любя меня, и несчувствуетея какъ проглѣтите. Натѣ-же выкушайте.

Кир. Петр. Умилосердитесь надо мною, Фенна Степановна! Что вамъ за капризъ приполѣ мною какъ пашкою играть? Я, кажется, вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, чтобы мною управлять; я хочу жить своимъ умомъ. Ну, хорошо, я его прійму, а оно наружное? мнѣ оборветъ горло, или уста сожметъ, что и хлѣба куска непропихну въ ротъ. А если еще оно съ шпанскими мухами, такъ что тогда будемъ дѣлать? Ну, когда вамъ жаль денегъ, такъ отдайте выпить Мотрѣ.

Фенна Ст. Ея ли холопскому горлу глотать по рублю двадцати копѣекъ? Гдѣ вашъ разсудокъ?

Кир. Петр. Такъ идите же себѣ ради Бога! Хоть сами выпейте, хоть собакѣ отдайте, мнѣ все равно. Немѣшайте мнѣ читать газетъ. *Читаетъ.*

Фенна Ст., отойдя отъ мужа. Такъ уже и съ собакою меня сравнивали! Прекрасно! Ужъ я давно замѣтила, что газеты предпочитаютъ супружескому согласію, и уже неспрашивай, чтобы женѣ угодное что сдѣлать!... Что за чудный нравъ у нихъ дѣлается! Чѣмъ болѣе старѣются, тѣмъ больше во всемъ отказываютъ, и къ нимъ ни приступу... тотчасъ осердятся.

Послѣднія слова она проговорила сквозь слезы, а пришедши къ себѣ въ комнату, она порядочно всплакнула и оставила всѣ наблюденія за мытьемъ половъ.

Фенна Степановна была дочь помѣщика съ порядочнымъ состояніемъ. Воспитана по тогдашнему, и научена всѣмъ частямъ домоводства. Читать могла только утреннія и на сонъ грядущихъ молитвы; далѣе въ молитвенникъ незаглядывала, а о гражданскомъ боялась и помыслить, почитая все глупостию, вздоромъ, грѣховнымъ писаніемъ (какъ будто читала нынѣшнія книги!). Вышедши за-мужъ за Кирилу Петровича Шпака, она во всей строгости исполняла правила, внушонныя ей въ отношенія къ мужу: почитала его умнѣйшимъ, совершеннѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но тщеславила, когда могла уличить его въ какой ошибкѣ, недосмотрѣ или неоснователь-

номъ сужденіи въ семейныхъ дѣлахъ. Подъ старость эта слабость въ ней усилилась, и она при каждомъ случаѣ упрекала его, неравбывая, справедливы ли ея замѣчанія. Въ распоряженія его по хозяйству она вовсе не входила, и хотя бы «Кириль Петровичъ приказали» зимою пахать, а лѣтомъ оставили траву въ полѣ некосить, она не вмѣшивалась, и въ подобныхъ случаяхъ, махнувъ рукою, говаривала: «они мущина, это ихъ дѣло». Свою же часть, домашнее хозяйство, знала въ совершенствѣ и превосходно все устраивала. Какъ отлично выкармливались у нея кабаны, поросята и вся домашняя птица! Какіе хлѣбы, пироги, вареники, ватрушки, борщи разныхъ сортовъ, наливки со всѣхъ ягодъ и плодовъ, водки на разныхъ кореньяхъ двоенныя, это прелесть! За пятьдесятъ верстъ въ окружности и подобнаго неможно было найти. Ужъ подлинно съ удовольствіемъ часто сѣзжавшіеся къ нимъ гости проводили время. Именно окармливаемы были! Во всемъ домѣ чистота удивительная. Малороссійская барыня въ совершенствѣ!

Можно было осудить ее за невниманіе къ туалету, но она—у себя дома; при томъ же столько частей нужно было осмотрѣть съ самаго ранняго утра, и потому то она, лишь пробуждалась, схватывала, разумѣется, юпку, на босу ногу башмаки и, прикрывъ свои «роскошныя плеча» большимъ кашемировымъ платкомъ, купленнымъ въ Ромнахъ на ярмаркѣ еще въ 1818 году, приносила утреннія молитвы. Послѣ моленія исходила на дѣла свои. А какая добрая была! При такомъ множествѣ частей хозяйственныхъ, требующихъ ея распоряженій, наставленій, приказаній, она, при неисправностяхъ—гдѣ безъ нихъ бываетъ?—не то, чтобы несердилась, безъ того не можетъ ни одинъ человекъ пробыть, и она сердилась и крѣпко сердилась, но никого не потузила, не дала пощочины и не порвала за волосы и даже за ухо. Въ самомъ сильномъ гнѣвѣ, она иначе небранила виновную, какъ «какая ты безтолковая!» Если обстоятельства не требовали, она цѣлый день перемѣняла своего утренняго костюма, къ довершенію коего, я забылъ сказать, она носила на головѣ платокъ темнаго цвѣта, фигурно навязанный и укрѣпленный булавками на сахарной бумагѣ, и этотъ уборъ она, снявъ на ночь, ставила подлѣ себя и, вставая, прежде всего спѣшила накладывать, всегда готовый и въ порядкѣ, на голову, подбирая подъ него длинные, черные волосы. Это было у нея правиломъ религіознымъ. Она слѣпо

вѣрила, что замужняя женщина, непокрывъ головы и нескрывъ на ней до послѣдняго волоска, призываетъ гнѣвъ Божій: неурожай хлѣба, болѣзни на людей, падежь скота и т. п., и потому крѣпко береглась, чтобъ «несвѣтитъ волосомъ».

Когда же докладывали, что прикащикъ или посторонній, кто имѣлъ къ ней надобность, тутъ, она, несмотря на время года, вдѣвала на себя матушкину приданую зеленого штофа съ опушкою сибирокъ епанечку, и допускала къ себѣ требователя аудіенціи, и часто, въ жару разговора или при сильныхъ доказательствахъ, когда ей нужно было размахивать руками, епанечка уходила вся за спину, удерживаясь только на шеѣ завязанными лентами, и для бесѣдующаго съ Фенною Степановною тогда было все равно, если бы она и невдѣвала епанечки.

Но когда, завидѣвъ ѣдущихъ гостей, извѣщали ее, тутъ шло все иначе. Приказавъ лакеямъ выдать изъ кладовой нѣмецкіе сапоги и синяго сукна сертуки и подтвердивъ ключницѣ наблюдать, чтобы они скорѣе одѣлись и были по своимъ мѣстамъ, посылала къ Кирилу Петровичу объявить, чтобы скорѣе «умылися и нарядились», и сама принималась за себя: вдѣвала ситцевой съ большими разводами капоть, покрывала его персидскимъ бѣлымъ платкомъ, снимала съ головы вѣчный уборъ и вдѣвала особо для такихъ случаевъ приготовленный чепчикъ, сдѣланный «мадамою» на Роменской ярмаркѣ въ томъ же 1818 году; но тогда на немъ были ленты розоваго цвѣта, а теперь, когда Фенна Степановна устарѣла, то перемѣнены на желтыя.

Она у родителей была единородное дитя, и по смерти ихъ довольно порядочное имѣніе присоединила къ мужнинуму, но никогда не называла его своимъ, или даже нашимъ имѣніемъ, а всегда говорила: «ваше имѣніе, съ вашего имѣнія пріѣхалъ человекъ», доказывая: «когда я ваша, то уже не имѣю собственнаго ничего, все мое—ваше, такъ намъ законъ повелѣваетъ....»

Сколько ни имѣла заботъ по хозяйству Фенна Степановна, но всегда выходили у нея часы свободныя, въ которые она, взявши чулокъ, или мотая нитки, могла бы и желала бесѣдовать съ «ними», съ Кириломъ Петровичемъ, но «они» Богъ знаетъ какъ пристрастилися къ газетамъ и на нихъ мѣняють

свою жену, данную имъ отъ Бога помощницу, сотрудницу и собесѣдницу. «Такъ вотъ же кого они мнѣ предпочитаютъ! И кто выдумалъ эти газеты, такъ желаю, чтобъ ему такъ легко было сочинять ихъ, какъ мнѣ горевать одной. И что тамъ такого написано? Вздоръ, ересь, расколъ, развратъ. Можно ли человѣку знать, что въ сосѣдствѣ дѣлается? а газетчикъ знаетъ, что и во всемъ свѣтѣ дѣлается; можно ли этому повѣрить? Вѣрно, фармазонъ какой-нибудь! Да ба, разстроиваетъ наше супружеское согласіе!»

Такъ она горевала почти каждый день, когда Кириль Петровичъ сражался съ карлистами за испанскую королеву; въ этотъ же день, когда онъ рѣшительно отказался выпить лѣкарство, прописанное Феннѣ Степановнѣ отъ имѣвшейся у нея въ прошломъ году колики, и въ добавокъ примолвилъ, что либо ей выпить, или собакѣ отдать, для него все равно—она припомнила все, и что къ ней примѣнили даже собаку... Отъ такой обиды она горько плакала.... какъ вдругъ вошелъ Кириль Петровичъ....

«Чего это вы, маточка, плачете?» спросилъ онъ ее, перемѣнивъ веселый видъ, съ какимъ вошелъ въ комнату, на смущенный и нѣсколько показывающій сожалѣніе и раскаяніе.

Фенна Ст. Я и сама удивляюсь. Собаки, кажется, никогда не плачутъ.

Кириль Петр. скоро и итovsky самъ заплакать. Какъ, собаки? Что это вы, маточка, говорите?

Фенна Ст. Такъ, собаки. Вѣдь я и собака для васъ все равно.

Кириль Петр. Эхъ, Фенна Степановна, какія вы? Я показывалъ вамъ мое равнодушіе къ лѣкарству: хотя собакѣ его отдайте, или.... то-есть.... какъ бы это сказать.... вы меня непоняли.... я хотѣлъ предложить.... чтобы вы его сами выкушали....

Фенна Ст. Говорите, что хотите, а я понимаю такъ, что въ вашемъ разумѣ я и собака все едино.

Кириль Петр. Вольно вамъ такъ понимать. *Молчаніе.*

Кириль Петр., вдругъ вскрикнувъ. Развѣ вы меня не знаете, что я холерикъ? Возьмите Брюсовъ календарь, прочтите; тамъ живо описанъ мой характеръ и планета, подъ которою я ро-

дился; все васъ увѣрить, что я настоящій холерикъ, а такого темперамента человѣкъ вдругъ вспылить, словно вино вспѣнить, но шумить, пока пѣна; а пѣна улеглась, онъ опять тихъ и кротокъ. Сангино-холерикъ, тотъ уже нетакъ. Не прочиталь ли вамъ, маточка?

Фенна Ст. Богъ съ вами, я немогу вспомнить про свѣтское писанье.

Кар. Петр. Оно и свѣтское и духовное по-поламъ. Ну, да нужды нѣтъ; я только приполъ вамъ доказать, что я холерикъ.

Фенна Ст. Развѣ же холерику можно жену ругать собакою?

Кири. Петр. Я про то и говорю, что онъ въ холерѣ, т. е. въ запальчивости, наговорить въ десять разъ хуже; но, какъ онъ холерикъ, вотъ какъ я, то въ минуту отойдетъ и раскается и готовъ просить прощенія, вотъ какъ и я.

Фенна Ст. съ прояснившимся взоромъ. Такъ вы готовы просить у меня прощенія?

Кири. Петр. Тысячу разъ готовъ! Я нелюблю, когда кто имѣеть неудовольствіе на меня, а вы и подавно. А чтобы васъ формально успокоить, то пожалуйста мнѣ баночку съ лѣкарствомъ: я при васъ ее и выпью.

И дѣйствительно, добрый Кириль Петровичъ, чтобы успокоить свою еще добрѣйшую Фенну Степановну, готовъ былъ и тутъ же выпилъ бы прошлогоднее лѣкарство, но Фенна Степановна, идучи отъ мужа въ горести, лѣкарство, несмотря, что за него заплачено рубль двадцать копѣекъ, вылила на землю, а баночку, въ чемъ оно было, отдала ключницѣ спрятать.

Слово за слово, супруги приступили къ миру, но Фенна Степановна по обычаю недала и теперь руки мужу поцаловать. Это въ ея понятіи было «раболѣпство», а мужу передъ женою раболѣпствовать непригодно. Громкій, сладкій поцалу запечатлѣлъ миръ и супружеское согласіе.

Бракъ ихъ былъ награжденъ двумя сыновьями и одною дочерью. Сыновья померли отъ оспы, года черезъ три одинъ за другимъ; осталась въ отраду и утѣшеніе «Пазинька», такъ ввовая родителями въ дѣтствѣ и до 18-ти лѣтняго возраста.

До двѣнадцати лѣтъ, Пазинька, окруженная няньками, сказочницами, шутихами, раскатицами, «бабусями, знающими,

чѣмъ пособить отъ уроковъ и сглаживанія», ходила въ дѣтской рубашечкѣ, подпоясанная широкою атласною розовою лентою съ большимъ назади бантомъ. Сосѣдки порицали за это Фенну Степановну, совѣтовали, упрашивали, чтобы она принарядила ее уже въ приличное возрасту платье. «От-сѣ-ше!» восклицала Фенна Степановна въ отвѣтъ: «я у своей матери до пятнадцати лѣтъ такъ ходила. Пусть чувствуетъ, что у нея есть родители, пусть наслаждается свободою во всемъ. Вѣкъ ей длинень. Натерпится и не отъ однѣхъ снуровокъ и завязокъ». Но обычаи вѣка, правила общежитія потрясаютъ самые упругіе характеры и принуждаютъ ихъ отступить, хотя въ части, отъ своихъ намѣреній и слѣдовать за общимъ мнѣніемъ.

Осипъ Прѣкоповичъ Опецковскій былъ важный помѣщикъ въ томъ повѣтѣ, не по богатству своему (оно было посредственное), но по высокому росту, величавой фигурѣ, разноцвѣтнымъ фракамъ съ металлическими пуговицами, важно-протяжному разговору и употребленію въ рѣчахъ модныхъ словъ, какъ-то: по поводу чего, принявъ въ соображеніе, устремивъ вниманіе, выведя результатъ и т. п., которыя онъ всегда свѣжія и новыя вывозилъ изъ губернскаго города, куда акурать— такъ говорилъ онъ — ѣздилъ два раза въ годъ, удостоивался встрѣчаться съ ихъ превосходительствомъ, почтеннѣйшимъ г. гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ (слѣдовало имя и полное отчество), былъ отъ него ласково привѣтствованъ и, «по видимому», ихъ превосходительство желали бы меня пригласить къ своему обѣду, но «принявъ въ соображеніе» свои многотрудныя занятія и мои обязанности по дѣламъ, отложили эту честь до будущаго времени, по поводу чего я имѣлъ свободу заниматься дѣлами; но скажу вамъ откровенно, что изъ неоднократныхъ моихъ разговоровъ съ ихъ превосходительствомъ г. губернаторомъ я узналъ важную новость.... жалѣю, что не могу вамъ открыть ее, по поводу того, что ихъ пр-во вѣрили мнѣ за тайну; результатъ будетъ тотъ, что вы удивитесь, ибо ихъ пр-во, принявъ въ соображеніе.... но я далѣе не могу открывать». Такими загадками говорилъ Осипъ Прѣкоповичъ; и когда, хотя мѣсяца черезъ три по возвращеніи его изъ губернскаго города, кто-либо изъ подсудковъ и другихъ членовъ въ повѣтѣ былъ переменяемъ и молва объ этомъ быстро переносилась отъ одного помѣщика къ другому и доходила до Осипа Прѣкоповича, то онъ прехладнокровно отвѣчалъ: «я объ

этомъ результатѣ зналъ прежде: ихъ превосходительство почтеннѣйшій нашъ и проч. губернаторъ изволили мнѣ лично объявить за тайну, когда я въ послѣдній разъ былъ въ губернскомъ городѣ; я вамъ предсказывалъ объ этомъ; моя дипломатика это предвидѣла».

Какъ же повѣтовому дворянству не уважать было такого челоуѣка, а тѣмъ еще болѣе, что у него была карета о шести стеклахъ, вымѣненная имъ за старую на Роменской ярмаркѣ, и какой во всемъ губернскомъ городѣ, даже и при съѣздѣ на выборы, невидно было?

Жена его Аграфена Семеновна—изъ дочерей помѣщиковъ, уважавшихъ «талантъ и дарованія» г. Опецковскаго. Когда онъ предложилъ ей руку и сердце свое, то всѣ родные ея «вмѣнили себѣ въ особенную честь таковой союзъ» и послѣшили устроить его, и затѣмъ всѣ они стали важнѣе, надменнѣе противъ сосѣдей по поводу родства съ Осипомъ Прокоповичемъ; фамилія его нигдѣ и никѣмъ небыла произносима: такъ громко было одно имя его и извѣстно вездѣ. «По поводу чего» немудрено, что Аграфена Семеновна также надулась, какъ и важный супругъ ея. Превжнихъ подругъ своихъ она едва узнавала и рѣдко удостоивала ихъ своими ласками. Съ нашею Фенною Степановною она немогла никакъ сладить. Эта добрая, прямая душа была противъ нея всегда одинакова. Онѣ вмѣстѣ росли и играли въ дѣтствѣ. Привыкнувъ звать ее «Горпинькою» съ первыхъ дней, Фенна Степановна такъ называла ее и замужнюю, посреди многочисленнаго собранія, и непримѣчая, что та вмѣсто прежней «Феси» зоветъ Фенною Степановною и «вы». Она, непримѣчая ничего, оставалась по-прежнему: «Горпинька да Горпинька» и «ты, душка». Что прикажете съ нею!

Такимъ важнымъ особамъ, какъ Осипъ Прокоповичъ и Аграфена Семеновна, слѣдовало дѣтямъ своимъ доставить воспитаніе блестящее. По поводу чего сыновей опредѣлили они въ пенсіонъ, содержимый гимназическимъ учителемъ въ губернскомъ городѣ, а для дочери выписали изъ Москвы мадамъ иностранку. Madame Torchon, прибывъ въ домъ Опецковскихъ, увидѣла, что ей въ такомъ домѣ, гдѣ живутъ открыто и гдѣ всегда людно, жить можно. Она породю была русская, прежде работала въ Москвѣ въ модномъ магазинѣ, гдѣ и получила

первое основаніе французскаго языка. Вышедши замужъ за м-г Тогшон, она перебивала съ нимъ во многихъ домахъ, гдѣ мужъ ея былъ камердинеромъ, гувернёромъ, наставникомъ, и наконецъ въ дальнемъ губернскомъ городѣ содержалъ мужской пансіонъ. Пятнадцать лѣтъ такой практической жизни образовали бывшую Аленку, нынѣ м-ше Тогшон, до того, что она, овдовѣвъ, рѣшилась заняться образованіемъ дѣвицъ въ провинціи и на сдѣланное предложеніе комисіонера г-на Опецковскаго согласилась немедленно. Дорога была плата этой «иностранной мадамъ»; такъ жаловался Осипъ Петровичъ, но и придумалъ пособить своему горю. «По поводу чего» предложилъ онъ своей Аграфенѣ Семеновнѣ пригласить знакомыхъ и «равныхъ съ ними» помѣщиковъ поручить дочерей своихъ образованію м-е Тогшон, съ платою за каждую по сту рублей ассигнаціями.

Желающихъ явилось до того, что на обязанности гг. Опецковскихъ лежало только кормить и поить м-ше Тогшон съ пенсіонерками. А что значило кормить ихъ въ такомъ домѣ, гдѣ и безъ того съѣзжались частые гости, дабы имѣть честь пообѣдать у Осипа Прѣкоповича и услышать, въ какомъ фракѣ ихъ пр-во г. губернаторъ изволили быть «на кушаньѣ» у такого то и о чомъ съ кѣмъ говорили?

Аграфена Семеновна, вербовавшая пенсіонерокъ для м-ше Тогшон, обратила вниманіе на Пазиньку, дочь Фенны Степановны. Сколько стоило это Аграфенѣ Семеновнѣ! Она три дня прожила у г-жи Шпакъ и во всѣ три дня ничего болѣе отъ нея неслыхала, какъ: «ни за что въ свѣтѣ! ни за какіе миліоны! хоть сей часъ убейте меня! Несоглашусь и несоглашусь! Къ чему ей ученіе? Она, благодаря родителямъ... а болѣе одному Кирилу Петровичу, будетъ имѣть болѣе 500 душъ, и при такомъ состояніи должна, какъ раба, сидѣть за книжкою пѣлый день! А что выучить, хотя бы и изъ иностраннаго? Обманывать мужа, баловать дѣтей, проматывать имѣніе, ѣсть по постамъ скоромное, держать при себѣ собачку? Вотъ вамъ и наука! Руководлія къ чему ей знать? Мало у нея своихъ рабовъ? Захочетъ, заведетъ и кружевницъ, и коверницъ, и всякихъ сортовъ руководѣльницъ, а сама, какъ есть имъ барыня, будетъ, ручки сложа, сидѣть, да готовыя работы принимать».

Много, много подобныхъ сему премудрыхъ причинъ представляла Фенна Степановна, что ученіе для ея дочери вовсе

ненужно; но наконецъ должна была повиноваться волѣ и желанію «главы своей», Кирила Петровича. Онъ начиталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о пользѣ воспитанія дѣвиць, и какое имѣютъ вліяніе на общество образованныя женщины. Прочелъ, рѣшился и повелѣлъ супругѣ уступить необходимости. Чего стоило исполненіе того чувствительному сердцу Фенны Степановны!

Какъ бы то ни было, на двѣнадцатилѣтнюю Пазиньку, сверхъ носимой ею до того рубашечки, надѣли платьє, косыночку, прибрали волосы, принарядили во всемъ—вышла дѣвочка, хоть куда! Точно обливъ горькими слезами дочь свою, Фенна Степановна проводила ее, взявъ съ Горпиньки страшную клятву невздѣвать на Пазиньку снуровки и незавязывать крѣпко ей платьєвъ, не кормить въ постѣ скоромнымъ и неизнувать ее ученємъ, а пусть учится такъ, «лишь бы день до вечера, негляже». Изъ иностранныхъ словъ это болѣе нравилось Феннѣ Степановнѣ, и она употребляла его вмѣсто: «безъ вниманія».

Увели Пазиньку, привезли въ домъ Опецковскихъ и поручили въ полное завѣдываніе и распоряженіе m-me Torchon. Сія учоная женщина, составивъ пенсіонъ, принялась въ немъ учреждать порядокъ. Прежде всего она обратила вниманіе на имена своихъ учениць: вспомнивъ, какъ это бывало въ модной лавкѣ, гдѣ она узнала свѣтъ и получила образованіе, она поступила по тому правилу и всѣмъ перемѣнила названія. Хозяйская дочь Евгенія Осиповна стала Эвжени; наша Пелагея Кириловна—Полина; другія... но какъ до другихъ у насъ не коснется дѣло, то мы и умолчимъ. Затѣмъ приступлено къ ученію и образованію.

Фенна Степановна никакъ немогла привыкнуть къ своему горю. Одною отрадой было ей отправленіе каждую недѣлю къ Пазинькѣ разныхъ булочекъ, коврижекъ, маковниковъ, разныхъ вареній и сластей. Бѣдныя пенсіонерки едва всѣ вмѣстѣ могли сѣдаты въ недѣлю, что присылаемо было для одной подруги ихъ Полины! Непрошло полгода, какъ Фенна Степановна пожелала сама навѣстить милую дочку; но за сборами, приборами, недосугами, опасеніями, на кого оставить Кирила Петровича при его сомнительномъ здоровьѣ: «прошедшую ночь они частенько покашливали», въ такихъ заботахъ и попеченіяхъ,

*

пока также перековали лошадей, перетянули шину у задняго колеса вѣчной коляски, въ которой должно было предпринять путешествіе, долго откладывали поѣздку; наконецъ собралась и поѣхала наша Фенна Степановна къ своей пріятельницѣ, къ Горпинькѣ, чтобы повидаться съ своею Пазинькою.

Но что это?... Она располагала прогостить у нея недѣли двѣ, пожить подолѣе съ своею дитятею, а тутъ только третій день, въ который уже Кириль Петровичъ рѣшительно пропалъ отъ скуки и уже намѣревался завтра ѣхать къ Феннѣ Степановнѣ, а тутъ третій только день, глядѣть, она уже и возвращается! Что это значить? Незная, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, онъ очутился уже за плотиною, остановилъ коляску, рванулъ дверцы и едва удержалъ бросившуюся къ нему въ объятія Фенну Степановну здоровую и веселую.

«Слава Богу!.... живъ-здоровъ!.... Благодарю Бога, что встрѣчаю здоровую!.... Каково ѣздилъ!....» — Какъ поживалъ безъ меня?.... Были первыя слова при встрѣчѣ восхищенныхъ супруговъ, три дня невидавшихся. Фенна Степановна поспѣшила обрадовать супруга, крича: «привезла, привезла!»

— Кого привезли, маточка?

«Пазиньку, нашу Пазиньку вырвала изъ ада!»

И Пазинька, милая блондиночка, прибранная манерно, съ убранной головкою, съ голубыми, полными крупныхъ слѣзъ глазками, съ краснѣющими отъ удовольствія щочками, обнимала радостно удивленнаго отца и съ жаромъ цаловала руки его.

Послѣ первыхъ, но долго продолжавшихся лобзаній, всѣ они уже пѣшкомъ дошли до-дому. Мотря ѣздилъ съ барыней, и такъ приготовленіе чаю для пріѣзжихъ зависѣло не отъ нея, и потому шло очень неудачно. Вотъ Кириль Петровичъ, отъ радости незная, какъ угостить свою Фенночку, принялся самъ готовить чай. Какъ же это было съ нимъ въ первый разъ отъ роду, такъ и надѣлалъ большихъ промаховъ. Занимаясь приготовленіемъ чаю, онъ безпрестанно либо спрашивалъ, либо отвѣчалъ; цаловалъ либо ручку своей Феннѣ Степановнѣ, либо Пазинькины щочки, а при томъ несводилъ съ нихъ глазъ; то и положилъ въ чайникъ, вмѣсто чаю, сахару и, отвернувъ краенъ у самовара, забылъ о немъ и далъ всей водѣ вылиться изъ самовара, разлиться по столу, перемочить сухари и проч. и проч. Много было смѣху надъ его ловкостію, и онъ прину-

ждень былъ оставить несвойственные ему хлопоты и заняться непосредственно Фенночкою. Между прочимъ онъ спросилъ ее, надолго ли она привезла дочь и для какого случая? Ничьихъ именинъ вблизи нѣтъ, такъ скоро придется и назадъ ее отвозить...

«А, чтобъ они недождали!» вскрикнула Фенна Степановна. «Я и послѣдней рабы своей неотдамъ въ этотъ развратный домъ! Выслушайте только, душечка, терпѣливо и посудите своимъ благоразуміемъ, можно ли отдавать на мученіе и на поруганіе единородную дочь свою? Вообразите: они нашу Пазиньку перекрестили, прости Господи! въ Полину. А припомните, душечка, когда мы были въ Ромнахъ на ярмаркѣ, такъ офицеры говорили про Полину? А кто она была? То-то-же; тфу, да и только. Потомъ такъ ее снуровали, что ей бѣдненькой и дышать тяжело было. Ростъ ей выгнали, видите какой, да дородства нѣтъ ни кэпли. Точно какъ спичка! Когда же ее откормить? А сами окаянныя, и Горпинька туда же, жрали круглый годъ скоромное. Ученіемъ заморили, какъ на каторгѣ. Чему же учились? Эта мадамъ выдумала какихъ-то боговъ; они всѣ до одинаго списаны на картинкахъ и всѣ, тѣфу, голые! А она этимъ невинностямъ и толкуеть. Прекрасныя наставленія! Да чего? вечеромъ вздумали меня забавить; а я уже и такъ весь день какъ въ адскомъ пламени горю! Вдругъ зовутъ меня на комедію. Вообразите, душечка: изъ нашихъ дворянскихъ дѣвиць сдѣлали актѣрщиць! Смотрю, начинаютъ представлять. Что же? Помните, какъ въ Ромны на ярмарку пріѣхали изъ Харькова актѣрщики, и мы пошли въ комедію, а они перерядившись выпустили намъ мельника? Такъ и тутъ. А всѣмъ этимъ комедіямъ самая главная приводчица и порядчица не кто же, какъ сама мадама. Вообразите, душечка, эта тетѣха сама нарядилась въ мужицкую свиту, подвязала бороду, выпачкалася вся въ муку и «вдавала» мельника! Оно живо, спору нѣтъ; настояще какъ пьяный мужикъ, и въ присядку носилась; но женскому полу это уже ни по чему нейдетъ. Мало сама: заставила и благородныхъ дѣвиць одѣться въ мужицкіе балахоны и, подвязавши также бороды, какъ будто урожденные мужики—есть чѣмъ хвалиться!—распѣвать во все горло. А другія перерядились бабами, дѣвками, да когда бы ужъ благородными, а то просто мужичками; и нашу Пазиньку опозорили мужицкимъ сарафаномъ и велѣли съ собою пѣть. Какъ насъ земля непожрала? Горпинька такъ и зали-

вается да потѣшается; а я на-силу высидѣла, и послѣ ужина, призвавъ свою Мотрю, отдала приказъ, чтобы, чуть только станетъ на свѣтъ заниматься, неразбужая хозяевъ, выгнать намъ и Пазиньку взять съ собою. Такъ и сдѣлали. Еще всѣ въ домѣ спали, а я, подхватя Пазиньку, не прощаясь ни съ кѣмъ, уѣхала себѣ. Даже и съ мадамою неразсчиталась, за нею наши деньги; и нужды нѣтъ, лишь бы дитя вырвать изъ вѣчной погибели! Еще же смѣхъ вамъ покажу. Уже Пазинька не кланяется по людски, какъ я, и матушка, и бабушка, и весь нашъ родъ искони бѣ кланялися, а уже присѣдаетъ. Пазинька-душка! присядь-ка по-мадамовски передъ батинькою».

И Пазинька тотчасъ стала въ позитуру, вытянулась, сложила руки, опустила свои длинныя рѣсницы на прелестныя голубыя глазки и начала опускаться почти къ самой землѣ... Старики такъ и покатались съ-смѣху!.. Потомъ, судивши и рядивши долго и находя, что и вообще присѣдать неблагоприсойно, а по-мадамовски присѣдать скверно, гадко, стыдно, зазорно, зловредно, въ слѣдствіе того единожды навсегда запретили Пазинькѣ отнюдь ни передъ кѣмъ не присѣдать. «Пусть непонимающіе дѣла будутъ тебя осуждать, говорила Фенна Степановна, но ты имъ скажи: мои родители, коихъ я чту паче всего, ни сами ни передъ кѣмъ не присѣдаютъ, и мнѣ формально запретили дѣлать такую непристойность. Кланяться же, душка, всякому кланяйся, сколько душѣ угодно; такъ намъ и законъ повелѣваетъ, а о присѣданѣхъ нигдѣ не постановлено».

Кириль Петровичъ, осудивъ и осмѣявъ такое воспитаніе, похвалилъ рѣшимость Фенны Степановны и отъ души поцеловалъ ее. Пазинька же съ слѣдующаго утра вступила въ помпоницы къ матери по всѣмъ частямъ домашняго хозяйства, и года черезъ два она знала, сколько и какого коренья надобно положить въ лембикъ (кубикъ) для передвоенія такой-то водки, какъ каждую изъ нихъ засластить, какъ варить въ сахарѣ какіе фрукты и ягоды, какъ печь отличныя крендели, булочки къ чаю, какъ солить ветчину, выкармливать птицу... Да чего она только по хозяйству не знала? Это, говоря по-учоному, былъ второй томъ Фенны Степановны, только въ красивѣйшемъ переплетѣ.

Пазинька выросла и довольна была своею участію. Утруждаясь отъ присмотра цѣлый день за булочницами, пахтаньемъ масла, прачками, поломойками, она вечеромъ была свободна и занималась чтеніемъ книгъ, тихонько доставляемыхъ ей «господиновою», женою священника, «изъ библиотеки отца Алексія Немутнянскаго», какъ надписано было на каждой книгѣ. Съ-начала дружеская услуга «господиновой» недоставляла никакого удовольствія Пазинькѣ, потому-что приносимыя книги были: «Баумейстерова Логика, Грамматика Ломоносова, Риторика Рижскаго»; но наконецъ «матушка» восхитила Пазиньку, сообщивъ ей «Памелу». Дѣло пошло въ ходъ. Пазинька, живя въ домѣ Опецковскихъ, училась между-прочимъ и русской грамотѣ. Мирошка въ малолѣтствѣ былъ любимцемъ Осипа Прокоповича Опецковскаго и, по примѣченной въ немъ быстротѣ ума, изученъ читать бѣгло и писать чотко. Выростая, онъ распился и распалился, то и сосланъ на конюшню. Когда учредилось въ домѣ Опецковскихъ учное заведеніе и какъ m-me Togchon по какому-то случаю узнала, что Мирошка бѣгло читаетъ, то и предложила взять его съ конюшни и опредѣлить къ ней въ помощники «по части русской литературы», такъ она изъяснялась. Вотъ Мирошка и училъ барышень читать «по російски». Между прочими и Пазинька училась у него и довольно успѣла. Езоповы басни она уже читала прямо по верхамъ, нескладывая словъ.

Езоповы-то басни и приохотили Пазиньку къ чтенію. Живя дома, она скучала безъ книгъ, пока «господинова» не помогла ея горю. Памела была прочитана въ третій разъ, а сколько было пролито слезъ Пазинькою при чтеніи сей трогательной повѣсти, объ этомъ знала ея спальная подушка. И точно, въ третій разъ перечитывая эту усладительную повѣсть, Пазинька плакала болѣе, нежели при первоначальномъ чтеніи, потому-что за третьимъ разомъ она уже свободнѣе разбирала и ясно понимала неудобно до того разбираемыя и понимаемыя ею слова. Узнала бы маменька Пазинькина о ночныхъ ея чтеніяхъ—Боже храни! Досталось бы ей, книгамъ, а всего болѣе этимъ господамъ, что сочиняютъ книги!... Но она этого никогда не знала къ спокойствію дочери.

Со-временемъ Пазинька подружилась съ дочерьми одного изъ сосѣдей своихъ, и завелась съ ними постоянная связь.

Сосѣдки присылали ей, и все секретно отъ матери, «новѣйшія» (такъ онѣ въ 1835 году разумѣли) книги: «Матери-соперницы, Альфонсину, I и III книжки Матильды, Каролину Лихтвильдъ» и нѣсколько подобныхъ имъ, нѣкоторыя вполнѣ, а другія разбитыя въ частяхъ. Пазинькѣ нужды нѣтъ, вполнѣ ли исторія, или въ отрывкахъ; она преусердно перечитывала каждую по три раза и плакала много уже и при первоначальномъ чтеніи, потому что попривыкла бѣгло разбирать и ясно понимать написанное.

Изъ этихъ-то книгъ и изъ рассказовъ по временамъ пріѣзжавшихъ къ ней подругъ Пазинька знала свѣтъ и людей. Сама же родителями небыла вывозима въ него, т. е. ни на ярмарку въ Ромны, ни въ губернской городъ. Такъ она достигла семнадцатилѣтняго возраста.

Фенна Степановна, подобно всѣмъ знакомымъ ей матерямъ, съ четырнадцатилѣтняго возраста дочери своей отобрала самыя большіе сундуки и начала наполнять ихъ всѣмъ возможнымъ, то изъ домашняго произведенія, то покупая у разнощиковъ, все это въ приданое дочери. Сундуки наполнялись и дочка росла. Съ пятнадцати лѣтъ ея мать начала тайно ожидать жениховъ, но не смѣла и сама предаться такой утѣшительной мысли. Но когда уже Пазинькѣ исполнилось полныхъ, законныхъ шестнадцать лѣтъ, тутъ Фенна Степановна въ каждомъ пріѣзжающемъ молодомъ человѣкѣ видѣла жениха, а въ пожиломъ свата: хлопотала о роскошномъ столѣ, приказывала подавать къ обѣду лучшихъ наливокъ и, незамѣтно подходя къ Кирилу Петровичу, шептала ему: «приласкайте, душечка, гостя; мнѣ онъ очень нравится». Но когда гость уѣзжалъ, несдѣлавъ никакого намека, непоглядѣвъ на разряженную и тутъ же скромно и молчаливо сидѣвшую Пазиньку, то Фенна Степановна, проводивъ его, предавалась какому то унынію и по часту вздыхала.

Кириль Петровичъ, разбивши въ-пухъ карлистовъ и оставя чтеніе московскихъ вѣдомостей—безъ того онъ ихъ не оставлялъ, пока неначитывалъ побѣды Христиносовъ—приходилъ къ Феннѣ Степановнѣ и, видя ее горюющую, спрашивалъ:

«Чего вы это, маточка, такъ задумчивы и часто вздыхаете?»

— Ничего, душечка, такъ. Ох-ох-охъ!

«Не прочитаетъ ли вамъ статьи, какъ знатно хрисиносы разбили карлистовъ? Вамъ веселѣе будетъ».

— Богъ съ ними. Я бы и вамъ несовѣтовала заниматься такъ много кровопролитіемъ. Было время, теперь пора бы и ускромиться.

Кириль Петровичъ, досадуя въ-тайнѣ за такое хладнокровіе жены къ важнѣйшимъ проишествіямъ въ Европѣ, уходилъ къ себѣ и въ отраду выкладывалъ на «счетахъ», сколько изъ бывшихъ въ сраженіи Карлистовъ, за убитыми, осталось живыхъ.

Въ одинъ день Кириль Петровичъ, запершись на крючокъ въ своемъ «кабинетѣ» и читая объ испанскихъ дѣлахъ, нашолъ, что у хрисиносовъ опять новый главнокомандующій и, по обыкновенію, престранной фамилии. Онъ, оставя чтеніе, началъ, ходя по комнатѣ, твердить эту мудренную фамилію генерала, какъ тутъ и Фенна Степановна стучить въ дверь и кричить: «а отоприте, душечка, на-часъ».

Кир. Петр. въ сильной досадѣ. Тьфу ты пропасть! Еще этого недоставало? *Ходя по комнатѣ...* Эскар...

Фенна Ст. Да отоприте же!

Кир. Петр. Да чего вы тамъ! мнѣ нѣкогда. Эспантонъ...

Фенна Ст. Какое вамъ нѣкогда? Когда-бъ сражались, а то безо всего ходите по комнатѣ и отказываетесь отъ супружеской обязанности. Отоприте же. *Стучитъ еще крѣпче щеколдою.*

Кир. Петр., съ дасадю отворяя. Ахъ, какія вы несносныя! ну, что вамъ надобно!

Фенна Ст. Уже вы, душечка, сердитесь или нѣтъ, а моя «обовязанность» была прійти и спросить васъ: съ вашимъ-ли вѣдомомъ управляющій потребовалъ отъ ключника разной муки четвертями, а отъ ключницы масла, сала, творогу и полотковъ?

Кир. Петр. Съ моимъ, маточка, съ моимъ. Это я приказалъ.

Фенна Ст. Куда же вамъ этакая пропасть продуктовъ?

Кир. Петр. Охъ, надобно, матушка! Знаете мое дѣло съ Тпрунькевичемъ? Онъ, злодѣй, въ послѣдней просьбѣ осмѣлился написать новую клевету на Шпаковъ, моихъ предковъ;

такъ надобно отписываться. Хвостикъ-Джмунтовскій, мой повѣренный, обѣщался написать удивительное возраженіе, и за это просилъ кое-чего, такъ я и приказалъ ему отправить.

Фенна Ст. Конечно, вы господинъ въ своемъ имѣніи, но я, какъ закономъ данная вамъ помощница, я чувствую свою «обовязанность» и должна вамъ подать совѣтъ: сколько уже стѣдуетъ намъ это дѣло, такъ ужасъ! Не лучше ли бѣ помириться, заплатить за тѣхъ проклятыхъ гусей...

Кир. Петр. съ жаромъ. О, ни за что! Пусть онъ себѣ, этотъ Тпру-тпру-тпрунькевичъ и въ *головахъ* *непокладаетъ*, чтобы я ему хоть одно перышко изъ тѣхъ гусей воротилъ! Онъ коснулся чести моей и всѣхъ Шпаковъ.

Фенна Ст. Какъ себѣ знаете; гдѣ дѣло коснется до чести, то я уже тамъ никакого понятія неимѣю и плюю на все. А подумать бы и вамъ со мною надобно (*тутъ она устала на софѣ и вскорѣ подслѣзъ къ ней и Кирилъ Петровичъ*), чтобы небыло лишнихъ расходовъ. Вотъ-вотъ придется Пазиньку замужъ отдать, такъ чтобы было чѣмъ.

Кир. Петр. Да; признаться сказать, время приходитъ, а жениховъ что-то неслыхать. Приѣзжающихъ я ласкаю, показываю все хозяйственное, часто иного и ночевать оставляю, но все неслышу ни отъ кого и никакого намека.

Фенна Ст. Это удивительное дѣло, да и полно. Кажется, по всему дѣвка: и по хозяйству, чего она только не знаетъ? Да нѣтъ, ба! ей суженаго. Я у батиньки и нетакъ была богата, какъ наша Пазинька, а жениховъ было, что собакъ. А отъ чего? Покойникъ батюшка — о, умная голова была! — поднялся на хитрости: закупилъ всѣхъ смотрителей на сосѣднихъ станціяхъ, чтобы въ одинъ голосъ лгали, рассказывая проѣзжающимъ, что у такого-то помѣщика, то есть у моего батиньки, дочь, барышня, и богатая, и красивая, и разумная. Такъ, вѣрьте или нѣтъ, ежедневно небыло отъ жениховъ отбою.

Кир. Петр., положивъ ей на плечо руку. На все маточка, судьба. Я ни отъ кого неслыхалъ о тебѣ и не зналъ, есть ли ты и на свѣтѣ, а судьба — какъ судьба! Мимоѣздомъ заѣхалъ, да разомъ и влюбился въ тебя по уши... Смотрю, дѣвка кровь съ молокомъ, да подступить не смѣю. Для смѣлости натянулся съ твоимъ батинькой наливки; онъ принялся

за гусли, да какъ дёрнуть *зорлицы*, а я и разносился, да въ присядку...

Фенна Ст., разлаживая на лбу ему волосы, потомъ обняла его. Эта-то горлица меня и доѣхала! Вы носитесь въ присядку, а я такъ и таю... *Цалуетъ его въ лобъ.*

Кир. Петр. Ужъ какъ, что было въ тотъ вечеръ, ничего непомню, а на завтра проснулся твоимъ женихомъ... *Цалуетъ ее.*

Такъ разговаривая и вспоминая прежнее, бывшее, старички забывали о устроении счастья своей дочери, а предоставляли это судьбѣ, которая и ихъ свела для ихъ же блага.

И точно, судьба принялась устроить участь Пазинькину. По близости, въ имѣніи Кирила Петровича, какъ и во всѣхъ близлежащихъ деревняхъ, расположены были квартирами роты пѣхотныхъ баталіоновъ. Въ селѣ нашего Шпака квартировалъ ротный командиръ, капитанъ Иванъ Семеновичъ Скворцовъ, въ формѣ пѣхотный офицеръ: молодъ, строенъ, красивъ, ловокъ, уменъ, смѣтливъ, образованъ, какъ воспитанникъ кадетскаго корпуса, но бѣденъ и неимѣлъ въ виду ни откуда получить что-либо, кромѣ небольшого домишка въ русскомъ губернскомъ городѣ, если прежде него умереть родной дядя, отставной генералъ-маіоръ. Въ этомъ обнадеживалъ дядюшка своего племянника и сверхъ того обѣщевалъ отказать ему и всю движимость, какая останется послѣ него въ домѣ, съ условіемъ только, чтобы племянникъ не женился «безъ расчёту», яснѣе—безъ приданого.

И такъ, видимое дѣло было, что Ивану Семеновичу иначе нельзя устроить своей участи, какъ выгодно женитьбою на достаточной деревенской барышнѣ. При частыхъ перемѣнахъ квартиръ онъ находилъ и достойныхъ невѣстъ также часто; первое дѣло, влюбить въ себя деревенскую дѣвицу, онъ успѣвалъ скоро; и которая бы изъ нихъ уклонилась отъ этой сладости? Года два невидавъ ничего порядочнаго, вдругъ увидѣть красиваго, ловкаго молодого офицера и услышать отъ него льстивыя похвалы... какъ тутъ устоять? И такъ, сдѣлавъ первое дѣло, онъ приступалъ ко второму: какъ почтительный племянникъ, а не какъ жаждущій получить въ наследство старенькій домикъ о пяти комнатахъ, онъ писалъ къ дядѣ, просилъ позволенія на бракъ съ такою. Получивъ

согласіе, приступаль къ третьему: относился къ родителямъ дѣвушки, отъ коихъ всегда получаль отказъ. Эти родители ужасные люди! Имѣя красивыхъ дочерей съ достаточнымъ приданымъ, иначе нехотять выдать ихъ, какъ за богатыхъ, а о бѣдномъ и думать нехотять.

Иванъ Семеновичъ, получая на всѣхъ квартирахъ отказы, нетеряль надежды на будущее, и потому, занявши квартиры въ селѣ Кирила Петровича и услыша, что у него одна дочь, наслѣдница такого имѣнія, которое превышало имѣнія тѣхъ невѣсть, на коихъ онъ когда-либо сватался—тутъ было о'чемъ подумать и расположить планъ атаки—онъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать свое почтеніе хозяину деревни и былъ имъ радушно принятъ. Умный, образованный собесѣдникъ въ деревнѣ—находка и неодному Кирилу Петровичу.

Непрошло полныхъ трехъ дней, какъ Иванъ Семеновичъ выслушавъ всѣ выигрыши христиносовъ, зналь потери карлистовъ, затвердилъ имена генераловъ обѣихъ партій и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда Изабелла, истребивъ всѣхъ мятежниковъ, станетъ покойно владычествовать. Хвалиль масла и медовыя варенья Фенны Степановны (сахарными еще его непотчивали, потому-что онъ гость не изъ важныхъ; отъ наливокъ же онъ съ перваго раза отказался, подъ предлогомъ, что неначиналь еще пить ничего крѣпкаго—условіе необходимое для желающаго войти въ довѣренность родителей), хвалиль и просилъ научить его, какъ это все такъ отлично дѣлается, а онъ бы научилъ тому тѣтушку свою, генеральшу..

«Такъ вашъ дядюшка генераль?» спрашиваль Кирилъ Петровичъ.

— Да-съ.

И послѣ того Кирилъ Петровичъ несадился прежде Ивана Семеновича, и во всемъ сдѣлался къ нему «политичнѣ».

На Пазиньку онъ и несмотрѣль никогда, и въ первый разъ, когда она вошла, Иванъ Семеновичъ и неприподнялся со стула, чтобы ей поклониться, да уже Кирилъ Петровичъ сказалъ: «это дочь наша». Тутъ онъ легко привсталъ и сухо поклонился. Далѣе такихъ поклоновъ дѣло нешло очень долго.

Какъ между-тѣмъ онъ же, Иванъ Семеновичъ, самымъ точнымъ образомъ спиваль газеты Кирилу Петровичу, а сидя въ спальнѣ Фенны Степановны, всколачиваль въ большой бу-

тыли сметану на масло или наблюдалъ за жаромъ жаровни, на коей варилось медовое яблочное «павидло»; потомъ уже бѣгалъ по кладовымъ и отыскивалъ Мотрю къ барынѣ, кличущей ее.

Однимъ словомъ, не прошло и мѣсяца, какъ Иванъ Семеновичъ въ домъ Шпаковъ, нетолько былъ какъ свой, но сдѣлался необходимымъ. Кириль Петровичъ и Фенна Степановна скучали, если Иванъ Семеновичъ по службѣ отлучался на нѣсколько дней, или если даже къ ужину неприходилъ; а обѣ обѣдахъ и говорить нѣчего: онъ обѣдалъ каждый день у Шпаковъ, и уже посуда поставлялась не фаянсовая, а простая, и прислуга была не въ синихъ сертукахъ и не въ нѣмецкихъ сапогахъ.

Уже онъ свободно разговаривалъ и даже запучивалъ съ Пазинькою; она оставила свою робость, и нетолько свободно отвѣчала, но иногда относилась къ нему съ вопросами, на примѣръ: «неприкажете ли подать вамъ покушать ягодокъ какихъ? и т. под. Онъ началъ-было называть ее Пелагеею Кириловною, но Фенна Степановна противъ этого возстала и сказала: «да ну тебя! (дружественное ты онъ приобрѣлъ почти съ перваго знакомства) еще и такую дѣвчонку величать! она дитя противъ тебя, да ты же и капитанъ; Пазинька, да и Пазинька, по нашему».

И Иванъ Семеновичъ со всѣмъ усердіемъ величалъ ее Пазинькою, а въ отсутствіе родителей прибавлялъ: «милая Пазинька».

«Любите ли вы читать книги, милая Пазинька?» спросилъ онъ ее, когда они, вычищая изъ вишенъ косточки для варенья, остались одни.

— О, какъ же! Очень люблю.

«Какой у васъ любимый сочинитель?»

— Люби, Гари и Поповъ. Я только этого сочинителя и читала.

Такому отвѣту неувидился Иванъ Семеновичъ; онъ слыхалъ часто подобные. Ему нужно было съ этой точки начать свою атаку къ невинному сердечку Пазинькиному; и такъ онъ, къ слову пришлось, предложилъ ей книжечекъ еще новѣйшихъ сочинителей.

«Ахъ, сдѣлайте милость, одолжите!» просила Пазинька, «и пожалуста какихъ пожалче: я люблю жалкія исторіи. Только знаете что? Когда будете давать книжки, то какъ можно по-секретнѣе, чтобъ маменька невидала».

Ивану Семеновичу очень непротивно было такое условіе, и Фенна Степановна, точно, никогда незамѣтила, когда онъ приносилъ и передавалъ дочери ея книжечки въ премиленькихъ переплетахъ. Всѣ лучшія творенія нашихъ извѣстныхъ писателей Пазинька уже прочла, оплакала страдавшихъ героевъ въ нихъ, восхищалася ихъ счастіемъ; читала лучшія стихотворенія, и не только читала, но и понимала, разумѣется не красоты и не изящность въ нихъ, а содерженіе; довольно и того для Пазиньки, дочери Кирила Петровича и Фенны Степановны Шпаковъ и ученицы madame Torchon и конюха Миропки.

Одного немогла понять Пазинька: отъ чего это Иванъ Семеновичъ, когда отдаетъ ей книги, то непременно пожметъ ея руку и такъ ей быстро смотреть въ глаза, что ее даже начнетъ морозить со спины; а вотъ недавно началъ при врученіи книгъ уже просить, чтобъ она ему улыбнулась; она исполняла просьбу его, но непонимала для чего это ему? Повѣривъ свою улыбку въ зеркало, она, ненайдя въ ней ничего особеннаго, осталась при своемъ недоумѣніи. Какъ вотъ въ какомъ-то романѣ начитала, не то, что бы подобное тому, но объяснившее, для чего *онъ* это дѣлаетъ!... Ага! бѣдная Пазинька, разгадавши эту штуку, бросила книгу; лежала, думала; щечки ея покраснѣли, глазки мутились, иногда проскакивали слезки... думала, а между-тѣмъ свѣчка все горитъ, хоть солнце и давно уже взошло...

Въ тотъ день встрѣча Пазиньки съ Иваномъ Семеновичемъ была, какъ должно въ подобномъ положеніи: лишь она слышала приближающіеся шаги его, то, какъ птичка, быстро убѣгала въ свою комнату и дрожала всѣмъ тѣломъ; когда же непременно должна была находиться въ присутствіи его, то невидѣла свѣта Божьяго, неравслушивала приказаній матери и отвѣчала все напротивъ. А *онъ*, Иванъ Семеновичъ, и ничего! Еще все веселѣе былъ, нежели вчера, охотнѣе бѣгалъ по всѣмъ посылкамъ Фенны Степановны, а на Пазиньку и неглядитъ. «Спасибо ему, что хоть при маменькѣ несмотритъ на меня!» думала Пазинька.

Окончивъ вечернія приказанія, что должны сдѣлать женщины завтра, Пазинька спѣшила раздѣться и заняться романомъ, дочитать самое интересное, а она остановилась вчера на самомъ прелестномъ мѣстѣ... Нетерпѣніе, внутреннее волненіе, предчувствіе удовольствія отъ чтенія такой произвели въ щочкахъ ея румянецъ, что Дуняша, раздѣвая ее, замѣтила и даже вскрикнула:

«Ахъ, барышня, какія вы хорошенькія! Ну, какъ бы увидѣлъ васъ теперь Иванъ Семеновичъ!

— Такъ что же? вскрикнула Пазинька, послѣшно закутываясь вся въ одѣяло, какъ будто бы Иванъ Семеновичъ вотъ-вотъ и войдетъ.

«Такъ то, барышня, что мы всѣ, дворовые, думаемъ: какъ бы онъ васъ посваталъ, а вы бы за него пошли, то-то бы парочка была! Вы хорошенькія, и онъ красавчикъ. Какъ бы васъ теперь увидѣлъ, то вѣрно завтра бы и посваталъ.»

— Богъ знаетъ что! Иди себѣ; я спать хочу, сказала Пазинька и начала жмурить свои прелестные, смутившіеся глазки.

А неправда же, Пелагея Кириловна: вы вовсе нехотите спать; вы встали съ постели; изъ шкафика своего, отъ котораго ключъ у васъ на снурочкѣ виситъ на шейкѣ, достали милую книжечку и принялись-было читать.... но что-то вы читаемого непонимаете; у васъ въ ушахъ раздаются послѣднія слова Дуняшины.... вотъ вы положили книжечку; ручки свои скрестили на бѣлой, прелестной груди вашей, задумались... А о чомъ вы думаете, Пелагея Кириловна, а?... Ну, какъ Фенны Степановна узнаетъ ваши мысли?... Уфъ! это предположеніе васъ испугало, вы вскочили.... Ахъ, Боже мой! уже солнце взошло!... Опять вы провели ночь странно, необыкновенно!...

День за день, случай доставлялъ часто встрѣчаться Пазинькѣ съ Иваномъ Семеновичемъ, быть съ нимъ вмѣстѣ, перебивать заслащенные водки изъ одного штофа въ другой и—ничего; какъ будто ничего и небыло между ними. Иванъ Семеновичъ, доставляя Пазинькѣ книги, просилъ ее улыбнуться; она улыбнется, а наконецъ уже начала и приговаривать «къ чему.... для чего вамъ это?...»

«Для моего счастья!» скажетъ Иванъ Семеновичъ и уйдетъ скоро. Богъ знаетъ, къ чему онъ это говоритъ?...

Въ одинъ день Иванъ Семеновичъ, вручая книги Пазинькѣ, неговоря ни слова, вдругъ поцаловалъ ея ручку... Какое-то облако покрыло Пазиньку... она запаталася, чуть неупала; облако медленно прошло, *ей* нѣтъ, а она долго немогла сойти съ мѣста. Ручки же своей, на которой то мѣсто, гдѣ *онъ* поцаловалъ, горѣло какъ послѣ лаписа, она боялась выставить на глаза матери и все прятала ее. Почему бы Феннѣ Степановнѣ узнать, что Иванъ Семеновичъ поцаловалъ руку дочери ея? да подите же вы съ Пазенькою! Она этого ожидала и въ необыкновенномъ положеніи провела весь этотъ день.

Скоро послѣ того Пазинька возвратила книжки Ивану Семеновичу и онъ опять поцаловалъ ручку ея. Принесъ новыхъ книгъ, отдаетъ, опять цалуетъ ручку; и уже такъ пошло, что Пазинька, отдавая или принимая книжки, навѣрное знаетъ, что онъ поцалуетъ ей руку; а, если правду сказать, чуть ли она уже и не стала ожидать того и даже желать...

Однажды, видно въ разсѣянїи, Иванъ Семеновичъ, вмѣсто бѣленькой ручки, да поцаловалъ Пазиньку въ розовыя губки.... и какъ молнїя исчезъ.... «Что это такое?... Что изъ этого будетъ?..» чрезъ полчаса только могла Пазинька подумать и думала объ этомъ весь день, противъ воли; губки ей напоминали о томъ: онѣ горѣли какъ будто послѣ.... нѣтъ не лаписа, а какъ будто послѣ перваго поцалуя любви. Помните ли, сударыня, какъ онѣ горятъ? Ну, вотъ такъ онѣ горѣли и у Пелагеи Кириловны.

«Что изъ этого будетъ?» думала весь день Пазинька. А вотъ что будетъ. Въ древности, или, какъ приговариваютъ наши старики, «еще не за нашей памяти», когда Амуры, Венеры и проч. подобныя имъ были у людей въ почтенїи и имъ строили храмы, то при храмѣ Венеры, или чистой брачной любви, воздвигалось было преддверіе, посвященное «Надеждѣ»: въ жертву ей приносили чистый, непорочный поцалуй. Совершившіе такую жертву тогда уже могли входить «и въ храмъ любви» для принесенїя жертвы, требуемой обрядомъ. Въ подобномъ чомъ-то это правило дошло и до насъ. Если поцалуй первый данъ, *должно* уже приступить къ браку, или, по крайней мѣрѣ, условится на счетъ его.

Такъ поступилъ и Иванъ Семеновичъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго подалуя, когда полагалъ, что губки Пазинькины уже перестали горѣть, онъ вызвался Феннѣ Степановнѣ, озабоченной какими-то суетами, ити къ пруду, гдѣ особенно устроено было заведеніе для молодыхъ утятъ. Прудокъ этотъ обсаженъ былъ вѣтвистыми деревьями, разросшимися до того, что въ тѣни ихъ такъ было темно и мрачно, что и при ясномъ солнечномъ сіяніи нельзя было различить предметовъ. Прудокъ этотъ былъ огороженъ и къ водѣ пущена одна калитка, куда утятъ выгоняли изъ воды на ночь. Иванъ Семеновичъ принялъ на себя обязанность повѣрить утятъ, старыхъ утокъ, насѣдокъ, осмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ въ достаткѣ и т. под. Подобныя слѣдствія онъ, желая облегчить заботы Фенны Степановны, часто принималъ на себя и исполнялъ ихъ со всею точностію и къ удовольствію Фенны Степановны.

Иванъ Семеновичъ пошолъ. Но посмотрите: недѣлаетъ ничего, перевизуетъ, неосматриваетъ, а стоитъ себѣ преклонясь къ дереву и жадно смотреть на калитку. Онъ зналъ обычай Пазиньки, что если матери невремя осмотрѣть какую часть по хозяйству, а для осмотра всего были установленные дни и почти часы, то шла сама и исполняла вмѣсто матери. Теперь, увидѣвъ, что маменька занялась повѣркою и приѣмомъ мотковъ, приносимыхъ сельскими пряжами, она незахотѣла оставить утятъ безъ наблюденія, какъ слѣдовало въ это время дня, а потому, неказавшись матери, пошла къ пруду...

Отъ пруда воротилась скоро, чрезъ часъ съ четвертью, весела, жива, проворна, говорлива, но матери неказала, что она ходила навѣстить утятъ. Чрезъ полчаса пришло Иванъ Семеновичъ и отдалъ полный, удовлетворительный отчетъ о благосостояніи всего утиного общества и получилъ отъ Фенны Степановны благодарность. Странное дѣло, что и Иванъ Семеновичъ, возвратась изъ слѣдствія, былъ какъ не тотъ: глаза его горѣли, голосъ былъ мягкій, нѣжный и онъ самъ какъ будто исполненъ какой-то гордости. Пазинька неотлучалась къ себѣ, весь день пробыла съ *своими*, не только говорила, но и шутила съ Иваномъ Семеновичемъ, чего давно за нею не было, и, чего никогда за нею не было, уларила его по рукѣ, когда онъ за ужиномъ насыпалъ перцу въ ея тарелку съ молочною кашею.

Чего же они обое такъ развеселилися? Еще-таки Иванъ Семеновичъ, тотъ никогда неутихаль, только незатрогиваль Пазиньки, а теперъ такъ и морить ее со смѣху. Она же какъ вдругъ перемѣнилася: изъ скромной, застѣнчивой, вдругъ вышла такая говорунья и хохотунья, что ее и не узнаешь. Отъ чего же это?

А вотъ изволите видѣть, отъ чего. Иванъ Семеновичъ, какъ пошоль оглядѣть утятъ, да, пришедши на мѣсто, недумаль и о старыхъ уткахъ, а стояль, какъ сказано, у дерева надъ прудомъ и быстро, внимательно смотрѣль на калитку. Сія... виновать, эта... нѣтъ, нѣтъ, извините, оная... Тьфу пропасть! я такъ занимаюся спорами на счетъ этихъ словъ, что боюсь употребить которое-нибудь изъ нихъ, чтобы и не-прогнѣвить противниковъ... И такъ грѣхъ пополамъ: калитка отворилась и изъ-за нея мелькнуло бѣлое платице... Иванъ Семеновичъ уже близъ него, взялъ это платице за руку удержаль его, потому-что оно хотѣло вырваться и убѣжать... Платице осталось, а Иванъ Семеновичъ началъ говорить... Какъ онъ прекрасно, сильно говорил! Безъ слезъ нельзя было слушать его трогательныхъ и нѣжныхъ рѣчей. Жаль только, что никто неслыхаль и незнаеть, что онъ говорил. Даже и та, которая была въ бѣленькомъ платицѣ, а это была не-другая кто, какъ Пазинька, такъ и она немогла ничего понять изъ прекрасныхъ его и трогательныхъ рѣчей (да врядъ ли и самъ онъ понималь что-либо!). Ей только и слышались слова: «люблю, любить, любя», и она, слушая ихъ цѣлые полчаса, до того наслупалась, что и сама, сначала робко, едва выговаривая, а потомъ уже очень внятно, произносила: «люблю, любить...» а тамъ они оба уже, сладивши дѣло, заговорили вмѣстѣ: «люблю, любить, любимъ, любить...» Болѣе у нихъ ни о чомъ и помину небыло и, кажется, забыли считать утятъ, зачѣмъ пришли. Эти слова они говорили и стоя, и ходя по дорожкѣ, и когда онъ цаловаль, что дѣлаль по-часту, ручку ей; потомъ замолчали оба, по той причинѣ, что онъ ее поцаловаль, потомъ она его, и наконецъ обое вмѣстѣ поцаловалися страстнымъ, долгимъ поцалуемъ, и тутъ она убѣжала къ дому, и Иванъ Семеновичъ тихо, важно, радостно пошоль за нею, и пришли, какъ сказано не вмѣстѣ. Вотъ отъ-чего они были такъ веселы послѣ того. Немудрено. Помните

ли, какъ вы были веселы въ тотъ день... знаете?... Я живо помню все; и было отъ чего быть веселу!

На другой день Иванъ Семеновичъ пришолъ очень серьёзный и также серьёзно просилъ Кирила Петровича и Фенну Степановну поговорить съ нимъ особо. Говорили-говорили, часа два говорили... а Пазинька все это время, въ ближней комнатѣ, то стояла прислушиваяся, то, теряя силы, садилась блѣдная, то вдругъ раскраснѣется и начнетъ ходить по комнатѣ, безъ жалости ломая свои бѣлыя ручки; нерѣдко утирала она и слезки, стараясь скрыть состояніе души своей, если позовутъ ее родители... Она этого нетерпѣливо ждала, но объ ней никто и не вспоминалъ... Нѣтъ, вспоминали-то очень, и даже безпрестанно о ней говорили, но кликать къ себѣ не кликали... бѣдненькая!... А она очень того желала и надѣялась.

Часа черезъ два Иванъ Семеновичъ оставилъ Шпаковъ; вышелъ же отъ нихъ совершенно разстроены, смущены, огорчены, однимъ словомъ съ крайнимъ отчаяніемъ на лицѣ. Но все еще могъ увидѣть Пазиньку, подошелъ къ ней, обнялъ ее и сквозь слезы сказалъ: «другъ мой! родители твои несогласны... у нихъ жестокия сердца... но нѣтъ силы, которая бы насъ разлучила... ты будешь моею!...» и съ симъ словомъ поцаловалъ онъ ее такъ, какъ обыкновенно любовники целуются при разставаніи надолго...

«Такъ неуспѣешь же ты, развратникъ, въ своемъ зломъ намѣреніи!» раздался при такомъ поцалуѣ любящихся грозный голосъ раздраженнаго до чрезвычайности Кирила Петровича, который вслѣдъ за Иваномъ Семеновичемъ вышелъ изъ «кабинета» и видѣлъ всѣ дѣйствія и слышалъ слова его...

«Вонъ изъ нашего дома и несмѣй глазъ къ намъ показывать, когда ты рѣши...» Тутъ Кирилъ Петровичъ крѣпко закашлялся, гнѣвъ захватывалъ духъ у него...

«Что это вы съ собою, душечка, дѣлаете?» кричала Фенна Степановна мужу. «Берегитесь, чтобы чего неприключилось. У васъ же такая слабая натура! Совсѣмъ испортите свою комплекцію... ну-те его въ болото!...»

Кир. Петр. Да какой онъ дерзкій? Слышали вы, маточка, какъ онъ сказалъ, что его родъ ничѣмъ не хуже нашего?

Фенна Ст. А слышали вы, душечка, какъ онъ сказалъ Пазинькѣ, что у насъ жестокія сердца?... Это значить возсталять дѣтей противъ родителей! Прекрасно! А пусть докажетъ, когда и надъ кѣмъ и какую жестокость мы сдѣлали? Хоть сейчасъ умереть и будь я анаема-проклята, когда противъ кого была жестока.

Кир. Петр. Да какъ онъ смѣлъ рассуждать, что богатство ничего незначить и что хотя онъ бѣденъ, но также благороденъ, какъ и я.... Также!... сравнялъ себя со Шпаками....

Фенна Ст. Вотъ вы, душечка, тратитесь и убыточитесь на дѣло съ Тпрунькевичемъ объ этихъ проклятыхъ гусяхъ, а лучше подайте на него, на этого офицера, жалобу, что онъ васъ обругалъ....

Кир. Петр. Дѣло, дѣло. Вотъ пріѣдетъ мой повѣренный, Хвостикъ-Джмунтовскій; я ему поручу сочинить прошеніе, какъ онъ обругалъ весь родъ мой, какъ при мнѣ, отцѣ, и при тебѣ, матери, цаловалъ едиnorodную дочь нашу, противъ нашей воли...

Фенна Ст. И какія грѣховныя слова говорилъ ей: нѣтъ де такой силы, чтобъ насъ разлучили.... Ахъ, онъ безбожникъ! А небесныя силы куда онъ дѣвалъ? у него нѣтъ ничего святого, онъ фармазонъ!...

Вотъ какое гоненіе возстало на Ивана Семеновича отъ тѣхъ людей, которые наканунѣ еще любили его до того, что души въ немъ неслышали! И все это за то, что осмѣлился свататься за ихъ дочь. Хорошо бы, если бы Иванъ Семеновичъ, выслушавши благоразумныя возраженія Кирила Петровича, что онъ бѣденъ, а въ супружествѣ нужно равенство состояній, бѣдность же одного есть язва, вредъ общественный: будутъ дѣти и будетъ ихъ много; чѣмъ раздѣлятся? всѣ будутъ недостаточныя, и за это маленькое будутъ болѣе питать любви къ тому лицу изъ родителей, кто имъ доставилъ имѣніе, а другого лица и уважать небудутъ; это порча нравственности; что фамилія Ивана Семеновича и родъ его уже конечно ни почему немогъ сравняться съ фамилією и родомъ Шпаковъ, древнимъ, знаменитымъ, славнымъ, какъ свидѣтельствуютъ выписки изъ архива Малороссійской коллегіи; дѣти, рожденныя отъ такого неравнаго брака, понесутъ на себѣ пятно и унижать, посрамлять знаменитость рода Шпаковъ; хорошо бы, если бы Иванъ Семеновичъ, выслушавши все это, неограни-

ченно во всемъ сознался, извинился бы въ своей дерзости и просилъ бы, забывъ проступокъ, продолжать къ нему прежнія милости; а то куда! Началъ опровергать благоразумныя заключенія Кирила Петровича и настоятельно доказывать, что при супружествѣ недолжно смотрѣть на имущество, что богатство вздоръ (экой чудакъ!), что можно и малымъ быть довольну, что людей уважають не по богатству, а по внутреннимъ достоинствамъ (настоящій фармазонъ). А когда дошло до рода Шпаковъ и Ивана Семеновича, такъ онъ, необынуясь, сказалъ, что, можетъ быть, родъ его важнѣе всѣхъ Шпаковъ и больше принесъ пользы.... Тутъ Кириль Петровичъ, будучи холерическаго темперамента, немогъ уже выдержать — и кто бы и выдержалъ? — попросилъ Ивана Семеновича оставить ихъ, «поколѣ они непригласятъ его паки». Конечно, это былъ отказъ отъ дому, но отказъ вѣжливый, пристойный, и Иванъ Семеновичъ, хотя и крѣпко смущонный, но вышелъ учтиво — и все пошло бы современемъ очень хорошо, попрежнему; но онъ встрѣтилъ Пазиньку, обнялъ ее, поцаловалъ и выговорилъ ужасныя слова: «у родителей жестока я сердца» и «нѣтъ власти, могущей ихъ разлучить». Идущіе же за нимъ вслѣдъ Кириль Петровичъ и Фенна Степановна все это видѣли и слышали!... Весьма естественно, что Кириль Петровичъ и самъ по себѣ приполъ въ вящее холерическое раздраженіе, а тутъ и Фенна Степановна усилила его своими тонкими и справедливыми замѣчаніями на счетъ дерзкихъ словъ дерзкаго Ивана Семеновича. Вотъ потому-то и отказали ему навсегда отъ дому. Бѣдный Иванъ Семеновичъ! Бѣдная Пелагея Кириловна!

Кириль Петровичъ, какъ самъ свидѣтельствовалъ, былъ холерической комплекціи; это онъ, какъ извѣстно, начиталъ въ Брюсовомъ календарѣ и, повѣривъ планету, подъ коею родился, нашолъ всесовершеннѣйше справедливымъ. Слѣдовательно, посердяся на Ивана Семеновича нѣсколько часовъ, а много день, наконецъ простилъ бы его и, взявъ съ него слово нецаловаться болѣе съ Пазинькою и непроизносить подобныхъ дерзкихъ словъ, принялъ бы его въ прежнюю ласку и убѣдилъ бы къ тому и Фенну Степановну. Все это было бы, я знаю, непремѣнно, если бы Иванъ Семеновичъ замолчалъ и предоставилъ бы времени уладить все; но онъ незамолчалъ, неоставилъ дѣла, а принялся дѣйствовать.

Благоразумные и осторожные родители, проводивъ Ивана Семеновича, призвали къ себѣ Пазиньку и, недогадывая, чтобы онъ ей говорилъ что-либо о замужествѣ, и не предполагая никакъ, чтобы они имѣли свиданіе у пруда, гдѣ водятся утки, неразспрашивали ее ни о чемъ, а только строго запретили, чтобы она уклонялась отъ всякой встрѣчи съ Иваномъ Семеновичемъ, не слушала бы словъ его, если бы онъ паче чаянія вздумалъ говорить о чемъ.

«А цаловаться—и сохрани тебя Богъ!» примолвила Фенна Степановна. Иное дѣло—противъ твоей воли, какъ поцаловаль тебя Иванъ Семеновичъ: тутъ ты невластна. Это было и со мною: я еще была въ дѣвкахъ; проходили черезъ наше село легкоконцы и къ батинькѣ собралось офицеровъ тма тмушая. Я боялась къ нимъ и глаза показать; сижу въ своей горницѣ, какъ вотъ и вошолъ ко мнѣ одинъ офицеръ и говорить: «ахъ, какая хорошенькая барышня! поцалуйте-де меня». Я чтобы отвернуться отъ него, а онъ меня и поцаловаль, да раза три, и все насильно, да и пошолъ отъ меня «негляже». И кто онъ такой, я и по сей день незнаю, только помню, что очень красивый былъ....»

— Какія вы, маточка, нелѣпости рассказываете, да еще и при дочери, сказалъ хмурищійся Кириль Петровичъ.

«А что же, душечка, что правда, то правда. Я это въ наставленіе ей пересказываю. Иное дѣло насильно, а другое дѣло цаловаться по согласію; я ей это строжайше запрещаю».

— Не поцалуи и свиданія только, замѣтилъ Кириль Петровичъ, но опасна и всякая переписка и пересылка. Подтвердите ей и вы, маточка, да и сами прилежно присматривайте, чтобы не было какого шпіонства, подобно какъ въ арміи христиносовъ. Это ужасъ, что тамъ дѣлается. Если бы не предатели, давно бы уже ни одного карлиста неосталось. Я вамъ, маточка, раскажу одинъ примѣръ. Когда христиносы....

«Да полно, душечка, съ вашими мериносоми.... или какъ они у васъ!... я вамъ, Кириль Петровичъ, ненаудивляюся: человекъ вы съ такимъ умомъ, а всегда говорите нелѣпости. Что намъ нужды до чужого государства, которое, я думаю, на краю свѣта, и въ которомъ, навѣрное, намъ никогда и быть неостанется. Да пусть они хоть всѣ перерѣжуются! Намъ своя бѣда ближе. Лишь бы любовнаго свиданія не было, а за пере-

писку я небоюсь. Хорошо я сдѣлала, что исхитила Пазиньку изъ разврата, взяла изъ дому Опецковскихъ: тамъ она нетолько писать, да и читать, что умѣла, вѣрно позабыла. По мнѣ».

Пазинька внимательно слушала разсужденія матери своей, а думала свое. Она очень хорошо читала, и даже рукописное, привыкши разбирать чоткую руку Ивана Семеновича, когда онъ ей переписывалъ какіе стишки; а если ей нравилась въ книгѣ какая пѣсенка, любовныя изъясненія, такъ она выписывала ихъ къ себѣ, сначала удивительно безобразными буквами, а далѣе-далѣе, занимаясь безпрестанно и подражая почерку Ивана Семеновича, начала писать уже такъ, что, хотя и съ трудомъ, но разобрать написанное ею можно было.

И такъ, слушая родительскія наставленія и слѣдуя совѣту сердца своего, въ первый разъ любящаго и уже испытывающаго жестокія гоненія, Пазинька поставила себѣ правиломъ: неотыскивать Ивана Семеновича, а если онъ встрѣтитъ ее самъ, она невиновата. При такомъ случаѣ самой нецаловать его, а если онъ поцалуетъ, она невиновата: такъ маменька расудила. О перепискѣ же, какъ небыло рѣшительнаго запрещенія, то Пазинька предоставила это обстоятельствамъ и случаю, который вскорѣ и открылся.

Пришедши къ себѣ въ комнату, она очень грустила, что нескоро, а можетъ, и никогда неувидитъ Ивана Семеновича; она поплакала; потомъ оторвала отъ одного письма, къ отцу ея писаннаго, чистые поллисточка; за неимѣніемъ карандаша начертила булавкою двѣ линейки, пріискала выкинутыя изъ отцовскаго кабинета порченныя перья и начала писать по линейкамъ слѣдующее:

«Ваня мой! Я всё плачу, а все видѣть васъ хочу. Какъ бы намъ увидѣться? а то я умру!»

И безъ трехъ клаксъ на этихъ двухъ строчкахъ, трудно было всякому прочесть ихъ отъ множества ошибокъ, недописокъ, неправильнаго переноса словъ; но Иванъ Семеновичъ прочолъ ихъ. Какъ же онъ получилъ это любовное посланіе? Самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Пазинька, хотя и крѣпко измучилась, уладивши написать эти двѣ строки, но придумала средство доставить ихъ по принадлежности. Призвала свою Дуняшу и чистосердечно открыла ей свои мученія и необходимость доставить эту за-

писку милому Ванѣ. «Отдавши записку секретно», такъ приказывала невинная и неопытная Пазинька, «чтобъ ни батинька, ни маменька и никто невидѣли, скажи ему, чтобъ черезъ тебя сказалъ, живъ ли онъ еще, такъ же ли плачетъ, какъ и я, и какъ думаетъ со мною увидѣться? Пусть на словахъ все скажетъ, а не пишетъ; я писаннаго неразберу, и попадетъ кому, такъ бѣда. Услужи мнѣ въ этомъ, Дуняша, и посекретничай. Я, вышедши за-мужъ за моего Ваню, возьму тебя съ собою и выдамъ за-мужъ за славнаго жениха».

Дуняша, обольщонная такою лестною наградою. и почитая, что она уже непременно будетъ за подмѣченнымъ ею унтеръ-офицеромъ, Плескачовымъ, красивѣе коего она во всей ротѣ не находила, поспѣшила услужить барышнѣ своей и, взявъ отъ нея любовную цыдулочку, пошла чрезъ садъ съ тѣмъ, чтобы, выйдя изъ саду, перейти плотину и тамъ, за рѣкою, у квартирующихъ солдатъ допроситься пана-капитана и вручить ему посланіе.

Надобно сказать, что у Кирила Петровича близъ дому находился садъ, или, лучше сказать, фруктовый лѣсъ. Въ немъ напичкано было деревьевъ лучшихъ сортовъ и разныхъ наименованій: яблокъ, грушъ, сливъ, черешень, вишень, смородины, агрусу (крыжовнику), малины и всего прочаго. Этотъ садъ былъ на семи десятинахъ; кромѣ деревьевъ съ плодами, въ немъ было нѣсколько прудовъ, гдѣ содержалася отличная рыба на случай пиршествъ или приѣздовъ отличныхъ гостей въ постные дни. На другихъ прудахъ пребывали гуси и утки, какъ уже объ одномъ такомъ прудѣ намъ извѣстно по встрѣчѣ Пазиньки съ Иваномъ Семеновичемъ. Въ саду этомъ не было ни аллея, ни куртинъ, ни гротовъ, ни бесѣдокъ, а только протоптаны были узенькія дорожки отъ главнаго входа въ садъ къ рѣкѣ прачками, къ прудамъ птичницами, къ банѣ, къ голубятнѣ и къ нѣкоторымъ развѣсистымъ яблонямъ, въ тѣни коихъ были простыя векрашенныя скамейки и безъ спинокъ. На этихъ скамейкахъ, изгнанный поломойками изъ дому, Кириль Петровичъ каждую субботу рѣшалъ судьбу Испаніи, проклиная карлистовъ, когда начитывалъ въ газетахъ торжество ихъ.

Чрезъ этотъ-то садъ пробиралась Дуняша, какъ вдругъ столкнулась съ Иваномъ Семеновичемъ, въ мрачныхъ мысляхъ

бродившимъ по многочисленнымъ дорожкамъ, протоптаннымъ въ разныхъ направленіяхъ. Онъ бѣдненькій загоревался у себя въ квартирѣ также, какъ и Пазинька въ домѣ, и пошолъ въ господскій садъ бродить, ожидая, не встрѣтится ли съ нимъ кто, могущій передать Пазинькѣ о страданіяхъ его.... Какъ вотъ Дуняша, къ отрадѣ его, вручила ему письмо барышни своей.

Кромѣ врученного письма, Дуняша со всею точностью передала всѣ вопросы Пазинькины: «живы ли вы? плачете ли по барышнѣ, какъ онѣ по васъ? и какъ вы думаете съ ними увидѣться? Только напишите ничего, а все мнѣ перескажите, а я барышнѣ передамъ».

Иванъ Семеновичъ и началъ поручать Дуняшѣ свои горести, печали, и предлагалъ Пазинькѣ средство, какъ вечеромъ, незамѣтно ни отъ кого, пробраться въ садъ, гдѣ онъ «увѣритъ ее въ сильнѣйшей страсти своей, лютомъ отчаяніи, и поговоримъ о средствахъ къ преодоленію всѣхъ горестей....»

— Недонесу всего, ей Богу, недонесу! прервала его Дуняша. Вы мнѣ такого наговорили, что я и *въ пять годъ* пероскажу.

«Что же мнѣ дѣлать?» вскрикнулъ Иванъ Семеновичъ.

— Какъ себя знаете, такъ и дѣлайте, а я немогу всего пересказать, сказала Дуняша и хотѣла уже возвратиться домой.

«Постой же и выслушай внимательно хоть это и перескажи барышнѣ, что я къ ней все напишу обстоятельно и завтра пришлю рано письмо. А ты ожидай моего деньщика здѣсь».

— Вотъ это понимаю и перескажу барышнѣ, а завтра, какъ солнце взойдетъ, такъ и присылайте письмо: я здѣсь, подъ этою яблонею, буду ожидать.

Съ тѣмъ они разстались, и посланница пересказала подробно о всѣхъ условіяхъ съ Иваномъ Семеновичемъ.

«Смотри же, Дуняша, непроси!» сказала Пазинька и отворотилась къ стѣнкѣ, не съ тѣмъ, чтобы спать, а програвать и проплакать всю ночь, что и исполнила во всей точности. Бѣдняжка!

Не во снѣ провелъ и Иванъ Семеновичъ эту ночь! Нѣтъ, онъ также вовсе неспалъ, а приготовлялъ письмо къ своей

возлюбленной. Сперва надобно было письмо сочинить такъ, чтобы она поняла его, а потомъ и переписать, чтобы она прочла его свободно. Много было трудовъ Ивану Семеновичу, но онъ достигъ своей цѣли и окончилъ письмо гораздо уже по восхожденіи солнца.

У Ивана Семеновича въ числѣ деньщиковъ былъ одинъ, по прованію Шельменко. Въ казенномъ селеніи, бывъ умнѣе всѣхъ и грамотенъ, онъ добился до того, что попалъ въ волостные писари. Тутъ-то онъ показалъ всѣ свои способности! Небыло хитрѣе его на всѣ пронырства и лукавства. Всѣ застѣдатели земскаго суда *въ дѣлахъ важныхъ* относились къ нему за совѣтами и руководствомъ, и Шельменко такъ велъ дѣла, что все оканчивалось чисто и гладко. Мужики, которые побогаче, кряхтѣли, уплачивая раза по четыре однѣ и тѣ же подати; но Шельменко увѣрялъ, что такъ должно быть: пришло предписаніе отъ начальства о сборѣ на новый предметъ, и потому донять столько-то и столько-то, при чомъ читалъ бумагу, имъ же составленную, и всѣ, вѣря ему, платили безотговорочно. Бѣдныхъ же, въ этомъ случаѣ, оставлялъ въ покоѣ и вездѣ по денежнымъ взысканіямъ оговаривалъ и отклонялъ ихъ отъ платежа, доказывая полученными предписаніями, или высчитывая на счетахъ, тамъ на примѣръ: «Вотъ съ тебя (богатаго) слѣдовало бы получить три рубля, но ты уже уплатилъ два рубля, то вотъ и положимъ къ тремъ рублямъ два, вотъ и выходитъ пять. Такъ ли?»

«Такъ, панъ-писарь!... Да только что-то много....»

— Конечно много, я самъ вижу, а заплатить надобно. Отсчитывай же деньги скорѣе, у меня нужнѣйшія дѣла есть.

И бѣдный мужичокъ, кряхтя и почесывая затылокъ, платилъ деньги по назначенію Шельменка, непереставая удивляться, отъ чего такъ много пришлось ему платить.

И какъ онъ бѣдныхъ необсчитывалъ въ деньгахъ, то они любили его и вѣрили расчетамъ его по другимъ предметамъ; а отъ того, на починку мостовъ, гатей, дорогъ и на всѣ общественныя работы выходили одни бѣдные, а богатые, занимаясь своими дѣлами, хвалили способности Шельменка въ разчисленіи и лучшаго писаря нежелали.

Шельменко умѣлъ изо всего извлекать свои выгоды: рѣдкій день, чтобы онъ не содрагъ чего съ ищущихъ правосудія

въ волостномъ правленіи. Когда же выходилъ «застой», какъ онъ говорилъ, и ссорящихся и спорящихъ небыло, тутъ онъ тонкимъ образомъ вовлекалъ въ ссоры и споры, часто за бездѣлицу, и привлекалъ ихъ къ своему суду, бралъ съ нихъ, что хотѣлъ, и заставлялъ голову рѣшить дѣло по своему желанію. Доходили жалобы на него и въ земскій судъ, но тамъ были всѣ *его рука*, и потому онъ же получалъ отъ жаловавшагося на него за безчестье и убытки по своему назначенію.

Какъ уже ни былъ богатъ, но хотѣлъ еще болѣе приобрѣсть. Открылся рекрутскій наборъ; онъ схватилъ одного сына у богатой матери и поспѣшилъ отвезти его въ городъ для отдачи. Представленный въ рекруты былъ Никифоръ; онъ велѣлъ ему называться «Никитою», увѣряя, что это одно и тоже имя и проч.; все такъ поддѣлалъ и представилъ его въ послѣдніе дни набора, зная, что тутъ нетакъ прилежно разсматриваютъ, поспѣшая, чтобы наборъ къ сроку кончить. Въ поданной имъ въ присутствіе бумагъ бѣдный Никифоръ былъ написанъ изъ большой сказки, гдѣ всѣ отмѣчены переселившимися на Кавказъ; но онъ все это подчистилъ и такъ заправилъ, что бѣдный малый чуть было не поступилъ на службу, какъ явившаяся тутъ же мать его рѣшительно и ясно открыла всѣ плутни Шельменка, и ему, за всѣ его злоупотребленія, въ тоже время забрили лобъ, несмотря на всѣ его извороты и наклепанныя на себя болѣзни.

Поступивъ на службу, Шельменко хотѣлъ и тутъ хитрить: прикинулся пошлымъ дуракомъ, непонимающимъ ничего; не зналъ, куда руки дѣвать; непонималъ правой и лѣвой стороны; его учили, штрафовали, но онъ все переносилъ терпѣливо, полагая, что потеряютъ съ нимъ терпѣніе и его отпустятъ совсѣмъ домой. Въ самомъ дѣлѣ съ нимъ потеряли всякое терпѣніе и въ полку почитали его глупымъ, дуракомъ: такъ удачно умѣлъ онъ притвориться; какъ же былъ весьма непоказной наружности, то его и выписали въ деньщики. Тутъ-то онъ поступилъ къ капитану Скворцову, нашему Ивану Семеновичу.

Иванъ Семеновичъ скоро разгадалъ его и употреблялъ въ разныя дѣла по способности. Въ теперешнемъ горестномъ положеніи своемъ онъ рѣшился сдѣлать Шельменка довѣренною особою, открыть ему все и потребовать его содѣйствія. На сей конецъ онъ, окончивъ письмо къ Пазинькѣ, призвалъ къ себѣ Шельменка и имѣлъ съ нимъ разговоръ.

И. С. Скажи ты мнѣ, Шельменко, по всей справедливости: бываль ли ты влюбленъ?

Шельменко, при уродливой наружности, вытянувшись неловко передъ капитаномъ, принявъ на себя глупый видъ, между тѣмъ со всѣмъ вниманіемъ смотритъ ему въ глаза, чтобы понять, съ какимъ намѣреніемъ спрашиваютъ его. Черта малороссіянина. Чтобы-то будучи какъ, ваше благородіе?

Разбогатѣвшій или поступившій на должность малороссіянинъ начинаетъ важничать, говорить отборными словами, и нѣкоторыя слова въ особенности, имъ избранныя: будучи, примѣромъ сказать, выходить, стало быть, и т. п., употребляетъ безпрестанно, къ дѣлу и напротивъ, и всегда произносить ихъ протяжно, нараспѣвъ. Шельменко, бывъ еще писаремъ, важничалъ и принялъ слова: «будучи» и «стало быть».

И. С. Ну, любилъ ли ты кого-нибудь?

Шельм. Охъ, ваше благородіе! Будучи, нѣкуда грѣха дѣвать. Любилъ и, стало быть, еще и теперь крѣпко люблю!

И. С. Это для меня новость. Кого же ты любилъ и какъ? вѣрно до солдатства еще?

Шельм. И до солдатства и, будучи, въ солдатствѣ, любилъ, люблю и буду по вѣкъ любить!

И. С. Скажи же мнѣ, кого ты такъ страстно любишь?

Шельм. Деньги, ваше благородіе! Будучи, ихъ то люблю страшно!

И. С. Скоть, и больше ничего.

Шельм. Такъ-таки — скоть, ваше благородіе! Ей истинно сказали, стало быть, скоть, именно скоть, и самъ вижу.

И. С. Дуракъ! Любилъ ли ты какую дѣвушку?

Шельм. А чтобъ онѣ, будучи, недождали, чтобъ ихъ христіанскій родъ любилъ!

И. С. Почему же?

Шельм. Убыточно ихъ любить, ваше благородіе! Хоть ихъ какъ хочешь, будучи, люби, а она все требуетъ, стало быть, подарковъ. Оттого то я всегда удалялся отъ нихъ.

И. С. Нѣчего же съ тобою и говорить: ты ничего непонимаешь. Пошли ко мнѣ Усачова: тотъ лучше сдѣлаетъ, что я прикажу.

Шельм. Помилуйте, ваше благородіе! Зачѣмъ же я, будучи, несдѣлаю! Я все сдѣлаю въ десять разъ лучше Усачова. Прикажите мнѣ, стало быть, что нужно.

И. С. То-то же, Шельменко; смотри, послужи мнѣ въ этомъ дѣлѣ; ты и не ожидаешь, какъ я тебя награжу: засыплю деньгами, твоими любезными.

Шельм. И отставка будетъ, ваше благородіе?

И. С. Само по себѣ. Это прежде всего.

Шельм. Когда такъ, извольте, будучи, приказывать, ваше благородіе! На дно моря пойду, въ огонь полѣзу, а все исполню по приказу.

И. С. Ну, вотъ видишь что. Я люблю дочь здѣшняго помѣщика. Видалъ ли ты ее?

Шельм. Какъ уже, будучи невидать? Что за красавица! Волосы какъ смоля, толстенъкая, стало быть, плотненъкая....

И. С. Врешь, она блондинка.

Шельм. Имени ея незнаю, впервые отъ васъ, будучи, слышу; но намъ не до имени ея дѣло, а до ея черныхъ глазъ....

И. С. Еще не до нея и не до глазъ ея, а вотъ это письмо носи, и въ господскомъ саду найдешь ея дѣвушку, она дожидаетъ тебя, отдай ей только это письмо и спроси, когда за отвѣтомъ приходитъ?

Шельм. Слушаю, ваше благородіе! Счастливо оставаться.

При чомъ онъ хотѣлъ оборотиться по-солдатски, запнулся, спотыкнулся, пошатнулся и чуть не упалъ. «А, что мнѣ эта служба!» проговорилъ онъ.

И. С. Видишь ли? Примѣта дурная. Смотри, дѣйствуй осторожно; неотдай кому письма безъ толку, слышишь?

Шельм. Рады стараться, ваше благородіе. Дѣвствовать буду, будучи, осторожно и, стало быть, исполню все.

И. С. Исправно отдашь письмо—три вины твои оставлю безъ наказанія; а если что испортишь—палки. Ты знаешь меня.

Шельм., запрятывая письмо. Рады стараться, ваше благородіе!

Обернулся уже осторожно и помаршировалъ изъ комнаты, по обычаю, съ правой ноги.

«Палки! а все палки!» такъ рассуждалъ Шельменко самъ съ собою, идучи къ саду Кирила Петровича. «Думалъ ли ты,

панъ Шельменко, когда былъ волостнымъ писаремъ—нетеперь вспомнить!—думалъ ли ты, чтобы кто тебѣ посулилъ палокъ? Тогда вся волость меня трепетала, и я всѣхъ разсылалъ, куда хотѣлъ, и не только грозилъ, но и наказывалъ кого и какъ хотѣлъ. Теперь самъ разноси инструкціи и приказы по другимъ волостямъ.... Непослушай же, неотнеси, или отдай не въ тѣ руки, куда слѣдуетъ, то уже капитанъ *несбрешетъ*, отпустить сотъ нѣсколько палокъ.... я знаю его!... Вотъ точно такая бѣда и съ этимъ проклятымъ письмомъ: неотдай—отъ капитана вѣрныя палки; отдай же, да тебя на дѣлѣ схватятъ—такъ тутъ помѣщикъ, даромъ, что онъ панъ Шпакъ, и настоящий таки шпакъ, а такъ угостить, что ну! Тотчасъ заѣдетъ въ *Харьковскую* губернію (указываетъ на правую щеку), да въ Рождественскій уѣздъ (указываетъ на лѣвую и, снявъ фуражку, схватываетъ себя за волосы, приговаривая), а оттуда въ *волостное* правленіе, да въ *нижній* земскій судъ (нагибаетъ себя къ землѣ и показываетъ, какъ будутъ бить его), да какъ начнетъ угощать толчениками, буханцами и т. п. лакомствами, такъ будешь помнить его, и это письмо, и барышню, кажется по имени «блондина»: всѣхъ ихъ скоро забудешь!... Бѣдный, бѣдный Шельменко!... Что же мнѣ мѣшаетъ и тутъ также дѣйствовать, какъ капитанъ называетъ, какъ я дѣйствовалъ и въ волости? Буду стараться письмо отдать осторожно и невыдамъ капитана; поймаетъ же меня панъ Шпакъ—тутъ я всю бѣду сведу на капитана и расскажу, какъ онъ мнѣ пригрозилъ и послалъ съ письмомъ. Я человѣкъ служивый, отговариваться несмѣю; вотъ Шпакъ, принявъ отъ меня письмо, подарить что-нибудь! Такъ и нужды нѣтъ: если съ одной стороны будутъ палки, а съ другой были бы деньги, то мы рады стараться, ваше благородіе!»

Въ такихъ размышленіяхъ и предположеніяхъ вошолъ онъ въ садъ Кирила Петровича, но тутъ уже обстоятельства измѣнились. Это былъ день субботній, день мытія половъ во всемъ домѣ Шпаковъ, и потому вся женская дворня готовляла ведра, судки, воду и все, что нужно для мытья, и сзывались всѣ женщины и дѣвки въ одно мѣсто для принятія отъ Фенны Степановны приказаній, кому какую комнату мыть. Собирались всѣ, кромѣ Дуняши. Искали и отыскивали ее въ саду и привели для работы. Потому то Шельменко, войдя въ садъ,

какъ ни искалъ, но невстрѣчалъ дѣвки, которой вѣрно было отдать письмо.

Пробираясь по излучистымъ дорожкамъ сада, Шельменко дошолъ уже до самаго дома, все невстрѣчая никого, какъ вдругъ попадаетъ ему Мотря.

Эта Мотря взята была Фенною Степановною во дворъ лѣтъ четырнадцати и, по замѣченной въ ней расторопности, смѣтливости, усердію къ господскому добру, научена всему, что только знала Фенна Степановна. Когда Мотря пережила за двадцать лѣтъ и въ ней замѣчалось болѣе и болѣе достоинствъ, желаемыхъ барынею, то ей отданы были всѣ ключи отъ всѣхъ кладовыхъ, и все хозяйство Фенны Степановны поступило въ полное ея вѣдѣніе. Она была отличная хозяйка: если и сама Фенна Степановна приказывала отпустить для стола два фунта масла, то она отпускала только одинъ и доказывала барынѣ, что очень достаточно будетъ. Кириль же Петровичъ и недумай приказать отпустить кому или подать даже и себѣ чего; она смѣло отвѣчала ему: «помилуйте, у насъ этого нѣтъ; хотя и есть *немножко*, такъ я держу для барыни». И уже ни за что невыдастъ чего лучшаго, хотя бы и сама барыня приказывала. Одинъ отвѣтъ у нея былъ: «хорошо вамъ раздавать или тратить; а нестанеть, гдѣ возьмемъ?» А очень часто, скупясь раздать что изъ кладовой, увидѣвши согнившимъ, выкидывала вонъ тихонько, чтобы и барыня невидала. Бѣда ей была, когда наѣзжали гости и должно было подавать и сего и того. Она даже плакала, когда немогла изворотиться, чтобы неотпустить чего-нибудь. Особливо при разлилкѣ чаю и кофе и подачѣ сахарнаго варенія, вещей, стоящихъ значительныхъ денегъ, она уже выходила изъ себя. Кромѣ того чудесная была смотрительница за работами дѣвокъ и всегда задавала уроки вдвое противъ того, что приказала барыня. Всѣ въ домѣ улягутся, а она все собираетъ оставленныя корки хлѣба, огарки сальные, недопитой квасъ; все приберетъ, спрячетъ, и тогда уже идетъ къ Феннѣ Степановнѣ, окончившей молитвы на сонъ грядущихъ, отдаетъ отчетъ за прошедшій день, принимаетъ приказанія назавтра, рассказываетъ всѣ происшествія, случившіяся во дворѣ: кто съ кѣмъ бранился, кто что разбилъ, укралъ, говорилъ и проч. и проч. Когда уже Фенна Степановна, при всякомъ отдыхѣ Мотри, переставала издавать

свое: «ну!» тутъ Мотря догадывалася, что барыня уже *започивали*, выходила отъ нея и сама ложилась; но вставала всегда прежде всѣхъ, будила и заставляла приниматься за свои дѣла. Рѣдкая, золотая женщина! На сто версть кругомъ всѣ ключницы брали съ нея примѣръ.

Какъ ни любила Мотря Ивана Семеновича за то, что онъ неприхотничаль, кушалъ, что ни подадутъ, и отъ лакомствъ, предлагаемыхъ ему Фенною Степановною, всегда отказывался; когда оставалось на тарелкахъ варенье послѣ гостей, онъ приносилъ это къ Мотрѣ и вмѣстѣ съ нею выкладывалъ назадъ въ банки; при недосугахъ Мотри самъ за нее ходилъ въ кладовую и выдавалъ повару масла еще меньше, нежели бы она отпустила, и много такихъ похвальныхъ качествъ видѣла въ немъ Мотря: но когда отказали ему въ Пазинкѣ, она очень одобряла такую рѣшимость господъ своихъ.

«Что намъ съ него, барыня?» говорила она. «На рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи. Только что золотые подсолнечники на плечахъ отдуваются, а карманы приплющены какъ досточки. Намъ надобно такого зятя, который бы къ намъ привозилъ, а не отъ насъ вывозилъ.

Въ это утро Мотря, неимѣя кого надежнаго послать въ садъ для собранія упавшихъ сырыхъ и вовсе незрѣлыхъ яблокъ для пирожковъ, кои очень жаловалъ Кириль Петровичъ, вышла сама подбирать, и тутъ то нашель ее Шельменко.

Незная, чьей стороны ова держится, онъ расположился дѣйствовать осторожно, и потому, подступя къ ней, поклонился со всею ловкостію, и послѣ первыхъ привѣтствій въ пожеланіи добраго дня и по выслушаніи «взаимно и вамъ также», онъ повелъ атаку.

Шельменко, поглядывая на Мотрю, подбирающую съ земли яблочки. Какія вы полнењкія!... Какія вы полновидныя!... Какія стройныя, да какія проворныя!

Мотря, безъ вниманія къ нему, продолжаетъ свое. Таковую меня Богъ создалъ.

Шельм. Знаете что? Я васъ, будучи, крѣпко полюбилъ....

Мотря. Какое же мнѣ до того дѣло?

Шельм. Какъ какое? Я васъ, стало быть, такъ крѣпко полюбилъ, что въ день, будучи, несплю, а въ ночь ничего неѣмъ и все даже на стѣну дерусь, а васъ, будучи, вспоминаю.

Мотря. Деритесь вы себѣ куда хотите, мнѣ нужды мало.

Шельм. Какъ нужды мало! Будучи, полюбите и вы меня также.

Мотря. Полюбить недолго, да какой изъ того толкъ будетъ?

Шельм. А такой толкъ, что, будучи, мы себѣ, стало быть, одружимся.

Мотря. Боже меня сохрани, чтобы я за солдата свою голову утопила!

Шельм. Какой я, стало быть, солдатъ? Былъ когда то, будучи, солдатомъ, но какъ себѣ такой храбрый, что только *завижу* турка, то такъ его и срубаю, такъ за то меня и пожаловали чиномъ деньщика, и уже я изъ простыхъ вышелъ, а уже я, будучи, капитанскій деньщикъ.

Мотря. Такъ вы уже и благородные?

Шельм., *сз равнодушною важностію.* Эге!

Мотря. И жена ваша, по васъ, станеть благородная?

Шельм. Вотъ таки точнехенько, какъ и я. Чего добраго, можетъ, будучи, дослужуся и до генеральскаго деньщика. Гмъ! У насъ такъ.

Какъ бѣсъ искустель, Шельменко льстивыми своими рассказами возбудилъ въ Мотрѣ тщеславіе до того, что она, забывъ свое долговременное дѣвическое состояніе, полную довѣренность къ себѣ Фенны Степановны и неограниченную власть свою надъ дворнею господъ своихъ, нечитавъ никогда табели о рангахъ и неслыхавъ, въ какомъ классѣ деньщики офицерскіе и генеральскіе, повѣрила льстивымъ увѣреніямъ искустеля Шельменка, допустила въ себѣ зародиться желанію стать благородною, а потому, оставя собирать яблоки, начала осматривать жениха со всѣмъ вниманіемъ, и спросила съ удивленіемъ:

«Дослужитесь до генеральскаго?... Когда такъ, то хотя вы и очень нехороши собою, пыкаты, мордаты и пузо у васъ нелюдское, но нужды нѣтъ, я, хоть и несчастлива буду съ вами, но пойду за васъ, чтобъ стать благородною. Когда же вы пришлете старость сватать меня?»

Шельм. Знаете что? Будучи, иногда паны ваши васъ неотдадутъ за меня, такъ мы прежде такъ сдѣлаемъ, чтобъ мой капитанъ, стало быть, на вашей барышнѣ женился.

Мотря. Мои господа ни за что въ свѣтѣ неотдадутъ ее за него. Онъ гольтепѣ, бѣдный.

Шельм. Такъ мы, будучи, такъ смастеримъ, чтобъ они, стало быть, одружились. Ее неотдаютъ, такъ мы хотимъ ее украсть, а вы намъ, будучи, помогайте. Вотъ письмецо отъ моего капитана къ вашей, будучи, барышнѣ; отдайте его секретненько; тутъ все написано.

«А чтобъ вы недождали съ вашимъ капитаномъ, чтобъ я вамъ помогала противъ моей барыни....» вскричала Мотря, увидѣвъ, что исканіе руки ея былъ только предлогъ, чтобы чрезъ нее дѣйствовать ко вреду Фенны Степановны.

На бѣду Шельменка, въ самое это время Кириль Петровичъ, какъ это была суббота, полумойками былъ выгнанъ изъ своего кабинета, и схвативъ Московскія Вѣдомости, ушолъ въ садъ и явился у самой той яблони, гдѣ Шельменко льстиво изъяснялся въ любви Мотрѣ, сѣлъ на скамейку и расположился читать о подвигахъ христиносовъ.

Увидѣвъ барина, Мотря пришла въ большое замѣшательство, опасаясь, что онъ замѣтитъ ее, скромную до сего и цѣломудренную Мотрю, гнавшую и искоренявшую самый призракъ разврата, увидеть въ тѣни, подъ яблонею, съ молодымъ деньщикомъ. Что подумаетъ баринъ про нее и даже барыня, когда узнаетъ? И такъ она рѣшилась лучше притаиться подъ деревомъ, пока уйдетъ баринъ домой, а Шельменку начала махать рукой, чтобъ онъ удалился....

Шельменко былъ въ большой бѣдѣ. Выйти изъ-подъ яблони ему невозможно было: Кириль Петровичъ увидитъ, навѣрное схватитъ, и сбудутся тогда всѣ его опасенія. Непридумывая, какъ бы выпутаться изъ бѣды, почесалъ затылокъ и невыдержалъ, проговорилъ: «вотъ теперь, жучку, попался пану въ ручку».

Мотря, сколько можно тише, Да убирайтесь себѣ къ чорту съ вашимъ сватовствомъ, пропадайте и съ вашею любовью. Пролѣзайте черезъ кусты, чтобъ баринъ неувидѣлъ....

Но этого уже нельзя было сдѣлать. Кириль Петровичъ, услышавъ легкій шумъ въ гущѣ деревъ, подумалъ, что кто-нибудь пришолъ красть яблоки, и желая прекращеніемъ такого зла угодить Феннѣ Степановнѣ, потому что эта часть принадлежала къ ея ховяйству, оставя сражающихся христино-

совъ, поспѣшилъ на шумъ и, открывъ скрывающихся, вскричалъ: «А чего вы это забрались сюда? Что это значить? Не куры ли какія, а?»

Шельм. Да такъ-таки, точно такъ. Знаете? Будучи, наша курочка, стало быть, вонъ тамъ, такъ я, будучи, спрашивалъ... неможно ли ее.... будучи.... стало быть....

Кир. Петр. Я тебѣ дамъ курочку! Живого тебя невыпущу. Ты, Мотря, зачѣмъ здѣсь? Это любовныя пашни? а?

Шельм. Да она.... знаете?... она тутъ со мною.... будучи.... такъ....

Кир. Петр. Я не тебя спрашиваю, съ тобою раздѣляюсь послѣ. Ты, Мотря, зачѣмъ здѣсь! Говори мнѣ всю правду.

Мотря. У меня нѣтъ никакой правды, ни неправды, я вся передъ вами. Я собирала упавшія зеленыя яблочки, вамъ же на пирожки, а онъ и приполю, и уговаривалъ меня, чтобы я помогала капитану взять барышню за себя, а подъ-часъ и увести ее. Вотъ и письмо отдалъ къ барышнѣ.

Кир. Петр. А ты и взяла?

Мотря. Взяла, чтобы вамъ отдать. Вы знаете меня.

Кир. Петр. Хорошо. Подай сюда письмо. А ты бездѣльникъ! что теперь скажешь?

Шельм. Я за тѣмъ, будучи, и приполю сюда, чтобы всю правду сказать вамъ, ваше благородіе.

Кир. Петр. Во-первыхъ, несмѣй меня величать ваше благородіе! Я хоть и прапорщикъ въ отставкѣ, но я сынъ бунчуковаго товарища; а этотъ чинъ равняется съ чиномъ коллежскаго асессора, а тотъ съ чиномъ сухопутнаго майора. Такъ видишь ли, что меня нельзя равнять съ благородными?

Шельм. Я, будучи, только увидѣлъ васъ, то и самъ это же подумалъ. Куда вамъ до благородныхъ, ваше высокоблагородіе!

Кир. Петр. То-то же. Сейчасъ открой мнѣ всю правду. Видишь ли? ты въ моихъ рукахъ. Мотря, покличь сюда конюхоу.

Шельм. Да зачѣмъ ихъ беспокоить, ваше высокоблагородіе! Имъ, будучи, нѣкогда. Я и вамъ все расскажу. Пускай и Мотря идетъ пирожки готовить.

*

Кир. Петр. Хорошо! Мотря, поди раскажи все барынѣ, а я и самъ скоро прійду къ нимъ. *Пробѣжавъ письмо, а между тѣмъ Шельменко расположилъ въ умъ роль свою.* Ахъ, онъ бездѣльникъ!... Ну, говори ты; что-то ты скажешь?

Шельм. Мнѣ, будучи, недолго расказать, потому что я правду раскажу. Вотъ что я в. в-ю раскажу. Какъ меня вняли.... стало быть, какъ я пошолъ охотою въ солдаты, вотъ уже будетъ семь лѣтъ.... Нѣтъ, брешу; это было въ Филиповку, въ тотъ годъ....

Кир. Петр. Да что ты мнѣ путаешь? Говори, зачѣмъ ты здѣсь?

Шельм. Съ ротою, в. в-е, капитанъ мой пришолъ съ ротою, такъ и я, будучи, при капитанѣ....

Кир. Петр. Да не то! Я знаю, что васъ нелегкая принесла сюда на мое мученіе. Но зачѣмъ ты здѣсь въ саду.

Шельм. Э! въ саду? Такъ вамъ это желается знать? Извольте. А какъ я въ службу, будучи, вступилъ этого нехотите слушать?

Кир. Петр. Пропадай твоя голова! мнѣ это ненужно. Ты скажи мнѣ, какъ ты смѣлъ войти въ мой садъ и принести письмо къ моей дочери.

Шельм. Эхъ, ваше высокоблагородіе! Чтобы вы дѣлали, какъ бы, будучи, не я, Шельменко, пошолъ съ этимъ письмомъ? Капитанъ уже послалъ Усачова; а тотъ, я знаю, не только письмо отдалъ бы самъ въ руки барышнѣ, да и ее увелъ бы къ капитану, да не только ее, и самую барыню укралъ бы у васъ. Это чортъ, а нечеловѣкъ! Вотъ я вижу, что вамъ готовится бѣда, жаль мнѣ стало васъ.... всплакнулъ немного.... *будто плачетъ.*

Кир. Петр. Чего же тебѣ такъ жаль стало?

Шельм. Помилуйте! Какъ не жалѣть, будучи, такого добраго барина? Я, ваше в-е, такъ васъ, будучи, улюбилъ, что готовъ за васъ и на смерть и на муку!

Кир. Петр. Спасибо тебѣ, добрый Шельменко! Вотъ тебѣ на первый случай поцалуй руку мою, а будешь больше служить, я больше награжу.

Шельм., цалуетъ его руку. Мнѣ и это великая награда!

Кир. Петр. Ну, рассказывай далѣе.

Шельм. Вотъ я, чтобъ лучше, будучи, вамъ услужить, вызвался самъ отнести. Расказалъ капитану, что у меня всѣ знакомые во дворѣ, и что я и такъ и сякъ поступлю и письмо отдамъ. А капитанъ, какъ дуралей, будучи, развѣсилъ уши и слушаетъ, словно вотъ какъ теперь вы, и вѣрить всему.

Кир. Петр. То ужъ подлинно дуралей! А тебѣ проводить дураковъ и не въ-первое.

Шельм. Ого! лишь бы попался. Иногда, вотъ какъ и теперь, будучи, брешу безъ милости, а тотъ дуралей, что слушаетъ, вотъ какъ и вы, всему вѣрить, да еще и хохочетъ.

Кир. Петр. хохочетъ отъ чистаго сердца. Ну, далѣе что?

Шельм. И далѣе все, будучи, слушаетъ, вѣрить и хохочетъ. Да, про письмо? Такъ вотъ я и получилъ письмо и хотѣлъ прямо нести къ вамъ, да повстрѣчался съ Мотрею; она мнѣ, будучи, и скажи, что вамъ нѣкогда и вызвалась сама письмо отдать. Я же, чтобъ, стало быть, еще больше привлечь на свою сторону, такъ я тутъ, знаете?... извѣстно, наше молодецкое дѣло, какъ обыкновенно служивый... Ну... тее-то...

Кир. Петр. Понимаю, понимаю! Я и самъ служилъ и молодъ былъ. Ай да молодецъ, Шельменко!

Шельм. Вотъ и хорошо, что вамъ только намекни, а вы, будучи, и понимаете. И какъ только что... стало быть, а вы тутъ и вошли.

Кир. Петр. Хорошо же. Теперь ты скажешь капитану, что письмо отдалъ самой барышнѣ....

Шельм. Да уже меня, ваше в-е, неучите, какъ людей одуривать... Я... будучи, такого ему нагорожу, а онъ все выслушаетъ, повѣритъ и станетъ благодарить, вотъ какъ и вы.

Кир. Петр. Какъ же, какъ же. Я тебѣ очень благодаренъ.

Шельм., вытянувшись. Прощенія просимъ, ваше высокоблагородіе!

Кир. Петр. Прощай, любезный Шельменко! Когда новое что узнаешь, приходи прямо ко мнѣ и раскажи; я особенно буду тебя благодарить.

Шельм. Рады стараться, ваше в!... Неизвольте сомнѣваться во мнѣ и людямъ прикажите нетрогать меня. Я здѣсь часто буду бродить и хочу заманить сюда капитана. Какъ

онъ, будучи, прійдетъ сюда, а я вамъ подамъ знакъ, стану кашлять громко, а вы и выйдете къ нему, и тутъ выговорите ему, устыдите его....

Кир. Петр. Я его устыжу по-своему. Я проучу его возставлять дочь противъ родителей! Я ему все припомню тогда!

Шельм. Какъ знаете, такъ и сдѣлаете. На то воля вашего в—я.

Уладивши все дѣло, Шельменко пошелъ къ капитану, придумывая дорогою, какъ бы отолгаться и у него.

Кириль Петровичъ, успокоенный мудрымъ своимъ распоряженіемъ къ отвращенію всѣхъ злонамѣренныхъ дѣйствій Ивана Семеновича и обольщенный обѣщаніями честнаго Шельменка, принялся дочитывать оставленную имъ газетную статью и потомъ пошелъ къ Феннѣ Степановнѣ, но, идучи дорогою, придумалъ «позабавить ее маленькою оллегорією», какъ онъ выражался.

Кир. Петр., войдя въ комнату Фенны Ст. Знаете ли, маточка, что я придумалъ? И, кажется, оно будетъ хорошо!

Фенна Ст. считаетъ въ простомъ моткѣ нитки, въ пол-юлоса. Шестнадцать, семнадцать.... *Мужу, громко.* А что вы, душечка, придумали? Ужъ конечно будетъ хорошо, когда вы это своею головою придумали.... *Тихо:* восемнадцать, девятнадцать.... *Мужу.* Скажите же, что такое?

Кир. Петр. А вотъ такое. Я думалъ о нашемъ Иванѣ Семеновичѣ. Мнѣ жаль его; онъ отъ глупости влюбился въ Пазиньку, и съ бухты-барахты, не рассчитавъ невозможностей и невидя различія между собою и нами, рѣшился свататься. Конечно, мы отказали ему, какъ и слѣдовало, но кто знаетъ, чего не знаетъ? Можетъ быть, онъ теперь и самъ раскаивается къ своей дерзости, желалъ бы поправить дѣло, да не знаетъ, какъ приступить, потому что мы отказали ему отъ дому. Такъ непослать ли пригласить его, выговорить ему порядочно и, запретивъ, чтобъ уже не смѣлъ любить Пазиньки, оставить его у насъ на прежней ногѣ.

Фенна Ст. Тридцать девять, тридцать десять—сорокъ. Вотъ же вы прекрасно выдумали и никогда еще такъ умно не разсуждали; я и сама безъ него, какъ безъ рукъ. Онъ мнѣ много помогалъ. Теперь водку перепускаю безъ него, нѣкому

за штофами смотрѣть, уже Ваську колченогую посадила.... Сорокъ одинъ, сорокъ два....

Кир. Петр. А Мотря была у васъ?

Фенна Ст. Приходила съ какими то рассказами, но не до нихъ теперь. Много бабъ сошлось съ мотками, поручила уже ей принимать; сама, ей Богу, неуправлюсь.... Пусть же ввечеру расскажетъ, что тамъ такое она подмѣтила? Пошлите же, душечка, за Ианомъ Семеновичемъ; мнѣ онъ очень нуженъ. Скажите ему, что, когда онъ кается....

Кир. Петр., показывая письмо? А прочитайте-ка, вотъ онъ какъ кается!

Фенна Ст. Вы же знаете, душечка, что я неумѣю скорописи. Прочитайте мнѣ. Когда же очень жалко, то нечитавши расскажите, а то при жалкомъ я тотчасъ расплачуся.

Кир. Петр. въ мнѣ. Вотъ какъ жалко: тутъ онъ пишетъ, что у насъ жестокия сердца....

Фенна Ст. оставляетъ свой счетъ, вскрикиваетъ. У насъ? сердца?

Кир. Петр. Что дочь необязана слушать родителей, когда противное предлагаетъ ей сердце.

Фенна Ст. Противное сердце? у насъ?

Кир. Петр. И что въ такомъ положеніи она должна съ нимъ бѣжать.

Фенна Ст. Съ положеніемъ? бѣжать?

Кир. Петр. И это письмо писано къ Пазинькѣ.

Фенна Ст., вскрикнувъ громко. Къ Пазинькѣ?!... *Работа выжидаетъ у нея изъ рукъ, и она, всплеснувъ руками, стоитъ въ ошлупеніи.*

Кир. Петр. Да, къ Пазинькѣ, нашей единородной дочери. Тутъ онъ назначаетъ время и мѣсто, куда она должна выйти, а онъ подѣдетъ и увезетъ.

Фенна Ст. Увезетъ?! Охъ, Мати Божія! И Пазинька согласна? А можетъ и уѣхала?

Кир. Петр. Куда ей уѣхать? Я перехватилъ письмо, и она незнаетъ про него. Теперь вы только наблюдайте за всякимъ шагомъ дочери, а капитанъ у меня въ рукахъ; что захочу, то съ нимъ и сдѣлаю.

Фенна Ст. Знаете, душечка, что? Завовите его, подъ видомъ ласки, къ себѣ, да тутъ такъ его отпотчуйте, чтобъ не только о дочери, но и о послѣдней кухаркѣ нашей недумалъ.

Кир. Петр. Нѣтъ, это нехорошо. Онъ будетъ жаловаться.

Фенна Ст. А вы отговоритесь своею холерическою ком-плекціею. Но какъ же вы себѣ хотите, а взыскать на комъ же нибудь надобно. Дайте мнѣ волю надъ Пазинькою: я ее такъ доведу, что она и черезъ сорокъ лѣтъ не влюбится ни въ кого.

Кир. Петр. И это негодится. Чѣмъ бѣдное дитя виновато, что въ нее влюбляются? А тутъ, чтобы истребить это зло, надобно тонко поминистровать. Неговорите Пазинькѣ ничего, чтобъ она и подозрѣнія неимѣла, а только наблюдайте, какъ она выйдетъ въ садъ, чтобъ несошлась съ капитаномъ; а за нимъ я уже буду стеречь. Только смотрите, чтобъ молодые не провели васъ. Вспомните и себя, какъ, можетъ быть, обманывали присмотрщицъ своихъ!

Фенна Ст. Вотъ уже чего небыло. И родилась, и выросла, и въ дѣвкахъ сколько пробыла, а ни въ кого не влюблялась, и что-то есть за любовь, незнаю и никакого понятія объ ней неимѣю. Цуръ ей отъ меня! Въ кого и Пазинька родилась такая, незнаю.

Такимъ образомъ супруги расположили дѣйствовать, а колченогой Васькѣ приказали наблюдать за барышнею и, какъ скоро она выйдетъ въ садъ, тотчасъ дать знать Феннѣ Степановнѣ.

Иванъ Семеновичъ, невидя возвращенія Шельменка изъ экспедиціи, крѣпко беспокоился отъ ненавѣстности. Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, схватилъ по какому-то расчоту, на случай встрѣчи съ Кирилломъ Петровичемъ, киверъ, шпагу, и пошолъ прямо въ садъ.

Неуспѣлъ войти въ него, какъ тутъ ему пырь въ глава самъ Шельменко. Онъ шолъ въ большихъ мысляхъ, придумывая, какъ бы отолгаться передъ капитаномъ, какъ вдругъ наткнулся на него и отъ нечаянности вскрикнулъ обыкновенное свое: «тю!»

Ив. Сем. Шельменко! Что ты это?

Шельм. Испу.... испугался, ваше благородіе!

Въ самомъ дѣлѣ онъ крѣпко испугался, какъ отъ нечаянности, такъ и отъ того, что непридумалъ, какой отчотъ дать въ успѣхѣ посольства, а тутъ еще увидѣлъ капитана во всей формѣ, то до того потерялся, что, ставши въ позитуру, едва могъ дышать.

Ив. Сем. Говори скорѣе, есть ли какой успѣхъ?

Шельм. *въ замѣшательствѣ.* Все... все благополучно, ваше благородіе! Нѣту-те, будучи, никакого успѣха.

Ив. Сем. Какъ это? Почему же ты не исполнилъ моего порученія?

Шельм. Я все, будучи, исполнилъ исправно.

Ив. Сем. Отыскалъ дѣвку въ саду?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Ив. Сем. Можетъ быть, самую барышню видѣлъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Ив. Сем. Стало и письма неотдалъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Ив. Сем. Зачѣмъ же ты неотдалъ?

Шельм. Немогу знать, ваше благородіе.

Ив. Сем. Почему же ты не исполнилъ? Вѣдь я тебѣ приказалъ?

Шельм. Эге! пожалуй; ваше благородіе приказали, такъ что же? Собака за плетнемъ, будучи, крѣпко залаяла, такъ я, стало быть, и драла назадъ.

Ив. Сем. Ахъ, ты трусъ! Собаки испугался?

Шельм. Собаки, ваше благородіе! Вѣстимо, видимая смерть страшна.

Ив. Сем. Я тебя еще не такъ напугаю! Прикажу тебѣ отпустить обѣщанныхъ сто палокъ.

Шельм. Ваше благородіе! Будьте милостивы, какъ командиръ и начальникъ. А то, что обѣщали, Богъ съ нимъ, пусть остается, я согласенъ и оставить. Только повѣрьте моему слову, такъ испугался собаки, а тутъ и васъ, ваше благородіе! Слова немогу проговорить. Теперь мнѣ немного отлегло, такъ я все припомнилъ и все расскажу. Будучи, ваше благородіе, какъ пошолъ я, да стало быть, и пошолъ въ садъ, ая тамъ барышня, будучи, все ходитъ, да плачетъ, да, будучи, васъ

вспоминаетъ; а я подошлъ и говорю: не плачьте, ваше благо.... нѣтъ, говорю, ваше высокoblагородіе; она вѣдь, ваше благо-родіе, будучи, дочь сына отца бунчуковаго товарища, такъ регула велить величать ваше высоко....

Ив. Сем. Все равно, все равно. Ты мнѣ говори про дѣло. Ты отдалъ ей письмо?

Шельм. Нѣтъ, ваше благородіе, будучи, еще не отдавалъ, а говорю: «не плачьте, ваше высокoblагородіе! вотъ вамъ письмо» и тутъ уже и подалъ.

Ив. Сем. Что же? она прочитала его?

Шельм. Какъ же, прочитала и тутъ же заплакала, да такъ жалко, что и я всплакнулъ.... *Будто плачетъ.*

Ив. Сем. Спасибо тебѣ, добрый Шельменко!

Шельм. Рады стараться, ваше благородіе!

Ив. Сем. Что же? барышня обѣщала прислать отвѣтъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! А сказала, будучи, чтобъ вы ходили въ саду, около дому; она увидитъ и къ вамъ выйдетъ и обо всемъ переговоритъ.

Ив. Сем. Это лучше всего.

И скрылся въ саду, пробираясь къ дому, а Шельменко доволенъ, что выпутался изъ бѣды, наговоривъ небывальщины, пошолъ въ другую сторону, предполагая, если капитанъ встрѣтится съ барышнею, тогда явиться къ нимъ для услугъ; но если вмѣсто барышни встрѣтится Кириль Петровичъ, то бѣжать и, кашлемъ объявивъ о присутствіи капитана, предать его въ руки раздраженнаго Кирила Петровича и тѣмъ отплатить капитану за прежнія и будущія пакки.

Фенна Степановна, какъ обыкновенно, занята была тѣмъ-то важнымъ по хозяйству. Непомню настоюще, наблюдала ли за выборомъ самыхъ зеленыхъ и здоровыхъ огурцовъ для соленія, или присутствовала, какъ домашній бапмашникъ изъ большой воловьей кожи выкраивалъ для горничныхъ бапмаки, и она присматривала, чтобы неприрѣзаль онъ чего въ пользу свою, какъ вдругъ колченогая Васька вбѣжала къ ней съ до-несеніемъ: «барышня послаи у садъ и усѣ огладивались, цтобъ никто не увидалъ».

— Хорошо же, сказала Фенна Степановна и мигомъ составила планъ помѣшать свиданію любовниковъ.

Судьба однако же имъ поблагопріятствовала. Они скоро сошлись, и пересказано было все, кто что вытерпѣлъ, что и какъ будетъ терпѣть впередъ въ доказательство сильной, вѣчной любви. Иванъ Семеновичъ, объяснивъ чисто и ясно, что невыдадутъ ее за него ни за какія блага, предлагалъ, какъ предлагаетъ всегда страстно любящій богатую наслѣдницу, уѣхать тихонько и явно обвиняться съ нимъ.

Пазинька, какъ прилично не воспитанной, а здраво мыслящей дѣвушкѣ, слышать о томъ не хотѣла. Иванъ Семеновичъ возражалъ, убѣждалъ, умаливалъ, упрашивалъ; Пазинька стояла въ своемъ и ни за что несоглашалася, какъ вотъ подошоль и Шельменко.

Замѣтивъ любовниковъ сопедшихся, онъ прилежно высматривалъ, нѣтъ ли въ саду Кирила Петровича или кого изъ людей. Незамѣтивъ нигдѣ и никого, онъ, и все-таки съ осторожностію, подошоль къ нимъ и сказалъ: «да сдѣлайте милость, будучи, меньше говорите, а скорѣе дѣло оканчивайте. Вотъ какъ сдѣлаемъ: мы договоримъ священника, чтобъ насъ обвинчалъ, подѣдемъ вонъ къ той калиткѣ, подадимъ вамъ знакъ, а вы, барышня Кириловна, тогда, смотрите, всякое дѣло, будучи, бросьте, да бѣгите къ коляскѣ, да въ коляску, да къ церкви, да какъ свѣнчаемся, тогда....»

«А что это такое?» раздался за нимъ голосъ раздраженной Фенны Степановны. «Чему это ты научаешь?.... Что у васъ за умыслы? Увозить мое дитя?.... Не стыдно ли вамъ, Иванъ Семеновичъ: за нашу хлѣбъ-соль платите такую неблагодарностію!»

Ив. Сем., оправаясь нѣсколько отъ перваго смущенія. Одна сильная любовь къ вашей дочери извиняетъ меня за такое рѣшительное намѣреніе, и повѣрьте, сударыня....»

Фенна Ст. Несмѣйте меня такъ называть!... Что я вамъ за сударыня далась? Благодаря Бога, я имѣю имя и отчество, и я мужнина, законная жена, а не сударыня какая-нибудь.... Сильная любовь, говорите вы? Поэтому, какое бы зло вы намъ ни сдѣлали, такъ все будете отговариваться сильною любовью?

Шельм., собравшись съ духомъ. Вотъ что! Писаніе глаголетъ: на волка поговорка. Сами, будучи, во всемъ виноваты, да на любовь сворачиваете? О, чтобъ васъ (дѣлаетъ знакъ капитану)!

Фенна Ст. А ты, плутъ, зачѣмъ мѣшаешься? Не ты ли тутъ давалъ совѣты, какъ уходить?

Шельм. Хе, хе, хе, хе! О, чтобъ васъ! Незнаютъ ничего, да, будучи, и говорятъ. Жаль мнѣ, что невозможно, стало быть, всего при всѣхъ разказать. Вотъ пойдемъ, пани, подѣ ту яблоню, тамъ я вамъ, будучи, все расскажу.

Фенна Ст., все больше и больше сердясь. Еще онъ смѣетъ меня дурачить и звать на секреты! Вонъ изъ моего саду и несмѣй ни здѣсь, ни во дворѣ показываться; велю дубьемъ прогонять. А вамъ, Иванъ Семеновичъ, однажды навсегда сказано, что она вамъ не суженая. Оставьте насъ въ покоѣ, и ее несмушайте болѣе.

Пазинька. Умилосердитесь, маминька! составьте мое счастье!

Ив. Сем. Я умру, если вы меня разлучите съ нею!

Фенна Ст. Я вамъ опять повторяю, оставьте насъ навсегда и скорѣе. Мужъ мой, если увидитъ васъ здѣсь, то, непрогнѣвайтесь, нанесетъ вамъ непріятностей. Пазинька! иди домой, я тебя съ глазъ не спущу.

Ив. Сем. Знай, милая Пазинька, что если отвергнешь мое предложеніе, то завтра же увнаешь о моей смерти. *Ушолъ.*

Шельм. А я и отрепортую.

Пазинька, уходя. О, Боже! кто наставитъ меня!...

Фенна Ст. Ты зачѣмъ здѣсь остаешься? Вонъ и ты!

Шельм., увидѣвъ, что капитанъ уже далеко зашолъ, начинаетъ кашлять. Кахи, кахи, ках-кахи!

Фенна Ст. Онъ еще и раскашлялся! Вонъ, говорю я. Тебя недолго: велю и въ дубѣ принять.

Шельм. все громче кашляетъ. Да кахи, кахи, кахи! А говъ, кахи, кахи, кахи!

Фенна Ст. Онъ меня бѣситъ своимъ кашлемъ. Убирайся вонъ, или я пришлю людей выпроводить тебя.

Шельм. Да кахи, кахи, кахи.... Насилу и онъ.

Кир. Петр., постышая. Что тутъ? А, это ты, Шельменко! что тебѣ надобно?

Фенна Ст. Ему то надобно, что онъ здѣсь славныя дѣла завелъ: вызвалъ Пазиньку, да и свелъ ее съ капитаномъ и научалъ, какъ имъ уйти.

Кир. Петр. Шельменко, что я слышу?

Шельм. *хладнокровно.* То, будучи, слышете, что пани вамъ рассказываетъ.

Кир. Петр. Такъ ты уже съ капитаномъ за-одно?

Шельм. Это имъ такъ показалось.

Фенна Ст. Какое показалось? Я пришла, душечка, сюда, а они всѣ трое совѣтуются, какъ имъ Пазиньку увезти; но она несоглашалась, что же? нехочу брать грѣха на душу, несоглашалась. Такъ онъ тутъ и присталъ: «подговоримъ священника, подѣдемъ, а вы выйдете, уѣдете, и свѣнчаемся». Какъ я тутъ и отозвалась. Какъ же онъ, увидя меня, поблѣднѣлъ, испугался, что плутни его открылись. А? не такъ ли? Что же ты молчишь?

Шельменко въ мысляхъ сказалъ. Теперь молчу, а послѣ отбрешусь. *Громко.* Молчу, что нетакъ это было.

Фенна Ст. Какъ нетакъ? Не ты ли здѣсь стоялъ?

Шельм. Стоялъ.

Фенна Ст. Не сказывалъ ли ты, какъ смеркнетъ?

Шельм. Сказывалъ.

Фенна Ст. Не говорилъ ли ты, что вы подѣдете къ калиткѣ?

Шельм. Говорилъ.

Фенна Ст. Не говорилъ ли ты, что дашь знать Пазинькѣ...

Шельм. И сказывалъ, и говорилъ, и все это рассказывалъ, такъ что же? Оно все, будучи, такъ, да, стало быть, и нетакъ.

Кир. Петр. Нѣтъ, Шельменко; какъ я вижу, это похоже на мошенничество!

Шельм. Будучи, похоже, ваше высокоблагородіе.

Кир. Петр. Такъ прочь же съ глазъ моихъ, бездѣльникъ! Ты думалъ меня обмануть, будто взявши мою сторону противъ капитана, да не на того напалъ. Я сейчасъ замѣтилъ, что ты, какъ литовскій цѣпъ, въ обѣ стороны молотишь. Неудастся тебѣ провести меня. Вонъ отсюда; несмѣй мнѣ на глаза показаться.

Шельм., вытянувшись. Прощенія просимъ, ваше высокоблагородіе; счастливо оставаться... и вдругъ зарыдалъ притворно.

Кир. Петр. Чего ты разрюмился?

Шельм., все плача. Жалко.... будучи, такого отца и родителя.... покидать! Я думалъ, будучи, усердно служить вамъ.

Кир. Петр. Думалъ, да споткнулся, а?

Шельм. Неспотыкался, ваше благо.... или бишь, ваше высокоблагородіе, ни разу ни на ученѣ, ни передъ вами, а маршировалъ, стало быть, прямо, ровно и все въ ногу: лѣвой, правой, лѣвой, правой. И для васъ дѣлалъ, какъ лучше.

Фенна Ст. Хорошо лучше, когда было совсѣмъ увезли Пазиньку, если бы не я. Скажи, не правда ли моя?

Шельм. Да оно такъ: будучи, и чистая правда, да немного, стало быть, заржавѣла.

Фенна Ст. Какъ заржавѣла? Смѣешь такъ говорить? Вонъ отсюда!

Кир. Петр. Пойдите, маточка, негорячитесь: прогнать всегда можно. Послушаемъ, что онъ скажетъ въ свое оправданіе.

Фенна Ст. Что его слушать! онъ наговорить, что и на вербѣ груши родятся, такъ ему и вѣрить? Я же сама слышала....

Шельм. Пожалуй, вы и слышали, что я, будучи, говорилъ вотъ этимъ языкомъ; да небыли у меня, будучи, на душѣ, узнаете моихъ мыслей!

Кир. Петр. Что же у тебя было на душѣ? рассказы-вай, да знай, что уже меня больше непроведешь, и я тебѣ на волосъ неповѣрю.

Шельм. Куда уже мнѣ васъ обманывать! Мнѣ жалъ и смотрѣть на васъ, что вы, будучи, чуть-чуть и сами не майоръ, да вѣрите тому, что неправда. А мнѣ хоть вѣрите, хоть совсѣмъ невѣрите, но я есть солдатъ, присяжный человѣкъ, долженъ всю правду сказать. Вотъ какъ я, по приказу вашего высокоблагородія, присматривалъ, увижу ли гдѣ капитана, какъ, глядь! они, будучи, и сошлись. Мнѣ такъ жалко стало, что такого важнаго и добраго пана, будучи, бунчуковаго товарища, что совсѣмъ на майора сдается, да кто же обманываетъ? капитанъ, небольшое. Гай, гай! вотъ я подошолъ къ нимъ и началъ имъ всякій вздоръ молоть, чтобъ его задержать, а самъ все силюся кашлянуть, по нашему условію съ вами, и уже самъ непомню, что говорю, а самъ все кашляю, все кашляю.... какъ тутъ и пришла барыня, и сцѣпилась со

мною. Тутъ надобно, будучи, и ей отвѣчать и къ вамъ кашлять, а тутъ капитанъ и ушолъ отъ меня. Такъ вотъ что вы, пани, надѣлали! Капитанъ ушолъ изъ рукъ, а я во всей винѣ виновать. О горе мнѣ!

Кир. Петр. Ахъ, маточка, что же вы это надѣлали? Помѣшали Шельменкѣ выдать капитана руками. Всегда берется не за свое дѣло. Дать было ему волю: онъ бы славно все кончилъ. Я васъ прошу, маточка: что будете слышать или видѣть, отойдите прочь, невмѣшивайтесь.

Фенна Ст. Это преудивительные порядки выходятъ! У матери хотятъ похитить ея рожденіе, а она недолжна мѣшатся! Вы, Кирилъ Петровичъ, хотя и мужъ мой и почитаетесь умнѣ меня, простой бабы, но я вамъ единожды навсегда скажу, что онъ васъ обманетъ. Не съ вашимъ умомъ этого невидѣть.

Кир. Петр. уже съ досадою. Не съ вашимъ же умомъ дѣлать мнѣ наставленія. Я все предвидѣлъ, рассчиталъ, устроилъ и никому невѣрю больше, какъ Шельменку. Идите, маточка, къ своему дѣлу и своимъ вмѣшиваніемъ непортьте здѣсь....

Фенна Ст. Прекрасно!... Благодарю васъ, Кирилъ Петровичъ! Заслужила двадцатилѣтнею моею съ вами жизнію, угождая и покоряясь вамъ во всемъ, заслужила, что меня мѣняете на пришлеца, бродягу, мошенника, плута.... Отъ вашего ума неожидала такой себѣ пощочины!

Кир. Петр. Охъ, Фенна Степановна, непринимайте всего прямо къ сердцу. Я дѣйствую осторожно, невсѣмъ открываю, чтобы небыло разболтано.

Фенна Ст. Такъ.... я стала у васъ и болтунья, и бессмысленная, и безтолковая. Давно ли было, какъ я была и душечка, и голубочка, и распрекрасна, и преразумница, а теперь — тфу! Благодарю васъ: оцѣнили мою любовь и вѣрность! Оставляйте же себѣ съ Шельменкомъ!... Заслужила честь.... благодарю васъ.... премного благодарю.

Ушла въ большой досадѣ.

Еще никогда небыла такъ огорчена Фенна Степановна, и Кирилъ Петровичъ видѣлъ это. Ему было досадно на себя; онъ нѣсколько разъ почесалъ голову лѣвою рукою, обдергалъ халатъ свой правою, призадумался, но, вспомнивъ, что онъ имѣетъ холерическій темпераментъ, успокоился и занялся съ

Шельменкомъ. Разказалъ ему всё бывавшіе переговоры съ Фенною Степановною во все время супружеской ихъ жизни, по какому предмету были размолвки, какъ долго продолжались и чѣмъ оканчивались. Тутъ необходимо было для ясности разказа присоединить полную исторію процесса съ Тпрунькевичемъ и въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ повѣтовомъ судѣ. Вспомнивъ о всѣхъ обидахъ, нанесенныхъ Тпрунькевичемъ знаменитымъ Шпакамъ, Кириль Петровичъ выходилъ изъ себя, клялся отомстить ему за весь свой родъ, и тутъ же, обращаясь къ Шельменку, просилъ его придумать, какъ нанести Тпрунькевичу такую обиду, которой бы онъ не забылъ, и отъ которой бы не утѣшился во всю жизнь свою.

Шельменко, непереставая подтакивать во всемъ его высокоблагородію и одобряя всё его дѣйствія и намѣренія, на послѣдній предметъ, подумавъ, тотчасъ нашолъ средство и сказалъ: «я, ваше высокоблагородіе, будучи, разсуждаю по простотѣ. Иное дѣло одинъ; а иное два. Вдвоемъ удачнѣе вамъ дѣйствовать противъ одного. Такъ я и разсуждаю: пристаегъ мой капитанъ, чтобъ вы отдали за него свою дочь—сгинь его голова,—отдайте уже за него, пусть вамъ нескучаегъ, да тогда вдвоемъ скорѣе приберете въ свои руки пана Тпру... какъ въ его назвали?»

Кир. Петр. Этого ты мнѣ не говори, я и слышать не хочу. А съ Тпрунькевичемъ я и одинъ слажу, и хоть не прямо ему, а черезъ дочь его, которая у него одна и есть, и которой онъ ни за кого не выдаетъ, такую ему штучку подведу, что онъ меня цѣлый вѣкъ не забудетъ. Хотя же бы я видѣлъ къ исполненію сего намѣренія и явную помощь отъ капитана, но дочери за него неотдамъ. Кто онъ? Скворцовъ! Можетъ быть, предокъ его торговалъ скворцами. А я Шпакъ и отъ Шпака происхожу. Когда, непомню какой-то, ясновельможный нашъ гетьманъ сидѣлъ у ляховъ въ темницѣ, то мой родоначальникъ, изъ усердія и преданности, приходилъ къ той темницѣ и подъ окномъ выпѣвалъ подобіемъ шпака, въ чомъ онъ очень искусенъ былъ, разныя штуки и мелодіи, и тѣмъ много утѣшалъ въ скорби горестнаго ясновельможнаго добродѣя. Гетьманъ, по освобожденіи своемъ, подарилъ ему большія маетности, далъ шляхетство и гербъ (въ гербѣ изображонъ поющій шпакъ), повелѣвъ ему и роду его именоваться въ вѣч-

ныя времена Шпаками. Я въ прямой линіи происхожу отъ этого Шпака. Вотъ что!

Шельм. Вотъ теперь и я знаю, какого вы знатнаго рода. Я, будучи, только догадывался, что вы непростая птица, а теперь вижу, что вы точный, настоящій шпакъ. Куда же моему капитану съ вами равняться? Вы жупанъ, а онъ свита.

Въ подобныхъ разговорахъ два пріятели долго проводили время и заключили на томъ, что Шельменко долженъ подвести капитана своего такъ, чтобы онъ попался въ руки Кирила Петровича и, если можно, сегодня или завтра. За то же Кириль Петровичъ обѣщевалъ, поговоря съ полковникомъ, Шельменку выхлопотать увольненіе, а на его мѣсто поставить одного или и двухъ рекрутъ. Шельменко увѣрилъ его, что это очень возможно сдѣлать. Для удобнаго же дѣйствія Шельменкѣ дозволено приходить во всякое время, не только въ садъ, но и въ самый дворъ Кирила Петровича. На томъ пріятели и разстались.

Оставшись одинъ, Кириль Петровичъ тотчасъ вспомнилъ о причиненной имъ обидѣ законному другу своему, сожительницѣ нѣжной, никогда его неогорчавшей, а теперь, можетъ быть, плачущей отъ его сильныхъ выраженій; но какъ холерическій припадокъ уже у него затихъ и погасъ, то онъ и рѣшился, расположивши какъ и что говорить, ити къ Феннѣ Степановнѣ, какъ вдругъ увидѣлъ ее подходящую къ себѣ съ встревоженнымъ лицомъ, показывающимъ, что нѣчто произошло и беспокоитъ ее.

Обрадовавшись такому неожиданному случаю, Кириль Петровичъ успѣшилъ встрѣтить ласково супругу свою и, употребивъ самыя нѣжныя наименованія, заставить забыть случившееся. На сей конецъ онъ спросилъ: «а что случилось у васъ, душаточка?» слово, употребляемое имъ въ первые дни брака, а послѣ какъ-то вышедшее изъ употребленія.

Фенна Ст. Тутъ чудеса, душечка! А гдѣ бы вы думали находится Осипъ Прѣкоповичъ съ Горпинькою?

Кириль Петр. Какъ гдѣ? Извѣстно, онъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Женна Ст. Да, подите же за нимъ. Поѣхалъ, да и пріѣхалъ.

Кир. Петр. Ну такъ, теперь заважничаетъ еще больше. А какъ вы думаете, маточка, не поѣхать ли мнѣ поздравить его съ благополучнымъ возвращеніемъ?

Фенна Ст. Богъ знаетъ, что вы, душечка, выдумали? Вамъ, въ вашемъ чинѣ, съ вашимъ состояніемъ, съ вашимъ умомъ и ѣхать къ нему? Онъ долженъ прежде побывать. Онъ помнитъ долгъ свой и самъ будетъ сегодня къ вечеру съ Горпинькою и съ дочкою. Вотъ пишеть къ вамъ.

Кир. Петр. читаетъ письмо. «Возвратясь изъ столичнаго города Санктпетербурга, гдѣ я провелъ три мѣсяца, располагаю навѣстить васъ съ моимъ семействомъ. При чомъ будетъ и еще одинъ мой родственникъ, любопытствующій видѣть ваши агрономическія учрежденія и, если благопринято вами будетъ, присоединить свои познанія къ вашимъ и усовершенствовать благосостояніе семейства вашего. До свиданія, мой почтеннѣйшій!» Ого! уже называетъ «мой почтеннѣйшій!» Вотъ каково побывать въ столицѣ! И сколько, въ немногихъ строкахъ, поставилъ модныхъ словъ? Теперь къ нему ни приступу. Когда еще собирался только выѣхать въ Петербургъ, такъ уже всегда носилъ манишку съ большими складками и блестящею пуговкою, а теперь у него, полагать должно, и не одна такая пуговка. Что же, маточка? будемъ ожидать.

Фенна Ст. Конечно будемъ ожидать: отказать нельзя. Такъ послать бы за Шельменкомъ; онъ все знаетъ лучше, нежели я. Такъ онъ бы....

Кир. Петр. И, полно уже, душаточка! не забывайте того....

Кириль Петровичъ, взявъ за руку Фенну Степановну, повелъ ее къ дому. Она положила къ нему на плечо свою голову, и отъ того они шли тихо, и что говорили, неслышно было; только и видно, что онъ почасту цаловалъ руку ея, а изрѣдка цаловалъ въ голову или щоку, — неумѣю сказать: неясно было видно.

Сколько хлопотъ нашей Феннѣ Степановнѣ! А Мотрѣ еще и больше! Прежде всего отпущена на кухню вся должная провизія для ужина. Фенна Степановна безпрестанно «кухарку» подтверждала, чтобъ все было изготовлено чисто, вкусно и жирно, и для того приказывала неоднократно Мотрѣ нескушаться и выдавать всего вдоволь; но Мотря была себѣ на умѣ:

обвѣщивала и обмѣривала кухаря, какъ и всегда; окороки, масло коровье и прочее такое, кромѣ учоту, отпускала непервой доброты и на возраженія кухаря отвѣчала: «такъ что же, что барыня приказала отпускать лучше? не у барыни на рукахъ, а у меня. Онѣ поприказываютъ, а на мнѣ спросятъ, какъ нестанеть. Пускай какъ прїѣдутъ лучшіе гости, тогда и будемъ выдавать лучшее. Для этихъ «Опецковъ» и это годится; они и дома того неѣдятъ».

Я и говорю, что Мотрѣ было больше хлопотъ, нежели самой барынѣ. Та думала только о настоящемъ, а Мотря смотрѣла вдаль и рассчитывала на послѣдующее и предбудущее. Фенна Степановна, какъ радушная хозяйка, цѣнила одинаково всякаго гостя, одолжающаго ее своимъ посѣщеніемъ, а Мотря различала достоинства ихъ, соображала состоянія гостей, а болѣе рассчитывала, могутъ ли прїѣзжіе одинаковымъ образомъ угостить барыню ея? Если она находила, что «куда имъ противъ насъ!» то отпускала окороковъ нетакъ удачно выпѣлыхъ, птицу несовѣмъ откормленную, масло не изъ меньшей кадочки, гдѣ было чистое, майское, безъ всякой примѣси, а выдавала изъ большой кадки, гдѣ было *всякое*, сборное, для своихъ господъ.

Фенна Степановна только приказываетъ, а Мотря исполняетъ: выдаетъ лакеямъ сертуки, сапоги; надсматриваетъ, чтобы заранѣе одѣлись; отбираетъ вчерашніе огарки... и одного недосчитывается! Злодѣй Кузьма, буфетчикъ, даже изъ-подъ глазъ ея успѣлъ одинъ утянуть, и пока она отыскивала по горячимъ слѣдамъ, онъ уже употребилъ его на смазку сапогъ своихъ и подѣлился съ Трошкою, бариновымъ камердинеромъ. Постойте же вы, каналы! Она вамъ этого никогда не забудеть! А между тѣмъ ей досадно, что ее обманули; а тутъ вездѣ хлопоты: чистятъ двойные подсвѣчники, ординарные, вправляютъ въ нихъ сальныя свѣчи домашняго приготовленія; онѣ тускло, но за то долго горятъ. Мотря провела и самую Фенну Степановну, распорядившую сдѣлать тонкія свѣтильни, а Мотря убавила еще одну нитку, и дѣло ладно было: одной свѣчи становилось на три вечера; а что неясно горѣли, небѣда! какая бы ни была свѣча, все не солнце, такъ и ничего. Въ гомѣ мѣстѣ мальчишки, недавно взятые во дворъ, чистовые ножи, но не тѣ нѣмецкіе, что баринъ еще къ свѣ-

своей купили въ Ромнахъ на ярмаркѣ: тѣ наавтра, къ обѣду, а теперь пойдуть Тульскіе, что вымѣнены у разнощика за двѣ четверти овса. Мальчишки усердно отчищаютъ показавшуюся кое-гдѣ ржавчину, и какъ сухой песокъ неудачно отчищаетъ, то препроворно они увлаживаютъ его. А тамъ посуду перебиваютъ; въ комнатахъ съ мебели сняты чехлы, свѣчи разставлены, но незажжены. Третій самоваръ кипитъ воды, чашки приготовлены, ложечки вынуты, сухари, сливки, все готово.

Фенна Степановна, облачившись въ свой распашной капоть и взложивши на голову имѣющійся для такихъ необыкновенныхъ случаевъ чепчикъ, съ глинянымъ подсвѣчникомъ въ рукѣ, въ коемъ пылалъ догорающій сальный огарокъ, ходила по гостиной и осматривала. вся ли мебель въ порядкѣ, сняты ли затрапезные чехлы и нѣтъ ли пыли или чего нечистаго на ситцевыхъ подушкахъ. Поминутно посылала колченогую Ваську послушать, не ѣдутъ ли гости; видѣть же невозможно уже было, потому что былъ темный вечеръ. Васька возвращалась и все съ одинаковымъ донесеніемъ: «нѣту, барыня, неслышно». Одинъ только разъ она дополнила свой рапортъ замѣчаніемъ: «только и слышно, сто брешутъ поповы собаки; такъ они такъ, на кого-нибудь, такъ заразъ и брешутъ. Тамъ такія злыя, что невозможно! Одному целовѣку недавно усю свиту порвали».

«Пойди, еще послушай», прервала Фенна Степановна и продолжала разсуждать сама съ собою: «Это, Богъ знаетъ, на что похоже! Сколько чайной воды изошло на самовары, и все неѣдутъ. А ну, какъ небудутъ? Куда дѣвать этотъ ужинъ?... Кирилъ Петровичъ, идите сюда, душечка! Полно вамъ съ меринсами воеваться; идите сюда: мнѣ что-то сумно. А ты, Пазинька, когда Ивги Осиповны, барышни, небудетъ, такъ ты раздѣнься и лягъ спать; тебѣ нѣчего тутъ слушать».

Кирилъ Петровичъ, окончивши газеты, вышелъ въ гостиную и уже наряженный. Онъ надѣлъ свой длинный безъ разрѣза назади сертукъ и застегнулъ его на всѣ пуговицы, чтобы скрыть неполноту туалета: онъ въ лѣтнее время одѣвался полегче. На шеѣ же былъ у него завязанъ платокъ. Все было пристойно. Даже и коса его, увитая черною лентою, торчала вверхъ изъ-за высокаго воротника сертука.

Вотъ какъ они сидятъ чинно и ожидаютъ гостей, вдругъ вбѣгаетъ колченогая Васька и запыхавшись доноситъ: «ѣдутъ,

барыня; ей Богу ѣдутъ! Тамъ такъ нюкають на лошадей, сто не то сто, азъ страстно! А собаки и поповскія, и у Миросника, и у Пархоменка такъ бресуть....»

Фенна Степановна уже неслышала сихъ подробностей; она во весь голосъ закомандовала: «ѣдутъ! Зажигайте всѣ свѣчи! Мотря клади чай въ чайникъ.... Свѣтите лакеи на крыльцо: тамъ одна доска проваливается, такъ чтобъ неупаль кто:....» Шумъ, крикъ на лошадей, стукъ экипажей, хлопаніе бичей возвѣстили о пріѣздѣ долго ожидаемыхъ гостей.

Хозяева приняли радушно и со всѣми ласками Осипа Прокоповича Опецковскаго и Аграфену Семеновну, жену его. Всѣ неудовольствія Фенны Степановны за оскорбленія Пазинькѣ давно были забыты. Они послѣ того видѣлись неоднократно, объяснились и дѣло кончено. Вотъ и теперь хозяева встрѣтили ихъ со всѣмъ усердіемъ. Но гости, Осипъ Прокоповичъ и супруга его, что-то неотвѣчали на ласки ихъ. Осипъ Прокоповичъ былъ надмененъ болѣе обыкновеннаго, и какъ будто снисходя, отвѣчалъ Кирилу Петровичу, а Аграфена Семеновна съ насмѣшливымъ видомъ осматривала Фенну Степановну и отворачивалась отъ нея, когда та, по старинному, величала ее Горпинькою.

Съ ними пріѣхала и Эвжени, дочь ихъ. Свидѣвшись съ прежнею подругою своею, Полиною, Пазинькою тожь, она съ радостію схватила ее за руку и пошла ходить съ нею по «залѣ», гдѣ былъ накрытъ столъ для ужина. Съ первыхъ словъ Эвжени рассказала подругѣ, какъ она была въ Ромнахъ на ярмаркѣ, кого видѣла, кого замѣтила, кто ее замѣтилъ, кто что сказалъ, кто, проходя мимо ея, что шепнулъ; какъ она была въ собраніи, съ кѣмъ танцевала, какіе офицеры тамъ были; описала подробно ихъ наружность и каждое слово ими сказанное на счетъ ея. Наконецъ, какъ водится, чистосердечно призналась, какъ *онъ*, чуть ли не князь, а вѣрно графъ, богатый и пребогатый, молоденькій, да красивѣйшій всѣхъ, теперь еще корнетъ, но скоро будетъ полковникъ (онъ самъ это говорилъ), такъ онъ-то въ первомъ собраніи пожалъ ей руку и вздыхая открылся въ любви; во второмъ, какъ она ему пожала руку и сказала: «да. Потомъ какъ онъ выпросилъ у нея колечко, какъ обѣщался пріѣхать къ нимъ въ деревню, за тѣмъ... «за тѣмъ.... ну, сама знаешь зачѣмъ....»

Между тѣмъ мы и забыли, что съ Опецковскими былъ еще одинъ прїѣзжій, молодой и очень порядочный человѣкъ. Онъ былъ во фракѣ свѣтлосіаго сукна съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ; пуговицы парламутовья въ одинъ рядъ; жилетъ оранжеваго рытаго бархату съ черными костяными пуговками; на шеѣ бѣлый галстукъ, довольно пристойно навязанный; длинные его концы прикрывали манишку, а жаль: кромѣ того, что она была чиста, но сложена, канальство! очень манерно. Онъ не зналъ, что длинные концы галстука закрывали изящество манишки, а то бы онъ ихъ запряталъ подальше. О прочемъ его нарядѣ, что былъ изъ планжевой нанки, мы умолчимъ, равно и о гусарскихъ его сапожкахъ съ кисточками. Съ руками онъ не зналъ, куда дѣваться. Еще таки, когда держалъ въ рукахъ свой картузь, хитросплетенный изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ, такъ и ничего; но когда Осипъ Петровичъ положилъ въ уголь свою круглую пуховую шляпу, а на него глядя, и этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ тоже сдѣлать, такъ уже вовсе терялся съ своими руками. Положить ихъ, какъ слѣдуетъ франту, въ нанковые карманы,—на него взглянетъ Аграфена Семеновна, и онъ поспѣшитъ вынуть; положить одну за жилетъ, другую опустить на колѣно,—Осипъ Петровичъ глядитъ, надобно перемѣнить положеніе. Бѣда да и только! Къ спокойствію его, хозяева не обращаютъ на него никакого вниманія, а особливо хозяинъ. Но вотъ все оживилось, и въ пользу его.

Фенна Степановна подошла къ мужу и щепнула ему: «займитесь, душечка, гостемъ; это непростой гость».

«А!» подумалъ Кириль Петровичъ, и только лишь предполагалъ встать и подойти къ нему, какъ вотъ и Осипъ Прокоповичъ что-то пошепталъ ему долгонько, всталъ и, подошедъ къ гостю, подвелъ его къ хозяину и сказалъ: «позвольте, почтеннѣйшій Кириль Петровичъ, рекомендовать вамъ родственника моего, Тимоея Кондратьевича Лопуцковскаго. Онъ хотя и молодой человѣкъ, но признательно скажу вамъ, что въ Петербургѣ, подобныхъ яму, я мало встрѣчалъ».

Тимоея Кондратьевичъ шаркая кланялся и говорилъ бойко, безостановочно: «Честь имѣю себя рекомендовать: я Тимоея Кондратьевъ сынъ Лопуцковскій. Прошу меня любить и жаловать; я же съ моей стороны употреблю все стараніе, чтобы

почтеніемъ моимъ и преданностію пріобрѣсть ваше доброе расположеніе, столь лестное для меня во всякомъ случаѣ».

Кирилъ Петровичъ также пустился было на комплименты и началъ произносить форменную рекомендацію своего времени, но на третьемъ словѣ какъ-то сбился и чуть несѣхалъ на гѣсню: «чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи мой дорогой!» Онъ продолжалъ что-то отчитывать, пока договаривалъ свое Лопуцковскій; тутъ онъ спохватился, что не на то попалъ; хотѣлъ начать снова, но уже вовсе ничего не вспомнилъ, поскорѣе обнялъ гостя (такъ требовалъ церемоніаль: послѣ рекомендаціи обняться) и, сѣвъ самъ, усадилъ его подлѣ себя и началъ разговоръ: «въ деревнѣ изволите жить?»

Лопуцк. Большою частію, такъ-съ.

Кир. Петр. Имѣете фамилію?

Лопуцк. Какъ же; я Лопуцковскій, какъ и докладывалъ вамъ.

Кир. Петр. Да.... то-есть семейство?

Лопуцк. Нѣтъ еще-съ; холостъ, неженатъ.

Кир. Петр. Знаю. Но родителей, родныхъ?

Лопуцк. Родныхъ много, но родителей имѣлъ, теперь нѣтъ-съ, померли.

Кир. Петр. Родные, то-есть, братцы и сестрицы съ вами живутъ?

Лопуцк. Никакъ нѣтъ-съ. Я у покойныхъ моихъ родителей одинъ сынъ.

Кир. Петр. Занимаетесь хозяйствомъ?

Лопуцк. Возвратясь изъ вояжу, я еще непринимался.

Кир. Петр. Вы вояжировали? а куда?

Лопуцк. Изъ Чернигова въ Воронежъ.

Кир. Петр. И только?

Лопуцк. Нѣтъ, извините-съ: потомъ изъ Воронежа въ Черниговъ обратно, и все на своихъ, въ собственной коляскѣ.

Кир. Петр. Замѣтили что любопытное на пути, а?

Лопуцк. Какъ же-съ! Много любопытнаго! Иной день мѣстоположенія бывали отличныя. Смотришь и видишь: весь небесный «гардеробъ» усѣянъ звѣздами, словно рябое лицо отъ оспы, а тутъ вдругъ станетъ солнце на восходѣ и свѣтло-свѣтло! Чудесныя мѣстоположенія.

Кир. Петр. А замѣчали ли вы разность въ жителяхъ, обычаи, различіе въ цѣнахъ?

Лопуик. Какъ же-съ! По Воронежской губерніи на постоянныхъ все дорого, приступу нѣтъ! А вотъ французскій хлѣбъ въ Воронежѣ, хотъ и одна цѣна съ Черниговомъ, но хлѣбъ больше. Въ Харьковѣ напротивъ, фрукты, какъ-то: икра, балыкъ, швейцарскій сыръ, дешевле, нежели въ Воронежѣ и даже въ Черниговѣ.

Кир. Петр. Преполезныя свѣдѣнія. Занимаетесь политикою?

Лопуик. Какъ это-съ?

Кир. Петр. Читаете ли Московскія Вѣдомости, или что другое?

Лопуик. Это все обманъ. Пишутъ то, чего небывало, лишь бы съ насъ деньги стянуть; но меня неподдѣнуть. Да если бы и правду писали, какая мнѣ нужда до Англіи, до Туреціи? У меня и по своему хозяйству много дѣла.

Кир. Петр. Напротивъ, очень пріятно, напримѣръ, изъ Московскихъ Вѣдомостей узнавать, какъ храбрые христиносы поражаютъ....

Фенна Ст. Вотъ уже пошли сражаться! Просите, душечка, гостей выкушать водки, да закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Это лучше, нежели ваше кровопролитіе. Пожалуйте выкушайте. Вотъ мятная, вотъ зоревая, а это золототысячничковая, самая здоровая. Я только ею отъ живота и спасаюсь. Выкушайте».

Послѣ дороги, гости сдѣлали уваженіе просьбамъ хозяйки, поочистили закуску порядочно; какъ вдругъ подають тѣ же водки и просятъ выкушать передъ ужиномъ....

Ар. Сем. Помилуйте, что за ужинъ, послѣ такой огромной закуски?

Фенна Ст. И! что это за закуска? такъ только перекусили. Покорно прошу къ ужину. «На лакомый кусокъ същется уголокъ!» Покорно прошу, пожалуйста.

Ар. Сем. Это странный обычай, ужинать! «У насъ въ Петербургѣ» вовсе неужинають.

Фенна Ст. Что тамъ у васъ за городъ такой, что неужинають? Стало быть, тамъ можно умереть съ голоду?

Ар. Сем. Ахъ, какой городъ, какой городъ!

Лопуцк. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то на постоянныхъ дворахъ всегда ужиналъ. Оно какъ-то здоровѣе.

Какъ ни отговаривались гости, но усѣлись за столъ, и пошло угощеніе.

И Кириль Петровичъ недремалъ: онъ прихваливалъ каждое блюдо и упрашивалъ больше кушать; для возбужденія же аппетита предлагалъ пить чаще вино. Осипъ Прокоповичъ, отвѣдавъ первой рюмки, съ удивленіемъ спросилъ: почтеннѣйшій Кириль Петровичъ, что это у васъ за вино?

Кир. Петр. Алонское, Осипъ Петровичъ, отличное, цѣльное; подъ него поддѣлаться нельзя.

Осипъ Пр., прихлебнувъ изъ рюмки. Признательно вамъ скажу, что, въ бытность мою въ Петербургѣ, я на всѣхъ обѣдахъ, куда былъ часто приглашаемъ, такого вина непилъ. У насъ все тамъ французскія. А вотъ попрошу у васъ портера.

Кир. Петр. Портера? я его недержу.

Осип. Пр. Очень жаль. Въ бытность мою въ Петербургѣ я только его и пилъ.

Фенна Ст. Нашли же напитокъ! И называется портиръ, испорченное пиво. У моей Мотри часто бываетъ его много, какъ додержать боченокъ съ пивомъ до того, что испортится.

Аграф. Сем. Однако жъ, моя любезная, у насъ въ Петербургѣ безъ него не бываетъ ни одинъ столъ.

Фенна Ст., доквашивая съ аппетитомъ молочную кашу. Какъ я посмотрю, такъ вашъ славный городъ Питербурхъ не стоитъ и нашего Пирятина: неужинаютъ, пьютъ порченное пиво и все Француское въ модѣ... тьфу! просимъ непрогнѣваться. *Встаютъ.* Невзыщайте за нашу убогую трапезу.

Отъ стола гости были проведены въ назначенные имъ покои. Кириль Петровичъ остался на часокъ у Фенны Степановны и началъ говорить:

«Это, душечка, женихъ къ нашей Пазинкѣ».

Фенна Ст. Знаю, маточка: мнѣ Горпинька тотчасъ сказала, и говорить, что мужъ ея васъ предувѣдомилъ еще въ запискѣ.

Кир. Петр. Онъ и мнѣ это говорилъ, но я и перечитывалъ записку, а все ничего непонялъ. Чудное дѣло! Осипъ

Прокоповичъ, побывавши въ столичномъ городѣ, сталъ еще умнѣе; не то, что умнѣе, а замысловатѣе началъ говорить. Я цѣлый вечеръ слушалъ его, а ничего непонялъ.

Фенна Ст. Да и Горпинька туда же. Но Богъ съ ними. Какъ вы думаете, отдавать ли Пазиньку за этого жениха?

Кир Петр. Боже сохрани! Дуракъ пошлый и ничего не знаетъ, что происходитъ въ Европѣ.

Фенна Ст. Намъ что до Европы? Хоть бы она себя и пропала! Намъ свое семейное дѣло важнѣе. И почему бы не отдать? Онъ молодой, красивый собою, одѣвается блапристойно; вотъ узнаю, сколько у него чего именно и добрый ли онъ? Поручила Мотрѣ все выспросить.

Кир Петр. Такъ тогда же и скажите свое рѣшеніе, чтобы и мнѣ дѣйствовать заодно. А теперь прощайте. *Обнявъ ее, цалуетъ.*

Фенна Ст. Пустите же меня, пустите. Мнѣ еще много приказывать Мотрѣ.

И Кириль Петровичъ ушолъ, а Фенна Степановна начала читать молитвы на сонъ грядущій въ ожиданіи Мотри съ донесеніями.

«Совсѣмъ ли ты управилась, Мотря?» спросила Фенна Степановна вошедшую Мотрю, снимая свой парадный чепчикъ и поспѣвая покрыть бумажнымъ платкомъ свою голову, чтобы ложиться въ постель.

Мотря. Совсѣмъ. Хорошо вы дѣлаете, барыня, что не часто такіе банкеты даете, а то бы силъ моихъ не стало.

Фенна Ст., лежа и закутываясь въ одѣяло. А что развѣ?

Мотря. А то, что съ этимъ народомъ бѣда.

Тутъ она подробно рассказывала, какъ и въ чемъ Афроська ее непослушала, Парашка нагрубила, Домашка чай разсыпала, Тимошка двѣ котлеты укралъ и проч. и проч. Отдала отчетъ, какія кушанья отдала гостинимъ людямъ, какія спрятала на-даль, и слыша отъ барыни уже только одно «хорошо», безъ дальнѣйшихъ замѣчаній, боялась, чтобы она не уснула совсѣмъ, и потому прямо приступила къ цѣли: «А что, барыня, отдадите барышню за этого жениха?»

Фенна Ст. А какъ ты думаешь?

Мотря. А почему бы и неотдать? Какого намъ еще ждать? Вотъ послушайте, что люди про него рассказываютъ.

Фенна Ст. А ты таки-выпросила? Что же они говорятъ.

Мотря. А то говорятъ, что, говоря́тъ, добрый, плохой, говорятъ, и смирный. Какъ рассказываютъ, такъ, говорятъ, живетъ по-нашему. Говорятъ, какъ одинъ, такъ, говорятъ, мало чего и ѣсть; рѣдко, говорятъ, ему и готовить; а гостей, говорятъ, неочень жалуетъ; а людямъ, говорятъ, у него хорошо жить; кормить, говорятъ, хорошо и ненаказываетъ. Какого его лучшаго хотѣтъ?

Фенна Ст. Я и сама такъ думаю, такъ вотъ же Кириль Петровичъ!

Мотря. А чего вамъ на нихъ смотрѣтъ? И будто вы не знаете, какъ съ ними управляться? Затужите, да заплачете, да начните жаловаться, что вамъ никогда ни въ чемъ воли нѣтъ, то они и подадутся. Они еще васъ и до сихъ поръ любятъ и жалѣютъ; а какъ заплачете, то все для васъ сдѣлаютъ. Помните, какъ продавалась мельница, а они нехотѣли купить, а вы, по моему совѣту, заплакали, такъ они и купили. Сдѣлайте и теперь такъ, то и увидите, что будете мнѣ благодарить. А женихъ, право, годится.

Фенна Ст. О, и очень. Да такой красивенькій и учтивенькій. Незаговорилъ бы съ нимъ Кириль Петровичъ, такъ онъ бы цѣлый вечеръ молчалъ. И говорилъ все такое разумное: гдѣ побывалъ, и гдѣ, что, почему продается, все знаетъ.

Мотря. Отдавайте же, отдавайте, хоть и завтра. Гости такъ и хотятъ. Чуть посватаете, такъ и подъ вѣнецъ, а свадьба хоть и черезъ годъ. Да чего и дожидать? У насъ все готово. Мало у насъ сундуковъ? И всѣ полнехонькіе. Покуда будете думать, а тутъ офицеръ чтобъ чего невыкинулъ! Ой мнѣ этотъ офицеръ!

Фенна Ст. А что развѣ?

Мотря. А то, что тутъ мнѣ некогда, а тутъ его солдатъ, Шельменко ли онъ, или цѣлая шельма, все тутъ и шнырялъ. Я приказывала его въ шею гнать, такъ, говорить, баринъ позволилъ. А баринъ очень знаетъ, что можетъ случиться!

Они мужской поль, а у васъ материнское сердце. Недавайте имъ и въ этомъ воли.

Фенна Ст. И. Богъ съ ними, Мотря! Сегодня помѣшалась немного, да и жизни своей нерада была. Я у нихъ и дура, и ничего незнаю, и все разболтаю, а съ Шельменкомъ всё шушу, да шушу. Къ чему-то онъ доведетъ, а я рукой махнула.

Мотря. А имъ того и надо. А послѣ доведете до того, что они все по своей волѣ будутъ дѣлать, а вы станете на все изъ рукъ смотрѣть. Послушали бы вы, что другія барыни дѣлаютъ съ своими мужьями! Недалеко сказать, и наша казначейша, что, въ Москвѣ, или гдѣ тамъ взялъ себѣ, такъ, говорятъ, что хочеть, то мужъ, говорятъ, и дѣлаеть для нея; а чуть что, говорятъ, неуважить, такъ, говорятъ, упала на поль и начнетъ ее, говорятъ, корчить...

Фенна Ст. Сила крестная съ нами, чтобы я наслала на себѣ корчи! Хоть онъ тутъ себѣ что хочешь, такъ я не поддамъ себя грѣху.

Мотря. Да это она притворно дѣлаеть. Ну, а вы, барыня, когда боитесь того, такъ плачьте и жалуйтесь на какую болѣзнь.

Фенна Ст. Я и сама давно уже знаю, что чуть я въ слезы, такъ они тотчасъ не тѣ стануть и подадутся; а тутъ и мнѣ ихъ жаль станеть, и я отступаюсь отъ своего. Болѣзнь же наслатъ на себя несмѣю, боюсь грѣха!

Мотря. И, барыня, что въ томъ за грѣхъ? Вы для своей пользы это дѣлаете. А черезъ такое притворство устроите барышнину счастье. А говорятъ, какіе подарки приготовилъ вамъ! Всю дворню хочеть дарить; а ключницѣ, это бы-то мнѣ, говорить, ситцу на платьѣ подарить. Богъ съ нимъ! Я о себѣ недумаю, лишь бы моимъ господамъ было хорошо.

Въ подобныхъ сему разсужденіяхъ и совѣтахъ Мотря истощалась до того, что наконецъ барыня ея, вмѣсто отвѣтовъ, издавала только: «мъ-мъ-мъ». Тутъ Мотря, зная, что пора оставить засыпающую, недокончивъ фразы, умолкла и пошла себѣ спать.

Уже и Мотря уснула, а она засыпала послѣдняя во дворѣ, но барышни въ своей комнатѣ еще и недумали уснуть. До

ужина Эвжени объяснила причину прѣзда родителей, и прямо сказала, что Тимошей Кондратьичъ, по наслышкѣ, смертельно влюбился въ Пазиньку и прѣхаль сватать ее. Все сообщивъ ей это, она совѣтовала Пазинькѣ разсмотрѣть его хорошенько за ужиномъ, а потомъ сказать свои мысли. Улегшись въ постели и выславъ служанокъ, они начали между разговоръ собою.

Эвжени. Ну, моя милая машерь, разсмотрѣла ли ты своего жениха?

Пазинька. Я на него и несмотрѣла.

Эвжени. Пуркуа же?

Пазинька. Говорите со мною по-русски, а то я васъ и непойму.

Эвжени. Ахъ, моя машерь! Я же немогу, и такъ привыкла говорить все по-французски, что мало чего и понимаю на вашемъ языкѣ. Пуркуа твоя «машермеръ» взяла тебя отъ насъ? ты бы также была образована, какъ и я. Пуркуа, то-есть для чего ты несмотрѣла на него?

Пазинька. Такъ.

Эвжени. Неправится видно?

Пазинька. Я и непримѣчала его.

Эвжени. И хорошо дѣлала. Вѣдь онъ штатскій, а въ нихъ что за толкъ? Военный совсѣмъ другое дѣло. Я насмотрѣлась на своихъ сосѣдей: это умора! Какъ же прѣхала въ Ромны, увидѣла этихъ купидончиковъ, съ усиками, съ эполетами..... Да говорятъ какъ? засыплють словами. Да какіе влюбчивые! Не успѣлъ взглянуть на тебя, тотчасъ и влюбленъ страстно, пламенно! Слышишь отъ него, какъ онъ страдаетъ; ну какъ несжалиться надъ нимъ? Скажешь ему что-нибудь въ отраду. Тамъ глядишь, другой и еще сильнѣе страдаетъ; и того утѣшишь. Да пока кончится собраніе, такъ залюбишься и налюбишься въ-волю.

Въ такомъ тонѣ продолжался разговоръ Эвжени гораздо за-полночь. Пазинька слушала, но мало интересовалась всѣми сообщаемыми новыми для нея свѣдѣніями. Она слыхала, и находила, что ея Иванъ Семеновичъ не такъ ее любитъ, и она любить его совсѣмъ не такъ, какъ Эвжени своихъ кадрильныхъ кавалеровъ. Чуть-чуть непризналась было ей въ своихъ отношеніяхъ къ Ивану Семеновичу, но удержалась пока до случая.

Пріѣздъ жениха очень беспокоилъ ее, и она только надѣялась на совѣты подруги. Если начнутъ меня принуждать, думала она, неслухая вовсе рассказовъ Эвжени, тогда откроюсь ей и буду просить ея совѣта... Но уѣхать тихонько... бѣжать... ахъ, страшно! И чтобы скрыться отъ этой мысли, испугавшей ее, она завернулась поспѣшно въ одѣяло и запрятала головку свою далеко въ подушки.

Эвжени говорила долго, рассказывала всѣ свои приключенія въ мазуркахъ, котильонѣ; предсказывала, какъ она будетъ счастлива, вышедши за-мужъ за того кавалера, кто онъ, она не знаетъ, но онъ ей очень нравится.... но неслыша отвѣта подруги своей, замолчала и сама вскорѣ уснула.

Тимоеей Кондратьевичъ уснулъ, какъ счастливый любовникъ и почти обнадеженный женихъ, прежде всѣхъ. Началъ было разсчитывать: ну что, если завтра прійдется ему вѣнчаться съ Пазинькою? но тутъ невольно вспомнилъ о своемъ вояжѣ въ Воронежъ, началъ пересчитывать станціи и разстояніе одной отъ другой, да, недоѣхавъ мысленно и до Харькова, предался покойному сну.

На другой день, утромъ.... Ахъ, этотъ день былъ важный и замѣчательный для Кирила Петровича Шпака, и едва ли не важнѣе дня, когда онъ въ холерическомъ припадкѣ перебилъ тринадцать гусей Никифора Омельяновича Тпрункевича. День важный для Кирила Петровича насталъ, а онъ еще покоится въ глубокомъ снѣ. Правда, онъ ничего непредчувствуетъ и потому спитъ покойно. И не только онъ, какъ хозяинъ, спитъ, но и всѣ въ домѣ спятъ, даже сама Мотря спитъ, потому что еще очень-очень рано.

Такъ, рано. Но Иванъ Семеновичъ, несмотря, что еще очень рано, уже и вскочилъ и потребовалъ къ себѣ Шельменка выслушать отъ него донесеніе, что происходитъ въ домѣ Шпаковъ и что за гости къ нимъ пріѣхали?

Шельм. Это гости, ваше благородіе, будучи, очень важные!

Ив. Сем. Кто же такіе? и почему они важные?

Шельм. Важные, ваше благородіе, очень важные: карета вся въ окошкахъ; двѣ барыни и шестѣрка лошадей везутъ ее; а тамъ бричка и четыре дѣвки ѣдутъ, а тамъ еще бричка, такъ тамъ уже люди. Думаю, будучи, ваше благородіе, что

тѣ либо губернаторъ, либо нашъ полковой лѣкарь, потому что очень важные.

Ив. Сем. Чего же они пріѣхали и куда ѣдутъ?

Шельм. Ёдутъ, в. б., сюда, а пріѣхали барышню сватать.

Ив. Сем. Этого еще не доставало! За кого же сватать, и кто женихъ?

Шельм. Неизвѣстно, в. б., только онъ въ кафтанѣ, и у него бѣлая фуражка, и сидѣлъ тамъ, гдѣ шестѣрка лошадей.

Ив. Сем. Понимаю. Почему же извѣстно, что это женихъ?

Шельм. Неизвѣстно, в. б., ни почему, а только недаромъ къ ужину готовили два соуса, а сегодня къ обѣду будетъ, стало быть, четыре и сладкій пирогъ; такъ люди и говорятъ, что навѣрное сегодня и сватанье запьютъ.

Ив. Сем. Что же барышня?

Шельм. Плачетъ смертельно, ваше благородіе.

Ив. Сем. Всѣ надежды пропали! Сегодня сговоръ.... Пазинька плачетъ.... бѣдная! Видно чувствуетъ свое несчастье и нехочетъ за предлагаемаго жениха!

Шельм. Никакъ нѣтъ, в. б., она, будучи, очень желаетъ.

Ив. Сем. Какъ же это? желаетъ и плачетъ? Вѣрно ли тебѣ пересказали?

Шельм. Мнѣ никто ничего неговорилъ, потому, будучи, что я никого неспрашивалъ, да они всѣ отгоняли меня, чтобъ я и несмотрѣлъ.

Ив. Сем. Съ чего же ты взялъ, что она желаетъ ити за этого жениха и будто плачетъ? Какъ это согласить?

Шельм. Да она уже, будучи, и такъ согласна. Какая бы барышня замужъ не хотѣла? А когда хочетъ, такъ, стало быть, и плачетъ. Это уже не отъ насъ, в. б. Такъ я это, будучи, самъ себѣ и разсудилъ, когда женихъ пріѣхалъ, такъ вѣрно сегодня и просватаютъ.

Ив. Сем. Экой болванъ! Нагородилъ пустяковъ и меня потревожилъ. Ступай опять во дворъ, старайся все узнать. А если будутъ прогонять, дойди къ самому барину и проси его о защитѣ себѣ. Бывши тамъ, найди случай сказать барышнѣ, чтобы въ два часа ровно вышла къ тому пруду, куда выгоняютъ утятъ. Я тамъ буду ожидать ее. Слышишь?

Шельм. Слушаю, ваше благородіе.

Ив. Сем. Понимаешь все?

Шельм. Понимаю, в. бл.

Ив. Сем. Этого не доставало къ моему горю!

Шельм. Слушаю, в. бл.

Ив. Сем. Кромѣ этого болвава, нѣкому препоручить!

Шельм. Понимаю, ваше благородіе, все понялъ.

Ив. Сем. Пошоль же скорѣе и дѣлай, что приказано.

Шельм. Счастливо оставаться, ваше благородіе.

И Шельменко, сдѣлавъ, съ обыкновенною своею ловкостью, налѣво кругомъ, пошоль исполнять препорученіе. Онъ не отъ глупости путаль вздоръ въ донесеніяхъ; онъ небыль глупъ; напротивъ, онъ видѣлъ, что капитану уже неоставалось никакой надежды за пріѣздомъ съ такою пышностью жениха, и всѣ капитанскія препорученія ему крѣпко надоѣли, тѣмъ болѣе, что онъ въ вознагражденіе непредвидѣлъ ничего, кромѣ неприятностей себѣ или отъ капитана, или отъ Кирила Петровича. А потому онъ и рѣшился донесеніями своими отнимать у капитана всякую надежду, а, въ случаѣ его настоянія, навести на него самого Кирила Петровича и предоставить ему дѣйствовать по собственному благоразумію. И теперь, хотя и отправился, будто бы и со всѣмъ усердіемъ, для развѣдыванія, но вмѣсто того, избравъ въ саду густую тѣнь и мягкую траву, расположился на ней и уснулъ.

Тѣмъ временемъ въ домѣ Шпака проснулись хозяйева, а потомъ и гости. По обычаю, собрались около стола для выпитія двухъ чашекъ чаю и столько же кофе и все съ густыми сливками и вздобными кренделями, сухарями и разными хлѣбами. Случай попрепятствовалъ Феннѣ Степановнѣ окончить всю эту процессію. Она начала ее со всѣмъ усердіемъ и немолкну упрашивала гостей выкушать еще по чашечкѣ: много де приготовили и чаю и кофе, куда же его дѣвать? Но вдругъ должна была выбѣжать изъ комнаты на воздухъ. Изволите видѣть, ее встошнило, и голова кругомъ пошла, какъ будто въ молодые годы. Фенну Степановну это очень смутило, и она уже начала было вздыхать; но вспомнила, что дурнота приключилась ей отъ проклятаго табаку, что курить при ней за чаемъ Осипъ Прокоповичъ.

Онъ прежде никогда некурилъ табаку; но, возвратясь изъ Петербурга, курилъ сигары, когда бывалъ въ гостяхъ, или когда гости бывали у него, а одинъ никогда. Теперь, при чаѣ, онъ закурилъ, но отъ непривычки, потянувъ много дыму, крѣпко закашлялся.

Кир. Петр. Вамъ конечно вреденъ табакъ? Вы прежде некуривали.

Онецк. Я же, почтеннѣйшій Кирилъ Пет... Пет... (кашель мѣшаетъ ему говорить) Петровичъ и въ Петербургѣ не бывывалъ, но послѣ былъ... Во время пребыванія моего въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ я очень ясно видѣлъ, что всѣ вообще занимаются куреніемъ сигаръ отъ мала до велика и во всякое время. При томъ же, если изслѣдовать вещь «субъективно», то мы получимъ «результатъ», что это не табакъ, а существенно сигара.

Кирилъ Петровичъ, пораженный мудреными словами, о которыхъ онъ и неслыхивалъ, а понимать вовсе немогъ, махнулъ рукою и сказалъ: «по мнѣ все равно, но видно, эта трава противна вашей натурѣ: вы безпрестанно кашляете».

Онецк. Это отъ «объективнаго» раздраженія горла. Ничего.

И чтобъ предохранить себя отъ кашля, онъ началъ проворно выпускать дымъ, а чрезъ то такъ накурилъ, что бѣдная Фенна Степановна немогла высидѣть и выбѣжала. Мѣсто ея заняла Мотря, потому-что Пазинька должна была заниматься съ Эвжени.

Позже всѣхъ вышелъ Тимошей Кондратьичъ. Онъ, какъ женихъ, наряжался долго, да и нарядился изящнѣе, нежели вчера.

Мотря, желая его угостить, и чтобъ отличить его, какъ жениха своей барышни, спросила его смягченнымъ голосомъ и унѣживая слова: «вамъ, паньченько, чего угодно: чайку или кофейку?»

— И чайку и кофейку, и со сливочками, и съ булочками, отвѣчалъ женихъ и расположился у стола.

Тутъ выбѣжала колченогая Васька и отворила всѣ окна въ залѣ. Фенна Степановна ее прислала, чтобы перемѣнить тамъ воздухъ и истребить зловредный табачный духъ. Оправясь послѣ дурноты, вошла Фенна Степановна и просила гостей къ завтраку.

Филька отворилъ двери въ гостиную, гдѣ на большомъ столѣ уже уставленъ былъ огромный завтракъ. Чего тамъ не было! Разнаго рода и вкуса пироги, пирожки, пирожочки, ватрушки, блины, блинки, яичница, копченые языки, полотки, разнаго рода маринованье... и начали подносить водку разныхъ цвѣтовъ и вкусовъ, въ четырехъ карафинахъ, установленныхъ на лоткѣ особаго устройства, называемомъ «кабачокъ». Но что это за водки были! Едва Осипъ Прокоповичъ у первой снялъ пробку, какъ по всей комнатѣ пошолъ аромат!..

Хозяева вступили въ исправленіе своихъ должностей. Кирилъ Петровичъ просилъ о водкѣ и напоминалъ отцовское преданіе: «по первой незакусываютъ», и наливалъ пополнѣе, а Фенна Степановна, расхваливая каждую штуку завтрака, упрашивала кушать побольше, накладывала всѣмъ разныхъ разностей и увѣряла, что обѣдъ еще нескоро.

Къ завтраку явилось нѣсколько сосѣдей Кирила Петровича изъ мѣлкопомѣстныхъ. Отъ обѣдни они зашли поздравить Кирила Петровича и Фенну Степановну съ воскреснымъ днемъ, имѣя въ виду хорошенько позавтракать, зная о изяществѣ блюдъ, предлагаемыхъ въ это время у почтенныхъ хозяевъ.

Замѣтивъ ихъ, Фенна Степановна подошла къ мужу и потомъ сказала: «пригласите ихъ, душечка, обѣдать. Наготовлено всего много, такъ оно и кстати, чтобъ меньше оставалось. Куда его послѣ дѣвать?» И сосѣди были приглашены.

Окончивши завтракъ и выпивъ, въ отвращеніе всякихъ непріятныхъ послѣдствій, добрую рюмку запечанной водки, Осипъ Прокоповичъ просилъ Кирила Петровича и Фенну Степановну переговорить съ нимъ особо. Они удалились и вскорѣ позванъ былъ къ нимъ и Тимошей Кондратьичъ.

Осипъ Прокоповичъ сдѣлалъ предложеніе; Кирилъ Петровичъ представилъ возраженіе, но Фенна Степановна опровергла его и подала большую надежду Тимошеею Кондратьичу, дозволить ему переговорить съ Пазинькою, и если она согласится, то они къ удовольствію своему исполнять по желанію дочери. Хитрая Фенна Степановна! Она расположила уже строго приказать дочери, чтобы изъявила тотчасъ свое согласіе; и такъ будто безъ принужденія, но по собственному согласію, она выйдетъ за достойнаго Тимошею Кондратьевича Лопуцковскаго. Кирилу Петровичу неоставалось ничего болѣе,

какъ согласится на предложенное Фенною Степановною. Въ полномъ удовольствіи всѣ возвратились въ гостиную.

Осипъ Прокоповичъ, видя, что кромѣ хозяина и Лопуцковскаго есть еще слушатели, и, какъ видно, уважающіе его до того, что едва смѣютъ сидѣть передъ нимъ, принялся блистать разговоромъ. «Странное дѣло!» началъ онъ. «Въ бытность мою въ Петербургѣ я замѣтилъ, что подобные завтраки, какъ у васъ, Фенна Степановна, совершенно не въ употребленіи. Рюмка водки и кусочекъ хлѣба и только».

Фенна Ст. Мудреные мнѣ тамъ люди живутъ. Извѣстно, что черезъ пищу мы только и живемъ; нетолько мы, но и всякое животное. Ни за какіе миллионы несогласилася бы жить тамъ.

Авр. Сем. Ахъ, нѣтъ, моя любезная! Стоило бы васъ туда привезти, такъ вы бы и незахотѣли изъ него. Что это за городъ! Какая разница здѣсь! Гдѣ вы найдете здѣсь Невскій проспектъ? Гдѣ тутъ Острова? Ничего и подобнаго нѣтъ.

Лопуцк. Это я замѣтилъ, что всякое мѣсто отлично отъ другого. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то нетолько въ городахъ, но и въ селеніяхъ я не находилъ сходства одного съ другимъ.

Опецк. Это весьма естественно. Когда принять въ соображеніе мѣстность одного съ другимъ предметомъ, то субъективность выведена будетъ сама собою.

Кир. Пет. И кромѣ того, я думаю, сколько диковинокъ такихъ, какихъ мы здѣсь никогда не увидимъ, а вы тамъ вдоволь насмотрѣлись!

Опецк. Однѣ желѣзныя дороги здѣсь немогутъ быть даже поняты.

Кир. Пет. И немудрено. Онѣ вѣдь въ Англіи дѣланы всѣ до послѣдняго гвоздя.

Опецк., усмѣхаясь. Кто вамъ это сказалъ?

Кир. Петр. Я читалъ вотъ въ газетахъ.

Опецков. И вы, читая газеты, такъ буквально все и понимаете? Эхъ, почтеннѣйшій Кириль Петровичъ! надобно побывать въ Петербургѣ, и не просто, а такъ какъ я, вникнуть во все, и тогда уже размѣрять всю объективность. Вы читали, что въ Англіи дѣлается желѣзная дорога для Петер-

*

бурга. Хмъ! надобно смотрѣть на это въ дипломатическомъ смыслѣ. Въ газетахъ всегда иносказаніе, аллегорія. Я вамъ объясню эту желѣзную дорогу. Англія торговый народъ и издавна желаетъ всю коммерцію прибрать въ свои руки. Слыша о нашей Роменской ярмаркѣ и завидуя удачной торговлѣ нашего купечества, она посредствомъ парламента возбудила свою націю къ войнѣ съ Россією. Тутъ, въ разсужденіи реставраціи, нашли себѣ союзниковъ, и я, сидя за своимъ бюро, я видѣлъ ясно помраченіе дипломатическаго горизонта. Вотъ тутъ-то Англія хотѣла желѣзными штыками проложить себѣ дорогу до Петербурга. Вотъ о какой дорогѣ писали! а вы такъ прямо и приняли? Ха, ха, ха, ха! Нѣтъ, мой почтеннѣйшій! Газеты не просто должно читать, но обратить при чтеніи всю дипломатику на предметъ.

Кир. Петр. По этому христиносы и карлисты тоже аллегорія?

Опек. Да, если смотрѣть субъективно, то оно подходит къ одной категоріи. Я вамъ впрочемъ скажу, что, въ разсужденіи реставраціи, эти обѣ партіи почти несуществуютъ; онѣ истребили сами себя одна черезъ другую, или, по крайней мѣрѣ, скоро истребятъ. Я и небольшой дипломатикъ, но, сидя за бюрою своимъ, ясно вижу весь результатъ и предсказываю вамъ это.

Кир. Петр. Помилуйте вы меня, Осипъ Прокоповичъ! Какимъ образомъ карлисты могутъ истребить христиносовъ, когда ихъ уже маленькая горсточка остается? Возьмите Московскія Вѣдомости! Христиносы бьютъ карлистовъ какъ мухъ. Незнаю, какъ идутъ дѣла въ нынѣшнемъ году; я читаю еще прошедшія, и съ своею дипломатикою все навала у васъ. Объ новомъ годѣ буду все знать.

Опек. Удивляюсь вамъ, Кирилъ Петровичъ, какъ можно такъ читать газеты? Вы ихъ читаете по прошествіи года, когда вся субъективность минетъ, и пока вы читаете, какъ инда... индивидуальность совершится. Я вамъ торжественно скажу, что, въ разсужденіи реставраціи, газеты должно читать немедленно и выводить результаты, предваряя событія.

Кир. Петр. Читая по прошествіи года, я наслаждаюсь свѣдѣніями вполнѣ. Напримѣръ, я читаю: такой-то принцъ женился, и въ тотъ же вечеръ узнаю, чѣмъ молодая супруга

его разрѣшилась и какъ назвали новорожденное. А вы, Осипъ Петровичъ, цѣлые девять мѣсяцевъ мучитесь неизвѣстностью о томъ. Видите ли какая выгода? Впрочемъ, я многихъ вашихъ словъ непонимаю и немогу также сообразить, какъ можно предварить событія?

Опецк. Въ томъ-то и тайна дипломатики. Вы ее еще не постигли. Для занимающихся политикою это очень возможно. Слѣдуя за нею, я, въ разсужденіи реставраціи, сидя за своимъ бюрою, объективно вижу, чѣмъ и какъ такое-то обстоятельство уранжируется. На другой день спѣшу въ кондитерскую...

Агр. Сем. Но это ты, мой другъ, дѣлалъ въ столицѣ, а здѣсь даже и кондитерскихъ нѣтъ!

Опецк. Ваша правда, Аграфена Семеновна! Этому причиной мѣстныхъ надобности, неговоря уже о противоположности нашего Пирятива съ Петербургомъ, гдѣ кондитерскихъ очень много и гдѣ въ каждой вы находите ежедневно новые листы всѣхъ газетъ. Я читаю—и нахожу свою идею олицетворенною. Правда, что Англійскіе министры дѣйствуютъ совсѣмъ не въ попадѣ и часто, въ разсужденіи реставраціи, противъ моихъ предположеній, но я иногда ихъ извиняю: они народъ коммерческій и смотрятъ на Европейскую политику съ другой точки, нежели я. Вы сказали еще, что многихъ моихъ словъ непонимаете; но, мой почтеннѣйшій! это принято, и того требуетъ наша образованность, чтобы выражаться на словахъ, а болѣе на бумагѣ, такъ, чтобы невсякъ повялъ, и для того изобрѣтены новыя слова, неимѣющія яснаго значенія и смысла; отъ того и выходитъ эта всеобщая объективность, къ чести нашего вѣка, гигантскими шагами идущаго впередъ. Изъ чего я и вывожу результатъ, что на семейныя дѣла Европейскихъ принцевъ неслѣдуетъ, въ разсужденіи реставраціи, обращать вниманія.

Сидѣвшіе тутъ сосѣди утопали въ восторгѣ, удостоясь слышать такія умныя разсужденія, коихъ они вовсе непонимали, а только одинъ другому шептали: вотъ дипломаты! это чудо!

Кир. Петр. А мое это любимое занятіе, и въ особенности я люблю составлять браки, и предугадываю, на которой принцессѣ такой-то принцъ женится, и я вамъ, Осипъ

Прокоповичъ, разскажу пресмѣшной анекдотъ. Вы знаете сосѣда моего, Матвѣя Васильевича Недрыгу? Онъ также напередъ все знаетъ, когда возвратились Бурбоны во Францію. Я принялся отыскивать герцогу Беррійскому невѣсту, и нашолъ ему, по политическимъ видамъ, Австрійскую принцессу: партія была бы отличная! А онъ возьми да и женись на Неаполитанской! Я объ этомъ ничего незнаю, а Недрыга пріѣзжай ко мнѣ, да и скажи, и началъ еще надо мною подпучивать. Все это меня такъ взорвало, что я, слово-за-слово, съ Недрыгою разсорился, и вотъ съ 15-го года въ непримиримой съ нимъ враждѣ. Какъ же дѣло *сосѣдское, то, кромѣ личной ссоры, завелись у насъ и тяжбы по присутственнымъ мѣстамъ, а все чрезъ Неаполитанскую принцессу.

Отецъ. Меня приводятъ въ подобную досаду дѣла по Европейской политикѣ, какъ нарочно идущія противъ моего предположенія, и я, сидя за своимъ бюро, ясно вижу, что главныя у насъ неурядица отъ того, что Европа нетакъ раздѣлена, и дипломатическая часть слаба...

Допущ. Сколько примѣровъ найдется, что отъ худого раздѣла встрѣчаются общія невыгоды! Это и я испыталъ. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то въ дорогѣ съѣхался съ однимъ славнымъ малымъ. Былъ такой лихой, бойкій, настоящій «бомбибанъ». На станціи двѣ комнаты, и мы раздѣлились. Что же? Онъ любилъ прохладу, и ему досталась душная комната, а я, любя тепло, получилъ холодную; и отъ такого контракта ни онъ, ни я неспали всю ночь.

Въ подобныхъ политико-мудрыхъ разговорахъ проводили время наши дипломаты, какъ тутъ заботливая хозяйка просить гостей къ обѣду.

Ар. Сем. Ахъ, моя любезная! Такъ рано обѣдать? У насъ въ Петербургѣ никогда необѣдаютъ прежде 5-ти, 6, 7 и 8-ми часовъ.

Фенна Ст. Да вы себѣ, душка Горпинька, спрячьтесь съ своимъ Петербургомъ. Какъ я слушаю и вижу, такъ тамъ и живутъ, и говорятъ, и думаютъ все на выворотъ. Куда намъ за ними! Пока ихъ обѣдъ поспѣетъ, такъ мы и проголодаемся. Покорно прошу къ столу, чтобъ кушанье непростыло.

Начался обѣдъ. Шельменко не во всемъ правду сказалъ. Холодныхъ точно было четыре, но соусовъ не четыре, а шесть, и пирожныхъ два. Кромѣ слоенаго сладкаго пирога, былъ еще «яблониный» къ сливкамъ. Фенна Степановна преусердно упрашивала гостей кушать больше, а Кириль Петровичъ поддерживалъ разговоръ и заводилъ матеріи о разныхъ предметахъ. Осипъ Прокоповичъ «въ разсужденіи реставраціи» много кушалъ и много осуждалъ Англійскихъ министровъ и не прощалъ и всей Европѣ. Аграфена Семеновна, бывъ крѣпко заснурована, немогла такъ свободно кушать, и полагала тому причину, что «у насъ въ Петербургѣ нетакія блюда» и что «я отвыкла отъ такихъ блюдъ». Тимошеей Кондратьичъ выдергивалъ отрывки изъ своего вояжа изъ Чернигова въ Воронежъ, какъ онъ былъ тамъ обманутъ нѣмцемъ, созвавшимъ народъ и «анимировавшимъ» показать имъ «аллегорію», а вмѣсто того это были на бумажкахъ или на стеклѣ намалеванныя картины, и только деньги пропали; какъ искусно дѣлаютъ въ Воронежѣ «бомбояжи» прочные и легкіе въ ѣздѣ. Барышни шушукали свое и, подслушивая разсказы Тимошеея Кондратьича, толкались локотками. Сосѣди же, приглашенные къ обѣду, были на верху блаженства: ѣли отличныя блюда, пили вино лучше, нежели «алонія», и слушали кругомъ себя раздающіяся умныя и непонятныя имъ рѣчи. Послѣ стола Лопуцковскій благодарилъ Аграфену Семеновну, что она «анансировала» всю компанію.

А между-тѣмъ Иванъ Семеновичъ, ожидая Шельменка съ извѣстіями, потерялъ терпѣніе и пошолъ самъ отыскивать его. Разбуженный капитаномъ, Шельменко наговорилъ ему всякой чепухи и увѣрилъ, что онъ видѣлъ барышню, пересказалъ ей желаніе капитана и получилъ увѣреніе, что она непременно въ назначенный часъ будетъ у пруда, гдѣ плаваютъ утята, и что она просила, чтобы капитанъ былъ уже тамъ.

Въ ожиданіи двухъ часовъ, времени, когда должно было Ивану Семеновичу явиться у пруда, онъ занялся своими дѣлами.

Обѣдъ кончился, и каждый опять за свое: Осипъ Прокоповичъ началъ душить себя и другихъ дымомъ сигары; Аграфена Семеновна удалилась, чтобъ переѣмнить платье и

немного послабить снуровку; Тимоѳеѣй Кондратьичъ также удался, чтобы заняться туалетомъ и приготовиться къ объясненію съ невѣстою; барышни пошли въ садъ, гдѣ Пазинька общала повѣдать свою тайну, а Кириль Петровичъ, мигнувъ своей Феннѣ Степановнѣ, сказалъ: «а пожалуйста, маточка, сюда на часокъ». И приведя ее въ спальню, притворилъ плотно дверь. Подумавши, началъ такъ:

«Скажите мнѣ, маточка, отъ чего вы такъ опрометчиво выскочили утромъ изъ-за чаю?»

Фенна Ст. Охъ, душечка! Мнѣ-было такъ сдѣлалось дурно, что ужасъ.

Кир. Петр. Какъ же это вамъ, маточка, дурно сдѣлалось?

Фенна Ст. Встошнило крѣпко, насилу выскочила; и голова закружилась.

Кир. Петр., съ размышленіемъ. Встошнило! и голова! хмъ!... *Смотря на нее съ большимъ примѣчаніемъ.* А не знаете ли, отъ чего это у васъ встошнило и голова закружилась, а?

Фенна Ст. Разсчитываю, что отъ табачнаго дыму.

Кир. Петр. Я десять разъ разсчитывалъ и весьма желалъ бы, чтобы дурнотѣ вашей былъ причиною табачный дымъ, а не что другое. Я увижу.

Фенна Ст. Богъ знаетъ, какія вамъ мысли приходятъ, Кириль Петровичъ! Какъ вамъ можно думать что, когда у меня дочь выходитъ за мужъ.

Кир. Петр. Нѣтъ-то, еще невыходить.

Фенна Ст. А почему нѣтъ?

Кир. Петр. Я раздумалъ.

Фенна Ст. А почему такъ? Онъ, мнѣ кажется, человѣкъ достойный.

Кир. Петр. Достойный, слова нѣтъ, и я въ немъ, кромѣ хорошаго, ничего невижу; но ужасно какъ глупъ! Все твердить, какъ онъ вояжировалъ, и куда же? изъ Чернигова въ Воронежъ и обратно.

Фенна Ст. Что же, когда ему въ томъ фортуна благоприятствовала? А по-моему, лучше глупъ, нежели мотъ и пьяница.

Кир. Петр. И то худо, и другое нехорошо. Во избѣжаніе всего, намъ съ рѣшительнымъ словомъ надобно приобождать.

Фенна Ст. Вотъ же попомните мое слово, что пока будете обжидать, а капитанъ такого надѣлаетъ, что цѣлый вѣкъ будемъ помнить!

Кир. Петр. О, нѣтъ, маточка! Я его такъ напугалъ, что онъ боится о Пазинькѣ и думать. Притомъ же при немъ Шельменко: наблюдаетъ за нимъ каждый шагъ и тотчасъ скажетъ мнѣ.

Фенна Ст. Нашли человѣка! Какъ себѣ хотите, а я пойду къ Пазинькѣ и научу ее, что она должна отвѣчать жениху въ согласіе свое.

Кир. Петр. Дѣлайте, что хотите; а съ формальнымъ сговоромъ подождемъ.

На томъ и кончилось семейное совѣщаніе. Фенна Степановна отыскала дочь и сказала ей: «вотъ, Пазинька сюда прійдетъ Тимошей Кондратьевичъ и будетъ тебѣ дѣлать объясненіе, и будетъ спрашивать твоего согласія, и будетъ просить твоей руки и сердца; то, смотри, умненько и пристойно ему отвѣчай»...

Пазинька. Я очень вѣжливо ему откажу.

Фенна Ст. Какъ это можно?

Пазинька. Маминька! Я ни за что въ свѣтѣ нехочу за него!

Фенна Ст. Я слышать нехочу!... Смотри же, скажи ему такъ: «кагда вы, государь мой, такъ привязаны ко мнѣ, какъ говорите, такъ мнѣ остается только сказать, что я ваша, или вамъ принадлежу, или какъ тамъ умнѣе прійдется сказать»...

Пазинька. Маминька! пощадите меня!

Фенна Ст. Вздоръ, вздоръ! Я буду близко стоять, и если ты не скажешь слово въ слово, то я за тебя скажу, да послѣ уже не прогнѣвайся.

Отдавъ такое рѣшительное и строгое приказаніе, Фенна Степановна пошла отыскивать Аграфену Семеновну.

Въ большомъ огорченіи возвратилась Пазинька подъ яблонь къ подругѣ своей, и съ горькими слезами рассказала ей о приказаніи, полученномъ отъ матери.

Эвжени. Повръ моя машерь! Что же ты предпринимашь?

Пазинька. И сама незнаю.

Эвжени. Послушай моего совѣта. Ты дай слово ити за нашего жениха, а съ своимъ офицеромъ уйди.

Пазинька. Лучше умереть, нежели рѣшиться на такой поступокъ! Конечно, и онъ упрасиваетъ меня бѣжать, но я никогда нерѣшусь.

Эвжени. Ахъ, моя милая машерочка, почему же нерѣшиться? Какъ это весело! Выходишь скрытно отъ всѣхъ, черезъ садъ; луна освѣщаетъ твой путь; ты дрожишь, пугаешься всего... вдругъ онъ выскакиваетъ изъ-за деревьевъ... ты падаешь въ обморокъ и на его руки; онъ тебя безчувственную несетъ, сажаетъ въ коляску; лошади васъ мчатъ; вы вѣнчаетесь... Ахъ, какъ это весело! Конечно, твоя машермеръ будетъ сердиться; но вы будете плакать, просить, и она васъ простить! Ахъ, какая ты «эрѣзъ», что у тебя есть военные! а у насъ ни одного близко нѣтъ. Вотъ тебѣ мой пароль, что если мой офицеръ предложитъ мнѣ бѣжать, я тотчасъ соглашусь и уйду.

Приближающіеся Осипъ Прокоповичъ и Кирилъ Петровичъ принудили подругъ удалиться въ глубь сада.

Дипломаты подошли къ скамейкѣ, сѣли и продолжали разсуждать.

Осипъ Пр. Въ-разсужденіи реставраціи, недолжно упускать нити Европейской политики, а слѣдовать за нею субъективно изъ листа въ листъ газеты. Иначе все перепутааете. Стало, вамъ неизвѣстно, что король Греческій женился, и на комъ?

Кирилъ Петр. Женился или нѣтъ, незнаю; но на комъ онъ женится, отгадываю.

Осипъ Пр. А на комъ бы по вашему мнѣнію?

Кирилъ Петр. Скажу и нешибусь. На дочери Турецкаго султана.

Осипъ Пр. Это же отъ чего?

Кирилъ Петр. Отъ того, что обѣ враждующія державы чрезъ родственнѣйшій союзъ примирятся, Христіанство распространится, торговля сношенія съ Европою получать твердость.

Осипъ Пр. Позвольте мнѣ, Кирилъ Петровичъ, эту часть разумѣть больше, потому-что я, сидя за своимъ бюро, очень ясно вижу, въ разсужденіи торговыхъ сношеній съ Европою... то есть... какъ бы вамъ сказать... По объективному равновѣсію Европы, всякій торгъ... однимъ словомъ, на это нужно подробное объясненіе...

Лопуцковскій на послѣднія слова выходитъ изъ-за деревьевъ. Для этого самого я и поспѣшилъ сюда, чтобы съ прелестною барышнею объясниться.

Кир. Петр. Но по моему мнѣнію, съ объясненіемъ можно бы и неспѣшить.

Лопуцк. Почему же, когда за этимъ я пріѣхалъ? По крайней мѣрѣ дозвоьте мнѣ поговорить съ нею инкогнито, безъ свидѣтелей.

Кир. Петр. Немогу на это рѣшиться, неподумавъ.

Осипъ Пр. Дозвольте мнѣ войти въ ваше весьма затруднительное положеніе и быть посредникомъ въ этомъ объективномъ дѣлѣ. Когда, въ разсужденіи реставраціи, въ Европейской политикѣ замѣчена была шаткость, тогда въ Англійскомъ парламентѣ, не помню, какой-то лордъ произнесъ сильную рѣчь, въ которой ясно доказалъ... доказалъ, что, какъ жаль, что я невспомню предмета рѣчи.

Кир. Петр. Скажите только, въ какомъ № Московскихъ Вѣдомостей эта рѣчь, то ее тотчасъ найду и прочту самъ. Когда я что прочту, то только то и понимаю, а слышимое тотчасъ ускользаетъ изъ памяти. *Увидѣвъ гуляющихъ жену и Аграфену Семеновну, перерядившуюся послѣ обѣда.* Время прекрасное, и вы очень хорошо вздумали, что вышли погулять въ саду.

Аграф. Сем. У насъ въ Петербургѣ обыкновенно въ это время гуляютъ... но это не лѣтній садъ!.. Какая разница! *Отведя мужа, говоритъ ему тихо:* Я замучена, мой другъ! Вообрази, хозяйка и теперь называетъ меня, какъ и до нашей поѣздки въ Петербургъ, Горьпинька! Ахъ, какая мало-россиянка.

Осипъ Пр. Правда, но... обращаясь къ Европейской политикѣ, ты найдешь, что Англичане, которыхъ министры, правда, часто дѣйствуютъ противъ моей субъективности, даже

и своихъ королей, въ-разсужденіи реставраціи, зовуть полуименемъ.

Кириль Петровичъ подошолъ къ женѣ и объявилъ, что онъ съ сговоромъ дочери намѣренъ пріостановится.

Фенна Ст. Съ досадою. Помилуйте меня, Кириль Петровичъ! Я вамъ ненаудивляюсь! И хотъ вы меня сей-часъ убейте, такъ я въ толкъ невозьму. Какъ можно человѣку съ вашимъ умомъ необсудить, что замужествомъ дочери, во всякомъ случаѣ, спѣшить должно. Съ чего вы вздумали еще колебаться? Это Богъ знаетъ что!

Кириль Петр. Немѣшайте мнѣ, маточка! У меня свои планы. Послѣ или вы мнѣ спасибо скажите, или назовете просто дуракомъ.

Фенна Ст. Я этого объ васъ и помыслить не смѣю, а вижу ясно, что вы все дѣлаете не въ-попадъ. Этого отъ вашего ума я никогда не ожидала.

Ари Сем. Кириль Петровичъ! У васъ, кромѣ этого сада, нѣтъ ничего болѣе и лучше для прогулки?

Фенна Ст. Какъ нѣтъ? А помнишь, Горьпинька, пасѣку, гдѣ мы съ тобой, еще какъ дѣвками были, такъ катались въ бочечкѣ? Прекрасно и тамъ гулять.

Ари Сем. съ неудовольствіемъ. Черезъ столько лѣтъ, кажется, можно все забыть. У насъ въ Петербургѣ, напротивъ, сколько мѣстъ, гдѣ можно отлично прогуливаться: Набережная, Острова; а здѣсь и подобнаго ничего неувидишь! Ахъ, Петербургъ!

Лапуш. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то много встрѣчалъ мѣстъ удобныхъ для прогулокъ.

Ари Сем. Но все не то, что нашъ Невскій проспектъ!

Осинъ Пр. Петербургъ и тѣмъ хороше, что у васъ вся Европейская политика передъ глазами. Сколько газетъ, журналовъ! Сколько субъективныхъ разсужденій, объективныхъ мнѣній, дипломатическихъ воззрѣній!

Ари Сем. А право, Фенна Степановна! Вы получаете какіе журналы?

Фенна Ст. Незнаю, душечка, Горьпинька! Я по экономіи ни во что невожужу; всѣмъ завѣдываетъ мужъ. Гдѣ мнѣ, бабѣ, пускаться въ эти дѣла.

Кир. Петр. Я только получаю Московскія Вѣдомости и читаю ихъ всё за одинъ разъ. Журналовъ же терпѣть немогу. Тамъ вѣчно: «продолженіе впредь». А это для меня острый ножъ, томиться неизвѣстностію!

Ар. Сем. Ахъ, какъ можно нечитать журналовъ! Изъ нихъ бы вы узнали, что уже строжайше запрещено говорить и писать «этогъ» и «сей»; а также, хотя бы и друзей, называть полуименемъ. *Тихо мужу.* Каково?

Осинъ Пр. тихо ей. Хотя бы и въ Англійскомъ парламентѣ.

Ар. Сем. Что вы на это скажете, Фенна Степановна?

Фенна Ст. Я, душечка-Горпинька, просто вотъ что скажу: какъ умудряется свѣтъ! все больше, такъ что и Господи!

Лопуцк. Вояжируя изъ Чернигова въ Воронежъ, я часто пускался въ «аспазія» и въ часы «мелодіи» мнѣ приходила мысль: зачѣмъ мы называемъ себя по имени и по отчеству? Сколько надо времени выговорить все это?

Осинъ Пр. Европа вся зоветъ себя только по фамиліи.

Ар. Сем. Но мы мой другъ, благодаря Бога, живемъ не въ Европѣ.

Осинъ Пр. О, конечно; у насъ вѣжливость субъективнѣе и совсѣмъ на другой степени. Въ бытность мою въ Петербургѣ, похваляюсь вамъ на счетъ вѣжливаго всѣхъ со мною обращенія. Даже при знакомствѣ моемъ съ господами министрами...

Кир. Петр. Такъ вы свели знакомство и съ ними? Часто бывали у нихъ?

Осинъ Пр. Нѣтъ; бывать у нихъ я небывалъ, правду скажу, но встрѣчаясь съ ними, свидѣтельствовалъ мое имъ почтеніе снятіемъ шляпы и уважительнымъ поклономъ, то и отъ нихъ видѣлъ взаимный поклонъ и съ улыбкою еще.

Фенна Ст. мужу. Знаете, душечка, что? Чѣмъ намъ тутъ сидѣть и ничѣмъ не заниматься, такъ не приказать ли сюда подать чего-нибудь закусить? Можно яичницу, цыплятъ жареныхъ, да грибковъ въ сметанѣ.

Ар. Сем. Ахъ, моя милая Фенна Степановна! Мы обѣдали въ 12 часовъ, а теперь еще два часа.

Фенна Ст. И, душечка-Горьпинька, что за счеты? У насъ въ деревнѣ это все некупленное. Прикажете? тотчасъ изготовятъ и горяченькое подадутъ. Такъ перекусить, пока до полдника.

Ар. Сем. Фи, какъ это можно еще и полдничать. Вотъ идутъ къ намъ дѣвицы; компанія наша умножится, и намъ, безъ вашихъ цыплятъ, будетъ весело.

Эвжени съ Пазинькою приходятъ.

Эвжени. Вотъ гдѣ наши машермеры! Мы васъ по всему саду искали. Ахъ, машермеръ, сколько здѣсь прелестныхъ видовъ! Мы съ моею Пазинькою нашли одно прероманическое мѣсто. Оно очень живо описано въ прелестномъ романѣ «Путешествіе по Малороссіи».

Ар. Сем. Какія здѣсь романическія мѣста! Посмотрѣла бы ты въ Петербургъ. Тамъ у насъ на каждой улицѣ вездѣ встрѣтишь романъ.

Фенна Ст. Должно полагать, что это модное имя, когда вездѣ Романы?

Ар. Сем. Ахъ, нѣтъ, не то. *Сама съ собою.* Я съ нею терпѣніе теряю. *Дочери.* У насъ въ Петербургѣ одинъ Невскій проспектъ стоитъ лучшаго романа въ четырехъ частяхъ. Ты много лишилась, не бывъ въ Петербургѣ. Здѣсь подобного ты никогда неувидишь.

Эвжени. Пуркуа же невзяли вы меня съ собою?

Ар. Сем. Но ты оканчивала воспитаніе у мадамъ Торшонъ.

Осинъ Пр. Чѣмъ подвергать нашу индивидуальность разстройкѣ желудковъ цыплятами и грибами вашими, сударыня Фенна Степановна, такъ не лучше ли похвастать вамъ предъ моею женою вашимъ объективнымъ птичьимъ дворомъ, и показать, гдѣ кормятся эти жирные гуси, которыми за обѣдомъ вы насъ закармили; а тамъ и прочее все по хозяйству вашему.

Ар. Сем. А, и въ самомъ дѣлѣ. У насъ въ Петербургѣ такихъ диковинъ неувидишь.

Фенна Ст. Извольте, пойдѣмъ. Я поведу васъ съ-начала туда, гдѣ у меня доятъ коровъ, а послѣ туда, гдѣ запираютъ телятъ, пахтаютъ масло. Потомъ осмотримъ куръ, гусей, утокъ, насѣдокъ, цыплятъ.

Осинъ Пр. Идите, идите. А мы съ почтеннѣйшимъ Кирилломъ Петровичемъ осмотримъ техническое его заведеніе испанскихъ овецъ и кстаті разсмотримъ ходъ Испанской войны.

Расходятся въ разныя стороны.

Эвжени. Ахъ, ма эмабль! Они ушли экспре, чтобы дать твоему жениху случай изъясниться.

Пазинька. Напрасно они беспокоились.

Эвжени. По крайней мѣрѣ позабудимся надъ нимъ, и онъ позабудитъ насъ своею любовью. Сѣ сера жоли. *Тимовой Кондратьичу, стоящему въ отдаленіи и вздыхающему.* О чомъ вы вздыхаете, Тимовой Кондратьичъ, или о комъ?

Лопуцк. Ни о комъ и ни о чомъ, а мнѣ жарко такъ, что потъ съ меня въ три ручья валить.

Эвжени. Что же вы это такое тяжелое работали?

Лопуцк. Я еще не работалъ, а приготавлиаюсь.

Эвжени. Къ чему же это?

Лопуцк. Открыться въ любви.

Эвжени. Кому? Ужъ не мнѣ ли?

Лопуцк. Помилуйте! Я же съ вами пріѣхалъ. А вотъ имъ.

Эвжени. Такъ открывайтесь же скорѣе; я послушаю и поучуся, какъ намъ открываются въ любви мужчины.

Лопуцк. Это дѣлается просто, сверхъестественно.

Эвжени. Желала бы я послушать сверхъестественнаго вашего объявленія.

Лопуцк. Извольте-съ. *Вынимаетъ изъ кармана бумажку и кашляетъ.*

Пазинька. Позвольте же узнать, кому вы станете открываться въ любви?

Лопуцк. Натурально, вамъ.

Пазинька. Отъ чего же натурально? и почему мнѣ?

Лопуцк. Натурально потому, что вы лучше всякой натуры, и потому вамъ, что... вамъ.

Пазинька. Да кто же я?

Лопуцк. Вы — вы-съ.

Пазинька. Знаете ли вы хоть имя мое?

Лопуцк. Это я послѣ узнаю, а теперь я знаю, что вы дочь... вашего батюшки... Кирила Петровича.

Пазинька. Напрасно такъ полагаете; я только племянница.

Лопуцк. Такъ дочь еще особо?

Пазинька. Конечно особо. *Смѣются обѣ.*

Лопуцк. Гдѣ же я найду ее?

Пазинька. Въ домѣ.

Эвжени. Идите, вамъ любовь укажетъ путь.

Лопуцк. Смотрите, не обманываете ли вы меня?

Эвжени. Какъ это можно обманывать васъ!

Лопуцк., уходя, самъ съ собою. Хорошо, что я распросилъ, а то попалъ бы въ просакъ. Племянница! Это не то, что дочь, и что ей дадутъ въ приданое? Какіе нибудь обноски.

Эвжени. Мы счастливо отдѣлались отъ твоего несноснаго жениха.

Пазинька. Ахъ, нѣтъ, еще неотдѣлались! Я предчувствую, что когда маменька это узнаетъ, то мнѣ достанется, и я все-таки буду выдана за него. Мнѣ удивительно, что мы нигдѣ не встрѣтили Ивана Семеновича. Хотя бы онъ узналъ о моемъ горѣ, и мнѣ легче было-бы терпѣть.

Апр. Семен. едва идетъ. Уфъ!..... задыхаюсь!.... Ну, на что это похоже, въ самый жаръ ходить такъ далеко! Всю эту гадость осмотрѣли: и курь, и насѣдокъ, и цыплятъ, и телятъ, и все это въ ужасномъ одно отъ другого разстояніи. Нѣтъ, у насъ въ Петербургѣ подобнаго неувидишь даже и въ Англійскомъ магазинѣ. Теперь пошла еще смотрѣть своихъ утятъ къ пруду, гдѣ, говорить, и тѣнь и прохлада; но я уже немогла ити за нею.

Пазинька. Маминька моя очень любитъ всѣмъ этимъ заниматься сама, у нея все въ порядкѣ.

Апр. Сем. И пусть будетъ въ порядкѣ; но зачѣмъ же мучить другихъ, вода такъ далеко и показывая все это живымъ, что мы видимъ каждый день на своемъ столѣ изготовленнымъ отлично и въ пристойномъ видѣ. Апрапо! объяснился ли съ вами Тимошеей Кондратьичъ и какой отвѣтъ получилъ?

Эвжени. Имажине, моя милая машермеръ! Моя машеръ Пазинька неможетъ за него выйти по нѣкоторымъ сирконстансамъ.

Агр. Сем. Понимаю; это вѣрно тайная любовь! У насъ въ Петербургѣ каждая хорошо воспитанная дѣвица и даже замужняя женщина имѣетъ свою тайную, особенную любовь. Въ обществѣ, къ которому я тамъ принадлежала, это вообще принято.

Эвжени. Ахъ, машермеръ! Уговорите ее, машермеръ, чтобы она неразлучала двухъ страстно любящихся сердець! И пуркуа бы ихъ несоединить?

Агр. Сем. Не предосудительно ли его происхождение?

Пазинька. О, напротивъ, онъ благороднѣйшій человекъ по рожденію и по чувствамъ своимъ.

Эвжени. Онъ, машермеръ, военный и здѣсь стоитъ съ полкомъ.

Агр. Сем. Какъ? и здѣсь есть полки? Сколько ихъ у васъ въ деревнѣ?

Пазинька. Здѣсь только одна рота.

Агр. Сем. Одна рота! Ахъ, какія вы жалкія! У насъ въ Петербургѣ тысячь тридцать. Тамъ и на полкъ нѣчего смотрѣть, а у васъ только рота. Какая во всемъ разница съ Петербургомъ, удивляюсь! Онъ уже полковникомъ?

Пазинька. О, нѣтъ; капитанъ.

Агр. Сем. И всего только одинъ капитанъ у васъ! Ай, ай, ай! У насъ въ Петербургѣ конечно ихъ тысяча и все молодцы!

Эвжени. Меня до слезъ тронула ея любовь; я бы вамъ объ ней рассказала, но вотъ подходятъ наши моншерперы; пусть послѣ. Похлопочите же о влюбленныхъ.

Дипломаты наши, разбирая права на Испанскій престоль Донъ-Карлоса и малолѣтней королевы, защищали каждый свою сторону съ такимъ жаромъ, что у нихъ вышелъ уже крупный споръ; но къ счастью подошелъ. Тимошей Кондратьичъ, требуя объясненія у Кирила Петровича, есть ли у него дочь и гдѣ она?

Кир. Петр. Вотъ моя дочь, и вы видѣли ее.

Лопуцк. Но помилуйте, это не дочь ваша.

Кир. Петр. Кому же лучше знать, какъ не мнѣ, ея истинному, родному отцу? Да на что вамъ дочь моя?

Лопуцк. Какъ же? Я долженъ ей открыться въ любви. Вотъ уже и вечеръ приближается.

Кир. Петр. Напрасно беспокоитесь. Это почти ненужно.

Осинъ Пр. А почему это, почтеннѣйшій Кирилъ Петровичъ?

Кир. Петр. Потому что я еще нерѣшилъ.

Осинъ Пр. На это я вамъ скажу примѣръ изъ Англійской исторіи. Когда происходилъ процессъ королевы съ супругомъ....

Кир. Петр. Знаю. Я читалъ его весь.

Осинъ Пр. Но этого не знаете, потому-что я имѣю секретный актъ. Въ одно засѣданіе въ парламентѣ одинъ лордъ началъ...

Слышенъ вдали крикъ Фенны Степановны. Ай, ай, помогите! ратуйте! Кто въ Бога вѣруеть, спасите!

Всѣ бѣгутъ къ ней на помощь. Она блѣдная, испуганная, едва можетъ ити и стонеть.

Пазинька, бросаясь къ ней. Маминька, что съ вами.

Кир. Петр. тоже. Что съ тобою, моя Фенночка?

Фенна Ст. Охъ!... насилу жива!

Апр. Сем. Это истерика. Скорѣе Гофманскихъ капель, перья.... У насъ въ Петербургѣ этимъ въ истерикѣ помогаютъ.

Фенна Ст. Охъ!... какая къ чорту истерика! Я ея отроду не знала... не знала, что-то и за обмороки, хоть сейчасъ убейте не знала; а тутъ пришлось-было совсѣмъ падать въ обморокъ.... Охъ!

Кир. Петр. Да отъ чего же вы, маточка, должны были въ обморокъ падать?

Фенна Ст. Охъ, душечка, Кирилъ Петровичъ! вы непременно должны вызвать капитана на поединокъ! непременно!

Кир. Пет. Я?... на поединокъ?... За что это?

Фенна Ст. Чтобъ отомстить ему за мою и вашу честь.

Кир. Петр. За вашу честь? Такъ ли я васъ понимаю.

Фенна Ст. Такъ, душечка, такъ. Онъ обидѣлъ честь мою.

Кир. Петр. Какъ это?

Фенна Ст. Какъ обыкновенно обижаютъ честь. Видите, какъ это было: я пошла посмотрѣть утятъ, что на прудѣ, а тамъ такая густая тѣнь, что съ трудомъ можно разглядѣть. Вотъ я ничего невидѣла, право невидѣла; хоть убейте меня сей часъ, формально никого невидѣла, и наклонилась къ пруду, какъ вдругъ капитанъ...

Пазинька. Ахъ!...

Кир. Петр. Ну-те, капитанъ; и что же онъ?

Фенна Ст. Тутъ стоялъ подъ деревомъ и вдругъ схватилъ...

Кир. Петр. Съ большимъ нетерпѣніемъ. Ну-те, ну-те!...

Фенна Ст. Схватилъ меня за руку и началъ страстно цаловать; потомъ...

Кир. Петр. Потомъ?... Ну-те ужъ дорѣзываете!...

Фенна Ст. Охъ!... языкъ неповоротится договаривать! Вообразите, душечка! началъ говорить мнѣ, тьфу! любовныя рѣчи, и началъ, да такъ сладко, склонять меня, чтобъ я съ нимъ... охъ!... бѣжала!...

Кир. Петр. Вы же что на его сладкія рѣчи?

Фенна Ст. Сами можете посудить, каково мнѣ было все это слушать! Благодарю Бога, сколько прожила, а во весь мой вѣкъ никто необъявлялъ мнѣ любви! Никто, даже и Кириль Петровичъ, законный мой супругъ! И никто, до сего часу, непривлекалъ меня къ невѣрности мужу, а тутъ такой молокососъ вздумалъ...

Кир. Петр. серьезно. Что же вы сдѣлали, когда выслушали любовныя рѣчи!

Фенна Ст. Въ первомъ жару, къ сожалѣнію, я начала кричать; а мнѣ бы слѣдовало отшлѣпать его по щекамъ за такой развратъ. Когда же я закричала, такъ онъ вскочилъ и крикнулъ: «какъ я ошибся!» Этакой плуть! Какъ видить, что не по немъ, такъ изворотилъ, что будто ошибся.

Апр. Сем. Онъ конечно бывалъ въ Петербургѣ. У насъ тамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда такъ изворачиваются.

Осин. Пр. Сравнивая теперешнее происшествіе съ европейскою политикою, я нахожу, что подобная объективность вовсе не нова. Когда англійскій министръ Питтъ, въ разсужденіи реставраціи, вздумалъ въ... въ... вотъ не вспомню, въ которомъ году! Тимофеей Кондратьичъ, перестаньте думать! Въ которомъ это году было?...

Лопуцк. Что я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ? Это было въ 1832 году.

Кир. Петр. Ну-те Фенна Степановна, договорите свое. Когда онъ сказалъ, что ошибся, что потомъ?

*

Фенна Ст. Сказавши, да и бросился бѣжать и, вообразите! вмѣсто того, чтобы въ калитку, онъ прямо въ прудъ, такъ и шубовтнулся по этое время — *указавъ на прудъ*. Я такъ и закричала!

Кир. Петр. Чего же вы, Фенна Степановна, закричали?

Фенна Ст. Испугалась, Кириль Петровичъ.

Кир. Петр. Чего же вы, Фенна Степановна, испугались?

Фенна Ст. Какъ же не испугаться, видѣвши, что живой человѣкъ тонеть?

Кир. Петр. Но этотъ человѣкъ испугалъ васъ и имѣлъ дурной умыселъ.

Фенна Ст. Все же по человѣчеству жаль, Кириль Петровичъ!

Кир. Петр. То-то! Вы что-то человѣчеству дали волю надъ собою, а въ подобныхъ случаяхъ человѣчество играетъ большую роль и погубляетъ насъ.

Фенна Ст. Съ чего вы вздумали, Кириль Петровичъ, приписывать мнѣ такія качества, когда я себя не помнила.

Кир. Петр. И обыкновенно тутъ непомнить себя. Но, можетъ быть, я еще допускаю и эту мысль, что онъ въ тѣни деревъ принялъ васъ за Пазиньку и убѣждалъ ее...

Фенна Ст. Обрздумтесь, Кириль Потровичъ! Я вамъ неаудивляюсь, какъ вы такъ легко судите! Возможно ли, чтобы онъ нераспозналъ меня отъ дочери? Нѣтъ, это его злой умыселъ на общую нашу честь. На поединокъ, зовите его на поединокъ, только благоразумно поступите. Вызовите его, а сами подальше спрячьтесь, а на назначенномъ мѣстѣ посадите людей. Какъ онъ явится, такъ пусть они и проучатъ его.

Кир. Петр. Говорите вы, маточка, что хотите, а я сдѣлаю, что хочу. Обсудивши со всѣхъ сторонъ это происшествіе, я нахожу, что тутъ вышла ошибка. Чтобы пресѣчь всѣ безпокойства наши и отъ капитана отвязаться, я нахожу полезнымъ Пазиньку выдать за Тимоея Кондратьевича и сего же дня сдѣлалъ сговоръ. Какъ вы думаете, маточка Фенна Степановна?

Фенна Ст. Это будетъ самое умное дѣло, и я обѣими руками согласна; только отвяжемся ли мы отъ капитана? Развѣ, для сохраненія моей и вашей чести, не просить ли высшаго начальства, чтобы его отъ насъ перевели, да куда подалѣе?

Кир. Петр. Охъ маточка! Какія у васъ все мысли! Кончимъ же главное. Тимоеей Кондратьичъ, Пазинька, подойдите сюда!

Пазинька. Батинька и маминька! Сдѣлайте милость не губите меня! Неотдавайте меня за Тимоеея Кондратьича! Когда вамъ неугодно, я непойду и за капитана. Отпустите меня въ монастырь...

Кир. Петр. Небывать этому. Вздоръ! Честь моя требуетъ рѣшительной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, не на дуэль же мнѣ выходить! Да еще, какъ этотъ сорви-голова меня убьетъ, такъ что тогда! Отдать тебя другому, а онъ потомъ хоть волкомъ вой! *Беретъ дочь за руку.* Тимоеей Кондратьичъ, пожалуйте сюда.

Лопуцк. Какъ же это будетъ? Я еще неоткрывался въ любви?...

Кир. Петр. Послѣ свадьбы все откроете. *Беретъ и его за руку и соединяетъ.* Будьте женихъ и невѣста. Конецъ дѣлу, и капитанъ останется въ дуракахъ. Вечеромъ сговоримъ формально.

Лопуцк. А это еще пока анекдотомъ?

Кир. Петр. Точно такъ. Теперь, любезныя гости, прошу вечеромъ принять участіе въ семейной радости нашей. Сейчасъ зазываю всѣхъ сосѣдей, посылаю за музыкантами и даю пиръ на весь міръ.

Фенна Ст. Благодарю Создателя моего: дожидая радости устроить счастье моей единоутробной дочери!

Пазинька горько плачетъ. Маминька! еще прошу васъ!...

Фенна Ст. Съ чего ты вздумала отпрашиваться, когда я уже всѣ блюда къ ужину придумала?

Лопуцк. Самое вѣрное средство—противнымъ бракомъ истребить страстную любовь.

Эвжени, взявъ за руку Пазиньку. Чудная ты мнѣ: идешь за-мужъ и горюешь. Тогда свободнѣе можно... *Идутъ къ дому.*

Агр. Сем. Ахъ, какой вы на мнѣ вечеромъ увидите костюмъ! Зимой онъ только-что вышелъ. Пойду наряжаться. *Также уходитъ.*

Лопуцк. По праву жениха, я, кажется, долженъ находиться при невѣстѣ неотлучно. *Идетъ за двумяцами.*

Осипъ Прокоп. Да, почтеннѣйшій Кирилъ Петровичъ! ваши дѣйствія одобрили бы и въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ рѣдко что одобряютъ, отъ различнаго со мною взгляда на европейскую политику. Пойдемъ со мною по саду: я вамъ расскажу одно событіе...

Кир. Петр. Извините уже меня на сей разъ; мнѣ множество хлопотъ для приготовленій. Однимъ-одна дочь, такъ надобно неупустить ничего. *Скоро идетъ къ дому.*

Фенна Ст., поспѣвая за нимъ. Неоставляйте же меня, душечка! Того и смотрю, что капитанъ, увидивши меня одну, выскочить изъ-за кустовъ съ своею любовью. Тогда долго ли до бѣды? Пропаду съ душею и тѣломъ...

Всѣ разошлись и каждый занялся особеннымъ дѣломъ. Кирилъ Петровичъ писалъ пригласительныя письма къ сосѣдямъ, разсылалъ ихъ, посылалъ за музыкантами, приказывалъ готовить площадки для освѣщенія сада. Фенна Степановна съ Мотрею располагали ужиномъ, и уже Мотря, отпуская провизію кухарю, для такого случая необвѣщивала и необмѣривала его; выдавала лучшіе приборы и во всѣ комнаты цѣлыя сальныя свѣчи; на восемь блюдецъ разложила варенья и все сахарнаго. Аграфена Семеновна наряжалась въ свой модный костюмъ. Лопуцковскій, у котораго для сговора была спита полная пара еще въ третьемъ году, о нарядѣ небезпокоился, но во ожиданіи времени, лежалъ на диванѣ и мысленно избиралъ, куда бы ему, женясь, вояжировать. Осипъ Прокоповичъ, придавъ своимъ манжетамъ видъ поважнѣе, пересматривалъ одинъ Московскій журналъ и отыскивалъ въ немъ слова похитрѣе «субъективно и объективно», чтобы блеснуть ими уже ввечеру. Эвжени вызвалась нарядить невѣсту отлично, и вотъ онѣ и заперлись особо...

А между-тѣмъ Иванъ Семеновичъ, послѣ холодной ванны, напившись чаю, лежа на своей походной постелѣ, перекурилъ пропасть сигаръ и все еще непридумалъ средства, какъ бы ему увидѣться съ Пазинькою и что-нибудь придумать къ общему счастью... какъ вдругъ Шельменко вошелъ торопливо.

Ив. Сем. Что, Шельменко, что скажешь? Что?

Шельменко. Все благополучно, ваше благородіе!

Ив. Сем. Что слышно?

Шельменко. И слышно, и видно все хорошее, ваше бл!...

Ив. Сем. Что же хорошаго?

Шельменко. Совсѣмъ дѣло кончено, в. б. Барышню совсѣмъ просватали и вечеромъ будутъ пить-гулять. Гостей, будучи, назвали до пропасти; птицы нарѣзали вотъ такую кучу; плошки наливають освѣтить садъ; музыканты привезены; всѣ дворовые люди собираются завтра напиться мертвецки. Будучи, все дѣло кончено и все обстоитъ благополучно.

Иванъ Семеновичъ вскочилъ безъ памяти, ударилъ себя въ лобъ и закричалъ: «все подвину, на все пойду!» Тотъ же часъ пригласилъ офицеровъ, рассказалъ, въ чомъ дѣло, послалъ во всѣ мѣста съ препорученіями; все, что придумалъ, устроилъ, уладилъ, а самъ, одѣвшись въ полную форму, приказалъ коляскѣ стоять у калитки близъ саду и недремать, и взявъ за собой Шельменка, пошелъ въ садъ Кирила Петровича.

Какъ ни спѣшилъ онъ съ своими распоряженіями, а когда подходилъ къ саду, то уже солнце зашло и начинало смеркаться.

«Шельменко!» говорилъ идучи Иванъ Семеновичъ: «нѣтъ той награды, въ чомъ бы я тебѣ отказалъ, если ты сдѣлаешь для меня величайшую услугу. Какъ хочешь придумывай, чтобы Пазинька, теперь ли или хотя и поздно вечеромъ вышла къ тѣмъ тремъ яблонямъ. Умудрись и вызови ее.

— Да для чего, же ваше благородіе? Можно, для васъ все можно. Я, будучи, для васъ на смерть пойду и все сдѣлаю.— Такъ говорилъ Шельменко, а между-тѣмъ придумывалъ, какъ, услуживая капитану, себя выворотить изъ бѣды.— Не замедлю вызвать, говорилъ онъ, а вы себѣ, будучи, секретно и переговорите, о чомъ вамъ надобно.

Ив. Сем. Тутъ уже не до разговоровъ; лишь бы вышла, я пойду на послѣднюю крайность; схвачу ее и хотя бы безчувственную, положу въ коляску и ускачу. Товарищи мои все приготовили къ вѣнцу.

Шельменко. Ей-Богу, прекрасно выдумали, ваше благородіе! Чего этому Шпаку, будучи, въ зубы смотрѣть? Вотъ и Турокъ не даетъ намъ городовъ, штурмою возьмемъ. Такъ, будучи, и тутъ... ваше благородіе. Ваше благородіе, осторожниѣ, что-то бѣлѣется...

Иванъ Семеновичъ тоже замѣтилъ двухъ женщинъ, гуляющихъ въ саду; приказавъ Шельменку остаться и наблюдать за всѣмъ, началъ тихо подкрадываться къ нимъ.

Эти гуляющія были Пазинька и Эвжени. Приступая къ одѣванью для сговора, Пазинька хотѣла въ послѣдній разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ она вмѣстѣ съ нимъ гуляла, говорила, слушала его. Добрая Эвжени согласилась, и онѣ, не бывъ никѣмъ замѣчены, вышли изъ дому и, занимаясь невинными разговорами (на прим. Эвжени совѣтовала Пазинькѣ непремѣнно бѣжать съ капитаномъ или, выйдя за Тимоѳея Кондратьича, уже и вольнѣе любиться съ капитаномъ и т. под.), такъ разговаривая, пробирались къ извѣстному пруду, надѣясь, что Иванъ Семеновичъ, и послѣ неудачи, будетъ тамъ дожидать Пазиньки. Вотъ, какъ онѣ идутъ и говорятъ, вдругъ является предъ ними Иванъ Семеновичъ и вскрикиваетъ:

«Наконецъ, обожаемая Пазинька, имѣю неизъяснимое наслажденіе видѣть тебя, говорить съ тобою, цаловать твою ручку... Но зачѣмъ ты отнимаешь ее?... Это вѣрно другъ твой, и ей, конечно, извѣстна взаимная наша любовь...

Пазинька. Я немогу уже быть вашею... оставьте меня, забудьте... и будьте счастливы!...

Эвжени, будто сама съ собою, но чтобъ слышали ее. Иль э тре боку агреабль; иль э жантиль.

Ив. Сем. Такъ это правда? И мнѣ остается только умереть!

Эвжени. Пуркуаже умирать? Изберите, что къ вашему счастью и рѣшитесь.

Ив. Сем. Мнѣ нѣ на что больше рѣшиться, какъ умолять тебя, прелестная Пазинька, сейже часъ ѣхать со мною. Въ ближней деревнѣ у меня все готово и мы черезъ часъ возвратимся супругами... Умоляю тебя, другъ мой рѣшись!

Пазинька. Ахъ ненапоминайте мнѣ объ этомъ! Я ни за что нерѣшусь...!

Эвжени. Пуркуаже нерѣшиться? Пожалуста уйди! Это будетъ самое романическое приключеніе, надѣлаеть много шуму. Несмотря не нее, мосье ле капитанъ. Когда у васъ все готово, ведите ее къ коляскѣ, я провожу...

Ив. Сем. Въ горестномъ моемъ положеніи, я долженъ рѣшиться на эту крайность. Пойдемъ, обожаемая Пазинька! или я повлеку тебя!

Пазинька. Нѣтъ... нѣтъ... ни за-что!

Ив. Сем. Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ на вѣкъ разлучены. Ты будешь невѣстою другаго и услышишь о смерти моей...

Пазинька. Боже!... что мнѣ дѣлать въ такой крайности! Я умру, если навлеку на себя гнѣвъ родителей... Умру, если лишусь тебя!... Но, если и уѣду, я погибла, когда насъ остановятъ.

Эвжени. Ничего не бойся. машеръ: никто не узнаетъ, и ты благополучно возвратишься. Ведите же, монъ жולי офисье!... Ахъ, какъ это интересно, что я участвовала въ этой интригѣ! Вся слава успѣха отнесется ко мнѣ. *Она ведетъ съ Ивановъ Семеновичемъ; та ломаетъ руки, плачетъ, противится имъ.* Ведите ее, мосье жולי офисье, съ вашимъ слугою, а я возвращусь домой, чтобъ незамѣтили нашего отсутствія. Прощай, машеръ Пазинька! желаю тебѣ теперь успѣха, а потомъ благополучія. *Цалуетъ ее.* Ахъ! она почти безъ чувствъ... Монъ шеръ офисье! Закутайте ее во что-нибудь и ведите хотя противъ воли.

Иванъ Семеновичъ, схвативъ у Шельменка шинель и свою фуражку, закутываетъ Пазиньку почти безчувственную.

Эвжени. Ахъ, какъ она интересна въ этомъ костюмѣ! Точно молодой юнкеръ. Кто ни встрѣтитъ васъ, и подозрѣвать nebudeтъ. Отправляйтесь же и возвращайтесь скорѣе; болѣе двухъ часовъ мнѣ нельзя скрываться. О ревоаръ!

Убѣгаетъ къ дому.

Иванъ Семеновичъ, держа на рукахъ почти безчувственную Пазиньку, упрашиваетъ ее. Другъ мой! умоляю тебя... приди въ себя... поспѣшимъ, время дорого!...

Пазинька. Я такъ слаба... немогу кричать о помощи... умоляю тебя... возврати меня домой!...

Ив. Сем. Невозможно! Дѣло уже начато и возвращеніе будетъ гласно!... *Шельменко, ведя ее.* Начали, такъ, будучи, надобно оканчивать. Тутъ недолго; и неспохватитесь, какъ васъ и обвиняютъ, а тамъ и нестрашно ничего. Вы думаете, что и мнѣ васъ не жаль? Видите, я плачу, да веду васъ. Нужда велитъ. *Ведя ее, остановился, и распознавъ, что Кирилъ Петровичъ идетъ имъ на-встрѣчу, оставляетъ Пазиньку и мечется во всю сторону.*

Кир. Петр. въ большой задумчивости идетъ и размышляетъ. Терпѣнія недостаетъ, слыша безпрестанныя одобренія проклятымъ карлистамъ! Что ему сдѣлали бѣдные христовосы? Если бы не сговоръ дочери, то я, по своему холерическому темпераменту, сказалъ бы: кто врагъ христиносамъ, врагъ и мнѣ! Чтобы избавиться отъ его несносныхъ разсужденій, вышель распорядить иллюминацію, да вотъ кажется, и рабочій здѣсь. *Присматривается.* Кто здѣсь? Пахомъ, ты ли это? Что же неотвѣчаешь? Кто здѣсь? говори. *Схватываетъ Шельменка.*

Шельменко, крѣпко испугавшись. Да это это не я...

Кир. Петр. А! это Шельменко! Съ кѣмъ ты здѣсь?

Шельменко, все трюся. Да то такъ; то, будучи, никто. *Тихо капитану.* Непускайте ея, ваше бл., я отбрепущу.

Кир. Петр. все присматриваясь. Какъ никто? Тамъ двое... и мужчины... Ахъ не капитанъ ли здѣсь? точно что-то военное.

Шельм. изворачиваясь. Знаете, ваше благо.. или бишь ваше высокоблагородіе, это-таки наши солдаты, пришли, будучи, звать меня на вечерницы, а я нехочу. Крикните на нихъ, чтобъ убирались изъ вашего саду. Видишь какіе! пришли въ чужой садъ.

Кир. Петр. Мнѣ болѣе что-то подозрительно. Не капитанъ ли это?

Шельм., смѣшавшись. Да какой капитанъ? Онъ, будучи, дома храпитъ.

Кир. Петр. А вотъ я все узнаю. *Схватываетъ Шельменка за грудь и трясетъ его.* Говори, бездѣльникъ! Или я тебя тутъ задушю.

Шельм. Ой, ой, ой, ой! Капитанъ, ей Богу капитанъ.

Ив. Сем. О предатель!

Кир. Петр. все душитъ его. Съ кѣмъ онъ это? Говори. *Душитъ его.*

Шельм. Ой, ой, ой! Съ кѣмъ? Съ барышнею... Только пустите!

Ив. Сем. Все кончилось!... О злодѣй! *Оставляетъ Пазиньку и хочетъ подойти къ Кирилу Петровичу.*

Кир. Петр., пустивъ Шельменка, тихо говоритъ ему. Шельменко, другъ мой! Все прощу тебѣ, награжу. Помог

мнѣ схватить капитана; я бы и самъ бросился, такъ что-то боюсь, а люди далеко.

Шельменко, освободясь оборачивается къ капитану и говоритъ ему. Недѣлайте ничего, сей часъ кончу. *Кирилу Петровичу.* А на-что вамъ капитанъ? Знаете ли, что это за барышня?

Кир. Петр. Это моя Пазинька.

Шельм. Богъ съ вами и съ вашею Пазинькою! Она уже просватана, и намъ ее ни на что ненадобно. А это, будучи, дочь того, что поссорился съ вами за гусей...

Кир. Петр. Дочь Тпрунькевича?

Шельм. Истинно она. Капитанъ, по моему совѣту, посваталъ ее, такъ отецъ неотдавалъ; такъ мы поворотясь и украли ее.

Кир. Петр. Молодцы! сполать! Зачѣмъ же ее сюда привели?

Шельм. Видите ли, безъ благословенія нехочеть ѣхать къ вѣнцу. Ваше высокоблагородіе! осмѣлюсь просить: будьте ей какъ отецъ родной! Благословите ее на вѣнецъ съ капитаномъ.

Кир. Петр. Съ большимъ удовольствіемъ. Услужу же я теперь врагамъ своимъ и капитану и Тпрунькевичу. Парочка! Какова невѣста, таковъ и женихъ. А Тпрунькевичъ пусть лопаεται отъ гнѣва. *Подходитъ къ Пазинькѣ, подъ деревомъ держимой капитаномъ и закутанной.* Гдѣ вы? Здѣсь такъ темно, что едва можно васъ замѣтить. Я знаю, сударыня, о вашемъ намѣреніи и поступкѣ, одобряю его и вмѣсто отца благословляю васъ.

Ив. Сем. Не ужели вы согласны?

Кир. Петр. Согласенъ, и хвалю за вашу рѣшимость. Молодецъ! И въ доказательство моего удовольствія прошу васъ отъ вѣнца пріѣхать ко мнѣ. Я васъ поздравлю и отпущу.

Ив. Сем. Вашу руку, Кириль Петровичъ, и честное слово, принять какъ сына и отпустить съ благословеніемъ!

Кир. Петр. Вотъ моя рука, честное слово и примирительный поцалуй. Все забыто между нами.

Шельм. Видите ли, ваше высокоблагородіе, какъ она васъ почитаетъ, просить вашу ручку поцаловать, Пожалуйте ей скорѣе, имъ нѣкогда.

Пазинька стала на колѣна, и отецъ благословилъ ее, пожелавъ всѣхъ благъ и счастья, и требовалъ, чтобы отъ вѣнца она заѣхала къ нему отдохнуть. Замѣтивъ ее въ шинели и фуражкѣ, сказалъ: «вотъ это вы хорошо сдѣлали, что нарядили ее по-военному; никто и не узнаеть.

Шельменко смѣясь. Хоть и родной отецъ увидить, такъ не узнаеть.

Кир. Петр. Куда ему! Идите же скорѣе. Благополучнаго исполненія и счастья на всю жизнь!

Повторяя благодаренія, Иванъ Семеновичъ увелъ Пазиньку, уговаривая ее быть покойнѣе, принявъ отъ отца благословеніе. Пазинька неслышала изворота Шельменка, не понимала ничего и принимала все, какъ къ себѣ относящееся. Въ полной радости они уѣхали вѣнчаться въ назначенное мѣсто.

Шельменко хотѣлъ еще позабавиться надъ Кирилломъ Петровичемъ, ставшимъ настоящимъ шпакомъ, какъ малороссіяне называютъ простаковъ; и для того, вытянувшись передъ нимъ, сказалъ:

Репортуго вашему высокоблагородію: дочь у отца украли исправно.

Кир. Петр. То ужъ лихо смастерили, молодцы! Много-таки и я вамъ помогъ.

Шельмен. Какъ же? Безъ васъ и концовъ бы несвели.

Кир. Петр. Что-то отецъ? Скоро ли хватился дочери?

Шельмен. Какое хватился? Дочь уже умчали, а отецъ развѣсилъ, будучи, уши, и слушаетъ баянтрасы, вотъ какъ и я рассказываю передъ вашимъ высокоблагородіемъ.

Кир. Петр. Экой! и недогадывается? *Хохочетъ.*

Шельм. Ничего незамѣчаетъ и хохочетъ.

Кир. Петр. Охъ, вы военные, лихой народъ! Признайся, не въ-первое тебѣ такъ проказить?

Шельм. Куда!... Разъ украли дѣвку, и незнаемъ, какъ ее уговорить, чтобы ѣхать къ вѣнцу, какъ вдругъ намъ отецъ ея на встрѣчу. Мы его такъ провели, что онъ не узнавъ дочери, самъ благословилъ и проводилъ ее.

Кирилъ Петровичъ продолжалъ хохотать надъ простакомъ.

Когда подошли люди, онъ, распорядивъ иллюминаціею, пошелъ домой и рассказалъ Феннѣ Степановнѣ, какъ онъ удачно

отмстилъ Тпрунькевичу. Она, перебирая выпеченные марципаны, спокойно слушала о приключеніи въ саду; однако же обрадовалась, узнавъ, что капитанъ женится, и даже нашла время сказать: «теперь я безопасно могу по саду ходить.»

Въ домѣ къ празднованію сговора все было готово. Съ кресель домашней работы и обитыхъ ситцемъ темнаго нелицующаго цвѣта сняты холстинные чехлы; берестовые столики покрыты чистыми салфетками, и поставлены преузорочные двойные подсвѣчники съ салными свѣчами, кои, бывъ зажжены вмѣстѣ съ стоящими въ жестяныхъ стѣнныхъ подсвѣчникахъ, давали бы довольно свѣту, но какъ въ тѣхъ свѣчахъ свѣтильни были неумѣрены, то онѣ нагорали очень скоро. Предусмотрительная Мотря позаботилась о исправленіи этого недостатка: Дениску, мальчика лѣтъ 12-ти и дней десять какъ взятаго изъ деревни, она опредѣлила снимать со свѣчъ почаще, давъ для сего довольно еще порядочные щипцы. Не успѣвъ мальчишка окончить съемки, какъ уже и нагорѣли первоснятыя. Опять онъ отправляется въ экспедицію, и наконецъ, неумѣя ловко обращаться со щипцами, рѣшился дѣйствовать натурально: сниметъ со свѣчи пальцами и, положивъ въ щипцы, прижметъ плотно. Сдѣлавъ два-три обхода, устанетъ, присядетъ въ уголку, а присѣвъ, тутъ же и заснетъ. Спать бы и долго, но колченогой Васкѣ приказано смотрѣть за нимъ; она прежде углемъ замазаетъ ему рожу и потомъ разтолкаетъ. Дениска, незная ничего, ходитъ выпачканный по гостинной и покойно снимаетъ свѣчи, къ утѣшенію дѣтей, привезенныхъ родителями на праздникъ.

Посреди гостинной на покрытомъ столѣ лежитъ образъ въ древнемъ окладѣ и ржаной хлѣбъ съ кускомъ соли наверху. При столѣ стоятъ два кресла и передъ ними на полу посланъ старинный коверъ домашней работы, представляющій на узорѣ, какъ объясняетъ Кирилъ Петровичъ, двухъ цалующихся голубковъ. На этомъ коврѣ будутъ сговариваемые кланяться въ ноги отцу и матери, сидящимъ на креслахъ и держащимъ образъ и хлѣбъ. Въ дѣвичей посудницы разводять три самовара, другія перемываютъ чайныя чашки дюжины три. Тамъ снимаютъ сливки, кипятятъ ихъ, готовятъ къ чаю «кренгели», сухари, булочки... Сама же Мотря не знаетъ, куда броситься: накладываетъ изюмъ, черносливъ, постилу, яблоки;

отсыпаетъ орѣхи, и это все на десертъ до ужина; закуска же приготовлена прежде; а тутъ «кухарь» надоѣдаетъ требованіями... Замучилась Мотря!

Фенна Степановна ненаудивляется, что ей, при такомъ важномъ случаѣ, «послѣдовавшемъ такъ нагло», вовсе нѣтъ хлопотъ. Правда, Мотря у нея золотая женщина, ничего не-просмотрить; при томъ же, спасибо, подѣхала «Ивгочка» (Эвжени тожъ), такъ она принарядитъ Пазиньку, какъ долгъ велитъ. Такъ отъ того-то Фенна Степановна, припрятавъ до случая марципаны, макароны и бискокеты домашняго печенія, нарядясь въ свой распашной капоть и убравъ голову чепчикомъ, на коемъ «такого ради случая» положены розовыя ленты, сидитъ-себѣ ручки сложивши и занимается разсужденіемъ, какъ еще прійдется праздновать свадьбу Пазинькину.

Въ саду же площадки, разставленныя кучами и въ линію, безъ всякой симметріи и порядка, горять на-пропалую, къ удивленію всѣхъ деревенскихъ мальчишекъ, оставившихъ сонъ и сбѣжавшихся смотреть на невиданное ими доселѣ диво.

Гости съѣзжаются въ бричкахъ, коляскахъ, дрожкахъ и проч. и проч. Въ передней охорашиваются и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ вступаютъ въ гостиную, гдѣ привѣтствуетъ ихъ Кириль Петровичъ. Гостиная наполняется мужчинами, дамами, барышнями, дѣтьми, изъ коихъ уже ходяція отправляются съ няньками въ спальню, а грудныя съ кормилицами во флигель. Никто никого изъ своего семейства неоставилъ дома, какъ потому, что письмомъ прошены всѣ «пожаловать всесемейно раздѣлить радость», такъ и потому, что нѣ на кого дома оставить дѣтей; впрочемъ этотъ обычай ведется искони-бѣ.

Девять человѣкъ музыкантовъ, считая и бубень, расположились на крыльцѣ, по особому плану Кирила Петровича, играть маршъ при случаѣ. Въ буфетѣ еще неустроено. Буфетчикъ, изъ отпущенныхъ ему бутылокъ, укралъ бутылку вишневки, и какъ нѣкуда было ее спрятать, такъ онъ поспѣшилъ ее выпить всю и отъ того опьянѣлъ. И такъ съ него снимаютъ буфетъ, а онъ еще спорить, ничего неотдаетъ и шумитъ.

Осипъ Прокоповичъ, приведя въ важный порядокъ свои манжеты, коимъ удивляются всѣ прибывшіе гости, безъ умолку трактуетъ о Европейской политикѣ, шпикую разсужденія свои

и реставрацію, и субъектомъ, и объектомъ, и наконецъ вновь схваченнымъ имъ въ журналѣ словомъ «популативность». По часту склоняеть онъ рѣчь, чтобы напомнить о пребываніи своемъ въ Петербургѣ.

Аграфена Семеновна, разрядясь до невѣроятности, прохаживается по гостиной и, рассматривая себя въ вставныя зеркала, сама себѣ невѣритъ, что она могла такъ изящно нарядиться и, посматривая въ садъ, со вздохомъ говорить: «Ахъ, какъ эта иллюминація бѣдна въ сравненіи съ тѣми, какія бывають у насъ въ Петербургѣ, а особливо въ Петергофѣ! Какая разница!

«Это отъ того, сударыня, что плошки разставлены безъ всякой симпатіи», замѣтилъ полный счастья женихъ, Тимошей Кондратьичъ Лопуцковскій, блестя своею новою парюю, спитую въ третьемъ годѣ, и потомъ, какъ первое лицо изъ молодыхъ людей, онъ обратился съ любезничаньемъ къ барышнямъ: хвала матерію, изъ которой сдѣлана легкая часть его туалета, и описывая доброту, указывалъ ширину ея, прибавивъ, что онъ купилъ ее въ Воронежѣ, когда вояжировалъ туда изъ Чернигова.

Фенна Степановна, незанимаясь пріѣзжими барынями, уже зѣвнула раза два и наконецъ приступила къ дѣлу, сказавъ громко:

«А что же? Пора послать звать невѣсту. Пора благословить.

Кир. Петр. Подождите, маточка, еще крошечку; вотъ скоро возвратятся обвѣнчавшіеся. На зло Тпрунькевичу сдѣлаемъ при всѣхъ гласную штуку, и тогда пріймемся за свое дѣло.

Фенна Ст. Помилуйте меня, Кирилъ Петровичъ! Я вамъ ненаудивляюсь! Какъ вы, имѣя столько отличнаго ума, вѣчно дѣлаете ни то, ни сѣ! Съ чего вы это взяли чужую радость предпочитать своей? Какая намъ нужда до капитана? Хоть бы онъ женился на моей Стехѣ, булочницѣ, то для меня все равно. У насъ есть своя дочь.

Кир. Петр. О, для меня не все равно! Тутъ многое заключается. Капитанъ вдумалъ не въ свои сани садиться

сватался за нашу дочь, а получивъ отказъ, нанёсъ намъ тьму смертельныхъ обидъ; надобно было ему отмстить, женивъ на старой и, какъ слышно, злой дѣвкѣ и притомъ небогатай. Этимъ гордость его унижена, и я торжествую. Черезъ этотъ же случай прекращаются наши непріятности, и мы опять заживемъ ладно. Онъ довольно хорошій человекъ, только носъ подымаетъ высоко. А панъ Тпрунькевичъ, тотъ нетолько поругалъ честь мою и всѣхъ Шпаковъ, но и разоряетъ меня своими процессами. Теперь не онъ, а я смѣяться надъ нимъ буду. Я торжественно скажу: я содѣйствовалъ въ похищеніи у него дочери, которою онъ хвалился, что отдастъ за богача. Пусть теперь трубить въ кулакъ съ бѣднымъ зятемъ! О! пошлю его поздравить съ прибавленіемъ семейства. Непремѣнно пошлю! Верхъ моего торжества. А знаете, Фенна Степановна (*примолвилъ онъ ей тихо*), это мы Пазю отдаемъ потому, что боялись капитана; теперь же, какъ онъ женился на другой, не отложить ли намъ сговора и не подождать ли лучшаго жениха? а? Какъ вы думаете?

Фенна Ст. Помилуйте вы меня, Кирилъ Петровичъ! Что вамъ на умъ приходитъ? Свѣчи зажжены, гости съѣхались, а они: откладывай сговоръ и отказывай жениху. Да однихъ кормленыхъ гусей убито семь, кромѣ всего прочаго! Такъ это такъ и пустить на простой ужинъ? Боже сохрани! Да какого вамъ лучшаго зятя искать? Посмотрите, какъ разрядился и незамолчить ни на минуту; видите, какъ барышни, отъ его рассказовъ, краснѣютъ, да платочками рты закрываютъ, чтобъ громко нерасхотаться. Проказникъ, право! Подумайте, что вы затѣваете? По всему повѣту слава про насъ пойдетъ. А скажите на милость, что это Пазинька невыходить? Цѣлую дюжину платьевъ можно бы уже надѣть, а она и съ однимъ неуправится. Это странно!

Ар. Сем. Моя дочь ее убираетъ. Я дала совѣтъ, какъ въ такомъ случаѣ у насъ въ Петербургѣ дѣвица должна быть одѣта. А вы, г. женихъ, навѣдывались ли: скоро ли выйдетъ ваша невѣста?

Лопуцк. Я подслушивалъ у дверей и высматривалъ въ щолку: Евгенія Осиповна изволятъ играть на фортепьяны и припѣваютъ довольно хорошо: «взвейся выше, понесися», а предмета моего сердца незамѣтилъ.

Фенна Ст. въ размышленіи. Это пречудесно! Непонимаю, ей Богу непоминаю! хоть сейчас убейте меня, непонимаю, за-чѣмъ онѣ невыходятъ?

Разговоръ пресѣкся. Всеобщее молчаніе водворилось. Осипъ Прокоповичъ, чтобъ одушевить бесѣду, началъ.

«Обращаюсь къ прерванной нами, Кириль Петровичъ, во время гулянья матеріи. Въ разсужденіи популативности въ Испаніи и реставраціи въ Европѣ, Донъ-Карлосъ сдѣлалъ большую ошибку. Ему слѣдовало еще въ прошломъ мѣсяцѣ...

Кир. Петр., прерывая его. Сдѣлайте милость, Осипъ Прокоповичъ, не забѣгайте впередъ. Я вамъ сказывалъ, что я и прошлогднихъ газетъ недочиталъ; слѣдовательно незнаю, что теперь въ Европѣ и дѣлается; да къ тому же я теперь занятъ семейными дѣлами. Окончивъ это, я займуся дипломатикою и буду преслѣдовать несносныхъ карлистовъ...

«Ѣдутъ, Ѣдутъ, Ѣдутъ!» раздалися голоса со всѣхъ сторонъ.

Кириль Петровичъ востепенулся, забылъ всю Испанію и кричалъ громко: «музыканты, начинайте!» и маршъ загрѣмѣлъ съ бубномъ, а онъ бросился къ женѣ: «берите, маточка, образъ, а я съ хлѣбомъ... Скорѣе выходите въ залу... Встрѣтимъ молодыхъ на срединѣ». И онъ почти притащилъ жену и сталъ съ нею рядомъ, принявъ на себя важный видъ...

Иванъ Сем., взглянувъ изъ двери. Кириль Петровичъ! принимаете ли вы насъ по условію, какъ дѣтей своихъ?

Кир. Петр. Какъ милыхъ, дорогихъ дѣтей! Скорѣе къ сердцу нашему.

Дверь отворяется. Иванъ Семеновичъ и Пазинька въ фуражкѣ и шинели вбѣгаютъ и бросаются къ ногамъ отца и матери, крича:

Батюшка! матушка! простите насъ, благословите!.. Кириль Петровичъ, приготовился принять ихъ въ свои объятія; но съ Пазиньки спала шинель и фуражка: онъ узналъ дочь, остолбенѣлъ и едва выговорилъ.

«Что... что это такое?»

Фенна Ст. Ахъ, Мати Божія! Это же моя Пазинька!

Ив. Сем. Дѣти ваши уже неразрывные супруги! Умоляемъ васъ о прощениі...

Фенна Ст. Что мнѣ на свѣтѣ дѣлать?...

Авр. Сем. У насъ въ Петербургѣ въ такомъ случаѣ падаютъ въ обморокъ. Упадите скорѣе: это будетъ интересно!

Фенна Ст. *въ большомъ мнѣнъ.* Да ну-те къ чорту съ вашими обмороками! Я совсѣмъ одурѣла, голова кружиться, свѣтъ темнѣетъ, себя непомню; а онѣ мнѣ обморока представляютъ!

Всѣ гости стоятъ въ большомъ удивленіи. Осипъ Прокоповичъ приводитъ въ порядокъ свои манжеты. Лопуцковскій, раскрывъ табакерку нюхать табакъ, въ томъ положеніи и остался.

Кир. Петр. *едва можетъ говорить отъ досады.* Какъ это сдѣлалось?... Г. капитанъ! гдѣ вы взяли мою дочь?

Ив. Сем. Отъ васъ принялъ ее торжественно. Вспомните, вы не только одобрили мой поступокъ, вы насъ благословили и отпуская съ любовью, приказывали, скорѣе обвѣнчавшись, спѣшить въ ваши отцовскія объятія.

Фенна Ст. А что вы это, душечка, сдѣлали? Прекрасно!

Кир. Петр. *еще больше смѣшавшійся.* По... поми...луйте вы ме... меня! Я васъ благословилъ на женитьбу съ дочерью пана Тпрунькевича...

Ив. Сем. Если бы я располагалъ на ней жениться, мнѣ бы ненужно было просить вашего благословенія. Но вы со всею нѣжностью насъ благословили, назвали меня сыномъ, обѣщали любить меня... *Становясь на колѣни.* Сдержите ваше честное слово, простите насъ, возвратите намъ любовь вашу, упрсите и матушку...

Фенна Ст. Я ненаудивляюсь вамъ Кирилъ Петровичъ! Вы человѣкъ съ такимъ умомъ обширнымъ, что я подобнаго вамъ въ десяти губерніяхъ незнаю. Истинно незнаю; хоть сейчасъ убейте меня, незнаю! А вотъ въ двадцать лѣтъ супружеской жизни—теперь при всѣхъ скажу—вы не сказали ни одного слова и не сдѣлали никакого дѣла, чтобы оно было умное, все—тьфу!—глупости! Ну, съ вашимъ ли умомъ отпустить дочь на побѣгъ?

Кир. Петр. Что же? И умный человекъ можетъ сдѣлать ошибку. Это ошибка, ничего больше. Родной отецъ былъ посаженнымъ отцомъ у своей дочери: странно! Что же намъ дѣлать!

«Простить насъ, благословить!» кричали дѣти.

— Простить, благословить! — повторяли гости, окруживъ родителей.

Тутъ выбѣжала Эвжени и, узнавъ о происшедшемъ, ходатайствовала также о прощеніи, и хвалилась, что она первая уговорила Пазиньку уѣхать «авекъ жолі офисье».

Фенна Ст. Прекрасно же вы заплатили намъ за нашу хлѣбъ-соль и дружбу!

Агр. Сем. А какъ же, моя любезная! У насъ въ Петербургѣ въ такомъ случаѣ безъ помощи другихъ никогда не обходится.

Просьбы, убѣжденія возобновились. Самъ Лопуцковскій сказалъ: «видно судьба пофлатировала г. капитану»!

«Какъ думаешь, маточка, Фенна Степановна?» спросилъ наконецъ Кириль Петровичъ послѣ долгаго размышленія.

Фенна Ст. А чего мнѣ думать за вашимъ умомъ? Я свое знаю. Этакой ужинъ огромный да выдать его за ничто, такъ на что будетъ похоже? Приходится простить.

«Простить, такъ простить!» вскричалъ Кириль Петровичъ, и съ Фенной Степановной благословили дѣтей. Пошло веселье, и угощеніе полилось.

Фенна Степановна ни за что несогласилась, чтобы этотъ пиръ былъ свадебный. Въ оправданіе свое она говорила: «У меня неприготовлена еще постель и неискуплены платки для перевязки гостей на другой день. Черезъ двѣ недѣли у меня будетъ все готово, и тогда прошу пожаловать на свадьбу къ моей Пазинькѣ, а теперь гуляйте какъ на сговорѣ».

Дождались и свадьбы и отпраздновали ее со всею пышностью и съ наблюденіемъ всѣхъ дѣдовскихъ обрядовъ.

Иванъ Семеновичъ скоро послѣ свадьбы переведенъ въ Москву и, взявъ съ собою Пазиньку, продержалъ ее полгода у родныхъ, а потомъ вывезъ въ свѣтъ. Чудо Малорос-

*

сіяночка! Прелестна, мила, ловка, образована; только природное осталось въ выговорѣ: покорно прошу, охотно рада, пожалуйста и пр. Кириль Петровичъ высылаетъ имъ исправно положенныя на прожитіе деньги и они наслаждаются жизнью.

Кириль Петровичъ читаетъ прошлогоднія газеты, все надѣясь на слѣдующей страницѣ прочесть истребленіе карлистовъ и воцареніе королевы. Зятя любить и хвалится, что этимъ бракомъ родъ его неуниженъ. Онъ нашолъ въ копіяхъ изъ бумагъ, полученныхъ имъ изъ Черниговскаго архива, что первоначальный Шпакъ, усердіемъ своимъ къ ясновельможному пану-гетману пріобрѣвшій сіе громкое прозваніе, имѣлъ двухъ сыновей. Старшій остался дома и размножилъ Шпаковъ; а меньшей пошолъ къ русскимъ. «Обмоскался» родъ его перемѣнилъ прозваніе на великороссійское и сталъ называться «Скворцовъ». «И такъ изволите видѣть», говорилъ онъ любопытствующимъ: «мы всѣ одного происхожденія». Процессъ съ паномъ Тпрунькевичемъ онъ ведетъ съ постояннымъ жаромъ. Съ товарищемъ же своимъ «по дипломатикѣ» Осипомъ Прокоповичемъ разсорился формально. Тотъ вздумалъ поздравить его съ успѣхомъ христиносовъ и съ истребленіемъ карлистовъ на всегда.... «Зачѣмъ забѣгать впередъ? Я еще не начиналъ газетъ сего года читать». Хлопнувъ дверью и ушолъ. И съ тѣхъ поръ дипломаты наши уже невидятся.

Осипъ Прокоповичъ, расправляя манжеты, углубляется въ Европейскую политику и, сидя за своимъ бюро, растерялся надъ журналами, нагружая память свою иностранными словами, весьма слабо и смѣшно замѣняющими русскія слова.

Фенна Степановна, продолжая съ Мотрею хозяйничать, ненаудивляется Кирилу Петровичу, какъ онъ, человекъ съ такимъ умомъ, тратитъ столько денегъ на процессъ съ Тпрунькевичемъ и издерживаетъ на «этого дармоѣда Хвостика-Джмунтовскаго», который ничего больше недѣлаетъ, какъ писать ябедническія просьбы.

Аграфена Семеновна не находитъ ни въ самомъ Пирятинѣ, ни въ окрестностяхъ его, ничего подобнаго съ Петербургомъ — и скучаетъ.

Эвжени все ожидаетъ, чтобы ее какой жоліи офисъ пригласилъ уѣхать и обвѣнчаться.

Тимоей Кондратьичъ Лопуцковскій, отдохнувъ послѣ неудачнаго сватовства, опять вояжировалъ изъ Чернигова уже въ Коренную ярмарку, сдѣлалъ тамъ себѣ новую пару и, возвратясь, часто выѣзжаетъ и чванится своимъ туалетомъ.

О Шельменкѣ, вскорѣ послѣ свадьбы, заполь разговоръ въ семействѣ Шпака. Когда всякій высказалъ его услугу, то и открылось, что онъ дѣйствовалъ какъ Шельменко; а какъ послѣдовали отъ него и новыя проказы, то Иванъ Семеновичъ и отправилъ его въ полкъ, разжаловалъ изъ капитанскихъ денщикомъ въ рядовые. Онъ и теперь еще непринаровится въ-мѣру повернуться. Либо недовернется, либо перевернется.

v.

ЯРМАРКА.

Князю В. С. Голицыну.

ЯРМАРКА *).

«Вотъ такъ-то! Шуточка худа, а мы устроимъ свои дѣла, какъ лучше нельзя. Теперь, Мотренька, какъ кончили шерсть, упаковали ее, свѣсили, такъ отгадай, сколько ее вышло пудовъ, безъ обножковъ и прочаго, а одной чистой?»

Этотъ трудный къ рѣшенію вопросъ предложилъ Захаръ Демьяновичъ Матренѣ Семеновнѣ, супругѣ своей, и именно 20 Мая въ 5 часовъ и 45 мин. по полудни, когда она сидѣла въ спальнѣ на ситцевомъ диванѣ, въ ситцевомъ капотѣ, мытомъ и глаженомъ еще къ Пасхѣ, бывшей въ этомъ году въ первыхъ числахъ Апрѣля. Нехочу солгать, а немогу скрыть, что чуть не къ тому ли же времени былъ крахмаленъ, мытъ и перебранъ коленкоровый чепчикъ, во всѣ сии дни одинъ, безъ перемѣны исправлявшій должность головного убора, а по ночамъ охранявшій длинныя черныя волосы ея отъ безпорядка. Матрѣна Семеновна принаряжалася, и не на шутку, только когда выѣзжала въ гости, или сама ожидала кого къ себѣ; а безъ того ходила *по-домашнему*. «И какъ я рада, когда гостей нѣтъ!» говорила она: «хожу-себѣ, въ чомъ хочу, и около себя обращаюсь *негляже*. Капотъ на мнѣ таковскій: куда ни пойду, что ни дѣлаю, небоюсь ни оборвать его, ни измять, ни облить; а чего уже нѣтъ на немъ? Тутъ и вишневка, и сметана, и яичница—вотъ какіе узоры! Эге! да онъ у меня защищаетъ лучшія платья, что лежатъ-себѣ теперь покойно; а надѣвай ихъ часто, такъ что они тебѣ скажутъ? До сихъ поръ уже и тряпокъ отъ нихъ неосталось бы. А при моемъ береженіи пролежатъ лѣтъ пятокъ-другой. Вотъ и чепчикъ, продолжала она... (А уже воля ваша, хоть рассердись на меня Матрена Семеновна, а я расскажу вамъ, какъ она приобрѣла себѣ этотъ чепчикъ. Изволите видѣть: проносивши

*) Современникъ т. XX, 1840.

одинъ изъ своихъ коленкоровыхъ капотовъ до самого нельзя, рѣшилась она сдѣлать изъ него бѣленькое для парада платье еще подстаршей своей дочери, которой исполнилось тогда 14 лѣтъ, и она при гостяхъ должна была выходить въ гостиную. И такъ, выбирая цѣлое на это платье, Матрена Семеновна умудрилась и *выгадала* себѣ изъ него кое-что на чепчики, въ коихъ до сего времени и красовалась, какъ сказано выше). И вотъ она продолжаетъ говорить: «вотъ и чепчикъ; стань его часто перемывать, куда онъ будетъ годиться? Одно то, сколько мыла потребуется на него, и отъ частой стирки скоро изорвется вовсе. А особливо по мнѣ, какъ я имѣю привычку, несмотря, въ чемъ бы ни были руки, часто почосывать въ головѣ, такъ отъ одного мытья и неувидѣли бы, какъ онъ пропалъ. Гостей же нѣтъ; кто меня осудить?»

Такъ разсуждала благоразумная Матрена Семеновна и, слѣдуя такимъ предусмотрительнымъ разсужденіямъ, облакалась въ сказанный капоть и украшала голову описаннымъ чепчикомъ ровно шесть недѣль. Щадя скромность Матрены Семеновны, о прочемъ убранствѣ ея слѣдовало бы мнѣ умолчать: она немогла равнодушно слушать, когда даже и Захаръ Демьяновичъ заводилъ рѣчь о чьихъ бы то ни было ногахъ; тотчасъ остановить его и скажетъ: «Богъ знаетъ-таки, что, до чего коснулись! Перестаньте, не ваши годы о томъ разсуждать». Но какъ мои годы еще далеки отъ лѣтъ Захара Демьяновича, такъ я могу сказать, что ея ноги были въ чулкахъ, а башмаки стояли отдѣльно въ углу на скамейкѣ. Эти башмаки были только «въ родѣ башмаковъ»; на подошвѣ одни носки, задковъ же, для удобнаго обуванія и снятія, Матрена Семеновна неупотребляла. Когда нужно было ей куда по хозяйству отпрапляться, она подходила къ башмакамъ, безъ всякого себѣ отягощенія вкладывала въ нихъ свои нѣжные пальцы и свободно шла, куда хотѣла, производя громкое шарканье на полу и плѣпанье болтающимися задками по своимъ пяткамъ.

И такъ Матрена Семеновна сидѣла на диванѣ. Она прилежно стопала чулки Захару Демьяновичу, который что-то поговаривалъ о поѣздкѣ куда-то, такъ надобно было къ дорогѣ все вычинить и изготовить.

Въ той же комнатѣ сидѣли и обѣ дочери ея, Фесинька Миничка. По метрическимъ книгамъ значилось Фесинькѣ 20

лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, а Миничкѣ 18 лѣтъ и 3 мѣсяца; но маменька ихъ никому того необъявляла (а можетъ, за давно-минувшимъ временемъ и непомнила), называла же ихъ просто «дѣтьми» и иногда съ сѣтованіемъ говорила: «вотъ ужъ и у меня дѣти подростаютъ»!

Но какая намъ нужда до лѣтъ ихъ! Онѣ были довольно миловидныя дѣвицы, одѣвались чистенько, опрятненько, держали себя стройно, прилично. Дома такъ образовались? О, нѣтъ: сестра матери ихъ была замужемъ за достаточнымъ помѣщикомъ и на своемъ вѣку была даже въ Москвѣ, имѣла возможность для дочерей своихъ нанимать мамзель; такъ, любивши очень Ѳесиньку, крестницу свою, выпросила къ себѣ у родителей, и тамъ-то эта дѣвушка образовалась: пристрастилась читать книги и плакать при чтеніи жалкихъ стишковъ, къ чему, по возвращеніи въ домъ, приучила и сестру Миничку. Отъ-того и странно было видѣть въ такомъ домѣ дѣвицъ въ обращеніи незастѣнчивыхъ, отвѣчающихъ скромно, пристойно. Кромѣ заимствованнаго старшею сестрою отъ тетушкиной мамзели, онѣ также «на своемъ вѣку» шесть разъ были уже въ губернскомъ городѣ на ярмаркахъ и по другимъ случаямъ; и въ городѣ съ подругами цѣлые дни проводили «въ лавкахъ», гдѣ имѣли случай видѣть все лучшее общество, занять отъ нихъ приличіе въ обращеніи и даже познакомиться съ нѣкоторыми изъ городскихъ дѣвицъ.

Захаръ Демьяновичъ очень любилъ ихъ. Когда приходилъ къ утреннему чаю, то еще при входѣ протягивалъ къ нимъ свою руку для *добриньканья*. Приходя къ обѣду, когда дочери сидѣли еще за работами, онъ говорилъ имъ: «Садитесь, дѣти, скорѣе; мнѣ нѣ-когда». За обѣдомъ говаривалъ иногда къ одной изъ нихъ: «налей мнѣ квасу». Съ особенною нѣжностію выговаривалъ ихъ имена. Когда доволенъ былъ приправленною салатой или ботвиньемъ, онъ, покушавши того, спрашивалъ: «А кто у насъ дежурная хозяйка? (надобно знать, что дочери хозяйничали въ домѣ по очереди, смѣняясь ежедневно, подъ главнымъ распоряженіемъ матери)». Мать отвѣчала: «Ѳесинька». «А! Ѳесинька»? или «Миничка», какъ случалось, и выговаривалъ это, какъ сказано, съ нѣжностію, и съ аппетитомъ докушивалъ блюдо. Приходя къ вечернему чаю, онъ, заглянувъ въ дверь, спрашивалъ прежде «а Мотренька дома?»

Когда дома, онъ садился за столъ, выпиваль проворно свою порцію чаю и поспѣшно уходилъ къ своимъ занятіямъ. Если же получалъ отвѣтъ, что его Мотренъки «нѣтъ дома, а пошли на огородъ, гдѣ поляютъ грядки», что случалось очень часто, то Захаръ Демьяновичъ приказывалъ дочерямъ прислать чай въ кабинетъ, потому-что ему очень нѣ-когда, и спѣшилъ уйти отъ нихъ. Отходя ко сну, за поспѣшностію, уже несмотря на нихъ, только протягивалъ къ нимъ руку *на добра-ночь*.

Больше этихъ ласкъ къ дочерямъ немогу припомнить; и говорилъ ли онъ съ ними больше описаннаго? ей-ей! незнаю; хоть сей часъ убейте меня, незнаю и незнаю.

Впрочемъ онъ самъ иногда говаривалъ: «какъ мнѣ и нелюбить ихъ? хотя онѣ женскій полъ, рода моего неподдержатъ, но все же онѣ моя кровь и друга моего Мотренъки рожденіе». Если же при такихъ увѣреніяхъ въ любви находилась Матрена Семеновна, и были тутъ посторонніе, то она спѣшила договаривать: «Ужъ какъ они ихъ любятъ, такъ это ужасть! Даютъ за ними по двадцати душъ крестьянъ на сводъ; мы въ землѣ нуждаемся, потому-что овцеводство у насъ обширное. Пожалуйте, что еще? Даютъ по двѣстѣ овецъ и по четыре барана породистыхъ; лошадей сколько тамъ, и располагаютъ экипажъ отдать въ городъ вычинить для каждой. А кромѣ того отъ меня, по женской части, все, что нужно на всю жизнь ихъ, потому-что я родная мать имъ, благодарю моего Создателя, а не мачиха какая. Конечно дали бы и болѣе, но онѣ у насъ не однѣ: Сереженька, хоть въ какомъ ни есть пансіонѣ, и хоть недорого берутъ, нетакъ какъ во французскомъ, а все же денегъ требуютъ. А этотъ пострѣль Павлуша, что дома растетъ, двѣнадцатый годъ и только «байдаки бьетъ»: мало ли и на него надобно?» и пр. т. подобн.

Вы, быть можетъ, полагаете, что обѣ барышни, дочери Матрены Семеновны, Ѳесинька и Миничка, сидѣли при матери такъ, безо всего, только смотрѣли, какъ она стопаеть чулки на дорогу своему Захару Демьяновичу? Куда! будутъ онѣ руки сложа сидѣть! Непокидаютъ работы. И теперь занимаются: Ѳесинька что-то вышиваетъ по канвѣ, а Миничка въ другомъ углу вяжетъ снурочекъ на станкѣ... Только какія же онѣ плутовочки!.. Вы думаете, что онѣ все работаютъ? да пока маменька здѣсь, а лишь только она занялась съ жен-

щинами, часто приходящими къ ней за приказаніями, тутъ обѣ барышни наклоняютъ свои головки къ колѣнамъ, а на колѣнахъ, у нихъ по книжечкѣ, которыя прикрыты платочками. Тотчасъ платочки приподняты, и онѣ къ книжечкамъ... Миничка таки-читаетъ и преусердно «Матильду» уже во второй разъ, потому что она ей очень нравится; Осинька вовсе нечитаетъ лежащей у нея 5 части «Матери соперницы», а на ней пишетъ, на особой бумажечкѣ, карандашомъ записочку, и такъ трусить съ своимъ писаніемъ, что при малѣйшемъ шорохѣ она кидаетъ карандашъ, закрываетъ все платкомъ и принимается за иглу. Колетъ себѣ пальцы, потому что отъ смятенія невидитъ работы и себя непомнить. А пишетъ ужъ вѣрно что-нибудь любопытненькое! Но неужите; не я буду, чтобъ неподсмотрѣлъ и непрочолъ, что она пишетъ. Въ это время отъ меня ничто неукроется. Въ прежнее время писывали и ко мнѣ украдкою, писалъ и я тайно; знаю, гдѣ и сохраняются такія писанья. Прочтѣмъ, увѣряю васъ, прочтѣмъ!

Вотъ, какъ обѣ барышни такъ занимаются, а подѣ-часъ и слезку съ глазика сотрутъ, Матрена Семеновна, окончивъ распоряженіе съ ключницами, обратится къ дочерямъ, поведетъ своимъ глазомъ... онѣ работаютъ... и довольно. Она для того и не позволяетъ имъ сидѣть однѣмъ въ своей комнатѣ, «чтобъ нездавались въ праздные разговоры и незанимались глупыми книгами, что только портятъ нравы дѣтей». Матрена Семеновна, подмѣтивъ одну изъ сосѣдскихъ дочерей, привозившую къ дѣтямъ ея разныя книги, выговорила ей плотно, чтобы она несѣяла между ними разврата, и потомъ была покойна, «что дѣтямъ вѣ-чѣмъ развращаться». А барышни собѣ на умѣ: устроили секретную пересылку и очень исправно получали отъ подруги разныя чувствительные романы, коими снабжали ее знакомые офицеры, близко квартировавшіе. Матрена Семеновна, ей Богу, этого не знала. А узнай... бѣда! Я вамъ рѣшительно говорю, что она несмотрѣла бы, что книга въ кожаномъ переплетѣ и на ней очень кудряво подписано:

«И съ числа книгъ армѣйскаго пехотнова полка прапорщика Михайлы Скосырева. Куплена въ Раменской ярманкѣ въ Рамнахъ 1831 года Іюля 20: 4 дня. Заплачена сѣмъ рублефъ».

Она несмотрѣла бы и на это, прямо въ печь кинула бы. Будь я каналья, если бы некинула!

Хорошо. А вопросъ Захара Демьяновича, сдѣланный имъ супругѣ его все остается неразрѣшоннымъ, когда онъ, бросивъ всѣ свои важныя занятія, поспѣшилъ съ нимъ къ Матренѣ Семеновнѣ, чтобы передать и ей удивленіе свое. Признаться вамъ сказать, занятія у него важныя: онъ посвящаетъ имъ цѣлый день и едва найдетъ свободный часокъ прийти къ семейству вмѣстѣ съ ними обѣдать, чай пить и т. п., а для обыкновенной бесѣды о дѣтяхъ или о чомъ-нибудь такомъ же его неспрашивай. Нѣ-когда, хоть вы ему что, такъ нѣ-когда.

Разберите пожалуйста внимательно: зимою и лѣтомъ, какъ бы худо ни спалъ, а все уже встанетъ въ пять часовъ утра и спѣшитъ въ кабинетъ, куда вслѣдъ за нимъ приходятъ прикащикъ, атаманы, «токовые», мѣрные, ключники, поваръ, кухарки и проч. по хозяйству должностные люди. Тутъ Захаръ Демьяновичъ принимаетъ донесенія, что сдѣлано вчера, наприм. молочена рожь изъ скирды подъ буквою Г., какъ показываетъ «токовой», сбито столько-то копень; вывѣяно зерна столько-то мѣрою; принято сполна зерновымъ ключникомъ, отдано мѣрному; столько-то перемолото муки и вышло столько-то; муку принялъ общій ключникъ, изъ нея выдалъ кухаркѣ столько-то, та испекла хлѣбовъ счотомъ и вѣсомъ столько-то, отдала ключнику; выдано отъ него въ застольную столько-то и пр, и проч., и заботливый Захаръ Демьяновичъ каждого донесеніе отмѣчаетъ въ книгѣ, коихъ у него, какъ бы у какого тщеславящагося своею учоностью, «кучи кучинскія» лежать, всѣ въ переплетѣ, съ ярлыками для каждого предмета особо, и онъ, какъ труженикъ, въ каждую вписываетъ убыль, заноситъ въ приходъ, подписываетъ итоги, повѣряетъ и, какъ плохой счотчикъ, ошибается, пересчитываетъ, переписываетъ и на силу-на силу оканчиваетъ одну часть хозяйственную. Потомъ приступаетъ къ другой и продолжаетъ по порядку: конюшенную, скотную, птичную, лошадиную, овечью; тамъ идутъ отмѣтки по работамъ полевымъ, строевымъ, заводскимъ.... У! это ужасъ! Я вамъ говорю, что бѣдному Захару Демьяновичу вздохнуть нѣ-когда. Этакимъ страшнымъ хозяиномъ, что и рассказать всего нельзя! У него все на запискахъ въ книги, все до послѣдняго; и какъ хозяйство огромное, обширное, со многими заведеніями, такъ за этими необходимыми записками ему нѣ-когда ничего рѣшительно и осмотрѣть. Осьмой годъ, какъ онъ невыѣзжалъ въ поля; пятый годъ не-

быть въ овечьемъ и другихъ заводахъ и неосматривалъ другихъ заведеній. Да подите же вы съ нимъ! У него всякій цыпленокъ, почитай всякое зерно хлѣба записано, и ничто неиздерживается безъ того, чтобы небыло отмѣчено въ книгѣ. Страшный хозяинъ!

Правда, у него по всей экономіи рука, это Кондрать прикащикъ. Онъ-то всѣмъ распоряжаетъ, все производитъ и только доносить барину. Вотъ въ какой силѣ его донесенія.

«Что, Кондрать, вспахали на озимь?»

— Ужъ у насъ неспахутъ! Столько, пане, вспахали, что я незнаю, чѣмъ будемъ засѣвать. Выѣдешь въ полѣ, сколько глазомъ можно окинуть, все это вспахано. Приготовляйте только зерна, чтобъ было чѣмъ засѣять.

«Этимъ ты меня, Кондрать, не запугаешь. Вотъ я тебѣ покажу книгу, сколько у меня въ наличности зерна. Вотъ видишь 132 четверти. Довольно? какъ думаешь?» И Захаръ Демьяновичъ полагаетъ, что у него хлѣба очень много.

— Тамъ увидимъ, отвѣтитъ Кондрать значительно и отойдетъ, давая мѣсто атаманамъ доносить о числѣ вспаханной земли.

1-й *атаманъ*. На такой-то балкѣ вспахано 17 десятинъ.

Захаръ Демьяновичъ записалъ.

2-й *атаманъ*. Въ такомъ-то урочищѣ вспахано 16 десятинъ.

Записано.

3-й *атаманъ*. Тамъ-то вспахано 32 десятины.

Захаръ Демьяновичъ записалъ и это, сложилъ все вмѣстѣ и по обыкновенію, ошибся въ счетѣ насчиталъ-было 589 десят. Но повѣривъ нѣсколько, нашолъ, что только всего вспахано 65 десятинъ; спрашиваетъ Кондрата: «не мало же это на двадцать плуговъ за двѣ недѣли?»

«Гмъ! мало. Дай Богъ и по вѣкъ по столько пахать», отвѣтитъ Кондрать, и господинъ его утѣшенъ. Правду вамъ сказать, Захару Демьяновичу, что хочетъ Кондрать, объявить, онъ и вѣритъ всему, невходя въ подробности. Если прикащикъ донесетъ ему, что на винокурнѣ изъ четверти хлѣба получается два ведра вина, то онъ только спроситъ: «это же хорошо?»

— Да такъ хорошо, что рѣдко у котораго хозяина столько выходитъ.

И Захаръ Демьяновичъ въ полномъ удовольствіи заноситъ въ свои книги. Видите-ли? Онъ только и наблюдалъ, чтобы вѣрность была по книгамъ; а правилень ли доходъ, онъ въ это невникалъ, довѣряя во всемъ слѣпо Кондрату, который былъ, по его увѣренію, «золотой прикащикъ, и нѣтъ той части, которой бы онъ «акуратъ» не зналъ.»

И въ этотъ-то день Кондратъ, управившись съ шерстью, пришолъ съ донесеніемъ къ Захару Демьяновичу, и какъ всегда и во всемъ случалось, непомня настоящаго вѣсу въ шерсти, сказалъ тоже какъ и всегда, число пудовъ, какое ему на мысль пришло.

Захаръ Демьяновичъ записалъ, расчолъ, по чомъ можетъ продать шерсть, неповѣрилъ счота и поспѣшилъ съ радостною вѣстью къ своей Мотринькѣ съ вопросомъ: знаетъ ли она, сколько у него вышло шерсти, безъ обножковъ и прочаго, а одной чистой?

«Дай вамъ Богъ, Захаръ Демьяновичъ, и въ десять разъ больше, а меня неспрашивайте. Продавайте, только подороже; деньги на многое надобны.»

— Четыреста тридцать шесть пудовъ! воскликнулъ восторженный Захаръ Демьяновичъ.

«Ужъ вы-себѣ какъ хотите, а я и женскимъ умомъ скажу, что изъ двухъ тысячъ овецъ что-то много.»

— Въ томъ-то и штука. Вотъ мой Кондратъ каковъ! Чудо, какъ усилилъ шерсть на овцахъ. Теперь, продавши ее по пятидесяти... Нѣтъ зачѣмъ дешевить? по шести, ну по семидесяти рублей: это мы получимъ... пожалуйста! получимъ... да, безъ чего-то пятьдесятъ тысячъ рублей.

«Помилуйте вы меня, Захаръ Демьяновичъ!» воскликнула Матрена Семеновна, оставивши стопающійся чулокъ. «Это ужасная пропасть денегъ!»

— Да, потому-что никогда не бывало столько шерсти.

«Все-таки что-то многонько; не ошиблись ли вы въ расчотѣ, какъ и всегда съ вами бываетъ?»

— Ужъ какъ хотите, а я не ошибся; вотъ и при васъ повѣрю. *Записываетъ.* Да, немного есть ошибочка... вотъ выхо-

дять либо безъ чего-то, либо съ чѣмъ-то тридцать тысячъ. Все-таки немовѣрно, какой знатный доходъ!

«Вотъ видите, и лучше, какъ повѣрили, и разница немаленькая. Но и тридцать тысячъ хорошо; теперь назначьте сумму мнѣ съ дѣтьми и для дома, что надобно».

— Помилуйте вы меня, Мотринька! Мнѣ деньги крѣпко нужны. Просрочилъ давно въ Опекунскій Совѣтъ, недоняки столько времени неуплачивалъ, за сынишку долженъ много въ пансіонъ, Кондратъ подалъ записку, что по хозяйству требуется... Лучше всего дайте и вы записку, что нужно для васъ и дѣтей; я поѣду и все вамъ испущлю...

«И будетъ, какъ въ позапрошломъ годѣ, что накупили такой дряни, что изъ рукъ вонъ. Знаете ли что? ужъ лучше всего, возьмите и насъ съ собою».

— Пожалуй, да не безпокойно ли вамъ будетъ въ бричкѣ? растрясеть.

«Зачѣмъ же въ бричкѣ? въ коляскѣ».

— Около коляски много требуется починки. Заднее колесо передѣлать; кожа совсѣмъ пропала... Да я же смерть нелюблю въ коляскѣ ѣздить.

«Зачѣмъ же вамъ въ коляскѣ? Вы въ бричкѣ, а мы въ коляскѣ».

— Вы? такъ развѣ думаете и дочерей взять? и обѣихъ?—и на лицѣ его осмѣлилось выразиться неудовольствіе.

«А какъ же? на кого же я оставляю дѣтей? Подстаршую одну брать неприходится, чтобъ необидѣть старшую; а взять одну старшую, такъ тутъ кому будетъ присмотрѣть за подстаршею, что огонь и поломя?»

Миничка немогла равнодушно слышать такого замѣчанія матери; она еще при первомъ требованіи ея везти ихъ въ городъ оставила свою работу, завернула осторожно книжку въ платокъ и подошла къ сестрѣ предаваться съ нею радостнымъ мечтамъ.

— Какъ думаете, возразилъ женѣ Захаръ Демьяновичъ. Мое дѣло напомнить вамъ, сколько издержекъ предстоитъ: квартира въ городѣ, содержаніе лошадей и насъ съ людьми.

«Людей берите съ расчетомъ, «сказала жена;» только ужъ какъ хотите, а для насъ возьмите Иваньку: онъ намъ очень нуженъ».

— Знаю, что онъ портной вашъ; вотъ уже думаете и обновки дѣлать; еще расходъ. Только врядъ ли можно его взять: онъ сына женить.

«Что за нужда? можно отложить. А только безъ Иваньки намъ неможно. Еще будутъ ли обновки, а иногда и изъ старенькаго подь-моду передѣлать...

— Хорошо уже, возьмемъ; за то Макара невозьму.

«А какъ же безъ повара быть?»

— А Иванька? Когда вы уѣзжали въ Ахтырку, и Макарь съ вами, такъ онъ мнѣ такъ славно готовилъ во все время, что я объѣдался.

«Видите, а я за нимъ этого и не знала. Такъ стало намъ собираться?»

— Когда ужъ такъ вамъ захотѣлось, собирайтесь. Секретно вздохнувши, рѣшилъ Захаръ Демьяновичъ черезъ три дня ѣхать. Оно-то бы и раньше нужно, такъ, коляска невыспѣтъ изъ починки.

«Ну-те, дѣти, спѣшите же, чтобъ за вами небыло остановки!» такъ приказывала Матрена Семеновна дочерямъ, а тѣ, хитрыя! будто въ-первое услышали, еще-таки спрашиваютъ: «развѣ и мы поѣдемъ?»

— Поѣдете, сказала мать, улыбаясь глядя на дѣтей, а сама чуть ли еще не больше дѣтей обрадована была поѣздкѣ въ городъ, но, удерживая свой тонъ, скрывала. Поѣдете съ нами, батенька беретъ васъ: поблагодарите жъ ему.

Дочери бросились къ отцу и спѣшили поцаловать его руку, а нѣжный родитель до того расчувствовался ласками дѣтей, что непереставалъ напоминать женѣ: «Смотрите же, забудьте ничего, чтобы изъ дороги непришлось посылать, какъ это часто случается...» Мать съ нѣжностью взидала на эту трогательную семейную картину, рассчитывая мысленно, что нужно купить для дому... какъ вдругъ раздается голосъ... «Добраго здоровья Захару Демьяновичу!» и вмѣстѣ съ этимъ входитъ Федоръ Михайлычъ, сосѣдъ ихъ... Въ одно мгновеніе ока съ быстротою молніи Матрена Семеновна, невставая съ дивана, сорвала съ головы чепецъ, по ея заключенію, впрочемъ весьма справедливому, недолженствовавшій являться взору посѣтителей, «а особливо человѣку съ такимъ нравомъ»,

замѣчала Матрена Семеновна, «какъ у Федора Михайловича: онъ осмѣетъ и перецыганитъ всякаго и все из-подтишка.» Чепчикъ весьма ловко былъ схваченъ съ головы, и быстро препровожденъ къ антиподамъ ея и притиснуть крѣпко, а обѣ руки, поднятыя вверхъ, извѣявали удивленіе Матрены Семеновны, объяснимое и различными возгласами:.. «Ахъ!.. вообразите!... какъ неожиданно!... милости просимъ!...» и Федоръ Михайлычъ прервалъ эти восклицанія, заставивъ ее напечатлѣть на запыленной щекѣ своей привѣтственный поцѣлуй, отвѣчающій за вѣжливое прикосновеніе устъ его къ полной ручкѣ ея.

«Чѣмъ потчивать дорогого, нежданнаго гостя?» продолжала восклицать Матрена Семеновна: «Чаю, поскорѣе, чаю! Сама изготовлю.» И съ сими словами скрылась во внутреннія комнаты.

Хотите же знать сущность дѣла? Матрена Семеновна вовсе не была такъ много обрадована пріѣзду Федора Михайловича, да таки вовсе ничего: во первыхъ, онъ былъ насмѣшникъ и неразъ «пошиваль въ дураки» ея Захара Демьяновича; а во вторыхъ, какъ бы рано ни пріѣхалъ, а уже останется ночевать. Такъ чего тутъ было радоваться его пріѣзду? А вскрикивала она, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, но это истинно такъ, единственно отъ того, чтобы скрыть маневръ свой въ сорваніи чепчика своего и разсѣять гостя, чтобы онъ незамѣтилъ ея *домашняго* наряда. Вотъ отъ того-то она стремглавъ и выбѣжала въ другую камнату, скажу именно, вовсе не для приготовления чаю, ей Богу нѣтъ, а чтобы согнать свое сердце.

Въ дѣвичей первымъ ея занятіемъ было потузить Лукерку, дѣвчонку, которой именно и неоднократно приказано было, лишь увидить взѣзжающихъ гостей, сломя голову бѣжать и объявить барынѣ, чтобы «онѣ успѣли переодѣться»; а тутъ она прозѣвала и навела барынѣ безпокойство. Управившись съ Лукеркою, Матрена Семеновна приказала подать себѣ бѣлый, еще невадѣванный послѣ мытья капоть, приварядилась, прибралась и поспѣшила къ гостю, вовсе неотдавъ приказаній о чаѣ.. И какая же хитрая!.. уже подходя къ той комнатѣ, гдѣ былъ усаженъ гость, она, будто подтверждая приказанія, говорила довольно «голосно»: «Скорѣе же все такъ приготовляйте, и какъ будетъ чай готовъ, подайте въ гостинную».

*

Вышла къ гостю, какъ ни въ чомъ небывала, и усѣвшись съ нимъ и поговоря о томъ, о другомъ, она чтобы отнять поводъ у Ѳедора Михайловича подсмѣяться при случаѣ, въ какомъ не порядке онъ нашолъ ее, вдругъ начинаетъ жаловаться на нестерпимый жарь... «Вообразите! «говорить она,» такъ ли другимъ чувствителенъ жарь, какъ мнѣ, незнаю, а только я ужасно потѣю, и вотъ уже въ третій разъ сегодня переодѣваюсь.» Что Матрена Семеновна слила тутъ пудьку, это мы знаемъ, но пожалуста будемъ молчать, чтобъ не сконфузить ея. Она же такая стыдливая!... тотъ-часъ вспотѣеть отъ конфузiи.

Захаръ Демьяновичъ, съ своей стороны, неплоталъ: онъ пересказалъ Ѳедору Михайловичу все, что записалъ въ послѣднiе дни. Тотъ, зная коротко хозяина и неразъ трунивши на счетъ его удачныхъ счисленiй, слушалъ все охотно, даже и количеству снятой шерсти съ такого числа овецъ вѣрилъ и не возражалъ, ожидая удобнаго случая, при сѣздѣ сосѣдей, тутъ передать свои замѣчанiя.

«Не слышали ли чего, Ѳедоръ Михайловичъ, о цѣнахъ на шерсть? У меня все готово посылать ее въ городъ, да незнаю, что просить», такъ говорилъ хозяинъ и надѣялся услышать отъ гостя искреннiй совѣтъ. Вотъ послушайте же, что тутъ выйдетъ.

— Неумѣю вамъ сказать, отвѣчаетъ гость, потому-что неслышалъ еще ничего. Заѣзжалъ ко мнѣ одинъ Московскiй, предлагалъ по 35-ти рублей, но я слышать незахотѣлъ. А теперь, вотъ на дорогѣ къ вамъ, слышу, что въ городѣ такой цѣны и неслыхать; гораздо дешевле. Это бѣда!

«Богъ знаетъ, что вы говорите! Вотъ вамъ мой пароль: привезу въ городъ, и если мнѣ не дадутъ, какъ мой Кондратъ назначилъ, по 70 рублей, то тутъ же на площади всю и сожгу ее въ тюкахъ, какъ есть.»

— И преблагоразумно сдѣлаете, сказалъ лукавый гость, внутренно смѣясь предположенiю хозяина. Зачѣмъ давать закупщикамъ поводъ смѣяться надъ нами? Какъ смѣютъ они уставлять свою цѣну нашему товару? Вы прекрасно придумали, по 70 руб. И я меньше этого не отдамъ, или сожгу.

Ободренный Захаръ Демьяновичъ, что его мысль похвалена, пустился въ разсужденiя, и началъ доказывать, что овцевзаводчики сами не достигаютъ своихъ выгодъ: стоитъ только

условиться всёми и невывезти на ярмарку ни волоса шерсти, тогда покупатели сами пустятся къ помѣщикамъ и дадутъ все, что ни потребуютъ съ нихъ. Будь я гунството, когда нетакъ, заключилъ съ жаромъ Захаръ Демьяновичъ и въ подтвержденіе сказаннаго ударилъ по столу кулакомъ.

А какой же хитрый Захаръ Демьяновичъ! Тутъ и горячится и защищаетъ мнѣніе, будто свое, а вовсе не его: это ему натолковалъ его Кондрать. Подите же съ нимъ.

Какъ бы ни было, но Федоръ Михайлычъ очень былъ доволенъ, настроивъ Захара Демьяновича на свой ладъ, и въ этомъ тонѣ продолжалъ разговоръ чрезъ весь вечеръ.

Очень рано Федоръ Михайлычъ укатилъ въ городъ съ своими планами, къ удовольствію Матрены Семеновны; а тутъ въ домѣ поднялась ужасная суматоха. Захаръ Демьяновичъ неимѣетъ времени и табаку понюхать: записываетъ, какую лошадь подковали, сколько употреблено желѣза на подковы; въ починкѣ коляски не пропущена ни одна мелочь, все въ книгу заносится. А тутъ онъ же бѣдный составляетъ особыя записки, что и отъ кого отпускается въ городъ съ ними, и кто все это по частямъ принимаетъ на свои руки. Листовъ по нѣскольку тетради для каждого лица. Матрена Семеновна сама пересматриваетъ все, что укладываютъ въ сундуки, ящики, ящички, коробки, коробочки, необходимое для нея и дѣтей. Дѣти, т. е. барышни, присматриваютъ за перемываніемъ, глаженіемъ своихъ платьевъ; то пришиваютъ, то подшиваютъ, то застопиваютъ, и уже въ порядкѣ несутъ къ матери; вспоминаютъ платки, платочки, булавки, сердечки, браслеты; всѣ комоды, всѣ ларчики открыты, все вынуто, выкинуто, разбросано, отбирается... служанки не знаютъ, за что взятыя, безпрестанно слыша приказанія: подай то, оставь это, подними то, брось, бѣги за тѣмъ; одна другую толкаютъ, изъ рукъ хватаютъ, и все немогутъ угодить Матренѣ Семеновнѣ, всёми распоряжающей, все приказывающей, отмѣняющей приказанія, требующей новаго, погоняющей всѣхъ за однимъ дѣломъ и тутъ же всѣхъ спрашивающей къ себѣ... А тутъ Павлуша, сыночекъ ея, да какой же пострѣленокъ, такъ вы этакаго шалуна въ-рѣдкость гдѣ и найдете. Онъ, пользуясь такою суматохою, привился за свои шалости. Нашоль же время! Дѣвка положила въ печку утюгъ, а онъ залилъ жаръ; сестра что-то дошиваетъ, а онъ

ея косу привязалъ къ стулу; та схватилась бѣжать съ оконченною работою, невозможно, привязана. Мать присѣла къ столу отмотать шолку въ дорогу и ради спокойствія спустила съ ногъ свои домашніе башмаки, а онъ, проказникъ, подкрадися да и унеси эти башмаки, и далѣе отъ нея. Она кричить: «подай сюда, бѣсенокъ!» а онъ и недумаетъ, да все бѣжить. Она за нимъ съ бранью, а онъ отъ нея съ хохотомъ. Куда же старухѣ поймать такого пострѣла! Уже онъ заманилъ ее даже въ столовую, а она все бѣжить за нимъ, несмотря, что безъ башмаковъ, и бранить его и грозить ему ужасно, невнимая что онъ сыночекъ ея... Какъ тутъ прибѣжала запыхавшися Лукерка. Бѣдная! она принявъ вчера убѣдительное наставленіе, сегодня глазъ неотводила съ дороги, и вдругъ какъ стрѣла побѣжала къ барынѣ, крича ей: «гости, барыня, гости! ей Богу гости! Пожалуйте одѣваться...»

Какая досада Матренѣ Семеновнѣ. Тутъ ей и такъ нѣкогда, а должна приварядиться. Нѣчего дѣлать! Всѣ капоты ея уложены, только и есть на верху что приготовленный для дороги: «подай хоть и тотъ, и чепчикъ чистый». Только лишь вскинула на себя капоть, застегнулась, какъ могла, и все прочее прикрыла желтымъ Купавинскимъ платкомъ и начала собирать разметанные волосы, чтобы упрятать подъ чистый чепчикъ... какъ бѣжить та же Лукерка съ радостнымъ лицомъ и кричить: «нѣтъ, барыня; хоть раздѣньтесь. Гости поѣхали мимо, уже на мосту...» Досталось же Лукеркѣ въ первомъ пылу гнѣва Матрены Семеновны, зачѣмъ рано сказала, невысмотрѣвъ прежде, куда коляска поворотить; а чрезъ такую ея оплошность выглаженный капоть измятъ и нужно время, котораго такъ мало, привести его въ порядокъ...

А затѣмъ Захаръ Демьяновичъ, къ умноженію своихъ заботъ, встрѣтилъ довольно трудное обстоятельство и не знаетъ, какъ рѣшить. Макарь какъ мы видѣли, былъ поварь, и когда господа куда отѣзжали, то онъ, чтобъ незанималъ лишняго въ дорогѣ мѣста, по малорослости своей навначаетъ быть ѣхать форейторомъ на коляскѣ. Бздивши цѣлый свой вѣкъ, на старости довольно попривыкъ къ лошадямъ, и барыня уже не боялась съ нимъ хоть подъ какую гору, ни на самомъ плохомъ мосту. Теперь барыня желаютъ взять Иваньку портного, а какъ онъ варилъ барину кушанье, то уже зачѣмъ братъ бы

Макара; такъ кто же поѣдетъ фореиторомъ на коляскѣ? Лишняго человѣка брать нехочется: все потребуется расходу. И безъ того шесть человѣкъ и двѣ дѣвки назначены въ дорогу. Съ ума сходить Захаръ Демьяновичъ и непридумаетъ, какъ ему быть! Послѣ двухъ часовъ размышленія, онъ свиснулъ. Вбѣжалъ мальчикъ.

«Позовите Кондрата,» закричалъ онъ, и Кондратъ скоро явился.

Захаръ Демьяновичъ объяснилъ свое недоумѣніе.

— Такъ прикажите Иванькѣ сѣсть фореиторомъ на коляскѣ, сказалъ Кондратъ, ни мало недумая долго.

«Правда твоя... Только онъ никогда неѣзжалъ. Можетъ, и лошадей боится».

— Чего ихъ бояться? Лошади старыя, привычны къ ѣздѣ. Кучеръ будетъ сказывать, направо ли, налѣво, и гдѣ сдерживать.

«Правда твоя... Только не тяжолъ ли онъ для лошади? Онъ вдвое выше и толще Макара».

— Таки-ничего. Что же за бѣда, что лошади будетъ тяжело? такъ вамъ будетъ покойно.

«Правда твоя», и по принятіи отъ Кондрата, какъ обыкновенно случалось, совѣта, Захаръ Демьяновичъ отпустилъ его отъ себя, мысленно удивляясь необыкновенной смѣтливости и находчивости Кондрата во всякомъ подобно-затруднительномъ дѣлѣ.

Три дня проходили. Коляску вычинили, смазали; нестыдно было въ городъ въ ней показаться; лошади подкованы, сбруя смазана, люди необходимые наряжены, выдано имъ платье и обувь... Захаръ Демьяновичъ опять-было растерялся: ямской кафтанъ шить на малорослаго Макара, а вздѣтъ его должно на долгаго Иваньку, и уже не зналъ, какъ и чѣмъ пособить бѣдѣ. Но смѣтливый Кондратъ и тутъ вывелъ его изъ затрудненій.

«Что жъ за бѣда? сказалъ онъ барину «Вѣдь Иванька будетъ сидѣть на лошади, такъ и незамѣтно. А кому какая нужда досматриваться, что кафтанъ недостаетъ до колѣн?»

— Правда твоя, сказалъ уже весело Захаръ Демьяновичъ, видя всѣ свои сомнѣнія разсѣянными справедливыми убѣжденіями Кондрата.

Пока же идутъ всё приготовленія къ поѣздкѣ въ городъ, и наши дорожные, всякій по своей части, заняты приготовленіями, я расскажу вамъ, по обѣщанію, что писала Фесинька на колѣнахъ, украдкою отъ маменьки.

Извольте видѣть: на свадьбѣ у одного изъ сосѣдей, многіе, какъ обыкновенно на свадьбахъ водится, молодые люди повлюбливались въ тутъ бывшихъ барышень; изъ нихъ одинъ, Степанъ Федоровичъ, возьми да и влюбись въ нашу Фесиньку, да какъ! съ той минуты, какъ у нея отъ быстрыхъ танцевъ распустились волосы на головѣ и одинъ канальскій локончикъ изъ-за лѣваго, бѣленькаго, крошечнаго ушка опустился на алебастровую шейку, съ той минуты, какъ сознавался Степанъ Федоровичъ, онъ сталъ самъ несвой: въ тотъ вечеръ немогъ ужинать, ну право кусокъ въ горло нелѣзъ, какъ будто этотъ небесный локончикъ тамъ засѣлъ и непускалъ ничего земного. Неужиналъ бѣдный и ночь всю неспалъ. Свидясь утромъ съ своей богинею, просилъ ее на танцы съ собою; въ танцахъ осмѣлился пожать ей ручку; на проходкѣ въ саду предъ обѣдомъ открылъ ей свои скорби люты, которыя терпитъ отъ неугасимой любви, и довель-таки наконецъ прелестную Фесиньку до того, что она, съ начала открытія въ любви положившая себѣ правиломъ молчать стыда ради, и хоть что бы оъ ни говорилъ, не сказать ему ни слова; но когда страждущій, съ необыкновеннымъ жаромъ, неутомимо восклицалъ: «увы!» и наконецъ, когда съ отчаяніемъ выразилъ: «почто!»... тутъ уже Фесинька немогла скрыть своихъ чувствъ и, правда, покраснѣвши, крѣпко покраснѣвши, немогла удержаться и произнесла роковое: «и я также.» Потомъ уже они говорили безъ любовныхъ правилъ, что кому на мысль пришло. За обѣдомъ сѣли, хитрые, другъ противъ друга, и то и дѣло, что другъ съ другомъ загадывали шариками... Растолкуйте мнѣ, сдѣлайте милость, какая это безжалостная мода вывела изъ употребленія загадываніе шариками? Сколько зла этимъ сдѣлано! Нынче молодые люди томятся отъ сильной любовной страсти и неимѣютъ средствъ выразить мученія свои, пока неоткроется имъ къ тому необыкновенный случай; а прежде бывывало какъ-нибудь протерпѣть съ своею любовью до обѣда, а до ужина и того лучше, тутъ и пошло загадываніе: старики заняты своимъ, а молодые посредствомъ шариковъ до того нагадаются,

разгадаются, изъяснятся, что послѣ стола уже нѣ о чемъ и говорить по предмету влюбленія.

Недалеко ходить: я вамъ расскажу про себя. Былъ я на одной свадьбѣ и подмѣтилъ одну блондиночку, влюбился въ нее мертвецки. Хожу около нея, передъ нею, за нею, и все вздыхаю громко: она незамѣчаетъ. Дай намъ сѣсть за столъ, подумалъ я, и мы свое возьмемъ. Сѣли и я принялся за ролю:

«Что бы вы сдѣлали съ этимъ шарикомъ?» спросилъ я.

— Выкинула бы за окошко, отвѣчала она.

«Это я», сказалъ я и примолвилъ горестно: «летѣть же мнѣ за окошко».

Она покраснѣла и, помолчавъ—«что бы вы сдѣлали съ этимъ шарикомъ?» спросила она.

«Поцаловаль бы», отвѣчалъ я.

— И вамъ несовѣстно глупую цаловать? Это я, сказала она.

«Ничуть. За верхъ счастья почиталъ бы», сказалъ я.

— Удивляюсь вашему вкусу, сказала она.

Я загадалъ на новой шарикъ.

— Желала бы передъ нимъ извиниться да незнаю гдѣ, сказала она.

«Это я», сказалъ я.

Она загадала на новый шарикъ.

«Въ калиновой бесѣдкѣ, когда всѣ стануть горлицу танцевать, желалъ бы видѣть его», сказалъ я.

— Это я. Вы увидите его, сказала она.

И мы увидѣлись; она извинилась; я, какъ должно, объяснился, и мы, какъ слѣдуетъ, поклялися въ вѣчной любви. Она чрезъ три дня вышла, какъ водится, за другого, а я какъ прилично, пострадалъ и снова влюбился.

Такъ вотъ какія дѣла дѣлывались посредствомъ шариковъ; а теперъ?... Жаль, очень жаль, что этотъ обрядъ вывелся.

Но обратимся къ своему. Такимъ побытомъ Степанъ Федоровичъ, погадавши съ Фесинькою, потанцовавши съ нею же послѣ обѣда, а вечеромъ погулявши въ саду до того, что другъ другу высказали все, что у нихъ было за душою, почти были неразлучны... И такъ скажу вамъ, что нетолько подруги

Фесинькины и матери ихъ, но и сама Матрена Семеновна ясно замѣтила, что Степанъ Федоровичъ «пристаётъ» къ ней. Почему, придя съ Захаромъ Демьяновичемъ, уговаривали дочь свою недумать вовсе о немъ.

«Какой онъ мужъ можетъ быть?» сказала Захаръ Демьяновичъ, «когда о хозяйствѣ двухъ словъ сказать неможеть?»

— Какой будетъ мужъ, сказала Матрена Семеновна, когда неумѣетъ плотно застегнуть манишки? Неповѣрила бы, когда бы не сама видѣла: такъ и разошлось на самой груди... Тьфу!

Обое же вмѣстѣ они сказали и подтвердили дочери, чтобы она не смѣла и думать о Степанѣ Федоровичѣ, и чтобы неговорила и не сходилась съ нимъ.

«Скорѣе у меня, сказала Матрена Семеновна, на ладоняхъ выростутъ волоса, нежели ты будешь за нимъ».

— Скорѣе я брошу безъ вниманія всѣ мои части хозяйства, нежели ты будешь за нимъ, сказалъ Захаръ Демьяновичъ.

Фесинька, украдкою отъ нихъ, вздохнула, легла спочивать, но во всю ночь не спочивала ни капли... но недаромъ прободствовала всю ночь... А вотъ увидимъ.

Первое ея дѣло было подружиться съ Пелагеею Федоровною, сестрицею Степана Федоровича, дѣвушкою молоденькою. Подружились, побожились быть друзьями вѣчно, отрѣзали у себя по локончику и обмѣнялись, и въ заключеніе положили вести между собою переписку. Онѣ сдержали другъ другу слово. Почти ежедневно одинъ мужичокъ, подкупленный Степаномъ Федоровичемъ, «чтобъ доставить удовольствіе сестрицѣ его», передавалъ письма служанкѣ Фесинькиной; а отъ нея принимались и передавались тѣмъ же порядкомъ отвѣты.

Любовь на выдумки хитра. Братецъ былъ секретаремъ сестрицы: хранилъ локонъ волосъ друга ея Фесиньки, распечатывалъ записочки, получаемыя отъ нея, сказывалъ сестрѣ, отчасти, о содержаніи ихъ, и за худымъ почеркомъ сестры самъ писалъ отвѣты, но не отъ своего имени, а отъ имени сестры и даже подписывался: «Твоя Пава.»

Вы же конечно думаете, что Фесинька, получая отъ Пази записочки нѣжныя, страстныя, принимала ихъ, какъ отъ самой Пази? Ого! какъ вы объ насъ думаете! Это, когда хотите знать, все такъ придумала сама Фесинька въ ту тяжкую ночь, когда

она неспочивала ни капли, услышавъ отъ родителей запреще-
ніе даже думать о Степанѣ Федоровичѣ. Она знала, что и
локонъ волосъ ея достанется ему; она знала, что письма, хотя
за подписомъ Пази, будутъ писать онъ и станетъ выражать
чувства не чьи же, какъ свои; а по сей причинѣ и сама пи-
сала хотя подъ заглавіемъ «милая Пазя», но все содержаніе
относилось къ Степану Федоровичу.

Вотъ видите теперь, что она писала на колѣнахъ у себя,
когда маменька стопала чулки батенькѣ; но какъ вслѣдъ за
тѣмъ обстоятельства быстро измѣнились, т. е. все это покойное
донинѣ семейство должно было, по рѣшенію или дозволенію
Захара Демьяновича, собираться въ городъ на ярмарку, то и
содержаніе Фесинькинаго письма должно быть уже другого
содержанія, а потому она все, прежде написанное ею, безжалостно
изорвала, и вечеромъ, когда послѣ всѣхъ приготовитель-
ныхъ къ дорогѣ хлопотъ все и вездѣ утихло, она написала
слѣдующее:

«Милая Пазя!»

«Нѣжнѣйшій предметъ пламенныхъ чувствъ моихъ!»

Плутовка это Фесинька! Кто бы могъ подумать, чтобы
это не къ той же Пазѣ было писано? Вотъ также и все письмо
слѣдовало.

«Я списала тебѣ всѣ чувства души моей, которыя пере-
чувствовала въ такое длинное время, невидясь съ тобою, чтобы
твоя душа поняла мои чувства; но ахъ, нѣжнѣйшій другъ
мой! какая радость переѣнила всѣ чувства мои! Мы ѣдемъ
въ городъ на ярмарку... Какъ бы счастлива была душа и
сердце мое и вся я, если бы тебя, моего милаго друга, тамъ
же увидѣть! Я незнаю, съ чѣмъ бы сравнились чувства мои,
если бы я достигла этой восхитительной минуты!.. На ярмаркѣ,
ты знаешь, идолъ мой, намъ было бы больше удобства видѣться
и изливаться въ чувствахъ своихъ другъ передъ другомъ...
О свобода! когда мы ею насладимся!... Умоляю тебя и упра-
шиваю, употреби все, чтобы обрадовать твою нѣжную Лео-
кадію! Цѣлую твои глаза, которые еще болѣе прелестны, нежели
у самаго графа *Росмонда*, и я въ нихъ нахожу больше чув-
ства. Восхити же меня, безцѣнный другъ мой! и ты заслужишь
отъ меня при свиданіи чувствительный поцѣлуй. Несмотря ни
на что, навѣкъ твоя *Фесинька*».

Какова же эта Тесинька? Подумаешь, право, вздвигнешь плечами, и замолчишь. Подите вы съ нею. Если бы вы нашли это письмецо, вы бы просто сказали и рублей сто провакла-дывали бы, что это писано къ Пазѣ. Кругло обработано. А вотъ, какъ я сказалъ вамъ, что тутъ Пазя только такъ, для бливиру, такъ вы и видите въ чемъ дѣло. Нѣтъ, хитра была эта Тесинька!

Вотъ также у нея всѣ письма были написаны. Хоть сама Матрена Семеновна читай (а жаль, что она рукописнаго немо-жетъ читать, тутъ просто была бы комедія), ей Богу невзяла бы никакихъ подозрѣній, и дѣло сошло бы гладко. Штука эта любовь: какіе фокусы выдумываетъ!

Ну и хорошо. Написала Тесинька, и черезъ обыкновен-ныхъ корреспондентовъ доставлено къ... Пазѣ, да, къ Пазѣ; и отвѣтъ, за подписомъ только имени Пази, полученъ, что, «несмотря ни на какія препятствія, если бы со всего свѣта гремѣли громы, если бы вселенная вздвигнула ужасныя, не-проходимыя пропасти, природа бы вся обрушилась на меня (такъ было писано: а дѣло большое вселенной, природѣ и всѣмъ громамъ до Пази, Тесиньки и Степана Федоровича! таки вовсе ничего, хотя бы онъ и вѣкъ невидался), то я, такъ пишеть, все-таки буду на ярмаркѣ... и проч. до конца, какъ слѣдуетъ; подписано: *Пазя*.

Письмо это обрадовало Тесиньку, но немного и смутило. У нея съ Степаномъ Федоровичемъ положено было на-словѣ писать другъ къ другу «чувствительныя» письма, что она и исполняла; и въ этомъ письмѣ, съ коего вы читали вѣрную копию, много было «чувствъ», а отъ *Пази* ни одного чувства небыло. Условлено было сравнивать другъ друга съ героями любимаго ими романа «Матери соперницы», Леокадіей и графомъ Росмондомъ, а въ отвѣтѣ неупомянуто ничего... «Но нужды нѣтъ, заключила Тесинька свою думу, при свиданіи объяснюсь», и начала участвовать въ описанныхъ мною сборахъ къ поѣздкѣ.

И вотъ уложили сундуки, сундучки, ящики, коробки... и чего только тамъ неуложили! Навьючили коляску, бричку и еще простую повозку. Подмазали всѣ эти экипажи, запрягли лошадей, посадились въ экипажи и поѣхали-себѣ... Покойно?... а вотъ разберемъ.

Въ коляскѣ, нагруженной до невозможности пшатулками и подушками, усѣлились или умѣстились: Матрена Семеновна съ Оеенюшкой рядомъ, напереди Миничка съ женщиною, любимицею барыни и безъ которой она ничего нерѣшала и непредпринимала. И какъ бы вы думали? хотя коляска была съ зонтомъ, но всѣмъ этимъ четверемъ особамъ было пребезпокойно сидѣть: внизу наставлено было много ящичковъ, такъ (съ позволенія Матрены Семеновны скажу) ногамъ сидящихъ очень было накладно: а подушки, коими наполнена была коляска, дѣлали большую тѣсоту и духоту, которой немогла, какъ и вамъ извѣстно, переносить Матрена Семеновна.

Сидящей на простой повозкѣ горничной барышень также было очень безпокойно. Тамъ взгромозжены были всѣ сундуки и чемоданы, и ей бѣдной нельзя было ни приѣсть порядочно, ни прилечь уютно, ни расправиться, ни ногъ протянуть. На третьей верстѣ уже она, поворачиваясь сюда и туда, кряхтѣла и стонала...

Но хлопотливѣе всѣхъ и заботнѣе было Захару Демьяновичу. Какъ дома, такъ и въ дорогѣ, онъ былъ труженикъ отъ желанія, чтобы все шло должнымъ, по его мнѣнью, порядкомъ. Лишь только выѣхали изъ селенія, какъ онъ и началъ своею бричкою то обгонять коляску: то съ-права у нея поѣдетъ, то съ-лѣва, то отстанетъ къ повозкѣ, а самъ неусидитъ на мѣстѣ отъ запальчивости и все кричитъ на кучера и фореитора: «Недавай горячиться бурому, сдерживай его. Коренного лѣваго тронь. Чего такъ гонишь? Рысцою. Еще прибавь. Иванька! подсѣдельную уморилъ. А ты, на повозкѣ, чего зазѣвался? Неотставай. Подвяжи постромку. Стой, перемѣни на лысой хомуть» и проч. и проч., всего неперескажешь, что приказывалъ кучерамъ Захаръ Демьяновичъ во всю дорогу.

Неотѣхали порядочныхъ и семи верстѣ, какъ вдругъ изъ коляски раздался звонкій голосъ Матрены Семеновны: «Стой... стой!» Остановились.

— А что тамъ такое? спросилъ торопливо Захаръ Демьяновичъ, подѣхавъ съ своею бричкою къ коляскѣ.

«Ключи, душечка, забыла смягчая голосъ сказала Матрена Семеновна, боясь выходовъ мужниныхъ; да еще, вообразите, всѣ, отъ всѣхъ сундуковъ и...

— То-то, душечка, то-то, забыла, вопилъ Захаръ Демьяновичъ, передразнивая жену. Удивляюсь вамъ, какъ въ три дня не могли собраться. Вамъ бы и трехъ мѣсяцевъ мало было на сборы. Гей Филька! слѣзь съ козелъ, отпряги лысаго, да ступай скорѣе за ключами. Гдѣ они тамъ у васъ?

«Спроси у Лукерки», приказывала барыня кучеру. «Я положила ихъ подъ подушку, пусть поищетъ хорошенько». И кучеръ поскакалъ.

— Осмотритесь всѣ порядочно, приказалъ Захаръ Демьяновичъ: не забылъ ли кто чего? лучше теперь послать, нежели за двадцать верстъ гонять лошадь. Удивляюсь вамъ, право, продолжалъ онъ съ досадою, какъ у васъ у женщинъ нѣтъ ни въ чомъ порядка! Ёдутъ въ дальнюю дорогу и неосмотрятся на мѣстѣ, все ли взяли? Я безъ того изъ комнаты невыйду, пока до послѣдней вещицы неосмотрю себя. У меня же, правду сказать, въ такомъ порядкѣ все, что я и въ потѣмахъ найду, что мнѣ нужно.

Подобные сему упрёки сыпались во все время, пока ѣздили кучеръ; наконецъ онъ возвратился, привезъ ключи и поѣхали далѣе.

И двухъ верстъ непроѣхали, какъ уже Захаръ Демьяновичъ скомандовалъ: стой! подозвалъ кучера и шопотомъ приказалъ ѣхать домой и привезти забытую уже имъ вещь. Кучеръ поскакалъ.

«А что мы остановились? спрашивала, выглядывая изъ коляски Матрена Семеновна. «Конечно вы, душечка, что ни на-есть забыли?»

— Вотъ такъ, сказалъ съ досадою Захаръ Демьяновичъ, уличный самъ въ томъ, за что упрекалъ другихъ. Конечно мнѣ съ вами можно растеряться: я все хлопоталъ объ васъ, да и забылъ табакерку.

«Еще какую нужную вещь позабыли, что поминутно необходима! И гдѣ вы ее, душечка, забыли?»

— Гдѣ забылъ, то забылъ, непомню; тамъ уже отыщутъ.

«Вы же хвалились, что себя осматриваете и помните свои вещи, гдѣ лежать, и что въ-потѣмахъ найдете».

— Говорите-себѣ, ворчалъ раздосадованный Захаръ Демьяновичъ. Человѣку свойственно дѣлать ошибки иногда, а

не такъ, какъ вы, что не ступите безъ того, чтобъ васъ непо-
правлять.

Такъ проходило время, пока въ домѣ все перешаривали и съ трудомъ отыскали баринову табакерку. Кучеръ привезъ ее и поѣхали далѣе; но Захаръ Демьяновичъ даже побожился, что кто бы ни забылъ, хотя самонужнѣйшую вещь, то онъ уже не позволитъ останавливаться. Охъ! многое позабыла Матрена Семеновна, наприм. съ правой руки перчатку, особую записку, что нужно искупить для прачешной, ночной шейный платокъ свой и мн. т. п., но не смѣла изъ-за приказа Захара Демьяновича останавливаться, чтобъ ихъ не прогнѣвать.

Захаръ Демьяновичъ повсечасно былъ углубленъ въ раз-
мышленія, придумывая все къ улучшенію своего хозяйства, о чомъ и любилъ разсуждать съ Кондратомъ, а въ отсутствіе его, съ Денисомъ, своимъ камердинеромъ. Теперь, въ дорогѣ, когда нѣчего было записывать въ книги, Захаръ Демьяновичъ долженъ былъ разсуждать. Главная его забота была продать повыгоднѣе шерсть и расплатиться во всѣ мѣста, куда онъ долженъ былъ. И на счетахъ онъ сбивался, а разсчитывая умомъ, у него выходила большая несообразность. Надумавшись, вдругъ онъ обращается къ Денису, сидящему впереди его съ кучеромъ.

«А что, Денисъ, какъ онъ продешевить?»

— Кто? флегматически спрашиваетъ Денисъ.

«Да Кондратъ же, Кондратъ. Я назначилъ продавать по 70-ти, а ну, какъ шерсть дороже?»

— То онъ и продасть, какъ приказали.

«Зачѣмъ я неназначилъ по сту рублей, такъ, для спросу. Экой я дуракъ!»

— И правда-таки ваша.

Захаръ Демьяновичъ незамѣтилъ такой двусмысленности и продолжалъ свои рассчеты, вскрикивая по-временамъ: «продешевить, продешевить. Филька, пошолъ скорѣе!» кричалъ онъ переднему кучеру, полагая пріѣхавъ предупредить Кондратовъ промахъ.

Уже они другой день въ дорогѣ, уже и къ вечеру скло-
няется, недалеко имъ и до города, какъ вотъ навстрѣчу имъ изъ города несется на рысяхъ знакомая тройка... «Это Фе-

дору Михайлычъ!»! восклицаетъ изумленный Захаръ Демьяновичъ; присматривается: онъ и есть. Бричка ближе; онъ еще пристальнѣе глядитъ, и наконецъ чуть невысочитъ навстрѣчу проѣзжающему... Тотъ на-бѣду неостанавливается, и Захаръ Демьяновичъ едва успѣлъ закричать ему: «А по чомъ?» и едва успѣлъ услышать отвѣтъ: «по восьмидесяти», какъ они разѣхались; и каждый мигъ удалялъ ихъ другъ отъ друга.

«Продешевить, продешевить!»! кричалъ уже Захаръ Демьяновичъ, метаясь въ бричкѣ. «Когда-то мы доѣдемъ, а онъ кончить. Филька, пошолъ живѣе».

Что же это за таинственныя слова, сказанныя Ѳедоромъ Михайлычемъ, и что за лаконическій разговоръ произошелъ между встрѣтившимися?

А вотъ изволите видѣть, я вамъ и это расскажу, потому что это уже не секретъ. Прежде сего правда объ этомъ въ-слухъ неговорили, но теперь дѣло обошлось, и каждому въ нашихъ мѣстахъ извѣстно.

Помѣщикъ, продавши шерсть своихъ овецъ, обязанностью поставляетъ изъ всѣхъ покупокъ прежде всего купить картузъ, потому-что прежній, прослужа годъ, едва держится на головѣ. Отъ того, встрѣчаясь одинъ съ другимъ на ярмаркѣ и замѣтя на комъ новый картузъ, поздравляютъ не съ обновкою, а со сбытомъ товару. Ѳедоръ Михайлычъ возвращался изъ города въ новомъ картузѣ, что и неушло отъ внимательнаго Захара Демьяновича, и онъ при встрѣчѣ, неуспѣвъ поздравить съ продажею, едва могъ спросить о цѣнѣ, по чомъ продана шерсть. Ѳедоръ Михайлычъ, желая подразнить пріятеля, сказалъ ему необыкновенно высокую цѣну, выше, нежели Захаръ Демьяновичъ приказалъ Кандрату спрашивать за свою шерсть. Вотъ его и мучило нетерпѣніе скорѣе исправить ошибку.

Сякъ-такъ вѣхали наши въ городъ, и Захаръ Демьяновичъ послалъ лакея, сидѣвшаго за коляскою, на ярмарочную площадь отыскать Кондрата, стоящаго тамъ съ шерстью, и объявить ему, чтобы несмѣлъ дешевле продавать, какъ по сту рублей пудъ. На мѣсто лакея посажена была дѣвка, сидѣвшая на повозкѣ, и какъ на ней были бапмаки новые, выданные на дорогу, то она, ихъ скинувъ, спрятала подъ фартукомъ, чтобъ непылились, а ножки свои, даже и безъ чу-

локъ, выставивъ на всеобщее возрѣніе, болтала ими подъ тихо пѣтую ею пѣсенку.

Въ такомъ порядкѣ наши путешественники вѣхали въ средину города, и Захаръ Демьяновичъ приказалъ Денису отыскивать квартиру. Сколько тотъ ни ходилъ, вездѣ занято, нѣтъ свободныхъ комнатъ. Захаръ Демьяновичъ указалъ Денису красивенькій домикъ, угольный на двѣ улицы. Денисъ пошолъ; ходилъ онъ, ходилъ около дома взадъ и впередъ, и возвратился къ барину съ донесеніемъ: «нельзя въ тотъ домъ войти».

— Почему же? спросилъ баринъ.

«Дверей вовсе нѣтъ въ домѣ».

— Чудно, какъ эти люди строятся въ городѣ: безъ дверей домъ. Живетъ же кто тамъ?

«Пожалуй живетъ. Тамъ много говорятъ между собою, а какъ туда взошли, незнаю, дверей ни однихъ нѣтъ въ домѣ».

— Чудно, сказалъ Захаръ Демьяновичъ и приказалъ ѣхать далѣе. Потомъ, поразсудивши и поразсчитавши хорошенько, онъ опять принялся разспрашивать Дениса: «Какъ же тѣмъ господамъ, что въ томъ домѣ живутъ, подають кушанье».

— Сего незнаю, а думаю, что какъ-нибудь подають.

«Да ты былъ во дворѣ?»

— Нѣтъ, небылъ.

«Эге! вотъ же и дуракъ. У нихъ со двора двери въ домъ».

— А что? можеть и такъ, только я недогадался.

«Видишь, а я сей-часъ понялъ».

— То же вы, а то я.

И продолжали искать квартиры; наконецъ нашли со всѣми выгодами и удобствами, кромѣ цѣны, которая была тогда висока такъ, что квартира для всѣхъ ихъ съ лошадьми и содержаніемъ обходилась, по счету Захара Демьяновича, неоднократно повѣренному, 22 руб. 35 коп. аккуратно. Послѣ сего вы конечно отгадаете, что заботливая глава семейства сильно хлопоталъ, чтобы въ одинъ день продать и сдать шерсть, купить себѣ новый картузь, заплатить куда долженъ, дать женѣ

на покупки денегъ, потребовать, чтобы немедленно все ску-
плено было ею и чтобы на другой же день выѣхать.

Когда онъ объ этомъ разсуждалъ, утромъ рано явился
къ нему Кондратъ съ упрекомъ, зачѣмъ онъ запретилъ про-
дать шерсть, когда онъ-было совсѣмъ распродалъ ее по самой
выгодной цѣнѣ.

«А что? не выше ли ста рублей?» спросилъ Захаръ Демья-
новичъ, готовый уже обрадоваться.

— Богъ съ вами! Такихъ цѣнъ и въ поминѣ нѣтъ.
Правда, просятъ нѣкоторые по 35 рублей за пудъ, да никто
на нихъ и несмотритъ. Больше недаютъ, какъ по 22 рубля.

«Это Богъ знаетъ что!» почти вскричалъ разсерженный
Захаръ Демьяновичъ. «А ты свое держи: ниже ста рублей ни
копейки неуступай; походить, да и купять. Я и самъ туда
поѣду и всѣхъ уговорю держатся въ цѣнѣ».

И въ самомъ дѣлѣ бричка была немедленно подана ему,
и онъ поѣхалъ на площадь, кряхтя отъ досады, что хозяйева
невидятъ своихъ выгодъ.

На площади стояло необозримое множество фуръ, навью-
ченныхъ тюками съ шерстью; у каждой партіи фуръ стоялъ
очень важно «приказный отъ барина человекъ»; поджидающій
покупщиковъ и держащій наготовѣ за пазухою образцы своего
товара. Сами же хозяйева, т. е. помѣщики, выѣхавъ изъ сво-
ихъ квартиръ, собрались на площади въ кучѣ и разсуждали,
какъ бы возвысить въ нынѣшнюю ярмарку цѣну на сей не-
обходимый товаръ.

«Однимъ словомъ, говорилъ Андрей Петровичъ, намъ на-
добно положить между собою на честномъ словѣ, чтобы никто
изъ насъ непродастъ ниже назначенной нами цѣны».

— Назначайте, какъ хотите, сказалъ Владиміръ Ѳомичъ,
а тамъ смотри, кто-нибудь невыдержитъ, да и спуститъ.

«Впрочемъ мое мнѣніе», сказала подошедшій къ нимъ За-
харъ Демьяновичъ: «продажа была уже довольно выгодна.
Отъ восьмидесяти намъ немного додержаться до ста. Дадутъ,
когда подержимся».

Что это? закричало нѣсколько голосовъ. Откуда вы при-
ѣхали, Захаръ Демьяновичъ? не изъ Америки ли? Развѣ тамъ
такія цѣны, а у насъ и слыхомъ такихъ неслыхать.

«Какъ же? А Федоръ Михайлычъ продалъ по восьми-десяти»!

— Когда?.. гдѣ?.. раздалось со всѣхъ сторонъ...

И Захаръ Демьяновичъ, посматривая на всѣхъ окружившихъ его торжественно увѣрялъ, что онъ самъ ему сказалъ и что онъ встрѣтилъ его уже въ новомъ картузѣ...

«Нашли кому повѣрить»! говорили многие; а одинъ утверждалъ: «я именно знаю, что онъ сторговалъ ее по двадцати, да уступилъ еще по рублю на пудѣ, чтобы покупщикъ говорилъ, якобы заплатилъ ему по двадцати пяти...»

Пошли рассказы о подобныхъ, бывшихъ прежде штучкахъ.

«Странное дѣло!» воскликнулъ Захаръ Демьяновичъ: «Какъ это шерсть, единственный нашъ продуктъ, не только невозвышается, но еще все унижается въ цѣнѣ! Почти нестоитъ держать овецъ».

— Лучше всего бросить овецъ, а приняться за свекловицу, сказалъ Дмитрій Петровичъ. Я слышалъ отъ одного нѣмца весь расчетъ фабрики. Удивительно, какъ выгодно.

«И сладко», подхватилъ Кузьма Матвѣевичъ съ насмѣшкою. «Товаръ никогда незалежится; если и некупить никто, можно самимъ скушать во здравіе».

Всѣ смѣялись острогѣ проказника и продолжали толковать о шерсти, спорили о средствахъ возвысить на нее цѣну; каждый доказывалъ, что шерсть его заводу лучше, нежели у прочихъ помѣщиковъ; хвалили породы своихъ овецъ, достоинство выписанныхъ ими барановъ; опорочивали ихъ въ неизвѣстныхъ имъ заводахъ, и разговоръ былъ жаркій... какъ воть къ площади несутся изъ города дрожки. Всѣ заводчики встрепенулись, замолкли, разошлись каждый къ своему товару; вырываютъ изъ тюковъ клоки шерсти, растягиваютъ ихъ, вытягиваютъ волоски... а между-тѣмъ пріѣхавшіе на дрожкахъ были покупщики шерсти, присланные отъ Московскихъ фабрикантовъ. Они проѣзжали тихо мимо стоящихъ фуръ и не обращали на нихъ никакого вниманія, будто неслышали, какъ баринъ съ прикащикомъ расхваливаютъ другъ другу доброту своего товара, какъ будто впервые его видятъ; покупщики проѣзжаютъ далѣе, и иногда большой транспортъ удостоиваютъ только своимъ обзорніемъ, но и тутъ хозяинъ радуется;

*

а если еще покупатель вовсе без намѣренія вздумаетъ спросить: «чья шерсть»? это почти уже сторгована—такъ думаетъ хозяинъ и уже помышляетъ о новомъ картузѣ.

Но эти покупщики только пробѣживаютъ въ рядахъ, неостанавливаясь, къ большому смущенію помѣщиковъ. Но вотъ лица сихъ послѣднихъ просвѣтливается... изъ города мчатся еще дрожки, другія, третьи, пятыя... и еще, и еще... улыбка показалась на устахъ хозяевъ шерсти; каждый наставляетъ своего прикащика въ полголоса: «смотри, держись цѣны; под-такивай мнѣ, когда буду говорить». И вотъ покупщики сѣхались, собрались между собою въ кучку, говорятъ, вынимаютъ письма, читаютъ, трактуютъ. Къ нимъ рѣшаются подойти продавцы, вступаютъ въ рѣчь, хвалятъ товаръ, рассказываютъ о невозможности продавать по своей цѣнѣ; но чтобы имѣть дѣло постоянно всегда съ однимъ, они сдѣлаютъ значительную уступку. И тутъ же, схвативъ подъ руку уважаемаго покупателя, коего имя и отчество уже давно провѣдали, почти насильно влекутъ къ своимъ фурамъ. Тамъ выдергиваютъ шерсть, растягиваютъ ее, говорятъ, спорятъ, разойдутся, и опять сойдутся, опять принимаются за дерганье, толкуютъ—и вотъ ударили по рукамъ. Прикащикъ мигнулъ усомъ, фурщики перекрестились, что вырвутся изъ города къ своимъ работамъ и что «доѣли до того, что нѣ съ чѣмъ и домой возвращаться», запрягаютъ воловъ и вывозятъ фуры изъ ряду, спѣша сдать покупщику и улепетывать домой.

Продавецъ принимаетъ отъ покупателя задатокъ и какъ промышленность «вездѣ поспѣла», то и тутъ устроила красивую палатку, гдѣ есть легкая закусочка и ящики съ шампанскимъ; сторговавшіеся идутъ прямо сюда, закусили ли, не закусили, а пробки хлопаютъ, вино пѣнится, пьющіе его увѣряютъ другъ друга въ расположеніи, общаются на будущее время продавать и покупать одинъ у другого, и потомъ идутъ по своимъ дѣламъ.

Закупщикъ обращается къ другимъ продавцамъ, а продавшій спѣшитъ въ городъ, забѣгаетъ въ извѣстную лавку, гдѣ уже смѣтливый купецъ, тутъ же въ городѣ надѣлавшій десятки картузовъ по своему вкусу съ кисточками и шнурами, и сложивъ все это въ коробъ, вошедшему господину предлагаетъ «только-что изъ Москвы доставленные, новомод-

ные картузы», и баринъ выбравъ самый затѣйливый, спѣшить къ женѣ на квартиру обрадовать и ее удачнымъ ходомъ дѣль своихъ.

Жена видитъ подѣзжающаго мужа и не на него смотритъ, а на то, чѣмъ украшена голова его... «Батюшка мой! продалъ, продалъ!» восклицаетъ она, бѣжить къ нему навстрѣчу и спрашиваетъ, всѣ ли деньги уже получилъ? можно ли уже ей выѣхать «въ лавки»? что ей уже наскучило сидѣть все на квартирѣ... Мужъ отдаетъ отчетъ, ожидаетъ прикащика, дѣлаетъ повѣрку, ѣдетъ за деньгами, принимаетъ ихъ, отдѣляетъ женѣ на домашнія и ея надобности, отправляется за своими покупками, а жена—внѣ себя отъ восторга, что она наконецъ будетъ въ лавкахъ, увидитъ все тамъ продающееся и всѣхъ тамъ гуляющихъ. Какъ ни скоро везутъ ее «въ лавки», но она все приказываетъ поспѣшать... Приѣхала, пошла «по лавкамъ», но намъ нѣ-когда за нею присматривать, я приведу васъ и «въ лавки», а теперь возвратимся еще на площадь, тамъ не все кончено.

Точно, не все; ряды съ фурами мало-что опустѣли, но многіе еще стоятъ, и къ большей части изъ нихъ покупщики и неподходятъ, даже и несмотря злодѣи! Уже хозяйева, завидуя продавшимъ, отстранивши всѣ расчоты, сами подходятъ къ покупщикамъ, предлагаютъ свой товаръ, расхваливаютъ, и все втунѣ. Отговариваются тѣмъ, что уже накупились, цѣны въ Москвѣ ужасно понизились, неспрашивается-дискать вовсе.

«Помилуйте! возражаетъ имъ Ермолай Ивановичъ, читали вы послѣднія Московскія Вѣдомости?»

— Какъ нечитать? мы народъ торговый, отвѣчаютъ покупщики.

«А Сѣверную Пчелу?»

— И ее, отъ любопытства, наблюдаемъ.

«Такъ, незнаю навѣрное», сказалъ смущенный Ермолай Ивановичъ, «тамъ, или гдѣ въ другихъ газетахъ, именно написано, что фабрики неизмовѣрно вездѣ усилились; сукна тербуется неизмовѣрное множество; Египетскій паша неизмовѣрно мундируетъ всѣхъ своихъ солдатъ, и дороги къ нему завалены обозами съ сукнами. Такъ отъ чего же намъ дешевить?»

— Сбудется, сударь; точно такъ. Паша властенъ у себя, какъ и вы съ своимъ товаромъ, а я властенъ съ своими деньгами.

«Неподдѣль и на эту штуку», подумаль въ себѣ Ермолай Ивановичъ.

Какъ вдругъ возвратился и нашъ Захаръ Демьяновичъ съ нѣсколькими изъ овечьихъ заводчиковъ, или, какъ называютъ въ то время помѣщиковъ, привезшихъ шерсть на продажу, «шерстяниками». Они улыбались, поглядывали съ торжествомъ другъ на друга и ожидали счастливаго для себя оборота. Предъ тѣмъ только они уѣзжали къ одному «шерстянику» позавтракать и вотъ возвратились съ какими-то ожиданиями.

Недолго послѣ того является къ нимъ нѣкто Григорій Григорьевичъ; онъ не «шерстяникъ», неимѣетъ своего овечьяго завода; онъ помѣщикъ малоземельный, душонокъ двадцать у него, небольше; но живетъ хорошо, имѣетъ, какъ онъ называетъ, «бамбаяжъ» и въ немъ разѣбжаетъ, куда задумываетъ. Былъ неоднократно въ Москвѣ и располагалъ побывать въ Петербургѣ, но «окави» нѣтъ. Онъ живетъ оборотами: то выгодно купить, другое съ барышомъ продать, услужить кому, сведеть на торгъ и изъ всего умѣетъ извлечь свою пользу. Переписка у него обширная. Получаетъ много писемъ и пакета три каждую почту съ газетами, незнаю именно съ какими. Такъ вотъ онъ-то пріѣхалъ на площадь и «негляже» ни на кого, пошолъ по рядамъ фуръ и только спросить: чья шерсть и сколько ее? да и записать. Захаръ Демьяновичъ съ товарищи, *будто* смутались, подходятъ къ нему и спрашиваютъ, что бы это значило?

«Я беру всю вашу шерсть», говоритъ преспокойно Григорій Григорьевичъ, «сколько бы ее ни было. Угодно ли вамъ по 50 рублей? Задатки со мною, а по пріемѣ чистая расплата, безъ переводу».

—Вовсе несходно по пятидесяти, кричатъ ему нѣсколько голосовъ.

Онъ прибавляетъ, они сбавляютъ, съ нѣкоторыми «за восемьдесятъ два», съ другими «за девяносто», бьютъ по рукамъ, и всѣ торжествуя поглядываютъ на покупателей, также смотрящихъ на нихъ по своему.

Торгъ кипитъ. Почти половина ярмарки закуплена. Одинъ изъ покупателей съ улыбкою подходитъ къ Григорью Гри-

горьвичу и предлагает сдать ему шерсть по своей цѣнѣ, по 22 рубля за пудъ, 3700 пудовъ, на чистыя деньги.

Григорій Григорьевичъ порочить доброту шерсти, изворачивается; покупщики вообще приступаютъ къ нему; онъ вынимаетъ кши писемъ, полученныхъ имъ, въ коихъ просятъ за-купить всю шерсть, несмотря ни на какія цѣны; называетъ имена фабрикантовъ, сдѣлавшихъ ему это препорученіе; тѣ, съ своей стороны, доказываютъ ему, что они-то настоящіе отъ фабрикантовъ повѣренныя, однимъ словомъ дѣло объясняется къ невыгодѣ Григорья Григорьевича, и онъ спѣшитъ убраться съ площади. Захаръ Демьяновичъ съ товарищи, увидѣвъ, что неудалась имъ эта штука возвращаются съ досадою домой.

Матрена Семеновна съ огорченіемъ видитъ Захара Демьяновича въ старомъ картузѣ. «Непродаль?» взываетъ она къ нему жалостно при встрѣчѣ.

— Пока вѣтъ еще, отвѣчаетъ онъ печально и еще печальнѣе продолжаетъ: вообрази, цѣны необыкновенно понизились: я предназначилъ продать по 70 рублей; а тутъ и по двадцати пяти никто недастъ. Располагалъ получить-было тысячь тридцать, а теперь... вотъ рассчитаю, сколько получу. Садится къ столу и считаетъ.

«Пожалуста, негонитесь за большими деньгами, продавайте, какъ люди. Вспомните, что проживаемся; я еще и «въ рядахъ» небыла. Будетъ ли еще, съ чѣмъ поѣхать и на что купить?»

— Будетъ-то, будетъ. За всѣмъ тѣмъ, что отдамъ по 25-ти, я за 436 пудовъ возьму тысячь осмнадцать. Все станеть на покупки.

«Смотрите такъ ли вы сочли?»

— Вотъ уже, будто много тутъ счесть. Я и повѣрилъ, такъ все такъ.

«Хорошо же, душечка. Пока же вы продаете шерсть, а я сѣздила бы въ ряды, осмотрѣла бы все, прицѣнилась, расположила, а при деньгахъ только взяла бы все».

— Что уже безъ денегъ и ѣхать? Я люблю, чтобъ во всемъ былъ аккуратъ. Дамъ вамъ денегъ, тогда и поѣдете.

«Право лучше такъ, какъ я придумала. Притомъ же ярмарка: нужно дочерей вывезти, теперь съѣздъ; зачѣмъ отнимать судьбу у нихъ?»

— Да. Вѣдь дочери здѣсь? Ну хорошо, поѣзжайте, разсмотрите все.

И такъ, благодаря нѣжному родительскому чувству Захара Демьяновича къ дочерямъ своимъ, Матрена Семеновна успѣла въ своемъ желаніи, получила дозволеніе выѣхать въ ряды и торговать ей, что нужно. Начались сборы. Она встала на себя распашной капотъ, мордореvый «гарденашлевый», шитый дома въ третьемъ годѣ съ моды предводительши; юбка на ней была сегодня, какъ еще небольшой парадъ, бѣлая, а «розеvая», нарочно для важныхъ случаевъ приготовленная, отложена: чепчикъ, косынки, и проч. вышивные уборы и отдѣлки, все было домашнее, отдѣлано изящно. Сама она была какъ куколка. Дочери же не давались въ-ладъ. Ей хотѣлось бы принарядить ихъ посвоему, такъ онѣ все противорѣчили и спорили, что нейдетъ. Что ты будешь дѣлать съ молодыми!

Наконецъ поѣхали... Только, правду сказать, долго пу- тались въ улицахъ. Иванька фореvторъ вовсе не зналъ, гдѣ ряды; Филька кучеръ, хотя и зналъ, но давно не бывши позабылъ. Матрена Семеновна, замѣтивши этотъ беспорядокъ, приказала Тимошкѣ лакею сзади сказывать, куда надобно ѣхать. И такъ Тимошка во всю дорогу кричалъ: «держи вонъ на зеленый домъ... забирай на налѣво... поверни въ переулокъ, не тутъ, дальше»!.. Сякъ-такъ, доѣхали наши, вышли изъ коляски и канули въ океанъ гуляющихъ на ярмаркѣ.

Стеченіе пріѣзжихъ было необыкновенное. Вся галерея, передъ лавками была наполнена публикою всѣхъ трехъ родовъ: высшею, среднею и мѣлкою, а все же публика; какъ иначе назвать? Различить ихъ можно было по убранству, высокому, смѣшанному, низкому; но каждое лицо изъ всѣхъ сихъ трехъ публикъ совершенно было увѣрено, что оно одѣто и лучше и пристойнѣе всѣхъ, и что общее вниманіе всей толпы обращено только на него; а отъ того каждое лицо старалось выказываться, манерилось, франтило, недумало ни о комъ и несмотрѣло ни на кого.

Мужскаго пола особы, составивъ кругъ, трактуютъ о своихъ дѣлахъ: какъ прижимаются въ цѣнѣ покушники шерсти;

ведутъ замыслы, какъ бы довести ихъ до того, чтобы они платили по желаемой цѣнѣ. Почти всеобщій ропотъ на безденежье и худые доходы съ деревень. Иванъ Аванасьевичъ восклицаетъ: «а цѣны на хлѣбъ вовсе упали. Разореніе совершенное! Изъ году въ годъ урожай, нѣтъ возможности сбыть хлѣбъ по сходной цѣнѣ. А тутъ опять смотрите какая весна! Словно какъ на огородѣ, слышно, какъ растеть».

Кондрать Петровичъ, подтакивая, прибавляетъ: «А нужды наши усиливаются. Повѣрьте, безъ копѣйки пріѣхалъ на ярмарку, и если непродамъ сходно шерсти, принужденъ буду подушныя, что привезъ взнести въ казначейство, всѣ издержать. Женѣ необходимо лисій мѣхъ; три тысячи просятъ; онъ-то и хорошъ, словно серебро; но еще воротникъ, крыша; да и прочаго нужно для нея. Незнаю, какъ и изворотиться».

Петръ Лукичъ подошолъ съ своимъ горемъ. «Что за прижимки у насъ дѣлаются, такъ вы неповѣрите! заложилъ свои пятьдесятъ душъ; только бы осталось получить деньги изъ Приказа, какъ благоразумныя головы вздумай навести справку, сколько числится недоимки за мною? конечно наберется, столько лѣтъ, отъ худыхъ доходовъ, неплативши; но и моя же кровная надобность! Степанъ Ивановичъ продаетъ всю свою охоту. Что за гончія? я вамъ скажу, пальчики обсосешь. Органъ, чистый органъ. Борзые—это соколы! на дняхъ, вижу, что перекупать, а мнѣ денегъ не выдаютъ; пойдутъ всѣ за подати, и частныя взыскація есть. Останутся крохи. Кабы зналъ, и нехлопоталъ бы о займѣ».

Вдругъ раздался голоса: А! Василій Павловичъ! откуда взялся? гдѣ пропадалъ? что невидно было? и проч.

— Чего, братцы, бѣда! вотъ полгода женился и не могу опомниться отъ хлопотъ. Замучился. Принималъ приданое женино, триста душъ, особнякъ; отмежевывали; тамъ дѣлился лѣсомъ съ деверьями, да еще лѣсъ пропастной, что-то много десятинъ и непроходимый. Тамъ еще на голову мнѣ жѣ бѣдному: дядя жены умеръ бездѣтный, отказалъ имѣніе нашимъ, и жена участница. Надобно было тоже выдѣлять. Ну, замучился до того, что жизни не радъ!

«Мнѣ вотъ хлопоты съ дѣтьми», началъ жаловаться Кирило Ивановичъ. «Гувернантки не найду ни одной. Одна таковская и есть; немного кое-чего и знаетъ, но за то и

дешева; по моему состоянію она бы и хороша; такъ видите неможеть троихъ воспитывать; а у меня три дочери, погодки, нужно всѣхъ разомъ обучать. Такъ, говорить, тяжело будетъ, неуправлюсь съ тремя. Тамъ приводили ко мнѣ одну и надежную: проворная, плутовка; управилась бы и съ пятью, Такъ та бѣда, молода и смазливенькая, а мой Никитушка, старшій сынъ, лѣтъ двадцати малый, все подумываю его приписать куда на службу; да превлюбчивая бестія! чего добраго, тотчасъ исторія».

Разговоръ былъ смѣшанный. Въ одной кучѣ толковали о предстоящихъ выборахъ, добирались, кто будетъ губернской предводитель, совѣтовались, кого лучше избрать въ предсѣдатели. Въ другомъ кружкѣ расказчикъ увѣрялъ, что мы напомнимъ страшной бѣды, что на насъ идетъ стотысячная армія Черкесъ, подъ предводительствомъ брата Наполеона. Ставрополь, Пятигорскъ выжгли со всѣми бывшими; Донцовъ всѣхъ вырѣзали и пустились по большимъ городамъ; несегодня завтра здѣсь. А начальство наше, прибавилъ онъ въ заключеніе, спитъ, и баталіонный командиръ внутренней стражи уѣхалъ, какъ на бѣду, въ отпускъ».

Тутъ завязался споръ о предводителѣ Черкесъ. Нѣкоторые нехотѣли вѣрить, чтобъ Французы допустили Наполеонова брата дѣйствовать; скорѣе-де поручать какому маршалу своему...

Иные догадывались, что не изъ Испанскихъ ли кто генераловъ, а чего добраго, не самъ ли Донъ-Карлосъ?

Разсужденіямъ и догадкамъ ихъ небыло конца.

Большая часть толковала о привезенныхъ товарахъ, сукнахъ, винахъ, бронзѣ, фарфорѣ и мн. т. п. Всякій расхваливалъ, что ему нравилось, но непокупалъ никто еще ничего, потому-что шерсть небыла еще рѣшительно продана.

Это же мужской полъ такъ занимался. А дамы, сѣпясь рука съ рукою, широкою линіею ходили съ одного конца галлерей до другого и обратно. Лавочные же мальчишки, то и дѣло, что проходящей кучѣ отвѣшивали пренизкіе поклоны и кричали пискливыми голосами: «Барыни-сударыни, что милости вашей угодно? пожалуйста. Извольте спросить. Что извольте покупать? сукна, мыло, сапоги, блонды, помада, гаруса всѣхъ цвѣтовъ, мѣха наилучшіе, кружева, «стеариневыя» свѣчи...»

Но барыни-сударыни еще непокупали и несмотрѣли ничего. Такъ велитъ армарочный этикетъ: пока ремонтѣры и прочіе военные на конной, барынямъ слѣдуетъ ходить и будто совѣщаться о чемъ.

Но вотъ время сближается къ-вечеру, конная разѣзжается... и тутъ барыни наши раздѣляются и занимаютъ лавки, сходныя съ планами своими.

Матушки усѣлись выбирать, торговать, а дочкамъ ихъ что дѣлать? Имъ скучно заниматься этимъ, и онѣ, сѣдѣясь въ нѣсколько рядовъ, прохаживаются по галлерей. Все у нихъ тихо, скромно, едва-едва услышите словцо... «конечно»... «жесперь»... «незнаю»... Все полувопросы, полуотвѣты; глазки опущены, ушки завѣшены, хотъ пари держать, онѣ невидятъ и неслышать ничего ихъ окружающаго. Но я другимъ совѣтую держать пари, а самъ непредложу даже стараго своего кисета, потому-что увѣренъ, что проиграю;потому-что знаю, что онѣ не только слышать и видятъ все около нихъ происходящее, но очень ясно видятъ и явственно слышатъ, что происходитъ на другомъ концѣ, кто входитъ съ другого конца галлерей, куда смотреть, кого подмѣчаетъ... куда подойдетъ... это онѣ все видятъ, все знаютъ, все смекаютъ... и вотъ еще только загремѣла уланская сабля при входѣ въ галлерей, то Катипъ и покраснѣла, Мари взглянула на Катипъ, Елена толкнула локоткомъ Полину, а сами всѣ въ лицѣ, поступи и во всемъ неизмѣнны, какъ будто и нѣтъ никого, никто и неидетъ за ними, никто ненастигаетъ ихъ...

Чудныя вещи на свѣтѣ, эти женщины или дѣвушки! Сколько у нихъ хитрости и тонкости ума!... И все съ расчетомъ для своихъ польвъ. У нихъ нѣтъ и въ обычаѣ думать и дѣйствовать о благѣ всѣхъ людей. Куда! Вотъ и теперь: защитники отечества, хранители нашего спокойствія, послѣ дневныхъ трудовъ, ищутъ разсѣянія, хотятъ время провести съ удовольствіемъ, отыскиваютъ, гдѣ общество (не преимущественно дѣвицы, о нѣтъ! а всѣ вообще): въ лавкахъ—они бѣгутъ туда. Батюшки заняты рассужденіями о шпанской шерсти, маменьки покупкою товаровъ, имъ нѣкогда; слѣдовало бы дѣвицамъ, народу свободному, ничѣмъ незанятому, встрѣтить ихъ въ лавкахъ со всѣмъ радушіемъ: занять; приласкать... такъ нѣтъ же: онѣ и виду непоказываютъ, что ихъ интере-

суеть приближеніе военныхъ, хотя сердечки ихъ, знаю какъ дважды два, колотятся на пропалое!... Но наши военные молодцы (скажу вамъ по секрету, они все знаютъ о дѣвушкахъ, знаютъ, какъ онѣ интересуются ихъ приходомъ и даже что чувствуютъ) ведутъ свои дѣла непорядкахъ: подходятъ къ нимъ смѣло и неочень разбирая, любо ли, нелюбо красавицамъ, нападаютъ разговорами: одинъ на Катись, другой на Мари, третій на Полину... Остававшіяся безъ ангажировки пристають, гдѣ «погустѣ», и разговоръ, сперва общій, завязывается, потомъ весь фронтъ раздѣляется непримѣтно на маленькія партіи и, по мѣрѣ того, общій разговоръ развязывается, а составляются особыя, отдѣльныя, частныя «разговорчики» въ-полголоса; идутъ объясненія, открытія, признанія, условія... и одна партія другой немѣшаетъ, неслышитъ, нестарается слышать; всѣ заняты своими планами, сужденіями, предположеніями.

Но будь я бестія, если маменьки не видятъ всего лучше, нежели дочери ихъ: онѣ проникаютъ во всѣ замыслы, постигаютъ, что и куда слѣдуетъ... И вотъ Варвара Степановна, смекнувши все и что уже пора и ей дѣйствовать, восклицаетъ: «послушай, Катись! поди ко мнѣ, дай посмотрѣть, какой жемчугъ лучше, твой ли, или что для тебя торгую?» Катись съ своимъ обществомъ входитъ въ лавку къ матери, и какъ поражена Варвара Степановна! она всѣмъ жалуется на дочь свою, что ненавѣсила лучшаго своего жемчугу, коего у ней семь нитокъ, да какой! зерно къ зерну. Жемчугъ—страсть моя! продолжаетъ Варвара Степановна. И сколько я покупаю для Катись! брилльянтовъ нелюблю: у меня въ фермоарахъ отличныя солитеры, въ серьгахъ, въ перстняхъ»... и несетъ околѣсную, которой никто неслушаетъ; кавалеръ, на ту пору *прислуживающій* m-lle Catiche, не отъ первой маменьки это слышитъ и по опыту знаетъ, что здѣсь только игра словъ, а не брилльянтовъ, вѣваетъ по сторонамъ, а прочіе всѣ собесѣдницы Варвары Степановны заняты подобною, своею тактикою. Настасья Николаевна удивляется, какъ нынче безъ вкусу отдѣлываютъ серебро: она *должна была* взять шесть дюжинъ ложекъ и ножей, но какая разница съ прежнимъ и въ вѣсѣ и въ отдѣлкѣ. Повѣрите ли, заключаетъ она, три пуда за моею Пелажи, а нѣтъ вещи, чтобъ бросились въ глаза. Зайду въ серебряную лавку.

Прасковья Ѳоминишна жалуется на своего Макара Ивановича, что рѣшается для Анюты купить домъ въ Москвѣ, чтобы приносить тысячь сорокъ въ годъ, когда она желала бы, чтобы дочь получила тысячу душъ въ какой-то отдаленной (я нехорошо слышалъ, увѣрять нехочу, а чуть ли Прасковья Ѳоминишна неказала Мценской) губерніи.

Однимъ словомъ, во всякой свои замыслы. Елизавета Тимошеевна пересматриваетъ и откладываетъ драгоценнѣйшія кружева и потомъ въ полголоса говоритъ купцу, что она завтра рѣшить его, столько ли или еще болѣе возьметъ. Купецъ себѣ на умѣ, не въ первый разъ на ярмаркѣ, не въ первый разъ показываетъ маменькамъ товары, кланяется и «проситъ пожаловать». Анна Ильинишна торгуетъ сѣ, Степанида Дмитриевна то, Ульяна Ивановна иное... и все это закидываетъ удочки для военныхъ, тутъ же увивающихся молодцевъ; но имъ незанимательны эти картечи. Повѣрьте мнѣ, что каждый изъ нихъ «аккуратъ» знаетъ, что маменька можетъ купить, что купить, и поэтому ведутъ свои дѣла; а у иного здѣсь нѣтъ вовсе никакого дѣла, а такъ маленькое занятіе, отъ того-то онъ ходитъ около маменекъ, покручивая сведшіе многихъ съ ума усики, любезничаетъ съ дѣвцами, а на торгуемое необращаетъ никакого вниманія.

Вошелъ въ лавку Александръ Филипычъ. Ѳедосья Григорьевна отнеслась къ нему, слясь заглушить всѣхъ своихъ подругъ: «послушай-ка, старый хозяинъ и знатокъ въ оборотахъ! Что лучше въ нынѣшнее время? Покойникъ Еремѣй Ильичъ оставилъ Фаничкѣ триста тысячь. Положить ли ихъ въ ломбардъ и получать проценты, или купить на нихъ имѣніе и отдать ей, за кого Богъ благословить выдать ее?»

Александръ Филиповичъ третью люстру слышитъ этотъ вопросъ. Въ первыя пять лѣтъ (когда было Фаничкѣ тридцать лѣтъ) мать говорила о ста тысячахъ; на другія пять лѣтъ было двѣстѣ; а теперь еще чрезъ пять лѣтъ возросла сумма до трехъ сотъ тысячь. Онъ рѣшился отвѣчать одинъ разъ навсегда и брякнулъ: «извольте видѣть, матушка Ѳедосья Григорьевна, у васъ, какъ я васъ знаю, что пять лѣтъ, то сотня тысячь и приростаеъ. Оставьте ихъ, какъ онѣ есть, пусть сотни тысячь умножаются и, благо начали, подержите свою Фатину Еремѣевну до полмилліона: дай бы Богъ была здорова только,

а то привыкла къ дѣвичьему состоянію чрезъ столько лѣтъ, пусть и еще вдаль процвѣтаетъ».

Невыдержала такой выходки Феодосья Григорьевна, хотѣла что-то ѣдкое сказать, какъ вотъ, всѣхъ расталкивая, вошоль... ну господинъ, во фракѣ и прочемъ какъ слѣдуетъ, довольно щеголевато наряженный, и прямо къ купцу: «послушай, сударикъ!» почти кричалъ онъ, «я хочу сдѣлать женѣ своей сюрпризъ. Такъ подай мнѣ такую штуку, какъ была на полицмейстершѣ, именно вчерашняго дня».

— Какую же штуку вамъ угодно? спрашивалъ улыбающійся купецъ.

«Ну, ясно говорю: какъ на полицмейстершѣ вчера была, красное вотъ съ «эдакими» разводами (вертить руками). Удивительная штука!»

— Матерія, что ли?

«Ужъ конечно же не сани», и громко захохоталъ такой остротѣ своей. «Когда я говорю, что была штука на полицмейстершѣ, такъ ужъ вѣрно платье, а платье дѣлается изъ матеріи; такъ вотъ и покажи мнѣ такой матеріи что просто чудо, а не матерія».

Купецъ суетится, достаетъ разныхъ сортовъ матеріи — все не то.

«Да вотъ просто покажи мнѣ такую, какъ была вчера на полицмейстершѣ. Видишь ли, любезный! вотъ у «евтой» разводы хоть и вкось идутъ, да все въ одинъ ладъ, а полицмейстерши такъ все въ разладъ: та полоса сюда, а другая навстрѣчу, а третья тутъ же изворачивается, да это все на красномъ, такъ я вамъ скажу (поглядывая на тутъ находящееся общество) просто удивительная штука. Давайте и мнѣ такую; а изъ этой nebudeтъ «сюрприза» женѣ...»

Тутъ вошло пять-шесть лицъ дамъ или дѣвицъ, но онѣ были то въ лиловыхъ капотцахъ съ розовыми платочками, то въ голубыхъ шляпкахъ съ желтыми лентами и тому подобною пестротою во всемъ. Вошедши въ лавку и увидѣвъ такое общество, онѣ сконфузились, стали на одномъ мѣстѣ и только поглядываютъ одна на другую. Здѣсь господъ много, думаетъ каждая, а онѣ, изволите видѣть неболѣе какъ мѣщаночки. Батюшка иной торгуетъ дегтемъ, саломъ и прочимъ такимъ товаромъ и на барыши «справляетъ» хорошія платья дочерямъ

и даетъ еще и деньги на прочія надобности. Такъ вотъ онѣ-то и собрались искупить, что нужно къ балу, что будетъ у кузнеца Антона по случаю такому, что выдаетъ дочь свою за Правленскаго переплетчика. Балъ въ слѣдующее воскресенье; нужно поспѣшить съ новыми платьями, а когда неискупятъ теперь, опоздають. Переглянулись еще между собою, и вотъ Степенька, дочь торгующаго свитами (зипунами), развязнѣе и ловче всѣхъ, смѣло «негляже» подходитъ къ купцу и рѣшительно спрашиваетъ: «пожалуйте намъ беркалю, меткалю и бухъ-маслинъ»; купецъ показываетъ требуемое; покущицы щупають, рассматривають; услышавъ о цѣнѣ, въ такомъ обществѣ несмѣютъ торговаться, но только въ знакъ несогласія, покачивають головами. Рѣшительная Степенька смѣло противорѣчить купцу; «пожалуста уважьте! мы же у васъ все беремъ, къ другимъ неходимъ...»

— Есть у васъ въ продажѣ модести? громко и рѣзко вскрикнула бѣжавшая и въ дверяхъ остановившаяся Марѳа Егоровна. Она была дочь секретаря гражданской палаты, дѣвица образованная, съ знакомою совѣтницею выѣзжающая въ благородныя собранія, всегда развязная, знающая всѣ приличія и одѣвающаяся съ разборомъ. «Есть у васъ въ продажѣ модести?» повторила она еще громче, потому-что купецъ, припоминая всѣ свои матеріи, непомнилъ, есть ли у него такой товаръ и просилъ покущицу пожаловать въ лавку—онъ покажетъ.

— Что изволите спрашивать? говорилъ купецъ.

«Мнѣ очень нужно модести» требовала Марѳа Егоровна.

— Извините, сударыня. У насъ только шолковый товаръ, кружева, блонды, а галантерейныя вещи напротивъ въ магазинѣ.

«Ха, ха, ха, ха! Да модести не галантерея какая. Мнѣ нужно ее аршина два».

Ловкій гусарскій офицеръ поспѣшилъ разсѣять безпокойство Марѳы Егоровны и, подойдя къ ней, сказалъ: «здѣсь только и есть, сударыня, одинъ Модестъ къ услугамъ вашимъ».

— Мерси! отвѣчала Марѳа Егоровна съ улыбкою, но щуря глазки. Мнѣ не Модестъ нуженъ, а модести...

«Это очень видно», сказалъ офицеръ и отошолъ къ товарищамъ дѣлать свои замѣчанія.

— Позвольте васъ спросить, говорилъ купецъ Марѣй Егоровнѣ, нежелая отпустить покущицы, всегда покупавшей на чистыя деньги, «къ чему пригодна вещь, которой спрашивать изволите?»

«Ахъ, Боже мой! это совѣмъ не вещь... это вотъ обшивается... неловко мнѣ показать... ну вотъ пониже шеи... напередѣ платья...» И какъ краснѣла Марѣя Егоровна, объясняя все это!

— А! теперъ понимаю, сказалъ купецъ и подалъ ей обшивки для платья вверху.

Много понашло покущицъ подобнаго рода съ подобными требованіями, и нашъ блестящій кругъ, *haute-société*, видя плебеянокъ, смѣшавшихся съ собою, начали подбирать свои шали, вставать, укутываться и окидывать взоромъ, кто увиивается около дочерей, и пошли въ другія лавки, каждое семейство по особому направленію. Много было въ серебряныхъ лавкахъ; выбирали, привѣшивали серебро, рассматривали брилліанты, долго хлопотали, и всѣ оканчивали на томъ, что еще будутъ въ лавку. Большія кучи приходили въ галантерейныя, фарфоровыя, бронзовыя магазины; по всѣмъ улицамъ мимо лавокъ съ трудомъ можно было пройти; день вечерѣлъ; надобно было разѣжкаться, такъ всѣ спѣшили себя всѣмъ показать и всѣхъ видѣть. Всѣ сословія, всѣ состоянія, все тутъ было, все спѣшило взадъ и впередъ, толпилось, суетилось... почти давка подлѣ каждой лавки.

А это что за лавка, совершенно въ пустынѣ стоящая? Никто въ нее неходитъ и къ ней близко не подходитъ. Черезъ цѣлый день хозяинъ ея у дверей «стоитъ, бѣдняжка, какъ ратникъ на часахъ». Съ завистью смотритъ на толпы народа, наводняющаго лавки со всѣми возможными товарами; ждетъ ихъ къ себѣ, ждетъ, увы! но тщетно!.. Проидетъ нѣскольکو разъ мимо лавки, станетъ въ дверяхъ, войдетъ въ лавку, понюхаетъ табаку, чтобы разогнать невольнo овладѣвшую имъ дремоту, посмотритъ съ грустью на товаръ свой, опять выидетъ опять смотреть, опять зѣвнетъ усердно—и все нѣтъ покущицковъ!.. Что же это у него за товаръ, что непривлекаетъ къ себѣ никого, необрацаетъ ничьего вниманія? извѣстное дѣло, книги. Книги всѣхъ возможныхъ видовъ *in folio*; *in 4°*, *in 8°* и даже 64долю листа, въ бумажкахъ, папкахъ, кожаныхъ, сафьянныхъ

переплетахъ, въ золотомъ обрѣзѣ. Чудо книги! всѣхъ возможныхъ изданій, съ гравюрами, планами, чертежами, портретами, снимками почерковъ, роскошныя, компактыя, простенькія и весьма неопрятныя изданія. Книги, надъ которыми люди сидѣли ночи, проводили дни, мучили голову, распекали память, шпиговали воображеніе, все это писали, не для своей, куда думать о себѣ! а для общей пользы: тотъ написалъ исторію, другой романъ, третій историческій романъ, четвертый романическую исторію, тотъ повѣсть, тотъ стихи и даже съ рифмами... да чего только нѣтъ между книгами? бумага все терпитъ. И все это было въ одной лавкѣ красивымъ порядкомъ разложено, надъ лавкою была вывѣска, на ней полуаршинными, выпуклыми, золочеными литерами изложено было, что это «книжный магазинъ такого-то московскаго купца», и за всѣмъ тѣмъ никто у него ненавѣдывался, и бѣдный продавецъ никому ненужнаго товару, поглядывая на цѣлость и неприкосновенность его, рассчитывалъ и додумывался, изъ чего заплатитъ ему за лавку, провозъ книгъ и другіе расходы.

Правда, приходило въ теченіе дня два-три покупателя, но это были: одинъ гимназистъ, другой семинаристъ; первый спрашивалъ ариеметики, другой потнаго ирмолая, но въ торгѣ несошлись; у покупателейъ недоставало по гривнѣ до требуемой книгопродавцемъ цѣны, и съ тѣмъ разошлись. Наконецъ вотъ идетъ франтъ по всему. Располагая обратить на себя общее вниманіе на ярмаркѣ, онъ безъ памяти скакалъ въ Москву, заказалъ самую модную пару платья, шляпу и проч. принадлежности, купилъ новый «бамбаяжъ» (какъ называли въ этомъ городѣ), на спинкѣ коего бронзовыми, ярко вызолоченными буквами было надписано: *diable m'en porte*, и въ то же время, сломя голову, поскакалъ обратно изъ Москвы. Сюда прискакавши, разрядился въ свое моднѣйшее платье, сѣлъ въ «бамбаяжъ» и и выѣхалъ въ ряды удивлять и восхищать собою всѣхъ; но увы! онъ выѣхалъ не во-время: всѣ еще сидѣли по домамъ, и въ лавкахъ былъ большой просторъ! Куда дѣваться? Въ какую лавку ни войди, надобно, разсмотрѣвши вещь; торговать, а это... ну, не нравилось ему. Книгу же можно спросить одну, присѣсть, пересматривать ее хоть полчаса; потомъ спросить другую, третью и такъ время нечувствительно пройдетъ, начнутъ приѣзжать, поодионокѣ будутъ осматривать его, любо-

ваться имъ: это лучше, нежели прѣхать въ кучу; иному не придется и рассмотреть его хорошенько. И вотъ онъ направилъ свои ноги, обутые въ чудесные сапожки, въ книжную лавку.

Восторженный его появленіемъ книгопродавецъ, судя по наружности пришедшаго, рассчитывалъ выторговать нѣсколько сотъ рублей, а при счастѣ, сбыть нѣсколько изъ залежалаго товара въ въ повѣстяхъ, романахъ четыре-книжныхъ, склонить на подписку презамысловатой исторіи въ 16-ти томахъ, изъ коихъ четыре вышли, а остальные предположено кончить въ будущемъ столѣтіи—продли Богъ вѣкъ автору: онъ, отписавъ все прочее, принятое на себя, допишетъ и исторію; подписаться на новое изданіе старыхъ сочиненій, которыя прежними нейдуть, такъ теперь придумано еще компактное, съ портретомъ автора *и всѣхъ сродниковъ его*. И вотъ книгопродавецъ, забывшій-было какъ и прѣвѣтствовать приходящихъ, относится къ франту: «что вамъ угодно?»

— Покажите мнѣ, что есть у васъ самое новенькое, отвѣчаетъ небрежно франтъ, рѣшившійся такъ изъясниться, не зная, что ему спросить.

И купецъ выложилъ передъ нимъ все новенькое...

«Что за вздоръ? вскричалъ франтъ: да это уже старое, вышедшее изъ употребленія. Дайте самаго новѣйшаго».

— Помилуйте, что можетъ быть новѣе? вотъ «Мужъ-эгоистъ», вотъ «Очерки изъ портфели ученика натурнаго класса», вотъ «Провинціальныя сцены» вотъ...

«Все это старое. Я уже читалъ въ газетахъ о выходѣ ихъ. Нѣтъ ли самаго новенькаго, самаго послѣдняго?»

— Вотъ уже новѣе этого ничего не можетъ быть: это «вторая часть Ста Русскихъ литераторовъ», сегодня утромъ мною полученная изъ первыхъ экземпляровъ, только-что вышедшихъ въ Петербургъ.

«Вздоръ! я еще прошлаго года читалъ, что она выйдетъ. Да и какой обманъ: пишутъ «Сто литераторовъ», а ихъ всего десять въ книгѣ. Явно надуваютъ насъ, и ни въ чемъ такъ, какъ въ литературѣ. И это все старье. Великое дѣло, что въ Петербургѣ вышло; да когда? вѣрно недѣли двѣ назадъ; мнѣ подайте самаго новаго, самаго послѣдняго». Купецъ мол-

чалъ, франтъ бросилъ книгу и поспѣшилъ въ модный магазинъ, подлѣ коего увидалъ остановившуюся коляску съ зонтомъ; кучеръ на ней въ синемъ, а фюрейторъ въ сѣромъ кафтанахъ; построжки у лошадей веревочныя; лакей съ усами, въ синемъ сертукѣ, подпоясанъ поверху краснымъ поясомъ и на головѣ кожаный картузь.

Такъ вотъ какіе покупщики черезъ всю ярмарку посѣщали книжную лавку!

Пока же мы этимъ ничтожнымъ предметомъ, т. е. книжною торговлею занимались, а тамъ изъ лавокъ всѣ выѣхали и поспѣшили въ театръ. Сколько стоило матушкамъ и женамъ словъ, ласкъ, убѣждений склонить батенекъ и миленькихъ супруговъ, чтобы заставить ихъ разстаться съ четырьмя цѣлковыми за ложу! Первымъ, т. е. матерямъ, благовиднѣе было упрашивать батенекъ: каждая получая на день расходныя деньги, приговаривала: «а еще же на этотъ проклятый театръ ужъ пожалуйте четыре цѣлковыхъ».

«Удивляюсь вамъ», бормоталъ съ крайнимъ неудовольствіемъ Александръ Кузьмичъ. «Что вамъ это за охота ѣздить въ этотъ гнусный театръ! Тамъ отъ плошекъ угаръ, слабая ваша голова разболится; а при разѣздѣ давка народу, ломка экипажей съ нашими неопытными кучерами, вотъ и подхватить васъ истерика, а мнѣ всеобщая съ вами да посылай за лѣкарями, коимъ по незнакомству должно будетъ вдвое заплатить. Ну-те его совѣмъ. Отложите уже на сегодня: завтра можетъ, выкидывать будутъ что занимательное».

— По мнѣ душечка, отвѣчаетъ нѣжно и искренно Лукерья Ивановна, такъ хоть бы всѣ театры съ своими комедіантами пропали, то мнѣ нужды мало. Но не забудьте, что у насъ дочери дѣвки, надобно имъ свѣтъ показать; такого свѣзда и такихъ модъ онѣ въ нашей Кубышковкѣ неувидятъ. Да нужно, чтобы и ихъ люди видѣли: неравенъ часъ. Притомъ же, чтобы и насъ неосуждали, что мы отъ скупости лишаемъ дѣтей свѣтскихъ радостей. Я необходимо должна съ ними ѣхать, а ужъ ѣду, словно на ножъ иду. Боюсь и огня и лошадей. Сама знаю, что замучитъ меня истерика. Такъ посылайте же, душечка, за ложею, да прикажите выбрать самую лучшую и просторную. И Александръ Кузьмичъ послалъ за ложею; а Лукерья Ивановна между-тѣмъ переслалась съ Софею Павловною взять

*

ложу пополамъ и, получивъ половинныя деньги, скрыла ихъ отъ мужа, а употребила на покупку такихъ необходимыхъ для нея вещей, въ которыхъ бы мужъ, увѣряю васъ, отказалъ ей наотрѣзъ. Промышленность на ярмаркѣ необходима.

Бѣдныя же жены, неимѣющія дочерей и какъ на зло ни одной племянницы или подобной тому штуки, для которой нужно было бы выѣзжать въ подобныя мѣста, какъ уже тѣ изворачивались и чѣмъ убѣждали своихъ нѣжныхъ супруговъ, я ума неприберу. Правда, онѣ женщины и жены: немудрено, что успѣвали въ своихъ желаніяхъ, и ложи взяты и для нихъ.

Семь съ половиною часовъ вечера, театръ наполняется. Экипажи одинъ за другимъ тянутся къ подъѣзду, на лѣстницахъ бѣготня; всѣ пріѣхавшія дѣвицы спѣшаютъ занять ложу, усаются и спокойно поглядывать на входящихъ въ кресла, и не только поглядывать, но разглядывать, а которой фортуна поблагопріятствовала, такъ и переглядываться съ сидящимъ въ креслахъ.

Музыка уже измучилась надъ третьею увертюрою и еще должна строиться къ четвертой. У содержателя театра не всѣ билеты израсходованы; можно «часъ мѣста погодить»: авось купечество, окончивши свои расчеты, нагрянетъ.

Между-тѣмъ и въ кресла собираются медленно. Потапъ Васильевичъ развалился въ 7-мъ №, руки опустилъ, голову склонилъ и, кажется, думаетъ о чомъ ни-на-есть. Да, повѣрите ли, до того задумался, что неслышитъ, какъ вошелъ Прокопъ Петровичъ, отыскалъ 5 №, сѣлъ въ немъ, выкашлялся, смотреть на Потапа Васильевича, а тотъ неслышитъ и незамѣчаетъ вовсе.

«Потапъ Васильевичъ? о чомъ такъ задумался?» спрашиваетъ Прокопъ Петровичъ Потапа Васильевича.

— А! встрепенувшись отвѣчаетъ Потапъ Васильевичъ Прокопу Петровичу, чудныя вещи бывають на свѣтѣ. Я вотъ, кажется, тутъ сижу, а самъ, знаете, гдѣ мысленно летаю? Да, я переносился мысленно въ Петербургъ, когда я былъ тамъ въ восемьсотъ второмъ году и, бывало, изъ театра невыхожу. Что за прелесть была тогда! эх-эх-эх!

«А что сегодня будутъ давать?» спросилъ Егоръ Егоровичъ, усаживаясь между ними въ кресла № 6.

— Незнаю, что теперь, отвѣчаетъ Потапъ Васильевичъ не въ-лопадь, занявшись воспоминаніемъ былого, а тогда давали балеты, да какіе! ужъ не здѣшнимъ чета.

«Сегодня даютъ, сказалъ Прокопъ Петровичъ, неумѣю вамъ сказать названія, а какую-то критику на женщинъ. И пріѣзжій актеръ будетъ играть...»

— Вотъ что! говоритъ удивляющійся Егоръ Егорычъ: такъ у насъ и пріѣзжій есть? а откуда же онъ? и живо вдаетъ?

«И натуры ненадобно», восклицаетъ съ восторгомъ Прокопъ Петровичъ, «какъ онъ выставитъ какую ролю! Вчера онъ показывалъ стараго солдата: ну такъ онъ точно и есть. А сегодня будетъ представлять своего сочиненія мужа; такъ ужъ вѣрно настоящій, живой мужъ изъ него выйдетъ».

— Такъ вотъ что! даже вскрикнулъ Егоръ Егоровичъ. Такъ онъ самъ ролю сочинитъ, да самъ и вдаетъ? Это у насъ неслыханное.

«Въ бытность мою въ восемьсотъ второмъ году въ Петербургѣ нерѣдко случалось мнѣ смотрѣть на комедію, и тутъ же живьемъ видѣлъ и самого сочинителя. Эх-эх-эхъ!» Ненужно и объяснять, что это замѣчаніе сказалъ Потапъ Васильичъ.

— Иное дѣло Петербургъ, а иное дѣло Кобеляки, а все же города; такъ и тутъ, замѣтилъ Прокопъ Петровичъ: что въ Петербургѣ ежедневно, того намъ и въ десятки лѣтъ неприходится видѣть. Да вы же Егоръ Егоровичъ, развѣ рѣдко посѣщаете театръ, что и не знали о нашихъ чудесахъ?

«Пропадай онъ совсѣмъ!» отвѣчалъ съ досадою Егоръ Егорычъ. «Я и теперь непоѣхалъ бы, но женѣ пожелалось для дочерей; вотъ я и рѣшился нанять ложу; да къ женѣ пришла знакомая; вижу—тѣсно; пропадай еще два цѣлковыхъ; пошолъ въ кресла, а между-тѣмъ шерсти еще непродавъ. Бѣда да и полно. Только-что проживаюсь».

Вотъ и встали на любимый предметъ—о того-лѣ шерстью, и пошли пересуждать и фабрикантовъ, и покупщиковъ, и свою братью помѣщиковъ, какъ между-тѣмъ оркестръ доигрывалъ симфонію и при концѣ старался поразить слушателей: у валторниста чуть щоки нетрѣснутъ отъ напряженія, съ какимъ онъ надуваетъ при послѣднихъ тактахъ свой инструментъ; скрипачи

во всю руку дребезжать смычками; контрабасистъ даже присѣлъ, и изо всей силы, до поту лица, нарѣзываетъ своимъ смычкомъ; литавщикъ, ошибшись въ счетъ паузъ, давно добилъ свое аллегро, но чтобъ поровняться съ другими, выбралъ такты, гдѣ побольше дроби и колотить на-пропалую... уже и занавѣсъ готовъ взлетѣть вверхъ, какъ вотъ крикъ въ театрѣ...

«Имажине!» кричала Ульяна Сидоровна, дочь одного приѣзжаго на ярмарку помѣщика, дѣвушка воспитанная, образованная и незастѣнчивая. Немудрено: она была съ папенькою и маменькою въ другихъ губернскихъ городахъ, выѣзжала въ тамошнія публики, а сегодня обѣдала съ маменькою у губернаторши. «Имажине!» кричала она во весь голосъ: «я думала, что тутъ э фини, а еще и начинали! Оесинька!» кричала она подругѣ своей, сидящей въ ложѣ противъ нея: «купила ты мнѣ ленты, что я просила? Бонжуръ, Надинька!» относилась она къ другой знакомой, выставясь почти вся изъ ложи. «Съ кѣмъ ты здѣсь? а? дить громче».

— Довольно и тебя, что ты кричишь на весь театръ, замѣтила ей маменька. Уймись, ты всѣхъ обратила на себя.

«Вотъ еще съ своими наставленіями!» надувши губки и вздернувъ еще больше и безъ того порядочно къ верху вздернутый носъ, ворчала на мать воспитанная и образованная Ульяна Сидоровна. «Когда же это въ тонѣ? Вы уже и не помните, что намъ рассказывалъ гвардейскій адъютантъ, квартирующій въ Петербургѣ, что тамъ въ театрѣ бываетъ такой шумъ, что стѣны трясутся. Затѣмъ и сѣзжаются въ театръ, чтобъ дать волю...»

Она говорила долго бы; но содержатель театра прислушавшись и понявъ, что нѣтъ никакой тревоги, а только одна болтовня, далъ знакъ, и занавѣсъ взвился...

Первая пьеса шла «Приключеніе въ жидовской корчмѣ» и уже доходила до конца перваго дѣйствія; актеры напрягали всѣ силы, чтобъ угодить зрителямъ, и успѣвали: смѣхъ, хохотъ неумолкалъ; даже крикъ слышенъ былъ: «ай, да bravo!... вотъ жидъ, такъ жидъ!...» Но вдругъ все смолкло: жидъ, начавшій говорить свое, вдругъ перемѣняетъ тонъ и предметъ разговора; рассказываетъ чистымъ простонароднымъ языкомъ о какомъ-то приключеніи, какъ онъ спасъ утопавшую дѣвочку... Актеръ хочетъ остановиться, но суффлеръ поддаетъ преусердно

и каждое слово точно въ ротъ кладеть. Зрители въ недоумѣніи... какъ вдругъ раздается изъ суфферской конуры: «постойте, Петръ Герасимовичъ!» Это сказано было къ жиду—и онъ замолчалъ, а между-тѣмъ изъ конуры выльзаетъ суфферъ и въ своемъ костюмѣ, т. е. въ самомъ неопрятномъ видѣ, какъ требуется отъ суффера ярмарочнаго театра. Выльзши до половины, обращается къ публикѣ съ извиненіемъ, что негодный переплетчикъ перемѣшалъ листы, и въ «Жидовскую корчму» вилель «Торжество благодарности». При чомъ очень пристойно спрашивалъ у публики: желаетъ ли она дослушать «Лизу», коей всѣ окончательныя листы есть, или обратиться къ «Корчмѣ?» Тогда онъ побѣжитъ на квартиру и отыщетъ листы изъ Корчмы.

Мнѣнія публики были различны. Нѣкоторымъ хотѣлось видѣть чудесную драму «Лизу или торжество благодарности», другіе требовали «Корчмы» и очень правильно: «мы, говорили они, деньги заплатили за Корчму, такъ давай намъ ее, какъ хочешь». Но какъ большинство голосовъ требовало оставить все и скорѣе начать объявленный водевиль, сочиненіе чутъ же играющаго актера, то и отложено было все, а приступили къ переодѣванію для водевиля.

Часа въ полтора уладили дѣло, и началось представленіе. Въ креслахъ, при игрѣ пріѣзжаго актера, только и слышно было: «чудесно!... неподобно!.. какъ живо вдаетъ мужа, такъ это страхъ!» При игрѣ же другихъ актеровъ, проказники ремонтеры и другіе офицеры безпрестанно кричали: «суфферъ, громче! еще громче!» и суфферъ кричалъ изъ своей конуры, что есть духу.

Для чего же это было? Изволите видѣть: водевиль былъ новый; актеры немогли его сколько-нибудь понять и вытвердить. Они, по манію режиссера, выходили въ-пору, но незная ролей, едва могли говорить за суфферомъ и то въ пол-голоса. Зрители, желая понять ходъ пьесы и не надѣясь ничего замѣтить отъ актеровъ, понукали суффера погромче читать.

Пьеса кончилась среди громкихъ рукоплесканій. Вызвали актера пріѣзжаго, сперва какъ сочинителя, а потомъ какъ актера, точно доставившаго удовольствіе. Наконецъ единогласно потребовали на сцену суффера... явился и онъ—рукоплесканія раздались, и кто-то вскрикнулъ ему: «спасибо! ты за всѣхъ потрудился».

— Благодарю почтеннѣйшей публикѣ за поощреніе слабого моего таланта, импровизироваль суффлеръ. Хотя мнѣ такая работа и не въ-первое, но честь, сдѣланная мнѣ теперь, заставить меня впредь отличатся еще болѣе, — и при заглушительныхъ рукоплесканіяхъ занавѣсъ скрылъ его отъ благодарной публики.

«Что это назавтра объявили?» спросилъ Егоръ Егорычъ при выходѣ у Прокопа Петровича.

— Сколько могъ разслушать, отвѣчалъ тотъ, такъ будутъ представлять «Индикъ съ ботвиньемъ».

А по-правдѣ вамъ сказать, актеръ очень явственно объявилъ, что представлена будетъ трагедія «Эдипъ въ Аѣинахъ». Вотъ такъ-то понялъ Прокопъ Петровичъ и подобные ему.

«Чудесная штука, должно думать», замѣтилъ Егоръ Егорычъ. «Приду посмотрѣть. Чѣмъ проскучать въ семьѣ, лучше здѣсь поохотатъ. Индикъ съ ботвиньемъ! Умудряются же эти сочинители смѣшить народъ».

Какъ ни великъ былъ съѣздъ, но отъ театра развѣхались всѣ безъ большихъ приключеній. Каждый хозяинъ экипажа, усаживаясь въ него, кричалъ: «пощоль въ Собраніе».

И съѣхались всѣ въ Собраніе. Зала роскошно освѣщена стеариновыми свѣчами. Прочія комнаты, карточная, диванная, уборная для дамъ и двѣ гостиныя также небыли темны. Незамедлили всѣ эти комнаты наполниться пріѣзжими, потому-что, кромѣ городской публики, много было семействъ, съѣхавшихся на ярмарку.

Дамы и дѣвицы, побывавъ въ уборной и, какъ обыкновенно, осмотрѣвшись, высмотрѣвшись и насмотрѣвшись на себя во всѣ зеркала, спѣшили въ залу, гдѣ уже музыка драла уши, стараясь вотще всѣ инструменты привести подъ одинъ ладъ. Директоръ собранія вздѣлъ перчатки, захопалъ въ ладоши, грянулъ польскій, и потянулись пары въ доль и поперегъ залы и по всѣмъ комнатамъ. Проходились, находились, уходились, сѣли, кто поважнѣе; пошли вдоль залы, кто помоложе, купами, группами, рядами, шеренгами. Кавалеры забѣгали къ своимъ дамамъ, напоминали обѣщанія танцовать съ ними первый кадрили; неимѣвшіе дамъ разсматривали, выбирали, избирали, рѣшались, отмѣняли и, остановясь на одномъ предметѣ, под-

бѣгали къ избранной, предлагали, получали согласіе и были довольны судьбой.

Въ первыхъ парахъ сталъ князь Быстрицкій, лихой гусарскій офицеръ, ловкій танцоръ, красивый собою. Съ нимъ дама... Фетинья Потаповна; впрочемъ оно и ничего, что она Фетинья, да еще и Потаповна, какъ равно и то, что она дѣвка рослая, толстая, румяная: она за то наслѣдница семи-сотъ душъ, во владѣніе которыхъ и вообще богатаго имѣнія имѣтъ право вступить хоть сегодня, потому-что на это указныи 17-ти лѣтній возрастъ минулъ ей около полугода. Князю Быстрицкому, неимѣющему никакихъ средствъ блистать своимъ сіятельствомъ, удалось пріучить себя заниматься только тѣми дѣвницами, у коихъ «прибавленія» были значительны; на наружность онъ не обращалъ никакого вниманія. Рѣдкая въ нынѣшнее время філософія! А оттого онъ неискалъ случаевъ осматривать дѣвушекъ, а имѣлъ привычку распрашивать у туземцевъ о нужныхъ ему достоинствахъ. При счисленіи душъ, слѣдующихъ за невѣстою, двѣ цифры недѣйствовали надъ его сердцемъ; четыре или три, и особливо крупная предыдущая воспламеняла его, и онъ сгаралъ отъ нетерпѣнія прибрать все это съ невѣстою къ своимъ рукамъ. Онъ пріѣхалъ въ Собраніе отыскивать дочь батеньки, назначившаго въ придачу ей 400 душъ, и, правду сказать, влюбленъ былъ въ нихъ не на шутку, такъ же точно, какъ и всякій женихъ влюбленъ въ свою невѣсту, имѣющую 400 душъ; но пока она несчастная была привезена въ Собраніе, князь, изъ распросовъ узнавъ о семи стахъ душъ, ждущихъ законнаго владѣльца, забылъ прежнія души и числа ихъ, забылъ и всю вселенную, пустился сякъ-такъ пріобрѣтать право на владѣніе такихъ прелестей. И вотъ онъ съ представительницею сокровища, плѣнившаго князя, сталъ въ кадриль и начинается...

Но, ужасъ!... Фетинья Потаповна прыгаетъ на одномъ мѣстѣ, протягиваетъ свои обѣ ручки, смотритъ съ изумленіемъ и раздражается громкимъ хохотомъ, и кричитъ во весь голосъ: «вотъ такъ меня обмани! позвали на кадриль, а танцуютъ совсѣмъ не то? что это за танецъ? меня не такой пляскѣ учили».

Пораженный такою выходкою, князь смутился до невѣроятности; силится исправить все; «это Французская кадриль, намъ начинать», шепчетъ ей и старается ввести въ фигуру.

«Нехочу эти кадрили!» вопить наша Фетинья, махая руками, как вѣтряная мельница крыльями. «Неумѣю этой кадрили, неумѣю. Давайте нашу».

Всѣ, участвующіе въ этой кадрили, смѣшались, слятся несмѣяться и съ убѣжденіемъ поглядываютъ на свободныхъ кавалеровъ избавить ихъ отъ замѣшательства... и пара новая быстро подскочила: пошло дѣло на-ладъ.

А князь, злополучный князь, провожаетъ свою Потаповну и еще-таки съ замыслами извиняется передъ нею въ неумышленно причиненномъ ей неудовольствіи; желаетъ исправить все и просить ее неотказать танцовать съ нимъ первую мазурку.

«Нехочу, нехочу съ вами ничего танцовать», говоритъ съ искренностью Фетинья Потаповна. «Вы меня опять подведете: говорите, теперь мазурку ити, а потомъ пошлете меня въ дуры! нехочу».

И князь, чтобы непошить себя въ вѣчные дураки, отходить отъ нея, вздыхаетъ и, тихо произнеся: «семьсотъ душъ!» удаляется отъ нея навсегда.

Впрочемъ тутъ Фетинья Потаповна невиновата нисколько. Она, оставшись въ сиротствѣ, жила все у опекуна; ученіе и образованіе дано ей *опекуномъ*... слѣдовательно она невиновата. А жаль бѣднаго князя; ему не Фетинья, но ея 700 душъ очень бы пригодны были. Но онъ былъ скоро утѣшенъ, какъ увидимъ послѣ.

Баль шумѣлъ; что могло, танцовало, прыгало, скакало, вертѣлось; оттанцовавшіе свой вѣкъ, усѣлись за карты, а кто — говорить о важнѣйшихъ дѣлахъ. Трактовали о пріѣзжемъ актерѣ, замыслахъ Египетскаго паши, дешевизнѣ шерсти, дороговизнѣ шерсти, дороговизнѣ на все, о собакахъ, о разряженныхъ здѣсь женщинахъ, и о чомъ-то уже они неговорили во ожиданіи, пока молодежь напрыгается.

Сказано выше, что все, что могло, вертѣлось. Охъ!.. пустилось-было вертѣться и такое, что и немогло...

Дебютировали вальсъ. Кирасирскій офицеръ, перемѣнивши уже пять-шесть дамъ, огненнымъ взоромъ подмѣтилъ сидящую въ углу прехорошенькую дѣвушку, унизанную жемчугами и фермуарами. Какъ умѣющій цѣнить такія достоинства, подлетѣлъ къ ней, за ручку—и ведетъ.

Въ приготовленіяхъ къ круженію, она со всѣмъ незлобивымъ чистосердечіемъ начинаетъ просить своего кавалера: «пожалуста недолго меня вертите. Я очень полнокровна, тотчасъ голова закружится, и я собьюсь съ такту, и еще чтобы и неупала!..»

Что если бы все то переписать, что говорено было въ тотъ вечеръ между молодыми людьми? А? любопытненькая и наставительная книжечка вышла бы! Лучше оставимъ, хотя и много интереснаго можно бы послушать. Такъ были разговоры и ведены рѣчи о вообразимомъ и невообразимомъ. Но и среди такихъ разговоровъ составилось нѣсколько партій, вѣчныхъ союзовъ... нѣкоторыя маменьки недаромъ привозили на ярмарку товаръ—дочекъ своихъ. Другія остались въ надеждѣ и, отыскавъ муженьковъ своихъ за картами или въ буфетѣ, потому-что уже былъ 12-й часъ, приказывали имъ: «приласкайте, душечка, вонъ того офицера, что съ Настенькою танцуетъ; познакомьтесь съ нимъ и попросите завтра къ намъ откушать. Его зовутъ Петръ Николаевичъ. Не забудьте же!» Подобныя сему приказанія отданы были большей части супруговъ, и они, окончивъ свои занятія, пошли къ назначенной имъ цѣли. Иной начиналъ изъ далека и именно отъ погоды, другой отъ смерти Турецкаго султана, отъ своихъ барановъ, потомковъ купленныхъ прямо съ корабля, а иной, не тратя времени на размышеніе и слова, прямо шолъ къ дѣлу: «жена моя дискать поручила пригласить васъ завтра къ намъ откушать и мнѣ познакомиться съ вами. И такъ прошу меня полюбить». Сошло съ рукъ и такое приглашеніе: офицерство въ полномъ удовольствіи бросилось записывать квартиры батюшекъ своихъ владычицъ на это время.

Однимъ словомъ все шло ладно. Одной только Катеринѣ Петровнѣ не посчастливилось. Она была «деликатно выдержана и немогла слышать ничего неприличнаго полу и юному возрасту ея»; началось-было хорошо; началось «за здравіе», а кончилось «за упокой». Уланскій офицеръ подсѣлъ къ ней, сидящей у открытаго окна, и заботясь о драгоцѣнномъ для него здоровьи ея, спрашивалъ, ненужно ли закрыть окна, не холодно ли ей.

«Холодность мнѣ несвойственна», отвѣчала Катерина Петровна по обычаю отборными словами, почти всегда противными смыслу.

Уланскому офицеру отвѣтъ на-руку, и онъ пустился вдаль. Уже онъ объяснилъ ей чувства сердца своего, лютость пламени, его свѣдающаго; уже видѣлъ ея смущеніе... уже услышалъ отъ нея: «равномѣрно и я это чувствую къ вамъ...». Восхищенный уланъ, забывъ вселенную со всѣми принадлежностями, шепнулъ ей: «ахъ, какъ восхитили меня! полна грудь моя восторговъ...»

Вдругъ Катерина Петровна отворотилась отъ него стремительно и съ невыразимую суровостью сказала: «какіе вы невѣжи! какъ можно при благовоспитаной дѣвицѣ говорить о такомъ членѣ?... подите отъ меня».

И уланъ удалился, хохоча внутренно, и спѣшилъ передать товарищамъ свѣженькій анекдотъ. То ли еще порасказано было, когда собрались они всѣ ужинать въ занимаемой ими гостинницѣ!

Было и дѣвицамъ поразказать кое-что видѣнное, замѣченное, слышанное, почувствованное ими въ теченіе цѣлаго дня! Какъ жаль, что онѣ немогли быть собраны всѣ вмѣстѣ! А было что поразказать. Тѣ почитали себя счастливыми, у коихъ были сестры, сестрицы и другія подруги. Тутъ рѣкою лились пересказы; каждая говорила свое, неслушая другой; говорили, заключали, догадывались, предполагали... и въ сладкихъ мечтахъ уснули.

Утромъ рано полиція въ суетѣ. Развозить по всѣмъ квартирамъ пріѣзжихъ дворянъ пригласительные билеты отъ губернскаго предводителя, который «по случаю рожденія его любезнѣйшей супруги, покорнѣйше просить пожаловать завтрашняго числа на балъ и ужинъ».

— Помилуйте вы меня! скажите вы: мы знаемъ навѣрное, что рожденіе госпожи губернской предводительши прошлаго года было въ февралѣ; какъ непомнить такого дня нашей начальницы? А теперь лѣто. Отъ чего это двойное празднество?

«Помилуйте и вы меня! отвѣчу я вамъ: въ декабрѣ у насъ выборы, а до того времени у насъ nebude такого многочеловѣческаго сѣзда».

— Ага! такъ отъ того-то каждое лицо въ каждомъ семействѣ получало особый билетъ, а не какъ было прошед-

шую ярмарку, что билетъ былъ одинъ на имя старшаго въ семействѣ, съ приписью: «съ фамиліею».

«То-то и есть. Непрерывайте только».

Какъ отказать такому приглашенію и по такому случаю? Кучера, фореиторы во всемъ городѣ, сломя голову, торопятся запрягать всѣ съѣхавшіяся коляски съ зонтами, безъ зонтовъ, старыя, новыя; лакеи выбиваютъ свои сертуки отъ набившагося сѣна, спѣшатъ вздѣвать ихъ, и въ-торопяхъ, потому-что каждый баринъ въ своей квартирѣ, едва только въ халатѣ, стоитъ на крыльцѣ и реветъ: «скорѣе, мошенники! чтобы сейчасъ была коляска: закатаю!» Отъ такого-то понужденія въ торопяхъ схатываютъ первый попавшійся ему картузь, спѣшатъ къ крыльцу, на которое уже выходитъ барыня съ тремя дочерьми, одѣтыми отъ поспѣшности кое-какъ и накинувшими на себя кое-что. Въ подвезенную коляску онѣ вскакиваютъ черезъ подножку, и барыня задыхаясь кричитъ: «пощоль, какъ можно скорѣе, къ модной мадамѣ. Смотри, Кирюшка, чтобы ты прежде всѣхъ меня домчалъ. Гапенка, взяла ли ты ключи? а то, чтобы каналы безъ меня недобрались до наливокъ. Грушенька, забыла ли ты надѣть корсета? хорошо ли стянулась? чтобы мадамъ испугалась такой твоей толщины? А ты, Стешенька, отъ чего такая желтая и блѣдная? и меньшія сестры, видишь, какія румяныя, а ты—старшая, тебѣ надобно быть показнѣе ихъ. Сама отъ себя будешь людей отбивать. Смотрите же, когда въ магазинѣ случатся мужчины и будутъ затрогивать васъ, такъ отвѣчайте имъ умненько, пристойно, учтиво, въ вольности неждавайтесь. Скромность нигдѣ непортить. Ох-ох-охъ! Кирюшка, пощоль скорѣе! уже, думаю, у мадамы, все закупили, закидали работою, нашей невозьметъ».

Кромѣ прежде пріѣхавшихъ, пятнадцать экипажей разомъ столкнулось у подъѣзда къ модному магазину. Внутри была уже толпа барынь съ барышнями, и новыя кучи безпрестанно прибывали. Только и раздавалось: «пожалуста! мнѣ къ завтраму платью... тремъ дочерямъ и мнѣ по платью. Чепчикъ самый модный... Голубой беретъ, точь въ точь какъ былъ на губернаторшѣ... Мнѣ масака... палевый... ленты самыя модныя... носятъ ли еще накладки?... мнѣ кружева, у меня платью отличное, выписано изъ Петербурга... мнѣ пер-

чатокъ самыхъ модныхъ... и проч. и проч. и проч.— всего разслушать неможно. Жидовскій кагалъ!

Надобно было быть полькъ, только изъ Бердичева приѣхавшей съ своими модными нарядами, надобно имѣть свой-свенную полькамъ ловкость, чтобъ удовлетворить разомъ всѣ требованія. Это бѣсъ, не женщина! У нея дѣло кипить и ни въ чомъ нѣтъ остановки.

Тамъ снимаютъ мѣрки, тамъ показываютъ матеріи, за-лежалыя, но расхваливаемыя, какъ только-что изъ Варшавы полученныя; тамъ раскинуты картоны съ платочками, кру-жевами, духами; ленты выются по всему собранію... Сонечка, схвативъ конецъ ленты, мчится съ нею къ Машенькѣ, крича: «не съ па жоли?» Другая, въ перекрестку ей, мчитъ къ зер-калу, примѣряетъ къ своей головкѣ, любится... Барыни тоже у зеркалъ, около нихъ кучи чепчиковъ, токовъ, беретовъ; при-мѣриваютъ, придѣваютъ и тоже любятся. Торговка... о! тор-говка вездѣ послѣла: негодныя, некрасивыя ленты расхвали-ваетъ за самыя моднѣйшія и, неразслушивая вдаль, отрѣзы-ваетъ, сколько, по ея расчоту, нужно; самой настоящей без-сомнѣнной брюнеткѣ совѣтуетъ взять голубой матеріи, и въ до-казательство, что это очень хорошо, указываетъ на милую блондиночку, красующуюся тутъ въ голубенькомъ платьецѣ... и брюнетка соглашается; блондинкѣ рекомендуетъ палевой ма-теріи, которой у нея въ запасѣ много; мечется отъ одной кучи къ другой, подбѣгаетъ къ барынямъ и совѣтуетъ имѣю-щей большую голову взять крошечный, уютный уборецъ; той хвалить одно, другой другое, и успѣваетъ еще перешептаться съ маменьками, просящими ее сдѣлать дочерямъ ихъ такіе корсеты, которые хотя бы нѣсколько скрыли «полноту» до-черей ихъ. Она успѣваетъ вездѣ и даже не пропускаетъ за-писывать, что кому и по чомъ отпущено. Неспорьте: въ счо-тахъ у нея такая же вѣрность, какъ и у нашего Захара Демьяновича. И она считала 7 и 2 двѣнадцать; пятью во-семь шестьдесятъ четыре.

А тамъ, при входѣ общей залы, стоитъ группа мужей, бѣдныхъ мужей, которые въ предотвращеніе излишней траты де-негъ, поѣхали съ своими жонами, чтобы самимъ платить за ихъ прихоти. Оно надежнѣе думали они: жена посовѣстится при мнѣ лишнее купить, а съ мадамой я поторгуюсь нехуже, какъ торгуются на площади за шерсть.

Вотще, господа, ваша предосторожность. Вотъ идетъ жена, и за нею несутъ картоны, свертки, сверточки, узлы; и она съ самодовольною улыбкою говоритъ мужу: «расплатись же, дружочекъ; я закупила все; небезпокойся, не забыла ничего». *Охъ!* въ-тайнѣ испущенный, былъ ей отвѣтомъ.

Барыни съ дочками уѣхали. Панна Иозефа съ удивительною ловкостью, съ необыкновенною любезностью представляеть по-принадлежности счоты мужьямъ.

«Помилуйте, это разбой! 377 рублей за такой вздоръ!» кричить Прокопъ Петровичъ.

— 570 рублей за платье и за чортъ знаетъ что, вопить Осипъ Ѳедоровичъ.

«Небезпокойтесь; сдача бендзе», присѣдая говоритъ панна Иозефа, будто незамѣчая ихъ огорченія.

— Какая сдача? кричатъ ей: возьми хоть половину.

«Тен-часъ, тен-часъ рассчитаюся, только вотъ по счоту...»

Что ни предлагаютъ горемычные мужья, а панна Иозефа Пршепеловская, будто непонимая ничего, просить о скорѣйшей расплатѣ. «Не мамъ времени, дали бугъ же».

«Охъ» произносить согласно хоръ мужей, вынимають бумажники, выкладываютъ ассигнаціи, принимаютъ отъ красивенькихъ прислужницъ сдачу, завернутую въ разграфленные бумажки, и любуются на панну Иозефу, улетающую отъ нихъ съ подпрыжками и лепечущую съ насмѣшкою: «барзо дзенькую», и расходясь спрашиваютъ одинъ у другого: сколько кто «продзенькаль» на эти пустаки?

Чтобы найти въ горѣ утѣшеніе, поѣхали они на площадь гдѣ продавалась шерсть, въ надеждѣ полученными при про, дажѣ ея барышами вознаградить утрату; но и тутъ малотрады. Прикащики доносятъ, что покупщики у нѣкоторыхъ смотрѣли и только за одну изъ лучшихъ предлагали по пятнадцати рублей за пудъ...

«А чтобъ они недождали!» вскричалъ Иванъ Ивановичъ: «лучше даромъ отдать, нежели такую шерсть отдать по пятнадцати!»

— Ужъ когда за вашу предлагаютъ по пятнадцати, сказаль флегматически Петръ Петровичъ, такъ мнѣ ожидать предложенія по двадцати.

«Предложить по двадцати, и отдавайте, Петръ Петровичъ».

— А почему бы это, Иванъ Ивановичъ? позвольте васъ спросить.

«А потому, Петръ Петровичъ, что я за нее и десять недамъ за всю. Голое оклопье».

— То же вы, Иваѣъ Ивановичъ, а то купецъ съ разумомъ.

«А развѣ я безъ разума, по вашему разсужденію?»

— Немного тотъ имѣетъ разума, кто мою шерсть принимаетъ за оклопье. Мою! когда я по пятидесяти рублей платилъ самому Копани, иностранцу, не русскому, такъ тутъ какое оклопье?

«Образумьтесь, Иванъ Ивановичъ: у Копани въ 50 рублей баранъ былъ бракъ; вотъ я имѣлъ...»

— Нашли чѣмъ хвалиться, вмѣшался въ ихъ переговоры Степанъ Михайлычъ: какой заводъ у Копани? Все дрянъ. Посмотрите на моихъ Тирольскихъ...

«Дѣдушка ихъ только видалъ Тирольскаго барана», вступился Савелій Григорьевичъ. «Спорять, не знавши дѣла. Вотъ у меня Электра, такъ вашимъ овцамъ и неприснится такой шерсти имѣть...»

И поднялся шумъ и крикъ, споръ, возраженія, доказательства о преимуществѣ шерсти и объ изящности породъ овецъ. Въ споръ вмѣшались и прочіе тутъ бывшіе помѣщики, вмѣшивались и вновь пріѣзжающіе, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончился ихъ споръ, если бы неувидѣли подѣзжающихъ покупателей... Всѣ смолкли и разошлись къ своему товару, ожидая удачнаго торгу.

Но злодѣи покупщики только объѣхали ряды, спросили, есть ли вновь привозная, и воротились въ городъ. За ними смутны и невеселы поѣхали помѣщики.

А между-тѣмъ жоны ихъ уже въ рядахъ. Пока непонаѣхали офицеры и мужчины поважнѣе, онѣ бросились закупать что нужно. Вы, слышавшіе вчерашніе ихъ разговоры, думаете, что онѣ покупали серебро, брильянты жемчугъ, кружева? Ничего небывало. Это такъ говорилось, и будетъ во все время говорить, пока «въ лавкахъ» маменьки будутъ окружены офицерами и мужчинами поважнѣе и, само по себѣ разумѣется, пока невыдадутъ дочерей замужъ. Нѣтъ онѣ покупали необхо-

димое для себя и дочерей: чулки шелковые, бапмачки, ленточки, завязки, шнуры, которые покрѣпче для снуровокъ. Это все нужное для предстоящаго бала, да и небыло имъ возможности покупать что-либо домашнее: мужья ихъ еще безъ денегъ, непродали шерсти.

Но вотъ составился кружокъ и толкуютъ о необыкновенномъ случаѣ съ княземъ Быстрицкимъ, вотъ что былъ влюбленъ въ 700 душъ и оставилъ ихъ, замѣтивъ необразованность владѣлицы ихъ.

Вотъ что случилось съ княземъ Быстрицкимъ.

Разлюбивши Фетинью Потаповну, какъ было уже сказано, онъ обратился съ жалобою на судьбу къ своему посреднику и руководителю. «О чомъ тужить?» отвѣчалъ добрый пріятель. «Въ полѣ не одна травка: выбирай, которая тебѣ пригодна. Вотъ хоть бы и эта барыня, что сейчасъ входитъ, имѣетъ одну дочь, душъ не больше трехсотъ отцовскихъ, но земли гибель и доходы ужасные...» Тутъ рассказывающаго позвали къ столу, гдѣ онъ на партію взялъ карту. Нашъ князь, влюбившись уже въ исчисленное, принялся разсматривать входящую матушку, разряженную и изукрашенную, а потомъ началъ присматриваться къ слѣдующей за нею дѣвушкѣ, молоденькой, лѣтъ семнадцати, ужъ никакъ не болѣе, прехорошенькой, какъ сама, сказалъ бы, Венера, такъ уже такія сравненія не въ модѣ; скажу сообразно духу вѣка: «какъ неземная, напоминающая нѣчто бывшее, и отъ нея вѣяло пламенемъ прохлаждающимъ и лелѣющимъ чувства».

Конечно и нашъ князь воспылалъ неугасимымъ пламенемъ. Прямо къ ней, и уже порхаетъ съ нею, говорить-говорить, разговариваетъ, заговариваетъ и наконецъ договариваетъ все... Миленькая дѣвушка, отвѣчавшая на все съ отличнымъ умомъ и благородною скромностью, на сдѣланное предложеніе отвѣчаетъ, потупивши глаза:

«Князь, я не отъ себя завишу...»

— Мнѣ только нужно ваше согласіе; тамъ я все устрою. Рѣшите меня!...

«Сдѣлайте меня счастливою... князь...» едва внятно проговорила дѣвушка и уронила цвѣточекъ изъ рукъ...

Князь, подхватавъ значительный цвѣточекъ, повторилъ всѣ клятвы, увѣренія, какія обыкновенно въ такомъ случаѣ гово-

рятся и кои онъ давно вытвердилъ на случай надобности, и успѣвши такъ много съ одной стороны, пустился къ другой половинѣ своего счастья. <

Тутъ онъ еще скорѣе успѣлъ. Лишь заговорилъ о необыкновенныхъ прелестяхъ и невообразимыхъ достоинствахъ дочери, маменька уже невыпускала его изъ рукъ; слово за слово, дошли и они до послѣдняго слова: за согласіе дочки дано увѣреніе, обѣщано ускорить счастье влюбленнаго, и чтобъ доказать чистоту желанія, назначено князю завра въ 9-ть часовъ пріѣхать за послѣднимъ словомъ.

Восхищенный князь не пропустилъ и минуты: какъ снѣгъ на голову. Старая вѣдьма, я говорю о матери и имѣю причину такъ называть ее, какъ увидите сами, встрѣтила жениха съ чувствительностію; тутъ были и постороннія, степенныя, чиновныя особы. Мать первая начала слово: благодарила князя за сдѣланную честь и вниманіе къ дочери ея, и чтобы устроить ихъ, своихъ дѣтей, сдѣлать состояніе ихъ независимымъ, приказала прочесть бумагу, что она нынче же отдѣляетъ дочери двѣсти душъ, земли что-то многонько, лучшіе заводы, (а они и безъ того отцовскіе) и наличными 50 т. рублей. Подписываетъ, вручаетъ восхищенному князю; входитъ священникъ, и она приказываетъ позвать дочь.

Невѣста входитъ и тутъ же кидается къ ногамъ матери, а князь... несчастный князь! что сдѣлалось съ нимъ? блѣдный какъ полотно, трясется какъ въ жестокой лихорадкѣ, помертвѣлымъ взоромъ поглядываетъ на предстоящихъ и спѣшитъ обратить взоръ на дверь, ожидая, не выйдетъ ли еще кто изъ нея... Увы! она заперта, и нѣтъ уже надежды, чтобы вышелъ кто-нибудь... онъ готовъ упасть, но не на колѣна, а въ обморокъ, просто въ обморокъ, не въ такой, какъ падаютъ женщины, т. е. жоны, а въ какой падаютъ мужчины, сильно пораженные какою нечаянностію.

Что же это такъ поразило его? немудрено; поразило бы и cadaго. Онъ приговорилъ выйти за себя дѣвушку молоденькую, харошенькую и ожидалъ ея выхода; какъ вдругъ является дѣвчище лѣтъ за тридцать, созданіе сухое, длинное, блѣдножелтое... Вотъ отъ чего обезумѣлъ и собирался съ мыслями, какъ бы оговорить, что это-дискать не та, подавайте мнѣ мою.

Пока онъ еще обдумываетъ, какъ ему быть и что говорить, одинъ изъ бывшихъ тутъ господъ беретъ его за плечо, подводитъ къ матери и говорить: «кланяйтесь, князь, матери вашей невесты; пріймите отъ нея благословеніе.» И князь бессознательно склоняется, цалуетъ руку будущей тещи и влечется усердствующими къ приготовленному столу; тутъ священникъ начинаетъ молитвословіе... невеста замирая отъ восторговъ, любитъ своимъ женихомъ, который въ самомъ дѣлѣ чудо! молодъ, красивъ, строенъ, ловокъ, князь и еще съ канальскими усиками... а несчастный князь только лишь рѣшится, во чтобы ни стало, приступить къ объясненію, но вспомнить усладительную бумагу, подписанную матерью, описанныя двѣсти душъ, землю и на ней растущихъ и множащихся лошадокъ, коровокъ, овецъ, то сердце его смягчится, и онъ доволенъ судьбою, что соединяется съ такою... но тутъ лишь взглянетъ на нее, сравнитъ мысленно со вчерашнею красоткою, поразившею его, то готовъ скрыться на дно моря.

Такъ, переходя отъ предмета привлекающаго къ предмету отталкивающему, отъ намѣренія спорить къ намѣренію соглашаться, онъ ни на что нерѣшился, какъ вотъ и обрядъ конченъ, и онъ поздравленъ женихомъ Гликеріи Осиповны, съ которою нынѣ предвступилъ въ союзъ, и что таковое предвступленіе ничѣмъ неразрушаемо, а должно привести ко браку.

Князь встрепенулся, выкинулъ изъ мысли всѣ разсчоты и осмотрѣвъ еще внимательнѣе Гликерію Осиповну, отступилъ нѣсколько шаговъ и хотѣлъ-было объясниться, но поздравленія, пожеланія загородили ему ротъ, и онъ совершенно потерялся.

Нескоро уже, черезъ силу уклонясь отъ ласкъ, изливаемыхъ на него нареченною, князь могъ объясниться съ однимъ изъ присутствующихъ о насильственномъ обрученіи его съ дѣвушкою, ему вовсе неизвѣстною, которой онъ прежде не зналъ, не видалъ и, увидѣвъ, остается при непремѣнномъ своемъ желаніи никогда не видать ея и даже не знать.

«Напрасно, батюшка-князь, изволите беспокоиться поясненіемъ такихъ обстоятельствъ, кои отнюдь къ дѣлу некасаются. Аксинья Никитишна, ваша нареченная теща, во вчерашнее собраніе изволила выѣхать безъ дочери...»

— Помилуйте! вскричалъ князь: она была съ дочерью, только не съ этою.

*

«Да у нея батюшка-князь, и нѣтъ другой дочери: одна единоутробная Гликерія Осиповна, которая вчера проболѣла и въ собраніе небыла вывозима, а вмѣсто ея привезли воспитывающуюся здѣсь сиротку, Машеньку, а вы-то ее конечно сочли за дочь, влюбились по-уши и сдѣлали Аксиньѣ Никитишнѣ предложеніе о вступленіи въ бракъ, словесно именуя дочь, а мысленно воображая Машеньку, которая вовсе не дочь и небыла дочерью, и которая въ-разсужденіи такого казуса Аксиньею Никитишной отправлена очень рано въ деревню. И мой вамъ, батюшка-князь, дружескій совѣтъ: неотклоняйте отъ себя счастья съ Гликерією Осиповною. Начавъ процессъ, ни въ одной инстанціи его невыиграете, а поиздержитесь порядочно».

Князь не зналъ, на что рѣшиться и не уходилъ отъ невѣсты.

Это событіе занимало всю ярмарочную публику. Послѣ, уже со временемъ, извѣстно было, что князь, повѣривъ число крестьянъ, коровъ, овецъ и лошадей, забылъ все о недостаткахъ владѣлицы ихъ и доставилъ Гликеріи Осиповнѣ счастье быть, именоваться и подписываться: «Княгиня Гликерія Быстрицкая». *Avis aux promiss.*

Всѣ изумлялись и удивлялись смѣтливости и тонкости Аксиньи Никитишны, и всѣ отдавали ей должную справедливость; даже нѣкоторые маменьки завидовали успѣху ея. Были и другія происшествія, неменѣе любопытненькія, и объ нихъ судили, редили при встрѣчахъ, переходахъ, а между-тѣмъ непереставали закупать все, необходимое для нарядовъ къ балу предстоящему, всякую мѣлочъ, чего у панны Иозефы небыло въ продажѣ. Большая бѣда была съ башмаками. Въ модномъ магазинѣ у польки было множество башмаковъ и все Варшавскихъ, но шиты, кто его знаетъ для кого? Подошвы такія узенькія, вообще башмаки короткіе; на какія ноги они дѣланы? красивы, очень красивы, но на ногу къ сожалѣнію вовсе нейдутъ. Нужда заставила обратиться къ лавочнымъ, а на-заказъ мастеровые неберутъ, время коротко. Мучатся бѣдныя барышни! Примѣряютъ, выбираютъ, натягиваютъ; маленькія ножки ихъ ужасно страдаютъ!... но пусть лучше хоть страдаютъ, да будутъ сносны, если уже не красивы. Невыѣхать же въ домашнихъ, да еще на балъ, да еще къ губернскому предводителю?...

А новыхъ картузовъ все еще мало видно на главахъ почтенныхъ отцовъ семейства и прочихъ хозяевъ! Непродается шерсть! Злодѣи покупщики, платившіе прежде по тридцати рублей за пудъ, вдругъ спустили по восемнадцати и больше ни копейки неприбавляютъ. Что дѣлать? Нѣкоторые помѣщики обратились къ расчоту, и бывъ въ немъ посильнѣе Захара Демьяновича, безошибочно разочли, что день-за-день, отъ непродажки шерсти, какъ бы выгодно ее ни продали со временемъ, все цѣны будутъ за нее ниже полученной, за вычетомъ семи и даже десяти дней стойки на площади столькаго числа работниковъ и воловъ, безъ пользы по работамъ хозяйскимъ, съ наймомъ въ городѣ квартиры для самого помѣщика съ семействомъ, при жизни городской и выѣздахъ въ театры, собранія и на балы. Такъ расчитавши все, находили нѣкоторые, что если бы въ первый день продали они шерсть по осмнадцати рублей, такъ издержекъ падало неболѣе какъ по рублю съ пуда, а теперь у нѣкоторыхъ и десятью неоканчивалось. Много головъ въ заводѣ, больше доходу; но какъ много лицъ въ хозяйскомъ семействѣ, то и доходъ въ убытокъ.

Съ этими мыслями согласились почти всѣ и рѣшились завтра покончить дѣло, а вечеромъ поѣхали на балъ къ предводителю и повезли свои семейства.

Сборы на балъ были обыкновенны. Панна Иозефа всѣмъ поставила все на-срокъ и всѣхъ увѣрила, что всѣмъ отдѣлала прекрасно. На толстенькую Уляшу платьице едва встали. Полька увѣряла, что оно за то сидитъ барзо пенкно, и что она нехѣла бы и себѣ больше ловкаго. Худощавой Настусѣ пришлось платье черезъ-чуръ широко. Панна была въ восторгѣ, что очень удалось ей скрыть худобу ея, и что она кажетъ теперь полненькою «якъ пышечка,» когда та, между нами говоря, была «спичка въ мѣшкѣ». Такъ и всѣ снаряжены были, а одѣты каждая по своему вкусу, и какому еще! Наконецъ, послѣ разорванія нѣсколькихъ паръ башмаковъ, порванія добрыхъ снурковъ при стягиваніи корсетовъ, толчковъ и пощочинъ служанкамъ и проч. и проч., выѣхалъ весь этотъ разряженный прекрасный полъ на балъ прельщать собою и прельщаться самимъ.

И балъ былъ, какъ обыкновенно, пышенъ и блестящъ. Въ люстрахъ и канделябрахъ стеариновыя свѣчи, по стѣнамъ

кенкеты; накурено, надушено, тѣфу ты пропасть, какъ чудесно! Къ театальной музыкѣ прибавили еще вольныхъ восемь чело-вѣкъ, и оркестръ хотъ куда. Оффиціанты во фракахъ съ эксельбантами, буфетъ нарядный, блестящій. Гости прїѣзжаютъ; прибывшихъ изъ уѣздовъ хозяинъ встрѣчаетъ съ большою ласкою, а городскихъ чиновниковъ за-просто: они неучаствуютъ въ выборахъ. Изъ первыхъ, кто позначительнѣе въ уѣздѣ и имѣетъ голосъ, хозяинъ привѣтствуетъ со всею искренностью, встрѣчаетъ супругъ и дочерей ихъ, называетъ каждую по имени, и провожая ихъ въ гостиную, подаетъ знакъ хозяйкѣ, какъ принять которыхъ. У той сыплются всѣ ласки, всѣ отборныя привѣтствія, не знаетъ, гдѣ усадить дорогихъ гостей, задыхающихся (не отъ однѣхъ снуровокъ, но и) отъ восторга при такомъ прїемѣ, который, какъ потомъ поразсмотрѣлись онѣ, оказывается не однѣмъ имъ, но и многимъ. Семейства уполномоченныхъ отъ дворянства на выборы получаютъ тѣ же ласки, а прочія, при входѣ коихъ хозяинъ неподалѣ никакого знака, принимаются съ легкимъ вниманіемъ.

И у хозяина также идетъ большое различіе въ прїемѣ помѣщиковъ: ласки и учтивости имѣющимъ полныя голоса на выборѣ и уполномоченнымъ; прочимъ же отпускается: «сидитесь, господа!» и тѣ за вниманіе пренизко откланиваются. Съ первыми двумя сословіями идетъ серьезной разговоръ о разныхъ нуждахъ и надобностяхъ дворянства, чему можно пособить, избравъ въ губернскіе предводители челоуѣка, готоваго на общую пользу, челоуѣка съ умомъ, съ головою и имѣющаго въ столицѣ большія связи... Тутъ черезъ два-три слова, ловко или неловко, начинается разсказъ хозяина о перепискѣ его съ управляющимъ такою-то частью; графъ Б. требовалъ у него совѣта о томъ-то; узнавши же, что готовится вотъ то-то, онъ писалъ свое мнѣніе; другъ его князь В. показалъ прочимъ и предложеніе, почти уже всѣми принятое; но по настоянію разсказывающаго оно отложено подъ сукно на вѣчныя времена; и много т. под. изливается какъ рѣка изъ устъ словоохотнаго, многорѣчиваго и скучно разсказывающаго хозяина... Восторженные слушатели, поталкивая одинъ другаго, шепчутъ одинъ другому: «На что же намъ лучшаго? Его, его!» А угощеніе своимъ чередомъ льется и сыплется на всѣхъ гостей. Молодежь танцуетъ всеусерднѣйше, и все идетъ порядкомъ: объясняются, соглашаются, отвергаютъ,

непонимаютъ, ошибаются въ предположеніяхъ, путаются въ фигурахъ, сбиваются съ такту въ галопѣ, кружатся головы въ вальсѣ,жимаются ручки, а иногда и руки, дарятся колечками... да и все, все идетъ чинно и стройно, какъ на всякомъ балѣ въ губернскомъ городѣ.

А между-тѣмъ слуги въ передней, кучера у подъѣзда, цѣнять и перецѣниваютъ господъ своихъ. Посчитавшись между собою, находятъ: который изъ нихъ наряднѣе и блестящѣе убранъ по тщеславію барина, тотъ голоднѣе живетъ и проводитъ мучительнѣе дни свои отъ неумѣренной строгости и изнуренія работою. Послушалъ бы рассказы своихъ лакеевъ Тимошей Ивановичъ, въ залѣ пользующійся всеобщимъ вниманіемъ и уваженіемъ! А? каково бы глядѣли на него?

И разѣхались, какъ обыкновенно послѣ балу въ губернскомъ городѣ, къ четыремъ часамъ утра. Маменьки привезли полные рюдикюли и платки конфетъ, пирожнаго, яблокъ, половинокъ апельсиновъ, и сожалѣли, что отличнаго мороженаго никакъ невозможно было набрать. Дочери ихъ привезли много запавшихъ въ душу объясненій, изъясненій, увѣреній; у нѣкоторыхъ были въ ридикюльчикахъ платочки, а въ нихъ узелками завязанные билетки значительнаго содержанія, полученные ими отъ миленькихъ съ чудесными усиками гусариковъ, уланиковъ и друг. Нѣкоторыя съ тайнымъ триумфомъ везли рукописныя цыдулочки, дышашія нѣжнѣйшею, сильнѣйшею страстію... Бѣдненькія! вы думаете, что это прямо къ вамъ писано, по чувствамъ? Повѣрьте совѣсти, что нѣтъ! Молодые офицеры передъ выѣздомъ на балъ написали ихъ по нѣскольку и въ продолженіе танцевъ предлагали ихъ Пашенькамъ, Ашенькамъ, Лизамъ, Сашенькамъ, и всѣми были отвергнуты! Наконецъ, посчастливилось имъ сбыть ихъ въ ваши ручки, и теперь, когда вы, уединясь въ свою комнатку и выславъ свою неуклюжую служанку, читаете, перечитываете сладенькую записочку, таеете отъ восторга, что такую сильную любовь поселили въ *нея*, а *онъ* злодѣй непомнитъ даже, кому попала въ руки его записочка. Именно, что непомнитъ. Хоть сейчасъ пошлите спросить его, кому-дискать онъ ее отдалъ? Невспомнитъ, будьте увѣрены невоспомнитъ.

Отцы семействъ и другіе помѣщики возвратились съ балу, пресыщенные ласками и угощеніемъ хозяина, а слуги и кучера

голодные и сонные, долженствовавшіе еще часа два провозиться, пока все по своей части приведуть въ порядокъ.

Однимъ словомъ все было на-порядкахъ.

Утромъ рано по городскимъ улицамъ тянулись фуры съ шерстью. Они проходили мимо домовъ, большею частью нанимаемыхъ прѣзжими помѣщиками. Помѣщики, выспались-невыспались послѣ бала, побѣжали на площадь рѣшить дѣло о шерсти, а супруги ихъ засѣли за самоварами и приготавливали чай, въ ожиданіи, пока проснутся милыя дочери ихъ... какъ вотъ фуры идутъ мимо оконъ... Это уже съ площади, на мойку: стало-быть продана... и барыня, забывъ, что она въ большомъ беспорядкѣ, и что она въ губернскомъ городѣ и въ такой улицѣ, по коей члены прѣзжаютъ въ присутственныя мѣста, забывъ все, старая отъ нетерпѣнія узнать о шерстяной торговлѣ, вскакиваетъ, какъ сидѣла за самоваромъ, слѣдовательно, простоволосая, и прочее было на ней все просто безъ покрытія и закрытія, бѣжить къ окну и, свѣсясь въ него на улицу до пояса, кричить во весь голосъ, спрашивая везущихъ хохловъ:

«А чья это шерсть?»

Идущій близъ фуры погонщикъ, хотя и съ поникшею головою и съ пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить, и обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ будто не-хотя:

— Овеча.

«Дуракъ!» пищитъ съ досадою барыня: «я и сама знаю, что не свиная. Я спрашиваю, какого пана!»

— Михайла Петровича, отвѣчаетъ вяло фурщикъ, пережевывая рыбу.

«Да какого?»

— Нашого. Гей, цобе, сирый, цобе! и хлеснувъ воликовъ батогомъ, идетъ далѣе своею дорогою, незаботясь, что огорчилъ барыню неудовлетворительными отвѣтами, но еще доволенъ собою.

И вотъ она съ трудомъ выспрашиваетъ у третьяго-четвертаго, что шерсть продали по осмнадцати рублей за пудъ.

«Эта шерсть негодная; нашу Макарь Ивановичъ продать вѣрно по двадцати пяти рублей», ворчитъ барыня и отъ око-

шка бѣжить къ сливкамъ, выбѣжавшимъ изъ кострюльки на комфорку.

И не одна она выглядывала на улицу; и изъ всѣхъ оконъ высунулись верхнія половины постоялокъ въ такомъ же миломъ беспорядкѣ и заглушаютъ улицу разспросами у ѣдущихъ мимо фурщикова, чья шерсть и по чомъ продана, неоставляя между-тѣмъ привѣтствовать проѣзжающихъ мимо совѣтниковъ палаты и спрашивать о здоровьи жонъ и дочерей ихъ.

Вся шерсть продана, перевѣшана, сдана; деньги получены, и куда вы ни пойдете, куда ни взглянете, все вамъ встрѣчаются новые картузы на головахъ помѣщиковъ, спѣшавшихъ къ супругамъ своимъ.

Послѣ обѣда, въ лавкахъ всякаго рода, всѣ пріѣзжіе хозяева торгуютъ и тутъ же укладываютъ желѣзо, стекло, мѣдную посуду, мебели, столовую посуду и прочее необходимое по хозяйству; а жена его, выбираетъ чайныя чашки, пробуетъ чай, сортируетъ кофе, пересматриваетъ головы сахарныя, перевѣшиваетъ корицу, инбирь, мускатный орѣхъ, пробуетъ изюмъ, миндаль, черносливъ, изъ полтины торгуется больше часа, бѣгаетъ изъ лавки въ лавку, выбираетъ, сравниваетъ, нерѣшается, торгуется, спорить... сахаръ ее замучилъ! Всѣ купили по сороку три рубля за пудъ, а ей хочется непременно купить дешевле всѣхъ, по сороку два. Она уже нашла, что отысканный ею сахаръ лучшій на всей ярмаркѣ, но «проклятый купецъ» неуступаетъ ничѣго изъ сорока трехъ рублей. Она рѣшилась еще прожить день-другой и выторговать хоть по полтинѣ на пудъ; никто некупилъ бы такъ дешево, какъ она. А что платить за квартиру, содержать себя, людей и лошадей, то у нея безъ вниманія... И наконецъ купецъ уважилъ ее по полтинѣ на пудъ, сказавъ: «ужъ вы мнѣ, барыня, немного прискучили. Извольте, уступаю».

Покупки идутъ быстро, деньги платятся наличныя, товары укладываются на тѣ же подводы, кои привезли шерсть, и все кончено. Маменьки возвращаются въ «красныя ряды» отыскать дочерей своихъ, оставленныхъ здѣсь, чтобъ неходили за ними безъ дѣла по «простымъ рядамъ». Но дочерямъ небыло скучно; ихъ окружили офицеры, и время проведено пріятно.

«Ну-те, дѣти, поѣдемъ теперь домой», возглашаютъ маменьки грустнымъ дочерямъ своимъ. «Надобно самимъ вамъ

укладываться. Вы знаете, какова ваша Васька: половину забудетъ, половину раскрадетъ. Присмотрите сами за всѣмъ».

— Маменька! шепчетъ въ-полголоса Таничка своей матери: Иванъ Васильевичъ общаются къ намъ пріѣхать въ Калюжное.

«Покорно просимъ», кричитъ обрадованная маменька, глядя на гусарскаго офицера. «Смотрите же, Иванъ Васильевичъ, необманите, пріѣзжайте». И понизивъ голосъ, говоритъ своей Таничкѣ: «займись тутъ съ нимъ, а я побѣгу куплю сарачинскаго пшена, да миндалю на пирожное. Общались, такъ будетъ».

Сякъ-такъ всего накуплено, уложено, и не въ одномъ сундукѣ лежали вмѣстѣ чай, мыло, камфора и проч. Чай найденъ испорченъ; ничего; пойдетъ малымъ дѣтямъ и гувернанткѣ, что выговорила-себѣ по три чашки поутру и ввечеру. Таковскій чай для таковской. Все отправлено съ надежными людьми; а тамъ выѣхали и всѣ возможныя, съ зонтами и безъ зонтовъ, коляски, наполненныя господами и семействами ихъ.

Хотя и говорю я, что всѣ разъѣхались, но это небожѣ, какъ общее выраженіе. Выѣхали всѣ, но не всѣ. Остался Захаръ Демьяновичъ съ Матреною Семеновною и съ Фесинькою и Миничкою, о коихъ, вы думаете, что я и забылъ. Ничуть небывало. Говорилъ обо всѣхъ; теперь пріимуь договаривать въ особенности про нихъ. Ими началъ, ими и кончу.

Матрена Семеновна знала всѣ правила, кои на ярмаркѣ должна исполнять каждая маменька, имѣющая взрослыхъ дочерей, и потому она вывезла своихъ, какъ было сказано выше. Знакомыя Фесиньки и Минички, при первомъ свиданіи «въ лавкахъ», успѣвши сдѣлать имъ замѣчаніе, что многое на нихъ нетакъ, какъ должно быть. Бѣдненькія взгрустнули-было, но, внимательно осматривая прочихъ, замѣтили, что есть пріѣзжія, которыя и еще менѣе отвѣчаютъ убранствомъ своимъ постановленіямъ моды, и потому успокоились, и чтобы неподать заключенія, что они въ-первое вывезены, были развязны и со всею ловкостью подражали прочимъ подругамъ своимъ въ обращеніи съ «жолі офисье».

Незнаю уже, отъ чего это такъ случилось, что къ Миничкѣ почти при первомъ вступленіи ея «въ ряды», адресовался молодой офицеръ пріятной наружности, и не по лѣтамъ съ майорскими эполетами: больше было ему, какъ лѣтъ

двадцать семь. Конечно тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ обратилъ вниманіе на Миничку: она была премиленькая, прехорошенькая.. но дѣвочка еще, какъ напротивъ Фесинька была и красивѣе, и солиднѣе, и пріятнѣе ея. У всякаго свой вкусъ, но мнѣ Фесинька болѣе нравится, нежели живая, рѣзвая, съ гранатовыми, всюду бѣгающими глазами, броне-точка Миничка. Адресовавшись разъ, Павелъ Григорьичъ, вотъ этоѣ офицеръ, уже былъ неотлученъ отъ нея. На быстрый, живой разговоръ майора Миничка умѣла помолчать, кстати улыбнуться, начать говорить въ полголоса и недоговоривъ покраснѣть, смутиться... потомъ взглянуть, да какъ!.. да какими еще глазами! При томъ знаю по опыту, что если хорошенькая, миленькая, молоденькая, вотъ какъ наша Миничка, дѣвочка хоть мало скажетъ, да значительно взглянетъ, такъ неотойдешь отъ нея. Будь я бестія, если отойдешь: заслушаешься, хоть даже и болтовни ея. Вотъ майоръ и неотходилъ.

А на Фесиньку и не обратилъ никто вниманія. Она одна пребывала въ такомъ многолюдьи?.. Какъ бы нетакъ! Еще подъѣжая къ лавкамъ, она замѣтила своего Степана Федоровича, котораго по условію ожидала тутъ найти; замѣтила его съ большимъ вниманіемъ рассматривающаго всѣхъ пріѣзжающихъ, замѣтила и покраснѣла... Къ счастью ея, Матрена Семеновна занята была распоряженіемъ своего широкаго платья, чтобы, подобравъ его все вмѣстѣ, ловко, легко, проворно высадить себя изъ коляски, недавъ поводу глазѣющей молодежи сдѣлать какое-либо замѣчаніе на неподлежащую, по ея мнѣнію, никакому сужденію и разсмотрѣнію часть ея самой—ноги ея. Потому-то она и неимѣла времени обратить вниманія на дочерей своихъ, которыя и подъѣзжали и высказывали изъ коляски съ бьющимися сердечками, а особливо Фесинька—такъ по той просто пробѣжалъ пріятный трепетъ, когда Степанъ Федоровичъ подбѣжалъ къ коляскѣ, поддержалъ Фесиньку за ручку и, счастличикъ! таки-крѣпконько сжалъ ее въ своей.

Во все время, пока публика, а въ числѣ ея Матрена Семеновна съ дочерьми, была въ рядахъ, жалкій Степанъ Федоровичъ, несмѣя подойти къ Фесинькѣ, а еще больше поговорить съ нею, потому-что былъ не въ мундирѣ, а просто во фракѣ.. несчастный! онъ издали безпрестанно глядѣлъ на нее, она взглядывала на него очень-очень часто. Онъ былъ счастливъ, она была счастлива, чего же имъ больше?..

Захаръ Демьяновичъ потѣшилъ Матрену Семеновну и дочерей: свозилъ ихъ въ театръ. Фесинька изъ ложи тотчасъ узнала своего милаго *Росмонда*, сидѣвшаго въ партерѣ; и какъ же неузнать, хотя и въ такомъ множествѣ народа? На немъ былъ жилетъ ярко-краснаго шалону съ черными костяными пуговками: это хоть кому кинется въ глаза издали. Она такъ занялась переглядываніемъ съ нимъ, что и незамѣтила бывшаго безвыходно въ ихъ ложѣ Павла Григорьевича, увивавшагося около Минички. Даже Матрена Семеновна неинтересовалась жидами въ оперѣ, отъ которыхъ въ прежнее время до того хохотала, что колотье подступало подъ бока. Она съ восторгомъ замѣчала, что Павелъ Григорьевичъ «не на шутку» увивается около Минички. Какъ ей и невосхищаться? Павелъ Григорьевичъ извѣстный помѣщикъ въ ихъ губерніи. Какой у него въ деревнѣ домъ, какой садъ! даже «анджирей» есть, въ которыхъ огурцы поспѣваютъ всегда къ 1-му Мая. А какое состояніе! какіе доходы! Лучше всего, что у Минички, если состоится такое благополучіе, нѣтъ ни свекра, ни свекрови; полновластная во всемъ хозяйка будетъ. Теперь онъ майоръ, будетъ и генераль-майоръ... Чудесная партія!

Потому-то Фесинька и оставалась безъ замѣчанія со стороны матери и имѣла полную волю переглядываться и даже перемигиваться съ своимъ Степаномъ Федоровичемъ. Въ собраніи имъ еще было свободнѣе: они танцовали почти все вмѣстѣ. Послѣ первой кадрили замѣтно было, что Степанъ Федоровичъ очень плотно застегнулъ манишку свою; а когда Фесинька танцовала съ другимъ кавалеромъ, Степанъ Федоровичъ подсѣлъ къ Захару Демьяновичу и очень прекрасно велъ съ нимъ разговоръ о разныхъ хозяйственныхъ частяхъ, и до того говорилъ, что Захаръ Демьяновичъ слышалъ отъ него разные новые проекты и долженъ былъ соглашаться съ его сужденіями. Такъ они были дѣльны.

Это, изволите видѣть, Федосья Захаровна, она же и Фесинька, шепнула ему въ танцахъ, въ какихъ предметахъ онъ не нравится родителямъ ея, и добрый молодой человекъ, любя страстно свою *Леонадію*, рѣшился угождать виновникамъ ея рожденія, отъ коихъ зависѣло счастье его. Отъ нея же онъ, видно, узналъ, что въ собраніи подшучивали на счетъ его краснаго жилета, потому-что на завтрашній и во всѣ послѣдую-

ще дни онъ вздѣвалъ уже шалоновый жилетъ зеленаго цвѣта съ бѣлыми пуговками. Чудесный жилетъ!

Въ слѣдующіе дни привязаность Павла Григорьича къ Миничкѣ была неподвержена никакому сомнѣнію, до того, что Матрена Семеновна имѣла съ мужемъ секретное совѣщаніе: какъ имъ быть и какъ поступать въ такомъ критическомъ казусѣ? Никто неслышалъ ихъ совѣщаній, никто.. кромѣ Фесиньки, но она же изъ слышаннаго извлекла пользу себѣ.

Павель Григорьевичъ такъ увивается около дочери и такъ ласкается къ матери! и чѣмъ далѣе—такое говорить, что того и смотри, что начнетъ свататься. Отказать? жаль упустить такого жениха; подобнаго ему послѣ и со свѣчой не найдешь. Благо, понравилась ему Миничка. Отдать же? Никакъ неприходится. «Помилуйте вы меня!» почти вскрикнула Матрена Семеновна, когда услышала отъ Захара Демьяновича отъ полноты родительской нѣжности произнесенное предложеніе: «Зачѣмъ же и держать дѣвку? Отдавайте скорѣе»

«Помилуйте вы меня», воскликнула она, «отдавать меньшую черезъ старшую! гдѣ это видано на свѣтѣ? Хотите, чтобъ Фесинька осталась на нашихъ рукахъ по весь вѣкъ нашъ? Неможно того и подумать. Уже развѣ сдѣлаемъ такъ: Павлу Григорьичу отъ насъ nebude ни приказу, ни отказу. Будемъ его ласкать, и Миничка пусть его влюбляетъ все больше и больше; а между-тѣмъ не сыщется ли кто-нибудь къ Фесинькѣ: такъ дѣло будетъ на-порядкахъ. Непойдемъ противъ закона, необидимъ старшей дочери».

— Какъ знаете, такъ и дѣлайте. А мнѣ пусть Иванька подастъ сегодняшній расходъ: надобно записать.

«А знаете что, душечка? начала ласкась говорить Матрена Семеновна: Павель Григорьичъ такой женихъ, что и недумай ему отказать. Какъ дадимъ слово, онъ тотчасъ потребуетъ свадьбы; спорить противъ него намъ неприходится, а у меня для Минички и нитки неприготовлено. Продавайте-ка, душечка, скорѣе шерсть, да давайте денегъ; благо на ярмаркѣ—все сама своимъ глазомъ осмотрю и своими устами приторгую, что нужно».

— Пожалуй бы продалъ, такъ каналы дешево даютъ. Потерпите еще, ужъ я вгону ее въ цѣну; тогда и вамъ дамъ на всѣ надобности ваши.

Послѣ такого совѣщанія разошлись наши супруги. Пока же Захаръ Демьяновичъ, несъѣзжая почти съ площади, набивалъ цѣну въ одномъ предположеніи, а въ сущности ее никто неторговалъ и неразсматривалъ, необыкновенное счастье послужило Матренѣ Семеновнѣ. Уважаемая ею сосѣдка, Марѣя Петровна, хотя и бездѣтная, т. е. неимѣющая дочерей, пріѣхала на ярмарку, не «скуки ради», но чтобъ получить тутъ должную ей сумму. Получила. Вдругъ собралась партія однолѣтокъ съ Марѣею Петровною ѣхать въ близлежащіе монастыри, на что должны были употребить дня три-четыре. Марѣя Петровна разсудила, что неловко съ чужими людьми возить такую сумму, и придумала, до возвращенія своего въ городъ, поручить всѣ деньги, пять тысячъ, другу своему, Матренѣ Семеновнѣ, которая и своихъ нелюбитъ издерживать, а чужія ужъ конечно сохранить. Такъ придумавши, упростила Матрену Семеновну принять; та съотомъ приняла и запрягала въ свою шкатулку и ч ключикъ отъ нея, вмѣсто того, чтобы по-прежнему положить въ карманъ, повѣсила на снуркѣ себѣ на шею.

Хорошо. Послушайте же, что тутъ выйдетъ.

Какъ вотъ и пріѣзжаетъ Павелъ Григорьичъ, да еще неодинокъ, а съ однимъ солиднымъ господиномъ. Поговоривъ о погодѣ, Павелъ Григорьичъ вышелъ въ столовую разсматривать хозяйскіе портреты и т. п. кунштики, по стѣнамъ висящія, а солидный господинъ да къ Матренѣ Семеновнѣ, да шущу-шущу: «отдайте-дискать, матушка, вашу Минороду Захарьевну за Павла Григорьича».

— Разсудите вы меня милостиво, благоразумно отвѣчаетъ ему Матрена Семеновна: какъ можно меньшую дочь черезъ старшую отдать? Такого примѣра и отъ сотворенія міра небывало. На что же намъ и натура дана, когда ей неслѣдовать?

Солидный господинъ говорить, что это ничего, можно.

Матрена Семеновна говорить, что это важно; невозможно.

Солидный господинъ многое представляетъ ей и говорить: можно.

Матрена Семеновна много возражаетъ ему и говорить: невозможно.

Такъ они долго переговорили между собою, пока Павелъ Григорьичъ, насмотрѣвшись вдоволь на портреты и кунштики

и ничего въ нихъ непонявши, рѣшился выйти къ нимъ и присоединить свою просьбу и убѣжденія, что—можно.

Матрена Семеновна, доказывая горячо, что невозможно, въ заключеніе сказала: «мы вамъ, Павелъ Григорьичъ, неотказываемъ; сохрани насъ Богъ пренебрегать такимъ человекомъ, какъ вы! Вы отличная партія нашей дочери и по состоянію, и по уму вашему, и по всему. И я за васъ, голубчикъ мой, съ радостью отдала бы Фесиньку, старшую: такъ той вы нехотите, а меньшей мы неотдадимъ. Не можно ли для вашего счастья и нашего спокойствія сдѣлать такъ, чтобы вы ожидали, пока мы свою Фесиньку за кого ни есть, отдадимъ; а тогда уже вамъ nebudeтъ никакого препятствія.

Солідный господинъ на это возражалъ съ жаромъ, стало быть и умно, что пока-то еще найдется женихъ къ Федосьѣ Захаровнѣ, а Минодора Захаровна можетъ состарѣться и потерять свое счастье.

«Пока пусть будетъ по-моему, сказала Матрена Семеновна; я незнаю еще мыслей моего Захара Демьяновича. Какъ пріѣдутъ они съ площади, я съ ними посоветуюсь, а ввечеру, если угодно пожаловать, то мы скажемъ вамъ послѣдній свой резонъ».

Съ тѣмъ свать съ женихомъ и уѣхали, а Матрена Семеновна осталась: ходить-себѣ по комнатѣ и руки ломаетъ! Жаль ей упустить жениха, имѣющаго всѣ достоинства. Ужъ она всѣ средства придумываетъ, и ни на что неможетъ рѣшиться, чтобъ согласить природу съ своимъ хотѣніемъ. Природа невелитъ меньшей дочери выдавать прежде старшей, а хотѣніе хочетъ отдать меньшую за достойнаго жениха... нѣтъ никакого средства!...

Какъ-вотъ вошоль Семень Федоровичъ, и знаете ли съ какимъ предложеніемъ? Онъ зналъ, что Матрена Семеновна любитъ покупать сахаръ лучшій, но дешевле другихъ; также и чай изъ пробы и тоже подешевле. Вотъ онъ гдѣ-то отыскалъ отличный сахаръ, двумя рублями, а это небездѣлица! ниже ярмарочной цѣны, и набралъ пробъ разнаго чаю, и пришоль предложить свои услуги Матренѣ Семеновнѣ.

Натурально, что онъ былъ принятъ и слушанъ благосклонно, и когда Матрена Семеновна обратила на него вниманіе, то съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтила, что его

палоновый отличнаго зеленого цвѣта жилетъ застегнуть до самаго верху; и какъ вверху недоставало перламутровой пуговицы, то вмѣсто ея жилетъ сколотъ былъ булавкою, на верху которой преизрядной работы искусно сдѣлана была букашечка, вотъ красненькая, что по навозу лавить, вы ихъ, я думаю, видали? Да только я вамъ скажу, что такъ подъ натуру сдѣлано, что совершенно живая, а напротивъ, обманъ, искусство: простой кораликъ обдѣланъ въ приличныхъ мѣстахъ въ золото, и, вышла яко бы натуральная козявка.

Подите же вы! и эта маленькая, ничтожная вещь сдѣлала большое дѣло. Матрена Семеновна, подмѣтивъ прежде ее, увидѣла, что она жилетъ Степана Ѳедоровича содержитъ въ порядкѣ, и отъ того почувствовала къ нему — какъ бы это по-модному выразиться? отсутствіе антипатіи, а выслушавъ доставленныя имъ свѣдѣнія о дешевизнѣ отличнаго сахару и принявъ пробы чаевъ, взятыхъ имъ въ большомъ количествѣ, отъ чего у нея дня три свой чай nebudeтъ тронуть, нашла его, т. е. самого Степана Ѳедоровича любезнымъ и пріятнымъ... Вдругъ у нея родилась мысль, и она, наговоривъ кучи благодареній и осыпавъ его ласками, отпустила, прося навѣщать ихъ и впередъ.

Умѣлъ съ чѣмъ подѣхать Степанъ Ѳедоровичъ! Довольно хитрости съ его стороны; но надобно отдать справедливость Фесинькѣ: это она придумала средство войти ему въ ласку къ матери. Хорошо, право хорошо придумано.

Измученный жаромъ и неудачнымъ торгомъ шерсти, возвратился Захаръ Демьяновичъ. Ему недала и вздохнуть Матрена Семеновна, а принялась рассказывать о всемъ случившемся съ нею въ это утро, и тутъ же передала ему на рѣшеніе слѣдующую мысль свою: ужъ нѣчего дѣлать: выдать Фесиньку за Степана Ѳедоровича, чтобъ немѣшала Миничкиному счастью и чтобъ имъ неупустить такого отличнаго зятя.

Захаръ Демьяновичъ, повѣряя Иванькинъ расходъ, что куплено для стола, нашолъ мысль Матрены Семеновны превосходною, только немогъ сообразить, какъ же отдать Фесиньку за Степана Ѳедоровича, когда онъ, послѣ сдѣланнаго ему отказа, невозобновляетъ сватовства?

Матрена Семеновна и тутъ ему помогла своимъ совѣтомъ. «Вы, душечка, приласкайте его, и все больше и больше, на-

конецъ до того, чтобъ ему вошла въ голову мысль свататься. Да поскорѣе: только лишь объявить, и соглашайтесь. Нельзя ли этого сегодня кончить? Вечеромъ прїѣдетъ и Павелъ Григорьичъ за послѣднимъ словомъ».

— Я какъ разъ кончу, сказала Захаръ Демьяновичъ. Вотъ отдохнувши выѣду на площадь, гдѣ и онъ бываетъ; разомъ и сойду съ нимъ.

«Ну, такъ это кончено. Теперь необходимо закупать приданое для Минички. Женихъ пристанетъ со свадьбою; что я буду дѣлать? Когда бы я была увѣрена, что вы дадите мнѣ тысячъ пять...»

— Это что-то много.

«Еще и немного. Въ такой домъ отдаемъ! надобно, чтобъ все было отличное! Такъ скажите мнѣ: дадите? навѣрное дадите? когда дадите?» Такъ приставала Матрена Семеновна къ супругу, который, улегшись на софѣ, уже жмуриль глаза, немогши побѣдить одолѣвавшаго имъ сна, и чтобъ скорѣе она оставила его въ покоѣ, говорилъ зѣвая: завтра, послѣзавтра навѣрно... эти деньги, все равно, что... у васъ въ кар... и захрапѣлъ.

«А когда же деньги такъ вѣрны, что же я за дура буду, что непоспѣшу искупить приданого Миничкѣ? Мужъ привезъ одного жениха, а я представлю другого. Сдѣлаемъ сговоръ. Мужъ продастъ шерсть, дастъ мнѣ денегъ; я и уплачу Марѣ Петровнѣ, а теперь-пока буду ея деньги издерживать». Такъ расположила Матрена Семеновна и, проводивши на площадь отдохнувшаго мужа, приказала Иванкѣ запрягать коляску и, схвативъ чужія деньги, данныя ей на сохраненіе, поспѣшила въ ряды.

Батюшки мои! чего только она тамъ непокупаетъ?! Зеленаго штофу на двойную кровать съ приборомъ; атласу на одѣяла; кисей на подушки; голландскаго полотна на рубашки; шесть сортовъ матерій на платья, и много всего прочаго; серебра столоваго и чайнаго... однимъ словомъ, все на-славу: хоть въ какой домъ нестыдно отдать! Къ небольшому количеству жемчуга хотѣлось бы ей еще прикупить: такъ уже и денегъ нестало; авось Захаръ Демьяновичъ расщедрится, да тысячку-другую прибавить: тогда все устроить. Съ такими мыслями отвезла домой всѣ свои покупки, успѣла принять Ивана

Федоровича, выслушала отъ него возобновленіе предложенія, дала слово за старшую дочь, и общала, по возвращеніи домой, въ первое воскресенье, сдѣлать формальный сговоръ, къ чему просила его пригласить и родныхъ его.

Этого мало. Когда по условію пріѣхалъ Павелъ Григорьичъ вечеромъ съ солиднымъ господиномъ, то ему объявлено, что какъ судьба старшей сестры уже устроена, и она дѣлаетъ превыгодную партію, то уже и нѣтъ препятствія удерживать меньшую отъ замужества, почему съ удовольствіемъ принимаютъ предложеніе его, но сговора формального немогутъ сдѣлать по-дорожному, на квартирѣ; они не бездомовные: какой ни есть у нихъ уголь, да свой, почему и просятъ Павла Григорьича съ солиднымъ господиномъ и съ кѣмъ еще угодно къ первому воскресенью пожаловать къ нимъ въ деревню, принять участіе въ радости ихъ по случаю сговора Фесиньки и «отгулять» его, какъ должно, а въ слѣдующій за тѣмъ вторникъ и самимъ принять сговоръ съ Миничкою. Окончивъ все это, торжествующая Матрена Семеновна отъ того, что не успѣла вывезти дочерей своихъ, какъ женихи мигомъ ихъ и расхватили, еще наняла ложу на остатки денегъ Марѣи Петровны и поѣхала въ театръ съ дочерьми, послѣ увѣривши Захара Демьяновича, что была приглашена пріятельницею.

Всѣ были довольны и веселы. Женихи неотходили отъ своихъ невѣсть: Павелъ Григорьичъ цѣловалъ ручки Миничкѣ, Степанъ же Федоровичъ съ своею невѣстою все шушу, да шушу, и что-то разсчитывали.

Увлечонный всеобщимъ мнѣніемъ, нашъ Захаръ Демьяновичъ, какъ ни держался съ цѣною, какъ ни дорожился, долженъ былъ свою шерсть вмѣсто 100, 80, или хотя 50-ти рублей, сбыть по 18 р. за пудъ. И послѣ самой вѣрнѣйшей перевѣски оказалось ея всей, вмѣсто Кондратова счота, 436 пудовъ, всего на все, съ обножками *сто и девяносто шесть пудовъ*.

О Захаръ Демьяновичъ! бѣдный Захаръ Демьяновичъ! что ты тогда почувствовалъ, когда по всѣмъ счотамъ, на арнеметикѣ, на *счетахъ*, десятками на пальцахъ, раскладками по кучкамъ, ты, вмѣсто воображаемыхъ тридцати тысячъ слишкомъ, долженъ былъ принять всего-на-все 3,528 р. (если я въ счотѣ вѣрнѣе самого Захара Демьяновича). Это нуль про-

клятый, гнѣздящійся въ твоей головѣ, причинилъ тебѣ столько зла, что ты вмѣсто трехъ насчиталъ тридцать. Бѣда намъ съ тобою, бѣда и тебѣ! Заплативши проценты за заложенное имѣніе, недоимку податей, чѣмъ заплатишь за сына въ пансіонѣ, значительно накопившійся долгъ и другіе частные долги, коимъ всѣмъ сроки пришли? А что дашь своей Матренѣ Семеновнѣ на покупку приданаго для Минички? Ты ей обѣщала пять тысячъ, и она въ той надеждѣ издержала отданныя ей на сохраненіе пять тысячъ рублей, которые возвратившаяся Марѳа Петровна уже спрашиваетъ? чѣмъ ты это пополнишь, а?

Матрена Семеновна, получивъ требованіе отъ Марѳы Петровны, послала къ мужу, чтобы, какъ можно скорѣе, везъ ей деньги. Онъ привезъ и объяснилъ все дѣло!... Досталось и Кондрату, который цѣлый вѣкъ обманываетъ барина; досталось и самому барину за излишнюю довѣренность къ плуту и неумѣнье свести счетовъ. Попшли возраженія, доказательства, что невозможно тому человѣку ошибиться въ счетѣ, кто цѣлый вѣкъ сидитъ за счетами, но что этому причиною Египетскій паша. вдругъ раздумавшій мундировать свое войско, и отъ того цѣны упали на шерсть; Кондратова честность и смѣтливость защищаема была со всѣмъ жаромъ. Но ничто небыло уважено: требованія пяти тысячъ непереставали; съ другой же стороны, упреки, зачѣмъ было издерживать чужія деньги и безъ его вѣдома, сыпались кучами; однимъ словомъ, спору и крику непредвидѣлось конца; забыта нѣжность обоюдная, двадцатилѣтнее супружеское согласіе, и кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы невошлъ тутъ же въ комнату Степанъ Ѳедоровичъ, за которымъ, надобно вамъ сказать, плутовочка Фесинька, замѣтивъ будущую ссору родителей, послала, извѣщая, что время къ дѣйствию настало.

Передъ Степаномъ Ѳедоровичемъ, какъ почти членомъ ихъ семейства, нескрывались супруги въ своихъ огорченіяхъ и, продолжая ихъ высказывать, еще вновь оскорбляли другъ друга. Степанъ Ѳедоровичъ, хотя и въ шаловомъ жилетѣ, но былъ тонкаго ума человѣкъ: давъ ссорящимся полную свободу выговорить все, и какъ въ добавокъ ко всему явился человѣкъ отъ Марѳы Петровны съ настоятельнымъ требованіемъ возврата денегъ, то онъ былъ такъ добръ, что для водворенія спокойствія «будущихъ своихъ родителей» предложилъ имъ семь тысячъ рублей, тутъ же при немъ находившихся.

*

Все приняло другой видъ. Забыто горе; слышны стали одни изъявленія благодарности и удивленія, какъ не знали прежде цѣны такому человѣку; а что Матрена Семеновна, та просто зацѣловала своего избавителя отъ бѣды и стыда.

Все улажено; заплачено куда все, а куда часть, сколько достало денегъ, и вотъ наши супруги, ставъ опять на прежней точкѣ согласія, покончивъ всѣ свои покупки для дому, еще и на это осталось денегъ, выѣхали изъ города, и никто незабылъ изъ нихъ въ квартирѣ ни малѣйшей бездѣлицы.

Дома закипѣло дѣло. Къ вечеру въ субботу ожидали пріѣзда жениховъ. Къ тому времени вымыты полы, настряпано кушанья и наготовлено всего, приглашены сосѣды; у двухъ изъ нихъ было по лакею, играющимъ на скрипичахъ: прошено было привезти и ихъ для-ради танцевъ.

Съѣхались гости, пріѣхали и женихи. Старшій изъ нихъ съ невѣстою все продолжаетъ шушукаться. Завидно со стороны ихъ согласіе.

На завтрашній день, когда всѣ гости разубравшись сошлись въ залу, гдѣ устроены были всѣ принадлежности къ благословенію, и когда вывели хотя и разубранную отлично, но стыдящуюся невѣсту, и хотѣли приступить къ благословенію, Степанъ Ѳедоровичъ... хитрый Степанъ Ѳедоровичъ, нужды нѣтъ, что въ шалоновомъ зеленомъ жилетѣ и планжевыхъ нанковыхъ «необходимостяхъ», а посмотрите, какую штуку выкинулъ! Отозвавъ Захара Демьяновича, прямо объявилъ ему, что, если за его прелестною Фесинькою неназначать приданого въ людяхъ, землѣ, скотѣ и деньгахъ вдвое объявленнаго, то онъ сейчасъ уѣзжаетъ, потребовавъ прежде взятія у него семь тысячъ рублей.

Бѣднаго Захара Демьяновича какъ варомъ обдало! А когда, по супружеской обязанности, онъ объ этомъ требованіи открылъ Матренѣ Семеновнѣ, такъ у той таки-просто ноги такъ и подкосились до того, что она, пристойности ради, должна была опуститься на близстоящій стулъ.

Посудите милостиво о жестокомъ положеніи родителей невѣсты, выведенной уже «къ принятію сговора»! Спору нѣтъ, что они, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ на безстыдное корыстолюбіе жениха, могли бы его просто выгнать изъ дому и запереть ему дверь въ него навсегда; но что дѣлать съ

меньшую дочерью? Какъ имъ, неговоривши старшей дочери, сговаривать меньшую? это неслыханное дѣло! Конечно къ меньшей пріискался женихъ, какого имъ и во снѣ неснилось, но и противъ природы нельзя же спорить. Какъ на старшую навести такой порокъ, что будто ее и люди нехотятъ взять! Не отъ нихъ выдуманъ такой порядокъ: сама природа такъ устроила; нарушать невозможно. А тутъ еще въ добавокъ требуютъ возврату семи тысячъ рублей, когда на ту пору у нихъ и семи сотъ нѣтъ. Если бы подскочилъ другой какой ни-на-есть, женихъ, чтобъ только...

Когда родители въ совѣщаніи своемъ коснулись этого пункта, вдругъ подходитъ къ нимъ Фесинька и рѣшительно говорить: «Любезные мои родители, батенька и маменька! прошу васъ нерасполагать моею судьбою иначе, какъ мое сердце того желаетъ. Оно избрало Степана Ѳедоровича, и навѣкъ имъ будетъ плѣнно. Если невыдадите меня за него, то вскорѣ увидите меня безгласную и бездыханную на столѣ; а если вздумаете приневолять за другого, то я сама себѣ смерть причиню или преострымъ желѣзомъ или смертоноснымъ ядомъ».

Выслушавъ это, родители опустили руки, Фесинька преспокойно возвратилась на свое мѣсто, Степанъ Ѳедоровичъ понюхивалъ табачокъ изъ купленной имъ на ярмаркѣ бумажной съ кунштикомъ табакерки, а гости, разинувъ рты отъ удивленія, ожидали, чѣмъ это все кончится.

Чѣмъ кончить это? Естественно, что никто не придумалъ ничего, кромѣ Захара Демьяновича, который, взявъ за руку жениха и жену свою, увелъ ихъ въ особую комнату. Что они говорили и какія дѣлали жениху предложенія, искренно вамъ говорю, не знаю; но полагать должно, что родители согласились на всѣ требованія жениха, потому-что чрезъ нѣсколько часовъ составили бумагу приданому по требованію Степана Ѳедоровича и закладную на значительную часть земли въ обезпеченіе занятыхъ семи тысячъ рублей. Предусмотрительный Степанъ Ѳедоровичъ привезъ на всякій случай съ собой и маклера, который всѣ эти бумаги и укрѣпилъ по порядку. Почему же не сказать и тутъ: *avis aux promis*?

Окончивши сдѣлки, Захаръ Демьяновичъ вышелъ съ женою и женихомъ, на котораго невеста поспѣшила устремить вопрошающій взглядъ, а Степанъ Ѳедоровичъ секретно мигнулъ

ей, объясняя, что все-дискать кончено по желанію. Тутъ началось благословеніе; родители обнимали обручонныхъ, ласкали жениха, называя его любезнымъ, *дорогимъ* зятемъ... Счастливая чета кинулись другъ къ другу въ объятія, восклицая: «мой Росмондъ!» «моя Леокадія!» Пошли поздравленія, потчиванья, угощенія, желанія, веселье... а обручонные удалясь-себѣ въ уголокъ, хвалили другъ друга за умно-выдуманную и прекрасно-разыгранную штучку, увѣнчавшую пламенную любовь ихъ и обезпечившую ихъ на будущее время въ жизни и пріобрѣтенія выгодъ.

Вы же конечно полагаете, что Захаръ Демьяновичъ и Матрена Семеновна, отпраздновавъ сговоръ Фесиньки, приступятъ въ слѣдующій вторникъ къ обрученію Манички? Охъ, нѣтъ! Они бы, пожалуй, согласны были покончить все дѣло; такъ вотъ вышелъ какой казусъ, да для нихъ еще такой печальный, что незнаю, рассказывать ли вамъ, принимающимъ участіе во всемъ, къ нимъ относящемся?

У нихъ, какъ сказано уже, былъ сыночекъ Павлуша, дитя по двѣнадцатому году. И что за пострѣленокъ, такъ на удивленіе! Какъ онъ ловко душилъ голубятъ, цыплятъ, даже котятъ! таки-мигомъ: только сжалъ... непискнетъ, и духу нѣтъ! Сама Матрена Семеновна бывала этому свидѣтельницею; а тутъ на сговорѣ дочери, рассказывала гостямъ о всѣхъ необыкновенныхъ занятіяхъ этого милаго мальчика. «Повѣрите ли?» говорила она съ удовольственнымъ смѣхомъ, «окошекъ въ переднюю и людскія ненададимъ. Онъ ихъ безпрестанно выбиваетъ камушками. Сколько посуды въ день перебьетъ, сколько другихъ пакостей настроитъ! И неговори ему ни слова. Отца не уважаетъ, а меня и въ грошъ не ставитъ. Изъ него что-нибудь необыкновенное выйдетъ».

При этомъ словѣ Павлуша, лавившій на диванѣ съ ногами и валявшійся по полу, началъ вызывать маменьку, якобы къ ключницѣ, спрашивающей ее. Матрена Семеновна встала и пошла, а маленькій Павлуша началъ кричать: «смотрите, смотрите на маменьку!»

И въ самомъ дѣлѣ было на что посмотрѣть и что увидѣть! Пока она сидѣла на диванѣ, онъ лавивши около нея, умудрился подколоть платье ея сзади очень высоко, и когда она пошла... но такія сцены неописываются. Гости, разумѣется,

расхотались; знакомыя бросились привести платье Матрены Семеновны въ должный порядокъ; она и сама хотела и посреди смѣха подергала его за ушко, а отецъ далъ ему, за утѣшную выдумку, мочное яблоко.

Этотъ-то затѣйливый мальчикъ очень полюбилъ Павла Григорьича, который, зная о существованіи его и соблюдая приличіе, привезъ ему какого-то гостинца, не то конфетъ, не то лошадку. Дитя полюбивши «усатаго гостя», такъ вѣжливо онъ называлъ его, неотставалъ отъ него, лазилъ по кофѣнамъ, отстегивалъ эпoletы, прицѣплялъ къ шпорамъ щотку, метлу, и когда тотъ, непримѣчая, вставалъ и находилъ у ногъ своихъ такія прикрасы, сердился, то «ребенокъ» хотелъ во весь голосъ, и своею остроумною шуткою возбуждалъ смѣхъ родителей къ неудовольствію Павла Григорьича. Онъ жаловался сперва маменькѣ, потомъ серьезно говорилъ отцу, и отъ обоихъ слышалъ одинаковый отвѣтъ: «пусть онъ тѣшится: жалко и унимать его, чтобъ непомять натуры; у него, изволите видѣть, комплекція имѣетъ наклонность къ веселости».

При томъ же грустно рассказывать, а недолжно утаить: Павелъ Григорьичъ при первой встрѣчѣ былъ пораженъ миловидностью Минодоры Захарьевны, она же и Миничка: бывъ свободенъ и ища занятія подобно прочимъ, адресовался къ бросившейся ему въ глаза изъ всѣхъ, находилъ недосказанныя ею фразы и полу-отвѣты скромными, близкими къ остротѣ, предвѣщающими умъ; танцевалъ съ нею; наполь, что она танцуетъ ловче многихъ; рассыпаясь въ комплементахъ, принимаемыхъ съ прелестною улыбочкою, завлечонный поражающими значительными взглядами, молодой человекъ страсть принялъ за чувство; предавшись мечтаніямъ, изъясненіямъ, уподобленіямъ, непримѣтно отъ себя сдѣлалъ признаніе... Общая фраза, въ полголоса, съ большимъ смущеніемъ едва произнесенная, кончила все дѣло. Кто молодъ небывалъ? Кто равнодушно слышалъ отъ миловидной дѣвицы полупризнаніе? То-то же; непеняйте на Павла Григорьевича, что онъ тутъ же поклялся вѣчно принадлежать ей и противъ всего пойти, чтобы владѣть ею.

Павелъ Григорьичъ былъ человекъ не тѣхъ, чуть несказалъ не нашихъ, свойствъ, чтобы искать только забавы: онъ полагалъ, что доведя дѣвицу до признанія, нечестно оставить

все и нейти къ концу. Онъ мыслилъ и поступалъ во всемъ благородно, а потому, получивъ признаніе отъ Минички, и обнадживъ ее въ намѣреніи своемъ, искалъ расположенія Матрены Семеновны, и мы видѣли, какъ онъ успѣлъ въ этомъ. И получивши слово, онъ, за ярмарочною суетою и непрерывающимися веселостями, неимѣлъ времени поговорить съ невѣстою о чемъ-нибудь посерьезнѣе любви своей. И до того ли ему было? Онъ либо танцевалъ съ нею, либо выпаловывалъ ручки ея, либо кормилъ ее конфектами. Только прѣхавъ въ деревню невѣсты, онъ, приступая къ рѣшительному шагу, вспомнилъ, что нужно покороче узнать умъ, сердце и недостатки, отъ которыхъ никто несвободенъ, своей будущей супруги. Удаленный отъ разсѣяній, онъ имѣлъ къ тому большое удобство. Въ первый, проведенный съ нею безъ развлеченія, вечеръ, въ субботу, онъ, придя въ свою комнату и вспомнивъ все, говоренное имъ съ Миничкою, вспомнилъ это ужасное, душу поражающее холодностью, въ отвѣтъ на всѣ его изъявленія чувства нѣжнаго, уваженія душевнаго, равнодушно произносимое: «взаимно и я васъ также люблю;» исполнилъ и другіе, подобные отвѣты на всѣ его расположенія къ счастливой жизни, крѣпко вздохнулъ и долго немогъ уснуть.

Утромъ, въ воскресенье, наблюдалъ онъ за обращеніемъ и разговорами невѣсты своей съ съѣхавшимися подругами: рѣшился говорить съ нею уже съ цѣлью, съ намѣреніемъ—и все тоже! холодный потъ пробѣгалъ по немъ!.. Послѣ того долго онъ одинъ ходилъ по саду въ глубокомъ размышленіи. Сужденія и обращеніе родителей невѣсты его очень не нравились ему; а тутъ еще Павлуша съ своими проказами: все это леденило его; думалъ найти отраду въ разговорѣ съ невѣстою о будущемъ родѣ жизни ихъ, занятіяхъ, удовольствіяхъ... но услыша ожиданія конфектъ, частыхъ выѣздовъ для танцевъ, а дома занятій съ дѣвками въ саду на качеляхъ, купанья въ рѣкѣ, катанья зимою въ санкахъ, услыша всѣ эти пріятности, согласитесь, что Павелъ Григорьичъ долженъ былъ содрогаться приближающагося вторника...

Всѣ такія грустныя мысли до того разстроили его, что онъ рѣшился искать разсѣянія въ танцахъ. Самъ затѣвалъ, составлялъ и руководствовалъ ими.

Приближалось уже время къ ужину; молодежь спѣшила напрыгаться, и составила мазурка. Павелъ Григорьичъ танцо-

валъ съ невѣстою и, сидя съ нею, все хотѣлъ изъ разговоровъ ея извлечь хоть нѣсколько отрадное, подающее надежду на будущее... все тщетно!.. Ударивъ себя по головѣ, вдругъ онъ вскочилъ съ своею парюю, дѣлалъ фигуру и ужъ съ какимъ жаромъ выдѣлывалъ каждое па! а кончивъ все, бросился на стуль...

Увы! вмѣсто стула онъ брякнулся на полъ и лежалъ въ жалкомъ, незавидномъ положеніи!..

Все захохотало, и оконфуженный Павелъ Григорьичъ первую Миничку замѣтилъ хохочущую со всѣмъ усердіемъ...

«Ужъ это вѣрно Павлушины штуки!» кричала Матрена Семеновна, заливаясь отъ смѣха.

— Я-таки, я, я выдернулъ изъ подъ-него стуль, когда онъ хотѣлъ сѣсть, визжалъ рѣзвенькій мальчикъ, хлопая ручками.

Невладѣя собою, Павелъ Григорьичъ схватилъ мальчика за волосы и поднялъ его кверху.

«Пусти, пусти!.. это меня Миничка научила!...» пицалъ мальчишка, вися на воздухѣ... Миничка хохотала отъ чистаго сердца.

Павелъ Григорьичъ прехладнокровно поставилъ маленькаго мальчика на полъ. Съ презрѣніемъ, съ сожалѣніемъ взглянулъ онъ на невѣсту и поспѣшно вышелъ изъ залы...

Ждать-пождать, его нѣтъ; полагали, что онъ оправляется, или не ушибся ли? Послали провѣдать, а его уже и нѣтъ, уѣхалъ! Невѣста въ слезы; мать съ упреками къ дочери; Захаръ Демьяновичъ, окончивъ повѣрку счота, поданнаго ему отъ Кондрата, пришедши въ залу и узнавъ о происшедшемъ, удивился, очень удивился, какъ никогда и ничему такъ не удивлялся; но ничто непомогло. Павелъ Григорьичъ уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ глазъ непоказываетъ къ своей Миничкѣ; даже, гдѣ онъ обрѣтается, никто въ тѣхъ мѣстахъ не знаетъ вовсе.

Захаръ Демьяновичъ и Матрена Семеновна хотѣли подняться на штуку: увидѣвъ, что разрушилась причина для которой нужно было спѣшить свадьбою Тесиньки, вздумали-было отказывать Степану Фѣдоровичу, въ чаяніи на будущей ярмаркѣ приискать ей жениха поинтересяте и не съ такимъ интересомъ; но когда Степанъ Фѣдоровичъ напомнилъ, что по условію

они должны будут заплатить ему неустойки двадцать тысяч рублей, то они приступили съ приготовлениями къ свадьбѣ; а онъ, на на другой день свадьбы, приступилъ къ требованію обѣщаннаго приданаго, которое и получилъ все сполна и неуступивъ изъ него ни одной овечки.

Степанъ Федоровичъ съ Федосьею Захаровною живутъ прекрасно и потѣшаются, какъ они умѣли воспользоваться обстоятельствами. Наловили рыбки въ мутной водѣ. Матрена Семеновна плачетъ, что дочь опозорена и долго останется у нихъ на-рукахъ; а Захаръ Демьяновичъ въ утѣшеніе ей говоритъ, что еще будетъ ярмарка, повезутъ шерсть на продажу, повезутъ и дочь. Шерсть продадутъ и жениха сыщутъ. «Будьте только поосторожнѣе, Матрена Семеновна!»

— Считайте и вы поаккуратнѣе, отвѣчаетъ она Захару Демьяновичу.

VI.

ДОБРЫЙ ПАНЪ.

ДОБРЫЙ ПАНЪ *).

Въ 1800-мъ году, по дѣламъ службы, проѣзжалъ я чрезъ Кіевъ. Когда бы я ни былъ въ немъ, хотя бы на короткое время, проѣздомъ, никогда неоставлялъ поклониться Русской святынѣ—гробайъ угодниковъ, помолиться въ храмѣ Лавры и побесѣдовать съ благочестивыми мужами, презрѣвшими свѣтомъ и въ уединеніи, при созерцаніи такъ поразительныхъ примѣровъ, приготовляющими себя къ отходу въ вѣчность и принятію награды за здѣшніе подвиги свои.

Въ такихъ занятіяхъ, я недорогожилъ временемъ, питалъ душу свою, и потомъ обращался къ исполненію должности съ мыслями свѣжими, покойными; и все мнѣ благопріятствовало въ пути и въ моихъ распоряженіяхъ.

И теперъ мнѣ въ Кіевѣ небыло никакого дѣла. Я долженъ былъ еще спѣшить по сдѣланнымъ мнѣ препорученіямъ; но я отправился въ Лавру, повидался съ намѣстникомъ, отцомъ Кипріяномъ, помолился у схимника при чтеніи правила его, и побесѣдовавъ нѣсколько съ нимъ, послѣдовалъ въ церковь Успенія къ обѣднѣ. Непроходя во время служенія впередъ, я остановился пока при входѣ. Противъ меня, у гроба святого Феодосія, увидѣлъ я моего искренняго пріятеля и любезнаго, милаго человѣка, Валеріана Степановича.... но въ какомъ видѣ!

Этотъ Валеріанъ Степановичъ, помѣщикъ Харьковской губерніи, имѣлъ незначительное состояніе; но умѣвъ благоразумно имъ распорядитъ, ненуждался въ жизни. Лѣтъ двадцати осьми, здоровъ, пріятной наружности, ума чистаго, сердца добраго, всегда весель, живъ, привѣтливъ; услуживать, быть полезнымъ другимъ было пищею души его. Всѣ любили его, всѣ искали случая быть съ нимъ. Въ обществахъ онъ былъ душою: старики охотно бѣсѣдовали съ нимъ; старушки неотпускали его отъ себя; молодые люди окружали его, искали знакомства съ нимъ и

*) „Кіевлянинъ“ на 1841 г., кн. 2. изд. М. Максимовичъ. Кіевъ 1841.

старались подражать ему; дѣвицы... ну, тѣ и незамѣчали его... явно, но тихомолкомъ, взорами преслѣдовали, ловили его; къ которой подсядетъ, съ которой поговорить, та неспомнится отъ радости, хохочетъ отъ души (съ молодыми, а особливо съ дѣвицами онъ нелюбилъ говорить ни о чемъ серьезно, сухо), затверживаетъ всѣ слова его и гордится предъ... нѣтъ, правду сказать, ни которой небыло повода гордиться предъ подругами: онъ со всѣми ими былъ одинаковъ, со всѣми любезничалъ равно, всѣхъ занималъ, всѣми занимался, одушевлялъ занятія, затѣвалъ игры, танцы, и самъ неутомимо поддерживалъ всякаго рода веселья, имъ же устроенныя. Изъ дѣвиць, къ общему прискорбію ихъ, Валеріанъ ни одной неказывалъ отличія, всѣхъ любилъ равно, равно всѣми любовался, искалъ ихъ общества наравнѣ съ ихъ стараніемъ привлечь его къ себѣ. Къ прискорбію же матушекъ, онъ недумалъ о выборѣ себѣ подруги, и на всѣ ихъ совѣты искренніе, безпристрастные,—особливо на совѣты матушекъ, имѣющихъ дочерей на возрастѣ,—прискать себѣ, пока молодъ, подругу изъ семейства добраго, которая видимо почитительна къ родителямъ, приучена къ домашнему хозяйству и проч. и проч., Валеріанъ всегда отвѣчалъ: «незнаю, женюсь ли? женюсь, перемѣнюсь; долженъ буду сидѣть съ женою, а я безъ людей пропалъ».

Въ самомъ дѣлѣ, дома онъ почти нежилъ и если пріѣзжалъ, такъ уже въ такое время, когда ни гдѣ не находилъ случая къ веселью. Тутъ побывши, осмотрѣвши свое хозяйство, какъ онъ называлъ, вырывался изъ дому, спѣшилъ или по ближнимъ городамъ веселитъ, или разѣзжалъ по деревнямъ и затѣвалъ веселья. Ни одна свадьба, ни одинъ именинный, храмовой пиръ безъ него не обходились: онъ былъ главнымъ распорядителемъ всего, къ удовольствію хозяевъ, къ веселію гостей и большой радости молодежи....

И этого-то Валеріана, душу и веселье общества, милого, любезнаго, неопѣннаго въ собраніи, молодого, ловкаго, красиваго человѣка, отлично танцовавшаго и лихо плясавшаго по цыгански, увидѣлъ я съ отрошонными волосами, заросшаго бородою, въ черной ряскѣ, подпоясаннаго ремненнымъ поясомъ, съ чотками въ рукахъ, съ поникшею головою, стоящаго и молящагося со всѣмъ усердіемъ. Я живалъ съ нимъ не только по нѣскольку недѣль, но и цѣлые мѣсяцы проводилъ съ

нимъ неразлучно, слѣдовательно очень коротко зналъ его, и несмотря на такую разительную перемѣну въ наружности, тотчасъ узналъ его; но недоумѣвалъ, что съ нимъ сдѣлалось и не двойникъ-ли это его?

Чѣмъ додумываться и догадываться, что съ нимъ сдѣлалось, я рѣшился наблюдать за нимъ и неупускать его безъ разспросовъ. Служеніе окончилось. Валеріанъ пошелъ по церкви дѣлать поклоненія святынѣ; я взоромъ преслѣдовалъ его, и когда онъ обратился къ выходу, я пошелъ къ нему и сталъ противъ него. Онъ, увидѣвъ меня, ни мало несмѣшался, протянулъ руку и голосомъ свободнымъ, по прежней пріязни нашей, безъ всякой заунывности, привѣтствовалъ меня первый.

— Что ты дѣлаешь съ собою, Валеріанъ? спросилъ я его.

«Ну милый, здѣсь немѣсто ни разспрашивать, ни рассказывать», сказалъ онъ съ обыкновенною своею улыбкою. «Если тебѣ позволяетъ время и хочешь меня подарить бесѣдою, то зайди теперь въ келію ко мнѣ, или, если недосугъ теперь, назначь время, удосужусь и буду ожидать тебя.

— Какъ-бы ни былъ занятъ, сказалъ я, но все брошу, чтобы побыть съ тобою и узнать о чудномъ твоёмъ превращеніи. Веди меня въ келію или въ пещеру, гдѣ ты спасаешься.

И онъ повелъ меня въ отдѣленіе, гдѣ помѣщаются типографскіе рабочіе.

Въ келіи у него было, какъ обыкновенно въ келіи: образъ, теплящаяся лампада, скамейка покрытая ковромъ, небольшая подушка, столъ, на немъ нѣсколько церковныхъ книгъ и печатныхъ листовъ такихъ же.

По принесеніи имъ предъ образомъ молитвы, онъ привѣтствовалъ меня съ обыкновенною своею любезностію, усадилъ на ложе свое и принялся разспрашивать, какъ живу-поживаю, откуда и куда ѣду и долго ли пробуду въ Кіевѣ?

— Не обо мнѣ рѣчь, прервалъ я его разспросы. Скажи ты мнѣ прежде о себѣ: что побудило тебя на такую жизнь? Должно быть очень важное произошло съ тобою, когда ты вышелъ изъ той сферы, внѣ которой немогъ жить.

«Ничего, мой милый!» говорилъ онъ все съ тѣмъ же чистосердечіемъ и съ тою же спокойною улыбкою. «Надобно же было образумиться и вспомнить, для чего мы живемъ».

Короче, онъ долго уклонялся отъ моихъ разспросовъ, но безъ всякаго жеманства; наконецъ видя, что я дружбою нашею требую открытія всего, случившагося съ нимъ, онъ покачалъ головою. посмѣялся и, вздохнувши, впрочемъ не горестно, началъ говорить.

«Нехотѣлось бы мнѣ уже и на память приводить встрѣтившагося со мною, потому что ты не услышишь ничего необыкновеннаго, а такъ, общее, незанимательное; разсказъ же этотъ, какъ ни буду разсудителенъ, все потревожитъ меня. Нехотѣлось-бы...» промолвилъ онъ, потирая лобъ рукою, «но для тебя... слушай.»

Надобно мнѣ было женить пріятеля. Я распоряжалъ, по обыкновенію, свадьбою. Сѣздъ, по деревенски, былъ многочисленный: отъ вѣнца, по старинному, утромъ началось веселье. Дѣвиць было много; я всѣхъ ихъ видѣлъ вмѣстѣ, но по одинакѣ ни одной не разсматривалъ за множествомъ: былъ съ ними, вертѣлся около нихъ и, что называется, былъ въ своей тарелкѣ. Всѣ знающіе меня замѣчали, что я былъ необыкновенно веселъ. Пришло время обѣда; распорядивши всѣмъ, я пригласилъ гостей, какъ водится, за столъ.

По званію хозяина, угощая всѣхъ, я неоставлялъ подбѣгать и къ дѣвицамъ; какъ вдругъ вижу... незнакомую для меня и прелестную, необыкновенно прелестную!.. Ахъ, какъ она была хороша! и едва шестнадцати лѣтъ....» вскрикнулъ Валеріанъ, закрылъ лице руками и молчалъ. Невольно выкатились у него слезы; онъ поспѣшилъ ихъ отереть и продолжалъ.

Тебѣ извѣстно, мой милый, ужъ я ли ненаглядѣлся на нихъ? Ужъ я ли немогъ оцѣнить красоты? Сколько ихъ промелькнуло мимо меня! Могъ быть строгимъ судьей, и потому повѣришь, что она была красоты невыразимой. Сначала овладѣло мною удивленіе, какъ можно столькимъ прелестямъ всѣмъ соединиться въ одной? По частичкѣ давши, можно бы надѣлать двадцать, и каждая изъ нихъ была бы красавица: а тутъ все въ одной!.. Первое чувство мое было, что я непонималъ себя, остолбенѣлъ, забылся, потерялся и бросилъ всѣ заботы по распоряженію; отошолъ въ сторону, смотрѣлъ на нее, любовался, восхищался ею, почиталъ себя счастливѣйшимъ и отъ того, что вижу ее!..

Началъ, такъ уже буду разсказывать. Во весь тотъ день, я не находилъ ни въ чомъ; я не видѣлъ никого, незанимался

ни кѣмъ, но и съ нею немогъ сказать ни полслова, боялся, почиталъ себя недостойнымъ быть близъ нея.... удалился отъ всѣхъ. Барышни пеняли меня, завлекали въ свое общество; но я былъ чуждъ всего, нетанцовалъ, неучаствовалъ ни въ разговорахъ, ни въ прогулкахъ по саду—это было въ маѣ мѣсяцѣ... я совсѣмъ потерялся!

Лишь уѣхала она со свадьбы, и я подъ разными предлогами уѣхалъ домой; сходилъ съ ума и, можетъ быть, неперенесъ бы своего горя... Какое же горе? Я вижу въ ней совершенство и чувствую себя такъ малымъ, ничтожнымъ, что никогда немогу возвыситься до счастья быть знаемымъ ею, отличаемымъ.... о любви я не смѣлъ и помыслить; я умеръ бы отъ восторга, если бы она сказала, что любить меня!...

Одна сосѣдка наша вошла въ мое положеніе, ободряла, успокоивала, разговорила меня и довела до того, что я познакомился въ домѣ ея. Потомъ сосѣдка сблизилась съ нею, приглашала ее гостить у себя на нѣсколько дней. Я привыкъ къ счастью видѣть ее, говорить съ нею; подъ видомъ шутки, въ разговорахъ, я описывалъ чувства мои, называя предмета, но ясно показывая, что это она, что она владѣетъ душою, сердцемъ, всѣмъ бытіемъ моимъ. Она смѣялась, нескрывала, что понимаетъ меня, неотвергала, неостанавливала меня, но и неподавала никакой надежды. А я, боготворя еѣ, недержалъ выпрашивать, не смѣлъ помыслить о взаимности.... такъ высоко цѣнилъ ее!

Мѣсяцы, годы проходили, я оставался при однихъ разсказахъ, писалъ стихи, акrostихи, прямо на ея имя, предупреждалъ всѣ ея желанія, исполнялъ всѣ препорученія, видѣлъ ласки, вниманіе, снисхожденіе; но лишь подумывалъ рѣшиться на предложеніе,—и, соображая всю силу страсти и чистоту любви моей, ненадѣялся, услышавъ о согласіи ея, перенести равнодушно и, самъ незнаю отъ чего и почему, полагалъ, что тутъ же умру отъ восторга.

Все такъ шло, и вотъ устроивался благородный спектакль и, какъ водилось, я распоряжалъ всѣмъ. Сборъ за спектакль предназначенъ былъ въ пользу бѣдныхъ. Она просила меня о ложѣ и располагала въ день представленія пріѣхать въ городъ. Все было устроено. Роль моя вытвержена и слова, сходныя

съ моимъ положеніемъ, замѣчены и назначены сказать съ обращеніемъ къ тому мѣсту, гдѣ будетъ сидѣть она.

Насталъ день представленія, и я, по тогдашнему, былъ уже въ папильоткахъ... какъ вополь человѣкъ отъ нея...

«А! пріѣхали? Вотъ-же и билетъ на ложу. Проси въ семь часовъ».

— Нѣтъ, сударь, не пріѣхали; а вотъ... сказалъ, человекъ и подаетъ мнѣ письмо...

«Что помѣшалось?» спросилъ я съ досадою и поспѣшилъ распечатать письмо... Это писала сестра ея, что по встрѣтившимся семейнымъ обстоятельствамъ они немогутъ пріѣхать...

«Барышню сговорили?» вскричалъ я.—Сговорили, сударь, вчерашняго числа за...

Всѣ кончилось!... Нашъ спектакль устроенъ былъ не для потѣхи, а для добраго дѣла... Театръ уже наполнился зрителями... Я еще могъ сообразить, что невозможно отказаться отъ роли, вышелъ на сцену, говорилъ по суффлеру и кое-какъ, кое-какъ договорилъ и скрылся отъ всѣхъ.

Она еще была до свадьбы въ городѣ... Я, имѣлъ случай, не замѣтить, но увѣриться, что она любила меня и шла за другого противъ воли...

Я былъ живъ; но рѣшеніе мое было твердо. Устроивъ свое хозяйство на случай моей отлучки, запасшись необходимыми бумагами и нужными деньгами для дороги, не сказавши никому о намѣреніи своемъ, ненаписавши даже къ единственной сестрѣ, я пустился въ путь пѣшкомъ.

31 октября, когда я зналъ, что она въ то утро вѣнчается, я въ городѣ зашелъ въ церковь, гдѣ было большое стеченіе народа. Навѣрно здѣсь похороны подумалъ я; кстати, отслушаю и буду воображать, что отпѣвають меня... прощусь съ радостями, съ надеждами на счастье, спокойствіе...

Обѣдня оканчивается, и я, вмѣсто надгробнаго пѣнія, такъ желаемого душою, слышу обрядъ вѣнчанія...

И здѣсь свадьба! почти вскрикнулъ я, и въ ту же минуту выбѣжалъ изъ церкви, неостанавливаясь ни на чомъ пустился въ путь, дошелъ прямо сюда въ Кіевъ, въ Печерскую Лавру...

Идя дорогою, я имѣлъ много времени обдумать и утвердиться въ моемъ намѣреніи. Первою мыслию моею было, что

я приношу Богу не совѣмъ чистую жертву, но вынужденную у меня горестію, вѣчнымъ несчастіемъ: сердце мое сокрушено, я уже мёртъ для свѣта и радостей его; неосталось ничего въ мірѣ, что привлекло бы къ себѣ, хотя на короткое время, мысль и попеченіе мое. Принужденной жертвы Богъ конечно не требуетъ; но потеряй я зрѣніе, лишись слуха... все равно я былъ бы мертвъ для свѣта и обратился бы вѣмъ помышленіемъ, всею горячностію нераздѣльно къ самому Богу, и неужели былъ бы отвергнутъ?—Немогли разстаться съ сладостями міра, неимѣвши крѣпости презрѣть и оставить ихъ, неужели, когда промыслъ Божій самъ исторгнулъ ихъ у меня и указываетъ единственный путь къ спасенію моему, неужели я долженъ презрѣть его потому, что я недѣлаю никакого пожертвованія? Горе бы мнѣ было, еслибы я и послѣ указанія мнѣ тщеты міра, оставался въ немъ, съ чаяніемъ отыскать себѣ еще какую-нибудь радость! Нѣтъ. Живу въ мірѣ, занимаюсь дѣлами его во славу Бога и на пользу ближнимъ, но если потеряно для меня все, чѣмъ я жилъ, тогда я разрываю и послѣднія цѣпи, державшія меня въ свѣтѣ, оставляю его какъ ненужный для него членъ и спѣшу посвятить себя Богу. Положивъ руку на рало, не обращаю вспять!...

И, укрѣпясь въ такихъ мысляхъ, я шолъ бодро, неуставая тѣломъ и духомъ, ободряя себя, что жертву мою Богъ неотринетъ; въ исполненіи, по новому званію, долга моего, я найду спокойствіе; въ молитвѣ—отраду и душевное наслажденіе. Измѣниться намѣренію, остыть горячности моей невозможно; нѣтъ ничего въ свѣтѣ, влекущаго меня къ себѣ обратно.

И съ покойнымъ духомъ вошолъ я въ эту мирную обитель. Начальство приняло меня внимательно. Намѣстникъ Лавры отецъ Кипріянь удостоивалъ меня неоднократно назидательною бесѣдою, разсматривалъ со мною вмѣстѣ желаніе мое со всѣхъ сторонъ и, испытавъ меня, благословилъ вступить въ число братіи.

Для исполненія, по уставу монашескому, послушанія, я просилъ назначить меня для священнаго чтенія въ церкви, въ числѣ крилошанъ или въ келіи схимниковъ и престарѣлыхъ монаховъ, немогущихъ исполнять правила своего. Указать изъ нихъ на кого именно, я немогъ, потому, что въ два дня

*

моего пребыванія въ обители незналъ ни кого, кромѣ благодѣтельствующаго мнѣ отца намѣстника и еще отца Антонія, котораго и ты видѣлъ, распоряжающаго приношеніями и назначеніемъ очереди молебнамъ во множествѣ приходящихъ поклонниковъ.

Отецъ намѣстникъ благосклонно согласился на мое желаніе и велѣлъ мнѣ явиться къ уставщикамъ. Отецъ Аркадій, уставщикъ праваго, и отецъ Пятиримъ, уставщикъ лѣваго клироса, принявъ меня хорошо и испытавъ въ церковномъ чтеніи, были довольны мною, и каждый изъ нихъ желалъ имѣть меня въ своемъ клирѣ; но назначеніе должно было послѣдовать отъ отца намѣстника.

Между тѣмъ, одинъ изъ соборныхъ старцевъ началъ мнѣ предлагать: «что вы непросите назначенія себѣ въ чтецы келейные къ отцу Іліи?»

Кто это отецъ Ілія? спросилъ я.

«Такъ вы еще неслыхали объ отцѣ Ільи? Это начальникъ въ Лаврѣ больничнаго монастыря, мужъ древній, весьма благочестивой жизни. Когда болящіе прибѣгаютъ къ нему, прося его молитвъ, онъ, несмотря на слабость и дряхлость свою, немедленно идетъ въ церковь и начинаетъ молебеніе самъ. Весьма много примѣровъ, что послѣ молитвъ его и окропленія святою водою болящіе получали исцѣленіе. Сверхъ того онъ мужъ прозорливый. Многіе, приходящіе къ нему для принятія благословенія, получаютъ отъ него всегда что-либо: иконку, ладонку, просфору или что-нибудь другое. Часто онъ встрѣтитъ пришедшаго или напутствуетъ при отходѣ какимъ-нибудь словомъ, кажется ничего незначащимъ, но которое предвѣщаетъ перемѣну въ судьбѣ или жизни пришедшаго. Много тому примѣровъ: и онъ отъ всѣхъ почитается за мужа праведнаго. У него просите себѣ мѣста, вы обрѣтете себѣ большую пользу. Кромѣ частаго чтенія, онъ любитъ бесѣдовать. Слово его сильно и назидательно. Послушайте меня для вашей пользы *)».

*) Память объ отцѣ Іліи сохранилась и по нынѣ у Лаврянъ, какъ о большомъ подвижникѣ въ дѣлахъ молитвы и благочестія. Въ должность больничнаго начальника онъ избранъ изъ экономовъ Лаврскихъ 1786 г. сентября 2-го и въ семь послушаній оставаясь до кончины своей, будучи притомъ соборнымъ старцемъ (съ 1785 г.) и духовникомъ Лаврскимъ. Кончина его послѣдовала 1802 г. 22 апрѣля во 2 часу по полудни.—М. М.

Но я придумалъ свое. Прежде нежели буду проситься къ нему въ чтецы, я вздумалъ побывать у него для испрошенія благословенія, рассказать ему все о себѣ, о намѣреніи моемъ здѣсь остаться, и замѣчать, не скажетъ ли онъ чего пророческаго относительно всей жизни моей.

Утромъ явился я къ нему въ этомъ самомъ видѣ, который принялъ немедленно, когда отецъ намѣстникъ благословилъ мнѣ остаться здѣсь. Кажется, видъ мой и всѣ монастырскіе приемы, непоказываютъ никакого барства? Но что же вышло.

Прислужникъ его, неразспрося меня, кто я, а только узнавъ, что желаю принять благословеніе у отца Иліи и, конечно судя по одеждѣ моей, сказалъ, что пришолъ послушникъ, небогѣ. Немедленно дверь отворилась и вышелъ монахъ престарѣлый, съ длинною сѣдою бородою. Остановясь въ дверяхъ, взглянулъ на меня, кажется, безъ дальнаго примѣчанія, и тутъ же оборотясь назадъ, что-то долго приказывалъ келейнику своему, и наконецъ вышелъ ко мнѣ. Я подошелъ къ нему, удостоенъ благословенія, и онъ слабыми ногами едва дошелъ до кресла своего и сказалъ мнѣ: сядьте; самъ сѣлъ, и опустивъ голову, перебиралъ въ рукахъ четки, молча.

Я уже зналъ обязанность младшаго по правиламъ монашества и, бывъ меньше какъ послушникъ, несмѣлъ при іеромонахѣ, или еще болѣе при начальникѣ монастыря, сѣсть по первому его слову; но когда онъ увидѣлъ, что я стою, то, все-таки молча, рукой указалъ мнѣ стулъ. Я долженъ былъ повиноваться и сѣлъ.

По тѣмъ же правиламъ, мнѣ неслѣдовало начинать разговора или спрашивать его о чемъ, надобно было ожидать, пока онъ спроситъ, зачѣмъ я пришолъ? Но какъ и послѣ долговременнаго молчанія, я неслышалъ отъ него никакого вопроса, то и рѣшился заговорить. Лишь только я началъ объяснять ему, откуда пришолъ въ Лавру... онъ поспѣшилъ махнуть рукою, какъ будто останавливая меня, и сказалъ: «знаю», и я замолчалъ.

Видя, что онъ не обращаетъ никакого вниманія и даже неглядитъ на меня, я опять рѣшился объясниться съ нимъ, но то же помаваніе рукою и то же «знаю» опять остановило меня.

Я недоумѣвалъ, что мнѣ дѣлать, и думалъ, не уйти ли отъ него; какъ вотъ отворилась на стезь дверь и келейникъ несетъ большую доску, уставленную закускою. Я замѣтилъ все, что было подано: хлѣбъ, масло, сыръ, икра, балыкъ двухъ сортовъ, солонка съ солью, ножи, вилки, салфетка; карафинъ, должно быть съ водою, и рюмка. Тарелки отличнаго фаянса, и прочій весь приборъ, какъ и доска, были все непростаго разбора, и можно было замѣтить, что всѣ вещи не изъ употребляемыхъ ежедневно, а подаваемые для гостей, болѣе чѣмъ простыхъ. Мнѣ еще прежде сказали замѣтить все, что увижу у него, до послѣдней бездѣлицы.

Поставивъ предо мною доску съ завтракомъ, келейникъ вышелъ. Я терялся въ догадкахъ, отчего отецъ Илія, видѣвши, что я неболѣе какъ послушникъ, принимаетъ меня такъ отлично? Не знаетъ ли отъ отца намѣстника, кто я? Все же невеликой важности особа, ни по состоянію, ни по происхожденію, ни по личнымъ достоинствамъ. Онъ такихъ видитъ ежедневно.

Находясь въ большомъ замѣшательствѣ, я не зналъ, что дѣлать съ предложеннымъ мнѣ завтракомъ. Отецъ Илія — мужъ святой, прозорливый; его одно слово указываетъ на все будущее въ жизни... Я терялся, и тѣмъ еще болѣе усугублялось мое недоумѣніе, что онъ не обращалъ вниманія на принесенное и продолжалъ молчать, склоня голову.

Я недотрогивался ни до чего. Наконецъ отецъ Илія, указавъ мнѣ рукою на предложенное, сказалъ только: «вамъ; кушайте». При семъ не было обычнаго благословенія и какъ водится у старшаго съ младшимъ, хотя бы крошечку чего отвѣдать, что бы меньшій свободно могъ, по желанію, что вкушать. Но когда онъ уже указалъ и сказалъ, что это для меня, я рѣшился ѣсть... Но и тутъ я былъ еще въ затрудненіи: изъ предложеннаго, можетъ быть, каждое означало что-либо и имѣло вліяніе на мое будущее... Разсчитывая долго, я взялъ хлѣба и балыка; поспѣшилъ съѣсть, ожидая начала бесѣды съ старцемъ, извѣстнымъ своею готовностью дать наставительный совѣтъ. Послѣ небольшого этого приема, я оставилъ завтракъ; отецъ Илія меня не просилъ болѣе и продолжалъ молчать.

Около часа прошло, и я неудостоился отъ него никакого замѣчательнаго слова, почему и рѣшился откланяться. Когда

я подошолъ къ нему, онъ привсталъ, поднялъ руку благословить меня, — я рѣшился сказать ему: я желалъ получить отъ вашего высокопреподобія...

— Ненужно... Боже васъ благослови, подвизайтесь!

И я вышелъ смущенный, удивленный и нѣсколько огорченный, что не удостоился отъ святого старца услышать что-либо назидательное.

Старецъ, который совѣтовалъ мнѣ быть у отца Или, и которому я рассказалъ о сдѣланномъ приемѣ, также недоумѣвалъ, выводилъ сходно съ моими мыслями заключеніе, что святой отецъ неблаговолитъ ко мнѣ, но — полагалъ онъ — предложеніе въ изобиліи пищи указывало, что мнѣ предстанетъ обязанность кормить большую семью, и не безъ заботъ, въ чомъ увѣрило сказанное имъ слово: подвизайтесь.

Отецъ намѣстникъ сказалъ мнѣ, что онъ предлагалъ ему взять меня въ келейные чтецы, но, странно, прибавилъ онъ, отецъ Илія тотчасъ остановилъ меня, сказавъ: «онъ ненашъ; ему будетъ другое послушаніе.» Тутъ я рассказалъ о странномъ его приемѣ, значеніе коего также и отецъ намѣстникъ подтвердилъ, что конечно со мною послѣдуетъ нѣчто необыкновенное и что я не останусь въ Лаврѣ. Основываясь на такомъ заключеніи, отецъ намѣстникъ перемѣнилъ со мною обращеніе, назнащаетъ мнѣ никакого послушанія. Я же, чтобъ небыть праздну, напросился просматривать корректуру церковныхъ книгъ; и вотъ мое занятіе» заключилъ свой рассказъ Валеріанъ, указавъ листы изъ Патерика Печерскаго, лежавшіе у него на столѣ, «непрепятствующее мнѣ быть всегда въ службѣ Божіей».

Проведя нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ съ любезнымъ мнѣ Валеріаномъ, я простился съ нимъ, пожелавъ ему спокойствія въ жизни имъ избранной, и зная его правила, твердость воли и обстоятельства, исторгнувшія его изъ свѣта, увѣренъ былъ, что онъ безъ всякаго колебанія, твердо и постоянно пройдетъ избранный путь. Онъ проводилъ меня за святыхъ ворота и взялъ слово, при проѣздѣ моемъ чрезъ Кіевъ, непремѣнно видѣться съ нимъ, что я охотно обѣщалъ, какъ и самъ искренно желалъ того.

Случай привелъ меня быть въ Кіевѣ непрежде, какъ чрезъ полтора года, и я побѣжалъ въ Лавру. Полагая, что Валеріанъ

постриженъ уже, я отыскиваю его между братією—и не нахожу. Иду въ типографію и тамъ, послѣ многихъ справокъ, узнаю, что онъ годъ тому назадъ, съ благословіемъ отца намѣстника, вышелъ изъ Лавры; но въ другой ли монастырь, въ міръ ли возвратился, никто немогъ сказать мнѣ навѣрное. «Онъ шолъ въ монастырь не попризванію», сказалъ мнѣ одинъ изъ работающихъ въ типографіи: «вѣтромъ мысль нанесло, вѣтромъ и выдуло».

«Не тѣхъ онъ свойствъ», думалъ я, возвращаясь изъ Лавры: «не вѣтеръ ему нанёсъ такую рѣшимость... Не пожелалъ ли онъ совершеннаго уединенія и, можетъ быть, удалился въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Благослови, Господи, его благое намѣреніе».

Проѣзжая Россію по всѣмъ направленіямъ, если случались мнѣ на пути монастыри, я неоставлялъ изъ нихъ ни одного, чтобы не посѣтить: прилежно всматривался въ иноковъ, спрашивалъ ихъ о Валеріанѣ, и ни въ одномъ монастырѣ неслышалъ ничего, чтобы подало мнѣ надежду отыскать его. Потомъ, время отъ времени, поселилась во мнѣ мысль, что онъ, снѣдаемый грустію, скорбію, тягостію новой жизни, немогъ перенести своего положенія, и гдѣ нибудь въ отдаленной, мало извѣстной обители почилъ съ миромъ...

Исполнивъ долгъ Русскаго дворянина, прослужа до старости, я вышелъ въ отставку и поселился въ деревушкѣ своей въ Черниговской губерніи. Тамъ безвыѣздно прожилъ я лѣтъ пять. Обстоятельства вызвали меня въ Кіевъ, и я пустился туда, во избѣжаніе лишнихъ издержекъ на лошадей и для спокойнѣйшаго переѣзда, на почтовыхъ.

Хотя я проѣзжалъ въ день не болѣе пятидесяти верстъ или двѣ-три станціи, но переѣздъ въ одномъ мѣстѣ замучилъ меня. Отъ станціи до близлежащаго города считалось только 25 верстъ, но ямщики говорили мнѣ, что будетъ добрыхъ тридцать; это означало болѣе еще тридцати. Отобѣдавъ, я пустился въ путь, чтобы, тихо ѣхавши, какъ требовало мое слабое здоровье, къ вечеру пріѣхать въ городъ. Но и на пяти верстахъ я замѣтилъ, что мнѣ надобно промучиться въ дорогѣ весь остатокъ дня и захватить часть ночи, потому что лошаденки были ужасно дрянныя, недружно везшія, упряжь безпрестанно рвалась и мы на каждой верстѣ должны были

покрайней мѣрѣ раза четыре останавливаться, чтобы исправить оборвавшееся или дать вздохнуть лошадямъ, вязшимъ въ сыпучемъ глубокомъ пѣску и падающимъ при взвозѣ коляски моей на пѣсчаные сугробы, безпрестанно встрѣчавшіеся на этомъ перевѣдѣ.

Жаръ, пыль и почти безпрестанныя остановки, мучили меня. Я, теряя всякое терпѣніе, то и дѣло спрашивалъ, далеко ли до города? Отвѣты небыли утѣшительны. Замѣтивъ время на часахъ, и отъ примѣтнаго мѣста проѣзжая до другого, я узнавалъ, что мы въ часъ ѣхали неболѣе двухъ верстъ.

Я сердился и ворчалъ на ямщика, но онъ все молчалъ и погонялъ своихъ несчастныхъ скотовъ; наконецъ уже къ вечеру, въ отвѣтъ на мои упреки, прикрикнулъ и онъ не меня.

— Ну, конечно, до города недоѣдемъ, да невеликая потеря! Ночевать въ такомъ дрянномъ городишкѣ—бѣда! Вы и куска хлѣба не найдете, и взѣхать вамъ нѣкуда будетъ, да и меня хозяинъ забранить, если вашу колымагу дотащу до самого города.

«Но мнѣ гдѣ-нибудь же надо ночевать! Не въ этихъ же пѣскахъ» сказалъ я.

— Чего же въ пѣскахъ ночевать, когда вотъ-вотъ скоро дотащимся, и, воля ваша, я далѣе непоѣду, тамъ и заночуемъ.

«Гдѣ же мы заночуемъ?»

— Ужъ не гдѣ, какъ у добраго пана.

«Кто же это такой добрый панъ твой?»

— А кто его знаетъ! Онъ не только мой, да и для всѣхъ проѣзжающихъ добрый панъ. Видишь, пане, какая тутъ пропастная дорога: пѣски да горы. и кругомъ нѣтъ никакого жилья, а отъ нашего села до этого города, знаешь и самъ, какъ далеко? И проѣхать безъ устали надобно добрымъ конямъ. а пѣшкомъ пройти безъ отдыху, и неговори; дорога же прямо въ Кіевъ, такъ мало ли тутъ пройдетъ и проѣдетъ народу Божьяго! Мучились, сердечные! Такъ что жъ этотъ добрый панъ выгадалъ? Онъ на самой дорогѣ выстроился, да и для людей чего-то онъ ненастроилъ! И пѣшій, и конный, кто утомился, до городу или до села недойдетъ, иди прямо къ нему: тамъ отдохни хорошенько, кормятъ знатно и тебя, и лошадей...

«Дорого же за постой берутъ?»

— Куда тебѣ берутъ? Таки ничего. Еще когда бѣдность зайдетъ, такъ и пріодѣнуть и денегъ тамъ-сколько на дорогу дадутъ; а болень, такъ и полѣчуть, и вылѣчатъ, да тогда отпустить. Чудный пань! Вотъ уже будетъ въ царствѣ! Весь народъ, что къ нему идетъ, отъ него выходитъ, всѣ за него Бога молятъ.

«Какъ же вамъ нестыдно, что вы не знаете, кто онъ и какъ зовутъ его?»

— А начто знать больше, какъ добрый пань? Его всѣ такъ знаютъ и молятся: спаси, Господи, добраго пана!... Вотъ уже и недалечко до него. Видите, вонъ показывается хуторъ его... Ну, патыки, чтобъ вы здохли!... И онъ усердно погонялъ своихъ клячь...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за пѣсчанаго бугра показался хуторъ или нѣсколько строеній. По одну сторону дороги стоялъ господскій небольшой домикъ красивенькой наружности, со всѣми службами, а напротивъ его большой дворъ съ плетневою огорожею. На дворѣ, къ улицѣ лицомъ, стояло длинное строеніе, безъ всякихъ затѣй и прикрасъ, съ небольшими рѣшетчатыми окнами и высокою соломяною крышею. Ямщикъ, неспрашивая позволенія у стоящихъ тутъ людей, взвезъ меня прямо на этотъ дворъ. При выходѣ моемъ изъ коляски, подошлъ ко мнѣ человекъ, одѣтый какъ волостной писарь, отличающій себя отъ простаго народа, и на малороссійскомъ языкѣ привѣтствовалъ меня, и просилъ пожаловать отдохнуть на благородную половину.

Худо вѣря рассказамъ ямщика, съ желаніемъ удостовѣриться и узнать больше слышаннаго, я спросилъ моего провожатаго, найду ли всё нужное у него на постояломъ дворѣ?

— Здѣсь, ваше благородіе, не постоялый, отвѣчалъ онъ и подтвердилъ совершенно сказанное мнѣ ямщикомъ. Мигомъ оправдались слова его: вошла женщина съ кипящимъ самоваромъ и со всею принадлежностію къ чаю. Уставивъ все, она спросила меня: какой чай кушаю я? Но мнѣ показалось совѣстно отягощать собою великодушнаго хозяина, и я сказалъ, что обыкновенно пью свой чай, и приказалъ подать все свое дорожное. Приставъ сказалъ, что во всемъ воля моя, и что, въ случаѣ надобности чего проѣзжимъ, у нихъ все запасено,

Оставивъ меня заниматься чѣмъ хочу, онъ вышелъ, и я видѣлъ, какъ люди убирали лошадей, коляску мою отвезли въ сарай, а ямщику, поднесши добрую чарку горѣлки, предложили ити поѣсть, на что онъ съ радостью согласился. Ненужно, кажется, объяснять, что «благородная половина» состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ отдѣльныхъ, но въ случаѣ надобности нѣкоторыя изъ нихъ соединялись между собою. Въ каждой комнатѣ была софа, могущая служить кроватью, шкафъ, зеркало, столики и стулья; все простое, но содержимое въ отличной чистотѣ. Для простыхъ посѣтителей была особая половина, гдѣ также было всё необходимое для нихъ. Служебъ было достаточно; все простое, но удобное; чистота вездѣ отличная.

Вскорѣ вошелъ ко мнѣ приставъ и спросилъ, не прикажу ли чего изготовить къ ужину? Я началъ разспрашивать о господинѣ его, и приставъ превозносилъ мнѣ доброту и заботливость его о своемъ заведеніи. «Они нарочно все это и устроили для выгодъ и спокойствія проезжающихъ и проходящихъ по этой тяжелой дорогѣ» говорилъ мнѣ приставъ.

«Кто именно твой баринъ если можно знать?»

— Почему-же невозможно? Они нетаятся и въ случаѣ большого сбора людей, сами приходятъ и осматриваютъ порядокъ.

«Я желалъ бы отдать ему почтеніе, познакомиться съ нимъ и поблагодарить за такое попеченіе его о насъ дорожныхъ. Можно къ нему ити?»

— Для чего же? очень можно!

«Какъ имя его?» спросилъ я, взявъ дорожній свой картузъ, чтобъ ити къ нему.

— Ихъ зовутъ просто: Валеріанъ Степановичъ...

И я уже бѣжалъ къ господскому дому, и внѣ себя отъ радости кричалъ: Валеріанъ!... Валеріанъ! Ко мнѣ, ко мнѣ!... Это я!...

Я наполь его сидящаго за чтеніемъ какой-то толстой церковной книги.

Онъ остановился, смотрѣлъ на меня внимательно и минуты чрезъ двѣ, вскричалъ радостно и бросился обнимать меня... Мы немогли проговорить ни одного слова.

Встрѣтившись съ нимъ нечаянно, конечно я не узналъ бы его. Я всё воображалъ его молодымъ, порхающимъ мотылькомъ

въ кругу весѣлыхъ людей, или въ келии, съ едва отросшею бородкою молодыхъ волосъ; теперь же я увидѣлъ предъ собою старца, правда бодрого, крѣпкаго, свѣжаго, но съ сѣдыми волосами на головѣ, съ замѣтными морщинами на лицѣ... Двадцать пять лѣтъ мы невидались!... Припомнивъ объ этомъ, я не удивлялся, что и онъ меня не узналъ. Нескоро мы могли начать порядкомъ разговоръ, и вотъ что рассказалъ онъ мнѣ о себѣ.

«Ты знаешь, что у меня была сестра за мужемъ въ Тульской губерніи. Мужъ ея умеръ, родственники начали тѣснить ее и покушаться на отнятіе у дѣтей ея собственности. Сестра, изложивъ все беззащитное положеніе свое, просила, если я не постригся еще (я писалъ къ ней изъ Лавры уже о намѣреніи моемъ), поспѣшилъ бы пріѣхать къ ней, заштитить несчастныхъ сиротъ ея и удержать отцовское достояніе ихъ.

Велико было искушеніе! Страданіе ближнихъ... помочи имъ совершенно нѣтъ отъ кого было получить, кромѣ меня; кто бы изъ наемныхъ повѣренныхъ могъ такъ дѣйствовать, какъ я?... И окончивъ процессъ, можно будетъ желаніе мое исполнить... Отецъ намѣстникъ лишь только услышалъ вопросъ мой, что мнѣ предпринять въ такихъ обстоятельствахъ, тотъ же часъ началъ требовать, чтобы я оставилъ монастырь и поспѣшилъ на помощь къ сестрѣ.

Все еще нерѣшаясь ни на что, въ большемъ смятеніи, я прошолъ прямо къ отцу Іліи. Я полагалъ, что онъ меня и не узнаетъ уже; но лишь я вошелъ, какъ этотъ чудный старецъ съ удивленіемъ спросилъ меня: «ты еще не уѣхалъ? Поспѣши». И тутъ же подаль мнѣ ржаной хлѣбъ и сказалъ мнѣ эти примѣчательныя слова: «подвизайся и хлѣбъ свой раздѣляй съ скорбными».

Я долженъ былъ выѣхать изъ Лавры. Нашолъ сестру въ большемъ горѣ, принялся хлопотать по дѣламъ ея, заштитилъ сиротъ, удержалъ имъ принадлежащее и—похоронилъ ее!... Изъ собственнаго она имѣла вотъ это маленькое имѣніице и денежный капиталъ; какъ же каждый изъ дѣтей ея, оставаясь при отцовскомъ имѣніи, былъ больше нежели богатъ, то сестра упросила меня взять эту деревеньку и деньги, примолвивъ къ тому: «я знаю, ты неодинокъ проживешь это, а будешь раздѣлять съ скорбными». Слова умирающей, такъ сходныя съ словами святаго мужа, о коихъ, равно какъ и

о всей моей монастырской жизни, я никогда ниговорилъ сестрѣ,— слова ея сильно поразили мня, и я невольно принялъ все подаренное ею и тутъ же поклялся употребить все за душу ея.

Небольшая деревенька со всѣми угодыями—отсюда верстахъ въ четырехъ; доходъ съ нея, по моему распоряженію, достаточный. Здѣсь же на этихъ пѣскахъ, былъ постоянный дворъ, приносившій самый ничтожный доходъ.

Въ одинъ день, изъ своей деревеньки, я пріѣхалъ обо-зрѣть его и придумать, какъ бы устроить его прочіе. День былъ жаркій; пѣски раскаленные; богомольцы шли въ Кіевъ толпами; они немогли дѣлать отдыховъ: у нихъ расчислено, во сколько дней должно было дойти, а день Успенія приближался. Прискорбно было смотрѣть на нихъ, утомленныхъ до крайности, дѣлающихъ послѣднія усилія дойти скорѣе до колодца на постояломъ дворѣ! Нѣкоторые изъ нихъ были такъ изнурены, что упадали на дорогѣ и поручали своимъ принести воды. Утоливъ жажду и отдохнувъ на жарѣ солнечномъ и горячемъ пѣскѣ—какой отдыхъ!—нѣкоторые поднимались и снова пускались въ путь. При нѣкоторыхъ партіяхъ были телѣжки, пустыя, безъ всякой поклажи; телѣжки эти взяты были на случай, кто бы изнемогъ вовсе или заболѣлъ, такъ можно было бы подвезти пока; а всѣ свои дорожныя запасы каждый несъ на себѣ. И такую пустую телѣжку измученная кляча едва могла тащить въ такой жаръ по сыпучему песку.

Я задумался о бѣдствующихъ подвижникахъ. Что дѣлаеть вѣра! Имъ легкоъ этотъ трудъ, усладительны бѣдствія! О постигшихъ они недумаютъ, равнодушно ожидаютъ новыхъ могущихъ случиться—потому, что дали обѣтъ все терпѣть, все перенести, достигнуть желаемого, вступить въ святую обитель, поклониться святынѣ, облобызать нетлѣнные тѣла видимыхъ угодниковъ Божіихъ, принести покаяніе въ грѣхахъ своихъ, и по вѣрѣ ихъ все дается имъ. Ихъ подвиги, ихъ моленія, смягчаютъ гнѣвъ Божій, раздражаемый людьми образованными, ведущими жизнь сообразно просвѣщенію!...

Желая сколько-нибудь доставить облегченіе утомленнымъ, алчущимъ и жаждущимъ и другія неприятности терпящимъ путникамъ, я приказалъ пригласить ихъ во дворъ, кому нужно было, ввелъ въ домъ, предложилъ пищу, питье, отдыхъ... и имѣлъ наслажденіе видѣть гостей моихъ въ полномъ удоволь-

ствіи. Подкрѣпя нѣсколько силы свои, они пускались въ путь... благодаренія и благословенія ихъ неумолкали... Вновь проходящіе были также зазываемы и угощаемы. Запасъ постоялаго двора скоро истощился; за необходимымъ я послалъ въ домъ и всѣмъ распоряженіемъ занимался до глубокаго вечера.

Выславъ изъ дому, что нужно было для угощенія странниковъ, оставленныхъ мною ночевать на постояломъ дворѣ, и что необходимо будетъ для вновь приходящихъ въ теченіе дня, потому что я просилъ всѣхъ, заходящихъ ко мнѣ, объявить всѣмъ по этой дорогѣ идущимъ и ѣдущимъ, если будутъ имѣть въ чемъ надобность, заходить прямо на мой постоялый; я началъ расчислять, сколько бы мнѣ потребно было издержать въ годъ на угощеніе такихъ гостей? Полагая все въ большемъ размѣрѣ, я съ восторгомъ увидѣлъ, что годового моего дохода отъ капитала и имѣнія весьма достаточно на исполненіе намѣренія моего. На другой день, продолжая угощать странствующихъ, я принялся устраивать новое заведеніе мое. Необходимыя строенія, какъ незатѣйливыя, скоро поспѣли; запасы заготовлены, люди пріисканы, все шло отлично хорошо... но вездѣ нуженъ былъ мой глазъ, мой голосъ и часто мои руки; чужому управленію и присмотру я немогъ ввѣрить; а совѣсть какъ будто напоминала мнѣ объ исполненіи обѣта быть монахомъ. Для приведенія всего въ согласіе, я поѣхалъ въ Кіевъ.

Схимнику такъ много тогда (въ 1810 году) извѣстному святостию своею, я открылъ душу свою, и вотъ что онъ сказалъ. «Каждый призванъ работать въ вертоградѣ Христовомъ по силамъ и способностямъ своимъ. Иному десять талантовъ, иному одинъ. Въ мірѣ, для спокойства и блага ближнихъ, нуженъ учитель, воинъ, правитель, судія, писатель, художникъ, земледѣлецъ, духовный. Блаженъ, кто дѣлаетъ талантъ свой, а нескрываетъ его въ землю. Но горе всѣмъ, дѣлающимъ дѣло свое съ небреженіемъ и ради своей лишь выгоды. Ты былъ бы монахъ полезный для себя только. Въ вертоградѣ Христовомъ, въ мірѣ семъ нужно работать для всѣхъ. И чаша воды, поданная жаждущему, есть дѣланіе. Имѣешь ее, нехрани для себя, предлагай нуждающемуся. Промыслъ Божій, чрезъ праведную сестру твою, далъ тебѣ возможность быть полезнымъ для ближнихъ, и словами ея и старца указалъ средство.

Иди, дѣлай тамъ, куда призванъ; нескрывай таланта, недумай лишь только о себѣ, будь полезенъ ближнимъ».

Напутствовавъ благословеніемъ, святой мужъ отпустилъ меня, и съ тѣхъ поръ я уже неотлученъ при своемъ заведеніи. Богъ видимо благословилъ желаніе мое. Способы къ содержанію неоскудѣвають, странствующіе неумалются, и я вкушаю неизъяснимое удовольствіе. Иногда вспоминаю о ней со вѣсьмъ чистымъ спокойствіемъ, и удивляюсь мудрому и благому промыслу, дѣйствіемъ жестокимъ, какъ казалось тогда, приведшему меня къ мирной и безмятежной жизни...»

Несмотря на старость мою, я еще часто навѣщаль моего любезнаго Валеріана.

VII.

ОСНОВАНИЕ ХАРЬКОВА.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ.

Посвящается Валериану Андреевичу Квиткѣ.

ОСНОВАНИЕ ХАРЬКОВА *).

Да, городъ Харьковъ отличенъ отъ многихъ губернскихъ городовъ. Взгляните на него хоть слегка, хоть со всею внимательностію—предестъ! Улицы ровныя, чистыя, прямыя; публичныя зданія великолѣпны, частныя дома красивы, милы; магазины наполнены всякаго рода товарами, вещами въ изобиліи и безпрестанно смѣняющимися новѣйшими, изящнѣйшими: не успѣеть что явиться въ Петербургъ, уже привезено въ Харьковъ и продано. Училища, театръ, гостиный дворъ, различныя художественныя заведенія... чего въ немъ нѣтъ. Сколько потребно времени пройти городъ вдоль! устанешь, просто устанешь; а кругомъ обойти его, и неговорите, чтобы можно было въ одинъ день; это же еще и безъ предмѣстій. И что въ немъ завидно, такъ это то, что въ нынѣшнемъ году городъ былъ, кажется, конченъ совсѣмъ, крайній дворъ извѣстенъ; на слѣдующій годъ, глядишь, уже отъ того двора выдвинулось въ поле нѣсколько улицъ, выстроены домики, и границы города измѣнились. Да чего? Самая Основа (незабудьте пожалуста объ этомъ; намъ нужно будетъ вспомнить), Основа уже почти соединена съ городомъ, городъ вливается въ нее. Въ семь году ходишь по городу, идешь изъ улицы въ улицу, видишь домики, дома деревянные, не только неветхіе, но еще и нестарые; зайдешь туда на другой годъ... батюшки свѣты! гдѣ я?... Все это застроено новыми, каменными, уже не домами, а палатами обширными, въ два, три, четыре этажа; и все красиво, мило, и все и вездѣ наполнено народомъ, вездѣ жизнь, движеніе, суета... нѣтъ, именно нѣтъ во всемъ городѣ пустого незанятаго уголка. На будущее лѣто выростетъ изъ земли пятьдесятъ домищевъ въ нѣсколько этажей, каждый растянется на десяткахъ саженей, верхъ еще кладутъ, до крыши далеко, а внизу жильцы движутся, промышляютъ... Стало быть нужно

*) Молодикъ на 1843 г. Украинскій Литературный Сборникъ издаваемый И. Бецкимъ ч. I.

строиться, есть изъ чего строить. Стало быть, народъ прибавляется; непокидаютъ Харькова, а стекаются въ него изъ разныхъ мѣстъ. Стало быть, въ немъ жить привольно, покойно, удобно: мастеровому, если только не сидитъ безъ работы; промышленнику, который удачно ведетъ свои обороты; купцу, сбывающему выгодно свой товаръ; гдѣ имъ защита и покровительство отъ начальства, такъ они туда роємъ летятъ. Классу людей, понимающихъ, къ чему ведутъ науки, ужъ какое удобство обучать дѣтей! изъ какихъ мѣстъ не наѣзжаютъ въ Харьковъ! Расположились прожить, пока дѣти окончатъ ученіе, глядишь, купили домъ, остались жить у насъ навсегда: покойно, угодно, неубыточно, весело... что еще нужно для безмятежной жизни?...

Посмотрите вы на этого молодца, на этого франта между городами, посмотрите на Харьковъ въ праздничный, торжественный день—чудо! Стукъ экипажей по мостовымъ въ разныхъ улицахъ, всѣ спѣшать къ одному пункту... экипажи что ни наилучшіе; модно, блестяще, красиво; кони завидные, упряжь одна другой наряднѣе, свѣтится, сіяетъ какъ жаръ; кучера въ ямскихъ, лихо отдѣланныхъ, хватски изукрашенныхъ кафтаннахъ; ловкіе, лихіе лакеи въ блестящихъ ливреяхъ съ аксельбантами... стоишь въ сторонкѣ, любишься, глядя на все это; нѣчего похулить! Войдите въ соборъ: пройдите чрезъ ряды купечества, степенно, важно стоящаго, да какого купечества? Гдѣ случается имъ бесѣдовать между собою о своихъ дѣлахъ, тамъ милліоны у нихъ за урядъ, а о сотняхъ тысячахъ рѣдко и говорить приходится. Идите далѣе: вотъ вы къ кругу чиновниковъ; всѣ въ мундирахъ, блестяще, пышно, важно, золото, серебро, блескъ; взгляните налѣво: дамы, дѣвицы, всюду скромность, красота, прелесть убранства, наряды, все прилично, все со вкусомъ; перлы, брилліанты, тутъ послѣднее дѣло... смѣтрите, и ненасмотрите; любуетесь, неналюбуетесь!

Всѣ эти добрые христіане проводятъ день, всякій по своему состоянію, дружно, согласно, а потому и пріятно. Въ одномъ домѣ двадцать, въ другомъ тридцать, пятьдесятъ обѣдаютъ. Вездѣ роскошь, изобиліе! Лучшія яства, вина, сочные свѣжіе плоды, серебро, хрусталь, вазы съ цвѣтами... Говоръ, шутки, смѣхъ, свобода приправляютъ обѣды. Разговоры безъ пересудовъ, хотя изъ обѣдающихъ больше половины дамъ; безъ сплетней; разсужденія здравыя, прямыя; судятъ, рядятъ о музыкѣ,

литературѣ, произведеніяхъ искусствъ; прислушиваемся... сужденія точнѣе, je vous assure дѣльнѣе, чѣмъ въ иномъ журналѣ.

Пришолъ вечеръ. Несговаривались, неусловливались, а всѣ опять вмѣстѣ, въ театрѣ или въ благородномъ собраніи. Въ театрѣ есть на что посмотреть, есть чѣмъ заняться и потомъ послушать хоть и непечатныхъ, а дѣльныхъ сужденій. Входите въ благородное собраніе... зала превосходная, огромная!... Цари хвалили ее!... Свѣтъ, блескъ, многолюдство. Чинно, пристойно, весело; въ толпѣ васъ никто негѣснить, кажется заботится о вашемъ спокойствіи. Поговорите съ кѣмъ и о чомъ удобно, — находите знаніе, образованность, свѣдѣнія... Взгляните на прекрасный полъ, сидящій на возвышеніи въ ожиданіи бала. А? что скажете? Цвѣтникъ, сударь! да еще какой! Отличныхъ, прелестныхъ, цвѣточекъ къ цвѣточку подобранныхъ, благоуханныхъ, ароматныхъ... ну, неприберу словъ: голова ступѣла, глежу, люблюсь и... Наряды, убранство, ловкость во всемъ; все у мѣста, граціозно, лучше нельзя придумать. Поговоривши съ молодыми людьми, васъ окружавшими, вы пріятно провели время, насладились дѣльнымъ разговоромъ... Подойти къ цвѣтнику, любуетесь; вотъ студенты, чиновники... О чомъ вамъ угодно будетъ поговорить, о литературѣ русской, французской, о музыкѣ нѣмецкой, италянкой, о композиторахъ... судъ здравый, толковый, французскій языкъ правильный, выговоръ чистый... Столица, право-слово, столица!...

Музыка гремитъ, кадрили, вальсы, мазурки все идетъ своимъ порядкомъ. Вездѣ грація, ловкость, пристойность, въ парныхъ разговорахъ острога, любезность, немножко кокетства, столь прелестнаго въ прелестныхъ, необходимаго въ милыхъ... глядишь... и узелокъ завязался...

Вообще видите стройность, образованность, пышность безъ чванства, хлѣбосольство, радушіе, вкусъ, здоровое сужденіе, умѣніе жить...

Смѣшонъ мнѣ нашъ Харьковъ!... Какъ онъ упитался, какъ онъ распространился, какъ онъ разукрасился! Привлекъ къ себѣ иногородныхъ торговыхъ гостей, ворочающихъ милліонами, вкоренилъ ученіе высшимъ наукамъ, самъ принарядился, расфрантился, шаркаетъ по-европейски, отплясываетъ французскія кадрили, погуливаетъ на многолюдныхъ ярмаркахъ, припасаетъ самое лучшее изъ наилучшаго, любезничаетъ съ

дамами, ненаговорится о премудрости, чванится далекою о себѣ славою, гордится передъ своими братьями, не даетъ никому ступить себѣ на ногу, поглядываетъ только, какъ и старшіе его братья шапки предъ нимъ снимають, а самъ заламывая голову, руки по столичному заламываетъ въ карманы, думаетъ что онъ и въ самомъ дѣлѣ *фря* какой!... Эхъ, голубчикъ ты мой! Ну, что, какъ я расскажу про твое рожденіе, какъ ты росъ и мужалъ? Каковъ былъ ты въ началѣ и каковъ теперь—сравнить, такъ просто умора! Былъ такъ-себѣ, ничего, даже и въ простые городишки ненаровишься, а глядишь, какъ счастье послужило?

Не угодно ли послушать истинной правды?

Въ древнемъ русскомъ городѣ Кіевѣ, стонавшемъ подъ игомъ польскаго владычества, хозяинъ одного дома, окончившій службу и жившій на свободѣ, по прозванію панъ Ясенковскій, 1604 года, іюня въ 13-й день, отобѣдавъ вкусно, и, по обычаю благочестивыхъ предковъ, соснувши порядочно, къ вечеру, когда свалилъ жаръ солнечный, вышелъ на крыльцо, сѣлъ на стулъ, думалъ о семь, о томъ и—кто его знаетъ,—о чомъ онъ непередумалъ! Далѣе какъ слѣдуетъ, зѣвнулъ разъ-другой-пятый... вдругъ слышитъ кто-то ударилъ въ кольцо... Хозяинъ приказалъ прислугѣ узнать, кто у калитки и какое имѣетъ къ нему дѣло? Спросившій донесъ, что это подѣхалъ на телѣгѣ какой-то больной старичокъ и съ нимъ мальчикъ-дитя. Больной-де просить Христа ради впустить его во дворъ и не дать ему среди улицы умереть... «Христа ради?» вскрикнулъ хозяинъ: «скорѣе отворите ворота, пусть въѣзжаетъ».

Хозяинскій прислужникъ ввелъ лошадь съ телѣгою. Слабый, больной, едва движущійся старикъ лежалъ протянувшись въ пустой телѣгѣ. Подлѣ него сидѣлъ мальчикъ семи-восьми лѣтъ, необыкновенно красивый. Голубые глазки его даже помутились отъ слезъ, бѣленькое личико загорѣло отъ солнца, платье на немъ... лохмотья, ноги босикомъ.

Хозяинъ подошелъ къ старику, началъ спрашивать, кто онъ, изъ какихъ мѣстъ и куда Господь его несетъ?...

«Мой путь... коротокъ», едва могъ проговорить старикъ и потомъ собираясь съ силами, продолжалъ: «путь конченъ... въ могилу... покормите дитя... цѣлый день некушалъ...»

И уже хозяйка съ дочерью выхватили мальчика, повели его въ домъ, поспѣшили накормить, потомъ умыли, причесали, нашли сколько-нибудь пристойное платьице, сапожки... Мальчика ни что незанимало, онъ какимъ-то смѣшаннымъ нарѣчіемъ просилъ, чтобы его отпустили къ Агафону.

Старика уже внесли въ особую избу и привели къ нему мальчика. Во все время его отсутствія, старикъ замѣтно безпокоился и все посматривалъ кругомъ, но когда увидѣлъ его близъ себя и уже пріодѣтаго, вздохнулъ свободно и силился что-то сказать, но выговорилъ: «Богъ вамъ...» ослабѣлъ, замолчалъ и вскорѣ уснулъ.

Хозяева увели мальчика къ себѣ, ласкали его, а болѣе всѣхъ любовалася имъ панна, хозяйская дочь, дѣвушка лѣтъ семнадцати. Она завладѣла имъ совершенно.

«Какъ тебя зовутъ, душка?» спрашивала она его.

— Андрей!

«А панъ-отца твоего, батюшку какъ зовутъ?»

— Батюшка.

«А еще какъ?»

— Ни какъ больше.

«Гдѣ онъ?»

— Поѣхалъ.

«Куда?»

— Незнаю.

«А этотъ Агафонъ, кто онъ такой?»

— Онъ нашъ.

«Онъ взялъ тебя отъ батюшки?»

— Нѣтъ, батюшка велѣлъ ему со мною уйти, а Агафонъ купилъ лошадь, да привезъ меня къ вамъ въ Кіевъ. Меня одного, а Гриши уже небыло.

«А кто же этотъ Гриша?»

— Кто? А какъ-же? братъ мой!

«Гдѣ же онъ?»

— У тетушки. Вотъ-то ужъ вѣрно забудеть совсѣмъ порусски!

«Кто же тетушка твоя и гдѣ она живетъ?»

«Еще дальше того города, гдѣ мы жили; а я незнаю ничего, хоть и неспрашивайте. Спросите у Агафона. О! онъ все знаетъ. И какія сказки умѣетъ рассказывать! Какъ я былъ еще маленькій, такъ много мнѣ ихъ говорилъ. А Гриша бывало тотчасъ уснетъ».

И изъ такихъ короткихъ отвѣтовъ не все можно было понять, потому что онъ въ нихъ вмѣшивалъ нѣмецкія слова.

Агафонъ же былъ такъ слабъ, что его несмѣли беспокоить разспросами. Въ дорогѣ и подъѣзжая къ Киеву, онъ преодолѣвалъ болѣзнь и напрягалъ силы, чтобы добраться до города; а когда уже нашолъ пристанище, то бодрость и напряжонныя послѣднія силы оставили его и онъ къ вечеру впалъ въ безчувствіе.

По утру онъ казался крѣпче и свѣжѣе; на разспросы пана Ясенковскаго отвѣчалъ: «Несмогу еще всего порядкомъ рассказать; много-много намъ горя было!... Дастъ Богъ укрѣплюся еще маленько, долженъ вамъ все открыть, чтобъ вмѣстѣ отыскивать боярина моего... Приголубьте сироту... дитя боярское...»

— Отдохни старикъ! Тебѣ тяжело говорить. Будешь покойнѣе, пришли за мною, мнѣ хочется все знать.

«Что могу, расскажу... Нужно бы и боярина отыскать... коли смерть несвяжетъ... Охъ, бѣдный бояринъ!...» и старикъ замолкъ, утирая слезы.

Панъ Ясенковскій оставилъ его, чтобы онъ неизнурилъ себя рассказами.

Еще насталь день, но старикъ видимо слабѣлъ... Къ вечеру спросилъ священника и промолвилъ: «но нашего... нашего, православнаго... святого закона. Благодарю Бога, что кости мои неостанутся въ невѣрной землѣ, а лягутъ въ Богоспасаемомъ градѣ!...»

Изъ ближняго монастыря призванъ былъ духовникъ, но, по слабости больного, исповѣдь была краткая и онъ приобщившись св. таинъ, призвалъ пана Ясенковскаго и съ большимъ усиліемъ сказалъ: «умираю, батюшка!... неоставьте сироты!... Бояринъ... скоро будетъ въ Киевъ... коли благополучень... Спросите въ Лаврѣ... у отца... забылъ. Здѣсь (положивъ руку на свои рубища)—цѣпь, гривна... крестъ... въ опалѣ онъ...

бумаги... Господи! я вѣрный рабъ... сохранилъ...» далѣе изъ словъ его неможно было ничего понять; потомъ затихъ и скончался.

Въ рубищѣ, бывшемъ на немъ при приѣздѣ къ пану Ясенковскому, найдены зашитыми въ полахъ и рукавахъ золотыхъ и серебряныхъ, разныхъ цѣнъ, пятьдесятъ шесть монетъ; также золотой крестъ, длинная цѣпь чистаго золота русской работы. Гривны же и бумага, о коихъ упоминалъ Агафонъ, вовсе небыло. Находили мѣста, гдѣ было зашиваемо нѣчто большое, но какъ Агафоновъ одежда была ветха, то зашитое прорывало платье. Старикъ перешивалъ въ другое мѣсто, и легко случиться могло, что изъ послѣдняго мѣста все сохраненное, также протерши рубище, выпало гдѣ-нибудь въ дорогѣ, и Агафонъ въ слабости отъ болѣзни не почувствовалъ и не хватился, а умирая полагалъ, что все при немъ.

Взвѣсивши цѣпь, панъ Ясенковскій съ духовникомъ записали вѣсъ ея и число монетъ, сложили все это въ одинъ ящикъ, съ описаніемъ, при какомъ случаѣ все это найдено, запечатали общими печатями, и панъ принялъ на свое сохраненіе. Крестъ же, какъ видимо, данный ребенку, при крещеніи, тутъ, же повѣсили на маленькаго Андрея.

На этомъ крестѣ, длиною въ вершокъ и довольно полнобѣсномъ, съ одной стороны изображено было распятіе, отличной *заморской* работы, а на другой сторонѣ вырѣзаны были русскія церковныя слова, подъ титлами, но только такъ неясно и безъ раздѣленія слова отъ слова, что видимо было, что ихъ вырѣзывалъ незнающій русскаго языка, и копировалъ изъ написаннаго. Почти всѣ буквы были исковерканы, нѣкоторыя уподоблялись нѣмецкимъ, даже были, вмѣсто буквъ, произвольныя фигуры, незначающія ничего. Вотъ что ясно прочесть можно было:

«... раба Божія, боярина Москов...с... Афонас... сынъ Андрей, родился въ лѣт... 7102 ноемвр... въ 24 д... въ Ригѣ».

Вѣрнаго раба Божія и усерднаго слугу боярскаго Агафона, похоронили по приличію. Малютка Андрей, чувствуя свое положеніе, плакалъ неутѣшно. Потомъ убѣдительно просилъ пана Ясенковскаго «пойти въ Кіевъ отыскать отца и Гришу и привести ихъ къ нему».

Панъ Ясенковскій, сколько могъ, объяснилъ ему, что незнавши вовсе, кто отецъ его, гдѣ онъ находится, невозможно дѣлать розысковъ. Чтобы чѣмъ разсѣять его, сдѣлано было для него новое, панское платье. Замѣтили, что онъ какъ будто любуется имъ. «Андрей!» спросилъ его панъ Ясенковскій: «скажи мнѣ, у тебя никогда небыло такого наряднаго платья?»

— О, какъ же! отвѣчалъ онъ: у насъ съ Гришею много-много платьевъ гораздо лучше этого. А теперь я радуюсь, что оно лучше того, которое дали вы мнѣ, какъ пріѣхалъ я къ вамъ. А въ какомъ я пріѣхалъ... такъ и непоказывайте мнѣ. Да это Агафонъ нарочно вдѣлъ на меня такое и самъ надѣлъ лохмотья.

Замѣтили, что малютка одаренъ былъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ, дѣлался живѣе и развязнѣе, и панъ Ясенковскій, сталъ выпрашивать его, гдѣ онъ прежде жилъ и съ кѣмъ, что помнитъ изъ дѣтства своего, и вотъ что Андрей рассказывалъ:

«У меня были батюшка, матушка, Агафонъ, Василиса, да еще... ну, да тѣ были недобрые ко мнѣ, портили мои игрушки и частенько обижали меня. Я, разъ, пожаловался на нихъ батюшкѣ, но какъ онъ ихъ выдралъ за уши и таки порядочно, да грозилъ, что впередъ и нетакъ накажетъ, такъ мнѣ стало ихъ жаль и послѣ того, что бы они мнѣ ни сдѣлали, какъ бы ни досадили, я уже молчалъ; а они тутъ-то еще больше меня обижали. Жаль было и батюшку огорчать; онъ былъ всегда печальный, а особливо какъ получилъ письмо; ужъ онъ его читалъ, перечитывалъ, плакалъ горько и цѣловалъ письмо... Вѣрно, оно было святое?... Съ матушкою часто бывало говорятъ о Москвѣ и тутъ-то батюшка горько-горько плакалъ!»

«Однажды онъ проговорилъ: О Москва, Москва! полетѣлъ бы къ тебѣ!» Меня это очень испугало. Гриша былъ еще маленькій, онъ немогъ понять этого; ему ни до чего нужды небыло, все съ своими игрушками... Какъ сказалъ батюшка, что полетѣлъ бы въ Москву, такъ я и началъ бояться, чтобъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не полетѣлъ, и все бывало примѣчаю за нимъ; куда онъ ни пойдетъ, а я за нимъ, да и смотрю, не собирается ли онъ летѣть... несмѣйтесь же; мнѣ жаль было бы разстаться съ нимъ!»

«Разъ мы спали... вдругъ насъ схватываютъ; уносятъ... и повезли. Тутъ мы начали жить не въ томъ городѣ, а въ другомъ; тамъ уже было немножко домовъ. Гриша говорилъ семь, но право меньше; онъ еще неумѣлъ считать; а было всѣхъ десять домовъ. Да какіе же смѣшные дома! маленькіе, тѣсные; въ такомъ и мы жили. Батюшка невыходилъ никуда; все въ запертой комнатѣ сидѣлъ. Да невозможно было ему никуда выйти; онъ такой высокій, а двери низенькія; какъ идетъ изъ комнаты въ комнату, то и наклоняется. Вдругъ матушка наша умерла. Она много плакала тихонько отъ батюшки, видѣвши, что онъ запрячется особо и плачетъ, и все о Москвѣ вспоминаетъ. А какъ жаль, что матушка умерла! Она уже было начинала говорить по-русски; а то всегда говорила съ батюшкою и съ нами по-нѣмецки. И, какая она была!... Что она мнѣ говорить, я все понимаю, а она меня вовсе непонимаетъ. Толкую, толкую, а она и ничего. Батюшка все понималъ по-русски, и съ нами говорилъ, и нянѣ Василисѣ и Агафону приказывалъ говорить съ нами по-русски; а какъ имъ иначе и говорить? Они только и знали по-нѣмецки, что нѣсколько словъ. Сначала, какъ умерла матушка, я неочень плакалъ; какъ же опускали ее въ землю и батюшка плакалъ на-взрыдъ и цѣловалъ матушку, даже и тотъ въ черномъ, что много читалъ надъ нею, такъ и тотъ плакалъ; тутъ ужъ и я плакалъ много, увидѣвши, что матушку спрятали и она уже не будетъ съ нами, не будетъ насъ голубить и цѣловать!»...

Андрей утеръ крупныя слезы и продолжалъ:

«А Гриша, такъ тотъ все плакалъ, да будилъ матушку, чтобы встала и кончила чулочки, что начала вязать для него. Онъ, знаете, былъ тогда маленькій и непонималъ, что какъ умрешь, такъ уже не встанешь; много-много плакалъ я за матушкою!... Батюшка любилъ меня и цѣловалъ много, да все какъ-то нетакъ, какъ матушка.

«Долго, незнаю сколько дней, мы уже жили безъ матушки. Ужъ и Василиса умерла, говорили—черезъ два года послѣ матушки. Батюшка еще чаще плакалъ и уже говорилъ: «нехочу въ Москву, здѣсь умру. Ты, Агафонъ, отвезешь ихъ къ Борису. Отдастъ имъ все, хорошо; но ужъ и незагубить; а здѣсь что дѣлать мнѣ съ ними? подростаютъ, какъ ихъ устроить?» Да и въ самомъ дѣлѣ, я, послѣ матушки, выросъ порядочно;

невнаю, какъ Гриша, потому что, когда матушку спрятали въ землю, такъ его взяла къ себѣ наша тетюшка... такая добрая!

«Батюшка уже выходилъ и уѣзжалъ отъ насъ часто. Какъ-то, въ одинъ вечеръ пріѣхалъ, да такой печальный!... позвалъ Агафона къ себѣ и что-то ему шопотомъ говорилъ. Тотъ какъ зарыдаеть, да такъ и упалъ къ ногамъ батюшки и слышно мнѣ, просить: «негуби, говоритъ, кормилецъ, души своей, нейди на явную смерть: грѣхъ! А убійцею станешь, такой же смертельный грѣхъ!» Батюшка все приказывалъ ему: «когда что утромъ услышишь обо мнѣ, такъ тотъ-часъ возми здѣсь, что есть, и нашего Андрея, заѣзжай за Григоріемъ къ сестрѣ, и вези ихъ въ Москву. Я ночью заготовлю письма, отдашь въ Москвѣ кому слѣдуетъ, авось доложить Царю». Много-много что говорилъ, я слушалъ-слушалъ, да и заснулъ.

«Разбудили меня еще ночью. Батюшка схватилъ меня на руки, цѣловаль-цѣловаль... и ужъ какъ плакалъ!... Все говорилъ: «бѣдные сироты! Богъ васъ неоставитъ!» Потомъ сказалъ: «Слушай, Андрей, и помни, что я буду говорить, никогда забудь. Благословяю тебя, сынъ мой. Отецъ небесный да благословитъ васъ!... Увидишь брата, ему руку вотъ такъ на голову и скажи: Братъ! пріими родительское благословеніе!» я это очень помню. Послѣ этого батюшка взялъ саблю, да такую большую! и скоро пошелъ куда-то. Оставшись одинъ, я все твердилъ батюшкины слова, что сказать Гришѣ, а Агафонъ—онъ уже одинъ у насъ былъ—такъ онъ все стоялъ предъ образомъ, да клалъ поклоны и горько плакалъ.

«Уже былъ день; Агафонъ спѣшилъ укладываться, какъ вбѣгаетъ батюшка, блѣдный-блѣдный, какъ вотъ бумага, и закричалъ: «Агафонъ! я убилъ его!... меня схватятъ!... Кинь все. Бери Андрея и, какъ знаешь, пробирайся къ Кіеву. Тамъ я васъ найду. Гришу вышлю къ вамъ. Скорѣе спасайся; скоро придутъ. Ненайда меня, будутъ мстить дѣтямъ, и въ дорогѣ старайся, чтобъ не узнали тебя».

«Сказавъ это, расцѣловалъ меня, облилъ слезами и скрылся, закричавъ: «найду васъ въ Кіевѣ!»

«Агафонъ только что успѣлъ схватить руку его и поцѣловалъ, горько рыдая. Потомъ досталъ какую-то шкатулку, взялъ ее и повелъ меня за руку. Шли мы не подорогѣ, и я

скоро усталъ. Агафонъ понесъ меня и какъ ни старъ, а шоль скоро и дошоль до лѣса. Вошедши въ густоту лѣса, упаль и сталъ точно недвижимъ: такъ истомился, идучи скоро и еще меня неся на рукахъ; я былъ голоденъ и жаловался о томъ Агафону, а онъ просилъ меня какъ-нибудь потерпѣть, потому что прежде вечера невозможно выйти изъ лѣса.

«Передъ вечеромъ онъ раздѣлъ меня и самъ также снялъ съ себя платье и зарылъ все это съ шкатулкою въ землю; потомъ взялъ меня почти въ одной рубашонкѣ, какъ и самъ былъ, и повелъ изъ лѣса. Скоро мы пришли въ какой-то городъ также небольшой. Тутъ онъ началъ выпрашивать у живущихъ тамъ людей платье для насъ и рассказывалъ—да какъ смѣшно: слово по-нѣмецки, другое по-русски, а чего непоймутъ слушающіе, такъ онъ руками размахиваетъ,—и наговорилъ имъ, что будто насъ ограбили разбойники. А это вовсе была неправда. Это онъ хотѣлъ только одурачить ихъ, а тѣ и повѣрили, надавали намъ платышковъ дрянныхъ, вотъ въ которыхъ я пріѣхалъ къ вамъ. Нужды нѣтъ, что было все старое и дрявое, мы одѣлись въ него. Агафонъ все просилъ меня невмѣшиваться въ его рассказы и несмѣяться, потому что я, глядя на него и на себя, такъ и готовъ былъ расхохотаться. Тутъ же въ этомъ городѣ мы и переночевали, а на другой день пошли въ тотъ лѣсъ, гдѣ было спрятано наше платье.

«Какой же хитрый Агафонъ, такъ вы неповѣрите! Ни мнѣ не даль, ни самъ невздѣлъ прежняго платья, а все это распоролъ и увязалъ въ узелъ, да и повѣсилъ на себя. Шкатулку разбилъ, досталъ длинную золотую цѣпь, большой талеръ, что-ли, весь золотой, кучу денегъ и бумаги. Все это, также и вотъ этотъ крестъ снялъ съ меня и зашилъ по частямъ въ свое лохмотье. Такъ мы и пошли. Прійдемъ въ какой городъ, большой или маленькій, онъ и продастъ тутъ одинъ лоскутъ, а прочихъ и непоказываетъ; да на тѣ деньги купить хлѣба и чего нужно, накормить меня. Видѣвши, что я устаю и ему тяжело меня нести, онъ досталъ изъ лохмотья денегъ и въ одномъ городѣ купилъ телѣгу и вотъ эту лошадь, что насъ привезла къ вамъ. А знаете, какая она лѣнивая? Насилу везла насъ.»

«Вотъ мы долго ѣхали, и что же дѣлалъ Агафонъ? Какъ пріѣхали, гдѣ уже нѣмцевъ нѣтъ, а все русскіе и всякіе люди, тутъ онъ, какъ повстрѣчается съ ѣдущими или идущими, гдѣ

много народу, а особливо солдатъ, тутъ онъ соскочить съ телѣги, да и начнетъ просить милостыни, да такъ жалко, что я хохочу себѣ тихонько. Намъ же никто ничего не давалъ. «Нужды нѣтъ» говорить бывало Агафонъ: пусть и не дають ничего, да думаютъ, что мы бѣдные, да только бы насъ не ограбили и не взяли бы твоего сокровища».

«Долго мы ѣхали и мнѣ очень наскучило. Все думаю: когда мы приѣдемъ въ этотъ далекій Кіевъ и я увижу батюшку и Гришу? Сколько расскажу брату диковинокъ, что видѣлъ по дорогѣ!»

«Уже Агафонъ говорилъ, что скоро приѣдемъ въ Кіевъ, какъ онъ и заболѣлъ!... Черезъ силу бывало впряжетъ лошадь и влѣзетъ въ телѣгу, а правлю все больше я. Я выучился править и знаю, куда направо и налево поворотить. А вотъ уже послѣднюю ночь, недалеко отъ этого Кіева, такъ Агафонъ немогъ и съ мѣста встать. Хозяинъ его уложилъ и лошадь намъ запрягъ, мы и поѣхали. Въѣхали въ Кіевъ, Агафонъ мнѣ и говорить: «Теперь, Андрюша, куда тебѣ Богъ укажетъ, туда и просись во дворъ, а я немогу слова вымолвить». Вотъ я ѣду улицею, гдѣ мнѣ понравится, я слѣзу съ телѣги, ударю въ кольцо, выйдутъ, спросятъ и узнавши, что больной старикъ и бѣдный мальчикъ, запрутъ калитку и хоть разтучись, будто и не слышитъ никто. Такъ я провезъ Агафона долго; ни гдѣ не пропустили, насилу вотъ уже вы приняли насъ».

Такъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней пересказывалъ маленькій Андрей по частямъ свою исторію. Въ рассказъ свой онъ вмѣшивалъ много словъ нѣмецкихъ или русскія коверкаль на нѣмецкій ладъ; изъ чего можно было ясно видѣть, что онъ во все время былъ съ нѣмцами. «Родился въ Ригѣ, какъ сказано на крестѣ», разсуждалъ панъ Ясенковскій, такъ оно и немудрено. Скажи ты мнѣ, какъ Агафонъ называлъ тебя по отечеству или какъ звали батюшку твоего? Почему же на крестѣ написано, какъ будто—Афанасіемъ?» «А кто его знаетъ? Батюшку иначе не звали, какъ бояринъ, а меня Андрюшею, а бумаги, нужныя для меня, Агафонъ, въ болѣзни потерялъ». «Думаю такъ и написать его «Афанасіевымъ» сходно съ надписью на крестѣ. Какъ думаете?» спросилъ панъ у своей жены.

— Зачѣмъ такое прозваніе давать? сказала тутъ же бывшая на совѣтѣ дочь ихъ, принимавшая большое участіе

въ маленькомъ Андрѣ: то имя отца его, а хлопчикъ такой гарный, дуже красивый, я уже прозвала его квиткою *). Именно, якъ квитка.

«Ну, ладно. Пусть будетъ Андрей Афанасьевичъ Квитка, пока отыщется его отецъ... А гдѣ и какъ мнѣ его отыскать? Спросить, сказывалъ Агафонъ, умирая, въ Лаврѣ у отца, а у какого? Кто его знаетъ, неказалъ. Мало ли тамъ отцовъ?»

Принимая однако же большое участіе въ судьбѣ маленькаго Андрея, пошолъ въ Лавру, но ни отъ кого немогъ ничего узнать. Если бы кто изъ монашествующихъ и имѣлъ сношенія съ русскимъ бояриномъ, хотя бы и опальнымъ, изгнаннымъ изъ отечества, а потому и сношенія тайныя, открылъ ли бы онъ челоуѣку постороннему, да еще Кіевлянину, быть можетъ подосланному отъ польскаго начальства вывѣдать о мѣстѣ пребываніи изгнанника? И потому панъ Ясенковскій ничего неузналъ отъ лаврскихъ монаховъ. Далѣе разыскивать небыло никакого повода.

«Нѣчего дѣлать!» размысливши все, панъ Ясенковскій сказалъ; «объявлю Воеводѣ, но поступлю осторожно, неоткрою всего. И безъ поляка Богъ сироту взыщеть».

«Добрже! сказалъ пузатый воевода, выслушавшій отъ пана Ясенковскаго, что маленькаго Андрея привезъ къ нему во дворъ какой-то старикъ изъ Риги и вскорѣ умеръ, объявивъ, что Андрей урожденный Московскій шляхтичъ и что отецъ его скоро пріѣдетъ за нимъ; о дальнѣйшихъ подробностяхъ, онъ рѣшился умолчать. «Добрже. Нехъ хлопецъ zostается при моей ясней особѣ. Подай его сюда».

«Гарный хлопецъ! сказалъ воевода, увидѣвъ введеннаго къ нему Андрея. Якъ кличуть его».

— Андрей, а прозваніе неизвѣстно. За пригожество его, мы назвали его Квиткою, бо точный цвѣтокъ, сказалъ панъ Ясенковскій.

«Добрже, нехъ бендзе Квитка. Буде у мене гарный ловчій».

— Докладаемъ яснѣйшему пану воеводѣ, что онъ урожденный шляхтичъ.

*) Цвѣтокъ.

«Шляхтичъ», вскрикнулъ Воевода, «то Московскій шляхтичъ, а по-ляцки кепъ. Мамъ такихъ шляхтичей десентками при коняхъ при псахъ.

Прискорбно было пану Ясенковскому оставлять Андрея въ такихъ рукахъ, но иначе невозможно было; утаить предъ воеводою о привозѣ мальчика онъ, по тогдашнему порядку, недолженъ былъ; власть воеводы во всемъ была неограниченна. Притомъ же. думалъ онъ, отецъ Андреевъ, прибывъ въ Кіевъ, скорѣе всего у воеводы будетъ стараться узнать о сынѣ своемъ.

Маленькій Андрей за ловкость и понятливость свою, точно поступилъ бы въ псари яснѣйшаго воеводы Кіевскаго и какая была бы участь его?!

Но промыслъ, пекущійся о всѣхъ, и еще болѣе о сиротахъ, ведетъ ихъ къ счастью неиспытанными для насъ судьбами! Воевода разсуждалъ похвалиться о найденномъ хлопцѣ коханой своей супругѣ, а она была русская, урожденная Кіевлянка.

Немудрено, что щирый полякъ и воевода Кіевскій женился на русской; достоинства дѣвушки затушили въ немъ національную антипатію противъ москалей и всего рода ихъ; ему также небыло нужды, что она была иновѣрка и неуважала его ксендзовъ: «нехъ молится, якъ хце, жебы тылько кохала мене». Но странно то, что русская, урожденная шляхтянка, правовѣрная, вышла замужъ за еретика, католика, нечестивца!... Бѣдность, обстоятельства, власть родителей, до чего иногда доводятъ беззащитныхъ дѣвушекъ?! Но пани воеводина умомъ и красотою своею умѣла взять верхъ надъ супругомъ своимъ и, хотя рѣдко, только уже при необыкновенномъ случаѣ вмѣшиваясь въ управленіе города и области, удерживала воеводу отъ притѣсненій русскихъ, которыхъ онъ готовъ былъ и безвинно угнетать. Немногого труда стоило ей вытребовать, чтобы дочь ея, Марья, была окрещена и воспитана въ греческомъ законѣ. «Якъ себѣ хцешъ!» говорилъ воевода». Ксендзь, пошь, все-то есть едино. Тилко и лепско у насъ что, органы. Кеды и заиграють, меня клонить ко сну; а съ вашими дяками, якъ заспѣвають, такъ и недумай въ церкви вашей вздремать».

Такъ она-то, пани воеводова, когда привели къ ней Андрея, потребовала, чтобы оставить его при ней для услуги и потѣхи трехлѣтней Маси. Воевода махнулъ рукою и, сказавъ свое обычное: «яхъ хцешъ», поѣхалъ на *полеванье*.

Пани воеводова полюбила маленькаго Андрея, неотпускала его отъ себя и ласкала его одинаково съ своею Масею. Андрей чувствовалъ все это, былъ кротокъ, смиренъ, почтителенъ къ пани воеводовой, а отъ Маси неотходилъ. Скоро дѣвочка ни съ кѣмъ не хотѣла играть болѣе, какъ съ Квиткою; съ нимъ была неразлучна цѣлый день, играла, бѣгала, рѣзвилася, ѣла все съ нимъ и незасыпала иначе, какъ подъ его ласки и рассказы. Она и всѣ въ домѣ иначе не вали его, какъ «Квитка».

Ласкаясь къ пани воеводовой, почти всегда просилъ маленькій Квитка приказать развѣдать, не пріѣхалъ ли въ Кіевъ отецъ его съ Гришею, какъ обѣщаль умершему Агафону. Сначала она оставляла такія просьбы его безъ вниманія, но наконецъ любопытство заставило ее развѣдать о всемъ, касающемся къ нему, пообстоятельнѣе. Пригласивъ пана Ясенковскаго, распросила о всемъ въ подробности, выслушала рассказъ любимца своего, осмотрѣла со вниманіемъ крестъ на немъ и утвердилась въ мысли, что Андрей—сынъ боярина Московскаго, впаваго въ опалу, конечно въ грозное правленіе Іоанна, или гонимаго Годуновымъ, бѣжавшаго къ Литовцамъ, тамъ женившася и имѣвшаго сына этого Андрея и другого Григорія, какъ рассказывалъ Андрей. Но прозваніе боярина старикъ не успѣлъ объяснить, а изъ надписи на крестѣ понять вовсе невозможно было. Онъ обѣщался пріѣхать въ Кіевъ и отыскать сына, но какъ онъ отыщетъ его и какъ развѣдать о пріѣздѣ чловѣка, скрывающаго званіе и имя свое? «Да будетъ надъ сиротою воля Божія!» заключила она; «по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, я, по возможности моей, такъ буду вести его».

Замѣтивъ въ Квиткѣ умъ и способности, она поручила его извѣстному ученому мужу, обучать его правиламъ вѣры и что нужно знать благородному чловѣку, и онъ учился прилежно, услѣхи видимы были къ обрадованію пани воеводовой. Сколько же стоило малюткѣ Масѣ слезъ въ первые дни, когда она должна была отпускать по утрамъ своего Квитку

къ учителю! Далѣе хотя и неплакала уже, но все съ большою грустью провожала, тосковала цѣлый день и, бросивъ всѣ свои занятія, къ вечеру выбѣгала изъ дому и нетерпѣливо ожидала прихода своего товарища въ играхъ. Квитка приходилъ всегда къ ночи домой.

По привязанности пани воеводовой къ Квиткѣ, она сблизилась съ семействомъ пана Ясенковскаго и дочь ихъ, Софію, часто оставляла гостить у себя. Софія утѣшалась успѣхами въ наукахъ и въ образованіи Квитки, тщеславилась, что она, сама она придумала ему такое приличное прозваніе, признанное всѣми и усвоенное ему. Съ одинаковымъ жаромъ она принимала участіе во всемъ, касающемся любимца ея.

Такъ все шло да шло. Квитка учился, выросъ и сталъ юношею умнымъ, скромнымъ, ловкимъ, образованнымъ и красивымъ. Маса играла, рѣзвилась, росла и стала дѣвицею умненькою, скромною, ловкою и миленькою. Они всегда были вмѣстѣ, съ дѣтства знали, что любятъ другъ друга и неповторяли о томъ, когда уже достигли тѣхъ лѣтъ, что и надобно было бы высказать все, что было на сердцѣ у нихъ. Это небыло для нихъ тайною. Но кто-то какъ будто шепнулъ имъ, что при пани воеводовой и при другихъ людяхъ надобно быть скромными, и они были скромны, говорили другъ съ другомъ свободно, а если и взялись, то очень просто; но лишь оставались вдвоемъ, ненаходили о чемъ говорить, только взявшись за руки, пожимали ихъ, смотрѣли одинъ другому въ глаза... да какъ смотрѣли!... и только шептали: «Маса!... Квитка!...» Но лишь только слышали шумъ, тотчасъ расходились, какъ будто и ничего. Болѣе небыло никакихъ объясненій, клятвъ, увѣреній между ними, но твердо знали, что одинъ безъ другого жить не можетъ.

Пани воеводова, хотя и нечитывала романовъ, но очень хорошо понимала, что можетъ выйти изъ такого свободнаго обращенія юноши съ дѣвицею; но она какъ будто и непримѣчала, да еще. ужъ когда говорить правду, такъ чуть ли и не желала такого союза. Она надѣялась, что когдаженибудь съ отца Квитки при перемѣнѣ правленія снимутъ опалу, возвратятъ ему его отчины; что онъ отыщетъ сына... и тогда единственная радость ея, ея Маса, будетъ богата, знатна, счастлива и, болѣе всего, nebudeтъ за какимъ нибудь полякомъ.

Можно догадываться, что такъ думала и предполагала она, потому что когда *дѣти*, незамѣчая никого, говорили между собою полу-словами, переглядывались полувзглядами, тогда мать съ довольною улыбкою посматривала на Софію, хотя и за мужемъ уже бывшую, но все часто гостившую у нея; потомъ онѣ, уединясь, говорили между собою что-то весело и съ удовольствіемъ поглядывали на *свычку дѣтей*.

Панъ воевода озабоченъ былъ управленіемъ областію. Добрже кушалъ, много пилъ и сладко почивалъ, а до того, что дѣлалось въ домѣ, въ семействѣ, ему небыло нужды. «Кебы была здорова моя кохана пани и цурка, а далѣй нехъ дзябли озмутъ».

«Мася! я долженъ ѣхать въ Москву». сказалъ въ одинъ вечеръ Квитка, бывъ наединѣ съ нею и держа ее за руку, но сказалъ это такъ жалко, печально...

— Въ Москву!... вскрикнула она, какъ будто внезапно услышала страшный ударъ грома надъ собою. Оба блѣдныя, трепещущіе, держась за руки, немогутъ выговорить ни слова. Наконецъ Мася жалобно проговорила: «возьми и меня съ собою...»

«Немогу, Мася!»

— Отчего же?

«Ты панна воеводовна, дочь гордаго, богатаго отца, а я кто?!...»

— Ты избранный мною, милѣе мнѣ всего свѣта, солнца, жизнь души моей; этого довольно для матери, а для моего отца ты сынъ Московскаго боярина.

«Кто онъ, гдѣ онъ, кто можетъ сказать? Безъ рода, безъ племени, безъ имени!... Ёду въ Москву, буду служить Царю, заслужу вниманіе его, милость ко мнѣ. Онъ спросить, кто я, покажу ему крестъ... Признаютъ меня, отыщется отецъ... тогда буду, чѣмъ мнѣ быть должно, тогда пріѣду къ твоему отцу. Тогда, некраснѣя, могу сказать ему: «панъ Воевода! отдай свою дочь за сына боярина Московскаго».

— А когда же это будетъ?

«Мнѣ еще двадцать лѣтъ... по крайней мѣрѣ... лѣтъ черезъ пять...»

— Я умру до того!...

*

Долго они говорили другъ съ другомъ и не знали на что рѣшиться. Наконецъ Маса, скрѣпя сердце, сказала дрожащимъ голосомъ: «Богъ съ тобою, мой милый, коханный Квитка! Поѣзжай съ Богомъ!... Я неумру безъ тебя... буду расти, учиться хозяйству... переживаютъ люди и цѣлый вѣкъ горя, а пять лѣтъ и потомъ вѣчное счастье! Готова терпѣть!...»

Пани Софія была повѣренною любви ихъ. И она одобрила намѣреніе Квитки. Нашла случай умножить маленькую сумму, сохраненную Агафономъ и, послѣ смерти родителей ея, хранившуюся у нея, подала совѣты, какъ дѣйствовать Андрею въ Москвѣ, обѣщала утѣшать Масю и вотъ.... уже назначенъ былъ день тайнаго отъѣзда Квитки; пани воеводова, будто ничего неподозрѣвая, болѣе и болѣе ласкала Квитку и, можетъ быть, не она ли вручила пани Софіи деньги, необходимыя для Квитки.

Послѣ непродолжительной болѣзни, умираетъ пани воеводова. Положеніе нашихъ молодыхъ людей измѣнилось во всемъ. Они уже нетолько не бывають вмѣстѣ, но и не видяють другъ друга. «Пѣстунчика моей коханой жѣны возмимъ до псовъ; нехъ неѣсть даромъ хлѣба, нехъ бендзе ловчій. Я устрою его счастье», повелѣваль ясно-пузатый воевода, и Квитка долженъ былъ переселиться изъ воеводскаго замка за городъ, гдѣ помѣщена была вся охота пана воеводы.

Онъ неостался бы и часа служить поляку, хотя и отцу своей Масы; онъ располагаль въ ту же ночь оставить Кіевъ и пробраться въ Москву, но пани Софія умолила его остаться, переносить все для любви къ Масѣ и дожидать, не поблагодаритъ ли имъ случай къ достиженію ихъ цѣли.

Пани Софія умѣла войти къ воеводѣ въ неограниченную довѣренность. Правду сказать, онъ еще и радъ былъ, что избавлялся отъ заботъ о своей *цуркѣ*; было кому раздѣлять съ нею время и имѣть о ней попеченіе. Потому то пани Софія часто гостила у Масы, а еще чаще брала ее къ себѣ, и тамъ-то видѣлись любовники, разсуждали о своей будущности и ни на что нерѣшались.

Прибыль въ Кіевъ изъ Кракова какой-то знатный савонникъ, старикъ лѣтъ пятидесяти. Панъ воевода разсыпался передъ нимъ, угощаль его, какъ могъ. Пану пріѣзжему полюбилась Маса и за келишкомъ венгерскаго положено на словъ:

панну воеводовну выдать за пана прїѣзжаго; а какъ ему невозможно было долго прожить въ Кіевѣ, то тен-часъ справить свадьбу. Спѣшили съ приготовленіями и тайли все отъ Маси, думая внезапно обрадовать ее такою блестящею долею; но какъ скрыть въ многолюдной дворнѣ всѣ приготовленія и распоряженія къ такому празднеству! Мася о своей долѣ узнала тотъ же часъ.... и упала на грудь пани Софіи, заливаясь слезами, спрашивала, что ей дѣлать?

Пани Софія приступила дѣйствовать рѣшительно. Нашла случай, подъ предлогомъ шитья платьевъ и прочаго къ свадьбѣ, оставить Масю у себя переночевать. Призвала Квитку, соединила руки ихъ, благословила и сказала: «Ты, Андрей, любимецъ мой съ перваго часа, когда Богъ привелъ тебя въ домъ нашъ; родители мои приняли тебя и я, давшая тебѣ прозваніе, обязана вмѣсто ихъ пещись о твоёмъ счастьи. Въ эту торжественную минуту объявляю вамъ, что мать Маси желала вашего союза, и я, именемъ ея, благословляю васъ и вотъ мое порученіе: Масю наряди мальчикомъ и въ этотъ же вечеръ выйдете изъ Кіева; въ первомъ селеніи обвиняетесь; далѣе да благословитъ Богъ путь вашъ и да будетъ надъ вами воля Его! Скрывайтесь, оставляйте большія, проѣзжія дороги; погоня будетъ за вами, но вы ея не ожидайте скоро. Въ эту же ночь, передъ разсвѣтомъ, изъ моего двора поскочетъ бричка съ двумя молодыми людьми по дорогѣ къ Вильнѣ. Туда бросится погоня и я беру на себя, что нескоро догонять мнимыхъ любовниковъ. Поймаютъ ушедшихъ и, увидѣвъ обманъ, уже бросятся въ другія стороны, а вы съ помощію Божіею будете далеко и внѣ власти раздражнаго отца. Съ Богомъ, начнемъ дѣйствовать».

Той же ночи, въ Борисполѣ, верстъ тридцать пять отъ Кіева, къ разсвѣту, въ церкви теплился огонекъ и священникъ предъ алтаремъ призывалъ благословеніе Божіе на рабовъ его: Андрея и Марію, нынѣ сочетавающихся другъ другу.

Въ то же время, въ Кіевѣ, пани Софія проснулась необыкновенно рано. Вдругъ крикомъ своимъ перебудила дворню... ужасъ объялъ всѣхъ!... Панна воеводовна, расположившаяся ночевать у ней, неложилась въ постель и нѣтъ ея въ домѣ. Сундукъ пани Софіи, гдѣ лежали деньги, лучшія вещи, платья, отпертъ и въ немъ не найдено ничего.... Съ Масею бѣжала

Ульяна, самая ближайшая къ паньѣ и самая довѣренная особа. Старикъ Фодоть, пользовавшійся особенною милостію панскою, также скрылся. Сдѣланъ всѣмъ допросъ. Пани Софія плакала, рыдала, падала въ обморокъ, заклинала открыть ей, если кто знаетъ, куда и съ кѣмъ бѣжала панна воеводовна.... Никто немогъ сказать ничего, никто ничего незамѣтилъ за панною. Одна изъ прислужницъ, робѣя, призналась, что она подглядѣла, какъ подѣхала ко двору ихъ бричка: изъ нея вышелъ панъ, неочень молодой и не такъ красивый; постучалъ въ окошко, гдѣ спала панна. Скоро она вышла, а за нею Фодоть и Ульяна съ узлами въ рукахъ, посадились и говорили между собою, что скоро будутъ въ Вильнѣ, тамъ и обвѣнчаются.

Открывшую объ этомъ, какъ знавшую про уходъ панны и необъявившую тотчасъ своей паньѣ, тутъ же, въ наказаніе, отправили въ дальнюю деревню.... Пани Софія, послѣ нѣсколькихъ обмороковъ, едва собралась съ духомъ и силами явиться къ пану воеводѣ и объявить ему о случившейся бѣдѣ....

«Цо то за пржычына?» говорилъ толстопузый панъ воевода, зѣвая и протирая заспанные глаза, чтобы лучше удостовѣриться, точно ли онъ видитъ предъ собою паню Софію, «цо то за пржычына, кеды пани Софія такъ рано пожелала видѣть мою яснѣйшую особу?»

Рано! А это уже было къ полудню. Пани Софія за горемъ и безпокойствомъ немогла прежде прѣхать къ воеводѣ. Онъ же, проведя всю ночь съ нареченнымъ зятемъ среди разныхъ медовъ и за столѣтнимъ венгерскимъ, непримѣтилъ, что свалился на постель уже на разсвѣтѣ; оттого и полагалъ, что еще утро.

Пани Софія, съ слезами, вскрикиваніями, едва могла объяснить ему о случившемся несчастьи!.. «Нехъ дзябли озмутъ и тебе съ твоими пропавшими деньгами!» заревѣлъ неистовымъ голосомъ воевода: «подай мнѣ тен-часъ мою цурку, мою Масю!... гвалть!» кричалъ онъ въ безпамятствѣ, обрывая хохолъ свой и страшные усы.... Весь дворъ встрепенулся. Большими отрядами послана погоня въ разныя стороны и все по направленію къ Вильнѣ....

Яснѣйшій панъ воевода съ горя и досады пилъ, и на бѣду свою одинъ: нареченный зять его, не находя нужнымъ оставаться долѣе безъ невѣсты, уѣхалъ. Пани Софія запер-

лась у себя въ домѣ, сказавшись сильно больною. Дней черезъ пять привезли настигнутыхъ бѣглецовъ въ бричкѣ.... Воевода приказывалъ тащить ихъ къ себѣ.... остолбенѣлъ увидѣвши, что это совсѣмъ не цурка его, а просто бѣглецы, обокравшіе барыню свою: о паннѣ воеводовнѣ же они вовсе ничего не знали.... Воеводѣ до того небыло нужды, и онъ, въ порывѣ гнѣва и досады, конечно, приказалъ бы ихъ повѣсить, зачѣмъ нѣтъ съ ними дочери его; но пани Софія нашла средство умилоствити его, и какъ все похищенное бѣглецами привезено въ цѣлости, то она выпросила виновныхъ себѣ, давъ обѣщаніе наказать ихъ строго за такой злодѣйскій умыселъ. И пани Софія, чтобъ больше заставить Ульяну и Ѳедота раскаиваться въ проступкѣ своемъ, жаловала и ласкала ихъ болѣе прежняго.

Извѣстно стало пану воеводѣ, что въ ту же ночь, когда скрылась Маса, ловчій его Андрей бѣжалъ изъ Кіева, но куда? Никто не зналъ. И самъ воевода, и всѣ окружающіе его положили навѣрное, что Андрей сманилъ панну воеводовну; онъ росъ съ нею, такъ и немудрено, что они кохалися съ дѣтства, а видя, что ее отдають за нелюба, они рѣшились уйти; но куда? Никто немогъ сказать навѣрное. Для этого составлялись цѣлыя отряды, чтобы бѣжать въ Малороссію и тамъ искать ихъ по дорогѣ въ Москву. Тщательно слисывали ихъ примѣты, писали для нихъ пропускныя виды, вписывали въ нихъ большія награды, кто схватитъ, откроетъ, задержать или представить бѣглецовъ.

Уже готовы были отряды съ полными и ясными порученіями летѣть въ назначенныя имъ страны для поимки бѣжавшаго Андрея, увезшаго съ собою панну воеводовну, какъ вотъ является Антонъ Муха, вѣрный рабъ и хлопецъ яснѣйшаго пана воеводы. Онъ съ молодыхъ лѣтъ былъ при Квиткѣ для прислуги, росъ вмѣстѣ съ нимъ и зналъ его тайны, но не смѣлъ никому открыть, потому что Андрей сгубилъ бы его. Теперь же мучить его совѣсть, что онъ забылъ на время долгъ свой противъ такого милостиваго пана и отца, якъ есть вельможный панъ воевода. Принося ему повинную голову, Муха чистосердечно открывалъ, что Андрей точно кохался съ панною; а чтобы она не досталась другому, убѣдилъ ее бѣжать съ собою... Какъ они перерядились, то я уже знаю и вездѣ могу ихъ открыть. Путь же свой направили они къ Кракову и

Андрей располагалъ найти случай представиться наяснѣйшему пану крулю и просить у него ходатайства предъ прогнѣваннымъ паномъ воеводою и защиты отъ Русскаго Царя. «Теперь», продолжалъ Муха: «кеды панъ воевода хце, я возму небольшой отрядъ и, какъ знаю, на какія мѣста бѣжавшіе пробираются, то скоро настигну ихъ и Андрея съ панною представлю яснѣйшему пану воеводѣ, а не то, нехъ глоба моя бендзе на плахѣ».

Воевода обрадовался предложенію Мухи, уничтожилъ прежнія распоряженія и, обѣщавъ Мухѣ неимовѣрныя награжденія, отпустилъ его самъ-пятого, съ избранными самимъ Мухою товарищами. Только же воевода ихъ и видѣлъ!...

Когда все это происходило въ Кіевѣ, Андрей и Маса, обвѣнчавшіеся въ Борисполѣ, продолжали путь свой благополучно. Маса была переодѣта мальчикомъ, оба они были въ простомъ крестьянскомъ платьѣ. Сказывались о себѣ различно, гдѣ какъ требовали обстоятельства. Хотя и непримѣтно было, чтобы гдѣ ихъ подозрѣвали по преслѣдованіямъ изъ Кіева, но изъ предосторожности, Андрей путалъ свой путь: проходилъ нѣсколько прямо, потомъ бралъ въ сторону, обходилъ кругомъ и опять возвращался на прежнюю дорогу, и къ великому обрадованію своему узнавалъ, что отъ воеводы Кіевскаго неслышно никакихъ преслѣдованій. Онъ сказывался вездѣ родомъ изъ Украины, сиротою, пустившимся съ братомъ на заработокъ, пока сыщется добрый и надежный человекъ, что прийметъ ихъ навсегда.

Гдѣ онъ увѣренъ былъ въ совершенной безопасности, тамъ останавливался на нѣсколько дней, чтобы его милая Маса отдохнула послѣ долгаго пути. Его планъ былъ пробраться, какъ ни есть, въ пограничный русскій городъ и тамъ объявить о себѣ. Онъ никакъ не забылъ взять съ собою золотой цѣпи и описанія о пріѣздѣ его въ Кіевъ, сдѣланнаго паномъ Ясенковскимъ и духовникомъ, напутствовавшимъ Агафона. Крестъ же былъ всегда на немъ. Поэтому онъ надѣялся, что русскіе признаютъ его за земляка, доставятъ случай быть въ Москвѣ, предстать предъ Царя; ему помогутъ отыскать родъ свой, имя, имѣніе; а если Богъ благословить, что отецъ

и братъ его живы и онъ отыщеть ихъ, тогда... съ Масею, съ родными... кто будетъ счастливѣе его!...

Пробираясь такимъ образомъ, уже пришли они въ селеніе Гадяцкаго полка. Зима приближалась, надобно было приискать безопасное убѣжище. Удалось Андрею найти хуторъ въ отдаленіи отъ сотенныхъ мѣстечекъ и большой дороги. Семьи три козаковъ, необязанныхъ уже службою и никакими повинностями въ полку, проживали здѣсь себѣ покойно. Къ нимъ присталъ Андрей съ *братомъ*, работалъ за себя и за него. Нужда приучила его ко всему. Онъ былъ силенъ, бодръ, свѣжъ, а какъ Маса отнюдь нетяготилась такою жизнію и нетужила ни о чомъ, то онъ, весельчакъ, балагуръ, пѣлъ своимъ хозяевамъ разныя пѣсни, былъ ими любимъ и всѣми называемъ былъ: «парень друзяка».

Въ одинъ осенній вечеръ, Андрей, возвратясь съ работы, отогрѣвался сидя на печкѣ, Маса своими руками растирала его окоченѣвшіе пальцы, говорила, мечтала о будущемъ... какъ вотъ слышать за дверью, въ сѣняхъ, голоса незнакомыхъ людей...

«Пустите насъ, сдѣлайте милость, хоть только подивиться на нихъ», кричалъ одинъ изъ незнакомыхъ, и слышно было, что силился отворить дверь, удерживаемую хозяиномъ. «Я ихъ знаю; когда не они, то и Богъ съ вами! Мы себѣ и пойдемъ далѣе».

Маса помертвѣла... Андрей схватилъ топоръ и бросился къ двери... но уже вопли четыре человѣка, вооруженные по казацки...

Андрей располагалъ защищать Масю до послѣдней крайности, взмахнулъ топоромъ... Но сильная рука удержала его...

«Богъ съ вами... Богъ съ вами! что это вы, пане, дѣлаете?... Вы меня не узнали? Дайте свѣтло поближе. Я же вашъ вѣрный Муха...»

— Муха! Это ты? проговорилъ Андрей, изумясь такой встрѣчѣ, но все невыпуская изъ рукъ топора. Зачѣмъ ты здѣсь и кто это?... спрашивалъ Андрей, съ нѣдовѣрчивостью поглядывая на скромно стоящихъ товарищей Мухи.

«Я искалъ васъ по всей Малороссіи», сказалъ Муха и уловилъ руку Андрееву, поцѣловалъ нѣсколько разъ». Благо-

дарю Бога, нашолъ васъ сверхъ ожиданія, и что вы здоровы. А это мои вѣрные товарищи, поклявшіеся мнѣ вмѣстѣ со мною отыскать васъ и никогда неотставать отъ васъ. Куда иголочка, туда и ниточка. А гдѣ-жъ панна... а може вже и пани? Покажите намъ ее, паду до ножекъ и поцѣлую полу платя ея. Покажите, возвеселите насъ за нашу турбацію».

Андрей хорошо зналъ честность Мухи и почти готовъ былъ вѣрится ему, но товарищи его, и въ такомъ числѣ, приводили его въ смущеніе. «Муха, Муха! сказалъ онъ: «смотри, не предатель ли ты?»

— Охъ, Боже мой! вскричалъ Муха, колотя себя жилистымъ кулакомъ въ грудь, и это о Мухѣ такъ думаютъ? И о товарищахъ, которыхъ онъ самъ выбралъ и прошолъ съ ними сквозь огонь и воду; готовъ былъ на все, чтобы только отыскать своихъ коханныхъ паныча съ панянкою, милыхъ, ненаглядныхъ Квитокъ». Хлопцы! сказалъ онъ товарищамъ: «намъ невѣрять. На присягу!»

Мигомъ одинъ изъ пришедшихъ бросился изъ хаты и принесъ въ шапкѣ земли. Другой, сотворивъ крестное знаменіе, всталъ на лавку, снялъ со стѣны образъ Спасителя и и съ благоговѣніемъ положилъ его на столъ. По знаку Мухи, всѣ положили по три земныхъ поклона и стали на колѣна. Тутъ Муха началъ произносить страшную клятву; прочіе повторяли за нимъ, призывая всѣ казни Божія на себя и весь родъ свой, если они небудутъ шановать пана Квитку, какъ есть прирожденнаго своего господина и повелителя. Если случится ему и пани его какая бѣда, полягти имъ всѣмъ; живота, послѣдней капли крови непопадать, защищать ихъ и не допустить врагамъ ихъ сдѣлать имъ какое насиліе... и проч. и проч.

Сказавши общій аминь, цѣловали они образъ и потомъ каждый изъ нихъ, взявши по горсти земли и сказавши: «земля непотерпѣть клятвopреступнаго!» съѣли и бросилися къ Андрею цѣловать руки, полы платя его... Андрей былъ растроганъ, орошонные слезами глаза возвелъ къ Богу, въ сердцѣ своемъ благодарилъ Его промыслъ, что сохранилъ его, сироту, безвѣстнаго, безроднаго, одного съ женою скитающагося безъ пристанища. безъ надежды гдѣ-либо найти спокойствіе. Въ такомъ горестномъ положеніи Богъ послалъ ему пятерыхъ защит-

никовъ, помощниковъ, друзей!... Онъ обнялъ каждого и самъ что-то хотѣлъ сказать, но Муха вскрикнулъ: «сего мало. Давай намъ панну воеводовну»!...

— Ее нѣтъ со мною, сказала Андрей, сводя съ печи свою Масю, уже успокоившуюся отъ сильнаго страха. А вотъ моя жена.

«Панна наша!... Мати наша!... Да якый же гарный зъ неи хлопчыкъ!... Многая лѣта вамъ, пани наши!... Живите счастливо и любите насъ». Такъ кричали товарищи Мухи, а онъ, схвативъ на руки свою паню, приподнялъ ее къ верху, а козаки цѣловали ноги ея...

Никто изъ козаковъ, живущихъ на хуторѣ, не зналъ, что происходило въ хатѣ Андрея. Онъ нанялъ ее собственно для себя съ *братомъ* и потому могъ свободно, по своей волѣ угостить товарищей своихъ и свободно говорить съ ними, не опасаясь, чтобы кто подслушалъ или подглядѣлъ за ними.

Начались разспросы, что происходило въ Кіевѣ по уходѣ ихъ; какъ пани Софія знатно одурила яснѣйшаго пана воеводу и сбила его съ *панталыку*, заставивъ его посылать погоню чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ за кѣмъ. Какъ потомъ уже онъ, Муха, по всегдашней привязанности своей къ бывшему панычу Квиткѣ, смелъ свою басню и, готовую погоню удержавъ, вызвался самъ ѣхать и общался непремѣнно схватить бѣглецовъ и представить ихъ воеводѣ.

«Вотъ для этого случая, государь мой любезный!» такъ пересказывалъ Муха: «я выбрать-выбралъ самыхъ моихъ вѣрнѣйшихъ пріятелей. Мы всѣ пятеро, были какъ пять пальцевъ на рукѣ. Вы, панычу... или извините, пане, вы ихъ и не знали, но, по прошенію моему у васъ, замолвить-замовляли иногда слово у пани воеводовой. Нехай надъ ней земля перомъ!... а та, какъ имѣла власть и силу надъ ихъ ясновельможностію, таки выкручивала изъ бѣды. Вотъ съ того часу они и стать-стали вамъ вѣрнѣйшими слугами и съ радостію собратъся-собрались со мною за вами, яко бы въ погоню».

«Пожалуйте же. Вотъ какъ мы выѣхать-выѣхали изъ Кіева, то и назначили себѣ, воротясь всякій себѣ выбранною дорогою, съѣхать-съѣхаться уже назадъ въ Переяславль. Намъ крѣпко обрыдло умничанье надъ нами Ляховъ, и какъ мы себѣ безсемейные, то мы и положили искать мѣста, гдѣ будетъ

намъ лучше: коли наѣхать-наѣдемъ васъ, то съ вами хоть въ самую Москву; а нестрѣтимъ васъ, остаться, гдѣ Богъ приведетъ, у москалей. Итакъ-то, послать-пославши за глаза ясновельможному пану воеводѣ Кіевскому отъ каждаго изъ насъ по *крученой дуль*, пуститься-пустились въ свой путь.

«Сѣѣхавшись въ Переяславѣ и неотыскавши слѣдовъ вашихъ, мы пуститься-пустились такою же хитростію, всегда назначая собираться въ полковомъ городѣ. Собираться-собирались, но про васъ нигдѣ ничего слышать-неслышали. Мудро вы замотали свой слѣдъ. Въ Ромнѣ, мы сошлись съ знакомымъ парнемъ, также пустившимся изъ Кіева на Божій свѣтъ и на вольную свободу. Мы будто ничего незнаемъ, да и выспросили все, что намъ нужно».

«Знаете-ли, господа мои любезные, что тамъ случиться-случилось? Панъ воевода взять-взялъ себѣ другую жену, а про васъ, пани, сказать сказаль: «Кеды затопила свою глову за москаля, нехъ пропада; бендзе мѣць зъ млодою коханкою лѣпшихъ цурокъ, нѣжь она была». Тутъ мы уже пойтить-пошли свободнѣе. Нигдѣ о васъ неслышали, да вотъ въ ближнемъ хуторѣ, что-то намъ помаячить-помаячило, какъ будто что-то сдавалось на васъ. Какъ вотъ и даль намъ Богъ васъ наитить-найти».

Угостивъ, сколько могъ, Андрей гостей своихъ, все однакожь призналъ нужнымъ брать всѣ предосторожности; для этого онъ распорядился, чтобы каждый изъ пришедшихъ расположился бы зимовать въ особомъ сотенномъ селеніи, все по пути въ Ромень; и чтобы каждый, замѣтивъ что опасное для нихъ, давалъ бы знать близъ живущему товарищу; и такимъ образомъ о всякой опасности Андрей былъ бы повѣщаемъ заблаговременно и успѣвалъ бы брать всѣ предосторожности.

Но всѣ ихъ распоряженія были напрасны. Андрей съ женою провели зиму весьма покойно; а чуть лишь вскрылась весна и устроились переправы черезъ большія рѣки, они пустились въ дальнѣйшій путь на Бѣлгородъ. Муха съ товарищами, запасшись добрыми конями и надежными пистолями, препровождали повозку, въ которой ѣхала ихъ молодая пани. По причинѣ *ея положенія*, переѣзды были невелики. Все шло благополучно.

Уже караванъ нашъ, впрочемъ всегда удалявшійся отъ большихъ дорогъ и значущихъ селеній, переправился черезъ рѣчку Ворсклу, какъ путешественники начали замѣчать, что ихъ преслѣдуютъ и наблюдаютъ за ними. Вчера и сегодня, одинъ и тотъ же человѣкъ нагонитъ ихъ, присматривается къ нимъ, поскачетъ впередъ, взѣдетъ на курганъ, выглядываетъ кого-то и скроется; немного времени спустя, опять покажется и все тоже, да тоже. Немедленно составленъ былъ совѣтъ. Маса и слушать не хотѣла, чтобы преслѣдовать соглядатель; ужасалась также, если нападутъ на нихъ и должно будетъ ея Андрею защищать ее и себя. Въ такой крайности рѣшились, оставя всѣ дороги, ѣхать прямо, по догадкамъ, гдѣ долженъ находится Бѣлгородъ или другой какой изъ вновь построенныхъ по линіи городовъ, о чомъ они все знали отъ бывшихъ на новой линіи людей. Для большаго удобства къ достиженію цѣли, ѣхать ночью, по звѣздамъ, а днемъ скрываться въ лѣсахъ. Муха взялся быть вожатымъ. Призвавъ Бога въ помощь, пустились въ путь по такой необыкновенной дорогѣ.

Они большею частію все шли пѣшкомъ, ведя въ рукахъ коней своихъ; одна Маса, отъ возрастающей слабости въ ея положеніи, ѣхала на телѣгѣ, но лишь путь становился хоть мало безпокоенъ, мужъ бралъ ее на руки и несъ со всею осторожностію, пока встрѣчалось ровное мѣсто; проходимыя ими мѣста были вовсе необитаемы; степь, лѣса, рѣчки, пѣски, попадавшіяся на пути озера, болота, иногда темная ночь— все это затрудняло путь ихъ и не дозволяло имъ утѣшиться мыслию, что они скоро найдутъ жилище.

Въ одинъ день и именно 24 іюня, въ праздникъ рождества Крестителя, караванъ нашъ къ утру, переправясь черезъ рѣчку, расположился отдыхать въ тѣнистой березовой рощѣ, окруженной черешневыми и вишневыми садами; впереди къ востоку шла ровная степь, направо за рѣкою густой сосновый боръ; мѣсто дикое, едва ли когда проходимое человекомъ, но положеніемъ своимъ и окружными видами манящее къ отдыху. Тутъ Маса, прійдя въ совершенную слабость и изнеможеніе, рѣшительно объявила Андрею, что она далѣе не можетъ ѣхать и располагаетъ, чтобы ни случилось съ нею, здѣсь ожидать рѣшенія своей участи.

Встревоженный Андрей немедленно приступилъ къ распоряженію. *Въ тотъ же день, на скоро сплели изъ вѣтвей шалаши* (первое поселеніе), покрывъ его листьями, травою, вблизи найденнымъ камышомъ, и въ немъ помѣстили слабую Масю. Потомъ Муха съ тремя товарищами ускакали на коняхъ впередъ въ разныя стороны, съ тѣмъ, что если кто изъ нихъ найдетъ какое селеніе и не въ дальнемъ разстояніи, туда на рукахъ перенести Масю; но если селеніе будетъ отдалено и Масю доставить туда къ вечеру будетъ невозможно, то изъ селенія пригласить женщину, необходимую въ такомъ случаѣ и хотя бы уже сколько нибудь понимающую дѣло, для коего она будетъ призвана, и поспѣшнѣе привести ее къ страждущей.

Къ вечеру изъ посланныхъ никто не возвратился, но и Маса казалась такъ покойна, что Андрей, успокоясь духомъ, ходилъ въ окрестностяхъ этой роши, любовался мѣстоположеніемъ, отыскалъ двѣ рѣчки, кои соединяясь вмѣстѣ, составляли одну, протекавшую близъ того мѣста, гдѣ они основали временное свое пребываніе. Какъ же еще и утромъ посланные не возвращались, то Андрей удостовѣрился, что вблизи нѣтъ никакого селенія, а потому, по причинѣ Масинаго положенія, они должны будутъ остаться здѣсь на нѣсколько дней.... Къ удивленію своему, онъ нашолъ, что эта мысль неогорчила его; напротивъ, ему казалось, что если бы онъ и долженъ былъ когда-либо оставить это мѣсто, то ему было бы грустно...

На другое утро онъ былъ погруженъ въ размышленія о чомъ-то и все ходилъ въ окрестности. Положеніе Маси его не тревожило; она была покойна, бодра и до того крѣпка, что безъ всякаго отягощенія готовила сама обѣдъ изъ рыбы, которую наловить въ ближней рѣкѣ умудрился оставшійся спутникъ ихъ.

«О чомъ ты такъ задумываешься, мой милый Квитка?» спросила Маса, ласкаясь къ мужу. «Все ходишь одинъ и все разсматриваешь по сторонамъ. Здѣсь мы въ совершенной безопасности. Если тревожишься обо мнѣ, то напрасно: я уже такъ отдохнула и укрѣпилась, что если бы воротился Муха съ товарищами, то я могла бы пуститься въ дальнѣйшій путь. Однако скажу тебѣ... если бы не мое положеніе, я бы не вышла отсюда; такъ хорошо здѣсь».

Андрей поцѣловаль жену и сказалъ: «Какъ ты утѣшила меня, неоцѣненная Маничка!... Далъ бы Богъ возвратиться товарищамъ съ чѣмъ нужно, тутъ я что-то вамъ предложу».

Поздно къ вечеру изъ посланныхъ прежде всѣхъ воротился Муха. Ему посчастливилось какъ-то напасть на городокъ, т. е. на большое пространство, обнесенное частоколомъ, съ неглубокимъ ровомъ, выстроенный еще при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, для наблюденія за движеніями татаръ, иногда внезапно нападавшихъ на пограничные города Россіи. Городокъ этотъ былъ при рѣкѣ Донцѣ, назывался Чугуевъ и въ немъ обитали нѣсколько стрѣльцовъ и дворянъ ннашей степени, такъ называемыхъ «боярскихъ дѣтей», съ семействами. Они, прослужа здѣсь урочное для нихъ время и дождавшись смѣны, возвращались на прежнее жилище въ Москву.

Въ Чугуевѣ Муха былъ принятъ радушно и лишь объявилъ, кто онъ, что и для чего нужно ему, какъ тутъ же одна изъ жонъ стрѣleckихъ предложила свои услуги и вызвалась ѣхать для помощи больной. Разказала о многочисленной и всегда удачной практикѣ своей, что она и по Москвѣ между своими славилась ловкостію, умѣніемъ, а больше счастіемъ въ *этомъ дѣлѣ*. Сборы были недолги. Ѳедосья Кузьминишна, такъ звали акушерку, пригласила съ собою «для потѣхи барыни» дѣвушку, дочь одного изъ «боярскихъ дѣтей», и забравъ что нужно было по ея ремеслу, покатила съ Мухой припѣваючи и балагура во всю дорогу.

Не съ одною Ѳедосьею Кузьминишною въ Чугуевѣ познакомился нашъ Муха. Онъ нашолъ тамъ священника, условился съ нимъ, какъ поступать, когда Богъ пошлетъ радость пану Квиткѣ; приговорилъ ѣхать съ собою одного промышленника, взглянуть на ихъ кочевье, разсчитать что нужно для вновь прибывшихъ. Что значить для русскаго промышленника какихъ-нибудь тридцать верстъ разстоянія, хотя бы и дикою, непроходимую степью? И вотъ онъ на тройкѣ лихихъ коней слѣдовалъ за Мухою, везя, на всякій случай, кое-чего изъ съѣстнаго.

Пріѣздъ Мухи съ *кѣмъ нужно* было оживилъ Андрея, а возвращеніе утромъ и другихъ посланныхъ совершенно успокоило его. Товарищи Мухи нетакъ были счастливы, какъ онъ. Хотя они и находили людей, но это были или пикеты

Чугуевской команды, или какіе-либо блуждающіе въ степи люди, имѣющіе свои занятія, свой промыселъ, и съ которыми посланные ненашли за нужное сближаться.

Кузьминишна безъ дальнихъ церемоній прямо отнеслась къ Масѣ, заласкала, заговорила ее. «Эка, наливное мое яблочко!» такъ начала она: «стосковалось, сгрустнулось тебѣ. Небойся, неробѣй. Приѣхала Ѳедосья да еще Кузьминишна. она поворотить дѣломъ. Поотдохни послѣ дальней пути-дорожки, погуляй въ такомъ привольѣ. Я съ своими сказками, да съ прибаутками, а Настя съ стряпнею да съ услугою, да мы недадимъ молодой боярынь и соскучить-та. Пусть твой молодецъ, что, видишь, гоголемъ ходитъ, что отбилъ у панскаго туза такую кралю, а и самъ, что твой маковъ цвѣтъ, пусть онъ ходитъ здѣсь по лѣсамъ, да настрѣливаетъ намъ къ праяднику дичи, а мы затѣмъ ему и положимъ махонькаго козачонка на руки, что твой херувимчикъ. А ты, пань, поворачивайся у меня быстро. Живешь здѣсь на воеводствѣ, а гляжу, у тебя ни кола, ни двора, а опричь всего хозяйственнаго, многое и мнѣ нужно. Давай мнѣ своихъ чубовъ въ команду. Я закомандую по-бабьи и у меня все родится вдругъ».

И въ самомъ дѣлѣ у нея закипѣло дѣло. Смастерила покойный для Маси шалашъ съ сѣнцами, защитила его отъ вѣтра и непогоды, устроила кухню и все, что нужно было для маленькаго поселенія. Приѣхавшая съ Кузьминишною дѣвушка стряпала и прислуживала Масѣ, Муха съ товарищами ловилъ рыбу, Андрей неотходилъ отъ жены и вмѣстѣ съ нею невидаль, какъ проходило время, слушая рассказы Кузьминишны про Москву, про всѣ бѣдствія, какія терпѣли тамъ при самозванцахъ, при боярщинѣ безъ царя, и какъ Господь послалъ благодать свою на русскую землю, вручилъ ее царю Михаилу Ѳедоровичу; какъ теперь всѣ спокойны, какъ блаженствуютъ; какъ и она сама поживала въ Москвѣ, по какому случаю заѣхала на край свѣта; какія страсти терпятъ они отъ татаръ: и неговори отъѣхать отъ города Чугуева ни за двѣ версты! неровень часъ — набѣжить татарва, гикнуть, арканъ на шею, очнешься либо въ татарщинѣ, либо ближе, на томъ свѣтѣ. Всѣ эти рассказы, доселѣ несслыханные нашими супругами, неизмѣнными никакого понятія о Москвѣ, очень много занимали ихъ, а пуще радовало Андрея, что царь Московскій справедливъ, милостивъ, и жалостливъ къ народу.

Въ день Св. Апостола Петра и Павла Андрей поговорилъ съ своею Масею, призвалъ къ себѣ Муху и товарищеяго, благодарилъ ихъ за все усердіе ему и женѣ его оказываемое и за вѣрность, съ какою они служили ему до сего часа. Разрѣшилъ ихъ отъ данной клятвы и предоставлялъ имъ на волю ити, кто куда хочетъ. «Вы люди молодые, говорилъ онъ, вамъ надобно жить, пріискать средства, какъ и чѣмъ жить. Нехотите бѣдствовать подъ игомъ Ляховъ? Идите къ Москвѣ; теперь уже дорога извѣстна. Царь московскій, по сердцу Божію, народъ свой милуетъ; онъ пріиметъ васъ подъ свою милостивую руку. и вы, по желанію вашему, поступите въ число дѣтей его. Недумайте, какъ оставить меня. Я и Мася рѣшились остаться здѣсь, что ни устроить Богъ съ нами. Зачѣмъ теперь мнѣ въ Москву? Что скажу я о себѣ, если бы и удостоился видѣть царскія свѣтлыя очи? Я сынъ боярина Московскаго; какого? Незнаю ни имени, ни прозвища его, ни того, когда и по какому случаю оставилъ онъ Москву, живъ ли онъ и гдѣ находится? Не могутъ ли по справедливости счесть меня выдумщикомъ? Крестъ, что на мнѣ, ничего другого необъясняетъ, кромѣ того, что я Андрей, родился тогда то, а отъ кого? Никто необъяснить надписи на крестѣ. Усумнясь въ словахъ моихъ, вездѣ отринуть меня. А если у моего отца, какъ у боярина, были значительныя отчины и помѣстья, и при опалѣ отданы другому, тогда владѣтели ихъ, опасаясь, чтобы я несталъ отыскивать правъ своихъ, пойдутъ на все: меня, какъ обманщика, по ихъ настоянію, закабалятъ въ лютыя руки... Я, поклявшійся предъ Богомъ доставить Масѣ спокойную и довольную жизнь, буду причиною вѣчныхъ страданій ея и семейства, коимъ Богъ благословляетъ меня. Каково будетъ, среди собственныхъ бѣдствій, видѣть и ея страданія! Итакъ, обдумавъ съ нею все здраво, призвавъ Бога на помощь, рѣшились мы навсегда остаться здѣсь. Чтѣ намъ знатность рода, богатство, почести? Все суета! Оставляю на вѣкъ самую мысль разыскивать о моемъ происхожденіи. Я вольный козакъ Андрей Квитка, какъ названъ прирѣввшими меня въ сиротствѣ. Буду жить здѣсь спокойно; будучи обязанъ хранить спокойство жены и устраивать благо семейства, ужъ какой я слуга моему государю? Наградить меня Богъ сыновьями, воспитаю ихъ, передамъ имъ всѣ чувства мои и преданность къ царю, представлю ихъ,

не какъ потомковъ такого-то бояряна, а какъ сыновей вольнаго человѣка. Укажу боярамъ на здѣшній край. передамъ имъ мысли мои, что́ благого можно устроить здѣсь, и стану покойно доживать вѣкъ въ этомъ уголкѣ, куда Господь, сохранившій насъ доселѣ отъ всѣхъ бѣдъ, привелъ насъ. Скоро благословить меня Богъ чадомъ. Отпразднуемъ въ этой пустынѣ крестины новаго поселенца и... распрощаемся!...»

— Мудрая ваша рѣчь, добродѣю! послѣ долгаго размышленія сказалъ Муха, переглянувшись съ товарищами. «Благое ваше желаніе бросити-бросить искать невѣрнаго, неизвѣстнаго, остатися-остаться при извѣстномъ спокойствіи. Богъ васъ за такую мысль благословити-благословить. Онъ же и устроить-устроить все къ вашему и нашему благу. Зачѣмъ же вы и куда насъ отсылаете? Благодареніе Богу. исторгнутись-исторгнулись изъ плѣна египетскаго, мученія ляхскаго пекельнаго; станемъ же и мы людьми. Гдѣ вы, добродѣю, тамъ и мы. Мы себѣ дурни, хотя и дойдемъ до самой Москвы, а все поумнѣти-непоумнѣемъ, а колибъ еще и глупѣйшими стать-нестали. Тутъ, здѣсь, при тебѣ, добродѣю, какъ поклялись, такъ и по вѣкъ остаться-останемся. Такъ ли, хлопцы!»

«Такъ, такъ, такъ!» закричала единодушно малочисленная *громада* и бросилась цѣловать руки и полы платья, до слезъ тронутаго такою преданностію Андрея.

«Когда жъ такъ», сказалъ онъ: «то и пусть будетъ такъ. Дайте мнѣ срокъ, когда меня Богъ чѣмъ обрадуетъ, тогда я вамъ и всю мысль свою скажу. Посовѣтуемся и положимъ на мѣрѣ».

Успокоенный добрымъ началомъ своего предпріятія и не тревожимый состояніемъ своей Маси, Андрей съ спокойнымъ духомъ продолжалъ свои прогулки по окрестностямъ своего кочевья. Съ ружьемъ онъ проходилъ лѣсомъ, стрѣлялъ дичь, любовался мѣстоположеніями и только къ вечеру, по сдѣланнымъ въ лѣсу примѣтамъ, возвращался домой.

Однажды, и именно 5-го іюля, отъ зари онъ все шоль да шоль, погруженный въ мысли о своемъ предположеніи и нечувствительно прошоль версть восемь. Зной палилъ его, жажда мучила, но онъ не находилъ, чѣмъ освѣжиться. Пробираясь густымъ лѣсомъ, пришоль на край горы. Къ обрадованію своему, внизу увидѣлъ онъ изобильные источники,

бросился туда, утолил жажду, освѣжился и изнуренный усталостью, тутъ же легъ и скоро уснулъ...

Просыпаясь, видитъ предъ собою монаха, съ большимъ вниманіемъ смотрящаго на него... Андрей вскочилъ, оправилъ разстегнутую грудь, подошелъ съ уваженіемъ къ монаху и и сказалъ: «благослови, отче, странника».

Монахъ неподнимая руки, кротко, съ улыбкою, но дрожащимъ голосомъ говорить ему: «Меньшій неблагословить старшаго».

— Какъ это, отче святой? сказалъ удивленный Андрей.

«Андрей!» вскрикнулъ монахъ, поднявъ руки и дрожа всѣмъ тѣломъ: «ты братъ мой въ мірѣ. Я видѣлъ крестъ на тебѣ!...»

— Братъ?... ты Григорій?... Братъ мой?...

«Братъ!...»

И долго они болѣе ничего немогли произносить, какъ это сладостное имя, отъ самаго дѣтства невыходившее изъ устъ ихъ... Обниманія ихъ продолжались долго... потомъ пошли разспросы, рассказы... Пришли въ келію монаха, тутъ же при источникахъ кое-какъ слѣпленную; хозяинъ предложилъ скудную трапезу. Тутъ Андрей рассказалъ брату всѣ свои похождения.

Монахъ въ свою очередь рассказалъ, что когда онъ жилъ у тетки, то вдругъ неожиданно явился отецъ ихъ, сказалъ что-то невѣсткѣ. Она начала плакать горько и заботиться гдѣ бы укрыть его, но вдругъ набѣжали солдаты «батюшку схватили и потащили, незнаю куда». Такъ рассказывалъ монахъ. «Когда солдаты тащили батюшку, то я уцѣпился за него и хотѣлъ, чтобы и меня вмѣстѣ утащили. Батюшка успѣлъ благословить меня... и я его больше невидѣлъ уже. Солдаты всѣ кричали на батюшку: «убійца!... убійца!...»

«Прошло дня два, мы съ тетушкою все плакали. Она несмѣла послать развѣдать, что дѣлается съ батюшкою... Какъ вдругъ набѣжали солдаты, вырвали меня изъ рукъ тетушки и повезли недалеко, въ какой-то городъ и отдали меня въ одинъ домъ, гдѣ старый господинъ и все семейство его были въ чорномъ платьѣ. На меня только взглянули и сказавъ: «это онъ?» приказали свести въ людскую».

*

«Нестану пересказывать тебѣ, что я вытерпѣлъ въ этомъ домѣ. Никакого присмотра за мною небыло; вѣчно голодень, холодень, почти нагъ, всегда босъ; самое грубое обращеніе, упреки, брань; а когда началъ подростать, черная, тяжелая работа... вотъ все, что переносилъ я въ этомъ домѣ! Были люди, которые иногда, входя въ мое положеніе, приголубили меня, это было рѣдко и не на долго. У нихъ, въ добрый часъ, выпросилъ я, за что послѣдовало такое гоненіе на батюшку, продолжающееся даже на родъ его. Батюшку, гдѣ мы жили, любили всѣ вообще и начали убѣждать его, чтобы онъ служилъ имъ противъ Москвы. Батюшка слышать не хотѣлъ; однажды среди убѣжденій, одинъ изъ молодыхъ людей тутъ бывшихъ, дозволилъ себѣ говорить дерзость о русскихъ и о шаткости ихъ въ мнѣніяхъ: принятіи какого-то бродягу за царя и потомъ гоненіи на него, избраніи въ цари, кто первый попался на глаза, отреченіи впоследствии отъ него и много тому подобн. Батюшка унималъ клеветника, разгорячился въ спорѣ; дѣло дошло у нихъ до поединка, и онъ убилъ своего противника, сына знаменитаго чиновника. Батюшку преслѣдовали, схватили, заключили въ темницу, судили... но онъ неперенесъ своего положенія. Болѣзнь изнурила его и онъ, бѣдствуя всю свою жизнь, далеко отъ отечества, отъ дѣтей, единою отрадою бывшихъ ему въ свѣтѣ, незная, какая участь ожидаетъ насъ, въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, на голомъ камнѣ, кончилъ свою страдальческую жизнь!...»

«За кончиною его», продолжалъ монахъ, «судъ прекратился; рѣшено было все имущество, какое только можетъ остаться, отдать отцу убитаго. Ты съ Агафономъ скрылся, а меня нашли и, какъ вещь или какъ собачонку, отдали по приговору. Немогли ничего уже сдѣлать батюшкѣ, и на меня изливалось мщеніе огорченныхъ».

«Я былъ уже лѣтъ четырнадцать и незнаю, что располагали со мною сдѣлать, какъ въ одинъ день, вытерпѣвши жестокия оскорбленія отъ чумичекъ на кухнѣ, я вышелъ за ворота и горько плакалъ. Понимая свое положеніе и ожидая еще худшаго отъ злобы владѣющихъ мною, я совершенно терялся отъ отчаянія. Тутъ проходятъ два монаха, и увидѣвъ меня, одинъ другому сказалъ по-русски: «что за лицо у этого мальчика!»

— Да, отвѣчалъ другой: «онъ какъ будто непростой».

«Точно непростой», отвѣчалъ я имъ, стараясь сколько можно чище выразиться по-русски; «страдаю здѣсь ужасно».

— Ты Русскій? вскричали оба монаха.

«Русскій, Москвитянинъ и чуть ли еще не сынъ боярина», сказалъ я сквозь слезы.

— Какимъ образомъ ты очутился здѣсь? спросили они.

«И я въ короткихъ словахъ все пересказалъ о себѣ, какъ страдаю и неимѣю никакого средства избавиться отъ мучительнаго ига».

— Не хочешь ли съ нами? Мы тебя свеземъ въ Россію.

«Я началъ ихъ просить убѣдительно, и тутъ же одинъ изъ нихъ, покрывъ меня своею рясою, повелъ въ свою квартиру и въ тотъ же день мы выѣхали спокойно. Обо мнѣ не было никакого розыска».

«Меня привезли въ Коломну, въ Голутвинъ Богоявленскій монастырь. Зачѣмъ мнѣ было ити въ Москву? Кого тамъ отыскивать и для чего? Съ первыхъ дней мнѣ понравилась монастырская жизнь, я началъ учиться, а пришедши въ возрастъ, обдумавъ, и разсчитавъ все, вступилъ въ монашество. Я уже не Григорій, а недостойный Онуфрій, принявшій имя святого, празднуемаго въ день, когда возложили на меня монашескую мантию».

«Монастырь нашъ не уединенъ; житейская молва тяготила меня и я оставилъ мѣсто моего постриженія. Проходя по Россіи, видѣлъ монастыри, но неостался нигдѣ; мнѣ желалось спокойнаго безмолвія. Намѣревался пройти въ Кіевъ, нашъ русскій Іерусалимъ и также бѣдствующій подъ чужою властію. Вышедши изъ Россіи, шоль мѣстами дикими, безлюдными, и какъ-то всеблагій Промыслъ привелъ меня на это прекрасное мѣсто... «Чего мнѣ болѣе желать?» подумалъ я. Сдѣлалъ себѣ келію, запасся всѣмъ нужнымъ для зимы, отыскалъ русскій городокъ не въ близкомъ разстояніи; и тамъ есть святая церковь, туда хожу для питанія души словомъ Божиимъ, а жители снабжаютъ меня необходимымъ для грѣховнаго тѣла. Возблагодаримъ же любезный братъ, всеблагото Бога за его всеблагій промыслъ. Неповѣдимыми судьбами Его, мы сироты, безкровные, безпріютные, впавшіе въ рукъ

враговъ отца нашего, казалось, должны погибнуть, но, смотри! какъ чудесно мы сохранены, приведены во едино мѣсто, собраны во еже жити братіи вкупѣ. О коль добро и коль красно! о коль неисповѣдимъ Господь въ милосердіи къ намъ, всегда токмо прогнѣвающимъ Его! О Господи!» И онъ палъ на колѣна, молился со всею горячностію... Андрей съ такими же чувствами молился и благодарилъ Бога, такъ чудесно соединившаго его съ братомъ... Теперь онъ не въ пустынь; ничего ему болѣе не недостаетъ; все драгоцѣнное ему въ мірѣ, все съ нимъ. Чегожь еще ему искать?

Окончивъ молитву и укрѣпясь пищею, отецъ Онуфрій пожелалъ проводить брата до мѣста его кочевья, узнать жену его и благословить ее и они отправились.

На пути Андрей рассказалъ о намѣреніи своемъ остаться здѣсь навсегда и о своихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ. О. Онуфрій все одобрялъ и молилъ Бога о благополучномъ устроеніи всего задуманнаго.

Къ вечеру пришли они къ обиталищу Андрея. Кузьминишна первая встрѣтила ихъ; радость и удовольствіе на лицѣ ея. «Эхъ ты, горе охотникъ нашъ!» первыя слова ея были, увидѣвши Андрея: «Ну, чѣмъ похвалишься? Что заполевалъ? А мы вотъ и бабы тутъ, да посмотри-тъ-ка какого молодца наловили! Иди-ка, иди скорѣе, полюбуйся».

— Какъ?... что такое?... едва могъ спросить смущенный Андрей.

«Да не что такое», тараторила Кузьминишна, «а прямо красавчикъ, весь въ батюшку, матушкины глазки да усмѣшечка...»

— Да что такое? расскажи мнѣ толкомъ, спрашивалъ дрожащій Андрей.

«Къ чему толковать, слова тратить. Иди, да поблагослови сынка-молодца, что Богъ тебѣ сегодня ровно въ полдень даровалъ», говорила Кузьминишна; но Андрей уже былъ у постели Масиной, обнималъ ее довольную, радостную спокойную... Слезы мѣшали имъ сказать что-либо другъ другу, но эти слезы были даръ Божій, слезы радости, хваленія и благодаренія подателю всѣхъ благъ земныхъ.

Успокоившись, Андрей принялъ на руки первенца своего, распѣловаль и опять обратился къ Масѣ, рассказалъ ей о чудесной встрѣчѣ съ братомъ, уже монахомъ. Маса пожелала видѣть его.

Отець Онуфрій, благословивши жену брата и новорожденнаго, сказалъ: «дивень въ дѣлахъ своихъ Господь-Богъ! Надобно же намъ было сойтись и именно въ этотъ день и принять отъ Бога даръ, тебѣ, любезный братъ, посылаемый. Сегодня, 3 іюля, церковь празднуетъ св. Афанасія; по крестамъ, у насъ имѣвшимся, должно полагать, что родителя нашего звали Афанасіемъ. Въ день ангела его, Богъ насъ, разлучонныхъ въ дѣтствѣ, соединилъ въ необитаемой пустынѣ и послалъ намъ этого ангела. Сохранимъ же въ немъ имя святого, соединившаго насъ, которое, вѣроятно, носилъ и отецъ нашъ».

— Во имя Бога великаго и милосерднаго! воскликнулъ Андрей, поднявъ вверхъ младенца. Первенецъ мой, дарованный мнѣ въ избранной мною пустынѣ, да будетъ Афанасій Квитка! Ему, а чрезъ него и всему роду заповѣдаю, никогда и нигдѣ неотыскивать правъ родителя моего. Батюшка! призри, благовослови насъ и молись за насъ!...

Братъ и Маса обнялись и, распѣловавъ новопрішедшаго въ міръ, занялись бесѣдою, сколько позволило состояніе Маси.

На другой день Муха «поспѣшить-поспѣшилъ» въ Чугуевъ и скоро привезъ оттуда священника съ требамы для совершенія крещенія. О. Онуфрій былъ воспріемнымъ отцомъ Афанасію Квиткѣ.

Когда здоровье Маси дозволило, Федосья Кузминична, наговоривъ тѣмъ желаній, отвезена была въ Чугуевъ; Настя же, полюбивъ Масю, вызвалась остаться при ней для прислуги.

Призвавъ Муху и двухъ изъ его товарищей, Андрей предложилъ имъ ѣхать въ Украину за Днѣпръ, въ свои мѣста, «и если уже», такъ говорилъ онъ, «ваше желаніе непременно поселиться въ этой пустынѣ съ нами, то пригласите кого изъ земляковъ своихъ переселиться сюда. Страданія отъ ляховъ и жидовъ невыносимы, утѣшенія за вѣру нестерпимы! До коихъ поръ все это переносить? Пока козаки соберутся и явно отложатся отъ Польши, какъ вы и я слышали о всеобщемъ желаніи ихъ, то много горя достанется претерпѣть! Кто хочетъ спокойствія, пусть смѣло идетъ сюда. Здѣсь поселимся, здѣсь

обзаведемся всѣмъ. Земля обѣтованная, край блаженный! Свободно будетъ намъ молиться своему Богу. Царь православный приметъ насъ подъ свою сильную руку и мы счастливо будемъ жить здѣсь. Успѣютъ ли наши земляки (я говорю наши, потому что я взросъ и сталъ человѣкомъ между вами), успѣютъ ли они въ своемъ задуманномъ благомъ предпріятіи? Боже, ихъ благослови возвратиться въ нѣдра родной своей матери; а мы въ волѣ и спокойствіи наживемъся.

— А дадутъ ли намъ татары свободно жить? сказаль одинъ изъ отряжаемыхъ.

«Мы поселимся въ сторонѣ отъ того пути, по которому они пускаются на русскія селенія. Притомъ же будемъ жить скрытно, близъ этихъ лѣсовъ. При малѣйшей тревогѣ, мы со всѣмъ нашимъ имуществомъ скроемся въ лѣса. Не успѣвъ съ перваго раза ничѣмъ у насъ поживиться, они оставятъ преслѣдовать насъ. Если же Богъ пошлетъ на мысль значительному числу поселиться съ нами, тогда устроимъ себѣ острожокъ и будемъ въ немъ отсиживаться и отстрѣливаться. Татарва нелюбитъ этого и оставятъ насъ въ покоѣ».

Давъ еще полнѣйшія наставленія, какъ имъ дѣйствовать и чѣмъ убѣждать земляковъ своихъ къ переселенію, Андрей отпустилъ Муху съ товарищами въ путь, а о. Онуфрій напутствовалъ ихъ молитвою объ успѣхѣ въ благомъ предначинаніи.

Въ ожиданіи исполненія задуманнаго предпріятія, поселенцы наши жили спокойно и не теряли времени къ устройству для будущаго. Андрей и два оставшіеся съ нимъ козака, доставъ въ Чугуевѣ необходимыя инструменты, приступили къ постройкѣ избы, все въ той же березовой роцѣ, гдѣ основанъ былъ и первый шалашъ. Маса, здоровая, веселая, живая, восхищенная тѣмъ, что мысль ея объ основаніи всегдашняго жилища въ такомъ пріятномъ, свободномъ, далекомъ отъ свѣтскаго шума мѣстѣ, осуществляется, неотлучна была отъ *мастера при строеніи*, своего Андрея, милаго Квитки; тутъ же сидя и работая свое, занимала его то пѣсенками, то шутками и всячески ободряла его въ трудахъ. Маленькій поселенецъ покоился близъ нея; но плутишка, чтобъ угодить матери и выиграть себѣ что-нибудь, по временамъ не плакалъ, а какъ будто шутя, пицаль, и тутъ Андрей, оставя зарубливать уголь, кинетъ топоръ и очутится близъ малютки вмѣстѣ съ Масею.

Дитя зацѣлуютъ, да и сами начнутъ миловаться, пока-то вспомнить объ оставленной работѣ. Настя со всѣмъ усердіемъ исправляла все по хозяйству. Нерѣдко о. Онуфрій навѣщаль ихъ и по нѣскольку дней проводилъ съ ними, то бесѣдуя, то также съ топоромъ трудясь около бревна. Знакомый имъ Чугуевъ доставлялъ все необходимое. Ѳедосья Кузмининшна находила случай навѣщать своего «внучка-красавца» и балагурствомъ своимъ да присказами доставляла большое удовольствіе нашимъ поселенцамъ.

Кончилось лѣто, осень уже началась, какъ вотъ явился Муха съ товарищами, а за ними... цѣлый транспортъ переселенцевъ съ семействами, имуществомъ, скотомъ. Разказы Мухи въ Украинѣ приняты въ уваженіе и нѣскольکو семействъ изъ разореннаго, утѣсеннаго города Черкасъ, въ Украинѣ, изъ-за Кіева верстъ 250, рѣшились избѣгнуть гнетущаго ихъ ига и испытать счастья на вольной землѣ. Съ радостью встрѣтилъ ихъ Андрей, но тутъ же предложилъ имъ, изъ опасенія, чтобы не обратитъ вниманія на себя иногда могущихъ рыскать по симъ мѣстамъ татаръ, селиться не всѣмъ вмѣстѣ, а порознь «хуторами» на удобныхъ мѣстахъ. Семейства два осталось въ томъ мѣстѣ, гдѣ *основался* прежде Квитка, а прочіе расположились почти по-семейно, гдѣ кому нравилось. Община однако же трудами выстроены для всѣхъ избы, вспахано и засеяно въ озимь поле, сколько можно было снято сѣна для приведеннаго скота, и такъ положено было, чтобы и на будущее время всѣ работы производить вмѣстѣ и выручкою раздѣляться по-семейно. Муха, отъ всѣхъ прозванный «проворный, какъ муха», каждому семейству выбиралъ въ окружности мѣста для поселеній, давалъ полезные совѣты каждому и былъ у Андрея, главнаго всѣмъ распорядителя, какъ бы управляющій: наблюдалъ, осматривалъ и приводилъ въ порядокъ всѣ его распоряженія.

Одной только Масѣ привезъ Муха огорченіе и печаль. Отецъ, ея, яснѣйшій воевода Кіевскій, попавшись въ руки вѣтренной женщины, второй жены своей, слушалъ ее во всемъ, запутался въ дѣлахъ своихъ, смѣненъ, и въ маетностяхъ своихъ, недопивъ бочки ковенскаго меду и столѣтняго венгерскаго, умеръ; имѣніемъ завладѣла жена въ пользу прижитыхъ съ нею дѣтей. Мася поплакала, но... съ нею Андрей, сынъ...

пусть будетъ, какъ будетъ. «Въ нихъ мое отечество, мое богатство!» сказала и обратилась къ занятіямъ своимъ.

Хата для Андрея, съ помощію пришедшихъ переселенцевъ, отдѣлана была отлично. Поселившіеся на этой *Оснoвь*, выстроили также и себѣ для житья черезъ зиму, что успѣли. Муха въ особенности занимался устройствомъ одной землянки. Андрей замѣтилъ это и спросилъ, не для себя ли это онъ готовить?

«Для козака ненужно бы никакого пріюта, хоть бы и на зиму», сказалъ Муха твердо, но уже продолжалъ съ запинкою: «но какъ всякій человѣкъ любити-любить двойственность, то и я»... и замолкъ.

— А! не жениться ли хочешь? спросилъ Андрей. Во святой часъ, умножай наше новое поселеніе. У кого въ семьѣ выбралъ?

Переселенцы прибыли съ своими семействами. У нѣкоторыхъ были взрослые дочери.

«Не у кого же въ семьѣ, какъ не у васъ, добродѣю!»

— Какъ это?

«Хочется мнѣ совершенно обмоскалиться. Для такого случая пригодна *жинка*». Благословити-благословите и дозволити-подозвольте съ вашей Настею любовь возымѣть и въ бракъ законный вступити-вступить».

— Очень радъ. Согласна ли она?

«Боже мой, какъ согласна! Она щиро меня любити-любить и охотою охотно ити-идеть за меня.»

Недолго собиралися къ свадьбѣ. Съѣздили въ Чугуевъ за согласіемъ родителей Настиныхъ, привезли ихъ, и новонаселяющійся край огласился веселыми свадебными пѣснями.

Зимою Муха, по приказанію Андрея, долженъ быть оставить молодую жену и снова отправиться въ Украину, для приглашенія переселенцевъ въ новый край. Съ нимъ поѣхали нѣкоторые изъ пришедшихъ осенью для удостовѣренія о всѣхъ выгодахъ, какія найдутъ они въ дикой и всѣмъ изобилующей степи.

Съ открытіемъ весны Муха возвратился съ многими изъ переселенцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, недоходя до *Оснoвы*, новаго поселенія, куда призывалъ ихъ Муха для совѣта, найдя

великія удобства, избрали себѣ мѣста по рѣкамъ Псла, Ворсклѣ и далѣе въ степь, и селились уже большими хуторами. Дошедшіе съ Мухой до *Основы* поселенія, по совѣту Андрея, начали отыскивать мѣста и селиться также значительными хуторами, но ближе къ границѣ русской, по рѣкѣ Донцу.

Съ транспортомъ Мухи, избѣгая гоненій и утѣсненій за вѣру, прибыли въ новый край три монаха. О. Онуфрій принялъ ихъ съ душевною радостію. По распоряженію Андрея, въ пустынѣ на источникахъ сооружена часовня во имя св. Онуфрія и иноки положили основаніе обители.

По усердію своему, Мася пожелала тутъ же, на Основѣ, выстроить часовню во имя Рождества Предтечи, въ память того дня, въ который они прибыли сюда. «Хочу» сказала она, принеся первую въ этой часовнѣ молитву, «при жизни своей устроить храмъ во имя сего великаго святого; но если Богъ меня недостойтъ того, то заповѣдую и проказываю сыну и роду своему непременно на этомъ мѣстѣ устроить храмъ Рождества Св. Предтечи, въ память нашего водворенія здѣсь».

Годы шли, шли и поселенцы въ новый край. По всей Украинѣ, по всѣмъ мѣстамъ угнетаемы были Русскіе, народъ православный принуждаемъ былъ принять унию, и для этого дана была воля жидамъ взять на откупъ храмы Божіи. Жаждушіе Божественнаго слова, совершенія безкровной жертвы, должны были заплатить за позволеніе совершать службу въ церкви. Нужно крестить младенца, напутствовать старца и немощнаго при отходѣ въ вѣчность, предать землѣ усопшаго, какую бы ни было требу Христіанскую исполнить, церковь отпереть, хотя бы только для прибора,—за все должно было платить жиду, откупившему у польскаго начальства право утѣснять христіанъ, коимъ отъ католиковъ другого небыло имени, какъ «схизматики». Всѣ гоненія за вѣру, утѣсненія въ гражданскомъ управленіи, тягость отъ непомѣрныхъ налоговъ, все это волновало умы русскихъ на Украинѣ. Отложеніе отъ польскаго ига готовилось, но еще не настало время: располагавшіе великимъ дѣломъ встрѣчали затрудненія; простой же народъ, помѣщики, неучаствовавшіе въ заговорѣ, не знали, что готовится патриотами для общаго спасенія; при первой разнесшейся въ ихъ краѣ молвѣ объ удобности къ жизни въ новонаселяющемся краѣ, въ дикихъ мѣстахъ, можно

жить привольно, молиться свободно *своему* Богу и зависѣть отъ одного *своего* законнаго Царя, и однимъ словомъ, какъ были въ прежнее время, такъ опять стать настоящими русскими, двинулись изъ-за Днѣпра и наиболѣе изъ повѣтовъ крайне разоренныхъ и угнетенныхъ Черкасѣ, Зембора, Корсуня, Чигиринна и другихъ.

Ежегодно переходило переселенцевъ великое множество. Кромѣ семействъ и всего имущества своего, они, чтобъ неоставлять святыни на поруганіе жидамъ и такимъ же нехристіямъ ляхамъ, забирали самыя церкви и, уложивъ благолѣпно святыню, все везли съ собою. Нѣкоторые, по привязанности къ роду прежнихъ своихъ владѣльцевъ, дѣтей ихъ находившихся въ сиротствѣ, чтобы неподпадали ляхскому игу, забирали также съ собою и призирали ихъ уже на мѣстѣ. Вся Украина поднималась искать *слободы*, перейти на свободныя мѣста, гдѣ есть уже *Основа* новому поселенію. Всѣ шли къ Основѣ, разумѣя то мѣсто, гдѣ прежде поселился Андрей, и нѣкоторые въ окружностяхъ а другіе, недоходя до того мѣста или проходя по свободѣ въ стороны, избирали себѣ, какъ сказано, любыя и выгодныя мѣста, селилися слободно (свобода, свободою) и хутора ихъ звалися отъ того *слободами*.

До того поселенія край сей былъ безмолвною степью. Одни звѣри гуляли по полямъ, проживали въ лѣсахъ, да ватаги татарской орды проносились безъ пути и дороги, куда зря, лишь бы добраться до русскихъ селеній, городковъ по Бѣлгородской чертѣ, вновъ тогда устроиваемой, захватить скоть, разорить селеніе, живьемъ забрать годныхъ имъ людей, а ненужныхъ приколоть... Гуляли себѣ, мошенники, какъ дома, а подъ часъ да при силѣ пробирались и гораздо за черту, тревожили, разоряли русскіе городки и селенія, вовсе нечаявшіе такой бѣды. Отъ удачъ избаловались наконецъ до того, что подумывали обзавестись своимъ хозяйствомъ, присосѣдиться по ближе къ Россіи, затѣмъ знаете, чтобы недалеко было уводить добычу, а при неудачѣ и урывать безъ оглядки отъ погони русскихъ. Уже на р. Донцѣ извѣстный «Гузунъ-Курганъ» (у коего нынѣ городъ Изюмъ Харьковской губерніи), а на р. Ворсклѣ «Бѣлый-Боръ» (Ахтырка, городъ той же губерніи), укрѣпили по-своему и проживали въ нихъ покойно; непереставая дѣлать оттуда набѣги, уводили въ свои укрѣ-

пленія, что поподадо подъ руку. Матушкѣ нашей Россіи тогда не до того было. Самозванцы, ляхи, свои недруги занимали ее, сердечную, и тревожили много и не давали времени все обдумать и устроить. Уже царствовалъ благодатный Михаилъ, но много требовалось дѣятельности на приведеніе въ порядокъ внутри государства всѣхъ частей и обезпеченіе его извнѣ отъ важнѣйшихъ враговъ; такъ объ этой дряни, каковы татары, не время еще было заботиться. Дошла бы очередь и къ нимъ, но Богъ помогъ, и дѣло, сперва помаленьку шедшее, принесло великую пользу.

Рыскающіе татары замѣтили незваныхъ гостей, поселяющихся на землѣ, которую они почитали своею собственностію. Давай ихъ тормошить, тревожить, разорять... но *слобожане* (такъ называвшіеся отъ свободы въ поселеніи) неоплошали. Узнавъ неисчислимыя выгоды отъ обладанія привольнымъ краемъ, недумая тѣшить татаръ и убираться съ заселяющагося края, они рѣшились проучить ихъ по-своему. Для того надобно было укрѣпляться острожками, обносить валомъ, запастись оружіемъ. О такой необходимости прослышивали въ Украинѣ и нераздумывали переселяться, но уже набирали съ собою годнаго оружія. Кромѣ ручного, помѣщики забирали имѣвшіяся у нихъ издревле при домахъ пушки, снабжали ими вновь устроенные городки и подъ часъ порядочно проучивали татаръ. Не безъ того, что и татары, нападаая врасплохъ, разоряли недавно обзаведенныя селенія, жителей умерщвляли, отводили въ плѣнъ; но вновь приходящіе селились на тѣхъ же пепелищахъ и придумывали все къ своей оборонѣ отъ врага. Невозможно было безъ оружія выйти за селеніе. Татары, неожиданно, словно изъ земли, являлись и увлекали съ собою попадавшихъ, если они неимѣли чѣмъ оборониться. Работы въ полѣ производились во множествѣ: управляющій плугомъ имѣлъ саблю у бока, рушницу (ружье) за спиною. Въ мѣстахъ ближе къ «Основѣ поселенія» и отъ нея къ востоку и полудню, какъ подверженнымъ большимъ безпокойствамъ отъ татаръ, самопроизвольно составилось козачество, т. е. составились небольшія конныя партіи, обязанныя, при малѣйшей гдѣ-либо тревогѣ, со всѣхъ селеній являться на помощь бѣдствующимъ.

Такъ все шло годъ отъ году далѣе. До Андрея доходили утѣшающіе его слухи, что край, имъ избранный, несмотря на

безпокояства отъ татаръ, болѣе и болѣе люднѣеть. Отъ 1643 года, въ который поселенія во всемъ краѣ значительно умножились, такъ названное по протекающей рѣкѣ поселеніе «Сумы» уже имѣло видъ порядочнаго города, какъ по укрѣпленію, такъ и по населенію. Ахтырка, изъ прежняго татарскаго укрѣпленія, опустѣвшая и считавшаяся въ польскомъ владѣніи, возобновлена укрѣпленіемъ и по многочисленности начала почитаться городомъ съ 1645 года. Невольно весь край начиналъ дѣлиться на области, видимо требовалось внутренняго устройства; радились, совѣтовались, но неучредили ничего.

Нашъ же молодецъ, объ основаніи котораго здѣсь говорится, теперешній папахень, или какъ тогда называли «батько» всѣхъ городовъ, еще въ то время и неродился. Извѣстна только была рѣка Харьковъ, вытекающая изъ Россіи, т. е. изъ Бѣлгородской провинціи, протекающая близъ *Основы* поселенія, мѣста, гдѣ поселился первоначально Квитка, и тутъ же, соединясь съ рѣкою Лопанью, проходила далѣе сосновымъ боромъ и впадала въ рѣку Уды, втекающую въ рѣку Донецъ.

По теченію рѣки Харькова Андрей часто ходилъ на охоту и обозрѣвалъ новопоселяющіяся слободы. Проходя внизъ по теченію ея, наполь маленькій хуторокъ на мѣстѣ удобномъ для жизни, а у живущихъ—огороды, сады фруктовыхъ деревьевъ и колодезь хорошей воды *). Онъ любовался удобствомъ мѣста для жизни, прошолъ далѣе на возвышенность и въ немъ родилась мысль, для приведенія которой въ дѣйствіе, онъ всѣмъ вновь прибывающимъ поселенцамъ, всегда первоначально являвшимся къ нему, какъ «осадчому», за совѣтомъ, гдѣ выгоднѣе поселиться, началъ предлагать селиться на хуторѣ Харьковскомъ и вверхъ по возвышенію. Населеніе скоро умножилось, нужно было подумать объ укрѣпленіи мѣста, устройеніи города. Мѣсто, по совѣту съ поселившимся тутъ же шляхетствомъ, найдено удобнымъ—на горѣ; съ обоихъ сторонъ проходили рѣки Харьковъ и Лопань; за послѣднею, къ высокой горѣ, называемой уже Холодною, были озера, болота, топи, наконецъ дикіе сады, соединяющіеся съ непроходимыми лѣсами; за рѣкою Харьковомъ также сады, роши и луговныя мѣста; въ третью сторону (что нынѣ называется Подоль) большія болота, поросшія густымъ высокимъ камышомъ.

*) Что нынѣ извѣстенъ подъ именемъ: Бѣлгородскій.

Приступлено къ построению города и къ сооружению храма Божія, подобно какъ и въ другихъ городахъ и значительныхъ селеніяхъ. Поселенцы упросили о. Онуфрія отправиться съ выборными отъ общества къ Черниговскому владыкѣ, просить его молитвъ и благословенія въ благомъ начинаніи и отряженія отъ себя духовнаго лица для освященія города и храма Господня въ немъ и въ другихъ селеніяхъ, имѣющихъ въ томъ нужду, равно и о приглашеніи духовныхъ лицъ для занятія мѣстъ священниковъ при новоустроенныхъ церквахъ.

Посольство отправилось, благополучно прибыло въ Черниговъ, и со вниманіемъ выслушана преосвященнымъ просьба новыхъ поселенцевъ. Отрядивъ именитое духовное лицо съ уполномочіемъ освятить всѣ вновь устроенные храмы, снабдивъ должною для того святынею, согласивъ священниковъ занять мѣста пастырей новособраннаго стада Христова, преосвященный, при отпускѣ посольства, благословилъ и вручилъ имъ подлинный чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы, *Елецкою* именуемой и сказала притомъ: «Благая Заступница да путеводствуетъ васъ въ избранное мѣсто для славы Божіей, да благопоспѣшитъ въ исполненіи желанія дѣлателей благого предпріятія и благодатію своею да неотступитъ никогда отъ мѣста, избраннаго для хвалы святого имени Его. Но да помнитъ каждый гражданинъ новоустроющагося града, что въ благочестіи жителей зиждутся грады, устами же нечестиво живущихъ раскопаются».

Съ должнымъ благоговѣніемъ жители предполагаемаго города встрѣтили образъ Благодатной, покровительству которой вручили себя и новый городъ. Встрѣча была на Холодной горѣ и оттуда духовенство въ облаченіи, съ пѣніемъ, свѣчами и кадилами несло въ предполагаемый городъ. На непроходимыхъ мѣстахъ *) устроены были мостики и безопасные переходы. По принесеніи св. образа въ городъ, внесенъ онъ былъ въ церковь, наскоро выстроенную и, за недостаткомъ способъ, весьма незначительно убранную. Любящими благолѣпіе храмовъ присканы были колокола; большій изъ нихъ былъ пудовъ въ пять.

Приступили къ приготовленію заложения города и освященія въ немъ храма Божія.

*) Что нынѣ Екатеринославская улица.

Въ вечерь 14 августа 1646 года, въ дикомъ, безлюдномъ, необитаемомъ до того мѣстѣ, раздался первый звонъ колокола, призывающій, хотя и не во многомъ еще числѣ поселившихся, гражданъ къ славословію имени Божія и Заступницы всѣхъ уповающихъ на помощь Ея. Всенощное бдѣніе совершено.

Въ самый же день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, во имя коего сооружена и церковь, освященъ былъ храмъ, совершена въ немъ безкровная жертва и потомъ съ возможнымъ мѣсту и обстоятельствамъ благолѣпіемъ выступила изъ храма духовная процессія. По чиноположенію церковному, на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось быть городскимъ воротамъ и башнямъ, приносимы были установленныя молитвы съ окропленіемъ святою водою и осѣненіемъ образомъ той, въ руцѣ которой поручаемъ былъ градъ. Усердные граждане въ восторгѣ душевномъ, чтобъ явить свою радость, при всякомъ торжественномъ дѣйствіи стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, привезенныхъ съ собою шляхетствомъ фамилій Ковалевскихъ, Земборскихъ и другихъ.

Гороцъ въ молитвословіи наименованъ былъ «Харьковомъ». До сего было совѣщаніе, какъ именовать городъ. И общее мнѣніе основалось назвать его по рѣкѣ, мимо его протекающей. «Рѣка течетъ изъ Россіи», говорилъ Квитка, а съ нимъ согласились и всѣ: «пусть и по имени извѣстно будетъ, что мы коренные русскіе, подданные православнаго и преславнаго царя Московскаго».

По окончаніи пировъ, необходимыхъ при такомъ необыкновенномъ событіи, принялись за укрѣпленіе города. Вотъ его тогдашняя величина и обширность. Первые ворота были, гдѣ нынѣ вѣзжаютъ къ университету; другіе тамъ, гдѣ домъ и лавки купца Карпова; третьи гдѣ сапожный рядъ; четвертые, на случай obleжанія города, тайный ходъ къ рѣкѣ Лопани, спускъ между присутственными мѣстами и лавками Карпова. Прочее все было обнесено рвами, дубовымъ частоколомъ; кое гдѣ стояли пушки, о коихъ уже сказано выше.

Такъ рассказывали старики.

Вотъ вамъ весь тогдашній Харьковъ. Что, если бы всталъ кто изъ бывшихъ при заложеніи его? Узналъ ли бы мѣсто, гдѣ были домики первоклассныхъ тогда жителей?... То-то же. И вотъ исполняется только двѣстѣ лѣтъ отъ первоначальнаго

его основанія... Пожалуста, любезные земляки, 15-го августа 1846 года погуляемъ знатно въ память двухъ-сотъ лѣтняго нашего Харькова молодца.

Далѣе разсказывать здѣсь не мѣсто. Предположено сказать объ основаніи Харькова, а не исторію его написать, и вотъ дѣло кончено. Развѣ объяснить нѣсколько послѣдствій, поясняющихъ сказанное выше.

По совершеніи духовнаго обряда, жители новаго города, въ изъявленіе благочестія своего къ Благодатной искровительницѣ своей, начали дѣлать приношенія для украшенія святого образа Ея. Первый Андрей повергъ свой крестъ, данный ему при крещеніи, чтобы у потомства его истребить всякое разсужденіе о происхожденіи своемъ, и предназначилъ его на вѣнецъ образа Божіей Матери. Духовенство, прибывшее изъ Чернигова, освятивъ вездѣ перкви, устроенныя въ слободахъ, располагало отправиться обратно съ святымъ образомъ; но осеннее время, безпокойства отъ усиливающихся татарскихъ шаекъ и смуты въ Малороссіи заставили ихъ святыню оставить въ Харьковѣ, а сами, переодѣвшись въ прѣстныхъ людей, отправились въ Черниговъ, съ предположеніемъ, въ благоприятное время прислать за образомъ съ приличнымъ препровожденіемъ и охраненіемъ; но безпокойства въ Малороссіи, перемѣна владыки Черниговскаго... тогдашнія власти откладывали все далѣе и далѣе, а наконецъ образъ Заступницы остался навсегда въ Харьковѣ и сѣняетъ его своимъ покровомъ.

Отецъ Онуфрій имѣлъ душевное утѣшеніе устроить въ своей пустынѣ, на источникахъ, храмъ во имя Св. Онуфрія и съ малочисленною братією жить уединенно и окончилъ благочестивую жизнь; тамъ же и погребенъ. Обитель его опустѣла не надолго; когда образовались и устроились такъ названные отъ слободъ «слободскіе козацкіи полки», полковникъ Харьковскаго полка, по прозванію «Донецъ», съ полковою старпиною возобновилъ монастырь и уже на горѣ основалъ его и устроилъ церковь Спаса Преображенія. Церковь же Св. Онуфрія, на источникахъ, оставалась въ своемъ видѣ.

Первое поселеніе Квитки, прозванное первоначально Основую, сохранило свое именованіе и по нынѣ. Андрей и жена

его, по преданію, похоронены тамъ же, близъ часовни. Желаніе Маси устроить храмъ въ березовой рощѣ, гдѣ основанъ первый шалашь для ихъ пребыванія, не исполнилось; уже правнукъ ихъ, Харьковскій полковникъ Григорій Семеновичъ Квитка, въ 1714 году соорудилъ тамъ церковь во имя Рождества Св. Предтечи. Знаменитая березовая роща красовалась и была любимымъ гуляньемъ харьковцевъ до 19-го іюня 1789 года. Въ тотъ день ужаснѣйшая буря *положила* въ полчаса всѣ деревья. Пѣсокъ возобладалъ сильно и до того, что господскую усадьбу и церковь должно было снести оттуда.

Сынъ Андрея и Маси, Афанасій Квитка, былъ полковымъ судьбою въ Харьковскомъ слободскомъ полку, и отъ него пошелъ родъ Квитокъ. Золотая цѣпь, на которой, можетъ быть, отецъ Андрея носилъ гривну, потерянную Агафономъ, передавалась изъ рода въ родъ; при раздѣленіи домовъ дѣлилась на части и у одного изъ потомковъ хранится одна изъ нихъ.

А татары? Ого! Сначала помаленьку проучивали ихъ, отбивались, потомъ разбивали ихъ и до того стѣснили, что они уже и носа показать сюда не смѣли. И Гузунъ-Курганъ наши слободскіе козаки удержали за собою, и прошли еще далѣе до рѣки Тора, поселились тамъ, гдѣ нынѣ заштатный городъ Славянскъ. А Харьковъ все цвѣлъ да процвѣталъ, и сталъ тѣмъ молодцомъ, какимъ вы его видите.

VIII.

МАЛОРОССИЙСКАЯ БЫЛЬ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ БЫЛЬ*).

Недалечко видь якогось-то города, чымаленького, що въ нимъ було ажъ три церкви, одна кам'яна, а дви дерев'яныхъ, було село, а у тимъ сели живъ собі чоловікъ Демко. Винъ бы то и розумный, якъ и усякъ чоловікъ, такъ, по трошку: знавъ и свое дило коло хлиба, вмивъ свытку залататы, кожушокъ выхутровати, усе знавъ що доводилося; тилькы на-лыхо соби, хотивъ крѣпко велычатыся, щобъ усякъ ёго почытовавъ, усякъ завыдовавъ. Пуще гиркои редькы досадно ёму було, якъ де у кунпаныи, де зберутця люды, а якъ було билия города, то и хорши люды виходылыся поговорыты де о чимъ, а нетакъ поговорыты, якъ послухаты дякивъ, що якъ зйдутьця, та стануть таке росказуваты, що намъ и уви-сни непрысытця побачыты. Якъ же у городи було ажъ три прыхода, а у кожному по два дяка, та сёмый сельскый, такъ де зйдутьця, такъ-такы ё чого послухаты, якъ стануть росказуваты. Одинъ почне зъ Евреивъ. другой перехопе, та прыньметця за Гога и Магога, ыншый товкуе про «обаче», то, я жъ кажу, нашего братчыка, непысьменного, слухаючы, ажъ слёза пройме!... Не даромъ сказано, пысьменный!... А у такій кунпаныи кого посадыты на покути? Дяка. Кому перша чарка? Дякови. Передъ кымъ, хочъ ты и старый, та помовчъ? Передъ дякомъ. А усихъ прочыхъ-другыхъ, хочъ бы и небуло.

Черезъ тее Демкови крѣпко досадно було. Хочъ частинько пидголювавъ чубъ и бороду, вздягавъ и сыний жупанъ и непропускавъ, де збиралыся почотни люды, то покы дякивъ нема, то и ёму добре: обсядуть ёго старыкы, слухають, що винъ росказуе про саранчу, якъ колысь налитала у старовыну, а винъ се чувъ ще видъ батька; а якъ почне росказуваты, якъ вже винъ и самъ бачывъ, якъ шествовавъ самъ

*) Малкъ, 1842, т. III, кн. 5.

губернаторъ черезъ ихъ городъ, такъ, батечку! було чого послухаты! Божывся, що и передъ нымъ, и за нымъ усе паны биглы тройкамы, то у брычкахъ, то у кыбиткахъ, а ыншій и на простыхъ повозкахъ. А самъ, каже, губернаторъ їде у колясци, що скрызъ у вїкнахъ, мовъ хата яка! а дзвонькивъ-дзвонькивъ! И у переднихъ дзвонькы, и у заднихъ дзвонькы, и у самого на колясци дзвонькы... та уси разомъ якъ зателенькають, такъ ажъ ув-ухахъ лящыть!...

Отъ таке усе якъ росказуе, що и у самого ажъ духъ радуеця, и знай усы розглажуе та ще придумуе, щобъ то росказати, а тутъ дякъ рыпъ у хату! Заразъ хазяинъ до Демка: «а устань, каже, Дёмку, пусты пана-дяка, нехай намъ де-що зъ премудросты роскаже». Отъ тоби Демкови и честь!... Встане, мовъ оплѣванный, на людей негляне, заразъ за шапку— и хочъ и непросы, щобъ зостався; хочъ чого хочъ пиднось ёму, нехоче и нехоче, мерщій зъ хаты; тилкы ёго и бачылы!

А тожъ и недосадно, скажете, якъ чоловикови дуже хочетця повелычатыся, и щобъ ёго шановали, а тутъ ниhto и недывытця на нѣго, та пры нѣму вельчаютъ другихъ?

«Трывайте-жъ», такъ соби подумавъ разъ у ночі, якъ неспавъ зъ нудьгы, «я васъ усїхъ провчу. Будете тямьты Демка. Будете топтатыся, нетилкы у хати, та й коло хаты, абыбъ якъ протовпытыся та послухаты дѣ-чого. Нехай тогди дякы заховаютця зъ своими премудростямы. Заткнемó ихъ за поясъ. Замовкнутъ противъ насъ».

Такъ подумавшы, та надумавшы що робыты, узявъ у ранци, и видвивъ хлопця, свого такы сына, по переду до пиддячого. Якъ же хлопця узялось за пысьмо и стало неспотыкаючыся чытаты ажъ по верхамъ, батько, нїгде дитыся, хочъ зъ нуждою по поламъ, хочъ у пѣзычку ускочывъ, а виддавъ хлопця у науку до дяка, та ажъ до соборного, щобъ навчывъ, чого самъ зна. И щось недешево и поеднавъ.

И неузавъ чортъ Харька, Демкового сына. Незабарѣмъ, годивъ черезъ симъ, понявъ добре и чытаты, и пысаты; ермолой увесъ проспива, стыхыры усяки, який бы то дякъ видкиля-бъ то не яывся, що хочъ починай, а Харько вже й тутъ: попереду окселентуе, а тамъ и пишовъ самъ горою; и переводы выводитъ и на таке звезде, що хочъ бы тоби тутъ

пять дякивъ спивало, то винъ усихъ зибѣ, замовкнутъ, зо-станетьца одынъ, та й докинча, якъ самъ зна.

Така-то розумна дытына була. Демко ненарадуетьця. Эге! такъ щожъ бо: зъ книжки що хочешъ винъ тоби прочыта, а свого розумного слова не скаже, невыдумане ничого.

Якъ прыйшло хлопця зъ науки, а вже такъ було ёму годивъ висимнадцять, батько и каже ёму: «А що, каже, Харьку, чы незумивъ бы ты якого розумного слова сказаты нашымъ дякамъ, щобъ не зналы якъ и розжуваты ёго? знаешъ, носа їмъ утерты, щобъ недуже бровы пиднималы? Выдумай такы шо не-будь; а я заклучу їхъ и другыхъ якыхъ людей, що тилкы їхъ и слушають и поважають; а мы їмъ при ныхъ и видрижемо и прыстыдымо».

— Такъ щожъ, тату! каже хлопецъ, пился чо́го я розумне слово скажу? Адже я тилкы вчывся у школи. Черезъ науку не станешъ розумнымъ. Хочъ уси книжки вывчы на память, а розуму ненаберешся. Треба свѣта повывдаты, зъ людмы поводитысь, тогда до розуму дѣйдешь. Давай, тату, кошту; пиду по другимъ городамъ, запырмичатему, дѣ якъ поводитця, а звернувшысь, таке имъ скажу, що уси дякы и старыкы наши тилкы плямкатымутъ, а невторопають ничо́го».

Ничого Демкови робыты. Хочъ и дуже потратывся на Харькове пысьмо, а треба-жъ ёго и до розуму довесты. Не-хай свѣта побачыть, роздывытця, якъ дѣ у людей поводитця, вернетця до дому, та й загне дякамъ карлючку, щобъ недуже пащыковалы. Здыхнувъ важко Демко, доставъ пѣзычкою ще скилкы-тамъ десяткы карбованцывъ, выдавъ Харьку, та и выпроводывъ ёго.

Два года на третѣму, прыйхавъ Харько до батька, нанявъ чоловика зъ дальней стороны, щобъ визъ ёго до дому, а якъ грошыкы процвындыривъ, такъ поеднавъ такъ, що, каже, батько заплатыть.

Чухався Демко довго; ничого робыты, заплатывъ. А сына по переду, якъ увійшовъ, тай непизнавъ. Острыженный, пидперезаный не по нашому, а чортъ зна по якому. Росказуе, руками бѣвта, слова вернякае ненаши, и на московськы закыда, да тилкы не до ладу. Батька невзыва, якъ законъ велыть, «батькомъ», або «тату», а уже «старыкъ»; та усе пры-

дыраетця: «у васъ, каже, нетакъ усе, якъ у людей. Стыдно тобі, старыкъ, що и досе не вмѣшь жыты по людски».

— То дарма, каже Демко: навчымось описля. Ты тилькы скажы мени, чы набрався ты, по чужымъ сторонамъ ходючы, розуму, якого тутъ нема?

«Що се ты, старыкъ, розказуешь? Старый, та не вмѣшь розсудыты. (Трохы-трохы неказавъ батькови у вичи, що дурный есы). Я тилкы ув-одну сторону ходывъ, такъ и розумъ бачывъ зъ одного боку. Постачай грошей ще, пиду у другу сторону, такъ ще розумнишымъ вернуся».

«Може хлопця и правду каже», подумавъ Демко. Сякъ такъ, то просячы, то молячы, роздобувъ на гроши, виддавъ сынови, и проводывъ ёго у другу сторону межъ чужи люды.

Ледве-ледве на пятый годъ вернуся нашъ Харько, и вернусь ще чудниший. Невторопае, що батько каже; батько стоить, а винъ передъ нымъ сыдыть, и руки ёму нецилуе ни-колы. Батько дѣ-чого ёму багато каже, а винъ видвернетця, та й скаже: «Мужыкъ!» Отъ такимъ розумнымъ вернусь нашъ Харько зъ чужыхъ людей!

«А що, сыну», каже батько, «чы набрався дуже великого розуму? Чы задасы пыхвы нашымъ дякамъ? Такъ колы тее, такъ я зибравъ бы їхъ, попоштувавъ чымъ ще ё, та и прыстыдылы бъ їхъ».

— Ты то думаешь такъ и задаты имъ пыхвы? бачъ якый швыдкий! «(Се то сынъ на батька такъ каже. Знаете, вже винъ побувавъ по чужымъ сторонамъ, такъ ёму стыдно противъ батька буты звычайнымъ. О, бодай васъ, зъ вашою наукою!)» Треба попередю довго думаты, помы що выгадаешь до путья сказаты. Учени люды завсегда такъ роблять. Купы лышь мени, старыкъ, на гривню свичокъ, такъ я ничъ по-сыжу та й выдумаю що розумне».

Купывъ Демко за тую гривню свичокъ, а Харько, пове-черявшы добре, якъ звычайно вчений, сивъ думаты та выдумувати розумне слово. Свичкы позасвичувавъ, сивъ за стиль, голову пиднявъ, у стелю дывытця вывалывшы очи, рукамы розводыть, то палець у лобъ ткне, то на нисъ положыть, то у ротъ всуне, та сопе, ажъ свыстыть, мовъ на сопилку гра... та разомъ зскочыть зъ лавкы, стане ходыты по хати, рукамы бьетця объ полы, здыхае... та впять сяде за стиль. Та таку

кумедию строиць черезъ усю ничь. Свичкы догорилы, ставъ свитъ, Харько знемигся, звалывся на лаву и захрипъ.

«А що, мылый мій сыну! що розумне выдумавъ? чы зываты на завтре дякивь, щобъ твого розуму дозналы?» пытавь батько у ранци.

— Потрывай! спишачы Мыколу звалышь! каже Харько, якъ кажуть мужыкы таки розумни, якъ и ты. Такъ-то ув одну ничь и выдумаешъ! Купуй ще на гывню свичокъ, колы хочешъ до мого розуму добратыся.

Купывъ батько свичокъ; попалывъ їхъ сынъ, якъ и у першу ничь, а усе такы непрыдумавъ ничего, бо крипко розуму набрався по чужымъ сторонамъ.

Пропала батькова ще одна гывня на свичкы, попалывъ и їхъ Харько... Эге! та трохы лишень чогось-то невыдумавъ, бо лигъ спаты веселенкый и рано зскочывъ.

«А що, сынашу?» пытаецця батько, «чы заклыкаты дякивь?»

— Клычъ, старыкъ, хочъ усе село, каже Харько: «я їмъ такого усучу, таке скажу, що и черезъ десять годъ нерозжуютъ уси дякы, скилкы їхъ е.

«Отъ се добре, сыну!» каже батько: «такъ на завтра и поклычемо».

Почалы муку сіяты, птыцю ризати, горилкы добуваты... звистне дило, пысьменни люды будутъ обидати, не мало їмъ треба прыдбаты.

Батько земли пидъ собою нечуе! Збигавъ у городъ по дякамъ, по пиддячымъ; кого звавъ и у себе по селу; усякъ просыть побуваты до нѣго, хлиба-солы покушаты, сына, що звернувся зъ чужой стороны, послухаты, ѣго розуму. Усякъ, поглажуючы себе по череву, усякъ обещався, та такы и зійшлось чымаленько.

Посидали за стиль. Звистне дило, дякы на покуть, а опрочи усякъ по почоту. Демко знай частые гостей; а дякы, штрыкаючы себе то въ лобъ, то по носу, то стукаючы кулакамы по столу, товкуютъ промежь себе, що то означала «выспрь»: чы воно птыця, чы звирыка, чы чоловикъ, чы.... мисто свято пры насъ! та спорять, та крычать на усю хату. А опрочи, неучени, сыдять та слушають, роты пораззявлю-

вавшы... звистно, що нашъ братчыкъ скаже противъ такой премудросты? Тутъ-же дякы спорять, а своего такы незабувають: те й дило, що наньмычки Демковы мыскы зъ стравою подають, та зновъ доливають и печеного пидкладають. А Демко знай зъ чаркамы обходить усихъ, веселенькый, усмихаецця, та дума соби: «Мурдуйте, мурдуйте! сёгодня вамъ пуцання; забудете брышкаты. Замовчите, якъ де у беседи явитьця мій Харько. Винъ вамъ забье бакы своимы словами, що набрався у розумныхъ людей».

А Харько позакладавъ руки у китаеви штаны, ходить соби по хати, дметця якъ той индыкъ, недывытьця ни на кого, непомага батькови щобъ кого почастовать, або чымъ кого прыпоштувать, нечуе, що коло нёго говорють, и дума: «Тутъ усе нетакъ, якъ бачывъ я по чужымъ сторонамъ. Нехай лышень послухають и мого, що їмъ скажу. Помнуть свои чубы, якъ помьявъ я свій добре, покы выдумавъ».

Дякы и гости пообидали... чы то пакъ вычыстылы хазяйську посуду добре, до тла, ажъ выскромадылы; кисточки пересмокталы, а що напыткивъ, такъ и крапелыны незоставылы; такы-такъ упоралыся, якъ звычайно вчени люде, що ажъ спотыкаютьця, уставшы изъ-за столу. Заразъ бы то за шапкы та за палычки, а зачимъ прошени, того и позабувалы; такъ Демко изопынывъ и попросывъ посидаты впъять та послухаты, що скаже сынъ ёго, що навидався свиту и видъ людей наслуhavся усёго розумного.

Посидали зновъ дякы и опрочи гости, головы понурылы, палычкамы попидпиралыся и налагодылыся слухать.

«А скажы намъ, сыну, чы незнаешъ чого розумного?» почавъ Демко, и самъ узявшыся у боки видъ хвастоци передъ дякамы, що отъ-отъ посміетьця надъ нымы.

А Харько и гукнувъ: «оттакъ пакъ! от-се я ходючы вамъ буду казаты? ни, нехай выяснытьця. У тыхъ сторонахъ, де я бувавъ, такъ тамъ хто хоче що розумне казаты, такъ ёго сажають на покути. Пустить и мене на покуть, а то не-скажу ничего».

Пороздвыгалыся дякы, пустылы Харька на покуть, и мовчать, и налагодылыся слухаты.

Сыдыть Харько на покути, выкашлявся, усы розгладывъ, окынувъ окомъ усихъ, та и каже:

«А що, панове дякы, и вы стари люды! вамъ и непрыснитця тамъ буты, де я побувавъ; николы и на думку вамъ неспаде, що я выдавъ. Набрался такы розуму; буде зъ мене. Що и скажу вамъ, такъ вы невторопаете. Одначе спытаю у васъ чогось, а вы, колы достане у васъ розуму, скажить, що и якъ буты. Та наврядъ скажете: вы дальше свиту небачылы, якъ у своему сели, не такъ якъ я. А скажить мени: якъ згорыть батькова хата, де будуть тогди горобци водытыся? Га? а скажить, хто зна?»

Дякы и уси люды, що слухалы, ажъ почервонилы видъ сорому за таку нисенитныцю, и ще ныжче головы понурылы; а старый Демко якъ сплесне рукамы, якъ схватыть себе за волосья, якъ крыкне: «Пропалы свичкы!... пропалы й гроши за свичкы!... пропалы гроши за науку!... лучше бъ ты, сякый-такый сыну, дурнемъ рисъ бы дома, ниhto бъ и незнавъ, що ты есы дурень; а теперь усякъ бачыть, що ты вернувся бильшымъ дурнемъ, чымъ бувъ...

Гмы! на догадъ. Себъ-то противъ... та вы и самы, здоровы булы, знаете. Осъ и нашъ Харько їздывъ далеко ума розума куповать.

IX.

О СЛОБОДСКИХЪ ПОЛКАХЪ.

О СЛОВОДСКИХЪ ПОЛКАХЪ *).

Земля, составляющая нынѣ Харьковскую губернію, въ прежнія времена принадлежала въ Великому Княжеству Кіевскому и служила древними границами южной Россіи отъ Половцевъ, Казарь и Печенѣговъ. Безъ всякаго сомнѣнія, она была населена уже въ первые вѣки по Р. Х., если не ранѣе. Доказательствомъ сему: 1) старинныя безыменныя городища, разсѣянныя во многихъ мѣстахъ (валы нѣкоторыхъ изъ нихъ поросли огромнѣйшими дубами); 2) монеты съ изображеніемъ кесарей первыхъ вѣковъ, нерѣдко во множествѣ находимыя въ землѣ.

Сія страна въ первой половинѣ XIII столѣтія опустошена татарами, подъ предводительствомъ Туши-Хана, сына Чингис-Ханова, и потомъ Бату-Салина, меньшаго внука, котораго наши лѣтописи именуютъ Батыемъ. Жители ея, или лучше сказать несчастные ихъ остатки, лишившись своихъ правителей, удалилися за Днѣпръ и тамъ состояли сначала подъ владѣніемъ князей Литовскихъ, а въ 1340 году присоединены къ Польшѣ и, при свободномъ исповѣданіи Греко-Россійской религіи, сравнены во всѣхъ правахъ и преимуществахъ съ польскимъ шляхетствомъ. Но сіе постановленіе вскорѣ нарушено поляками: политика ихъ всемѣрно искала преклонить русскихъ къ принятію религіи государства ихъ, т. е. Римско-Католической. Послѣ многихъ покушеній, Брестскій соборъ, въ 1593 году, подалъ поводъ къ явному возстанію, возобновившемуся потомъ и въ 1637 году. Поляки, для усмиренія раздражнаго народа, въ томъ же году при р. Днѣпрѣ заложили крѣпость Кодакъ и употребили самыя жестокія мѣры принудить русскихъ соединиться съ ними, какъ со стороны вѣроисповѣданія, такъ и въ другихъ отношеніяхъ.

*) Современникъ 1840. Т. XVII.

Границы Россіи въ то время простирались отъ запада къ востоку по чертѣ, которой часть, между Путивлемъ и Хотмыжскимъ острогомъ, составляла границы съ Польшею; а остальная, отъ Хотмыжска до Коротояка, граничила съ Нагайскими пустынями, кои, несоставляя собственности сихъ татаръ, служили только временно и попеременно мѣстами для ихъ кочевья, скотоводства. Ахтырка на Ворсклѣ и Гузунъ-Курганъ на Донцѣ, родъ укрѣпленныхъ хуторовъ, для защищенія скота въ случаѣ наѣздовъ російскихъ, были единственными, постоянными селеніями татаръ на границѣ. Первое изъ нихъ, значущее изъ слова въ слово «бѣлый боръ», опустѣвъ, занято было поляками, которые владѣніе свое, впрочемъ неважное и мнимое, простирали, до 1645 года, по рѣку Мерло; но въ семь году съ опустѣвшимъ Ахтырскимъ острогомъ все уступили Россіи на обмѣнъ другихъ подобныхъ же пустынь.

Угнетаемые жестокостію польскаго владычества въ свободномъ отпращиваніи вѣры и исполненіи ея обрядовъ, малороссіяне имѣли уже намѣреніе прибѣгнуть къ Русскому Царю и просить объ исторгнутіи ихъ отъ чуждаго ига и принятіи въ прежнее подданство. Когда мысль сія въ націи еще зрѣла, нѣкоторые жители городовъ: Черкасъ, Зембора, Корсуня, Чигирина и другихъ разоренныхъ и болѣе угнетаемыхъ повѣтовъ, въ 1646-мъ году, двинулися изъ-за Днѣпра въ полуденныя земли Россійскаго государства. Они начали селиться на пустыхъ земляхъ по Бѣлогородской чертѣ. Черта сія устроена была Царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ, по возобновленіи Бѣлгорода, отъ р. Ворсклы до р. Дона, на 300 верстъ, по которой въ царствованіе Алексѣя Михайловича состояли или вновь построены города, или лучше редуты: Болховецъ, Корновъ, Хотмыжскъ, Вольный, Алешня, Карачевъ, Ахтырка, Яблоновъ и другія нынѣ малоизвѣстныя селенія въ Курской и Воронежской губерніяхъ. Еще царемъ Іоанномъ Васильевичемъ устроены на Донцѣ Чугуевъ (что нынѣ корпусный городъ 1 резервнаго кавалерійскаго корпуса), а царемъ Борисомъ Θεодоровичемъ на Осколѣ городъ Царе-Борисовъ (что нынѣ слобода въ Изюмскомъ уѣздѣ). Впрочемъ подъ именемъ городовъ недолжно здѣсь разумѣть того, что мы теперь разумѣемъ: это были небольшія крѣпости или редуты изъ толстаго частоколу, въ которые отряжаемо было по нѣскольку стрѣльцовъ и дворянъ низшей степени, такъ называемыхъ «боярскихъ-дѣтей»,

для охраненія границъ или, лучше сказать, для наблюденія за непріятельскими движеніями.

Земли вокругъ тѣхъ городовъ пожалованы въ помѣстья дворянамъ, дьякамъ, дѣтямъ боярскимъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ. Такимъ-то образомъ многія великороссійскія селенія, будучи прежде заведены, остались, и нынѣ находятся во внутренности Слободскихъ селеній, наиболѣе около рѣкъ Ворсклы и Донца, подъ именемъ «земель четвертныхъ», оттого, что въ то время помѣстья жалованы были числомъ четвертей, подобно какъ нынѣ опредѣленнымъ числомъ десятинъ

Извѣстность о пространствѣ, удобствѣ и прочихъ выгодахъ новонаселяемаго края вскорѣ привлекла множество поселенцевъ, кои и распространили свои владѣнія отъ вершины рѣки Сулы по рѣкамъ Выри, Пслу, Ворсклѣ, Мерлу, Удамъ, Лопани, Харькову, Мжѣ, Коломаку, Донцу, Осколу, Торцу и по другимъ рѣчкамъ и урочищамъ.

Свободное поселеніе и занятіе земли по произволу, обыкновенно на малороссійскомъ нарѣчій выражаемое *поселитсья слободно* (свободно), дало сему поселенію наименованіе «слободъ»; по народу же приходящему болшею частью изъ Украйны и поселяющемуся «на Украйнѣ», на границѣ, «Украинскихъ слободъ», что означаетъ «свободное, нестѣсненное, привольное поселеніе на границѣ».

Новые сіи поселенцы и при начальномъ заведеніи жилищъ своихъ были подвержены нападеніямъ отъ Крымскихъ татаръ. Необходимость и свойственный народу воинственный духъ были причиною образованія поселенцевъ сперва въ отряды, а по мѣрѣ умноженія жителей, въ цѣлые полки.

Слободы: Харьковъ, Сумы (такъ названныя по рѣчкамъ, при коихъ онѣ поселены) и Ахтырка (въ то время опустѣвшій острогъ и заселенный сими пришельцами) по мѣстностямъ своимъ сдѣлалися полковыми и начали именоваться городами, а отъ нихъ сіи полки назвались: «Харьковскій, Сумскій и Ахтырскій».

Составъ полковъ.

Харьковскій.

Полковой городъ Харьковъ, между рѣками Харьковомъ и Лопанью, коихъ вершины—въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ, внѣ

границь Слободскихъ полковъ. Обѣ сіи рѣчки вливаю́тся въ рѣку Уды, впадающую въ Донецъ.

Селенія того полка.

Ли́пцы, при рѣчкѣ Ли́пцѣ, вливающейя въ р. Харьковъ.
 Деркачи, при р. Лѣпани.
 Ольшаное, при рѣчкѣ Ольшаной, вливающейя въ р. Уды.
 Ба́лки, въ вершинѣ р. Мжи.
 Мерѣфа, при рѣчкѣ Мерѣфѣ, вливающейя въ р. Мжу.
 Соколовъ, при р. Мжѣ.
 Хотомля, при р. Донцѣ.
 Мартовое, при р. Донцѣ.
 Волчьи воды, при рѣчкѣ Волчей, вливающейя въ р. Донецъ.
 Печенѣги, } при р. Донцѣ.
 Мохначъ, }
 Зміевъ, между рр. Мжи и Донца.
 Лиманъ, при озерѣ Лиманѣ.
 Андреевка, при протокѣ изъ озера Лимана въ рѣчку Балаклею.
 Балаклея, при р. Балаклѣйкѣ.
 Са́винцы, при р. Донцѣ.
 Сѣньковъ, при р. Осколѣ.
 Спѣваковка, при р. Спѣваковкѣ, вливающейя въ р. Донецъ.
 Купянка, при р. Осколѣ.
 Царьборисово (за опустѣніемъ крѣпости занято новыми поселенцами), при Осколѣ.
 Торъ, при рѣчкѣ Торцѣ, вливающейя въ р. Донецъ.

Сумско́й.

Полковой городъ Сумы, при р. Пслѣ.

Селенія того полка:

Недригайловъ, при вершинѣ р. Сулы.
 Бѣлополье, при рѣчкахъ Вырѣ и Крыгѣ.
 Лебединъ, при р. Омшанкѣ и озерѣ, назыв. Лебедино.
 Пѣна при рѣчкѣ Пѣнѣ.
 Мирополье, }
 Краснополье, } при малыхъ рѣчкахъ.
 Межирѣчь, }
 Ворожба, }
 Суджа, }

А х т ы р с к і й.

Полковой городъ Ахтырка, недалече отъ р. Ворсклы.

Селенія того полка:

Мурафа, при рѣчкѣ Мерчикѣ.

Богодуховъ, при р. Мерлѣ.

Калантаевъ, тоже.

Красный-Куть, } тоже при р. Мерлѣ вливающ. въ р. Ворсклу.
Рублѣвка, }

Котельва, при р. Котельвѣ, тоже вливающ. въ р. Ворсклу.

Коломакъ, въ вершинѣ рѣчки Коломака, вливающейся въ р. Ворсклу.

Прочія въ сихъ полкахъ мѣстечка, села и деревни за многочисленностью не включаются.

Поселяне сихъ полковъ, изъ украинцевъ, настоящихъ поляковъ и даже чужеземныхъ народовъ, приняли названіе козаковъ; а какъ первые изъ нихъ были выходцы изъ повѣта «Черкаскаго», староства Чигиринскаго, во владѣніи Польскомъ, то вообще всѣ жители сихъ Слободскихъ полковъ начали именоваться, для отличія отъ Малороссіянь, поляковъ и др., «Черкасами», составляя какъ-бы особый народъ. Названіе «Черкасъ», ими присвоенное, упоминается въ грамотахъ, по времени симъ полкамъ дарованныхъ, и потомъ въ государственныхъ узаконеніяхъ.

Управленіе Слободскихъ полковъ.

Въ сихъ полкахъ съ самаго устройства введена была служба конная, почему они именовались козаками (конники, кавалеристы): несвойственно было пѣшаго воина именовать козакомъ *).

Штатъ въ каждомъ полку былъ слѣдующій.

Полковникъ избираемъ былъ общимъ избраніемъ всѣхъ чиновниковъ въ полку. Званіе сіе давало ему власть жаловать по достоинству въ полковые старшины и сотники; по заслугамъ подчиненныхъ своихъ раздавать порожнія земли и другія

*) Нельзя ли предполагать, что слово „козакъ“ на какомъ-нибудь изъ татарскихъ нарѣчій означало „конника“? Въ простомъ народѣ еще есть привычка надъ опѣшившимся козакомъ; наприм. „Некозаковѣты Миколѣ, недобуде вивъ коня нѣколы (небыть Николѣ козакомъ, потому-что необзаведется нѣкогда лошадей) и т. под.

*)

угодья универсалами за своимъ подписомъ и печатью, утверждая въ потомственное владѣніе, и таковыя жъ земли занимать въ свое владѣніе. Приговоръ въ наказаніи преступниковъ былъ имъ утверждаемъ.

Полковой обозный, по полковникъ первый. Въ вѣдомствѣ его была полковая артиллерія и снаряды, къ ней принадлежащія, равно и нижніе ея чины. Въ небытность при полку полковника, онъ только командовалъ полкомъ, но полной полковничьей власти неимѣлъ.

Полковой судья присутствовалъ въ полковой ратушѣ, производя дѣла судебныя, которыхъ утверженіе всегда зависѣло отъ полковника.

Полковой эсаулъ приводилъ въ исполненіе отдаваемые полковникомъ приказы по воинской части.

Полковой хорунжій въ походѣ имѣлъ въ своемъ охраненіи полковое знамя.

Полковой писарь исправлялъ въ полковой ратушѣ должность, соотвѣтствующую секретарской.

На полковыхъ знаменахъ изображены были лики Спаса, Божіей Матери и святыхъ угодниковъ. Печать же полковничьяго герба была и полковою. Полковники, командуя собраннымъ полкомъ, имѣли въ рукахъ знакъ своего достоинства «шестоперъ» или «перначъ», сдѣланный изъ металла и украшенный камнями, по желанію и волѣ полковника.

Сотники, каждый въ своей сотнѣ, исполняли по резолюціи полковника дѣла важныя, а прочія—сами собою.

Въ каждой сотнѣ были: сотенные атаманы, эсаулы, хорунжіе и писари. Опредѣленіе ихъ изъ почетныхъ козаковъ и обращеніе въ рядовые попрежнему предоставлено было волѣ и власти сотничей. Эсаулы и хорунжіе считались по военной службѣ, атаманы же и писари производили дѣла спорныя и уголовныя въ сотенныхъ ратушахъ. Сотенные значки въ походѣ были въ охраненіи своихъ хорунжихъ; на нихъ изображены были св. кресты и надписи, какого полка и сотни.

Оружія полковниковъ, вообще полковыхъ старшихъ и сотниковъ были сабли и пистолеты; прочихъ же сотенныхъ званий и рядовыхъ козаковъ—сабли, ружья, пистолеты и копья.

Въ каждомъ полковомъ городѣ и мѣстечкѣ были пушки, и какъ къ городовымъ, такъ и походнымъ пушкамъ были осо-

бые «пушкари». Все сіе было сдѣлано вообще отъ полковниковъ, полковыхъ старшинъ и сотниковъ изъ ихъ собственности.

Въ каждомъ полку жители раздѣлены были на три состоянія: 1-е) Семейства, изъ коихъ всѣ способные поступали, на убылыя мѣста, въ рядовые козаки. 2-е) Семейства «компанейцевъ» или «подпомощниковъ» должны были козакамъ, состоявшимъ въ дѣйствительной службѣ, вспомоствовать во всемъ, къ службѣ относящемся, а въ походѣ выступающихъ снабжать провіантомъ. 3-е) Семейства, невопедшія въ первые разряды. Они остались на жительство земель, поступившихъ во владѣніе полковниковъ и старшинъ, и названы «владѣльческими подданными». Впослѣдствіи времени званіе сихъ послѣднихъ неперемѣнилось.

Полковники независѣли одинъ отъ другого; но разныя причины и по времени мѣстность дали первенство предъ прочими Харьковскому.

Приведа такимъ образомъ всѣ части въ устройство и вида себя въ поселеніи обезпеченными, полковники сихъ «Слободскихъ Украинскихъ козацкихъ полковъ» объявили пограничнымъ великороссійскимъ боярамъ и воеводамъ о приходѣ и о поселеніи своемъ и съ ними разныхъ народовъ для поступленія въ подданство и службу Его Царскаго Величества, съ обязанностію защищать великороссійскія области и города отъ нападенія непріятелей; на что воеводы, по донесеніи Его Величеству, получили повелѣніе не препятствовать ни въ чомъ поселившимся и недѣлать никакихъ затрудненій въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній, равно и внутренняго распорядка; а новымъ полкамъ симъ объявлена милость Царскаго Величества съ обнадеженіемъ, что и впредь они будутъ жалованы Царскою милостію.

Вслѣдствіе чего жители сей новой области Россійской начали пользоваться свободно всѣми промыслами, удобными по мѣстности: винокуреніемъ и продажою вина въ шинкахъ своихъ, какъ въ то же время Бѣлгородскій разрядъ, причисливъ сіи полки въ свое завѣдываніе, наложилъ на куреніе и продажу вина, также и на другія заведенія оброчную пошлину въ казну, сообразно Бѣлгородскому окладу на Великороссійскіе города въ томъ краѣ. Слободскіе полки, въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ, повиновались безотговорочно сему поста-

новленію, потому что какъ на право пользоваться имъ сими промыслами небыло имъ выдано особыхъ грамотъ, то за перемѣною начальствующихъ лицъ, объявившихъ имъ о царской милости, они не смѣли уже никуда обратиться съ просьбами о перемѣнѣ ихъ обязанностей.

Поселенцы сія, выдерживая безпрестанныя нападенія Крымскихъ татаръ и отражая ихъ мужественно, никогда не уклонялись отъ цѣли своей: защищали границы новаго своего отечества, возвратившаго имъ счастье пользоваться свободою въ отправленіи религіи и сохраненіи собственности, и съ большимъ самоотверженіемъ, съ потерю своихъ собратій, съ единоюдушіемъ удержали избранный ими край за собою и отняли у Крымскихъ татаръ надежду располагаться въ семь краѣ, какъ въ собственномъ, и утвердили оный навсегда за Россійскою державою.

Вседашняя вѣрность къ Престолу.

«Слобожане», счастливые подъ отеческимъ правленіемъ Россіи, нимало не заботились о судьбѣ прежней своей родины, Малороссіи, и при всѣхъ бывшихъ тогда въ ней переворотахъ не принимали никакого участія, имѣя единственною цѣлію пребыть вѣрными благодѣтельствуящему имъ правленію. Никакія обстоятельства не могли ихъ отвлечь отъ сего: ни безпокойства и опасности отъ татаръ, ни убѣжденія соплеменниковъ, по вступленіи въ подданство Россіи часто колебавшихся въ сохраненіи присяги во всей чистотѣ. Такъ гетманъ Иванъ Брюховецкій, измѣнивъ Россійскому Престолу, прислалъ въ Слободскіе полки своихъ соучастниковъ пригласить и убѣдить ихъ къ таковой же измѣнѣ; но сіи новыя подданные Русскаго Царя нималѣйше непоколебались въ вѣрности къ Его Величеству и, невнимая никакимъ обольстительнымъ убѣжденіямъ, отвергли всѣ сіи предложенія съ презрѣніемъ и выслали подсылныхъ изъ своихъ селеній обратно къ Брюховецкому, объявивъ, что они не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ измѣнниками.

Брюховецкій, въ отмщеніе за презрѣніе его предложеній, послалъ свои войска, призвавъ къ тому Крымскихъ и Нагайскихъ татаръ, чтобы силою принудить Слободскіе полки къ отторженію отъ Россіи; но вѣрные сіи козаки, перенося разо-

реніе и опустошеніе сель своихъ и ужасныя крайности въ осажденныхъ городахъ: Лебединѣ и Недригайловѣ, внимая совѣтамъ и убѣжденіямъ наиболѣе Харьковскаго полковника и старшинъ, неприступили къ измѣнѣ, но, мужественно отражая своихъ же единоплеменниковъ, успѣли хотя и съ большими потерями освободить край отъ злонамѣренныхъ непріятелей.

Милости царей къ Слободскимъ полкамъ.

Царь Алексій Михайловичъ, узнавъ о таковой непоколебимой вѣрности сихъ новыхъ подданныхъ своихъ и о всѣхъ бѣдствіяхъ и разореніяхъ, претерпѣнныхъ ими отъ измѣнника Брюховецкаго, пожаловалъ каждому полку состоявшіися въ 19 день февраля 1668 года похвальныя грамоты, и въ томъ же году, въ изъявленіе своего къ симъ тремъ полкамъ Высочайшаго благоволенія, особымъ именованнымъ указомъ, повелѣлъ быть симъ полкамъ подъ вѣдѣніемъ Посольскаго въ Москвѣ приказа *). Когда же полковники сихъ полковъ съ старшиною всеподданнѣйше испрашивали объ отставленіи оброчныхъ денегъ, наложенныхъ на промыслы ихъ; «Государь Царь и Великій Князь Алексій Михайловичъ, за ихъ къ нему Великому Государю прежнія и нынѣшнія службы, за кровь, за раны, за осадное сидѣніе и за разореніе, учиненное отъ измѣнниковъ запорожцевъ, отъ Крымскихъ и Нагайскихъ татаръ, повелѣлъ: оброчныя оныя деньги имъ отдать, и впредь пожаловалъ промыслами въ городахъ сихъ трехъ полковъ промыслять безоброчно и безпошлинно», о чемъ въ каждый полкъ указалъ выдать жалованныя грамоты за государственною печатью, кои и выданы 23 апрѣля 1669 года.

Первый Харьковскій полковникъ, Григорій Іерофеичъ Донецъ, обновивъ новымъ поселеніемъ опустѣлый редуть «Гузунъ-Курганъ», уже называемый «Исюмъ», просилъ Царскаго Величества указа позволить ему жить въ томъ городѣ. На сіе прошеніе прислана ему изъ Московскаго разряда грамота слѣдующаго содержанія:

«Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Алексіевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Харьковскому полковнику Григорію Донцу. По указу Великаго Государя и по челобитью твоему велѣно тебѣ полковнику жить

*) Что послѣ Коллегія иностранныхъ дѣлъ.

въ новопостроенномъ городѣ Изюмѣ и писаться по-прежнему Харьковскимъ; и въ тотъ городъ, въ урочища, которыя къ тому городу смежны, въ Спѣваковку и на Пришибѣ, призывать на вѣчное житье Вѣлгородскаго разряда изъ Черкасскихъ Харьковскаго, Сумскаго и Ахтырскаго полковъ и городовъ неслужилыхъ черкасъ; и въ Спѣваковкѣ и на Пришибѣ тѣмъ черкасамъ города строить, и селиться въ тѣхъ городахъ собою, и пашенныя земли пахать, и всякими угоды владѣть, по отводу генерала и воеводы Григорія Косогова, по ихъ козачьимъ обыкностямъ, и льготы имъ давать во всякихъ подачахъ, по разсмотрѣнію, лѣтъ на десять и на пятнадцать, смотря по имуществу людей, и льготные года въ тѣхъ городахъ торговать имъ черкасамъ всякими товарами безошлинно, и держать шинки по своимъ прежнимъ обыкностямъ безоброчно, и дальнія полковыя службы неслужить же, и податей и оброковъ никакихъ неплатить, кромѣ того, что строить имъ города и селиться дворами, и пашенныя свои земли распахать, и оберегать отъ Крымскія и Нагайскія стороны отъ приходу воинскихъ людей; а послѣ тѣхъ льготныхъ лѣтъ, старшинѣ, и которые козаки начнутъ служить полковую службу, винокурни и шинки держать безоброчно по-прежнему, и во всемъ пришлыхъ черкасъ обнадеживать. Дана изъ Московскаго разряда февраля 17 дня 7190 (1688) года».

Въ царствованіе Государей Царей и Великихъ Князей Иоанна Алексіевича, Петра Алексіевича и Царевны Софіи Алексіевны пожалованы въ слободскіе Харьковскій, Сумской и Ахтырскій полки, въ подтвержденіе жалованной отъ Царя Алексія Михайловича, грамоты о безоброчномъ владѣніи землями, мельницами, и всякими промыслами промышлять, вино курить и продавать безошлинно.

По обширности поселеній Харьковскаго полка отдѣлены отъ него нѣкоторыя селенія въ составъ 4-го слободскаго полка, Изюмскаго, а именно:

Полковой городъ Изюмъ, при рѣкѣ Донцѣ съ правой стороны, а форштатъ между Донцомъ и рѣчкою Изюмцемъ.

Отъ Харьковскаго причислены къ сему полку селенія: Печенѣги, Мохначь, Зміевъ, Лиманъ, Андреевка, Балаклея, Савинцы, Сеньковъ, Спѣваковка, Купянка, Цареворисово и Торь.

Изюмскій полкъ, управлялся какъ и прочіе и пользовался тѣми же привиллегіями.

Въ 1697 году, по указу Государя Царя Петра Алексіевича, повелѣно: «Слободскихъ Харьковскаго, Сумскаго, Ахтырскаго и Изюмскаго полковъ, изъ козачьихъ подпомощниковъ (компанейцевъ), брать съ человѣка по рублю въ царскую казну.

Полковники съ старшиною, изложивъ, что отъ сего оклада на компанейцевъ дѣйствительно-служащіе казаки немогутъ быть исправны на службѣ Его Величества, всеподданнѣйше испрашивали объ отмѣнѣ оклада. На это послѣдовало Высочайшее рѣшеніе слѣдующаго содержанія:

«Мы Наше Царское Величество пожаловали Слободскихъ Черкасскихъ полковъ Харьковскаго, Сумскаго, Ахтырскаго, Изюмскаго и Острогожскаго полковниковъ, старшинъ и козакъ, за вѣрныя ихъ и безпорочныя службы, промыслами своими, какіе въ нихъ есть въ городахъ, мельницами и рыбными ловлями и всякими землями владѣть и угодами промыслять, и шинки держать безоброчно, вино курить безпошлинно, по ихъ черкасскому обыкновенію, и податей съ нихъ никакихъ небрать по прежнимъ нашимъ Великаго Государя указамъ и жалованнымъ грамотамъ, каковы имъ даны изъ разряда и приказа Великія Россіи напредъ сего; а для лучшаго въ войскѣ порядка, во всѣхъ пяти Слободскихъ Черкасскихъ полкахъ написать рядовыхъ козакъ три тысячи пятьсотъ человѣкъ, а достальныхъ тѣхъ полковъ козакамъ, на которыхъ были положены деньги, помогать въ службѣ тѣмъ выборнымъ козакамъ, а положить на нихъ подпомогіи изверстая и смотря по человѣку, по ихъ черкасскому обыкновенію, самимъ, чтобъ тѣ выборные казаки тою ихъ подпомогою были конны, вооружены, и въ походахъ запасами удовольствованы, а скудости бы имъ никакой небыло; а денегъ изъ нихъ, что были положены въ 205 году по рублю на человѣка, неимать, и кромѣ той валовой службы, никуда въ годовую службу не посылать, и иныхъ тягостей и подводъ у нихъ, безъ Нашея Великаго Государя Нашея Царскаго Величества указа и безъ грамотъ изъ разряда, никому неимать, и въ которыхъ городахъ построены таможни на оброкѣ и отданы имъ на откупъ безъ перекупки, то во оныхъ вѣрнымъ главамъ и цѣловальникамъ русскимъ небыть, а отданныя таможни, и мосты, и

перевозы старшинъ и козакамъ, и имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ прїѣзжихъ купцовъ русскихъ и изъ черкасъ съ продажныхъ товаровъ по уставной грамотѣ, а пошлинные и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ; и во оныхъ полкахъ нынѣ состоящихъ полковниковъ въ службѣ утверждаемъ въ ихъ чинахъ навсегда, и быть имъ безъ перемѣны, и о томъ имъ полковникамъ, старшинамъ и козакамъ наши Великаго Государя Нашего Царскаго Величества грамоты, за нашею, государственною печатью, дать повелѣваемъ съ тѣмъ, что, будучи имъ полковникамъ въ тѣхъ полкахъ, и полковой старшинѣ, и посполству, которые нынѣ и впредь въ тѣхъ полкахъ жить будутъ, видя къ себѣ нашу Великаго Государя Нашего Царскаго Величества милость и жалованье, Намъ Великому Государю Нашему Царскому Величеству служили вѣрно и надъ непріятельскими людьми происки чинили съ великимъ усердіемъ и радѣніемъ, въ полки и города и боярамъ нашимъ и воеводамъ про непріятельскіе замыслы и приходы, развѣдавъ подлинно, всякія-жъ вѣдомости чинили, и во всемъ Намъ Великому Государю Нашему Царскому Величеству искали лучшаго, и службу свою совершали съ великимъ тщаніемъ, а служба ихъ у Насъ Великаго Государя Нашего Царскаго Величества забвенна никогда небудеть *).

Грамоты о семъ выданы были въ каждый полкъ на имя полковника отъ 28 февраля 1700 года.

Составивъ комплектъ въ каждомъ полку рядовыхъ козаковъ, сообразно Высочайшему повелѣнію, полковники учредили въ своихъ полкахъ трубы и литавры. За симъ постановлено было: 1) По избраніи отъ полка полковника, представляемо было Его Величеству для утвержденія его въ семъ званіи. 2) Полковые старшины и сотники, по представленіи отъ полковъ, утверждались генераломъ, командующимъ сими полками. 3) По суднымъ и уголовнымъ дѣламъ велѣно быть симъ полкамъ подъ вѣдомствомъ Бѣлгородской провинціальной и Воро-

*) Острогжскій полкъ до сего времени небылъ въ составѣ слободскихъ полковъ, и причисленъ къ нимъ, конечно, въ это время, потому что въ прежнихъ грамотахъ онъ нигдѣ неупомянутъ. Когда сей полкъ и изъ какихъ народовъ составленъ, свѣдѣній нѣтъ; а извѣстно только, что онъ селся по зазвонной грамотѣ Воронежскаго воеводы Арсеньева. Порядокъ службы и всѣ установленія въ семъ полку сообразны были прочимъ слободскимъ полкамъ.

нежской губернской канцелярій. Относительно же правъ и привилегій, ничто и ни въ чомъ нарушено небыло.

При объявленіи Шведскому королю войны, Слободскимъ полкамъ повелѣно выступать въ Ингерманландію и состоять въ арміи генерала Шереметева, гдѣ они и пребыли до окончанія 1702 года.

Въ 1708 году, для усмиренія бунтовщика и измѣнника, Донскаго атамана Булавина, изъ Ахтырскаго и Сумскаго Слободскихъ полковъ отряжено было по одному батальону подъ командою Сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева, который и убить отъ бунтовщиковъ.

Карль XII съ арміею своею, въ исходѣ 1708 года, вступилъ въ Малороссію и главную свою квартиру занялъ въ сотенномъ мѣстечкѣ Ромнѣ, откуда располагалъ ити на Гадячь и занять Ахтырку. Петръ I, узнавъ о семъ его намѣреніи, отправилъ князя Меншикова, для приведенія сего города въ оборонительное состояніе, но король отложилъ свое намѣреніе.

Въ концѣ того же 1708 года Петръ I прибылъ въ сотенное мѣстечко Сумскаго полка Лебединъ, гдѣ прожилъ до праздника Рождества Христова, и въ тотъ день, съ полками Ингерманландскимъ и Ахтырскимъ, выступилъ изъ Лебедина въ полковой городъ Сумы.

1-й день 1709 года Петръ I съ обыкновеннымъ торжествомъ праздновалъ въ Сумахъ, куда 16 января же прибылъ и Царевичъ Алексій Петровичъ съ пятью полками обученныхъ рекрутъ. Государь былъ обрадованъ его прибытіемъ и, отправивъ полки въ армію, выѣхалъ съ Царевичемъ въ Ахтырку, откуда, разславъ приказанія по арміи и проживъ нѣсколько дней, выѣхалъ чрезъ Бѣлгородъ въ Воронежъ и потомъ въ Азовъ.

На пути изъ Азова, Государь Петръ I, проѣхавъ полковой городъ Изюмъ и мѣстечка того полка: Балаклею, Андреевку, Лиманъ, Зміевъ, Юня 2 числа пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, по случаю праздника Вознесенія Господня, въ Успенскомъ Соборѣ отслушалъ обѣдню, на которой по своему обыкновенію читалъ апостоль. По окончаніи обѣдни, разсматривалъ городовую крѣпость и благоволилъ посѣтить Харьковскаго полковника Григорія Семеновича Квитку въ его домѣ, гдѣ нынѣ губернскаія присутственныя мѣста, и имѣлъ у него обѣденный столъ.

Послѣ обѣда, Государь поспѣшилъ выѣздомъ изъ Харькова къ арміи, подѣ Полтаву.

Послѣ разбитія шведовъ подѣ Полтавою и послѣдующихъ за тѣмъ происшествій, Слободскіе полки поступили подѣ начальство Петра Матвѣевича Апраксина, который, командуя ими по военной части, управлялъ и гражданскою, какъ губернаторъ.

По заключеніи славнаго для Россіи мира со Швеціею, Государю Петру I угодно было о семъ мирѣ извѣстить съ курьеромъ Харьковскаго полковника Квитку грамотою слѣдующаго содержанія:

«Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. Харьковскаго полка полковнику Нашему Григорію Семеновичу Квиткѣ. Сего сентября 3 дня, въ бытность Нашу въ Котлинѣ островѣ, прибѣжалъ къ Намъ курьеръ отъ полномочныхъ министровъ съ конгрессу изъ Нейштата съ трактатами вѣчнаго мира, который между Нашими и Шведскими полномочными министрами заключенъ въ 30-й день Августа; въ которомъ постановлено: что корона Шведская вѣчно уступаетъ Намъ Лифляндію, Эстландію, Ингрію и знатную часть Карелии, съ городами: Ригою, Ревелемъ, Нарвою, Перновомъ, Выборгомъ и къ оному съ знатнымъ дикстриктомъ изъ Финляндіи и Кексгольмомъ; а съ нашей стороны, изъ завоеваннаго, Швеціи возвращается прочее отъ княжества Финляндскаго; въ томъ же мирѣ включенъ Его Королевское Величество и Рѣчь Посполитая Польская; и съ тою всерадостною вѣдомостью прибыли Мы въ Санктпетербургъ сего сентября 4 дня, и того-жъ времени учинено Всевышнему благодареніе за прекращеніе такъ долговременной войны и заключеніе такъ славнаго и пожелаемаго мира, при молебномъ пѣніи; и для объявленія о томъ посланъ къ тебѣ курьеръ Нашъ Аванасій Мельгуновъ; и какъ къ тебѣ съ Нашею Великаго Государя грамотою оный посланный прибудеть, и вы-бѣ Всеблагому, въ Троицѣ Святѣй славимому Богу, за таковое миротвореніе, въ пользу вѣрныхъ своихъ устроившему, достойное благодареніе отправляли празднественное съ молебнымъ пѣніемъ торжество, въ разныя времена, трекратно. *Первое:* въ самый тотъ день, въ который сію Нашу Великаго Государя грамоту получишь, и съ того полученія, въ знакъ толь преславной

государственной радости, по молебномъ пѣніи, седмидневно, обычный при церквахъ звонъ, какъ отъ дня Святыя Пасхи во всю свѣтлую седмицу бываетъ. *Второе:* октября въ 22 день. *Третье:* въ предбудущемъ 1722 году, генваря въ 28 день, съ такимъ же седмидневымъ звономъ. И объявивъ о томъ того полку всякихъ чиновъ командующимъ и прочихъ чиновъ людямъ всенародно въ церквахъ при молебствіи и при публичныхъ мѣстахъ; а о томъ же и изъ Святѣйшаго Правительствующаго Нашега Синода во всѣ Епархіи къ Архіереямъ, и притомъ къ кому надлежитъ, Наши Великаго Государя Указы посланы. Писана въ Санктпетербургѣ, нынѣшняго 1721 года сентября 18 дня». Подписалъ Правительствующаго Сената оберъ-секретарь Иванъ Позняковъ. Печать Государственная.

Въ 1723 году Слободскіе полки поступили въ команду начальствующему Украинской дивизіею генераль-аншефу князю Михайлу Михайловичу Голицыну. Въ царствованіе Екатерины I, бывъ генераль-фельдмаршаломъ и попрежнему командиромъ той же дивизіи, онъ въ каждомъ Слободскомъ полку учредилъ чинъ полкового ротмистра, состоящій старшинствомъ между полковыми судьей и эсауломъ; также и по сотнямъ чинъ подпрапорнаго; послѣдній за отличіе поступалъ въ сотники, коихъ производство зависѣло отъ полковника, а въ ротмистры производилъ дивизионный генераль.

Екатерина I указала князю Голицыну истребовать отъ Малороссійской Коллегіи 2,000 рядовыхъ козаковъ съ ихъ старшинами, да изъ пяти Слободскихъ полковъ выбрать 1,000 рядовыхъ со старшинами и отправить въ корпусъ, находившійся въ Персидскихъ провинціяхъ. Весь отрядъ сей состоялъ въ полной командѣ Харьковскаго полка полковника Г. С. Квитки.

Указомъ во 2 день Апрѣля 1726 года Высочайше повелѣно: «Слободскимъ полкамъ быть вѣдомымъ въ военной Коллегіи, и какія о сихъ полкахъ въ Сенатѣ есть вѣдомости и какіе же указы обрѣтаются, тѣ собравъ изъ Сената, отправить въ Военную Коллегію». Отъ сего полки сіи навсегда состояли въ завѣдываніи генераловъ, командующихъ Украинскою дивизіею.

Петръ II повелѣлъ вышепомянутому отряду Малороссійскихъ и Слободскихъ полковъ изъ Персіи возвратиться въ Россію.

Перемѣны въ слободскихъ полкахъ:

Анна Иоанновна повелѣла гвардіи премьеръ-майору Хрущову учинить перепись жителей Слободскихъ полковъ, а именно: военнoслужащихъ рядовыхъ козаковъ, ихъ свойственниковъ и ихъ подпомощниковъ; владѣльческихъ подданныхъ, и дворовыхъ людей, состоящихъ за монастырями, и всякаго званія городовыхъ жителей. Для установленія же въ Слободскихъ полкахъ къ пользѣ ихъ относящагося опредѣлила генераль-адъютанта князя Алексѣя Семеновича Шаховскаго. Онъ занялъ для квартированія своего городъ Сумы, гдѣ учредилъ правительство, подъ названіемъ: «Коммисія учрежденія Слободскихъ полковъ». Въ сей коммисія, составленной изъ штабъ-офицеровъ армейскихъ, подъ предсѣдательствомъ его, постановлено и Высочайше утверждено слѣдующее:

1) Учрежденіе въ Слободскихъ полкахъ бригаднаго командира, завѣдывающаго всѣми пятью полками.

2) Полковники сихъ полковъ сравнены съ армейскими премьеръ-майорами.

3) Полковыя ратуши переименованы въ канцеляріи и сравнены съ провинціальными. Порядокъ присутствія, ходъ дѣлъ, судъ, взиманіе пошлинъ по суднымъ дѣламъ, все учреждено въ тѣхъ канцеляріяхъ по Генеральному Регламенту и Указамъ.

4) Въ тѣхъ канцеляріяхъ предсѣдательствовать полковнику, когда не въ походѣ; полковымъ же: обознымъ, судьямъ, ротмистрамъ, эсауламъ быть членами канцеляріи, а писарямъ отправлять должность секретарскую.

5) При каждой полковой канцеляріи учреждены крѣпостныя конторы, въ коихъ велѣно объявлять всѣ прежде состоявшіяся купчія записи, уступныя и мѣновныя записи, данные отъ полковниковъ универсалы и прочія укрѣпленія на села, деревни, хутора, мельницы, дворы, земли, лѣса сады и другія угодыя; и ежели нигдѣ въ Великороссійскихъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ небыли въ крѣпостныхъ книгахъ записаны, то записать въ новоучрежденныхъ конторахъ, безпошлино, чрезъ полтора года; а послѣ того срочнаго времени объявляемыя записи и впредь кои состоятся купчія записи и другія записывать со взятіемъ пошлинъ.

6) Преждебывшее право занимать земли и прочія угодья запрещено; но до времени запрещенія, всѣми прежде занятыми землями и разными угодьями владѣть и въ потомственное наслѣдіе удержать, хотя бы на оныя и письменныхъ укрѣпленій небыло.

7) Изъ написанныхъ въ переписи Хрущова разнаго званія людей, кромѣ владѣльческихъ дворовыхъ, повелѣно собирать на каждый годъ съ каждой души мужеска пола по двадцати одной копѣйкѣ въ казну; а какъ по той переписи немогло всегда быть написаное число душъ въ наличности, то установлено, каждаго года въ сентябрѣ, въ учрежденный при Ахтырской полковой канцеляріи дистриктъ, подавать поименно вѣдомости о прибыли и убыли душъ.

8) Изъ Слободскихъ полковъ выбраны военнослужащіе козаки и изъ нихъ составленъ драгунскій полкъ на содержаніи какъ рядовыхъ, тамъ и унтеръ, оберъ и штабъ-офицеровъ, изъ казачей собственности, а мѣсто убылыхъ драгунъ пополнять изъ военнослужащихъ же козаковъ; также и Слободскимъ полковникамъ и старшинамъ, вмѣсто жалованья, опредѣлено содержаніе изъ козачьихъ же собственности съ назначеніемъ какъ драгунскаго полка штабъ-и оберъ-офицерамъ, такъ Слободскимъ полковникамъ и старшинамъ во владѣніе козачьихъ сель и деревень, съ коихъ и служба козачья должна исправляема быть во всей исправности.

9) Установлены въ полковыхъ канцеляріяхъ полковыя знамена и печати съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Во время Польскихъ смятеній при избраніи тамъ короля Слободскіе полки находились въ Польшѣ съ 1733 года до усмиренія мятежниковъ въ 1735 году. Такъ равно и въ турецкую войну они были въ арміи графа Миниха и потомъ графа Ласси до окончанія той войны.

Возстановленіе правъ Слободскихъ полковъ.

Въ продолженіе празднествъ, по случаю коронованія Елисаветы Петровны, полковники Слободскихъ полковъ съ депутатами и старшинами подали на имя Ея Величества въ Правительствующій Сенатъ прошеніе, коего содержаніе изложено въ одинаковыхъ грамотахъ, жалованныхъ отъ Ея Величества каждому полку.

Послѣ большаго титула:

«Объявляемъ чрезъ сіе. Понеже Намъ Нашему Императорскому Величеству довольно извѣстно, съ какою вѣрностію и ревностію Черкасскіе Слободскіе полки блаженныя и вѣчнодостойныя памяти дѣду Нашему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу, и дядѣ Нашему, Государю, Царю и Великому Князю Іоанну Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцамъ, и вседражайшему Нашему Государю Родителю, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Императору Петру Великому служили, которыми ихъ вѣрными, постоянными, безпорочными и непоколебимыми службами они, предки Наши, весьма были довольны, и въ такомъ добромъ и порядочномъ состояніи они находились, что на нихъ извѣстная всегда была надежда, и за такочыя вѣрныя и непоколебимыя ихъ службы милостивыя жалованныя грамоты отъ предковъ Нашихъ въ 7177, 7192 и 7196, и въ 1700 годахъ отъ Нашего вседражайшаго Государя Родителя, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Императора Петра Великаго они получили, по которымъ тѣхъ полковъ полковники, старшины и козаки, за упомянутыя ихъ многія вѣрныя и усердныя службы, вмѣсто годоваго жалованія пожалованы, и повелѣно имъ всякими промыслами промыслять, и всякими жѣ товарами торговать безпошлинно, такожъ мельницами и рыбными ловли и всякими угоды владѣть, и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и вино курить и шинковать безоборочно, и изъ тѣхъ промысловъ полковую службу служить имъ безъ жалованья, и въ таможенныхъ у нихъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ русскимъ быть неповелѣно, а отданы тѣ таможни и мосты и перевозки старшинѣ и козакамъ, и повелѣно имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ приѣзжихъ купцовъ русскихъ и черкасъ съ привозныхъ ихъ товаровъ по уставной грамотѣ, безъ излишества, самимъ, а пошлинныя и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ по прежнимъ окладамъ; и быть въ тѣхъ слободскихъ полкахъ въ конной службѣ выборнымъ коннымъ козакамъ указному числу, а достальнымъ помогать въ службѣ тѣмъ коннымъ, по ихъ черкасскому обыкновенію, чтобъ оныя выборные козаки тою ихъ подмогою были всегда конны и вооружены, а въ походахъ запасами удовольствованы; а кромѣ того, валовой,

полковой, конной службы, никуда на годовую службу посылать и никакихъ тягостей налагать, тако жъ и подводъ у нихъ безъ указа и безъ грамотъ имать невелѣно жъ; а нынѣ Намъ, Нашему Императорскому Величеству, тѣхъ Слободскихъ полковъ полковники и старшины всеподданнѣйше били челомъ, что въ 732 году, по представлениамъ покойнаго князя Шаховскаго, который въ тѣ Слободскіе полки, по Указу Сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, отправленъ былъ для добраго и основательнаго тѣхъ полковъ разсмотрѣнія и исправленія, и въ противность вышеупомянутыхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и тамошнихъ порядковъ, учрежденъ выборными изъ лучшихъ козаковъ драгунскій полкъ и опредѣлены въ тотъ полкъ многіе изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ противъ ранговъ даны въ подпомогу въ тѣхъ же полкахъ мѣстечка, села и деревни съ грунтами, изъ козачьихъ братьевъ и свойственниковъ и изъ подпомощниковъ пожиточные и лучшіе люди довольное число, кои принуждены быть въ ихъ подданствѣ и всякія работы, по примѣру крестьянъ, несть съ немалымъ отягощеніемъ, а дѣйствительной козачей службы лишены; и какъ онымъ офицерамъ, такъ и драгунамъ противъ нерегулярныхъ отъбная подпомога опредѣлена, и тѣ драгуны получаютъ мундиръ и аммуницію изъ собираемой суммы съ козаковъ же и подпомощниковъ съ немалою обидою; отъ чего во всякихъ дѣлахъ происходятъ крайніе непорядки, и въ полковыхъ канцеляріяхъ, въ подлежащихъ по должности исправленіяхъ немалыя помѣшательства; а на мѣсто убылыхъ и умершихъ драгунъ въ томъ полку выбираются Слободскихъ же полковъ и изъ лучшихъ козаковъ, и отъ того оныя Слободскіе полки пришли въ несостояніе; а напредъ же сего, съ начала тѣхъ полковъ поселенія, отъ непріятельской стороны, въ дикихъ степяхъ, еще когда никакихъ крѣпостей небыло и при всегдашнемъ отъ непріятелей опасеніи они находились, однако жъ и безъ регулярнаго учрежденія оныя полки одними козачьими легкими компаніями чинили всегда, нещадя живота своего, надлежащіе отпоры и внутрь Россійскихъ городовъ непріятелей никогда недопускали; а въ легкихъ же тамо козакахъ для обереженія въ пограничныхъ мѣстахъ, требуется необходимая нужда; и притомъ Насъ, Наше Императорское Величество, они, Наши вѣрноподданные, Слободскихъ полк

полковники и старшины, всеподданнѣше просили, чтобъ такіа введенныя княземъ Шаховскимъ новости отрѣшнить, и прежнія данныя во оныя слободскіе полки жалованныя грамоты вновь Нашего Императорскаго Величества милостивыми жалованными грамотами подтвердить и содержать ихъ полки по прежнему, какъ при державѣ Нашего Императорскаго Величества вседражайшаго Родителя, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Императора Петра Великаго содержаны были. Того ради, Мы, Наше Императорское Величество, въ разсужденіи того ихъ всеподданнѣйшаго къ Намъ прошенія Всемилостивѣйше тѣхъ Слободскихъ полковъ полковниковъ, полковую и сотенную старшины и всѣхъ козаковъ пожаловали, повелѣли содержать ихъ при прежнихъ вольностяхъ, и на такомъ основаніи, какъ оныя содержаны были Нашего Императорскаго Величества при вседражайшемъ Государѣ Родителѣ, и по силѣ вышеобъявленныхъ жалованныхъ и въ тѣ полки данныхъ 7177, 7192, 7196 и 1700 годовъ грамотъ, и тѣхъ Слободскихъ полковъ полковникамъ, старшинамъ и козакамъ, за ихъ службы, вмѣсто годового денежнаго жалованья, всякими промыслами промыслять и всякими жѣ товарами торговать безпошлинно; тако жѣ мельницами и рыбными ловлями и всякими угоды владѣть, и шинки держать во всѣхъ городахъ, и вино курить и шинковать безобратно; и изъ тѣхъ промысловъ служить имъ полковую службу попрежнему, безъ жалованья, а опредѣленнымъ, по представленіямъ покойнаго генерала князя Шаховскаго, новонабраннаго драгунскаго полка офицерамъ и рядовымъ, такожъ тѣхъ слободскихъ полковъ полковникамъ, полковой старшинѣ и прочимъ чинамъ, подпомощниковъ отобрать отъ нихъ и причислить къ сотнямъ, съ козачьими подсусѣдки и подпомощники, для вспоможенія коннымъ выборнымъ козакамъ попрежнему, дабы оныя козаки подмогою ихъ были всегда конны и вооружены и въ походахъ запасами удовольствованы; и быть тѣмъ выборныхъ козаковъ изъ лучшихъ и пожиточныхъ во всѣхъ полкахъ пяти тысячамъ человекъ всегда и во всякой къ службѣ готовности, безъотмѣнно, и для того помянутый, вновь учрежденный драгунскій полкъ раскасовать и рядовыхъ драгунъ по прежнему написать по полкамъ въ выборные легкіе козаки въ вышеписанное пяти-тысячное число; а которые изъ нихъ пожелаютъ служить въ регулярныхъ полкахъ, тѣхъ по ихъ

желанію, неписавъ въ козаки, опредѣлить въ драгунскіе полки; а оберъ и унтеръ-офицеровъ разобрать и опредѣленіе объ нихъ, тако жъ и оружіе, аммуницію и о прочемъ учинить Военной Коллегіи; а по скольку въ которомъ полку выборнымъ козакамъ быть, о томъ росписание и опредѣленіе учинить тѣхъ полковъ полковникамъ и старшинѣ между собою по полкамъ, по препорціи козачьихъ подсуздковъ и подпомощниковъ, дабы одному предъ другимъ полкомъ обиды и впредъ жалобъ не произошло; а въ которыхъ городахъ содержатся у нихъ таможенные, съ конскихъ площадокъ, съ мостовъ и перевозовъ сборы и отданы имъ на откупъ безъ перекупки, тѣмъ сборамъ и отнынѣ, по силѣ прежнихъ грамотъ, быть за оными же полками попрежнему, и сборныя деньги записывать въ книги, а откупныя платить въ тѣ жъ мѣста, куда прежде платили повсегодно и безнедоимочно; а опредѣленные для содержанія на тѣ Слободскіе полки, по пунктамъ воинской комисіи 1731 и по указу Сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1733 годовъ, драгунскіе три и гарнизонный одинъ полки, содержатъ попрежнему, безъ всякихъ отмѣнъ; и быть Слободскимъ тѣмъ полкамъ въ вѣдѣніи, по военнымъ дѣламъ и произвожденію въ чины въ Военной Коллегіи, а судными и розыскными дѣлами, попрежнему, въ Бѣлгородѣ у губернатора; однакожъ всѣ суды производить прежде въ полковыхъ канцеляріяхъ, со взятіемъ пошлинъ, какъ о томъ указомъ 1734 года повелѣно; и учрежденную Канцелярію комисіи Слободскихъ полковъ отнынѣ отставить и впредъ оной тамо небыть; а ежели кто тѣхъ полковыхъ канцелярій рѣшеніями будутъ недовольны, тѣмъ бить челомъ въ Бѣлгородской губерніи, и оной губерніи такія дѣла брать и разсматривать оныя; тако жъ буде когда и въ нерѣшеніи дѣла и въ незаконныхъ волокитахъ челобитныя будутъ подаваны, оныя принимая, чинить безволокитное, по указамъ Нашимъ, рѣшеніе; а ежели какія дѣла въ той губерніи рѣшены будутъ неправдою, тогда челобитчикамъ, по силѣ губернаторской 1728 года инструкціи, бить челомъ и дѣла переносить въ Юстицъ-Коллегію, а на оную Коллегію бить челомъ въ Нашемъ Сенатѣ; и о томъ о всемъ, по докладу Намъ отъ Нашего Сената, Мы, Наше Императорское Величество, собственно Нашею рукою подписать соизволили, и во всѣ Наши Слободскіе полки, Нашего Императорскаго Величества Всеми-

*

лостивѣйшими жалованными грамотами объявить, и сію, Нашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйше жалованную грамоту, за Нашею Государственною печатью и подписаніемъ Нашего Сената въ Изюмскій полкъ, полковнику Ивану Квиткѣ съ старшиною и козаками дать повелѣли, съ такимъ при томъ Всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ, дабы онъ, полковникъ, и полку его всѣ старшины и потомство, которые нынѣ, и впредь въ томъ полку будутъ, видя къ себѣ такую Нашего Императорскаго Величества особливо Высочайшую къ нимъ милость, Намъ и Нашего Императорскаго Величества Наслѣдникамъ служили вѣрно, и надъ непріятельскими людьми промыслы и поиски чинили со всякимъ усердіемъ и радѣніемъ, и въ полки, и въ города Нашимъ генераль-губернаторамъ, губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ, про непріятельскіе замыслы и приходы, развѣдавъ подлинно, всякія вѣдомости чинили, которая ихъ вѣрная служба отъ Насъ, Нашего Императорскаго Величества, забвенна быть не можетъ. Дана въ Санктпетербургѣ, Ноября 22 дня, 1743, государствованія же Нашего второго года».

На подлинной подписа гг. сенаторовъ.

Государственная печать на красномъ сургучѣ, въ серебряномъ, вызолоченомъ футлярѣ, и привѣшена къ грамотѣ на золотыхъ шнурахъ.

Получивъ таковыя Высочайшія жалованныя грамоты, полковники, составивъ, по постановленію, полки съ общаго согласія учредили небывшіе до того времени мундиры для каждаго своего полка, а именно: верхнія черкесски, съ откидными рукавами и обложенныя серебряными тесмами и шнурами, во всѣхъ полкахъ были синія, а чекмень и шаровары по полкамъ: въ Харьковскомъ желтые, въ Сумскомъ свѣтлосиніе, въ Ахтырскомъ зеленые, въ Изюмскомъ красные и въ Острогжскомъ красно-ранжевые.

Въ семилѣтнюю войну Слободскіе полки были въ походѣ и состояли подъ командою бригадира Капниста, въ арміи фельдмаршала Апраксина.

Въ 1757 году Указомъ Военной Коллегіи предписано генералу графу Петру Семеновичу Салтыкову, командовавшему Украинскою дивизіею, изъ Слободскихъ козачьихъ семействъ, исключая дѣйствительно служащихъ, сформировать гусарскій

полкъ, подъ именемъ: «слободского», опредѣливъ въ него штабъ и оберъ-офицеровъ изъ старыхъ гусарскихъ полковъ; а на содержаніе его, изъ платившихъ въ слободскихъ полкахъ 21 копѣчную подать на содержаніе трехъ полковъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго, собирать ежегодно еще по 19^{3/4} копѣекъ съ каждой души мужскаго пола. По сформированіи, сей полкъ никуда небылъ отправляемъ и существовалъ только до сентября 1765 года. Память о сихъ гусарахъ сохранилась только въ народныхъ пѣсняхъ, коими счастливая любовью своего «гусарина» или воспѣвала ловкость его, или упрекала въ измѣнѣ и непостоянствѣ.

Екатерина Великая, вступивъ на престолъ, при неусыпномъ попеченіи привести въ стройный порядокъ всѣ части государства, благоволила воззрѣть и на Слободскіе полки, коихъ внутреннее устройство, мѣстное положеніе, и Ея великая цѣль въ отношеніи къ Россіи, уже, по возрастающей образованности и по духу времени, требовали въ сей области хода дѣлъ и управленія правильнаго, нешаткаго и немогущаго подавать повода къ злоупотребленіямъ. Въ слѣдствіе чего состоялся Ея Величества Манифестъ слѣдующаго содержанія.

По краткомъ, обыкновенномъ титулѣ:

«Промышляя во всѣхъ случаяхъ о пользѣ государственной и полное находя удовольствіе Наше въ благоденствіи подданныхъ, немогли Мы между-прочимъ оставить безъ примѣчанія и Слободскіе полки. Съ великимъ сожалѣніемъ усмотрѣли Мы какъ чрезъ разныя оттуда доношенія, Намъ представленныя, такъ чрезъ изслѣдованіе нарочно учрежденной по тому комиссіи, о вкоренившихся тамъ многихъ неустройствахъ смѣшаннаго правленія воинскаго съ гражданскимъ, о тягостномъ содержаніи, бесполезности тамошней козацкой службы и о прочихъ народу отъ того притѣсненіяхъ. Мы, неудовольствуясь однимъ только вредностей сихъ пресѣченіемъ, но желая изъявить Материнское Наше къ народу тамошнему милосердіе споспѣшествованіемъ совокупно съ общею и собственной его пользѣ, за нужное разсудили: слободскихъ полковъ непрочную службу превратить, на основаніи прочихъ благоустроенныхъ войскъ нашихъ, въ лучшую и государству полѣзнейшую; въ правленіи же гражданскомъ, на равномъ

другихъ губерній положеніи, но безъ нарушенія указами неотмѣненныхъ привилегій, учредить надлежащій порядокъ, и тѣмъ, слѣдовательно, нетокмо утвердить общее всѣхъ тамошнихъ жителей благосостояніе, но вывести ихъ симъ средствомъ изъ прежняго законѣнія и дать имъ способъ истинными Намъ и отечеству заслугами приобрѣсть себѣ равное съ другими вѣрноподданными Нашими удовольствіе чинами и жалованьемъ, въ штатахъ званію каждаго отъ Насъ Всемилостивѣйше опредѣленнымъ. Пространіе изъяснено въ инструкціи, по Высочайше конфирмованной, данной отъ Сената въ новоучрежденной Слободской губерніи губернатору, губернскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ, изъ коихъ первой, то есть губернской, быть въ Харьковѣ, а провинціальнымъ — въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Острогожскѣ и въ Изюмѣ; чего ради оную инструкцію, для общаго всѣхъ извѣстія, обнародовать повелѣли. Впрочемъ надѣемся Мы, что всѣ тамошніе военные и гражданскіе чины, получа способъ новыхъ сихъ полезнѣйшихъ учреждений, оцутительныхъ знаковъ Высочайшаго къ нимъ и ко всему народу тамошнему благоволенія Нашего, а сей, особливо, увидя себя свободнымъ отъ налоговъ и тягостей, коимъ доннѣ подверженъ былъ, потщатся соответствовать должною благодарностію, по состоянію званія своего, исполняя вѣрноподданническую должность, какъ всѣхъ вообще и каждаго особо обязываетъ долгъ присяги и истинное усердіе къ Намъ и отечеству. Данъ въ Санктпетербургѣ, іюля 28 дня, 1765 года».

На подлинномъ подписано:

ЕКАТЕРИНА.

Такимъ образомъ Слободскихъ полковъ козачья служба, болѣе ста лѣтъ существовавшая, прекращена, а сіи полки, бывъ преобразованы въ регулярные гусарскіе, поступили въ составъ Россійской арміи. Мундиры для нихъ положены по цвѣтамъ прежнихъ козачьихъ полковъ, какъ-то: Харьковскій — желтый, Сумской — свѣтло-синій, Ахтырскій — зеленый, Изюмскій — красный и Острогожскій — красно-ранжевый. Полковники, находившіеся при реформѣ въ дѣйствительной службѣ, поступили въ гусарскіе полки подполковниками, а нежелавшіе продолжать службы уволены полковниками арміи. Полковые обозные, находившіеся въ прежней службѣ, хотя и не въ сихъ чинахъ, въ походѣ, переименованы премьеръ-маіорами, а не-

бывшіе въ походахъ секундъ-маіорами; полковые старшины, бывшіе въ походахъ капитанами, небывшіе поручиками; сотники, бывшіе въ походахъ поручиками, небывшіе прапорщиками. Изъ полковыхъ старшинъ, пожелавшихъ служить по гражданской части (выключая полковыхъ обозныхъ), переименованы титулярными совѣтниками. Полковые писари, по заслугамъ и способностямъ, переименованы въ секретари разныхъ классовъ.

Въ каждой изъ сказаннахъ провинцій, въ важнѣйшихъ сотенныхъ мѣстечкахъ, учреждены комисарскія правленія, завѣдывающія въ своемъ участкѣ полицейскою и судебными частями. Селенія же изъ Великороссійскихъ жителей, также и небывшія въ составѣ Слободскихъ полковъ, остались по-прежнему подсудимы губерніямъ по принадлежности: Воронежской и Бѣлогородской; отъ чего, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, носившихъ тогда названіе городовъ, въ одно время находились: воеводская канцелярія для великороссійскихъ жителей и комисарское правленіе для слободскихъ.

Сія пять гусарскихъ полковъ комплектовались какъ изъ жителей селеній, составлявшихъ прежде козачьи полки, такъ и изъ «черкасъ» въ губерніяхъ: Бѣлогородской, Воронежской, Казанской, Архангельской и Астраханской. Они были положены въ окладъ наравнѣ съ обитателями Слободской губерніи, кои, до сего времени, всѣ вообще именовались «козаками», а при преобразованіи полковъ названы «войсковыми обывателями», а помѣщичьи люди «подданными». Изъ сихъ послѣднихъ сформированъ былъ полкъ, подъ названіемъ «Украинскаго гусарскаго», имѣвшій мундиръ малиноваго цвѣта; и какъ этотъ полкъ всегда пополняемъ былъ рекрутами только изъ помѣщичьихъ подданныхъ Слободской губерніи, такъ и всѣ пять пополнялись людьми только изъ того участка, изъ коего составленъ былъ эскадронъ того полка. Служба гусарамъ сихъ шести полковъ продолжалась пятнадцать лѣтъ. Въ царствованіе Императора Павла I войсковые обыватели и помѣщичьи подданные слободской губерніи начали поставлять рекрутъ по общимъ государственнымъ узаконеніямъ.

При Слободско-украинской губернской канцеляріи учрежденъ былъ «Вотчинный департаментъ», которому поручено было разсмотрѣніе владѣльческихъ крѣпостей. Послѣ того введена «Межевая контора» и открыто генеральное размежеваніе

земель, которымъ всѣ дачи помѣщичьи и казеннаго вѣдомства размежеваны, исключая чрезполосныхъ владѣльцевъ, оставшихся въ общихъ округахъ съ войсковыми обывателями.

Подушная подать, вмѣсто прежнихъ окладовъ, взимаемыхъ на содержаніе полковъ, постановлена была: съ войсковыхъ обывателей, пользующихся куреніемъ и продажею вина, по 95 копѣекъ, а съ живущихъ на мѣстахъ, гдѣ то запрещено было, по 85 копѣекъ; съ подданныхъ же помѣщичьихъ черкасъ, какъ въ сей, такъ и въ вышеупомянутыхъ губерніяхъ, положено было платить по 60 копѣекъ съ души.

Къ новой «Азовской» губерніи, при ея учрежденіи, причислены нѣкоторыя (Торь и др.) селенія Слободской губерніи. Потомъ и Острогожская провинція, съ частью Изюмской, поступила въ составъ новооткрывающагося Воронежскаго намѣстничества. Изъ послѣднихъ же городовъ Слободской губерніи и изъ частей Бѣлогородской: Корочанскаго, Салтовскаго, Чугуевскаго, Вольновскаго, Хотьмыжскаго, Суджанскаго и Путивльскаго воеводства, составлено было «Харьковское намѣстничество», граничащее отъ сѣвера съ Курскимъ намѣстничествомъ, отъ запада съ (бывшимъ тогда) Новгородъ-Сѣверскимъ и Черниговскимъ, отъ юга съ Екатеринославскимъ, а отъ востока съ Воронежскимъ.

Харьковское намѣстничество, по церемоніалу, Высочайше изданному, со всею торжественностью, 29 сентября 1780 года открыто генераль-фельдмаршаломъ и государевымъ Намѣстникомъ Кіевскаго, Черниговскаго, Новгородъ-Сѣверскаго, Харьковскаго и Курскаго намѣстничествъ*), графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ.

*) Вскорѣ потомъ Харьковское намѣстничество, въ соединеніи съ Воронежскимъ, управляемо было „генераль-губернаторомъ“. Въ 1787 году оно присоединено было къ Екатеринославскому и Херсонскому намѣстничествамъ подъ управленіемъ генераль-фельдмаршала и государева Намѣстника князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, а въ 1793 году опять соединено было подъ управленіе одного Генераль-Губернатора съ Воронежскимъ намѣстничествомъ.

х.

УКРАИНЦЫ.

У К Р А И Н Ц Ы *).

Народы, населившіе нынѣйшнюю Харьковскую губернію, большею частію были украинцы, и имѣли съ малороссіянами одинъ языкъ и одни обычаи; но со времени своего здѣсь поселенія значительно отклонились отъ нихъ до замѣтной разности, по нѣсколькимъ причинамъ. Бывъ подчинены одному со внутренними мѣстами Россіи правительству, однимъ и тѣмъ же законамъ, они болѣе слилися съ общеою массою русскаго народа, нежели малороссіяне, которые долго имѣли своего гетмана и до сихъ дней особое судное право. Со времени занятія здѣсь жилищъ слободскими полками поселились средь нихъ и на той же землѣ многіе великороссіяне: это еще болѣе облегчило и ускорило сношенія сего края со внутренними губерніями. Большое число, по службѣ, чиновниковъ и великороссійскихъ помѣщиковъ, по причинѣ браковъ, начали здѣсь жить, и приобрѣли помѣстья. Притомъ же Харьковъ, отъ послѣднихъ временъ Петра Великаго и почти до половины царствованія Екатерины Великой (58 лѣтъ), былъ мѣстопребываніемъ главнокомандующихъ войсками въ полуденномъ краѣ, пока наконецъ большее расширеніе границъ на югъ неотодвинуло главной квартиры. Всѣ сіи причины, смѣшавъ всѣ поселившіяся здѣсь различныя націи, произвели одинъ, особенный характеръ народа.

Слобожанинъ опрятенъ, гостепріименъ, чистосердечно вѣжливъ. Провести, обмануть въ чемъ-либо онъ несроденъ, и почитаетъ это за грѣхъ; честенъ въ исполненіи условій или и обѣщаній; по чистосердечію своему судить и о другихъ, и потому скорѣе будетъ обмануть, нежели придумаетъ обмануть. Безъ власти и начальства неможетъ пробыть, ждетъ распоря-

*) Современникъ, 1841 г. № 1, т. XXI.

женій и исполняетъ ихъ безъ уклончивости; изъ корысти не унижается; стремится къ познаніямъ, и успѣлъ въ нихъ дѣйствительно, особливо духовенство, которое въ Харьковской губерніи, въ отношеніи познаній и нравственности, можетъ служить образцомъ. Поселянинъ, прежде всякаго рукомесла, старается обучить сыновей грамотѣ, и потомъ уже избираетъ для каждаго промысла, по склонностямъ; достаточнѣйшій же изъ обывателей почиталъ бы себѣ за стыдъ, если бы изъ сыновей его небыло ни одного грамотнаго *). Отъ сихъ-то причинъ и самый языкъ здѣсь гораздо очищеннѣе малороссійскаго. Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе неупотребляется, и они даже непонимаютъ значенія ихъ!

Украинецъ любить музыку и имѣетъ къ ней способность: видимъ, что, безъ всякаго ученія музыкальныхъ правилъ, неслыша изъясненій о правильности нотъ или такта, онъ, по одному слуху, выучивается на скрипкѣ и «выигрываетъ» вѣрно, чисто все, что услышать. Три человѣка такихъ самоучекъ-музыкантовъ играютъ по городамъ на свадьбахъ польскіе, французскія кадрили, мазурки, вальсы и другіе танцы, часто въ городѣ новѣйшіе, подслушанные ими на балѣ вельможи. По деревнямъ же, у помѣщиковъ, гдѣ нѣтъ по близости музыкальной капеллы, такого рода музыканты играютъ на свадьбахъ и другихъ пирахъ очень порядочно. Въ архіерской, коллегіумской (семинарской) и въ частныхъ пѣвческихъ всегда есть отличные голоса. Въ Харьковѣ во многихъ приходскихъ церквахъ поютъ все церковное пѣніе мастеровые какого-либо ремесла и поютъ все, даже нотное, занятое ими въ архіерейской пѣвческой; поютъ очень согласно, правильно, со всѣми выдержками, переходами въ другой тонъ, неимѣя вовсе понятія о камертонѣ.

Есть также имѣющіе способности къ художествамъ. Изъ нихъ самоучки-живописцы писали иконы въ извѣстныхъ церквахъ, въ иконостасахъ и т. п. Изъ живописи предпочитается здѣсь иконописство, какъ производство во славу Божію. Рѣзчики, упражняющіеся также болѣе въ рѣзбѣ иконостасовъ и другихъ церковныхъ украшеній, безъ какого-либо понятія о

*) Это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способъ къ ученію.

чинахъ, орденахъ архитектурныхъ, производятъ колонны, капители, карнизы по всѣмъ правиламъ, безъ отступленій. Никогда не смѣшаетъ «ониковъ» съ «коринами»: такъ онъ называетъ, не зная даже о существованіи орденовъ Ионическаго и Коринтскаго. Составивъ самъ рисунокъ и планъ иконостасу, самъ производитъ его, такъ что знатоки признаютъ его достаточнымъ въ отношеніи правильности частей и соответствующимъ мѣрѣ церкви сохраненіемъ вкуса и наблюденіемъ чистоты въ отдѣлкѣ.

Замѣчательныхъ уголовныхъ преступленій, нарушенія важнѣйшихъ правилъ религіи и вѣрноподданнической обязанности, между слобожанами, съ самаго ихъ здѣсь поселенія до сихъ дней, никогда даже и слышно не было, и ни одинъ изъ жителей сей губерніи ни въ арміи, ни внѣ губерніи или и отечества, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не забылъ обязанности своей къ престолу и ненавлекъ пятна здѣшней губерніи, всегда вѣрной, преданной власти.

Одежда всѣхъ вообще жителей губерніи, противъ первоначальнаго, совершенно измѣнилась. Мужчины, служившіе въ полкахъ, имѣли платьѣ козацкое или національное малороссійское: широкіе шаровары; полукафтанье, подпоясанное по талии поясомъ; сверху черкеска съ откидными рукавами; шапка высокая изъ бараньихъ смушекъ, съ суконнымъ цвѣтнымъ верхомъ; за поясомъ, на цѣпочкѣ, ножъ, и при поясѣ же, на португелѣ, кривая сабля, опоясуемая только въ походѣ, или и на мѣстѣ, передъ собравшимся полкомъ. Полковники и старшины, по состоянію и вкусу своему, окладывали черкески галунами или сурками по борту, а также иногда и мѣхомъ. На портретахъ первоначальныхъ полковникахъ видимъ еще, сверхъ всего, накинутую суконную мантию съ аграфомъ или пряжкой на груди изъ драгоцѣнныхъ камней; но какъ въ рукѣ его видимъ тутъ же «пѣрначъ», знакъ его достоинства, то и полагать должно, что сія мантия вздѣваема имъ была только передъ полкомъ или въ большой парадъ, для отличія отъ всѣхъ подчиненныхъ ему. Съ переформированіемъ козаковъ въ гусары измѣнились въ полкахъ мундиры, а молодые дворяне, по склонности своей къ военной службѣ, непопавъ въ гусарскіе свои полки, опредѣлялись въ армію и, выходя въ отставку, обращались къ первоначальной своей одеждѣ, которая сходствовала съ одеждою служащихъ чиновниковъ, кромѣ сабли и, можетъ

быть, цвѣта, а принимали обще-употребляемую одежду, и продолжали слѣдовать обычаю въ ней до сего времени.

Въ простомъ народѣ мужчины сохранили прежнее одѣяніе: суконная «свита» или зипунъ безъ перемѣны до сего времени, исключая живущихъ въ Харьковѣ и вышедшихъ, по состоянію своему, въ купцы или мѣщане. Первые тогда же надѣваютъ сертуки, жилеты, круглую шляпу, и въ домашней жизни стараются приспособляться къ тому состоянію, въ которое они вновь вступили. Мѣщане же вздѣваютъ плисовое полукафтанье, отличный поясъ, и сверху носятъ ту же «свиту», но уже «добраго» сукна темнаго цвѣта и неподпоясываютъ ея.

Какъ мужчины высшаго сословія носили національную одежду, такъ равно жены ихъ и дочери сохраняли долго ее. Жены полковниковъ и старшинъ носили такъ называемый «кунтушъ» изъ штофа, парчи, люстрина, обьяри, гродетуру и другихъ плотныхъ матерій, по состоянію и вкусу каждой. Покрой «кунтуша» былъ на подобіе такъ называвшихся «русскихъ шубокъ»: талія и рукава въ обтяжку, безъ всякихъ сборовъ, кромѣ что назади въ талии были маленькіе сборки, покрывавшіеся сверху широкимъ, золотымъ, или серебрянымъ гасомъ. Кунтушъ этотъ имѣлъ лежащій воротникъ, на груди откидные клапаны, а на рукавахъ такіе же обшлага, что все дѣлалось изъ богатѣйшей и отличнаго цвѣта матеріи, нежели кунтушъ. На груди онъ былъ открытъ и только на талии схватывался, пола на полу, крючкомъ, безъ всякаго пояса. На груди видѣнъ былъ парчевый, или другой какой корсетъ, подъ душу; полы были распашныя, и видна была юбка, называвшаяся «спидницею», богатѣйшей предъ прочимъ парчи или матеріи, и по ней сверху, напередѣ, «запаска» (передникъ), яркаго цвѣта матеріи. Башмаки вообще красныя, сафьянныя, «на коркахъ» или высокихъ колодочкахъ; на шеѣ, чѣмъ болѣе нитокъ красныхъ, крупныхъ коралловъ, янтарей, гранатъ, жемчугу, перенизаныхъ свернутыми въ трубку голландскими червонцами, и еще особо на черной бархаткѣ висящихъ золотыхъ или серебряныхъ крестовъ, медалей (еднусовъ) и т. п. украшеній, тѣмъ считалось наряднѣе. Головные уборы были различны: старушки носили особаго рода шапочки темныхъ цвѣтовъ и, по времени, съ мѣхомъ; молодыя же и «франтихи» носили «караблики», шапочки изъ чорнаго бархата съ малень-

кими напусками, для прикрытія верхушки ушей, и двумя, наперед и назад, рожками. Верхушка кораблика и позатыльникъ были или изъ богатой парчи, или вышивались блестящими, канителью, цвѣтными фолгами и т. п. Другой уборъ былъ называемый «очипокъ», только по головѣ шапочка, безъ рожковъ, изъ золотой парчи, и по борту обложено гасомъ. Дѣвушки высшаго сословія носили кунтуши со всѣми принадлежностями; только на головѣ положены были, по лбу, золотыя и серебряныя сѣтки, гасы, позументы яркихъ цвѣтовъ, пестрыя и съ букетами широкія ленты, въ нѣсколько рядовъ одна сверхъ другой и съ длинными отъ всѣхъ концами, назад висящими вмѣстѣ съ длинными (что почиталось красю) косами, искусно заплетенными, и также съ длинными, яркими вплетенными лентами, мѣлко сплетенными (дрибушкѣ) косичками, полагаемы были на голову вѣнкомъ и сверху, по времени, украшались цвѣтами. Домашній уборъ дѣвушекъ былъ: корсетъ длинный (называемый «юбка») безъ рукавовъ, при обыкновенной юбкѣ и запаскѣ, изъ-за которыхъ видна была рубашка, внизу и рукава коей, пышныя, кисейныя, миткалевые и т. п. вышиты были золотомъ, серебромъ, цвѣтными нитками, все смотря по достатку родителей. Голова и шея убирались также, но вещи къ тому употреблялись уже не такъ цѣнные, какъ въ большой нарядѣ. Платья, бывъ изъ богатѣйшихъ парчей и другихъ прочныхъ матерій, переходили отъ матери къ дочери, внукамъ и далѣе, во всей цѣлости и въ неизмѣнности фасона. Теперь въ церхвахъ помѣщичьихъ селеній много есть нарядныхъ ризъ и другихъ церковныхъ украшеній изъ парчей, принадлежавшихъ прабабушкамъ нашимъ. Отцы семействъ, бывъ въ военной службѣ и примѣнившись къ общимъ обычаямъ, возвращаясь въ дома, требовали отъ жонъ и дочерей своихъ преобразованія въ одеждѣ, сходно съ общимъ обычаемъ; а съ открытіемъ намѣстничества, рѣшительно уже всѣ женщины, безъ исключенія, приняли перемѣны и подражаютъ въ одеждахъ и уборахъ своихъ употребляемому Петербургскимъ высшимъ обществомъ.

Простого сословія женщины одѣвались точно такъ же, какъ и чиновницы; разумѣется, сходство было только въ формѣ одежды и уборовъ, но все было изъ грубыхъ матерій и безъ вкуса. Напримѣръ, вмѣсто наряднаго кунтуша, онѣ носятъ

изъ простого бѣлаго сукна *ситы*; вмѣсто парчовыхъ и полковыхъ юбокъ носятъ *плахты*, тканья изъ простой шерсти, клѣтчатымъ, пестрымъ узоромъ; дѣвки носятъ корсеты изъ красной байки съ рукавами и безъ рукавовъ. Убранство то же сохраняется еще въ жителяхъ всей губерніи, исключая Харькова, гдѣ роскошь успѣла пробраться и въ низшее сословіе. Нетолько мѣщанскія (о купечествѣ уже нѣчего и говорить: тамъ выписываютъ модное и наряжаются наравнѣ съ высшимъ сословіемъ) дочери, но и обывательскія дѣвки, лѣтъ десять назадъ, переодѣлись совершенно: носятъ ситцевые *шущуны*, своего покроя, при цвѣтныхъ юбкахъ и фартукахъ; на головѣ неносятъ лентъ и косъ, но повязываютъ, *по-модному*, полковымъ платкомъ, подбирая цвѣтъ его къ лицу.

Сего сословія жители, оставивъ прежнюю одежду, оставляютъ и обычаи свои. Такъ, напримѣръ, свадьба, прежде происходившая съ большими обрядами, требующими самой строгой во всемъ точности и неупущенія нималѣйшаго обстоятельства, нынѣ у нихъ происходитъ вовсе безъ соблюденія прежнихъ обрядовъ, а вмѣсто всего прежняго, отцы новобрачныхъ «печатными билетами» приглашаютъ «на обѣденный столъ, балъ и ужинъ, во *столько-то* часовъ». Невѣста, собирая «подругъ» своихъ, уже безъ пѣсенъ, приходитъ въ домъ каждой, и подаетъ билеты родителямъ, стыдяся выговорить прежнее приглашеніе: «кланявся батько и маты, и я кланяюсь, и просымо на завтра, на хлѣбъ, на силъ, на весилья» (свадьбу). Женихъ также разноситъ пригласительные билеты на такое же празднованіе другого дня послѣ свадьбы. Въ назначенный день собравшихся гостей послѣ обѣда неподчуютъ уже, благодаря образованію, водкою, но чаемъ, пивомъ, «ренскимъ» — такъ вообще виноградное вино у нихъ именуется, — а попроще, «варенухою». Молодые же люди и большею частью дѣвки, сами съ собою, или съ приходящими приказными, купеческими сидѣльцами танцуютъ... уже не метелицу, не горлицу, не дудочку, а начинаютъ кадрилими (кадрелями), потомъ вальсъ (вальца), шѣна, въ родѣ мазурки. Дурное поведеніе новобрачной до свадьбы остается безъ всякаго взысканія, и всѣ прежде бывшія укорительныя въ томъ пѣсни и обряды совершенно истребились. При всей гласности прежней непохвальной жизни, и даже при слѣдствіяхъ отъ оной, поѣздъ новобрачныхъ, на дру-

гой день свадьбы, такъ же украшается красными платками и лентами, какъ будто и у жившей порядочно до сего времени.

Въ рѣдкомъ домѣ у обывателей не бываетъ въ ежедневномъ употребленіи «чай», а сколько-нибудь подостаточнѣе заботятся имѣть всѣ принадлежности къ кофе и учатся приготавливать его.

Нетолько между молодыми мужчинами, которые, чтобы показать себя «удалыми», стараются говорить русскимъ нарѣчіемъ, нельзя уже услышать національныхъ пѣсень, но и дѣвки совершенно оставили ихъ и уже мало знаютъ обрядныхъ: свадебныхъ, купальныхъ, колядныхъ и проч.

Сколько-нибудь у достаточнаго обывателя горѣлка, кромѣ обыкновенныхъ порцій утромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ, въ угощеніе не входитъ. Въ уѣздныхъ же городахъ и селеніяхъ «все еще идетъ по-старому».

XI.

ГОРОДЪ ХАРЬКОВЪ.

ГОРОДЪ ХАРЬКОВЪ *).

Ежели взглянуть на состояніе городовъ и всей Харьковской губерніи, каково оно было во время открытія въ ней намѣстничества, что еще въ свѣжей памяти здѣшнихъ старожиловъ, сравнить все со всѣмъ нынѣшнимъ: нынѣшнимъ образомъ воспитанія домашняго и общественнаго, съ нынѣшнимъ домоводствомъ, съ образомъ жизни и обращенія жителей между собою; взглянуть на зданія частныя и публичныя, на учрежденія въ пользу наукъ и человѣчества, на общую готовность въ нихъ ко всякому общепользному дѣлу, на самую торговлю: то должно признаться, что сей «новозаселенный край» едва ли превзошелъ нѣкоторыхъ губерній, образовавшихся гораздо прежде и «можетъ быть» имѣющихъ больше удобствъ для извлеченія выгодъ, нежели Харьковская.

Губернскій городъ Харьковъ конечно поселенъ въ числѣ первыхъ слободъ Украинскихъ съ 1646 года. Старожилы рассказывали, что первые его поселенцы основали свое жительство изъ нѣсколькихъ дворовъ надъ рѣкою Харьковомъ, близъ луговъ и озеръ, при источникѣ, что нынѣ называется «Бѣлгородскій колодезь». **) Съ умноженіемъ приходящихъ, поселеніе простиралось внизъ по рѣкѣ праваго берега и внутрь нынѣшняго города. Когда по горѣ и по низу, надъ озерами и болотами, что нынѣ «Подоль», около церкви св. Троицы, умножились жители и Крымскіе татары, видя твердое намѣреніе новопоселившихся удержать край за собою, усилили свои набѣги; то и жители, а можетъ быть уже тогда существовавшее начальство полковое, приступили къ построенію «крѣпости», какъ тогда называли. По запискамъ, Харьковъ, какъ полковой городъ, извѣстенъ съ 1653 года. Крѣпость сія снабжена была,

*) Современникъ г. XX 1840.

**) Бѣлгородская криница.

по возможности, пушками разныхъ калиберовъ, изъ собственности полковника и старшинъ. Есть преданіе, что приступая къ построению города и въ немъ храма Божія, Харьковцы относились къ духовному начальству, испрашивая молитвъ и благословенія отъ Черниговскаго архіерея, подъ вѣдѣніемъ коего въ отношеніи церковномъ они находились въ прежнихъ своихъ жилищахъ. По желанію ихъ, присланы были духовные чины со всею святынею, для устройства въ новоустроенныхъ въ сей странѣ церквахъ священнослуженія, и пожелавшіе здѣсь поселиться священники и причеть *). На благословеніе же новостроящагося города Черниговскій владыка прислалъ подлинную (такъ гласитъ преданіе) чудотворную икону Божіей Матери Елецкой. и что будто, по освященіи города и церкви во имя Успенія Божіей Матери, духовные чины, предположивъ возвратиться восвосяи со св. иконою, убоились пронесшихся слуховъ о близости татаръ, и, переодѣвшись, скрытнымъ образомъ возвращались въ дома, оставя св. икону въ Харьковѣ до спокойнѣйшаго времени. Безпокойства отъ татаръ въ окрестностяхъ Харькова и во всѣхъ полкахъ долго или всегда продолжались, а потому и неизвѣстно, возвращена ли св. икона въ Черниговъ, или она есть та самая, которая и понынѣ, въ Харьковскомъ Успенскомъ Соборѣ пребывая, чудодѣйствуетъ всѣмъ изъ жителей Харькова, съ вѣрою къ Ея заступленію прибегающимъ.

Самая рѣка Харьковъ имѣла свое теченіе дагѣ къ югу; протокъ же отъ нынѣшней «Рыбной улицы» и до рѣки назывался «Нетеча». Рѣка Харьковъ, по времени же, перемѣнила свое теченіе и начала протекать тамъ, гдѣ была «Нетеча», и отъ того-то одна и таже рѣка въ одномъ городѣ имѣетъ два названія: «Харьковъ» и «Нетеча». Рѣка Харьковъ, вытекая изъ Бѣлогородскаго уѣзда, при концѣ города вливается въ вѣку «Лопань» и, соединясь съ рѣкою «Уды», всѣ три впадаютъ въ рѣку «Донецъ». Лопань имѣетъ свою вершину также въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ.

*) Нѣкоторые переселенцы, оставляя свои жилища цѣлыми селеніями и забирая все свое имущество, забирали и церкви со всею утварью и принадлежностью и даже колокола брали. Поселясь здѣсь, складывали привезенную церковь и заботились объ освященіи ея всегда отъ духовнаго начальства въ Малороссіи.

Городъ Харьковъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ и частью на возвышенномъ косогорѣ при стеченіи сказанныхъ рѣкъ: «Харькова» и «Лопани». Географическая его широта: 49 градусовъ 59 минутъ и 43 секунды; долгота же, считая отъ меридіана чрезъ Ферро, 53 градуса и 15 минутъ. Онъ отъ запада и юга окружонъ былъ дикоросшими тогда вишневыми и черешневыми деревьями, также березовыми, осиновыми и другими луговыми деревьями. За Нетечю, проѣхавъ мясные ряды, гдѣ нынѣ кузница, тамъ былъ домъ полковника Ивана Григорьевича Квитки и при немъ большой садъ, наполненный яблонными, грушовыми, черешневыми, вишневыми и другими плодовыми деревьями; также росли и плодъ давали волошскіе орѣхи; при домѣ была деревня, называемая «Маньковская» *), изъ 80 душъ состоявшая. Во время бывшей два раза въ Харьковѣ чумы деревня сія вся вымерла; садъ и всѣ рощи, сады и все, что окружало городъ, вырублено жителями за невозможностью отлучаться отъ жительства для привоза дровъ. Оставалась еще одна березовая роща близъ села Основы, гдѣ нынѣ сыпучіе пѣски, но и та въ одинъ часъ жестокою бурей, въ 1789 году, вовсе уничтожена. За рѣкою Лопанью поселеніе распространялось медленнѣе и позже; отъ того тамъ уцѣлѣли сады, имѣющіеся и нынѣ у многихъ обывателей, а особливо ближе къ «Холодной горѣ». Во время свирѣпствовавшей чумы это было удалено отъ города, и жителямъ невозможно было туда отлучаться для рубки дровъ.

При открытіи Харьковскаго Намѣстничества, въ 1780 году, въ Харьковѣ было каменныхъ строеній: въ такъ называемомъ «городѣ» или крѣпости, обведенной двумя земляными, тогда уже обветшавшими, рвами, 1) Соборная Успенія Божіей Матери церковь съ четырьмя придѣлами, къ тому времени только отстроенная, и при ней колокольня гораздо прежней постройки; 2) въ училищномъ монастырѣ, что нынѣ архіерейскій домъ, церковь Покрова Божіей Матери съ колокольнею; церковь сія была прежде приходскою, и когда выстроена неизвѣстно; но въ 1727 году она изъ приходской обращена въ монастырь, а при ней бывшая школа образована въ училище; 3) Банковая контора съ погребами, что нынѣ домъ

*) Особо отъ близлежащаго села Основы, которое принадлежало Харьковскому же полковнику Донцу, у коего по времени Квитка купилъ Основу.

кунца Сергѣя Карпова; 4) Гостинный дворъ (бывшій въ одинъ этажъ съ деревяною крышею). Въ крѣпости, на такъ называемомъ «Подолѣ» — церковь св. Троицы; потомъ налѣво отъ крѣпостныхъ воротъ, называемыхъ тогда «Протопопскими» (Протопопская башта), гдѣ нынѣ сапожный рядъ, каменная церковь св. Николая Чудотворца, воздвигнутая до открытія Намѣстничества; деревянная же, бывшая прежде, конечно была виднѣе Соборной, потому-что Петръ I, проѣзжая чрезъ Харьковъ, пришедъ въ церковь сію, отслушалъ часы и, узнавъ, что она не Соборная, пошелъ къ той и тамъ уже слушалъ Божественную службу. Изъ строеній были каменные: Духовнаго Коллегіума сиропитательный домъ (бурса), домъ протоіерея Шванскаго (что нынѣ наслѣдниковъ Валкиныхъ), хлѣбный запасный магазинъ, для безопасности выстроенный подалѣе отъ городскихъ строеній, и кладбищенская церковь Жень Муроносиць. *За Лопанью*: церковь Рождества Христова и губернская аптека съ лабораторіею (домъ Масловича). За Харьковомъ: надъ рѣкою Почтовая контора; нынѣ на томъ мѣстѣ вновь выстроенъ домъ Ольденборгера. Прочія церкви *) и дома во всемъ тогдашнемъ городѣ были деревянные. Дома обдѣланы были снаружи глиною съ набивкою кирпичомъ и побѣленные мѣломъ. Оштукатуренныхъ снаружи домовъ было очень мало. Церквей всѣхъ было 11, домовъ частныхъ 1,532, жителей всѣхъ состояній обоего пола 10,743 души (3,338 муж. и 5,405 женск. пола). Проживавшихъ временно: военныхъ и гражданскихъ чиновъ, російскихъ и иностранныхъ торговцевъ, учителей, учениковъ съ служителями, мастеровыхъ, всѣхъ до 1,000 человекъ. Усадьба города, отъ такъ называемой «Холодной горы» до крайней улицы, на востокъ, простиралась на 1,700 трехъ-аршин. сажений, а съ сѣвера внизъ до послѣднихъ дворовъ и садовъ на лѣвой сторонѣ р. Харькова къ югу, на 1,100 такихъ же сажений.

Нынѣ публичныя зданія всѣ каменные и изрядной архитектуры. Кромѣ поименованныхъ каменныхъ церквей, при Соборной церкви воздвигается колоссальная колокольня о пяти ярусахъ; высота ея съ крестомъ будетъ 105 аршинъ; заложена въ 1821 году; строится отъ добровольныхъ приношеній, церковныхъ доходовъ и вспомошествованіемъ изъ церковнаго

*) Церковь св. Дмитрія, также деревянная, была кладбищная и въ отдаленномъ разстояніи отъ города. Она окружена была садами.

капитала; доселѣ возведена до 65 аршинъ, и уже освящена въ ней теплая церковь Богоявленія Господня и при ней придѣль. За Лопанью церкви: Благовѣщенія Богородицы и великомучен. Димитрія; при церкви Рождества Хр. каменная колокольня съ теплоустроенною церковью, и при церкви Благовѣщенія колокольня съ пристроивающимися придѣлами. За Харьковомъ: ц. Архистратига Михаила съ каменною же колокольнею, и ц. Воскресенія Хр.; кладбищная Каплуновскія иконы Божіей Матери съ колокольнею; губернскія присутственныя мѣста, университетскія зданія, огромный архіерейскій домъ отдѣлывающійся; институтъ благородныхъ дѣвицъ, гимназія, духовное уѣздное училище, почтовая контора, евангелическая и католическая церкви, дворянскій домъ съ обширною залою, гостинный дворъ большею частію о двухъ этажахъ, лавки на торговой площади, магистратъ и полиція, тюремный замокъ; въ Захарьковской части сѣвѣжій дворъ съ каланчою. Вообще частныхъ домовъ, каменныхъ и деревянныхъ, всего: 3,195. По оцѣнкѣ, произведенной городскимъ комитетомъ, всё они оцѣнены въ 11,203,490 рублей. Благодарственное учрежденіе «Комитета для строенія г. Харькова» дало способы жителямъ строиться съ выгодою, и въ семь (1837) году начато нѣсколькихъ частныхъ огромныхъ домовъ.

Разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ города каменные дома съ крышами, выкрашенными зеленою краскою, вмѣстѣ съ публичными зданіями и деревянными домами, крытыми доромъ и выкрашенными красною краскою, по положенію города и пріятному испещренію его садами, составляютъ въ лѣтнее время издали рѣдкую картину, особливо же съ «Холодной горы», по которой спускаются къ заставѣ Полтавская и Екатеринославская дороги.

Ярмарокъ бываетъ четыре: Крещенская, Троицкая, Успенская и Покровская. Первая и третья изъ нихъ значительнѣе прочихъ двухъ. На Крещенскую пріѣзжаютъ купцы изъ обѣихъ столицъ и многихъ губернскихъ и другихъ торговыхъ городовъ, наиболѣе изъ полуденныхъ губерній. Торговля производится холстомъ, ситцемъ, холстинкою, выбойкою, пестрядью; произведеніями Московскихъ фабрикъ: золотокружевныхъ, шолковыхъ, парчовыхъ и т. под.; сахаромъ, кофеемъ, чаемъ. разнаго рода нужными товарами, желѣзными и мѣдными издѣліями.

винами и виноградными водками, доставляемыми въ большомъ количествѣ изъ Крыма и Кизяляра, Донскихъ станицъ и Одессы. Изъ Одессы и Крыма доставляется бакалейный товаръ и деревянное масло; сверхъ того золотыя и серебряныя издѣлія, книги, сукна и т. далѣе. Галантерейныя вещи привозятся частью Московскими, частью иностранными торговцами изъ Бердичева, Царства Польскаго и др. мѣстъ. На Крещенскую ярмарку привозится товаровъ миллионѡвъ на 16 и болѣе; продается на 10 и болѣе миллионѡвъ рублей. Народу, по случаю ярмарки, стекается въ городъ до 35,000 человекъ.

Троицкая ярмарка хотя продажу всѣхъ сихъ товаровъ малозначительна, но она важна въ отношеніи торга шерстью съ овецъ испанской породы. Время ея, немедленно по снятіи съ овецъ шерсти, и потому-то всѣ, какъ здѣшніе, такъ и сосѣднихъ губерній помѣщики спѣшатъ доставлять ее сюда для скорѣйшей и выгодной продажи. По умножившемуся заведенію сихъ овецъ, привозится шерсти болѣе 100,000 пудовъ. Закупаютъ ее наиболѣе комиссіонеры Московскихъ фабрикантовъ. Несмотря на необыкновенное пониженіе цѣнъ на шерсть и нерѣшительную покупку закупщиковъ, продано ее въ ярмарку 1837 года на 2,861,072 р. 66 к. Въ эту ярмарку значительный торгъ бываетъ лошадьми и скотомъ. Купцы съ другими товарами на эту ярмарку непріѣзжаютъ, по близости времени и мѣста «Коренной» ярмарки. Тѣмъ выгоднѣе торгуетъ здѣшнее купечество безъ посторонняго соперничества. Народа стекается до 10,000 человекъ.

На Успенскую ярмарку привозимы бываютъ всѣ тѣ же товары, что на Крещенскую, и на ту же сумму; равно и продается товара около того же числа. Торгъ лошадьми бываетъ очень значителенъ. Народу стекается до 70,000 человекъ.

На Покровскую ярмарку хотя привозится тѣхъ же товаровъ, что и на Успенскую, миллионѡвъ на 15, но продается менѣе: миллионѡвъ до пяти. Народа стекается до 15,000 человекъ.

На всѣ сіи ярмарки провозятся и выставляются здѣшними жителями въ чрезвычайномъ множествѣ всякаго рода вещи, необходимыя въ крестьянскомъ быту: одежды по времени года, женскіе уборы и вещи къ тому слѣдующія, разнаго рода посуда, инструменты и прочее. относящееся къ земледѣлію и вообще къ хозяйству.

Кромѣ сихъ ярмарокъ, торговля въ Харьковѣ производится во всякое время золотыми и серебряными издѣліями, галантерейными, шолковыми, бумажными, полотняными, фарфоровыми, хрустальными, мѣдными, желѣзными и другими товарами; книгами, картинами, сукномъ, мебелью, музыкальными инструментами, дамскими уборами, чѣмъ всѣмъ гостинный дворъ и магазины довольствуютъ всѣ сосѣднія губерніи. Тоже можно сказать и о винахъ, получаемыхъ какъ чрезъ Балтійскіе, такъ и Черноморскіе порты. Харьковскіе погреба издавна славятся сохраненіемъ и улучшеніемъ винъ. Экипажи разнаго рода послѣднихъ фасоновъ, красивые и довольно прочные, продаются съ выгодой для занимающихся симъ производствомъ.

Вообще счастливое положеніе Харькова дѣлаеть его средоточіемъ торговли полуденныхъ губерній, отличающихся тучностью почвы, мягкостію климата и сосѣдствомъ съ азіатскими народами. Невзирая на недостатокъ водянаго сообщенія, нѣтъ мѣста способнаго для размѣна продуктовъ сихъ губерній на произведенія промышленности внутреннихъ и сѣверныхъ; почему весьма вѣроятно, что въ нынѣшнее царствованіе, столь благопріятствующее народному счастью, торговля въ семъ городѣ еще усилится, что доказываетъ возрастающія годъ отъ году ярмарки и число жителей, которое ежегодно значительно прибываетъ.

Кромѣ торговли, производимой въ гостиномъ дворѣ, всегда бываетъ на площадяхъ продажа съѣстныхъ припасовъ, и по времени года, разныхъ фруктовъ и овощей въ большомъ множествѣ; кромѣ того, и домашнія рукодѣлія, какъ собственныя здѣшнія, такъ и привозимыя окрестными жителями, выставляются на продажу въ немаломъ количествѣ. Въ городѣ разныхъ ремесленныхъ состоитъ 16 цеховъ, въ коихъ 1,620 ремесленниковъ. Всѣ они имѣютъ безнужное пропитаніе отъ своихъ рукодѣлій. Изъ нихъ наибольшее число портныхъ, шьющихъ «свиты» или зипуны, и сапожниковъ, потому что здѣшнимъ народомъ «лычная» обувь вовсе неупотребляется; даже нищіе, и тѣ всегда имѣютъ коженную обувь: сапоги, по здѣшнему «чоботы» и «коты» или большіе башмаки.

Прочіе обыватели, живущіе въ городѣ и въ подгородныхъ слободахъ, занимаются хлѣбопашествомъ и разными промы-

слами, къ числу которыхъ принадлежит привозъ изъ Крыма соли *), съ Дону и другихъ мѣстъ разнаго рода рыбы, и возка другихъ тяжестей по казеннымъ и частнымъ подрядамъ. Недостаточные изъ обывателей, неимѣющіе собственнаго хозяйства, снискиваютъ пропитаніе, нанимаясь къ работникамъ разнаго рода какъ въ городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Женщины, кромѣ обыкновенныхъ своихъ работъ и занятій, упражняются въ дѣланіи особаго рода ковровъ, называемыхъ здѣсь «коци». «Коцарки», симъ ремесломъ занимающіяся, сами составляя изъ здѣшнихъ же травъ и полевыхъ цвѣтовъ разныя краски, красятъ въ оныхъ шерсть, изъ которой ткуютъ эти «коци» узорами фантастическими, передающимися отъ матери къ дочери, въ роды родовъ, безъ всякой отмѣны. Цвѣта шерсти ярки и велинючи: доброта сихъ «коцей» извѣстна; кромѣ мѣстнаго сбыта ихъ тысячами вывозятъ въ великороссійскія селенія и за-границу. Также въ числѣ женскихъ промысловъ мытье на устроенныхъ внизъ по теченію рѣки Харькова мойкахъ для мытья шерсти испанскихъ овецъ приносить имъ значительныя выгоды. На каждой изъ осьми моекъ, ежедневно работаютъ 400 или 500 женщинъ, дѣвокъ и даже дѣтей, получая по 50 и 60 коп. въ день. Дѣвочка отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, перебирая только клочки шерсти, получаетъ по 30 коп. въ день. Въ 1833 году, при бывшемъ въ семъ краѣ неурожаѣ хлѣба, многія сотни такого народа безнужно тутъ прокармливались. И вотъ обстоятельство, требующее особеннаго уваженія и изслѣдованія: въ 1830 году, въ сентябрѣ и октябрѣ, когда въ Харьковѣ и окрестностяхъ свирѣпствовала холера, работа на мойкахъ прекращалась и ни въ чомъ неизмѣнялась. Работницы, стоя на плоту, устроенномъ посреди рѣки, моя шерсть водою, при льющемся сверху дождѣ или холодномъ сыромъ вѣтрѣ, во все время продолжавшейся эпидеміи были здоровы, и рѣшительно на мойкахъ ни одна неимѣла сей болѣзни.

Дача обмежевана къ сему городу въ числѣ 25,075 десятинъ 2,207 квадратныхъ сажонъ; въ томъ числѣ череполосныхъ владѣній 8,062 десятины и 314 квадратн. сажонъ. Живущіе въ городѣ войсковые обыватели, владѣя заимочными и покупными землями, имѣютъ свои выселки, или по здѣш-

*) Въ Харьковской губерніи продажа соли свободна.

нему «хутора» и при нихъ разныя экономическія заведенія. Подъ селеніемъ же города и пригородныхъ слободъ состоитъ земли 1,006 десятинъ и 1,980 квадратныхъ сажонъ.

Водою жители довольствуются изъ ключевыхъ и вырытыхъ колодезей, каковыя во всѣхъ частяхъ города находятся. На рѣчкѣ Харьковѣ, въ самомъ городѣ, есть помѣщичья мельница, устроенная съ давняго времени. Она приноситъ владѣльцу изрядный доходъ. На ней выдѣлываютъ крупчатую муку. Прочныя мосты служатъ переѣздами чрезъ сію рѣчку въ двухъ мѣстахъ; третій мостъ устроенъ чрезъ Лопань.

Недостатокъ мостовой причинялъ городу большое неудобство, по причинамъ немѣннѣ въ семь краю булыжника и другихъ крѣпкихъ камней. Нынѣ сіе неудобство отвращено отысканіемъ годнаго для мощенія камня въ 55 верстахъ отъ г. Харькова, и уже начато мощеніе улицъ, начиная съ Московской или отъ моста на р. Харьковѣ.

Харьковъ имѣлъ училища гораздо ранѣе многихъ другихъ губернскихъ городовъ, неисключая и тѣхъ, кои за столѣтія прежде него устроены. Сіи училища были при церквахъ. Въ 1727 году Бѣлгородскій епископъ Эпифаній Тихорскій, по удобности завести въ Харьковѣ высшее училище, учредилъ его тамъ, способствуемый патріотическимъ усердіемъ главнокомандовавшаго тогда на Украинѣ генераль-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына. Просвѣщенный и радѣтельный сей епископъ, приписавъ къ училищу приходскую, тогда уже каменную, о двухъ престолахъ церковь, наименовалъ «Харьковскимъ Покровскимъ училищнымъ монастыремъ», и на содержаніе монастыря, учителей и учениковъ, кромѣ бывшей съ монастырей 20-й, а съ приходскихъ по епархіи церквей 30-й доли, купилъ разныя помѣстья на собственное иждивеніе и склонилъ фельдмаршала на уступку тому монастырю собственнаго его села съ хуторами, а подъ училище недоконченнаго дома генераль-майора Федора Владиміровича Шидловскаго, который, докончивъ и устроивъ къ оному службы, утвердилъ все то за монастыремъ. Домъ этотъ существуетъ и нынѣ. Основавъ такимъ образомъ училище при монастырѣ и обезпечивъ его въ содержаніи, онъ исходатайствовалъ отъ Императрицы Анны Іоанновны Высочайшую грамоту слѣдующаго содержанія:

Посль полного Императорскаго титула.

Наше Императорское Величество чрезъ сіе объявляемъ: понеже Дядя Нашъ Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, какое особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ для прославленія имени Божія и защищенія Россійскія церкви, такъ и для свѣтскихъ разныхъ наукъ, о томъ всѣмъ извѣстно, и собственно въ Регламентѣ духовномъ, выданномъ въ 721 году, объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи, о чемъ также и другими указами подтверждено было. А нынѣ Нашему Императорскому Величеству богомолецъ Нашъ, преосвященный Эпифаній, епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій, всеподданнѣйше билъ челомъ, что онъ преосвященный епископъ, въ своей епархіи, въ городѣ Харьковѣ, въ надеждѣ лучшаго священства и въ защищеніе Россійскія церкви, основалъ училищный Покровскій монастырь и въ немъ славеногреко-латинскія школы каменные, и учредилъ того-жъ монастыря игумена надъ школами и учителями ректоромъ, для лучшаго управленія и смотрѣнія какъ учителей, такъ и учениковъ, да еще префекта и учителей, и именно: всѣхъ семь человекъ; отъ чего-де нетокмо священству, но и отечеству Россійскому, по милости Божіей, немалый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны ненарушимо, дать Нашу жалованную грамоту. И Мы, Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Анна Іоанновна, Наше Императорское Величество, слушавъ онаго богомольца Нашего, преосвященнаго Эпифанія, епископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго, челобитья, и усмотря его архіерейское въ томъ особливое попеченіе и тцаніе, ревнуя вышепомянутаго Дяди Нашего Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, Всемилостивѣше пожаловали, указали тому Харьковскому училищному Покровскому монастырю и въ немъ славеногреко-латинскимъ школамъ, игумену и ректору, также учителямъ быть вѣчно и ненарушимо, и оный содержать по Нашимъ Императорскимъ указамъ и по Духовному регламенту непремѣнно; а въ томъ монастырѣ игумену и ректору и всѣмъ учителямъ довольствоваться тѣми доходами, чѣмъ они нынѣ, по рассмотрѣнію Эпифанія, епископа Бѣлоградскаго и Обоян-

скаго, яко перваго строителя того монастыря и училища, удовольствованы; а учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только пѣтикѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводити на собственномъ російскомъ языкѣ, и преподавать ученіе съ усерднымъ тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, отнюдь неотлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя церкви исповѣданія; а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять, и ни до какого своевольства недопускать. Чего ради сею Нашею Императорскаго Величества жалованною грамотою тотъ Харьковскій училищный Покровскій монастырь и въ немъ школы, и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ, и притомъ повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ, какъ военнымъ, такъ статскимъ и всякаго званія и чина людямъ, тому училищному монастырю и въ немъ ректору, учителямъ и ученикамъ, въ школахъ обрѣтающимся, также внѣ монастыря живущимъ, подданнымъ и слугамъ монастырскимъ отнюдь обидъ и утѣсненія никакого нечинить; а ежели кто тому монастырю, также ректору, учителямъ школьнымъ, и внѣ монастыря, и въ школахъ обрѣтающимся нынѣ, и впредь будущимъ, учнетъ чинить какія обиды или утѣсненія, въ томъ защищать и по нашимъ правамъ и указамъ оборонять; и для вящшаго утвержденія, реченному богомольцу Нашему, преосвященному Эпифанію, епископу Бѣлоградскому и Обоянскому, и по немъ будущимъ, сію Нашу Императорскаго Величества жалованную грамоту за подписаніемъ Нашея Монаршескія руки и печатью государственною утвердить повелѣли. Дана въ Москвѣ. Марта 16 дня, 1731, Государствованія Нашея второго году».

На подлинной Ея Величества рукою подписано тако:

«Анна».

Графъ Головкинъ.

Сверхъ такового Высочайшаго утвержденія училища по Именному повелѣнію, всѣ книги митрополита Стефана Яворскаго поступили на основаніе бібліотеки при томъ монастырѣ; кромѣ того прибавлено, какъ первымъ основателемъ училища, епископомъ Эпифаніемъ, такъ и преемниками его въ архіерействѣ и другими просвѣщенными тогда особами, много книгъ

нужныхъ и въ то время довольно рѣдкихъ. Нынѣ въ той библиотекѣ имѣется книгъ на разныхъ языкахъ до трехъ тысячъ; изъ рукописей же достопамятныхъ нѣтъ, исключая собственною рукою св. Димитрія Ростовскаго писанной «лѣтописи» его, бывшей уже въ печати. Сынъ основателя сего училища фельдмаршала князя Голицына, дѣйствительный тайный совѣтникъ и чрезвычайный посолъ въ Вѣнѣ, князь Дмитрій Михайловичъ прислалъ изъ Вѣны фамилныя, бронзовыя медали, кои хранятся при училищной библиотекѣ.

Бѣлогородскій архіепископъ Петръ Смѣличъ исходатайствовалъ сему монастырю архимандрита, который, какъ и прочіе за нимъ, имѣли право носить на персяхъ, вмѣсто обыкновеннаго креста, панагію и при священнослуженіи употреблять рипиды, что все принадлежитъ только сану епископскому. Архимандритъ былъ также ректоръ училища, которое съ того времени постоянно уже именовалось «Духовный Коллегіумъ» и сохранило эта названіе и при новомъ, нынѣшнемъ образованіи духовныхъ училищъ.

Помянутый архіепископъ Петръ Смѣличъ, по усердію своему къ распространенію наукъ, дополнилъ Коллегіумъ классами французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, архитектуры, исторіи и географіи; для чего пригласилъ изъ Европейскихъ училищъ учителей и выписалъ къ тому книги и математическіе инструменты; но по отбытіи его изъ сей епархіи классы французскаго языка, исторіи и математическихъ наукъ оставлены.

Харьковскій Духовный Коллегіумъ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Анны Іоанновны, уже обращалъ на себя вниманіе иностранныхъ ученыхъ, проѣзжавшихъ здѣшнія мѣста, и въ послѣдствіи снабдилъ церковь и государство многими отличными чиновниками. Сатирикъ князь Кантемиръ началъ ученіе въ семъ Коллегіумѣ.

1765 года въ инструкціи данной губернатору Слободско-Украинской губерніи, 20-я оной статья написана собственною Ея Величества рукою:

«Къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ наукамъ прибавить классъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, и геометріи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи, на что и сумма до трехъ тысячъ ру-

блей, изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется; и у кого тотъ Коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи, о лучшемъ возстановленіи и распространеніи наукъ учиня сношеніе, употребить общее стараніе».

Классы сихъ наукъ, 1768 года, февраля 2 дня при Коллегіумѣ открыты и состояли въ единственномъ вѣдѣніи губернскаго правленія, а ученики Коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа.

Въ царствованіе Екатерины Великой, вмѣстѣ съ монастырскими имѣніями, отобранны и завѣщанны въ пользу Коллегіума, а вмѣсто оныхъ назначено Коллегіуму по двѣ тысячи рублей ежегодно. На сію сумму, при помощи благодѣяній князей Голицыныхъ Дмитрія и Александра Михайловичей и Маріи Петровны Шереметевой, пожертвовавшихъ въ разные времена до тридцати пяти тысячъ рублей капитала, Коллегіумъ содержитъ не только учителей, но и учениковъ въ сиропитательномъ домѣ, принадлежащемъ Коллегіуму и расположенномъ близъ онаго. Въ 1807 году, штатной суммы прибавлено еще двѣ тысячи рублей.

Коллегіумомъ управлялъ ректоръ, архимандритъ того же училищнаго монастыря, по штатамъ состоявшаго во второмъ классѣ. При учрежденіи же Слободско-Украинской епархіи, въ 1799 году, монастырь сей обращенъ въ архіерейскій домъ, а ректоромъ Коллегіума опредѣленъ протоіерей городского собора *). Потомъ опять ректорами опредѣляемы были архимандриты изъ другихъ епархій, поелику въ Слободско-Украинской епархіи небыло ни одного штатнаго мужескаго монастыря. Нынѣ, при возобновленіи одного изъ заштатныхъ и возведеніи онаго во второклассный, архимандритъ его есть ректоръ Коллегіума.

Въ 1787 году, при полномъ числѣ преподающихъ положенныя науки, въ Коллегіумѣ учащихся—255, и при ономъ въ «Харьковскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ» 410 человекъ.

Второе училище въ Харьковѣ, также предшествовавшее общему государственному постановленію о сихъ заведеніяхъ, получило начало по Высочайшему повелѣнію въ 1765 году,

*) Отъ учрежденія Коллегіума первый изъ блага духовенства, протоіерей Андрей Семеновичъ Прокоповичъ имѣлъ, кромѣ другихъ высшихъ по духовенству знаковъ отличій, орденъ Св. Анны 2 класса съ алмазными украшеніями.

въ видѣ прибавочныхъ къ Коллегіуму классовъ, какъ сказано выше. Съ открытія ихъ, въ 1768 году, они до нынѣшняго образованія училищъ официально и въ публикѣ сохранили названіе «классовъ». Бывъ помѣщеніемъ отдѣлены отъ Коллегіума, они были подчинены особому директору подъ вѣдомствомъ губернатора. Кромѣ Коллегіумскихъ, всякаго состоянія дѣти имѣли право приходить въ классы для ученія. Отъ вспоможеній благодѣтельныхъ лицъ и отъ остатковъ ежегодной штатной суммы составленъ былъ капиталъ, изъ процентовъ коего при классахъ сыновья неимущихъ родителей содержаны и обучаемы были, а достаточные пользовались таковымъ же правомъ, платя за себя ежегодно умѣренную сумму. Въ 1773 году прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки, на каковыя предметы назначено въ годъ по 1,000 рублей.

Изъ такъ называвшихся «питомцевъ» классовыхъ, или воспитанниковъ и пансіонеровъ «классическаго пансіона», составлена была рота кадетъ въ полныхъ мундирахъ (синихъ кафтанахъ съ малиновымъ суконнымъ воротникомъ и обшлагами; исподнее палевое) и аммуницию приличною. Въ лѣтнее время за городомъ они практически занимались военными экзерціями: кромѣ различныхъ тогдашнихъ построеній фронта, стрѣляли изъ имѣвшихся у нихъ ружей въ цѣль, залпомъ позводно и бѣглымъ огнемъ, строили редуты и осаждали ихъ, проводя траншеи и подводя мины по всѣмъ правиламъ военныхъ наукъ. Имъ отпускались отъ начальства пушки меньшихъ калибровъ изъ имѣвшейся въ городѣ артиллеріи, прежде бывшей казачьей службы, для практическаго обученія артиллерійской наукѣ.

Классы сіи произвели великое число людей на службу государственную въ разныхъ званіяхъ, а наиболѣе хорошихъ инженеровъ, артиллеристовъ и землемѣровъ. Наконецъ «классы» сіи и «главное народное училище», существовавшее съ 1789 года, сообразно общему въ государствѣ плану объ училищахъ, преобразовано 1805 года въ губернскую гимназію; а «малое народное училище», тогда же бывшее, обращено въ «Харьковское уѣздное училище». Нынѣ при губернской гимназій учащихся: на казенномъ иждивеніи 40, пансіонеровъ 35, и приходящихъ 556; а въ уѣздное училище приходящихъ учиться 43 человекъ.

Въ 1802 году, при общемъ собраніи всего дворянства Слободско-Украинской губерніи по случаю принятія Высочайшей грамоты, Всемилостивѣйше пожалованной въ подтвержденіе правъ и привилегій сей губерніи, когда нельзя было нечувствовать общей готовности во всемъ сословіи на патриотическое пожертвованіе, котораго употребленіе сдѣлалоо бы полезнымъ не только краю, но и отечеству, а потому и Государю, бывшій въ собраніи статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ, помѣщикъ сей губерніи, предложилъ на разсужденіе дворянства мысль объ учрежденіи университета *). Мысль сія была всемъ собраніемъ единодушно принята и, по соображеніи способовъ и надобностей при такомъ учрежденіи, положено: отъ имѣній каждаго помѣщика взнести назначаемую часть въ опредѣленный срокъ, что составляло всей суммы четыреста тысячъ рублей. Дворянство уполномочило г. Каразина повергнуть къ подножію Престола назначеніе свое и испросить утвержденія на учрежденіе въ Харьковѣ сего высшаго училища.

Императоръ Александръ I, «въ уваженіе патриотическаго приношенія Слободско-Украинскаго дворянства», повелѣлъ учредить въ Харьковѣ Императорскій Университетъ, который и открытъ съ приличнымъ торжествомъ 17 января 1805 года **).

Въ немъ нынѣ состоитъ: *по учебной части*, профессоръ богословія, 10 ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ 1 исправляющій должность), 15 экстраординарныхъ (въ томъ числѣ 7 исправл. должн.), 3 адъюнкта, 1 прозекторъ, 3 лектора, 3 учителя искусствъ, 1 помощникъ прозектора, 2 помощника библиотекаря, 1 исправл. должность ординатора клиникъ, 1 лаборантъ, 1 механикъ. *По административной части*: инспекторъ студентовъ, сивдикъ Университета, врачъ студентской больницы, секретарь Совѣта, исправл. должн. секретаря правленія, 4 помощника инспектора студентовъ, казначей, бухгалтеръ, исправл. должн. экзекутора, эконома и 13 канцелярскихъ чиновниковъ. Въ 1836—1837 академическомъ году состояло студентовъ: казеннокоштныхъ 48, своекоштныхъ 251.

*) Военное училище уже предположено было учредить въ Харьковѣ, на что въ 1801 году дворянство предназначило внести 100,000 рублей.

***) Василій Назаровичъ Каразинъ изъ первыхъ признанъ почетнымъ членомъ Университета.

Университетъ снабженъ достаточно библіотекою и разными кабинетами, изъ коихъ «физическій» и «минеральный» безспорно принадлежать къ числу первыхъ въ Россіи и непосредственно могутъ слѣдовать за кабинетами Императорской Академіи Наукъ. Есть также ботаническій садъ, котораго верхняя часть служить для публики пріятнымъ гуляньемъ.

Дворянство сей губерніи составило «Общество благотворенія», на существованіе и дѣйствіе коего по изданнымъ правиламъ, 19 января 1812 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе и дворянству изъявлено монаршее благоволеніе. Ежегодный взносъ отъ членовъ Общества и пожертвованіе отъ другихъ лицъ давали совѣту, управляющему дѣлами Общества, возможность, по самомъ строгомъ развѣдываніи и удостовѣреніи о точной нуждѣ, вспомошествовать цѣлымъ семействамъ и устраивать участь ихъ на будущее время. Главнѣйшее попеченіе Совѣта обращено было на доставленіе воспитанія юношеству благороднаго происхожденія. Дѣти мужескаго пола опредѣляемы были въ пансіонъ при губернской гимназіи, на иждивеніи Общества. Для дѣтей же женскаго пола, какъ въ сей и въ ближайшихъ губерніяхъ небыло никакого общественнаго учебнаго заведенія, въ томъ же 1812 году учрежденъ и открытъ «Институтъ благородныхъ дѣвицъ», въ коемъ изъ каждаго уѣзда сей губерніи по двѣ дѣвицы дворянскаго происхожденія, но по состоянью изъ самыхъ бѣднѣйшихъ фамилій, должны были въ семъ училищѣ получать образованіе и приготовиться по выпускѣ быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Устройство института и успѣхи въ ученіи воспитанницъ, ежегодно при испытаніяхъ публикою видимыя, рѣшили многихъ родителей достаточнаго состоянія повѣрить дочерей своихъ общественному воспитанію, до того новому во всемъ здѣшнемъ краѣ. Кромѣ штатныхъ воспитанницъ на иждивеніи дворянства, своекоптныхъ было 70—90. Всеобщее довѣріе и существенная польза, отъ сего заведенія проистекающая, а всего болѣе Высочайшее вниманіе незабвенной благодѣтельницы всѣхъ бѣдствующихъ, въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи, оказанное сему заведенію повелѣніемъ: «избравъ двухъ сиротъ, дочерей дворянскаго происхожденія, коихъ отцы служили съ честью въ военной и гражданской службѣ по сей губерніи, опредѣлить въ институтъ для воспитанія на счетъ казны Ея

Величества», подало дворянству мысль, также до того новую, испросить сему заведенію благодѣтельнаго начальства и покровительства Ея Величества, каковымъ пользуются подобныя заведенія въ столицахъ. Вслѣдствіе чего предводитель дворянства Харьковскаго уѣзда Г. Ѳ. Квитка имѣлъ счастье чрезъ всеподданнѣйшее прошеніе ходатайствовать о таковой милости въ 1817 года, когда Ея Величество изволила имѣть пребываніе въ Москвѣ. Пламенное желаніе дворянства небыло отринуто, и институтъ тогда же поступилъ въ единственное начальство Государыни Императрицы, и тому же предводителю вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія сообщено объ учрежденіи особаго совѣта для управленія институтомъ и о правахъ всѣхъ чиновъ, служащихъ въ семъ заведеніи. Вслѣдъ за симъ предводитель Квитка успѣшилъ лично извѣстить о такомъ монаршемъ вниманіи почетнаго члена того института Павла Григорьевича Демидова, ежегодно вносившаго въ сіе училище отъ 1,000 до 2,000 р., и сей единственный благодѣтель учебнымъ заведеніемъ тутъ же въ Москвѣ назначилъ внести на постройку или покупку дома для института двадцать тысячъ рублей кои вскорѣ и внесъ при двухъ тысячахъ рублей ежегоднаго приношенія и сверхъ того доставилъ еще четыре тысячи рублей на обдѣлку купленнаго для института дома. За такое пожертвованіе Государыня Императрица удостоила Демидова Высочайшимъ рескриптомъ съ изъявленіемъ Всемилоствѣйшаго благоволенія, а совѣту института повелѣно: «портретъ Демидова навсегда поставить въ залѣ собранія института и день Ангела Демидова, 15 января, по мѣлитвѣ за него въ церкви, праздновать въ институтѣ». Совѣтъ института открытъ 10 мая 1817 года.

По времени повелѣно: «на иждивеніи приказовъ общественаго призрѣнія губерній Курской, Воронежской, Харьковской, Орловской и Екатеринославской, опредѣлять по три воспитанницы изъ каждой губерніи, назначая къ тому дочерей дворянскаго состоянія; на сумму города Харькова 6 воспитанницъ изъ купческаго сословія и на сумму военнаго поселенія 10 воспитанницъ изъ дочерей чиновниковъ, тамъ служащихъ». Нынѣ всѣхъ вообще воспитанницъ 92 изъ коихъ 10 на иждивеніи Высочайшихъ особъ. Институтъ помѣщенъ нынѣ въ домѣ, купленномъ на сумму, пожертвованную Демидовымъ и пожертвованія отъ здѣшняго дворянства. Удобнѣйшій же для сего

заведенія домъ отдѣляется изъ строенія воздвигнутаго также на счетъ пожертвованій дворянскихъ для предполагавшагося Харьковскаго Кадетскаго корпуса, который Высочайше повелѣно учредить въ Полтавѣ. Въ довершеніи зданія для института, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ и свободныхъ хлѣбопашцевъ, участвуетъ и купечество всѣхъ гильдій ежегоднымъ положеннымъ взносомъ: купечество 1-й гильдіи даетъ 125, 2-й гильдіи 50 и 3-й гильдіи 20 рублей, а податные по $4\frac{3}{4}$ копѣйки съ души въ годъ.

Нѣсколько фамилій, приобрета въ Харьковѣ дома или нанимая квартиры, умножаютъ собою публику, довольно значительную, составляющуюся изъ семействъ чиновниковъ гражданскихъ и учоныхъ. Такимъ образомъ здѣшніе жители имѣютъ возможность проводить время съ удовольствіемъ, неупоминая о пріятномъ развлеченіи въ благородномъ собраніи, всегда съ началомъ осени открывающемся въ дворянской залѣ. Крещенская ярмарка привлекаетъ въ Харьковъ многія семейства изъ уѣздовъ и изъ сосѣднихъ губерній еще къ святкамъ и, удерживая ихъ до масляной, дѣлаетъ собранія сіи единственными. Образованное Харьковское купечество вмѣстѣ съ иногородними гостями доселѣ участвовало въ сихъ собраніяхъ, на коихъ бывало болѣе 500 особъ. При семъ случаѣ не забываемо было и «благотвореніе» посредствомъ маскарадовъ, концертовъ и иногда благородныхъ спектаклей въ пользу бѣдныхъ.

Публичная бібліотека, учрежденная, по распоряженію Правительства, въ 1831 году, имѣетъ 2533 тома книгъ, на сумму 11.990 рублей.

Выставка губернскихъ издѣлій и естественныхъ произведеній въ сей губерніи открываема была въ 1837 году въ Успенскую и Покровскую ярмарки, во время проѣзда чрезъ Харьковъ Высочайшихъ особъ Императорской фамиліи. Описание всѣхъ вещей, бывшихъ на выставкѣ, кажется, напечатано особою брошюрою.

Справочная контора, составленная частными людьми, доставляетъ большую пользу во всѣхъ потребностяхъ, какъ равно и учрежденіе дилижансовъ, отправляемыхъ еще только по тракту Московскому, приноситъ выгоду имѣющимъ въ томъ надобность.

Въ Харьковѣ есть публичный театръ, на коемъ представляемы бываютъ комедіи, водевили, а иногда большія оперы и даже трагедіи. Въ лѣтнее время труппа уѣзжаетъ изъ Харькова въ другіе города на бывающія тамъ ярмарки.

Городъ Харьковъ изобилуетъ въ окрестности прелестными мѣстоположеніями, посѣщаемыми жителями весною и въ лѣтнее время. Въ ближайшемъ разстояніи отъ города находится село Основа помѣщика тайнаго совѣтника Андрея Ѳедоровича Квитки, гдѣ сосновая роща, пріятная для прогулокъ, привлекаетъ многихъ изъ городскихъ обитателей всѣхъ сословій, а наиболѣе садъ въ коемъ большое заведеніе экзотическихъ растеній, частию усвоенныхъ здѣшнему климату. Изъ числа многихъ рѣдкихъ есть *oxalis crenata*, недавно еще въ Европѣ извѣстное и по плодородію своему и вкусу достойно быть разводимымъ для употребленія въ пищу.

Харьковъ осчастливленъ посѣщеніями Высочайшихъ Особъ. Въ 1787 году Екатерина Великая, на обратномъ путешествіи своемъ изъ Крымскаго полуострова, тогда присоединеннаго къ Россіи, прибыла въ Харьковъ 10 іюня, къ вечеру; 11 числа утромъ имѣли счастье представляться и допущены къ рукѣ высшее духовенство, гражданскіе чиновники и все дворянство, во множествѣ по сему случаю съѣхавшееся. Пребываніе Ея Величества было во вновь тогда отстроенномъ для Государева намѣстника дому, занимаемомъ нынѣ попечителемъ университета. Къ обѣду Ея Величества были удостоены приглашенія: высшее духовенство, гражданскіе чиновники и дворянство до 6 класса включительно и состоящіе въ томъ классѣ. Послѣ обѣда дамы удостоены были представленія и допущенія къ рукѣ Ея Величества. Въ отвращеніе излишней роскоши въ дамскихъ уборахъ, при такомъ необыкновенномъ случаѣ предписано было имѣть имъ форменное платье по цвѣту мундира намѣстничества, который былъ тогда красный, воротникъ лежачій, обшлага и все исподнее платье зеленое, пуговицы бѣлыя; почему и дамы имѣли робы краснаго гродетюра на фижмахъ и юбки зеленыя; причоска на головѣ — тогдашняго времени, высокая подъ пудрой. Вечеромъ былъ придворный балъ въ особу на тотъ случай пристроенной временной залѣ. На балъ приглашено было дворянство и чиновники всѣ безъ ограниченія. По окончаніи бала сожжонъ былъ фейерверкъ.

12 числа Государыня изволила предпринять путь въ Бѣлградъ, гдѣ удостоила сама возложить ордена св. Владимира: на губернатора, генераль-поручика Норова 2-й степ., предсѣдателя уголовной палаты Сабурова 3-й, а губернскому предводителю Шидловскому вручонъ 4-й степени. Всѣмъ же губернскимъ чиновникамъ, предводителямъ дворянства и капитанъ-исправникамъ всѣхъ уѣздовъ губерніи пожалованы были подарки; также нѣкоторыя дамы, подносившія что-либо изъ своихъ рукодѣлій, удостоились получить подарки.

Послѣ Екатерины Великой, ровно чрезъ 29 лѣтъ и въ самый тотъ день, когда сія Государыня изволила прибыть въ Харьковъ, 10 іюля 1816 года, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, тогда еще Великій Князь, первый осчастливилъ Харьковъ Высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ. Правнукъ Харьковскаго полковника Квитки, угощавшаго Великаго Петра въ своемъ домѣ, губернской предводитель Андрей Ѳедоровичъ Квитка имѣлъ счастье принимать Высокаго Посѣтителя въ своемъ домѣ въ селѣ Основѣ и угощать на балѣ, отъ дворянства приготовленномъ.

Государь Императоръ Александръ I осчастливилъ Харьковъ своимъ пребываніемъ 1817 года сентября 17 и 1820 года іюля 31 дня. Государь удостоилъ Высочайшимъ посѣщеніемъ дворянствомъ приготовленный къ тому случаю балъ въ новоотстроенной тогда дворянской залѣ.

Въ 1817 году 24 октября Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ посѣтилъ г. Харьковъ и изволилъ быть на балѣ, отъ дворянства приготовленномъ въ селѣ Основѣ, въ домѣ губернскаго предводителя. Въ 1837 году 14 сентября изволилъ онъ проѣхать чрезъ Харьковъ изъ Вознесенска въ Воронежъ.

Послѣ кончины Императора Александра I, коего тѣло въ печальной процессіи провозимо было чрезъ Харьковъ и пребывало 9, 10 и 11 января 1826 года, Ея Величество Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна, на обратномъ пути изъ Таганрога, имѣла пребываніе въ Харьковѣ 26 апрѣля того же 1826 года.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Павловичъ, кромѣ сказаннаго выше, осчастливилъ Харьковъ своимъ пребываніемъ 12 сентября 1832 и октября 18

дня 1835 года. Въ сей послѣдній проѣздъ Государь Императоръ излил милости свои на чиновниковъ губерніи. По представленію бывшаго тогда Начальника губерніи Генераль-Маіора Князя Петра Ивановича Трубецкого, около 70 чиновниковъ удостоились получить ордена, подарки и званія придворныхъ чиновъ. Послѣ наградъ, жалованныхъ въ проѣздъ Екатерины Великой, ни въ одной губерніи чиновники въ такомъ значительномъ числѣ награждены еще небыли.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Ея Высочествомъ Государынею Великою Княжною Марією Николаевною осчастливила Харьковъ своимъ прибытіемъ 18 августа 1837 года и, по обычномъ моленіи въ соборномъ храмѣ, изволила шествовать въ приготовленный для Высочайшаго Ея Величества пребыванія домъ, занимаемый обыкновенно попечителемъ университета, а на сей счастливый случай отъ города, подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника губерніи Князя Петра Ивановича Трубецкого, приведенный въ приличное устройство, въ коемъ стараніемъ своимъ и вкусомъ участвовала супруга его Княгиня Эмилиа Петровна. Ровно чрезъ 50 лѣтъ послѣ пребыванія въ семъ домѣ Екатерины Великой Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, изъ вѣнцесносныхъ особъ первая вступила въ него для пребыванія. Въ тотъ же день, послѣ обѣденнаго стола, къ коему удостоены приглашенія начальствующія въ губерніи лица и нѣкоторыя почетныя дамы, Государыня Императрица съ Ея Высочествомъ благоволили посѣтить и обозрѣть институтъ благородныхъ дѣвицъ; а въ 8 часовъ вечера имѣли счастье представляться Ея Величеству чиновники военные, предсѣдательствующіе въ губернскихъ мѣстахъ, университетскіе и предводители дворянства. Сыновья, завидовавшіе отцамъ своимъ, лобызавшимъ руку Екатерины Великой, чрезъ 50 лѣтъ, въ той же самой залѣ, съ тѣмъ же вѣрнопопданническимъ благоговѣніемъ и восторгомъ удостоились лобызать руку Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Затѣмъ градской глава съ купечествомъ были представлены и поднесли хлѣбъ-соль. Отъ самаго дворца до дому дворянскаго собранія ярко блистала огненная аллея, съ изяществомъ устроенная. Въ 9 часу Государыня Императрица съ Ея Высочествомъ осчастливила дворянство прибытіемъ своимъ на балъ, вѣрнопопданническимъ усердіемъ устроенный. Ея Величество благо-

волила открыть балъ къ усугубленію восторга дворянства съ исправляющимъ должность губернскаго предводителя, полковникомъ Максимомъ Максимовичемъ Ковалевскимъ, и въ милостивыхъ выраженіяхъ удостоила изъявлять свое благоволеніе за усердіе дворянства. Затѣмъ хозяйкою бала Княгинею Э. П. Трубецкою представлены были Ея Величеству дамы, бывшія на балѣ, и потомъ начались танцы. Убранство залы, многочисленная, блистательная публика; уборъ дамъ, приличный величественному случаю, съ свойственнымъ имъ вкусомъ принятый отъ высшаго Петербургскаго круга; въ сторонѣ залы устроенный особый павильонъ, сплетенный изъ живыхъ виноградныхъ лозъ и украшенный также оранжерейными деревьями и экзотическими рѣдкими цвѣтами и растеніями—все сіе обратило на себя особенное Высочайшее вниманіе и одобреніе; а всего болѣе удостоена лестной похвалы пристроенная на это время къ главной залѣ другая въ готическомъ вкусѣ и искусно расписанная изображеніями видовъ любимаго Ея Величества дворца Александрии съ частію сада, въ коемъ Ея Величество изволила усмотрѣть изображенными со всею вѣрностію игры Великихъ Князей, которыя, какъ тутъ же Ея Величество благоволила изъясняться, только за три недѣли предъ-тѣмъ были устроены. Въ 10 часовъ Государыня Императрица съ Ея Высочествомъ изволили сѣсть за ужинный столъ и въ 12 часу оставить балъ, благоволивъ еще и неоднократно изъявить Высочайшее благоволеніе дворянству за вѣрноподданническое усердіе. На другой день 19 августа утромъ объявлена была радостная вѣсть, что Государыня Императрица, въ изъявленіе своего удовольствія, весь тотъ день изволила назначить пробыть въ Харьковѣ. Ея Величество изволила вторично посѣтить институтъ и потомъ обозрѣвать городъ по главнымъ улицамъ, 20 же числа въ 8 часовъ утра вмѣстѣ съ Ея Высочествомъ предприняла путь въ Вознесенскъ. На обратномъ путешествіи изъ Вознесенска Государыня Императрица съ Ея Высочествомъ опять посѣтила Харьковъ и, прибывъ въ оный 7 октября въ 6 часовъ по полудни, благоволила назначить пробыть 8-е число въ Харьковѣ. Институтъ благородныхъ дѣвицъ удостоился вновь Высочайшаго обозрѣнія. Государыня Императрица изволила потомъ смотрѣть на возвращающіеся изъ Воснесенска уланскіе полки 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. 9 числа Государыня Императрица съ Ея Высочествомъ изволила

предпринять путь въ Москву. Въ первое Высочайшее Ея по-
сѣщеніе Харькова Всемилостивѣйшее пожаловано 8 т. руб.
для раздачи бѣднымъ въ губерніи.

Ея Высочество Государыня Великая Княгиня Елена Павловна, также на пути въ Вознесенскъ, изволила прибыть въ Харьковъ 21 августа. На другой день, 22 августа, въ празднованіе коронованія Ихъ Величествъ, Ея Высочество соизволила посѣтить благородное собраніе. Его Высочество Государь Наслѣдникъ, въ это самое время проѣзжая въ Вознесенскъ, прибылъ въ собраніе для свиданія съ Ея Высочествомъ и высокіе посѣтители удостоили собраніе принятіемъ участія въ танцахъ. 24 августа Ея Высочество изволила отбыть изъ Харькова, и на обратномъ пути, прибывъ 13 октября, 14 числа изволила предпринять путь въ имѣніе помѣщика камергера графа Александра Ивановича Генрикова, у коего пробывъ 15 число, 16 изволила продолжать путь въ Москву.

Его Высочество Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ и Великій Князь Александръ Николаевичъ, кромѣ проѣзда своего чрезъ Харьковъ съ 22 на 23 число августа, при чемъ изволилъ объявить, что Государыня Императрица въ письмѣ своемъ благоволила поручить Его Высочеству чрезъ г. губернатора изъявить Высочайшее удовольствіе дворянству за вѣрноподданническое усердіе, оказанное онымъ въ приемѣ Ея Величества, на обратномъ пути изъ Вознесенска, изволилъ прибыть въ Харьковъ 11 октября въ 7 часовъ вечера. На другой день Его Высочество, удостоивъ принять Преосвященнаго, военныхъ, гражданскихъ и университетскихъ чиновниковъ, предводителей съ дворянствомъ, изволилъ осматривать выставку губернскихъ издѣлій, тюремный замокъ, богоугодныя заведенія, университетъ и гимназію и посѣтить институтъ благородныхъ дѣвицъ. Вечеромъ въ 8 часовъ удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ, дворянствомъ приготовленный, и изволилъ принимать участіе въ общихъ танцахъ. На другой день Его Высочество, отѣхавъ въ г. Чугуевъ для обозрѣнія военнаго поселенія 1 резервнаго кавалерійскаго корпуса, къ вечеру того же дня изволилъ возвратиться, и на другой день 14 октября предпринять изъ Харькова дальнѣйшій путь.

Во время существованія въ сей губерніи козачей службы, полки неимѣли своихъ гербовъ; но гербъ командующаго пол-

ковника былъ и полковой. При образованіи же въ 1765 году Слободско-Украинской губерніи прожектированъ былъ для губерніи гербъ: «на тучной пажити конь, легкихъ, красивыхъ статей, свободно гуляющій». При учрежденіи же Харьковского намѣстничества Высочайше утверждёнъ собственно для Харькова и намѣстничества гербъ: «въ зеленомъ полѣ рогъ изобилія и крестообразно съ нимъ кадуцей или меркуріевъ жезлъ», означающіе изобиліе и торговлю, отличающія сей городъ и его губернію.

Харьковскій уѣздъ граничитъ съ уѣздами: Волчанскимъ, Зміевскимъ, Валковскимъ, Богодуховскимъ и Бѣлогородскимъ, послѣдній Курской губерніи. Изъ рѣчекъ, протекающихъ въ немъ, главнѣйшія суть: Харьковъ, Лопань и Уды. Всѣ онѣ вершины свои имѣютъ Курской губерніи въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ. Первые двѣ соединяясь (Лопань принимаетъ въ себя Харьковъ) въ самомъ городѣ, впадаютъ ниже онаго въ шести верстахъ въ рѣку Уды. Сверхъ сего протекаетъ чрезъ сей уѣздъ рѣчка Можь, выходящая изъ Валковского уѣзда и впадающая при городѣ Зміевѣ въ рѣку Донецъ.

Въ Харьковскомъ уѣздѣ находится заштатный городъ Золочевъ, во время козачей службы бывшій сотеннымъ мѣстечкомъ; онъ былъ окружёнъ землянымъ валомъ со рвомъ и при учрежденіи намѣстничества наименованъ городомъ того уѣзда, состоящаго изъ слободъ, селъ, деревень, хуторовъ, всего 66, и жителей въ городѣ и уѣздѣ 39,493 души обоого пола. Гербъ Золочева былъ: двѣ дули въ зеленомъ полѣ.

Въ Харьковскомъ уѣздѣ есть два монастыря: мужской и женскій. Первый изъ нихъ основанъ въ началѣ поселенія Харькова и устроенъ отъ вкладовъ перваго полковника Донца и послѣдующихъ за нимъ, равно и отъ старшинъ Харьковского полка. Онъ именовался «Харьковскій Преображенскій» по главному храму, а въ народѣ назывался «Куряжскимъ» отъ рѣчки сего имени, при немъ протекающей. Первоначально онъ управляемъ былъ игуменами, а потомъ вскорѣ архимандритами. Когда же въ 1737 году мѣстнымъ епископомъ (Бѣлоградскимъ) приходская въ Харьковѣ Покровская церковь обращена въ монастырь, подъ наименованіемъ «Харьковскій училищный», то Преображенскій названъ «Старо-Харьковскимъ». Онъ имѣлъ значительныя недвижимыя имѣнія, и отъ

доходовъ, при помощи благотворителей, попеченіемъ архимандритовъ украшался тщательно. Церкви каменные, нынѣ существующія: теплая св. Георгія съ придѣломъ Казанской иконы и при ней трапеза на верху св. Петра и Павла, устроены вскорѣ послѣ основанія монастыря; при ней были келіи для архимандрита на зимнее время; Соборная или главная Преображенская, выстроена вмѣсто прежней деревянной архимандритомъ Варлаамомъ, погребеннымъ, по завѣщанію его, подъ главными входными дверьми; св. Онуфрія, внѣ монастыря, подъ горою, при источникахъ: прежде была деревянная и при ней нѣсколько келій, въ кои архимандритъ съ братією въ сыропустную недѣлю вечеромъ, по отгѣти, по древнему въ монастыряхъ существующему обряду, воскреснаго канона Пасхи, по всеобщемъ прощеніи, уединялся на великій постъ до Вербной Субботы, въ которую съ ваіями и обычнымъ пѣніемъ входилъ опять въ монастырь. По времени правило это отмѣнено, келіи разрушились, и вмѣсто деревянной выстроена каменная, вскорѣ обветшавшая; нынѣшняя же возведена уже по возобновленіи монастыря въ 1797 году. Въ Преображенской церкви иконостасъ съ украшеніями, нынѣ существующими, колокольня и ограда кругомъ всего монастыря устроены стараніемъ и иждивеніемъ послѣдняго въ томъ монастырѣ архимандрита Наркисса Квитки, сына Изюмскаго козачьяго полка полковника Ивана Григорьевича Квитки. Кромѣ того, его же стараніемъ и иждивеніемъ устроена была богатая ризница и священные сосуды, колокола и т. п. для благолѣпія и выгоды монастыря. При немъ монастырь сей по штатамъ уничтоженъ: сосуды и ризница поступили въ каѳедру Бѣлогородскаго архіерея, большой колоколь слишкомъ 200 пуд. въ Харьковскій Успенскій соборъ, а другіе въ прочія церкви. Монастырь сей по уничтоженіи пришолъ въ совершенное опустѣніе. Наконецъ въ 1796 году, стараніемъ бывшаго генераль-губернатора Харьковскаго и Воронежскаго, генераль-поручика Леванидова, дозволено устроить въ немъ монастырь заштатный на положеніи общежительномъ. Усердіемъ Харьковскихъ гражданъ обитель сія вскорѣ приведена была въ положеніе изрядное; затѣмъ Императоромъ Павломъ I пожалованы сему монастырю вмѣстѣ съ прочими мельницы, рыбныя ловли и положенное число десятинъ земли. Въ 1836 году онъ возведенъ по штату во второклассный, и архимандритъ его есть ректоръ Харьковскаго

Духовнаго Коллегіума. Монастырь сей изобилуетъ во множествѣ источниками самой лучшей воды. Главный ключъ находится подъ св. престоломъ церкви Онуфрія преподобнаго, отсюда наполняетъ колодезь, устроенный подъ амвономъ той же церкви, а изъ онаго трубами выходитъ внѣ церкви и наполняетъ двѣ устроенныя обширныя купальни. По вѣрѣ къ чудодѣйствующей здѣсь иконѣ Божіей Матери (писанной на холстѣ, на коемъ замѣтить можно стигбы, почему и полагать должно, что образъ сей первыми поселенцами здѣшнихъ мѣстъ принесенъ отъ мѣста прежняго ихъ жительства), именуемой «Озерянскою», число богомольцевъ чрезъ все лѣто бываетъ многочисленное. Образъ сей пребывалъ прежде въ особоустроенной пустынѣ, верстахъ въ 30 отъ Харькова, подвластной съ братією Харьковскому училищному монастырю, а по уничтоженіи перенесенъ въ Харьковъ; но со времени возобновленія Старохарьковского монастыря въ 1796 году пребываетъ въ немъ понынѣ.

Второй монастырь, женскій Хорошевскій, основанъ также въ первые годы поселенія Слободскихъ полковъ. Первоначальныя и послѣдующія игуменіи были большею частію изъ первыхъ здѣшнихъ фамилій: Харьковскаго полковника Григорія Семеновича Квитки дочери Марія и Теофана, помѣщика Дунина дочь Елисавета; равно и монахини изъ фамилій Ковалевскихъ, Сошальскихъ и другихъ именитыхъ и достаточныхъ домовъ. Онѣ, вступая въ монастырь, приносили съ собою значительныя вклады, чрезъ что монастырь кромѣ бывшихъ у него недвижимыхъ имѣній, устроенъ благолѣпно. При учрежденіи штатовъ онъ остался и до нынѣ существуетъ во второмъ классѣ. Онъ достоинъ примѣчанія по своему мѣстоположенію на высокой горѣ, у подошвы которой рѣка Уды съ лѣсами на правомъ и равнинами на лѣвомъ берегу представляетъ пріятную картину. Монашествующія въ сей обители упражняются въ вышиваніи церковныхъ украшеній, плащаницъ, священническихъ облаченій и т. п. Работы ихъ въ семь родѣ шелками и золотомъ превосходны.

Остается сказать нѣсколько словъ о наименованіи города Харькова, о коемъ осталось преданіе, будто онъ названъ такъ отъ первопоселившагося здѣсь козака «Харька», храбраго, сильнаго, могучаго, который, одинъ, ужъ вѣрно по тысячѣ убивалъ нападавшихъ на него татаръ и чуть ли не ежедневно.

Въ мѣстѣ дикомъ, пустомъ и опасномъ отъ нападеній тогда хищныхъ татаръ немогъ поселиться одинъ Харько, Кузьма, Иванъ, или кто бы ни былъ и какъ бы ни былъ силенъ и могучъ, и хотя бы и съ большимъ, но съ однимъ своимъ семействомъ; а безъ всякаго сомнѣнiя пришли сюда нѣсколько семействъ, вдругъ, и поселясь тогда же укрѣпились отъ набѣговъ хозяйничавшихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ татаръ, и тутъ же дали наименованiе своему укрѣпленiю, «городу» по тогдашнему; и *можетъ быть*, назвали его по рѣчкѣ, отъ которой недалеко, *какъ извѣстно* и какъ сказано прежде, первоначально они поселились. Рѣчка сія вытекала, по тогдашнему выраженiю, изъ Россiи, изъ Бѣлогородской провинціи, и наименованiе ея есть чисто русское, несвойственное малороссiйскому нарѣчiю. Но если бы Харьковъ получилъ свое названiе отъ перваго поселенца «Харька», въ такомъ случаѣ онъ, бывъ прежде деревнею, по свойству языка именовался бы «Харькивка», какъ и другія близлежащія: Ивановка, Григоровка, Основка (послѣ Основа), или, если хуторъ, то «Харькiвъ хуторъ»; даже если бы, преобразясь изъ деревни въ городъ, названiемъ своимъ старался уподобиться русскому (для слобожанъ весьма нравившемуся, что доказывается принятiемъ нѣкоторыми изъ насъ фамилій съ русскими окончанiями), то и тогда оставался бы непремѣнно Харькóвъ — условіе, требуемое языкомъ въ отношенiи къ имени Харька. Къ тому же полковые города Сумы и Ахтырка также получили свои названiя отъ рѣчекъ, при коихъ поселились первые здѣшніе жители.

XII.

ИСТОРИЯ ТЕАТРА ВЪ ХАРЬКОВѢ.

ИСТОРИЯ ТЕАТРА ВЪ ХАРЬКОВѢ*).

Видя, съ свойственнымъ каждому жителю Харькова удовольствіемъ, отстроивающійся у насъ обширный и красивый театръ, подумаль я, что свѣдѣнія объ учрежденіи въ разныя времена здѣсь театра будутъ сколько-нибудь занимательны; почему и рѣшился написать о немъ все, что знаю по наслышкѣ, что видѣлъ подростая и что узналъ по опыту, живши всегда въ Харьковѣ.

Съ открытія намѣстничества въ 1780 году, когда въ Харьковѣ изъ переселившихся по службѣ дворянъ и изъ разныхъ мѣстъ прибывшихъ чиновниковъ для занятія по новому учрежденію должностей составилось общество, между прочими заведеніями для веселости и разсѣянія, устроенъ былъ и театръ.

Кто были актеры, изъ какого званія, какія піесы были даваемы, къ свѣдѣнію моему недошло, а слышалъ, что давались и балеты, устроенные «отставнымъ С.-Петербургскаго театра *дансеромъ* Иваницкимъ». Полагаю, что эти *балеты* были просто дивертисменты; но слышалъ, что труппа состояла изъ двадцати лицъ, все изъ Харьковцевъ. Конечно, были между ними и женщины, потому что вспоминаясь объ этомъ веселомъ для Харькова времени, съ восхищеніемъ рассказывали объ одной изъ танцовщицъ «*маляривнѣ*» (дочери маляра), плѣнявшей всѣхъ посѣтителей ловкостію и легкостію въ танцахъ, а еще болѣе привлекательной наружностію. Гдѣ, въ какомъ домѣ и какъ устроена была сцена, незнаю, какъ равно зачѣмъ, когда и почему все это разстроилось: все это было не на моей памяти. Подростая и бывая иногда въ обществѣ, слышалъ отъ всѣхъ сожалѣніе, что нѣтъ у насъ театра.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ чиновниковъ придумывали, какъ бы пособить горю, приступали, устраивали по временамъ спектакли, но все это послѣ перваго представленія и разру-

*) Литературная газета 1841, № 114—5.

шалось. Небыло мѣста, гдѣ бы можно было хотя кое-какъ устроить сцену и собрать актеровъ, сколько нибудь понимающихъ дѣло.

Въ 1789 году назначенъ былъ въ Харьковѣ губернаторомъ, или, какъ тогда называли, правителемъ губерніи, бригадиръ Ѳеодоръ Ивановичъ Кишенскій, до того служившій въ штатѣ свѣтлѣйшаго Потемкина, генераль-губернатора Харьковскаго. Съ прїѣздомъ новаго начальника, у насъ все одушевилось. Предсѣдатели, совѣтники, прокуроры, стряпчие разныхъ присутственныхъ мѣстъ, большая часть которыхъ нынѣ уже забыты и по названіямъ, съ своими семействами составляли многолюдное общество. Супруга и двѣ дочери губернатора поддерживали въ немъ единодушіе: съ каждымъ были ласковы, ко всѣмъ привѣтливы; обращеніе искреннее, русское, безъ гордости, безъ чванства; всѣ любили ихъ, безпрестанно посѣщали, или угощали у себя. Начались въ Харьковѣ балы, маскарады, благородныя собранія, называющіяся тогда «клубами». Къ умноженію увеселенія, губернаторъ предложилъ основать театръ. Всѣ приступили съ усердіемъ и тутъ же для первоначальнаго заведенія внесена значительная сумма, именно сто рублей!... и этой суммы весьма достаточно было... и не прошло мѣсяцъ, какъ театръ, огромный для Харькова, съ ложами и другими принадлежностями былъ открытъ...

Вотъ какъ это было.

По случаю проѣзда Государыни Императрицы Екатерины II въ 1789 году чрезъ Харьковъ, къ такъ называвшемуся, съ открытія намѣстничества «дворцу», гдѣ теперь помѣщается правленіе университета и квартира попечителя, пристроена была, внутри двора, временная, изъ досокъ, но обширная зала, кругомъ съ хорами въ два яруса, внутри расписанная. Въ этомъ залѣ, дворянство, намѣстничество и чиновники удостоены были счастья быть на балѣ, для нихъ Ея Величествомъ данномъ. Послѣ того зала небыла ничѣмъ занимаема.

Въ ней-то устроили театръ. Немного потребовалось, чтобы въ готовомъ залѣ поставить сцену, на ней кулисы и расписать ихъ. Мастеровые взяты были изъ губернской роты, приказано имъ и они все сработали: все это смастерилъ губернский механикъ Лука Семеновичъ Захаржевскій.

Онъ расписалъ двѣ декорациі: комнату и лѣсъ, и на мѣста поставилъ, занавѣсъ умудрился такъ устроить, что онъ поднимался и даже свободно опускался: надъ площадками прехитро придумалъ навѣсить доску, которая дѣлала на сценѣ, въ случаѣ надобности ночь. Едва ли кто изъ Харьковцевъ помнить его; онъ имѣлъ много природныхъ способностей. Онъ готовъ былъ съ услугами каждому: черепаховое ли колечко выточить, заготовить ли фейерверкъ къ семейному празднику, починить ли вѣеръ, устроить китайскія тѣни, онъ на все мастакъ! Онъ даже сдѣлалъ лодку какъ-то на колесахъ и ѣздилъ въ ней по нашимъ рѣчкамъ. При открытіи намѣстничества его наименовали губернскимъ механикомъ. Сей-то великій искусникъ на маленькія дѣла устроилъ театральную сцену, по тогдашнему времени довольно порядочную. Затѣвалъ сдѣлать машину, чтобы по свистку перемѣнялись декорациі, но сколько ни мудрилъ, сколько ни дѣлалъ приступовъ къ тому, недоказалъ своего искусства и отложилъ затѣю въ сторону.

Сцена готова. Между тѣмъ и репертуарная часть устроилась быстро. По убѣжденію губернатора, молодые люди служившіе въ канцеляріяхъ, въ чертежной, неокончившіе еще курса наукъ въ тогдашнихъ училищахъ, объявили желаніе играть на театрѣ безъ всякаго вознагражденія, а единственно для удовольствія публики. А какъ ненашлось охотницъ вступить въ актрисы, то изъ нихъ же способные занимали женскія роли. «Боже меня сохрани быть актершею!» говорила каждая дама, которой по обстоятельствамъ и предполагаемой способности предлагали вступить на театръ. «Съ нуждою буду зарабатывать кусокъ хлѣба, а на безславіе не пойду».

И вотъ театръ готовъ къ открытію. Двѣнадцать ложъ были абонированы первыми чиновниками, по 50 руб. на цѣлый годъ. Въ каждой ложѣ могло свободно помѣститься до двадцати особъ. Цѣна установлена за входъ: кресла 1 рубль (годовое 25 руб.), партеръ 60 копѣекъ, галлерія 25 копѣекъ мѣдью.

Тогда существовало училище подъ непосредственнымъ распоряженіемъ губернатора, неимѣвшее другого наименованія, какъ только *классы* (при образованіи училищъ, оно переименовано въ гимназію безъ всякой прибавки въ предметахъ). При классахъ изъ воспитанниковъ былъ полный оркестръ

музыки и хоръ пѣвчихъ, все подъ управленіемъ знающаго дѣло учителя Максима Прохоровича Концевича. Духовные концерты и другія піесы, имъ сочиненныя, славились въ свое время и далѣе Харькова. Во время проѣзда Екатерины II онъ на сказанномъ придворномъ балѣ, дирижировалъ оркестромъ и удостоился получить богатый перстень. Онъ же сочинилъ музыку на стихи, пѣтые при входѣ Ея Величества во дворецъ. Стихи сочинены были въ Харьковѣ. Помню только начало:

«Гремящу арфу взявъ въ десницу,
Сниди съ Олимпа, Аполлонъ,
Играй, встрѣчай Императрицу,
Грядущую во Геликонъ».

Классическій оркестръ, по приказанію губернатора, обязанъ былъ играть въ каждомъ представленіи безмездно.

Дни представленія были вторникъ и пятница, если неслучался въ тотъ день праздникъ. Въ праздничные и воскресные дни представленія закрывались. Зимой и лѣтомъ представленія начинались неотложно въ шесть часовъ вечера. Директоромъ театра былъ избранъ одинъ изъ чиновниковъ только на одинъ годъ. Типографіи небыло и писанная афиша, прибитая къ фонарному столбу у воротъ дворца, извѣщала любопытствующихъ, какая піеса въ тотъ день будетъ представлена.

Въ продолженіе Успенской ярмарки театръ открытъ комедіею Княжнина: «Безъ обѣду домой ѣду». Зрители наполнили весь обширный театръ и рукоплесканіямъ небыло конца. Кромѣ абонента, первый спектакль принесъ 120 рублей. Собранная сумма съ небольшимъ остаткомъ отъ первовзнесенныхъ ста рублей, и поступившая за абонементъ, составила театральнй капиталъ, и любители этого увеселенія съ удовольствіемъ замѣтили, что театръ въ Харьковѣ уже могъ существовать самъ по себѣ. Вслѣдъ затѣмъ пошли представленія постоянно.

Въ первые дни послѣ открытія театра явился къ директору «настоящій актеръ». Неразспрашивали, кто онъ и откуда, довольно что актеръ, вызвавшійся поставить нѣсколько превосходныхъ комедій и даже оперъ. Его приняли съ радостію, не забывая знать о немъ ничего болѣе, какъ то, что онъ «Дмитрій Москвичовъ». Для перваго дебюта его приготовлена

была пѣса: «Князь трубочистъ, трубочистъ князь», за неимѣніемъ партитуры, передѣланная въ комедію.

Началось представленіе. Москвичовъ, въ видѣ трубочиста, выпадаетъ изъ камина на сцену, упалъ, приподнялся... и остолбенѣлъ!... Неможесть выговорить слова... готовъ бѣжать со сцены... отъ чего-же? Проѣзжавшій губернаторъ Орловскаго намѣстничества былъ приглашонъ въ театръ и сидѣлъ въ первомъ ряду кресель. Актеръ Москвичовъ былъ въ Орловской губернской ротѣ сержантомъ и въ нѣкоторые именитые дни, составя изъ любителей какую-либо пѣску, потѣпалъ тамошнюю публику. Поэтому губернаторъ зналъ его лично, а Москвичовъ и еще болѣе зналъ губернатора. Услышавъ, что въ Харьковѣ устраивается театръ, и почувствовавъ въ себѣ призваніе, Москвичовъ тайно оставилъ знамена Орловскаго губернскаго Марса и предложилъ услуги свои Харьковской Таліи. И такъ, замѣтивъ своего губернатора, онъ постигнувъ слѣдствія за самовольную переѣмну службы, потерялся совсѣмъ и едва неубѣжалъ со сцены; но начальникъ его, сжался надъ нимъ и чтобы нелишить публики удовольствія, закричалъ ему: «Неробѣй, Дмитрій, неробѣй!... Продолжай, небойся ничего». И Дмитрій оправился и кончилъ пѣсу къ всеобщему удовольствію.

Въ тотъ же вечеръ оба губернатора кончили на бумагахъ, что сержантъ Дмитрій Москвичовъ переведенъ изъ Орловской губернской роты въ таковую же Харьковскую.

Москвичовъ ожилъ и приступилъ къ поставкѣ уже настоящей оперы: «Мельникъ». Актеры пѣли по слуху, т. е. за скрипкою дирижера, а для Анюты былъ выбранъ мальчикъ изъ классной пѣвческой. Механикъ устроилъ мельницу съ вертящимся колесомъ, лошадь съ движущимися ногами; было чего посмотреть! Но когда, въ продолженіе представленія, изъ за зеленой горы выдвинуть былъ большой красный шаръ и дѣйствующіе сказали, что «это мѣсяць взошолъ», тутъ рукоплесканія потрясли воздухъ!...

Вотъ какія вольности терпимы были на сценѣ! Москвичовъ, представляя мельника, а въ этой роли онъ точно былъ отличенъ, запѣлъ:

«Я вамъ, дѣтушки, помога
У Сабурова денегъ многа».

(Сабуровъ былъ одинъ изъ первыхъ чиновниковъ, славился богатствомъ). Рукоплесканія раздались... Сабуровъ захохоталъ... и болѣе ничего.

Москвичовъ, чтобы поправить свою неудачу, въ другой разъ заплѣлъ:

«Я вамъ, дѣтушки, помога
У Карпова денегъ много».

Карповъ (богатый купецъ) *покраснѣлъ*, утерся... и болѣе ничего. Рукоплесканія подтверждали, что актеръ плѣлъ правду.

Москвичеву надо было добиться до своего и онъ заплѣлъ.

«Я вамъ, дѣтушки, помога
У Манухина денегъ много».

(Манухинъ, купецъ, если не богатый, то тороватый).

Вслѣдъ за этой остротой, полетѣлъ на сцену кошелекъ съ рублевиками, и мельникъ, поднявъ его, манерно выступилъ, сдѣлалъ три поклона съ должнымъ шарканьемъ ногъ... и ободренный, успѣхомъ снова вступилъ въ роль.

Никто невинилъ актера, всѣ смѣялись находчивости его... Часто бывали и потомъ подобныя сцены и такъ же проходили безъ взысканія... но до времени...

Представленія продолжались постоянно. Комедіи даваемы были большею частію Сумарокова; «Вадорщица» славилась за остроты. Гардеробъ былъ изъ стамеда и мишуры. Костюмъ «Скупого» былъ какъ то «необыкновенно куріозный». Комедія Веревкина «Такъ и должно» дана съ приготовленіями; къ «Недорослю» же приступили съ большимъ обдумываніемъ и соображеніями. Едва ли не цѣлый мѣсяцъ продолжались репетиціи. Изъ оперъ были: «Мельникъ», нѣсколькими представленіями сряду умножившій значительно театральную кассу. Потомъ «Два охотника» и «Говорящая картина». Оперы же «Добрые солдаты» и «Сбитенщикъ», какъ требовавшія большихъ приготовленій и декорацій, поставлены на другой годъ существованія театра. Когда дѣлалъ выписной живописецъ декорацию улицы, то знатоки стѣзжались въ свободные отъ представленія вечера въ театръ, освѣщали его, судили картину, дѣлали свои замѣчанія, требовали поправокъ и наконецъ одобрили.

Приготовление новой пьесы, хотя бы и не оперы, а обыкновенной комедіи, было извѣстно заблаговременно и ее давали

въ обреченные дни; въ прочее же время продовольствовались прежними, уже наизусть всѣмъ намъ извѣстными.

Проходило время, а все еще небыло ни одной актрисы на нашемъ театрѣ, какъ вотъ актеръ Москвичовъ женился на дочери одного изъ цыганъ, постоянно живущихъ въ Харьковѣ.

Лизавета Гавриловна была хорошенькая, молода, ловка, нравилась видѣвшимъ ее. Скоро послѣ женитьбы Москвичова, объявлено было, что жена его, будетъ играть «Анюту» въ оперѣ «Мельникъ...» Нѣсколько дней передъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ только и рѣчи было, что наконецъ явится на сценѣ, «настоящая актриса» т. е. не мужчина въ женскомъ платьѣ, а именно женщина. А кто знавалъ «Лизку», тотъ предугадывалъ, чего должно ожидать отъ появленія ея на сценѣ. Въ вечеръ представленія театръ ломился отъ множества зрителей... Но вышла «Анюта...» О Аполлонъ!!! Чего тутъ небыло! Единственная женщина на сценѣ, и женщина молодая, съ черными, живыми глазами, ловко играющая, очень мило, прелестно поющая, быстрымъ взоромъ озирающая сидящихъ въ креслахъ... все было въ изступленіи. Рукоплесканія, фора неумолкали, кошельки съ червонцами и рублевиками летѣли на сцену, то справа, то слѣва... тогда еще небыли извѣстны вызовы, такъ много лстящіе нынѣшнимъ актерамъ и актрисамъ...

Оперный репертуаръ умножился. Тутъ-то явились оперы: «Добрые солдаты», «Сбитенщикъ», «Несчастіе отъ кареты», «Скупой», «Резана и Любимъ», «Любовная ссора», «Аркасъ и Ириса» и проч. Во всѣхъ операхъ и всегда отличалась «Лизка». Понабралось и актеровъ и актрисъ, «кто съ борка, кто съ сосенки». Представленія пошли чаще. Приѣзжавшіе изъ столицы увѣряли, что и тамъ въ праздничные и воскресные дни даютъ представленія. Вотъ и у насъ начались въ эти дни.

И какъ все было хорошо въ это безъ-этикетное, искреннее, патриархальное время! Каждое воскресенье, каждый праздникъ, торжественный день, а тогда всѣ торжества были табельныя, утромъ, всѣ служащіе чиновники, всѣ почему либо прибывшіе въ городъ дворяне съѣзжаются къ губернатору. Съ нимъ отправляются въ соборъ. Оттуда опять къ губернатору, и, какъ небыло тогда приглашеній къ обѣду, а каждый почиталъ должною вѣжливостію приѣхать на обѣдъ къ начальнику,

то почти всё оставались у него обѣдать. Въ высокаторже-
ственные дни этикетный обѣдъ самъ по себѣ. Въ прочіе
праздничные дни, обѣдъ начинался въ часъ. На столѣ сер-
визъ серебряный, массивный съ гербами, царскимъ и на-
мѣстническими. Такой сервизъ выданъ былъ отъ казны ка-
ждому губернатору при открытіи намѣстничества. При столѣ
всегда играетъ музыка, поютъ пѣвчіе; въ каждое торжество,
при открытіи заздравнаго кубка, пальба изъ городскихъ пу-
шекъ отъ 21 даже до 101 выстрѣла, смотря по предмету
торжества.

Послѣ обѣда рѣдко кто уѣзжалъ. Вмѣстѣ всѣмъ такъ
пріятно было. Ласковость хозяекъ, привѣтливость ровная ко
всѣмъ, свобода.... что этого лучше?... Губернаторъ уходилъ
отдыхать и не возвращался; а приходилъ радушный, занимаю-
щій всѣхъ хозяинъ. Дамы и дѣвицы въ своихъ кругахъ; около
нихъ увиваются любезники съ распудренными тупеями, длин-
ными въ пучокъ связанными косами, въ полосатыхъ фракахъ,
вышитыхъ желетахъ, въ чулкахъ, башмакахъ съ огромными
пряжками или въ сапогахъ со скрипомъ, съ большими отво-
ротами и длинными ушами изъ бѣлой кожи; въ петлицѣ
фрака букетъ цвѣтовъ. Посеріознѣе ихъ мужчины, особыми
группами расположась, трактуютъ гдѣ о дѣлѣ, гдѣ о театрѣ,
объ охотѣ... Хозяинъ, какъ бы въ своемъ семействѣ, при-
нимаетъ участіе въ разговорахъ, сужденіяхъ, возражаетъ и сни-
сходительно выслушиваетъ противорѣчія... Рѣдко, рѣдко, и то
для почетныхъ старичковъ, разложить одинъ карточный столъ
въ рокамболь, ломберъ.

Но вотъ пять часовъ. Глядимъ въ окна... стройно мар-
шируетъ взводъ «классныхъ кадетъ», въ красивыхъ мундир-
чикахъ съ легкою аммуниціею. (Ихъ была рота на семь по-
ложеніи, какъ въ корпусахъ кадетскихъ. Лѣтомъ, выходили
они за-городъ, дѣлали укрѣпленія, штурмовали; у нихъ были
свои пушки). Взводъ этотъ ведетъ офицеръ изъ нихъ же и
часто моложе ихъ лѣтами, но за успѣхи въ наукахъ удостоен-
ный отъ начальства повелѣвать товарищами. Придя къ театру,
офицеръ разставляетъ по два кадета съ ружьями у каждаго
входа и особаго для отбирания билетовъ. Отъ пяти часовъ,
сѣзжаются къ губернатору прочіе чиновники и дворяне съ
семействами; тутъ же являются проѣзжающіе чрезъ Харьковъ
изъ столицъ или другихъ намѣстничествъ, знакомятся съ гу-

бернаторомъ, съ чиновниками, говорятъ о разныхъ предметахъ. новостяхъ.... какъ вотъ шесть часовъ. Директоръ театра докладываетъ, что время ити въ театръ. По покойно устроенной лѣстницѣ всѣ сходятъ и идутъ по своимъ мѣстамъ. Съ появленіемъ губернатора въ его ложѣ, оркестръ загремитъ симфонію, непосредственно за нею начинается представленіе.

Послѣ спектакля всѣ опять къ губернатору. Тутъ музыка, пѣвчіе; начинаются танцы для молодыхъ, продолжаются бесѣды солидныхъ, а картъ все невидно; къ 12-ти часамъ легкой ужинъ, и всѣ по домамъ. И такихъ дней два, три въ недѣлю!...

Въ высокаторжественные дни, обѣдъ и балъ у губернатора по билетамъ. Въ театръ свободный для всѣхъ входъ. Изъ высшаго общества небывало тамъ никого. Послѣ театра фейерверкъ.

Именины губернатора праздновались отлично. Всѣ присутственныя мѣста, по случаю тезоименитства его превосходительства и проч. и проч., закрывались. Всеобщій сѣздъ у губернатора съ поздравленіями. Являлись начальства «классовъ и коллегіума» съ отборными учениками. Они тезоименитому говорили на всѣхъ преподаваемыхъ въ училищахъ языкахъ поздравительныя рѣчи, стихи, *діалогы*. Губернская типографія подносила стихи, напечатанные на розовомъ атласѣ.

Послѣ полного титула, именованія чина, должности, орденовъ, имени, отчества, причины праздника, начинались они такъ:

«Для совершенія предметовъ благостройныхъ
Даютъ Цари градамъ правителей достойныхъ».

или

«Градъ Харьковъ! распрости внимательнѣе очи,
Пройди чрезъ цѣлый годъ, пройди всѣ дни, всѣ ночи,
Монаршихъ милостей познай число и вѣсь.
Начальникъ данъ тебѣ....» (болѣе непомню).

Въ такіе дни въ театръ былъ входъ такъ же свободный. Медвѣдь, въ оперѣ «Два охотника», всегда даваемой въ эти дни, потѣшала ликующую публику.

Молва о Харьковскомъ театрѣ шла далеко. Порядокъ, устройство были отличные, доходы очень хороши, и какъ издержки были весьма неважны, то и капиталъ театра значительно умножился. Нѣ для чего было издерживать денегъ — піесы тогдашняго времени были незатѣйливы, изъ дѣйствъ

щихъ на сценѣ были на жалованіи только два вольные актера и три актрисы. Первые лица изъ нихъ получали по 70 руб. ассигнаціями въ годъ, а прочія 50 и 30 рублей. Бенефисовъ небыло. Музыка и вся прислуга по театру была даровая, изъ присяжныхъ казенной палаты и сторожей другихъ судовъ. Гардеробъ шоль прежній съ небольшими поправками и добавками, изъ китайки, стамеди и мишуры, и то при новой піесѣ, которыя, какъ сказано, являлись рѣдко.

По распространившимся слухамъ, прибылъ въ Харьковъ отставной придворный актеръ Константиновъ и на предложеніе его принять театръ на собственное содержаніе публика согласилась. Къ имѣвшимся уже при театрѣ, носящимъ названіе актеровъ и актрисъ, онъ добавилъ еще привезенныхъ съ собою. Труппа была небольшая, шесть актеровъ и три актрисы только, но они были сгармонированы какъ нельзя лучше; сцену начали застилать сукномъ. Актеры выступали въ пышныхъ французскихъ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ, блестками, камешками; заблестали пуговицы, пряжки... что за роскошь! Декораціи не только поновлены, но написаны новыя: улицы съ огромными строеніями, которымъ и конца небыло видно; лѣсъ, точно живой, непроходимый лѣсъ; комната съ колоннами, карнизами и пышными зеркалами; другая поскромнѣе, но маленькая. И какъ изумлены были зрители, когда въ одной піесѣ, по содержанію, дѣйствующее лицо вдругъ провалилось подъ полъ, яко бы земля пожрала его!... Вотъ штука! Три дня занимала всѣхъ такая невидальщина!...

Піесы прежнія замѣнены были вновь вышедшими: «Тщеславный», «Счастливый волокита», «Честное слово», «Нанина» (Вольтера), «Менехмы или близнецы», «Братомъ проданная сестра», «Хвастунъ» и другими. Оперы игрались всѣ тогдашняго времени и, наконецъ, *нес plus ultra*, трагедія «Беверлей», послѣ которой Константиновъ, игравшій первую роль, бывалъ боленъ дня по три.

Примадонна «Лизка» получала уже 300 руб. и бенефисъ; прочіе отъ 250 до 75 руб. въ годъ; бенефисовъ имъ небыло. Абонементъ на мѣста возвышенъ: ложа 120 и 100 рублей, и все по-прежнему на годъ. Абонирующие должны были сами отдѣлывать ложи: разныхъ цвѣтовъ бархатъ, атласъ съ блестящими украшеніями дѣлали въ залѣ, хотя при сильно-тускломъ

освѣщеніи, отличный видъ. Для прочихъ мѣстъ цѣны были такъ же высокія: кресла 2 руб. 50 коп. (годовое 50 руб.); стулья за креслами 1 руб. 50 коп., партеръ 1 руб., галлерей 50 коп. Для абонеента положены были представленія по воскресеньямъ и четвергамъ. Въ прочіе дни, неисключая и субботы, въ случаѣ ярмарокъ и сѣзда дворянства, играли не въ счетъ абонеента, и тогда давались новыя или и изъ прежнихъ, отличныя піесы.

Несмотря на возвышеніе цѣнъ и на безпрестанное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же піесъ (особливо «Нанины» и «Честнаго слова» и нѣкоторыхъ оперъ), театръ, кромѣ лицъ, выходившихъ отъ губернатора, какъ сказано выше, наполнялся посѣтителями очень усердно. Зная каждую піесу наизусть, они повторяли слова за дѣйствующими и съ постояннымъ жаромъ рукоплескали при любимыхъ ими выраженіяхъ.

Константиновъ былъ принятъ въ обществѣ и отъ доходовъ театра, за удовлетвореніемъ уже значительныхъ расходовъ по немъ, жилъ очень изрядно. Небыло надобности съ труппою скитаться по другимъ городамъ и ярмаркамъ, зашибать копейку, какъ дѣлаютъ въ иныхъ мѣстахъ содержатели театровъ.

Государственный трауръ прекратилъ существованіе нашего театра.

Театральную залу по какимъ-то расчетамъ новое мѣстное начальство придумало сломать, декораціи, гардеробъ и все принадлежащее къ театру продано съ аукціона. Константиновъ и труппа его разѣхались въ разныя стороны. Чиновниковъ въ губернскомъ городѣ уменьшилось до одной трети; начальники губерніи смѣнялись часто; потребовалась дѣятельность по службѣ, занялись дѣломъ серьезно, нѣкогда было думать о разсѣянιάхъ.

Нескоро, и именно въ 1808 году, проѣзжающіе или вѣрнѣе, проходящіе чрезъ городъ нашъ два актера съ актрисою, ищущіе гдѣ-нибудь пріютить свои необыкновенные таланты и тѣмъ избавиться отъ голодной смерти, предложили свои услуги Харьковской публикѣ, единственно для пользы общей. Одинъ изъ служившихъ у насъ тогда чиновниковъ, зная общее желаніе и соглашаясь на просьбу общества, взялъ на себя заботы дать возможность странствующимъ артистамъ показать сцени-

ческія свои дарованія. Приискана зала; за невозможностію устроить вскорѣ сцену, поставлены столы; на нихъ укрѣпили ширмы въ видѣ кулисъ, прицѣпили занавѣсъ. Къ актерамъ ихъ офіцію прикомандировали любителей изъ приказныхъ служителей. Въ назначенный день съѣхался ареопагъ; занимающій мѣсто суфлера подлѣзь подъ столъ и усѣлся или, правильнѣе, улегся тамъ; зажгли сальныя свѣчи, три скрипки проиграли Моцартовъ квартетъ, суфлеръ подъ главнымъ столомъ застучалъ ногою и занавѣсъ взвился!... Стихи въ комедіи «Братомъ проданная сестра» полились быстро, бурно, бойко, громко, шумно... Четыре раза падающій занавѣсъ скрывалъ актеровъ отъ внимательныхъ слушателей и давалъ средство великимъ дѣйствителямъ послѣ сильныхъ напряженій отдохнуть и запасаться новыми порывами на слѣдующее дѣйствіе... Когда же и пятое дѣйствіе «отодрали лихо», занавѣсъ тихо опустился въ послѣдній разъ, ареопагъ при громкихъ рукоплесканіяхъ произнесъ свое рѣшеніе: «быть театру въ Харьковѣ!» И въ самомъ дѣлѣ, вся публика вообще приступила съ убѣжденіями къ тому же чиновнику и умолила его позаботиться устроить для нихъ театръ.

По всей справедливости должно сказать, что этому чиновнику мы обязаны за новое основаніе у насъ театра, послужившее къ продолженію его и до настоящаго времени. Тогда, на первый случай, смастерили балаганъ, устроили подмостки, повѣсили декораціи и поспѣшили начать представленіе. А между тѣмъ на площади, противъ дворянскаго дома, выстроены театръ, да какой! Правда, изъ досокъ, но кромѣ того, что сцена была обширная, глубокая, въ залѣ было 17 ложъ въ верхнемъ лучшемъ ярусѣ и 15 внизу; нѣсколько рядовъ кресель, партеръ, амфитеатръ и галлерей. Для большаго удобства были входы для каждаго отдѣленія зрителей. Декорація по тогдашнему времени и способамъ явилась приличная, выгодная и благовидная.

Всѣ логи и много кресель были немедленно абонированы и уже считъ шоль не на время, но на число представленій. Цѣны были немного дороже прежняго. «Севильскій цирюльникъ»; большая комедія Коцебу и другія маленькія комедіи, всѣ русскія оперы тогдашняго времени безпрестанно смѣнялись на нашей сценѣ. Чада Таліи, скитающіяся по Россіи, услышавъ о новомъ для нихъ пристанищѣ, явились изумлять

нась своими дарованіями. Довольно было и того, что было мѣсто, гдѣ собиралось все, и всѣ съ удовольствіемъ проводили время.

Видя готовность публики поддерживать театр, одинъ изъ актеровъ пустился на спекуляцію: взялъ все содержаніе театра на себя. Прекрасно. Кромѣ директора, по препорученію правительства, имѣвшаго обязанность наблюдать за пристойностію въ представленіяхъ, ненужно было заниматься никакими экономическими расчотами вообще по театру и частно съ актерами. Дѣло шло хорошо. Публика продолжала усердно посѣщать каждое представленіе; доходы театра множились... Но вотъ, содержатель, незаплативъ актерамъ за нѣсколько мѣсяцевъ слѣдуемаго имъ жалованья и другихъ своихъ значительныхъ долговъ, скрылся изъ города, необъявивъ прежде о томъ, но забывъ взять театральнѣй кассы и начавшаго составляться гардероба... Сиротствующіе любимцы музъ готовы были разсѣяться, но Апполонъ сжалился надъ ними и пожелалъ продлить удовольствіе наше. Явилась новая труппа, и съ остатками нашей составилось цѣлое. Публика взяла снова все на свое попеченіе. Начались представленія... Но что-же? Главныя лица были не русскіе, худо говорившія по-русски, съ чуднымъ акцентомъ, съ нестерпимымъ чванствомъ и самоувѣренностію. Графа, по нуждѣ барона, еще возьмутся сыграть; но простого дворянина низачто. «Гоноръ мой не позволяетъ играть тоже лицо, кеды я самъ... Бо я шляхтичь есмь». Такъ говорили они. Роли для нихъ должны были писать латинскими буквами. Жалованье потребовали и по теперешнему времени значительное. Примадонна и первый актеръ получали по 1200 руб. въ годъ и по бенефису для каждаго, въ лучшее время. Прочіе (а глядя на нихъ, и наши прежде двухсотные потянулись за 1000) — 800 и бенефисы на каждое лицо. И вотъ, на бенефисъ дается «Гамлетъ» перевода самаго актера!!! Чудесныя піесы того же переводчика, являлись часто: «Испытаніе огнемъ и также черезъ воду», «Междоусобная война у французовъ съ италіянцами», «Оба Фигаро (Les deux Figaro), «Страшная черная маска», «Ариадна, одна оставленная на островѣ Наксосѣ», «Мечь за злодѣяніе», — названія прочихъ ужасовъ непомню. Мало переводилось съ польскаго, а по объявленію переводчика, переводы были съ англійскаго, испанскаго и наконецъ, съ американскаго, потому,

что дѣйствіе было въ Соединенныхъ Штатахъ; явилась страшная пѣса и его сочиненія... да, непрогнѣвайтесь, такъ объявлено было. И это была трагедія «Біанка Капелла» изъ Мейснеровой повѣсти русскаго перевода, разбитая на дѣйствія. Страшно было смотрѣть, какъ эти короли, герцоги тиранствовали! На сцену выводилось десятка по два солдатъ, а предводители этихъ армій въ шляпахъ съ перьями, съ нашитыми въ разныхъ мѣстахъ какого-то платья буфами... И вотъ герой, геройственнѣйшій предъ соперникомъ, закричитъ, зареветъ, взмахнетъ мечомъ, раздастся сиповатый голосъ суфлера: «Падайте, падайте!» и противная армія чебурахъ вся напаваль. Публика, заплатившая мѣдныя деньги, рукоплещетъ изъ всѣхъ силъ, громче актера кричитъ: «фора! фора!». Мертвые встаютъ и герой, изумившій своею храбростію, снова размахиваетъ мечомъ и враги его падаютъ снова, якобы вторично побитые!

«Сдѣлайте милость, батюшка, прикажите комедіантамъ представить Гамлета. Мы его рѣдко выдаемъ». Такъ, разглаживая свою пушистую бороду, молилъ одинъ изъ первостатейныхъ управлявшаго тогда театромъ.

— Помилуйте! отвѣчалъ тотъ, «пѣса искажена въ переложеніи, и какъ ужасно сыграли они еще въ добавокъ!»

«Слова нѣтъ, батюшка, гадко, изъ рукъ вонъ. Сюжета мы непоняли. Но изволите видѣть: все пріятнѣе видѣть на сценѣ королей, герцоговъ и другихъ героевъ, чѣмъ простыхъ дворянъ, которыхъ мы ежедневно встрѣчаемъ».

Нерусскіе актеры сдѣлались нестерпимы. Примадонна неявится раньше въ театръ, какъ въ 8 часовъ, когда начало объявлено въ 7. За всѣми позывами ея на сцену, даже посланному за нею квартальному, преравнодушно отъчасть: «Нехъ почekaютъ; я еще чай бенде пиць». Актеры пренебрегали всякою негероическою ролею и выходили на сцену въ домашнемъ скюртукѣ. Ихъ отпустили.

Начали пробиваться кое-какъ пѣсами Коцебу и другими тогдашними. Однимъ изъ кандидатовъ университета сочинена была музыка на оперу «Чортовъ замокъ», и эта опера дана была во всей полности, къ изумленію зрителей, впервые увидившихъ превращенія, быстрыя перемѣны декорацій и все, тому подобное. Но далѣе и далѣе, это было въ 1811 году

театръ ослабѣвалъ. Наступало время думать не о театрѣ; въ началѣ 1812 года онъ прекратился совсѣмъ.

Въ 1813 году давались представленія, но только во время ярмарокъ, прїѣзжавшею на время труппою Калиновскаго, плохаго актера, содержателя себѣ на умѣ. Часто предъ началомъ представленій актеры, одѣвшись, нехотѣли выходить безъ полученія слѣдующаго за мѣсяцъ жалованья. Часа два публика ожидала, пока они между собою сторгуются. Начальство вмѣшивалось и выходили забавныя сцены. Приготовлена была опера: «Земира и Азоръ». Азоръ въ полномъ костюмѣ, обшитый мѣхомъ, перьями, съ чудовишной головою, требуетъ отъ содержателя жалованья; содержатель обѣщаетъ выдать послѣ спектакля, когда приметъ сборъ. Азоръ несоглашается; сверхъ своего уродливаго костюма накидываетъ шинель и идетъ на квартиру, ожидая, что деньги будутъ непременно присланы ему. Приказываютъ силою привести Азора. Его ведутъ по неволѣ. Народъ толпою преслѣдуетъ его, крича, что дикаго человѣка поймали, и проч. и проч.

За сборомъ наблюдаетъ полицейскій чиновникъ. По окончаніи спектакля, онъ раздѣляетъ кассу между актерами, но неможетъ удовлетворить всѣхъ претензій. Содержатель въ отчаяніи, ему нѣ на что купить румянъ для актрисъ.

Наѣзды этой труппы съ героическими пїесами причиняли начальству одни безпокойства, а публика кромѣ сценъ, подобныхъ описаннымъ выше, вовсе не заботилась о поддержаніи временныхъ бѣдныхъ героевъ, бѣдныхъ во всемъ и даже въ гардеробѣ. Какъ вотъ является г. Штейнъ, учитель танцованія. Изъ всѣхъ вольныхъ театровъ онъ приглашаетъ лучшихъ актеровъ, изъ Москвы, труппы Познякова, актрисъ и даетъ представленія отличныя. Выборъ пїесъ изъ новѣйшихъ, постановка съ большимъ стараніемъ, издержками, даже роскошью для провинціального театра предсказывали ему успѣхъ. А вскорѣ онъ выпрашиваетъ мальчиковъ и дѣвочекъ прямо изъ деревни и чрезъ мѣсяцъ, въ заключеніе спектакля, даетъ балеты своего сочиненія: «Принцесса Каррарская», «Пигмаліонъ», «Волшебная флейта»; былъ балетъ «Выстрѣленный вертопрахъ, или цыгане въ своихъ шатрахъ» и еще нѣсколько, по сюжету такихъ же; но танцы шли превосходно. Актеровъ и актрисъ съ ролями, кромѣ тѣхъ, что выходятъ на нѣсколько словъ,

было болѣе сорока; балетъ состоялъ изъ двадцати человекъ; оркестръ отличный, первый во всѣхъ здѣшнихъ губерніяхъ. Штейнъ недумалъ о своихъ выгодахъ, незаботился о составленіи капитала, но всѣ доходы отъ представленій и еще занимая къ тому, употреблялъ на улучшение труппы своей и на приличную постановку піесъ.

Штейнъ снова захотилъ публику къ театру и тогда-то, въ 1816 году, выстроилъ онъ теперешній театръ.

Со временемъ, въ труппѣ Штейна явился у насъ въ первый разъ прибывшій изъ Курска М. С. Щепкинъ. Не во гнѣвъ нѣкоторымъ сказать, его никто не наставлялъ и не училъ: таланта подобнаго Щепкину нельзя произвести, онъ самъ рождается и часто бываетъ неизвѣстенъ своему хозяину до времени. Мы всѣ, невидавшіе далѣе провинціальныхъ театровъ, въ Щепкинѣ начали понимать, что есть и каковъ долженъ быть актеръ... такъ намъ-ли было учить его.

Кстати раскажу анекдотъ о Щепкинѣ, слышанный мною отъ князя Н. Г. Репнина. Труппу Штейна взялъ князь изъ Харькова къ себѣ въ Полтаву подъ свое покровительство и распоряженіе. Тогда въ Полтавѣ узнали Щепкина. Князь ѣздилъ въ Москву; Щепкинъ какъ артистъ, всегда желавшій учиться (безъ сомнѣнія онъ и теперь еще учится по прежнему у самого себя), просилъ взять его съ собою, чтобы видѣть первыхъ артистовъ въ Москвѣ и заняться отъ нихъ къ своему усовершенствованію. По пріѣздѣ въ Москву, Щепкинъ былъ въ театрѣ и на другой же день, просилъ князя отпустить его обратно въ Полтаву, чтобы непроживать; онъ де моль уже видѣлъ все...

Доходы въ Полтавѣ и добавляемая сумма собственно отъ князя Репнина немогла удовлетворить всѣмъ требованіямъ по театру. Какъ ни желалъ князь имѣть театръ постоянно при себѣ, но небыло возможности. На полную труппу съ балетомъ, требовались десятки тысячъ, гардеробъ былъ истинно богатый: гдѣ нужно было, тамъ точно являлось золото, бархатъ, шолкъ; музыка по достоинству своему требовала нѣсколько тысячъ.

Для умноженія способовъ, театръ переѣзжалъ въ Харьковъ на Крещенскую и Успенскую ярмарки. Щепкинъ, репертуаръ изъ первыхъ отличныхъ комедій и оперъ, едва только появлявшихся на сценѣ въ столицѣ, порядокъ, устройство: все

это привлекало въ театрѣ и въ 15 спектаклей получалось 15 и болѣе тысячъ.

Но и за всѣмъ тѣмъ, небыло возможности удовлетворить всѣмъ потребностямъ.

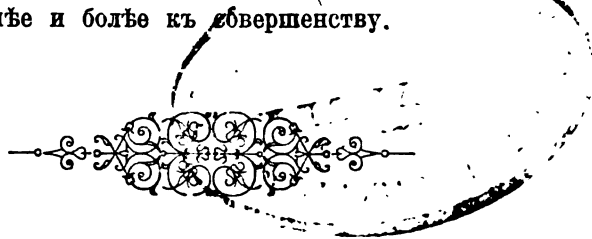
Штейнъ снова принялъ всю эту огромную массу на свое содержаніе. Въ Харьковѣ пріѣзжалъ онъ съ труппою къ Успенской ярмаркѣ и потомъ, если публика поддерживала его абонировкою, онъ оставался до Великаго поста.

Кажется, Штейнъ театромъ неустроилъ своего состоянія и едва ли за свою ревность угождать публикѣ всѣхъ здѣшнихъ губерній не оставилъ по смерти долговъ.

Труппа г. Млотковскаго, управленіе ея, заботливость доставлять публикѣ удовольствіе видны и извѣстны всему множеству посѣтителей театра; дѣло говоритъ само за себя. Вотъ доказательство, что старательность его оцѣнивается самимъ начальствомъ: дозволено выстроить въ Харьковѣ каменный театръ навсегда. Конечно, ходатайствовавшее о томъ начальство имѣло въ виду болѣе всего удовольствіе публики; но при неосновательномъ содержателѣ едва ли бы приступило къ устройенію театра и незаботилось бы столько о поддержаніи его по всѣмъ частямъ.

Просимъ же посѣщать и новый, обширный, прекрасный, во всѣхъ отношеніяхъ достойный Харькова театрѣ и тѣмъ показать попечительному даже объ удовольствіяхъ нашихъ начальству, что мы съ благодарностью принимаемъ это распоряженіе.

Посѣщая часто театрѣ, будемъ благодарны и г. Млотковскому за доставляемое стараніемъ его намъ не только удовольствіе, но иногда, при способахъ, совершенное наслажденіе. При постоянной поддержкѣ, зная усердіе и заботливость г. Млотковскаго, мы смѣло увѣрены, что театрѣ нашъ годъ отъ году будетъ ити болѣе и болѣе къ совершенству.

Stanford University Libraries

3 6105 022 620 897

P
39
K8
18
V.

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
grncirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

OCT 10 2004
SEP 23 2004

